Не померкнет никогда

Николай Иванович Крылов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В настоящем издании объединены воспоминания Маршала Советского Союза Н. И. Крылова о героической обороне Одессы и Севастополя, выходившие в свое время отдельными книгами. Николай Иванович Крылов был одним из руководителей обороны этих городов, начальником штаба Приморской армии, сражавшейся за них вместе о военными моряками. Последовательно рассказывая о развитии событий на одесских и севастопольских рубежах, автор опирается на богатый фактический материал, знакомит читателей со многими замечательными людьми — героями Одесской и Севастопольской обороны.

- Крылов Николай Иванович
  -
  - На защите Одессы
    - Левый фланг
    - "Одессу не сдавать"
    - Город за линией фронта
    - Ближние подступы
    - Командиры рождаются в боях
    - Мужество граждан и доблесть солдат
    - Контрудар из осады
    - Во имя грядущей победы
  - Севастопольский бастион
    - Куда вести войска?
    - Севастопольский оборонительный район
    - Чем крепка крепость
    - Перед вторым штурмом
    - "Был, есть и будет советским"
    - Наша взяла!
    - Осада остается осадой
    - Грозовая весна
    - Третий, июньский…
    - Город бессмертной славы

Крылов Николай Иванович
Не померкнет никогда

Крылов Николай Иванович
Не померкнет никогда

Аннотация издательства: В настоящем издании объединены воспоминания Маршала Советского Союза Н. И. Крылова о героической обороне Одессы и Севастополя, выходившие в свое время отдельными книгами. Николай Иванович Крылов был одним из руководителей обороны этих городов, начальником штаба Приморской армии, сражавшейся за них вместе о военными моряками. Последовательно рассказывая о развитии событий на одесских и севастопольских рубежах, автор опирается на богатый фактический материал, знакомит читателей со многими замечательными людьми — героями Одесской и Севастопольской обороны.

Автор глубоко признателен боевым товарищам И. П. Безгипову, Ф. Н. Воронину,А. И. Ковтун-Станкевичу, И. Г. Королеву, Г. М. Коченову, И. А. Ласкину, Д. И. Пискунову, Н. К. Рыжи, В. П. Сахарову, Д. Г. Соколовскому, Г. П. Софронову, А. Т. Череватенко за помощь в работе над книгой, а также С. С. Воробьевой — за представленную возможность познакомиться с личным архивом В. Ф. Воробьева и И. Г. Драгану, участвовавшему в сборе и подготовке материалов.

На защите Одессы

Левый фланг

За окнами просторного кабинета, заклеенными крест-накрест полосками газетной бумаги, уже несколько минут неумолчно били зенитки. Перекрывая слитный гул их залпов, начали взрываться бомбы-сперва где-то далеко, затем ближе.

— Такого, как сегодня, налета тут еще не было, — сказал генерал-майор, поднимаясь из-за стола. — Давайте-ка, товарищ полковник, на всякий случат! переберемся вот сюда. — Он кивнул на пишу дверного проема.

Мы встали под аркой внутренней капитальной стопы, и прерванный разговор продолжался. Генерал расспрашивал об обстановке на самом южном участке фронта, у границы, откуда я только что прибыл.

— Выходит, на левом фланге пока все по-прежнему, — подытожил он, когда я ответил на все вопросы.

— Так точно. На Дунае и в нижнем течении Прута по-прежнему удерживается государственная граница. Насколько могу судить, наши войска в состоянии удерживать ее и дальше. Лишь бы держались соседи справа.

— В том-то вся и штука! — невесело усмехнулся генерал. — Там, выше по Пруту, положение сейчас гораздо хуже. Противник рвется к Кишиневу.

Разрывы бомб и пальба зениток тем временем стихли, и мы вернулись из дверного проема к столу. Не садясь, генерал закончил:

— Что ж, за все, что рассказали, спасибо. Теперь идите к кадровикам, они вас ждут. Вот, кстати, и отбой воздушной тревоги. Сейчас доложат, чего нам стоил налет…

Разговор этот происходил в Одессе в самом начале Великой Отечественной войны.

Генерал-майором был начальник штаба Одесского военного округа Матвей Васильевич Захаров (будущий Маршал Советского Союза). А я, до вчерашнего дня начальник штаба Дунайского укрепрайона, только еще создававшегося и теперь расформированного, прибыл вслед за моими сослуживцами в распоряжение округа и в тот момент не имел понятия, где и кем окажусь завтра.

Уже в Одессе я узнал, что создается Приморская группа войск, которую временно, по совместительству, возглавляет заместитель командующего округом генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов (командующий-генерал-полковник Я. Т. Черевиченко принял 9-ю армию).

В группу, как мне сказали, включались три дивизии 14-го стрелкового корпуса, 26-й погранотряд, Одесская военно-морская база Черноморского флота и Дунайская военная флотилия. Все это были соседи нашего укрепрайона. Штабы 14-го корпуса и одной из его дивизий — 25-й Чапаевской размещались совсем рядом с нашим, и я знал там многих командиров, хотя служил в этих местах только с весны 1941 года.

Отправившись к кадровикам, надеялся, что пошлют куда-нибудь в пределах Приморской группы, может быть, в штаб корпуса. За несколько месяцев успел. привыкнуть к приграничному району у Дуная, Прута и Черного моря, немного напоминавшему хорошо знакомые дальневосточные края. Внутренне как-то уже настроился продолжать войну там, где она застала, рядом о теми, с кем ее встретил.

Очень хотелось также получить назначение как можно скорее. Время было такое, когда военному человеку, полному сил, тягостно долго оставаться в резерве или "в распоряжении", без определенного места в боевом строю.

* * *

Должен тут же сказать — и пусть с этого начнется небольшое отступление, очевидно необходимое, чтобы представиться читателю, — что человеком невоенным я себя не мыслю. В сущности, я никогда не был им, если исключить детство.

Мои сверстники еще не могли участвовать в первой мировой войне: когда она разразилась, мне было одиннадцать лет. Но в гражданскую многие из них оказались на фронте — если не по призывной повестке, то по велению сердца. И для многих это определило всю дальнейшую судьбу. Так получилось и со мной.

Вероятно, моя военная служба началась бы несколько позже, не назначь какой-то начальник пунктом дислокации 3-го авиационного дивизиона Южного фронта в 1919 году большое село Аркадак на Саратовщине, где я рос.

Появившиеся в селе красные летчики восхищали деревенских мальчишек уже одной своей экипировкой — они носили невиданные кожаные шлемы, теплые куртки мехом наружу и такие же сапоги. А их самолеты, или, как тогда говорили, аэропланы — деревянные "ньюпоры" с пятиконечными звездами на обшитых полотном крыльях, — казались дивными, почти волшебными машинами. Да что аэропланы! В диковинку были для нас и обслуживавшие авиадивизион автомобили и мотоциклы.

Той весной я получил свидетельство об окончании единой трудовой школы второй ступени. Учился жадно, много читал и школу окончил досрочно, в шестнадцать лет, сдав экзамены

экстерном — это разрешалось. В сельской ячейке юных коммунистов (так назывались у нас в Саратовской губернии первые комсомольские организации) меня выбрали секретарем.

Какому подростку не хотелось в те бурные годы быстрее стать взрослым! Обуреваемый стремлением приносить пользу революции, я уже пытался, правда безуспешно, вступить в партию большевиков. Вместе с друзьями-товарищами, загоревшимися таким же желанием, ходил в город Балашов, в уком РКП (б). Излагая свою просьбу, каждый из нас прибавил себе несколько лет. Я особенно переусердствовал: заявил, что мне двадцать три, чему, конечно, никак нельзя было поверить…

Но в Красную Армию командир и комиссар авиадивизиона меня и моих друзей приняли. И не воспитанниками, а красноармейцами. Хотя тут мы, после конфуза в укоме, свои лета не скрывали.

Помогло, наверное, то, что ячейка юных коммунистов (об этом знали в Аркадаке все) не раз по команде из сельсовета или комбеда выступала с оружием в руках против кулацких банд. Так что с винтовкой и наганом и даже с тем, как свистят вражьи пули, мы были немного знакомы. А уж объяснить комиссару, как рвемся бить белых, сумели!

Впрочем, служба в авиадивизионе оказалась для нас не слишком-то боевой. Поручали охранять на стоянке аэропланы, посылали на базу за горючим. Как-то я уговорил одного летчика взять меня в тренировочный полет. Воздушное крещение неожиданно кончилось аварийной посадкой, при которой неповоротливый "ньюпор" наскочил на ехавший по дороге обоз и убил лошадь.

Мы с летчиком остались невредимы, но моя мальчишеская убежденность в безграничном могуществе авиации была поколеблена. Появилась даже мысль, что, пожалуй, воевать на коне с саблей — дело более верное… А что воевать надо и мне, пока есть у Советской Республики враги, — это знал уже непоколебимо твердо.

Во время одной из поездок за горючим меня свалил свирепствовавший в Поволжье сыпняк. Пролежать пришлось долго. Когда встал, в Аркадаке авиадивизиона уже не было, и никто не мог сказать, куда он перебрался, где действует. Не оставалось ничего другого, как отправиться в Балашовский уездный военкомат и проситься в Красную Армию заново.

Зачислили без проволочки — был самый разгар гражданской войны. Однако направили не на фронт. Как раз шел набор на пехотно-пулеметные курсы красных командиров, и мне сказали, что подхожу туда по всем статьям: комсомолец, со школой второй

ступени за плечами (такое образование считалось высоким), к тому же хоть чуть-чуть послужил.

Началась учеба в Саратове, продолжалась в освобожденном от белых Ставрополе. Переведенное туда подразделение саратовских курсов краскомов развернулось в новые, 48-е пулеметные. Их я и окончил, получив 1 октября. 1920 года звание красного командира социалистической армии.

Курсы были краткосрочные — меньше года. Однако дали немало и во всяком случае подготовили к тому, чтобы самостоятельно учиться дальше. За это я по сей день благодарен своим первым наставникам в военном деле.

Молодых краскомов послали с маршевым пополнением в 11-го армию, которая вела бои в Закавказье. Меня назначили полуротным командиром (была тогда такая должность) в действовавший на самом юге Азербайджана 248-й пехотный полк.

Через Муганскую степь и болота полк наступал на Ленкорань, на Астару, приближаясь к синевшим на горизонте Талышским горам. В этих причудливых краях, куда, ни в декабре, ни в январе не приходила зима, я постигал азы практической командирской грамоты, привыкал к ответственности за подчиненных, за жизнь людей.

Только потом я понял, насколько несложные, в сущности, боевые действия мы тогда вели, тесня с советской земли остатки уже разгромленных в Закавказье белогвардейских сил. Враг еще огрызался, но, деморализованный, ни во что больше не верящий, нигде не выдерживал красноармейского натиска.

Нас же окрыляла близость победы. Словно ее вестница, шествовала по освобожденной земле яркая южная весна, поражая тех, кто впервые здесь очутился, красотами кавказской природы. И как бы ни приходилось порой трудно, душу переполняли радость жизни, ощущение нашего торжества.

Однако борьба с белыми и интервентами подошла к концу еще не везде. Она продолжалась на Дальнем Востоке, и судьба красного командира забросила меня в 1922 году на другой конец страны.

Снова маршевый батальон, снова товарные теплушки, только более далекий путь… Где-то за Байкалом незаметно въехали в ДВР — существовавшую там Дальневосточную республику. Меня определили в 3-й Верхнеудинский полк Народно-революционной армии, которой командовал тогда И. П. Уборевич. Командир полка Яков Иванович Королев, не посмотрев на мои девятнадцать лет, вскоре доверил батальон.

В ДВР, или в "буфере", как называли это временное государство, порядки были несколько иные, чем в остальной

России. Иначе назывались органы власти, другие ходили деньги. Но руководили республикой большевики, и главная задача состояла в том, чтобы очистить весь Дальний Восток от белых и интервентов. Американцы и англичане оттуда уже убрались, оставались японцы.

"Штурмовые ночи Спасена, волочаевские дни…" — так запечатлела известная песня основные события последнего года гражданской войны у берегов Тихого океана. К боям за Волочаевку и Хабаровск я не поспел. А в двухдневном штурме Спасска-Дальнего участвовать довелось.

Взятие Спасска открыло путь к Владивостоку. Но были еще упорные бои под Никольск-Уссурийском, под Раздольной. Нашему полку тяжело дался туннель близ села Вольно-Надеждинскоо, где укрывался бронепоезд белых. Потом пришлось выбивать врага еще из одного туннеля — у самого Амурского залива. Но этот бой оказался уже последним. После него нам приказали остановиться. Скоро стало известно: с японцами идут переговоры о сроке их ухода из Владивостока — поняли и самые упрямые интервенты, что пора уносить ноги подобру-поздорову.

Мы стояли в сторожевом охранении на сопках и в падях, которые нарядила в золотой убор погожая дальневосточная осень. На рейде Амурского залива безмолвно, не вмешиваясь больше в ход событий, маячила японская эскадра прошло время, когда эта сила могла тут что-то изменить.

С захваченного у белых склада привезли в батальон кое-какое обмундирование, и бойцы радовались, что перед Владивостоком могут немножко приодеться. Обносились все основательно. Вид наших подразделений, одетых разношерстно — в смесь своего и трофейного, — отражал бедность разоренной долгой войной страны, хозяйственную разруху.

Мне достались с белогвардейского склада шерстяные брюки английского образца. На них я сменил те, в которых вышел к Амурскому заливу, — довольно странного вида одеяние со множеством швов, скреплявших квадратики выцветшего брезента. Не всякий догадался бы, что штаны комбата пошиты из старых сумок для гранат!..

Так уж, видно, бывает в жизни: эти бытовые мелочи привязались в памяти к историческим дням, знаменовавшим победоносное завершение всей гражданской войны.

25 октября 1922 года последние японские корабли покинули Амурский залив и бухту Золотой Рог. Наши войска без боя вступали во Владивосток. Шагая в строго по его неровным, гористым улицам, заполненным высыпавшим нам навстречу трудовым людом, я был счастлив и горд от сознания, что

причастен к освобождению этого незнакомого города, стоящего за тысячи верст от моих родных мест.

Военный человек не выбирает, где ему жить, и я не строил на этот счет личных планов на будущее. Но уж никак не думал, что восточный край русской земли, омываемый Тихим океаном, сделается для меня как бы второй родиной, привяжет к себе надолго, станет близким и любимым.

А вышло так, что после гражданской войны я не расставался с Дальним Востоком шестнадцать лет. Около двенадцати из них прослужил в одной дивизии той самой, с которой вошел во Владивосток. Тогда она еще называлась 1-й Забайкальской, потом была переименована в 1-ю Тихоокеанскую.

С этой дивизией связана у меня огромная полоса жизни, вместившая боевую юность, командирское становление, годы зрелости. Здесь меня принимали в партию: в двадцать пятом году — в кандидаты, в двадцать седьмом — в члены ВКП(б). Отсюда послали учиться на стрелково-тактические курсы "Выстрел", окончив которые я вернулся снова в свою часть. В составе этой же дивизии, вошедшей в Особую Дальневосточную армию, участвовал в боевых действиях против китайско-маньчжурских милитаристов, спровоцировавших конфликт на КВЖД.

Тут, в 1-й Тихоокеанской, довелось познакомиться со штабной работой, а затем специализироваться на ней, что определило на долгие годы направление дальнейшей службы.

Началось это еще осенью двадцать второго года, когда очищали Приморье от белых. В 3-м Верхоудинском полку я был одним из самых молодых командиров и в то же время считался одним из наиболее грамотных. И если у начальника штаба полка Алексея Никаноровича Кислова бывало слишком много работы, он брал в помощники меня, поручая составлять по его указаниям боевые распоряжения, оформлять другие штабные документы, наносить на карту данные обстановки.

Делал я это охотно, радуясь возможности научиться чему-то новому. Помню, очень гордился, когда Кислов посылал меня в соседние батальоны и роты проверить от имени штаба выполнение отданных распоряжений. Такое задание я имел, в частности, перед штурмом Спасска-Дальнего.

Разные поручения от штаба часто получал и потом, уже в мирных условиях, особенно на учениях. Мой интерес к такого рода работе отмечался в аттестациях. В конце концов это привело к назначению меня помощником начальника штаба полка. А еще через некоторое время меня перевели в оперативный отдел штаба дивизии, начальником которого был В. П. Богоявленский, в прошлом офицер генерального штаба старой армии, военный

специалист большой культуры. Потом его сменил В. Ф. Воробьев (с ним читатель этой книги скоро встретится) — тогда еще молодой командир, всего на четыре года старше меня. Он был из рабочей семьи, службу начал кремлевским курсантом в первые годы революции.

У обоих этих начальников я многому учился. Освоиться в штадиве помогло также то, что в своей дивизии знал все и всех. О тех пор и усвоил, как важны для штабного работника крепкие связи с частями и подразделениями, всестороннее с ними знакомство.

После конфликта на КВЖД обстановка на Дальнем Востоке оставалась напряженной. Особенно тревожной стала она в тридцатые годы. За Амуром появилась вторгшаяся в Маньчжурию Квантунская армия. Японцы явно готовились распространить агрессию на советские земли, откуда их вышибли десять лет назад. На границе учащались разные провокации и инциденты.

Советское государство принимало меры к укреплению своих дальневосточных рубежей. Из глубины страны прибывали новые части, вооружение. На Тихом океане начал расти флот. У морской и сухопутной границы, на наиболее важных ее участках, создавались укрепленные районы. В Благовещенский укрепрайон (сокращенно — БУР) перевели и меня, где осенью 1938 года я закончил службу начальником штаба.

Эти последние годы довоенной службы на Дальнем Востоке (после войны я служил в тех краях вновь) памятны тем, что редкий день проходил без тревог. Повышенная боевая готовность, подобная той, к которой приучены пограничники, постепенно становилась в приамурских гарнизонах, как и в Приморье, естественным состоянием, нормой жизни. Недаром объединение, куда входили войска нашего укрепрайона, называлось, несмотря на мирное время, не округом, а Дальневосточным фронтом.

Годами жить в боевой готовности нелегко, зато мы были уверены, что враг врасплох нас не застанет.

* * *

В приграничный район у Дуная и Прута, на юг Бессарабии, воссоединенной с Советской страной, я был переведен после непродолжительной службы в Северо-Кавказском военном округе. Новые места пришлись по душе. Особенно обрадовался широко разлившемуся у Рени и Измаила Дунаю — должно быть, потому, что привык к водному простору Амура, по которому проходит граница на другом краю нашей земли.

У всякой реки свой нрав. И тому, для кого река — прежде всего рубеж перед расположением вероятного или возможного противника, важно знать этот нрав не хуже, чем местному рыбаку.

Присматриваясь к дунайскому раздолью, я привычно думал о задачах, решать которые готовился когда-то на Амуре: как помешать форсированию водного рубежа неприятелем, как прикрывать, если бы потребовалось, свои переправы…

Тут, как и на Дальнем Востоке, это были задачи вовсе не отвлеченные. За Дунаем и Прутом находилось государство, отнюдь не дружественное нам, боярская Румыния, где именем короля Михая правил фашистский диктатор Антонеску.

Наш Дунайский укрепрайон еще предстояло создавать. Военные инженеры, занятые разведкой местности, спешили как могли — задание было срочное. Все мы, однако, думали, что располагаем большим временем, чем было его у нас на самом деле.

Мы внимательно следили за событиями на Западе, где война перекинулась на недалекие от нашей новой границы Балканы. Но почему-то верилось, что до советской земли она скоро не дойдет. Мы ощущали спокойствие страны, которая жила мирным трудом, борьбой за выполнение планов третьей пятилетки.

С увлечением входил я в курс новых дел. И нетерпеливо ждал приезда жены и детей. Хотелось скорее показать им Дунай, Измаил с его суворовскими местами, весь этот красивый, теплый край. Было решено, что они переедут, как только закончатся занятия: не стоило переводить ребят посреди учебного года в другую школу.

20 июня я встретил наконец семью в Белграде, уютном зеленом городке у огромного озера Ялпух, вытянувшегося на многие километры в сторону Измаила. Вещи, отправленные багажом, находились в пути. Не было и мебели в только что отведенной мне квартирке. Но это не мешало радоваться тому, что мы снова собрались вместе. Командирской семье не привыкать ко всяким новосельям: не первое и авось не последнее!.. Все пятеро. — мы с женой, два сына и дочь улеглись спать по-походному, на полу.

Однако в тот раз обжить свой новый дом так и не пришлось. Наутро наступила та самая суббота, что памятна советским людям как последний мирный день перед обрушившейся на страну войной. И ничего, кроме Белграда да озера Ялпух, показать жене и детям в придунайском краю я не успел.

Следующей ночью, на рассвете, красноармеец-оповеститель из нашего штаба разбудил меня резким стуком в окно. Быстро вышел во двор, и первое, что воспринял, был характерный рокот моторов "ястребков" И-16. Они находились в воздухе, хотя никаких полетов и учений (это я знал точно) в воскресенье не предвиделось.

Надо сказать, что последние дни перед войной были у границы если внешне и тихими, то вовсе не безмятежно спокойными. В сознании мгновенно сконцентрировалось все, что накопилось неясного и тревожного, — сведения о передвижении войск на том берегу, полеты самолетов-разведчиков над дунайскими фарватерами и нашей территорией, другие подозрительные действия "противостоящей стороны"… Все то, что мы еще не решались, словно не веря до конца самим себе, вслух назвать настоящим именем — подготовкой к войне, к агрессии.

Оповеститель знал только одно: всех командиров срочно вызывают в штаб. Но у меня уже не было сомнений в том, что это не просто тревога.

Поспешно вернувшись в дом за снаряжением, я сказал проснувшейся жене:

— Настенька, может быть, это война… Только спокойно, не перепугай ребят. Что надо делать — сообщу.

Когда подбегал к штабу, со стороны границы послышался нарастающий гул самолетов, уже не наших. Затем Болград начали бомбить, и над городом завязался воздушный бой.

Несколько часов спустя, около полудня, я увидел жену и ребят в кузове одного из грузовиков, набитых женщинами и детьми: поступило распоряжение вывезти семьи военнослужащих из приграничного района.

В каждой машине стояло по железной бочке с бензином — еще точно не знали, на какой станции посадка на поезд, и шоферы запаслись горючим. В машинах было тесно, из вещей брали только самое необходимое. Мои уезжали совсем налегке: все осталось в багаже, который так и не пришел.

Попрощались торопливо. Где и когда встретимся, не загадывали. Все личное отходило на второй план перед грозной опасностью, нависшей над Родиной, перед всенародной бедой, масштабы которой еще трудно было представить и осознать.

* * *

Первые дни войны — не тема моей книги. Их я касаюсь лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы то, о чем предстоит рассказать потом, не выглядело вырванным из своего времени.

Положение, в котором события застали меня и моих сослуживцев, было непростым. Наш укрепрайон не успел войти в строй — на осуществление намеченных планов не хватило времени. Все то в нашем хозяйстве, что могло немедленно использоваться, передавалось полевым войскам. А высвобождавшиеся люди становились резервом округа. Вслед за инженерами, которые готовились строить укрепления, стали отзывать других командиров, в том числе из штаба.

Те, кто пока оставался на месте, разумеется, без работы не сидели — округ давал множество разных заданий. Но жили мы эти первые две недели войны боевыми делами своих сражающихся соседей, их успехами в борьбе с врагом.

Да, войска, оборонявшиеся на Дунае и Пруте, имели определенные успехи с самого начала военных действий. Помню общее воодушевление в штабе 14-го корпуса вечером 22 июня. В тот час еще не было сведений о том, как отражается нападение фашистского агрессора на остальном фронте, и хотелось верить, что там положение не хуже, чем у нас. Здесь же, на левом приморском фланге, итоги первого дня войны выглядели не так уж плохо.

Все попытки противника высадиться на наш берег Дуная получили отпор. Его подразделения, сумевшие кое-где переправиться рано утром, были разгромлены. Около пятисот вражеских солдат и офицеров сдались в плен. "Ястребки" и зенитчики сбили семнадцать фашистских самолетов. Наши потери от бомбежки и артиллерийского обстрела через границу оказались, несмотря на внезапность нападения, в общем, незначительными.

От знакомых командиров в штабе корпуса я услышал подробности отдельных событий дня. Рассказывали, как в Кагуле враг захватил было мост через Прут, где стояли только часовые, и двинул на восточный берег пехоту, но подоспевший на помощь пограничникам стрелковый батальон сбросил фашистов в реку, а мост разбила наша артиллерия. Рассказывали и о том, как прочесывали дунайские плавни, по которым рассеялась успевшая переправиться на левый берег вражеская рота, и вытаскивали из вонючего ила распластавшихся в нем неприятельских солдат и офицеров…

Все то, что успели сделать до войны на случай возможных неожиданностей, окупилось сторицей.

Части 14-го корпуса генерала Д. Г. Егорова имели неплохо подготовленные рубежи для развертывания вдоль границы. Артиллеристы точно знали, кого и с каких огневых позиций должны поддерживать. Была хорошая, четкая связь с пограничниками, со штабом и отрядами Дунайской военной флотилии. Как все это пригодилось, какие драгоценные минуты и часы позволило выиграть!

Как я уже сказал, перед войной у границы было не особенно спокойно. В июне обстановка на румынском берегу (а там — это не было секретом — находились и немецкие войска) стала настораживать. В одном селе за Прутом появились солдаты, которых раньше не было, у другого поднялось некое "гнездо",

похожее на артиллерийский наблюдательный пункт, у третьего — скопление плохо замаскированных в затоне лодок… Обо всем таком, конечно, докладывалось начальству. Но в командирском кругу многие высказывали мнение, что и без особых указаний о повышении боевой готовности можно и должно кое-что предпринять.

Начальники, от которых это зависело, разумеется, знали свои права. Чрезмерная осторожность, способная теперь, много лет спустя, показаться странной, объяснялась распространенным тогда опасением, как бы не совершить нечто такое, что "даст повод для провокации".

И все же принимались меры, оказавшиеся более чем своевременными. Начальник артиллерии полковник Н. К. Рыжи убедил, например, командира корпуса прервать под каким-то предлогом сбор артиллеристов, и они как раз 21 июня вернулись в свои части.

Надо отдать должное и командованию Одесского военного округа. Перед самым нападением врага оно успело — по настоянию М. В. Захарова — перевести на запасные аэродромы авиацию, избежавшую благодаря этому больших потерь (на земле от бомбежек во всем округе погибло в первый день войны три самолета). Около двух часов ночи 22 июня были подняты по тревоге войска, предназначенные для прикрытия границы. Война застала эти полки и дивизии если не на рубежах, которые надлежало занять, то уже на марше к ним. А управление войсками округа было к этому времени перенесено на заранее оборудованный полевой КП. В третьем часу ночи по приказу из Севастополя перешла на оперативную готовность номер один Дунайская военная флотилия, командование которой еще до того сосредоточило корабли боевыми группами на наиболее опасных участках.

Дивизии 14-го корпуса были крепкими, хорошо подготовленными. Из них раньше всех встретилась с противником знаменитая Чапаевская, прославившаяся в гражданскую войну. Ее полки носили своеобразные, гордо звучавшие наименования: 31-й Пугачевский имени Фурманова, 54-й имени Степана Разина, или просто Разинский, 263-й Домашкинский имени Фрунзе… Введенные в бой в первые часы Великой Отечественной войны, они дрались самоотверженно и упорно.

Отлично показали себя и другие действовавшие в нашем районе части. Тогда я еще не был знаком с командиром 265-го корпусного артполка майором Н. В. Богдановым, но много слышал о нем с самого начала службы за Днестром. Знал, что Богданов — депутат Верховного Совета Украины, что за успехи в

боевой и политической подготовке полка он в мирное время награжден орденом. Этот полк был главной огневой силой 14-го корпуса, предметом особой гордости начарта Рыжи. И артиллеристы майора Богданова оправдали в боях свою высокую репутацию. Их точный огонь срывал попытки противника форсировать Прут.

Враг быстро оценил роль этого полка в нашей обороне и изо дня в день бомбил с воздуха те участки левого берега, откуда артиллеристы только что вели огонь. Но богдановцы (так называли их все в корпусе) оказывались неуязвимыми. Полк не имел потерь ни в людях, ни в орудиях.

Это было результатом огромной работы, проделанной артиллеристами до войны: каждая батарея имела несколько хорошо оборудованных огневых позиций, которые могла менять.

Остался позади июнь, шел июль. С тяжелым сердцем слушали мы передававшиеся дважды в день сообщения Совинформбюро. В них назывались новые направления боев — бобруйское, псковское, мурманское, а это означало, что фашистские полчища продвигаются в глубь страны. Стало ухудшаться положение и поблизости от нас: 3 июля противнику удалось форсировать Прут в среднем течении, на широте Кишинева. Там оборонялся правый сосед 14-го корпуса — 35-й стрелковый, также входивший в 9-ю армию Южного фронта.

Но на левом фланге — от дельты Дуная до Рени и еще по крайней мере на сотню километров вверх по Пруту — линией фронта, уверенно удерживаемым рубежом оставалась советская государственная граница. Больше того, на отдельных участках боевые действия перенеслись на территорию противника. Еще в июне Дунайская военная флотилия (она все время тесно взаимодействовала с 14-м корпусом) высадила десанты на румынский берег Килийского гирла: один — на мыс Сату-Ноу, откуда обстреливался противником Измаил, другой-в городок Килию Старую, напротив Килии Новой на нашем берегу.

В первом случае высаживались пограничники и батальон чапаевцев, во втором — уже целый полк, который занял три населенных пункта. Десанты поддерживались огнем речных мониторов и полевой артиллерии Чапаевской дивизии. С неприятельского берега переправляли пленных, захваченные орудия, другие трофеи.

Насколько я знаю, больше нигде на всем фронте советскому солдату не довелось в то время ступить на землю врага и хоть ненадолго на ней закрепиться. Батальоны, переправленные моряками через Дунай, словно напомнили агрессору от имени всей Красной Армии: рано или поздно мы придем туда, откуда на

нас напали, и кончать войну будем там!

Конечно, крайний южный участок фронта не принадлежал к тем направлениям, где гитлеровская Германия и ее сообщники наносили главные удары. Выстоять здесь в первые дни войны, несомненно, было легче, чем во многих других местах. Легче, но все равно трудно, даже если считать, что тут шли бои местного значения. Ведь нападение оказалось внезапным, далеко не вес было готово к защите границы, а полоса обороны стрелковой дивизии достигала ста и больше километров.

То, что войска, действовавшие тут, смогли удержать границу в первый день войны и долго удерживали потом, имело, мне кажется, значение не только для того времени и не только для данного участка фронта. Без стойкой обороны у Дуная и Прута, а затем на Днестре вряд ли удалось бы остановить врага под Одессой. В этом смысле, пожалуй, символично, что именно туда привели дороги войны и артиллерийский полк майора Богданова, и Чапаевскую дивизию.

Но это уже мысли, так сказать, из будущего. В первой половине июля лично я вообще не думал, что фронт может вскоре придвинуться к Одессе, относительно далекой от нашей сухопутной границы.

Из штаба расформированного укрепрайона мне пришлось уезжать фактически последним. Комендант Дунайского УР полковник Н. П. Замерцев и его заместитель по политической части полковой комиссар Я. Х. Глотов отбыли несколькими днями раньше.

Вместе со мной ехал в Одессу начальник делопроизводства — сдавать в архив бумаги. В кузове полуторки, куда мы их сложили, стояла обязательная теперь при дальних рейсах (в пути нигде не заправишься) железная бочка с бензином.

Вспомнилось, как в такой же полуторке уезжала моя семья. Где-то они теперь, жена и ребята? Благополучно ли выбрались из прифронтовой зоны? Ни я, ни мои сослуживцы не имели никаких вестей от своих близких, эвакуированных из Белграда 22 июня. Само по себе это ничего не означало- почта не успела приспособиться к военному положению, и если кому-то и приходили письма, то посланные еще в мирное время. Но мы не знали даже, в какой город наши семьи направлены.

Известно было лишь, что их пересадили из машин в грузовые пульманы без крыш, в каких перевозят уголь, и что эшелон пошел на восток через Одессу. Как передавали потом, какой-то состав с эвакуированными попал в тот день под бомбежку у Раздельной и сильно пострадал…

* * *

Полуторка катила через зеленую Молдавию к Днестру. В другое время любоваться бы тут заботливо ухоженными виноградниками, богатством садов, где наливались под жарким солнцем богатые дары южного лета. Но смотреть на цветущий край, к которому вплотную подступал разрушительный смерч войны, было тяжело. А мы еще не представляли что всего через несколько дней на дороги срединной Молдавии прорвутся фашистские танки.

В Белграде и Измаиле, даже в штабах, информация о положении на всем Южном фронте была весьма ограниченной. Известная стабильность, достигнутая на приморском фланге, казалась закономерной, а осложнения, возникшие у соседей справа, где противник переправился через Прут, — еще не столь опасными. Верилось, что хватит сил не пустить врага слишком далеко от границы. А тем временем подоспеют резервы.

Многое в обстановке оставалось неясным, в развитии военных событий было немало такого, чего я еще не мог объяснить себе (разве на своей земле собирались мы воевать?). Но если бы кто спросил, что самое главное вынес я из первых грозных недель войны, перевернувших всю нашу жизнь, ответил бы, наверное, так: главное — это то, что наши люди не дрогнули.

Пусть не таким виделось начало будущей войны, пусть не ждали мы ее сейчас. Но все равно ведь давно знали — смертельной схватки с черными силами фашизма не избежать. И внутренне, морально, в чем-то таком, что в конечном счете значило, вероятно, больше, чем даже степень боеготовности войск, эта схватка врасплох нас не застигла. Внезапное нападение врага вызвало не растерянность, а прилив мужества, непоколебимую твердость духа.

До войны не было так употребительно, как потом, слово "подвиг". Его как-то стеснялись применять к делам повседневным, будничным, хотя, в сущности, может быть, и героическим. Но только это высокое понятие соответствовало тому, что свершалось вокруг с первого дня и часа войны.

Как иначе назвать самоотверженную доблесть пограничников? Поблизости от нас находились знаменитые потом, вошедшие в историю заставы Стояновка и Кагульская, заставы героев: сражаясь до последнего человека, они задержали на своих участках вражеские части, пока к границе подходили полевые войска.

А как показали себя жены комсостава! 2-й батальон Разинского полка Чапаевской дивизии стоял вблизи границы, на одном из тех участков, где рано утром 22 июня противнику сперва удалось переправиться через Прут. И женщины взялись за

оружие вместе с бойцами. Защищая детей, они били врагов прямо из окон своих квартир, в которых вечером ложились спать, еще уверенные, что вокруг царит мир…

Все это опять и опять вспоминалось в пути. И еще много такого, что одновременно было и подвигом, и естественным поведением наших советских людей — в военной форме и без нее.

Между Днестром и Одессой, в знойной степи, шли какие-то работы, не похожие даже издали на сельскохозяйственные. Подъехав ближе, мы поняли, что это копают противотанковый ров. Работали сотни мужчин и женщин, по виду горожане. В другом месте то же самое делали красноармейцы, — очевидно, инженерная часть.

При въезде в город машина остановилась у контрольно-пропускного пункта. На стене будки был наклеен выгоревший уже листок с приказом начальника гарнизона, еще от 26 июня, о введении в Одессе и пригородных районах военного положения. "Запрещается, — прочел я, — пребывание граждан на улицах от 24 часов до 4 часов 30 минут утра… Торговые предприятия заканчивают работу не позже 22 часов, театры, кинотеатры и другие культурные учреждения — не позже 23 часов…"

Все естественно, и ограничения, в сущности, невелики. В Измаиле и Белграде режим был строже. Но этот приказ, как и противотанковые рвы, которые сооружались не очень далеко от города, давал понять, что и Одесса ощущает войну уже не только по сводкам.

А через час был воздушный налет, заставший меня у начальника штаба округа.

…Вопреки ожиданию в войсках, действовавших на приморском фланге фронта, меня не оставили. Начальник кадров, не вдаваясь в подробности, объявил как о решенном:

— Поедете, товарищ полковник, в формирующуюся дивизию. Командиром стрелкового полка.

Но связать свою судьбу с этим полком мне все-таки было не суждено. Через неделю после прибытия к новому месту службы командир дивизии сообщил, что ему приказано откомандировать меня в штаб Приморской группы войск — обратно в Одессу.

* * *

До весны 1941 года я никогда в Одессе не бывал. Да и тогда, приезжая три-четыре раза из Белграда по служебным делам, имел очень мало времени на знакомство с городом.

Но у Одессы есть удивительное свойство: после нескольких коротких встреч с нею кажется, что знаешь ее давно.

Впрочем, так ли уж это удивительно? Ведь она принадлежит

к городам, с которыми незаметно для себя успеваешь познакомиться заочно. В скольких книгах, прочитанных еще в юности, описывались облик Одессы, ее нравы и быт, сколько связалось в памяти с этим городом исторических имен, знаменательных событий!

Я сразу узнал Потемкинскую лестницу — разве забудешь ее, если даже много лет назад видел фильм о легендарном революционном броненосце. Названия улиц и площадей напоминали то о бродившем здесь молодом Пушкине, то о неуловимом Котовском, то о восставших матросах с французской эскадры.

Множество красивых зданий, обилие зелени и солнца придавали центральным одесским улицам нарядный, праздничный вид. Как-то празднично выглядели и заполнявшие их люди, по-южному темпераментные, оживленные. Город имел свой колорит, свой характер — веселый, немного беззаботный и в то же время доброжелательный.

Май, дождливый и туманный на Дальнем Востоке, здесь был сухим, жарким. Людской поток уже устремлялся на золотистые пляжи Аркадии, в живописную Лузановку.

А торговый порт, открывавшийся взгляду с высоты Приморского бульвара, казался притихшим, пустынным. В разных концах просторных гаваней стояло несколько транспортов, около них шевелили длинными хоботами погрузочные краны. Однако сразу чувствовалось, что этот порт-великан, один из крупнейших в стране, работает далеко не в полную силу. Сказывалась война в Европе, парализовавшая судоходство за проливами, в Средиземном море. Но тогда она, хоть и шла не так далеко, еще была чужой войной.

Когда я вернулся в Одессу, истекал уже месяц, как война бушевала на нашей земле. На юге фронт подошел к Днестру, значительно приблизившись к Одессе.

По пути от вокзала внимательно присматриваюсь ко всему, что можно увидеть из окна трамвайного вагона. Сперва кажется, будто все почти как прежде. Разрушений от бомбежек не заметно. На клумбах бульваров пестреют высаженные, должно быть, еще до войны цветы. Как обычно в жаркий день, распахнуты двери магазинов, кафе. На афишах кинотеатров — "Мы из Кронштадта", "Трактористы".

Но нет запомнившихся в первые приезды оживленных и веселых людских потоков на тротуарах. Пешеходы шагают торопливо, озабоченно. И вообще людей на улицах гораздо меньше. Многие, конечно, давно в армии, на фронте. Другие уехали со своими заводами и институтами в глубь страны (о том,

что началась эвакуация основных одесских предприятий, я слышал, еще когда был здесь в прошлый раз). Наверное, немало горожан занято на строительстве оборонительных рубежей в приднестровской степи.

Но, оказывается, уже не только в степи. У одного перекрестка бросилась в глаза перегородившая улицу стена из мешков, набитых песком или землей. Трамвай, замедлив ход, проехал через оставленные посередине "ворота". Баррикада для уличных боев? Значит, в Одессе учитывают, и такую возможность…

В штабе узнал, что это уже не штаб Приморской группы войск: 19 июля Южный фронт преобразовал группу в Приморскую армию, а я уже числился заместителем начальника оперативного отдела штарма.

— Начальником оперативного отдела является генерал-майор Воробьев, сообщил дежурный и объяснил, как к нему пройти.

Миновав коридор, где стояли выдвинутые из комнат сейфы и заколоченные ящики (управления Одесского военного округа готовились к переезду в Днепропетровск), нашел нужный кабинет. Постучался, открыл дверь и увидел за большим письменным столом Василия Фроловича Воробьева, под началом которого служил в штабе 1-й Тихоокеанской дивизии… Стало ясно, что это он позаботился о моем возвращении в Одессу.

Мы не виделись около двенадцати лет. До меня доходило, что после Дальнего Востока В. Ф. Воробьев служил в Москве, окончил две военные академии — имени М. В. Фрунзе и Генерального штаба, а затем преподавал в последней. Когда присваивали введенные у нас генеральские звания, я видел его портрет в "Правде".

Как и на том портрете, Василий Фролович выглядел очень внушительно, старше своих сорока с небольшим. Он был еще в полной генеральской форме мирного времени — с лампасами и нарукавными шевронами (все, с кем я встречался, перешли на полевую). Чем-то довоенным веяло и от убранства его кабинета: портьеры, уютные кресла, столик с прохладительными напитками…

Поздоровались тепло и сердечно, как старые сослуживцы. Генерал Воробьев начал знакомить меня с обстановкой и штабными делами.

Прибыв в Одессу несколько дней назад из штаба Южного фронта, он успел слетать в пограничный район у Дуная и Прута, туда, где война застала меня.

— Противник форсировал Прут в новом месте, у Цыганки, и надо было выяснить, что там происходит, — рассказывал Василий Фролович. — Был и в Белграде, штаб четырнадцатого корпуса

находился еще там. Теперь там уже фашисты…

Отбросить врага за Прут у Цыганки не удалось — массированные удары авиации не давали нашим войскам подниматься в контратаки. Но развить там успех противник все же не смог. Однако севернее, в полосе обороны 35-го стрелкового корпуса и других соединений 9-й армии, натиск превосходящих неприятельских сил продолжал сдвигать фронт к Днестру. Над войсками левого фланга нависла угроза быть отрезанными. Не оставалось ничего иного, как отвести 14-й корпус от границы.

В ночь на 19 июля чапаевцы и другие части, которые двадцать семь суток держали южный участок западной государственной границы, начали отход на первый промежуточный рубеж. Одновременно корабли Дунайской флотилии, поддерживавшие эти четыре недели корпус генерала Егорова, оставили Измаил. Флотилия прорвалась в Одессу, а потом перешла на Южный Буг. Подвижные береговые батареи дунайцев отошли в боевых порядках пехоты.

Войска левого фланга до последнего часа удерживали границу прочно. Показателен такой факт. Исходя из общей обстановки, командующий Приморской группой намеревался начать отвод корпуса на два дня раньше. Но генерал-майор Д. Г. Егоров попросил отсрочить отход, чтобы успеть эвакуировать тыловое хозяйство, и командующий дал на это согласие.

Только перед тем как покинуть границу, были сняты стрелковые подразделения из Килии Старой и других пунктов на румынском берегу Килийского гирла, занятых нашими десантами в конце июня.

Я представлял, чего стоило бойцам и командирам примириться с необходимостью отхода, осознать его неизбежность. Но твердо верилось — их усилия отстоять границу не были напрасны. В этих частях люди уже из собственного опыта знали, что остановить врага можно. А некоторые подразделения побывали на земле противника, и это тоже кое-что значило.

Итак, линией фронта становился Днестр. Переправа войск на его восточный берег еще не закончилась, но, как сказал Воробьев, это было вопросом ближайших дней. Приморцы занимали оборону от Каролино-Бугаза в устье Днестровского лимана до Тирасполя, входившего уже в полосу 9-й армии.

Прикинув в уме, что тут наберется километров полтораста по фронту, даже если не учитывать все изгибы реки, я спросил:

— Наша армия — это в основном четырнадцатый корпус или теперь прибавится что-то еще?

— Корпус, как таковой, будет расформирован, — ответил Василий Фролович. Что касается его дивизий, то сто пятидесятую

перебрасываем в Котовск в распоряжение девятой армии, и, очевидно, к нам она больше не вернется. Значит, остаются пятьдесят первая и Чапаевская… Зато в Приморскую армию включен Тираспольский укрепрайон — это реальная сила, не то что был ваш Дунайский. Затем формируется здесь, в Одессе, кавалерийская дивизия. Командиром назначен генерал-майор Петров из Туркестанского округа. Ну а еще — один запасный полк, бригада ПВО, пограничники… Нам подчинена также Одесская военно-морская база с кораблями и береговыми батареями, которым пока не по кому стрелять. Авиации реально имеем один полк истребителей, танковых частей нет…

Из этого перечня явствовало, что состав Приморской армии невелик. Но моя новая должность обязывала знать о каждом соединении или части очень многое, и весь остаток дня я собирал различные данные о них.

Поздно вечером представился вернувшемуся из войск начальнику штаба генерал-майору Г. Д. Шишенину. Он производил впечатление человека спокойного и внимательного. И даже при недолгом разговоре почувствовалась та слегка подчеркнутая корректность, которую я часто замечал у штабных работников, приезжавших из центра.

Генерал Шишенин возглавлял перед войной штаб столичного военного округа. А до назначения в Одессу пробыл около трех недель начальником штаба Южного фронта. В начале войны происходило много быстрых, подчас неожиданных перемещений высшего командного состава.

Еще позже, около полуночи, прибыл в штаб командарм Приморской генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов, он же — командующий Одесским военным округом. Его рабочий распорядок я уже знал от Василия Фроловича Воробьева: большая часть дня — в частях, на строительстве оборонительных рубежей, на разных совещаниях в областных и городских организациях, а ночью, часов до шести утра, — решение вопросов, накопившихся в штабе.

Генерал Чибисов в Одессе пробыл до первых чисел; августа, причем я не так уж часто видел его за это время. Но Никандр Евлампиевич запомнился как воплощение кипучей энергии, неистощимой работоспособности. Все, что он ни делал, он делал увлеченно и как-то весело. От одного общения с ним люди приободрялись и тоже веселели.

У Чибисова была масса забот по округу в связи с новыми формированиями. Но и из того, что касалось Приморской армии, он ничего не откладывал до прибытия своего преемника, которого ждали из Москвы. Часами совещался с директорами

оставшихся заводов, выясняя, какое оружие можно изготовлять в Одессе: предвидел, насколько важным это станет в недалеком будущем. Присмотрел помещение для надежно защищенного армейского командного пункта — склады бывшего коньячного завода Шустова, уходящие на три этажа под землю и совсем неприметные снаружи. Работы по оборудованию подземного КГ1 уже шли полным ходом.

В штаб и управление Приморской армии переводились высвобождавшиеся в 14-м корпусе командиры, знакомые мпе по придунайским местам. Начарт корпуса полковник Н. К. Рыжи стал начальником артиллерии армии, заместитель командира корпуса по политчасти бригадный комиссар Г. М. Аксельрод был назначен в поарм, начальник корпусной санитарной службы военврач 1 ранга Д. Г. Соколовский начсанармом. Очень обрадовался я встрече с недавним заместителем коменданта Дунайского укрепрайона полковым комиссаром Яковом Харлампиевичем Глотовым, который оказался военкомом штарма.

Оперативный отдел еще только комплектовался. Почти одновременно со мной прибыли переведенные из штабов округа, корпуса и других соединений полковники Ф. Т. Рыбальченко и А. Т. Калина, майор Н. М. Толстяков, немного позже старший лейтенант Н. И. Садовников.

Мой тезка Садовников — тоже Николай Иванович — только что окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Он был младше всех в отделе по званию и годам, но отличался вдумчивостью, обстоятельностью. О чем бы ни докладывал, никогда не сбивался на простое перечисление фактов, а толково их обобщал. При этом превосходная, цепкая память, способная служить живой справочной книгой. А оформлению штабных документов могли поучиться у него и некоторые из старших товарищей. Словом, при тогдашних трудностях с кадрами Садовников явился для оперативного отдела просто находкой.

В последующие недели в штабе и вообще в Приморской армии произошел ряд перестановок, вероятно неизбежных в организационный период. В соединения, где не хватало штабных командиров, ушли Рыбалъченко и Калина. Постепенно у нас в отделе сложился стабильный коллектив, работоспособный, и дружный.

На войне немало людей оказались способными на большее, чем от них раньше ожидали. В полной мере это относится и к ставшему вскоре одним из моих близких сослуживцев капитану К. И. Харлашкину.

До войны он ведал в штабе Одесского округа физподготовкой. Академии капитан Харлашкин не кончал,

широтой военного кругозора, судя по аттестациям, не отличался. Вероятно, поэтому его не послали в штаб какой-нибудь формировавшейся в округе части. А потом о кадрами стало настолько туго, что и штарму не приходилось отказываться ни от кого, кто имел хоть какой-то штабной опыт.

Присланный к нам статный и щеголеватый капитан (помню, я мысленно окрестил его "женихом") сначала нес дежурство, выполнял отдельные поручения. Он оказался безупречно исполнительным, совершенно неутомимым и к тому же отчаянно смелым. Куда угодно прорвется, ни перед чем не остановится. Если приказано, например, найти и вывести к одесским рубежам какое-нибудь затерявшееся в степи подразделение (бывали потом и такие поручения), то найдет и выведет. И с любого задания, успев где-то привести себя в порядок, вернется таким свеженьким и аккуратным, будто гулял по Дерибасовской.

Нравились мне напористость Харлашкина, его острый, наблюдательный глаз, способность нигде не теряться. Из начальника физподготовки получился боевой направленец оперативного отдела. Ну а если возникали затруднения в оформлении какого-нибудь ответственного документа, на помощь приходил Садовников. Веселого и покладистого Константина Ивановича Харлашкина полюбил весь отдел.

Двух прекрасных работников — капитанов И. П. Безгинова и И. Я. Шевцова мы получили ив отдела ПВО и штаба зенитной бригады. Впрочем, туда, как и вообще в Одессу, они только что прибыли из академии имени М. В. Фрунзе, где был произведен досрочный выпуск.

* * *

Несколько дней суточные записи в журнале боевых действий начинались спокойной фразой: "Приморская армия занимает оборону по восточному берегу р. Днестр, производит оборонительные работы и перегруппировку своих войск".

Днестровский рубеж представлялся надежным. Вместе с отошедшими сюда дивизиями одесское направление прикрывал на широком фронте Тираспольский укрепрайон, имевший кроме артиллерии сотни пулеметных дотов. И хотя продолжалось строительство запасных оборонительных линий дальше к востоку вплоть до непосредственных подступов к Одессе и в самом городе, еще очень верилось, что удастся стабилизировать фронт на Днестре до тех пор, пока мы соберемся с силами, чтобы отбросить врага назад.

В переданных командирам частей указаниях генерал-лейтенанта Н. Е. Чибисова говорилось: "Внушить всем, что оборона по р. Днестр такая, через которую противник не должен

пройти. Оборона временная, и мы должны выискивать момент для перехода в наступление…"

Выходя на западный берег Днестра, противник начинал нащупывать подходящие места для переправ. Однако артиллеристы и пулеметчики укрепрайона давно пристреляли все такие места в своей полосе, и нигде ниже Тирасполя врагу не удавалось высадить на восточный берег даже разведку.

За Днестром войска получили некоторую передышку, приняли первое с начала войны маршевое пополнение, смогли привести себя в порядок. Командарм приказал тыловикам обеспечить бойцам усиленное питание, подвезти вещевое имущество.

Передышка, впрочем, была недолгой. Подобно тому как раньше на Пруте, угроза нашей обороне возникла на правом фланге: выше Тирасполя, в полосе 9-й армии, Днестр форсировала 72-я немецкая пехотная дивизия, а вслед за ней и другие вражеские войска.

Но прежде чем рассказывать, как развивались там события, следует вернуться к самой Одессе и нашему штабу.

Как раз дни относительного затишья на днестровском рубеже оказались трудными и тревожными для Одессы — начались массированные воздушные налеты. 22 июля десятки фашистских самолетов сбросили бомбы над портом и различными районами города, и с тех пор налеты стали систематическими, нередко повторялись по нескольку раз в сутки. Появились разрушения на центральных улицах — Пушкинской, Либкнехта, Карла Маркса. Изо дня в день росло число убитых и раненых среди гражданского населения.

Налеты не проходили безнаказанно для врага. 23 июля наши истребители на виду у всего города сбили над морем и берегом два "хейнкеля". Уничтожались бомбардировщики и зенитчиками, которые, как я узнал при знакомстве с ними, вели боевой счет еще с четвертого дня войны — тогда сбила под Одессой первый фашистский самолет, не подпустив его к городу, батарея лейтенанта Василия Тарасенко из 638-го зенитно-артиллерийского полка.

Но отражать массированные налеты было далеко непросто, хотя Одесса и имела сильную по тому времени, созданную до войны противовоздушную оборону. Город и важные объекты в его окрестностях (в том числе насосную станцию в Беляевке, питавшую одесский водопровод) прикрывала 15-я отдельная зенитно-артиллерийская бригада полковника И. Т. Шиленкова. Свой полк зенитчиков был у военно-морской базы. В систему ПВО входили дивизион аэростатов заграждения, прожекторный

батальон и другие подразделения.

С первых дней войны зенитные батареи заняли огневые позиции на многих площадях и бульварах. А командный пункт одного подразделения находился, между прочим, на сцене знаменитого Одесского оперного театра. Само здание этого театра — гордость города — было в числе объектов, защите которых от вражеских бомб уделялось особое внимание.

Однако в системе ПВО обнаруживались слабые места. Не было предусмотрено, например, оповещение о приближении воздушного противника со стороны моря, а вражеские бомбардировщики часто появлялись именно оттуда.

Этот пробел устранили: морское командование выделило пять старых катеров, снабдило их рациями, и катера стали нести противовоздушный дозор, дрейфуя милях в двадцати от побережья. Обстановка подсказала также, что самые мощные зенитные орудия — 85-миллиметровые — целесообразно поставить ближе к берегу моря.

Когда фронт подошел к Днестру, стало плохо с оповещением уже не на море, а на суше: система дальних постов ВНОС, развернутых у границы, перестала существовать. Но с этим ничего нельзя было поделать и оставалось выигрывать время за счет более высокой боевой готовности сил и средств ПВО.

Зенитчики настойчиво изучали тактику врага, совершенствовали свое мастерство, и их огонь становился все эффективнее. Недаром те немецкие самолеты, которые первыми прорывались к городу, старались сбросить бомбы на наши зенитные батареи. Артиллеристам нередко приходилось менять огневые позиции.

Если зенитной артиллерии в Одессе оказалось немало, то самолетов-истребителей не хватало.

Когда я входил в курс дел Приморской армии, создалось, помню, ощущение, что тут больше авиационных начальников, чем самой авиации. Был начальник ВВС армии- живой и энергичный комбриг Виктор Петрович Катров, имевший, как положено, свой штаб. В Одессе же находились тогда командование и штаб 21-й смешанной авиадивизии. Но из ее боевого состава в полосе Приморской армии базировался уже только один полк — 69-й истребительный, которым, собственно, и ограничивались военно-воздушные силы комбрига Катрова. Была, правда, еще группа маленьких флотских гидропланов МБР-2 на Хаджибейском лимане.

А единственный полк истребителей должен был защищать от ударов с воздуха отнюдь не только Одессу. Разбросанные по полевым аэродромам "ястребки" прикрывали отход войск к

Днестру и переправы, сопровождали летавшие за Днестр бомбардировщики. Когда севернее Тирасполя противник оказался на левом берегу, истребители 69-го полка понадобились и там — для штурмовки вражеской пехоты. Что и говорить, истребители предназначены совсем не для этого, однако обстановка заставляла тогда использовать их и так.

Но начальник ВВС, распоряжавшийся одним полком, мог чувствовать себя все же лучше, чем начальник автобронетанкового отдела, за которым не значилось пока никаких танков. Катров "болел" за своих летчиков, имевших огромную боевую нагрузку, заботился о них и расчетливо распределял силы полка, стараясь, чтобы наличных шестидесяти самолетов хватило на все задания.

Как-то он свозил меня на маленький аэродром вблизи Одессы, один из тех, на которых рассредоточились две оставленные для прикрытия города эскадрильи (две другие были у Днестра).

Аэродром — неприметная площадочка у бесконечного, шумящего на ветру кукурузного поля. По краю расставлены замаскированные сетью и зелеными ветками кургузые И-16 (это в полку основная боевая машина, других немного). Летчики дежурных самолетов — в кабинах, готовые с места выруливать на взлет. Да и остальные держатся поближе к своим "ястребкам".

У летчиков загорелые юные лица. Сплошь лейтенанты, должно быть, всем лет по двадцать. Увлеченно, с азартом стали рассказывать про схватки с бронированными, огрызающимися огнем "хейнкелями", к которым сперва не знали как подступиться.

— После того как звено лейтенанта Топольского сбило на подходе к порту сразу два "хейнкеля", дело, конечно, пошло веселее, — комментирует Виктор Петрович Катров, — Вчера тоже неплохо получилось… Только чтоб не зазнаваться! — грозит комбриг пальцем, оборачиваясь к летчикам.

Накануне шестерка истребителей перехватила девять бомбардировщиков "Хейнкель-111", прорывавшихся к Одессе с суши. Смелой атакой "ястребки" нарушили их строй я сумели сбить три вражеских самолета. Остальные поспешили повернуть назад.

Некоторые участники этого боя сейчас тут. Такие же юные, как остальные. Опыта, конечно, еще мало — воюют недавно, берут, наверное, напористостью, боевым задором. Но уже сбивают фашистских летчиков, которые бомбили не одну страну Европы до того, как заявились к нам.

Летчики рассказали, как штурмовали румынскую кавалерию. Это было еще до моего прихода в штарм. Сами обнаружили при

вылете на разведку за Днестр скопление конницы — не меньше полка — в ближних неприятельских тылах. Сами и разгромили ее потом с бреющего полета, убедившись, что скорострельные пушки и авиационные пулеметы неплохо поражают и 'такую, не совсем обычную для истребителей, цель. На фронте тот кавалерийский полк тан и не появился.

— Первая наша крупная штурмовка, — сказал кто-то из летчиков. — Три раза подряд вылетали. Водил майор Шестаков…

— А вот и он, легок на помине! — заметил Катров.

От остановившейся за кустами эмки шагал невысокий плотный командир. Лицо очень молодое, а на гимнастерке- ордена Ленина и Красного Знамени, в петлицах — по две шпалы. Здороваясь с подошедшим майором, комбриг уважительно назвал его по имени-отчеству — Львом Львовичем.

Вот, значит, он какой, майор Шестаков, заместитель командира 69-го авиаполка по летной части. Благодаря Катрову я был уже немного знаком с ним заочно. Знал, что ему всего двадцать пять лет, — в сущности, сверстник рядовых летчиков. Но если те переживают первые свои схватки с врагом, то у него за плечами год войны в Испании: около ста воздушных боев, восемь сбитых фашистских самолетов… За это и ордена, и большое для его возраста звание.

Майор Шестаков вскоре был назначен командиром истребительного полка.

Тогда же, в двадцатых числах июля, привелось впервые встретиться с генерал-майором Иваном Ефимовичем Петровым. Полки кавдивизии, которую он формировал, стояли в разных местах, в том числе в самой Одессе, и комдив часто бывал в штарме.

Генерал Петров ходил в кавалерийской портупее. Он носил пенсне, которое иногда, в минуты волнения, вздрагивало от непроизвольных движений головы последствие, как я узнал потом, давнишней контузии. В его облике, в манере держаться сочетались черты прирожденного военного и интеллигента, что, впрочем, было характерно не только для внешности Петрова.

Иван Ефимович принадлежал к людям, сразу располагающим к себе, внушающим не просто уважение, но и чувство симпатии. Что же касается бывалых кавалеристов, собравшихся в его дивизии, то они, судя по всему, быстро признали в генерале старого конника.

В эту дивизию — она стала именоваться 1-й кавалерийской — пришло много запасников-ветеранов. Некоторые прибывали в буденовках, сбереженных с гражданской войны. Под стать бойцам подобрался и командный состав: тоже большей частью

прошедший закалку тех огненных лет.

5-й кавполк, который комплектовался в Котовских казармах, принял вскоре капитан Федор Сергеевич Блинов. Воинское звание командира, конечно, малость отставало от должности, но это было дело поправимое. Зато эскадрон он водил в сабельные атаки еще против врангелевцев.

Ясным июльским вечером, когда город еще не остыл от дневного зноя, полк Блинова уходил из Одессы на фронт. Он проследовал по центральным улицам — с трубачами во главе колонны, с пулеметными тачанками, со своей легкой артиллерией. Вечер выдался спокойный, без бомбежки, и тротуары заполнила густая толпа. К конникам тянулись руки с букетами цветов. Их напутствовали возгласами: "Бейте фашистских гадов!"

Маршрут полка пролегал мимо дома Пушкина, свято чтимого одесситами. Приблизившись к нему, капитан Блинов скомандовал равнение. Никакими уставами это, конечно, не предусматривалось. Но как много сумел выразить старый буденновец этой командой, поданной в порыве высоких чувств!

Через Пересыпь полк направился в Лузановку — одно из немногих вблизи Одессы мест, где достаточно густых деревьев, чтобы замаскировать тысячу коней. А несколько дней спустя конники встретились с врагом.

* * *

Тем временем у Днестра продолжалась перегруппировка войск левого крыла Южного фронта, повлекшая новые изменения в составе Приморской армии, а затем и в границах нашей полосы обороны.

28 июля В. Ф. Воробьев, вернувшись от начальника штаба, продиктовал для записи в журнале боевых действий:

— "Пятьдесят первая стрелковая дивизия выводится в резерв командующего фронтом… На занимаемом рубеже ее сменяет двадцать пятая стрелковая двумя полками…"

Таким образом, из трех дивизий, составлявших 14-й корпус — первооснову Приморской армии, за нами оставалась лишь 25-я Чапаевская. Правда, из 9-й армии передавалась в Приморскую 95-я стрелковая дивизия, но вместе со своей полосой обороны: от Тирасполя до Григориополя — сорок с лишним километров фронта, если считать по прямой…

Все это, несомненно, означало, что положение у наших соседей справа становится все более напряженным. Два дня назад 72-я дивизия немцев форсировала Днестр между Григориополем и Дубоссарами, где река делает большой изгиб. Вражеский плацдарм на левом берегу ликвидирован не был, и, очевидно,

противник наращивал там силы.

Но сперва о нашей новой дивизии. Она и в мирное время входила в состав войск, прикрывавших западную границу. Участвовала в финской кампании… Словом, кадровая дивизия с богатыми традициями. Отечественную войну она встретила в боевой готовности, поднятая по тревоге за два часа до нападения врага.

Было известно, что 95-я Молдавская стойко оборонялась на Пруте, что в начале июля она нанесла поражение 35-й румынской дивизии (с этим успехом отличившиеся полки поздравило командование Южного фронта). К Днестру дивизия вышла, понятно, не без потерь, но вполне боеспособной. Однако, зная все это, мы не могли тогда дать себе отчета, какую реальную боевую силу получит Приморская армия вместе с новым значительным участком фронта на своем правом фланге. Да и как выглядел сейчас этот фланг, было не особенно ясно.

Дело в том, что приказ о переходе 95-й в подчинение нашей армии застал дивизию, точнее, два из трех ее стрелковых полков и большую часть артиллерии в составе ударной группы, созданной для восстановления положения в районе Григориополь, Дубоссары, где противник переправился через Днестр. По доходившим сведениям, там шли ожесточенные бои.

В течение следующих двух суток положение стало более определенным, но не улучшилось. Противник имел теперь на левом берегу до трех дивизий, которые нашим войскам удавалось лишь сдерживать. Там уже действовала часть 69-го авиаполка. Остальные истребители отражали усилившиеся налеты на Одессу. Помочь 95-й дивизии чем-либо еще мы не могли — на фронте от Тирасполя до моря оставались кроме артиллеристов и пулеметчиков укрепрайона одни чапаевцы. В такой обстановке 31 июля прибыл к нам генерал-лейтенант Г. П. Софронов, назначенный командующим Приморской армией. Из Полтавы, где находился штаб главкома Юго-Западного направления С. М. Буденного, командарм ехал кратчайшим путем, минуя штаб Южного фронта: главком рекомендовал ему поспешить в Одессу.

"Одессу не сдавать"

Прорыв обороны 9-й армии на Днестре осложнил и без того трудное положение наших войск на юге. В это же время из района Бердичева повернула на Умань, Первомайск, Вознесенск 1-я танковая группа фон Клейста. Ее моторизованные корпуса врезались в тылы армий правого крыла Южного фронта, ослабленных предшествовавшими тяжелыми боями. За несколько дней на фронте произошли грозные перемены. Враг захватывал города, которые, казалось, находились вне непосредственной угрозы. Перед лицом этих событий многое, представлявшееся до сих пор важным, отходило на второй план и многое требовалось осмыслить заново.

Впору было задуматься и над тем, как может измениться задача Приморской армии.

После включения в нее 95-й дивизии мы отвечали за оборону по Днестру от моря до Григориополя. Выходившая к этому пункту разграничительная линия с 9-й армией была проложена через Вознесенск и Жовтнево от Южного Буга. Армейская полоса обороны выглядела на карте большим квадратом: по фронту примерно столько же, сколько в глубину — от переднего края до Буга. В пределах этого квадрата находился кроме Одессы другой областной город и порт — Николаев с его судостроительными заводами.

Николаев еще недавно мог считаться почти безопасным тылом, досягаемым разве что для вражеской авиации. Прорыв противника с севера к Первомайску и угроза Вознесенску перечеркивали подобные представления. Но опасность, нависшая над всем югом Правобережной Украины, заставляла думать прежде всего об Одессе. И не потому, конечно, что она была ближе всего, за окнами штаба.

Крупнейший город на Черноморском побережье, промышленный и культурный центр, первоклассный торговый порт, важная военно-морская база… К этому можно было добавить еще многое, Одесса имела стратегическое значение уже вследствие одного того, что на аэродромах вблизи нее садились для дозаправки бомбардировщики флотских ВВС, совершавшие налеты на промыслы Плоешти, которые питали нефтью гитлеровскую военную машину.

Естественно, Одесса не могла не занимать важного моста и в планах врага. И как свидетельствуют документы, опубликованные после войны, фашистское командование учитывало, что овладеть этим городом не просто. "Следует ожидать попытки противника

удержать район Одессы, — заносит 30 июля 1941 года в свой дневник начальник генштаба германских сухопутных войск Гальдер. — Одесса может стать русским Тобруком…"

Но все же гитлеровцы планировали взять Одессу скоро. Наши моряки рассказывали, как много мин набросала вражеская авиация на подходах к Севастополю и другим черноморским портам. Но у Одессы мины не ставились совсем. Признак, что и говорить, серьезный… Однако если противник хотел сохранить Одесский порт и фарватеры чистыми для себя, то отсутствие в этом районе вражеских мин устраивало, разумеется, и нас.

Чем тревожнее становилась обстановка на соседних участках сухопутного фронта, тем чаще вспоминалось, что на другом фланге у нас все-таки море. Море, на котором господствует наш флот.

Встретив нападение врага в боевой готовности, Черноморский флот в июне-июле не понес особых потерь. Моряки обеспечивали эвакуацию переводимых из Одессы в тыл предприятий — значительная часть грузов с самого начала отправлялась морем, и транспорты уходили под охраной боевых кораблей. Но флот, несомненно, мог, если бы это потребовалось, оказать и прямую поддержку наземным войскам.

С военными моряками я впервые соприкоснулся еще в двадцатые годы, на Тихом океане. Недолгое время даже сам носил флотскую форму, проходя стажировку (это практиковалось для отдельных армейских командиров) на сторожевике "Воровский". Им командовал старый моряк Александр Иванович Клюсс, поддерживавший на корабле четкую службу. С тех пор запомнились некоторые морские термины и обычаи, торжественные церемонии ежедневного подъема и спуска флага, чинный порядок в кают-компании с традиционным "Разрешите к столу?".

"Боровский", имевший скромное водоизмещение — около трех тысяч тонн и две или три небольшие пушки, являлся тогда самым крупным кораблем морских сил Дальнего Востока. Небогато было и с береговой артиллерией. Между тем приходилось считаться с возможностью агрессии не только со стороны сухопутной границы, но и с моря. Помню, как обсуждались планы защиты подступов к владивостокской бухте Золотой Рог армейскими средствами. Выдвигалась, например, такая идея: установить на баржах полевые гаубицы, разместить такие плавучие батареи за выступами берега или основами и встретить вражеские корабли навесным огнем…

Здесь, под Одессой, встала на повестку дня обратная задача: повернуть к суше тяжелую береговую артиллерию.

В районе Одесской военно-морской базы имелось несколько дальнобойных стационарных батарей крупного калибра. Но раньше береговые артиллеристы готовились стрелять только по морским целям. Хорошо, что хватило времени устранить этот просчет. В конце июля батареи, расположенные у Одессы, уже проводили тренировочные стрельбы по наземным целям. Одесские моряки вообще всерьез занялись подготовкой к сухопутной обороне своей базы.

Хочу пояснить для читателей, не соприкасавшихся с флотом, что военно-морская база — не только гавань или порт, где могут стоять и снабжаться боевые корабли. В понятие базы у моряков входит комплекс сил и средств, предназначенных для защиты определенного участка моря и побережья, — посты наблюдения и связи, береговая артиллерия, корабли, подразделения ПВО, различные тыловые службы. В сущности, база — это своеобразное, довольно разнородное по составу соединение, имеющее собственный штаб.

И естественно, что в Одессе работа свела меня прежде всего с моряками из штаба базы. Это были начштаба капитан 1 ранга С. Н. Иванов, его молодой помощник капитан 3 ранга К. И. Деревянно, флагманский артиллерист базы капитан 2 ранга С. В. Филиппов.

С началом войны моряки перестали носить свои белоснежные летние кителя и фуражки. Однако и в темной форме они выглядели парадно: золотые нашивки на рукавах, некрахмаленные манжеты, острая складка на отутюженных широких брюках, как-то особенно надраенные пуговицы. Сперва все это немножко ослепляло, но, очевидно, так и полагалось воевать на море, где нет окопной пыли и грязи. Вспоминалось, что, кажется, еще в старину на кораблях одевались к бою, как на парад. А настроены моряки были по-боевому.

В оперативном отношении Одесская военно-морская база стала подчиняться Приморской группе войск, а затем Приморской армии, оставаясь в общем подчинении флотскому командованию. Предписания, полученные в последних числах июля командиром базы и ее штабом от наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова и Военного совета Черноморского флота, были самыми категорическими: независимо от положения на сухопутном фронте базу не оставлять и драться за нее до конца.

Личный состав базовых подразделений и служб деятельно участвовал в инженерных работах на подступах к городу. Моряки особо укрепляли подходы к своим береговым батареям — перед ними создавались и проволочные заграждения, и минные поля. К огневой поддержке сухопутных частей готовились стоявшие в

Одессе корабли. Здесь постоянно находились два эсминца, дивизион канонерских лодок, тральщики, сторожевые и торпедные катера, а также крейсер "Коминтерн" черноморский ветеран, ввод которого в строй положил начало возрождению флота после гражданской войны.

В штабе морской базы готовили сухопутные карты, таблицы, планшеты. Там теперь часто бывали начарт Приморской армии полковник Н. К. Рыжи и начальник штаба артиллерии майор Н. А. Васильев, установившие тесную связь со своими морскими коллегами.

Нельзя не отдать должного предусмотрительности Николая Кирьяковича Рыжи. Перед началом войны он в 14-м корпусе, не дожидаясь особых указаний свыше, делал все от него зависящее для повышения боевой готовности артиллерийских полков. А в Одессе, задолго до того как флотская береговая артиллерия могла вступить во взаимодействие с нашими дивизиями, майор Васильев по заданию полковника Рыжи побывал на всех батареях военно-морской базы, познакомился с их командирами. Они совместно наметили места корректировочных постов, условились о порядке вызова огня и других деталях общей боевой работы.

Почти одновременно с командармом Г. П. Софроновым в Одессу прибыли дивизионный комиссар Ф. Н. Воронин, назначенный членом Военного совета Приморской армии, и полковой комиссар Л. П. Бочаров, возглавивший политический отдел армии.

Воронина мы знали как начальника политуправления Южного фронта. То, что вслед за Г. Д. Шишениным в армию направлялся еще один крупный работник фронтового масштаба, говорило о большом внимании к приморскому флангу. И притом в такое время, когда трудное положение создавалось отнюдь не только у нас.

Знакомясь с командирами штарма, Федор Николаевич Воронин сдержанно, но вполне определенно сказал, что развитие событий требует быть готовыми и к самостоятельной, как он выразился, обороне стратегически важного района Одессы, если противник отрежет его с суши. Очевидно, командование фронта, а может быть, не только фронта, считало возможным или вероятным, что армии предстоит решать подобную задачу.

В сущности, в тот момент это не было таким уж неожиданным. Приходилось ведь допускать, что где-то севернее противник может оказаться у Буга. А раз так, представлялось, конечно, выгодным сохранить позиции на побережье, нависающие над неприятельским флангом.

Однако речь шла не просто о позициях, а об Одессе. Оборона

такого крупного города на изолированном плацдарме, в тылу у врага, явилась бы задачей совершенно необычной — память не подсказывала решительно никаких подходящих примеров из прошлого. Возникали бесчисленные вопросы, на которые бесполезно было требовать от кого-либо исчерпывающего ответа — его, очевидно, могла дать лишь сама жизнь.

* * *

Генерал-лейтенант Софронов остановился с дороги у Чибисова — они, оказывается, знали друг друга еще по службе в Уральском военном 'округе. Вечером командарм появился в штабе, уже осведомленный об обстановке и основных наших заботах.

Штарм к тому времени обосновался в здании Строительного института на укромной, почти непроезжей улице Дидрихсона, которую местные жители чаще называли Староинститутской. В соседнем дворе заканчивалось оборудование помещения, выбранного Чибисовым для подземного КП. Там уже действовал армейский узел связи, откуда Софронов смог переговорить по буквопечатающему аппарату с командующим Южным фронтом И. В. Тюленевым.

Новый командарм не торопился отдавать распоряжения, ставить задачи. Очевидно, не в его привычках было проявлять власть, не вникнув досконально в положение дел. Чувствовалось, однако, что он рассчитывал застать под Одессой не такую армию, какую застал (как рассказывал позже Г. П. Софронов, начальник Генерального штаба Г. К. Жуков излагал ему в Москве так и не реализованный план развернуть Приморскую группу войск в сильную армию в составе пяти-шести дивизий).

Георгий Павлович Софронов встретил войну заместителем командующего войсками Прибалтийского Особого военного округа. Ему было уже под пятьдесят. Софронов сразу располагал к себе. Открытое лицо, доброжелательный взгляд. Держался он просто, даже как-то по-домашнему. Вскоре мы оценили его как человека прямого и душевного, не любителя излишней официальности. При этом он обладал сильным, твердым характером, огромной выдержкой.

Приезду Софронова очень обрадовался начарт Рыжи, служивший в двадцатые годы в дивизии, которой тот командовал. От Николая Кирьяковича Рыжи я немало узнал о нашем командующем. Позже и сам Георгий Павлович вспоминал иногда что-нибудь интересное из своей богатой событиями жизни.

Софронов был старым коммунистом, еще до Октября связавшим свою судьбу с большевистской партией. И вместе с тем старым военным, прапорщиком русской армий в первую мировую

войну.

Некоторые страницы его биографии открывались для нас подчас совсем неожиданно. Когда на второй или третий день после его приезда обсуждался у карты план строительства укреплений, командарм обнаружил знание особенностей отдельных районов города, расположения многих предприятий. Только называл их по-дореволюционному — завод Геза, "Ропит"… Поймав чей-то вопросительный взгляд; Георгий Павлович усмехнулся:

— А вы не знали, что я старый одессит?

И выяснилось, что еще почти четверть века назад он воевал на одесских улицах. В конце семнадцатого года солдатский комитет 6-й армии поручил бывшему прапорщику Софронову командовать отрядом в пятьсот штыков, посланным из Измаила в помощь красногвардейцам Одессы для подавления мятежа гайдамаков. После Январского восстания, утвердившего в городе Советскую власть, тот же бывший прапорщик работал в штабе Социалистической армий, сформированной для защиты Одессы от вторгшихся на Украину румыно-немецких войск…

Ничего этого мы не подозревали. Но кто-то в Москве, как видно, помнил давний этап боевого пути генерала Софронова. Не потому ли именно его послали с другого фронта в Одессу, которой снова угрожал враг? Учли, возможно, и то, что после гражданской войны он был комендантом Архангельского укрепрайона, где тоже требовалось держать оборону сообща с моряками.

В Москве, в Генеральном штабе, Софронова предупредили, что Приморской армии, может быть, придется вместе с силами Черноморского флота воевать в тылу у врага, удерживая плацдарм, который очень понадобится, когда наши войска перейдут на юге в контрнаступление.

В принципе это была та же задача, о которой уже говорил в штарме член Военного совета Ф. Н. Воронин. С той лишь разницей, что плацдарм представлялся в виде широкой полосы побережья, включающей и Одессу, и Очаков, и, очевидно, Николаев. Поэтому, вероятно, в Генеральном штабе и шла речь о большем числе дивизий. Но пока Софронов добирался из Москвы через Полтаву, обстановка на Южном фронте успела сильно измениться.

Командарм оказался в нелегком положении. Ему были знакомы Одесса и ее окрестности. У него, как говорится, лежала душа к этим местам, связанным с боевыми делами его молодости. Однако при всей своей военной опытности он не знал — и для оперативных работников штарма это не могло оставаться

секретом, как прикрыть и Одессу и Николаев двумя стрелковыми дивизиями.

Да и кто знал это? Пока прочно держалась на Днестре не только наша, но и соседняя 9-я армия, можно было обходиться на 160-километровом фронте и двумя дивизиями, опираясь на Тираспольский укрепрайон. Теперь же одну из них — 95-ю Молдавскую уже связали тяжелыми боями крупные силы противника, форсировавшие Днестр между Григориополем и Дубоссарами. Всякое расширение вражеского плацдарма на левом берегу легко могло разорвать наш стык с 9-й армией. В то же время над обеими армиями нависала угроза с севера, где продолжала продвигаться танковая группа фон Клейста.

Докладывая о состоянии Приморской армии командующему фронтом, Г. П. Софронов просил усилить ее двумя дивизиями или же снять с нее ответственность за николаевское направление, соответственно изменив разгранлинию с 9-й армией. Но этот разговор по прямому проводу ничего не изменил. Генерал армии И. В. Тюленев ответил, что усилить Приморскую армию сейчас не может, и подтвердил, что николаевское направление остается за нами.

Питать в тот момент надежду на то, что нам дадут две новые дивизии, можно было, пожалуй, лишь вследствие недостаточной нашей осведомленности об обстановке на Южном фронте в целом: мы еще не представляли, что происходит с армиями правого крыла — 6-й и 12-й, отрезанными от своих тылов.

В начале августа продолжались попытки восстановить фронт по Днестру севернее Тирасполя — все теми же силами, которые действовали там до сих пор.

Стремясь, как всегда, не просто зафиксировать, но и оценить происходящие события, мой помощник старший лейтенант Садовников занес 3 августа в журнал боевых действий:

"Ликвидация дубоссарской группировки приобретает исключительное значение, так как противник занял Первомайск и соединение первомайской и дубоссарской группировок создаст тяжелое положение для 9-й и Приморской армий…"

Против такой оценки трудно было что-либо возразить. Требовалось, однако, иметь план действий и на тот — теперь уже более чем вероятный — случай, если ликвидировать неприятельский плацдарм на левом берегу Днестра не хватит сил. Тогда именно с дубоссарского плацдарма следовало ожидать главного в нашей полосе обороны вражеского удара. Направленный в стык с 9-й армией, он сразу создал бы угрозу охвата противником нашего правого фланга.

Чем подкрепить правый фланг? Прежде всего, конечно,

кавалерийской дивизией И. Е. Петрова, представлявшей собой маневренный резерв армии. На худой конец, можно перебросить туда и один полк Чапаевской дивизии, а затем выдвигать на угрожаемое направление пограничников, одесские истребительные батальоны и все, что удастся дополнительно сформировать за счет ресурсов военно-морской базы и города.

К этому и сводились предложения штаба, доложенные командарму Г. Д. Шишениным. Командующий согласился с ними, но приказал, чтобы к выдвижению на правый фланг был готов также второй полк чапаевцев.

Несколько позже, посоветовавшись с дивизионным комиссаром Ф. Н. Ворониным и еще находившимся в Одессе Н. Е. Чибисовым, Г. П. Софронов принял решение, неожиданное в тот момент даже для Шишенина: начать свертывание Тираспольского укрепленного района.

Тирасцольский УР был хорошим щитом Одессы. Вышло, однако, так, что основная огневая мощь укрепрайона оказалась в стороне от главных событий последних дней, разыгравшихся севернее — выше по Днестру. Между тем уровцы представляли большую боевую силу и без своих дотов: почти 500 станковых и более 300 ручных пулеметов, тысячи отборных, отлично обученных бойцов… Другими словами, несколько пулеметных батальонов, способных прикрыть трудные участки.

Так и решил командарм использовать эту силу, точнее, пока лишь некоторую ее часть. Приказ, отданный коменданту ТИУР 5 августа, предусматривал разоружение дотов на южном участке. Севернее частично разоружались доты, стоящие в глубине (в них оставлялось по одному пулемету), и сохранялись с полным вооружением находящиеся непосредственно на берегу. Высвобожденные пулеметы шли на, усиление дивизий и в армейский резерв. Создавался и подвижной резерв ТЦУР.

Был ли в таком решении риск? Конечно был, хотя и представлялось маловероятным, чтобы противник попытался в ближайшие, дни захватить где-то на левом берегу новый плацдарм южнее дубоссарского. Однако, оставляя укрепрайон на месте, мы тоже рисковали — могли потерять крайне нужные армии огневые средства. Ведь на то, чтобы снять и вывезти вооружение из сотен дотов, требовалось время. Кто мог поручиться, что оно у нас будет, если противник от Григориополя обойдет укрепрайон с тыла?

Дальнейший ход событий оправдал действия Софронова. Тираспольским пулеметчикам, как и артиллеристам укрепрайона, влившимся в полевые войска, суждено было сыграть в обороне Одессы немаловажную роль.

Новые указания получил и начальник инженерных войск армии полковник Г. П. Кедринский, с которым командарм выезжал на оборонительные рубежи, создававшиеся между Одессой и Днестром.

По первоначальному плану, исходившему от командования Южного фронта, намечались три основных рубежа: в 60, 40 и 20–25 километрах от города. Причем первые два должны были прикрывать вместе с Одессой обширную полосу побережья вплоть до Южного Буга. Фронт обороны на первом рубеже составил бы 225 километров, на втором — около 1/5. Расчет, таким образом, делался явно не на две или три дивизии. Такие рубежи мог иметь приморский плацдарм, удерживаемый большой армией, о котором говорили с Г. П. Софроновым в Генштабе…

План, однако, оставался в силе, и в степи работали два управления военно-полевого строительства, подчиненные начинжу армии. Копали в первую очередь противотанковые рвы: считалось, что это самое важное. К началу августа больше всего успели сделать на первом рубеже, но еще нигде работы не были завершены.

Командарм сообщил Шишенину, что Кедринскому приказано переключить все силы на второй рубеж, на участке от Беляевки до Тилигульского лимана, и на третий, ближайший к Одессе, на всем его протяжении (примерно 140 километров) от села Маяки на западе до Аджиаски на востоке. Софронов потребовал также, чтобы прежде всего отрывались не противотанковые рвы, а стрелковые окопы.

К увлечению рвами Георгий Павлович относился весьма критически. После поездки с Кедринским он рассказывал в штарме, как на Северо-Западном фронте, откуда Софронов только что прибыл, рвы, вырытые на тыловых рубежах, создавали порой больше затруднений своей пехоте и артиллерии, чем немецким танкам.

Явившись однажды к командарму с какой-то требовавшейся ему справкой, я застал у Г. П. Софронова коренастого, широкоплечего моряка с нашивками контр-адмирала. Сразу понял, что это Гавриил Васильевич Жуков командир Одесской военно-морской базы, только что назначенный начальником гарнизона.

У Жукова было обветренное, тронутое когда-то оспой лицо, несколько хмурое и очень волевое. Я знал, что он участник гражданской войны. Побывал и добровольцем в Испании, где заслужил два ордена.

В Одессе контр-адмирал служил около трех лет и был известен в городе. Он являлся членом обкома партии,

кандидатом в члены ЦК КП(б) Украины. Общаясь с одесскими моряками, нельзя было не заметить, что Жукова в базе не просто уважают, по и любят. Людям импонировали его боевая биография, решительность, воля.

В первых числах августа командование Одесской базы занималось необычным для него делом — из моряков спешно формировались два сухопутных полка.

Полками они были скорее по названию, а по численности ближе к батальонам: в одном набралось 1300 бойцов, в другом — около 700. Больше на первых порах взять было неоткуда. Сюда зачислили и школу младших командиров, и различные береговые команды, и всех, без кого можно было обойтись на кораблях, батареях, постах связи.

Вооружить эти полки оказалось не так просто — винтовки для них собирались по всем подразделениям базы (у матросов ведь не то что у солдат — винтовка есть далеко не у каждого). И, наверное, только авторитет контр-адмирала Жукова в городских организациях, знание им местных ресурсов помогали быстро нащупать возможности получения еще кое-какого вооружения. На одном предприятии, отнюдь не военном, в срочном порядке налаживалось изготовление ручных гранат. На другом — законсервированном в начале войны стекольном заводике — взялись делать бутылки с горючей смесью — оружие против фашистских танков.

Все это требовалось, конечно, не только для морских полков.

В наш воинский обиход в то время еще не успело войти понятие "морская пехота". Одесская база назвала свои краснофлотские полки просто 1-м морским и 2-м морским. Но это и были морские пехотинцы, причем, вероятно, одни из самых первых на всем фронте.

К 5 августа 1-й морской полк был в основном сформирован. Правда, он еще не имел ни средств связи, ни даже саперных лопат, не говоря уж об артиллерии. Но мы считали его резервом для выдвижения на правый фланг. 2-й полк командование базы предназначало для прикрытия порта: события могли обернуться по-всякому.

Тем временем еще один полк сформировался на основе 26-го погранотряда, дополненного личным составом других подразделений НКВД. Тут с оружием затруднений не возникло: у пограничников оно всегда при себе, да и в запасе кое-что было.

Не приходилось сомневаться, что в трудный час подкрепит Приморскую армию и сама Одесса. Конечно, горвоенкомат мог дать нам не слишком много: основной контингент военнообязанных, мобилизованный в первые дни войны, был

давно на фронте. В резерве военкома оставалось лишь несколько тысяч запасников старших возрастов. Но когда к советскому городу подступал враг, в армию шли не только те, кто состоял на военном учете.

Еще в начале июля в Одессе началась запись добровольцев в истребительные батальоны и отряды народного ополчения. На одном лишь заводе имени Октябрьской революции в них вступило две тысячи человек, на фабрике имени Воровского семьсот, почти столько же в торговом порту, а всего по городу — многие тысячи. Часть их, правда, должна была потом уехать в связи с эвакуацией ряда предприятий. Но те, что оставались в городе, проходили без отрыва от производства военную подготовку — ежедневно по два-три часа.

Каждый из семи районов Одессы имел по своему батальону. Еще один, восьмой, создали железнодорожники. Бойцы этих батальонов, мужчины и женщины, не носили формы. Но они осваивали винтовку и пулемет, учились метать гранаты и бутылки с зажигательной смесью, привыкали являться на сборные пункты по сигналу тревоги. И очень скоро многие из них оказались на переднем крае.

События на юге развивались стремительно. 4 августа прервалась проводная связь со штабом фронта. Как выяснилось затем, он отбыл из Вознесенска в Николаев. Оттуда войскам фронта 6 августа был отдан приказ об отходе на линию Чигирин, Вознесенск, Днестровский лиман.

Приморской армии приказывалось отходить на рубеж, проходящий через Березовку, Катаржино, Раздельную, Кучурганский лиман. Таким образом, наш правый фланг оттягивался от Днестра, развертываясь фронтом к северу, левый же оставался у Днестровского лимана.

Мы тогда не знали, что для основных сил Южного фронта новый рубеж по Бугу — только промежуточный и что Ставка Верховного Главнокомандования разрешила им отход на Днепр, с тем чтобы там остановить врага. Не знали мы еще и того, что в директиве Ставки от 5 августа есть пункт, касающийся непосредственно нас: "Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот".

С момента подписания этой директивы, вносившей в задачу Приморской армии полную и окончательную ясность, историки ведут теперь счет дням Одесской обороны. Правда, до нас требование Ставки дошло лишь несколько суток спустя в приказе главкома Юго-Западного направления С. М. Буденного. Но суть не в датах. Директива Ставки подтверждала в решительной и категорической форме то, что уже выполнялось и армией, и

моряками.

Из того же приказа главкома направления неожиданно стало известно, что в Приморскую армию теперь входит также 30-я горнострелковая дивизия, — сосед 95-й Молдавской. Обрадовавшись, мы поспешили отвести ей полосу обороны на правом фланге нового рубежа.

Но радоваться было рано. Развивая наступление от Днестра, ударная группировка противника врезалась между нашей и 9-й армиями. При этом большая часть 30-й дивизии оказалась по ту сторону быстро расширявшегося вражеского клина. Нам никак не удавалось даже передать в ее штаб приказ. Два офицера связи вернулись, не выполнив задания, третий пропал без вести.

До штарма, правда, добрался с группой командиров комиссар 30-й дивизии П. А. Диброва, сослуживец нашего командарма по Прибалтийскому Особому военному округу.

Г. П. Софронов объяснил комиссару задачу дивизии, показал на карте предназначавшийся ей рубеж. И, расщедрившись, выделил для нее десятка два пулеметных расчетов из армейского резерва. С тем Диброва и отбыл.

Обнаружить дивизию, установить с ней контакт поручалось еще не раз нашей кавалерийской разведке. Однако конники, углубляясь в степь, натыкались лишь на колонны противника.

Приморская армия, так и не получила эту дивизию. Как стало известно уже потом, остатки 30-й горнострелковой, ведя тяжелые бои, отошли с частями 9-й армии к Южному Бугу. Только там встретился с ними комиссар Диброва, группе которого посчастливилось благополучно выйти к Николаеву. Указания, полученные комиссаром от командарма Софронова, к тому времени утратили практический смысл.

Неясным было в те дни кроме положения с 30-й дивизией и многое другое.

Потеряв контакт с соседом справа, не имея радиосвязи со штабом 9-й армии (не. удавалось регулярно поддерживать ее и со штабом фронта), мы с опозданием и порой из случайных источников узнавали, где находится и куда движется противник, прорвавшийся от Днестра и наступавший с севера. О том, что идут бои у самого Вознесенска, сообщили, например, одесские железнодорожники.

Однако хуже всего было то, что прерывалась связь с частями самой Приморской армии, отходившими на новый рубеж. В то время радио использовалось в полевых войсках еще очень ограниченно. Существовали к тому же преувеличенные опасения, будто противник по любой радиопередаче засекает наши штабы. Проводная же связь при передвижении войск не могла быть

постоянной.

Как выполняется приказ об отходе? Где в данный момент наш передний край? Не образуются ли разрывы между частями? Выяснение этого сделалось главной заботой и первой обязанностью штаба. Опасно было проглядеть возникновение какого-нибудь вражеского клина. Мы посылали кого только можно навстречу снявшимся со старых позиций частям, наказывая быстрее возвращаться с достоверными данными об обстановке. И все-таки на запрос командарма о том, где сейчас такой-то полк, нередко приходилось отвечать: по расчетам, должен быть там-то.

Уравновешенный и сдержанный Гавриил Данилович Шишенин мог чувствовать себя спокойно и уверенно даже в очень сложной обстановке, если знал, что рабочая карта достаточно, точно отражает положение дел на фронте. Но сейчас наши карты явно отставали от событий.

Когда командарм приказал снимать вооружение и выводить людей из тех дотов Тираспольского укрепрайона, которые оставались неразоруженными, начальник штаба Шишенин решил лично обеспечить переброску пулеметчиков на новые рубежи. Транспорта для доставки туда бойцов не хватало, я часть уровских пулеметных батальонов выступала в пешем строю. Освобождавшиеся машины высылались им навстречу.

Особенно нужны были эти батальоны для прикрытия правого фланга, где приходилось закрывать брешь, образовавшуюся из-за отсутствия 30-й дивизии. К тому же, после того как противник отрезал приморцев от 9-й армии, трудно было сказать, где, собственно, этот фланг кончается.

Мы еще пытались восстановить тактическую связь с правым соседом силами кавалерийской дивизии генерала Петрова. А в район между Тилигульским и Куяльницким лиманами выдвигались все наличные резервы — 1-й морской полк, полк НКВД, разные мелкие подразделения.

Все это стало именоваться группой Монахова: комбригу С. Ф. Монахову, ведавшему раньше в штабе Одесского военного округа боевой подготовкой войск, командарм подчинил разнородные части, которым предстояло стать заслоном Одессы с севера и северо-востока. Военкомом этого временного соединения был назначен самый опытный из политработников, имевшихся в распоряжении поарма, — бригадный комиссар Г. М. Аксельрод.

На войне бывают дни, когда обстановка непосредственно вокруг тебя, на твоем участке фронта, становится столь напряженной, что ты способен забыть обо всем, происходящем где-то дальше. Такое время настало и для нас. В эти несколько

суток организации обороны на новых рубежах все наши мысли были о том, к т; остаться хозяевами положения, предотвратить прорыв фронта, изыскать еще какие-то резервы, получше их использовать и стабилизировать положение частей.

Войска отошли от Днестра, где существовали как-никак и естественная преграда, и полоса укреплений. Теперь надо было остановить противника среди ровной степи, где никогда не предвиделся фронт и сейчас были скорее намечены, чем оборудованы, оборонительные позиции.

Как обойтись здесь двумя стрелковыми дивизиями и отдельными, спешно сколоченными полками при полосе обороны, на которую нужно бы иметь дивизий восемь-десять? Эта мучительная задача подчас заслоняла в сознании события на остальном фронте. К тому же в те дни мы меньше, чей когда-либо, были в курсе того, что происходит у соседей.

— Ясно одно, что надо драться! — изрекал, бывало, капитан Харлашкин.

Действительно, иной раз только это и было ясно до конца: что бы там ни получалось на карте, чем бы ни грозил враг, все равно надо драться — такое наше дело, таков наш долг. И должно быть, эта беспощадная ясность в самом главном тоже способна прибавлять силы, укреплять твердость духа.

* * *

При одном выезде из штаба для проверки выхода войск На новые рубежи довелось наконец встретиться с майором Николаем Васильевичем Богдановым, о котором столько слышал еще у дунайской границы. Его 265-й артиллерийский полк только что занял огневые позиции в районе села Дальник к западу от Одессы.

Этому полку суждено было сыграть выдающуюся роль в боях ближайших недель. Но тогда одесская слава богдановцев еще была впереди. И уж, конечно, я не мог представить, что усталый майор с депутатским значком Верховного Совета Украины, сидевший передо мной на связке кукурузных стеблей, скоро удостоится чуть ли не от самого Антонеску такой "чести", как назначение за его голову особой награды в 50 тысяч лей.

После того как я выяснил состояние полка и ответил на вопросы, имевшиеся к штабу, Богданов рассказал о недавнем бое в приднестровском селе. Полк остановился там, ожидая горючего для тягачей, а к селу тем временем прорвались вражеские танки. Пришлось вручную вкатить орудия в сады по обе стороны главной улицы и бить по танкам прямой наводкой, метров с пятисот. Три танка сожгли, остальные повернули обратно…

Вслед за тем боем был еще один, на марше сюда — с

танками, сбившими заслон отходивших на одесские рубежи войск. Богданов успел развернуть свои дивизионы, и снова несколько танков было уничтожено прямой наводкой. А главное — отражена попытка врага с ходу прорваться туда, где еще не успела занять оборону наша пехота.

Тяжелая артиллерия предназначена вести огонь издалека. И 265-м полком, естественно, дорожили как особо мощной огневой силой, берегли для использования но прямому назначению. Но на войне приходится решать и непредвиденные задачи. На каких учениях тяжелый артполк поставили бы на передний край в качестве противотанкового? Однако богдановцы оказались подготовленными и к этому.

При прощании Николай Васильевич сказал:

— Приезжайте к нам, товарищ полковник, немного погодя на новоселье. Вот устроятся расчеты в землянках поуютнее, может быть, даже тесом разживемся стены обшить, полы настлать… Ну и баня запланирована, столовая комсостава. Приезжайте — посмотрите.

Вот оно как! Только что заняты новые позиции. Общая задача — во что бы то ни стало выстоять. При мне Богданов предупреждал командиров дивизионов и батарей, что по-прежнему должны быть наготове для раздачи расчетам ручные гранаты — мало ли что… И в то же время уже думают, оказывается, о нехитрых удобствах солдатского быта, о собственной баньке…

Худощавое лицо майора выглядело усталым и осунувшимся. Должно быть, давно по-человечески не спал, как и все в полку. И я понял: то, о чем он сейчас заговорил, занимает его, конечно же, не только в силу привычки заботиться о подчиненных. Тут нечто большее. Если вдуматься, то фронтовая баня и благоустройство землянок (а все намеченное богдановцы осуществили) приобретали сейчас особый смысл. Разве не должно и это укреплять у людей уверенность, что здесь они обосновались прочно?

"Умный командир!" — подумалось мне. И вспомнилась фраза, которую произнес Николай Васильевич в разговоре с артиллеристами полчаса назад:

— Раз подошли к Одессе, значит, отступать кончили.

Знакомство с майором Богдановым оставило чувство гордости за командиров, которые выросли, сложились в мирные годы, но умеют учитывать все, от чего зависит успех на войне.

А в штаб армии прибыл тем временем невысокий полковник, с бритой наголо головой и густыми темными бровями, — комендант Тираспольского укрепрайона Григорий Матвеевич

Коченов, разоруживший последние свои доты у Днестра.

Медаль "XX лет РККА" на его гимнастерке свидетельствовала, что это ветеран Красной Армии. Сейчас он держался как-то скованно, стесненно. Нетрудно было понять, что творится на душе у командира, оставившего по приказу укрепленный рубеж, который он и его подчиненные привыкли считать неприступной крепостью и где приготовились стоять насмерть…

Сидеть без дела коменданту ТИУР, разумеется, не пришлось.

— Будете со своими инженерами строить баррикадную оборону, — объявил ему командарм. — Оборудованием рубежей на подступах к городу занимается теперь генерал Хренов. Но нужны укрепления и в самой Одессе. Лучше, конечно, чтоб не понадобились никакие баррикады, а иметь их все-таки следует.

Штаб ТИУР располагал опытными инженерами-фортификаторами. Им доводилось строить не только доты. Если Днестр угрожал большим разливом, под их руководством возводились заградительные валы и плотины. Коченов распределил своих фортификаторов по районам Одессы, где жители города уже сооружали баррикады с бойницами и узкими проходами для пешеходов и транспорта. Сначала строили три пояса таких заграждений, затем их стало шесть: первый — на окраинах, последний — невдалеке от причалов порта.

8 августа с 19 часов начальник гарнизона по решению Военного совета армии объявил Одессу на осадном положении. Для входа и въезда в город вводились особые пропуска, движение транспорта и пешеходов по улицам разрешалось с шести утра до восьми вечера. Вместе с этим приказом на стенах домов и афишных тумбах расклеивалось обращение обкома и горкома партии, областного и городского Советов к населению: "Товарищи! Враг стоит у ворот Одессы…" — так начиналось оно.

Горькие и тревожные слова, от которых у людей сжималось сердце, суровели лица, невольно ускорялся шаг. Все понимали: осадное положение означает, что фронт совсем близок.

Но именно в этот день в штабе вздохнули с облегчением — становилось ясно, что части Приморской армии организованно, не давая противнику вклиниться в свои боевые порядки, занимают указанные им рубежи.

Особенно радовались этому моряки. Приподнятое настроение в штабе военно-морской базы так и чувствовалось при любом телефонном разговоре по самым обыденным делам. Одесские моряки готовились к худшему — к тому, что окажутся перед прорвавшимся врагом одни или с очень малочисленными другими частями. О такой возможности предупреждал командование базы нарком Военно-Морского Флота, требуя

оборонять Одессу при любых обстоятельствах.

В штабе Одесской базы пересчитывали свои наличные силы и возможные резервы, расставляли их, пока на бумаге, по периметру ближайших к городу оборонительных рубежей и пытались дать себе отчет: сколько дней, учитывая и баррикадные бои на улицах, можно продержаться против пяти — семи фашистских дивизий? И как надеялись, что остаться одним все-таки не придется, с каким ликованием встречали известия, что основные силы Приморской армии не отброшены на восток, не откатываются к городу с противником на плечах, а уверенно закрепляются на рубежах Одесской обороны!

В бои за город армейцы и моряки вступали плечо к плечу. Занял свой участок обороны у Аджалыкского лимана 1-й морской полк. Вышли на огневые позиции шесть подвижных береговых батарей Одесской базы, а пять стационарных повернули стволы своих орудий в сторону суши. Из кораблей базы был сформирован отряд Северо-Западного района, получивший приказ наркома ВМФ — войска на берегу поддерживать до последнего снаряда.

Обстановка подсказывала целесообразность централизованного (насколько это окажется возможным) управления огневыми средствами. Горячим поборником этого был прежде всего Николай Кирьякович Рыжи.

— Авиации у нас немного, танков и вовсе нет, — доказывал он в штарме. — В сущности, артиллерия — единственная сила, которая всегда может поддержать пехоту. Тем важнее собрать эту силу в кулак, иметь возможность сосредоточивать огонь и полевой, и береговой, и корабельной артиллерии там, где он особенно нужен.

Рыжи и его начальник штаба майор Н. А. Васильев легко достигли взаимопонимания с артиллеристами военно-морской базы. К началу боев на дальних подступах к городу все береговые батареи были включены в зависимости от их калибра и других данных либо в группы поддержки пехоты, либо в группы дальнего действия, управляемые штабом артиллерии армии.

Пока войска выходили на новый рубеж, штаб артиллерии еще не знал, сколько у нас окажется полевых орудий. Особенно тревожила в этом отношении 95-я дивизия: ее артиллеристы, прикрывая пехоту, много раз вели огонь прямой наводкой, и у них могли быть значительные потери. К счастью, оказалось, что артполки и дивизионы сохранили боевую технику почти полностью.

Итог, подведенный полковником Рыжи, был такой: армия имеет 303 орудия (считая и 45-миллиметровые). Небогато, если учесть, что ширина фронта, потом сократившегося, составляла

более 150 километров. Однако могло быть и хуже.

Прибавлялось еще 35 орудий береговых батарей (самые мощные имели калибр 180–203 миллиметра и дальность стрельбы до 35 километров). Около 30 стволов насчитывалось в корабельном отряде поддержки.

Мы не располагали пока данными о том, сколько артиллерии стягивает к Одессе противник. Не приходилось, однако, сомневаться, что у врага ее окажется больше, чем у нас (как потом выяснилось, больше примерно в пять раз). Тем дороже было каждое наше орудие.

Немало уже повидали с начала войны пушки, оказавшиеся на одесских рубежах. Многие из них помогали три недели держать фронт на Пруте, а потом на Днестре. Некоторые участвовали в уличных боях в Кишиневе. Другие были буквально на руках пронесены своими расчетами через все преграды в лесистых молдавских горах — Кодрах…

Я уже говорил о предусмотрительности штаба артиллерии. Проявилась она и в том, что на рубежи, занимаемые стрелковыми полками, на их передний край были сразу посланы артиллерийские наблюдатели. Артиллерия как бы приближалась к пехоте, ускорялся вызов огня при отражении вражеских атак.

Предусматривался и широкий маневр огнем: каждое артиллерийское подразделение ориентировалось на поддержку всех, до чьих участков оно могло "достать". Поддержку богдановского полка и береговых батарей, особенно после того как фронт сократился, стала ощущать практически вся Приморская армия. Что это значило, читатель еще увидит. Не только противнику, но и нам самим порой казалось, будто артиллерии у нас больше, чем было на самом деле. Конечно, когда хватало снарядов.

* * *

Группировка противника, наступавшая севернее Тирасполя, не задерживаясь под Одессой, продвигалась дальше на восток. Для штурма города гитлеровское командование, по-видимому, намеревалось использовать в основном войска своего союзника Антонеску.

А тот явно решил обеспечить себе верный успех большим численным перевесом в силах. Штабные разведчики называли все новые неприятельские дивизии, стягивавшиеся к нашему плацдарму: 3, 7, 11, 15, 25-я пехотные, 1-я кавалерийская, гвардейская, пограничная… А на подходе — еще другие (к середине августа вокруг Одессы сосредоточилось уже восемь дивизий и две бригады, в том числе одна танковая).

В то время противник не сомневался, что овладеет городом

быстро. Несколько позже в наши руки попал документ румынского командования, в котором предписывалось: "Одессу взять к 10 августа, после чего дать войскам отдых…" Когда мы это читали, назначенный срок был уже позади. Но и не зная точных сроков, в которые враг намечал быть в городе, мы отдавали себе отчет, что он, вероятно, попробует ворваться в Одессу почти с ходу.

Кажется, именно 10 августа в штарм сообщили по телефону о неожиданной посадке на гражданском аэродроме немецкого транспортного самолета. Из него выскочили офицер и полтора десятка фашистских солдат. Паля во все стороны из автоматов, они пытались захватить аэродром, — очевидно, для приема десанта. Бойцы истребительного батальона, охранявшие аэродром, не растерялись и перебили обнаглевших гитлеровцев.

Днем раньше у Аджалыкского лимана, где наши части переходили на новые рубежи, было сброшено около роты немецких парашютистов в красноармейской форме. И эту диверсию удалось пресечь — с парашютистами разделались оказавшиеся поблизости конники. Однако такие факты лишний раз напоминали: враг надеется одолеть нас, что называется, с налету.

На фронте противник нажимал то там, то тут, пытаясь нащупать наиболее слабые места еще только складывавшейся обороны.

На северо-западе мы оказались вынужденными оставить под натиском врага узловую станцию Раздельная. К востоку и северо-востоку от города группе Монахова не хватило сил удержаться на линии, включавшей в себя Тилигульский лиман — самый большой и глубокий из одесских лиманов после Днестровского. К 11 августа наша оборона опиралась уже на Аджалыкский лиман, а дальше проходила через Булдинку, Свердлово, Ильинку, Чеботаревку и потом, удаляясь от города, через Александровку, Бриновку, Карпове, Беляевку к Днестровскому лиману.

Так определились рубежи, удерживать которые наличными силами было хотя и очень трудно, но все же, пожалуй, возможно. Начинался сравнительно недолгий этап Одесской обороны, который потом стали называть периодом боев на дальних подступах к городу. Дальность их была, впрочем, относительной. На правом фланге от переднего края до города оставалось меньше тридцати километров. В центре и на левом — около сорока, а местами немного больше.

Ночью 10 августа, после того как у командарма закончилось подведение итогов боевого дня, Георгий Павлович Софронов попросил начальника оперативного отдела Воробьева остаться.

Четверть часа спустя Василий Фролович, необычно взволнованный, заглянул ко мне и сказал с порога:

— Вас вызывает командарм.

Софронов шагал по кабинету между койкой и столом, на котором лежали развернутые карты.

— Вот что, Николай Иванович, — остановился он. — В первом отделе с сего часа считай себя. хозяином. А Фролович примет девяносто пятую дивизию. Там все-таки у нас временный командир — он пойдет на полк…

В первое мгновение я не понял, что Фролович — это генерал Воробьев. При мне Софронов в первый раз назвал его так запросто.

Впоследствии Василий Фролович говорил мне, что обрадовался назначению. О том, как хотелось ему командовать в будущем дивизией, я знал еще в годы нашей службы в 1-й Тихоокеанской. Но вряд ли он когда-нибудь думал, что придется принимать дивизию вот так — с боями отходящую на новый оборонительный рубеж.

За долгую службу в академиях и крупных штабах у генерала Воробьева выработалось педантичное, подчеркнуто уважительное отношение к принципам и требованиям воинской организации. Человек такого склада должен был особенно страдать от того, что тяжелое начало войны заставляло многое делать не так, как полагалось бы "по науке".

Василию Фроловичу нелегко было отступать от усвоенных в академиях правил. И со стороны порой казалось, особенно в первые наши одесские дни, будто он чувствует себя на войне, как на маневрах. Воробьев не уставал возмущаться отсутствием сведений о частях, с которыми оборвалась связь. Его коробило от нечетких формулировок, попадавшихся в поступавших из вышестоящих инстанций приказах. Приказы, готовившиеся им, отличались продуманностью каждой фразы, но часто получались очень длинными. А потом приходилось излагать исполнителям самую суть по телефону в нескольких словах…

Но Воробьев не хотел, чтобы самое трудное на войне его миновало. О том, чтобы ему доверили командную должность непосредственно на фронте, он, как я знал, просил уже не раз. И если волновался теперь, то, вероятно, из опасения, что его практический военный опыт, ограниченный сферой армейского и фронтового штабов, может оказаться недостаточным, чтобы уверенно войти в новую должность в столь сложной обстановке.

Конечно же, генерал Воробьев сознавал, какую Школу прошли за полтора месяца войны 95-я дивизия и ее командные кадры. Кстати, полковник М. С. Соколов, временно

командовавший дивизией, был учеником Василия Фроловича в Академии Генерального штаба.

Я от всего сердца пожелал своему начальнику и старому сослуживцу боевого счастья. В ту же ночь В. Ф. Воробьев отбыл в дивизию вместе с майором И. И. Чинновым, назначенным начальником ее штаба.

Как и следовало ожидать, часть прорвавшихся на восток неприятельских сил, миновав Одессу, довернула к морю. И еще до того, как советским войскам пришлось оставить Николаев и Очаков, приморцы оказались отрезанными на суше от остальных сил Южного фронта, от всей Красной Армии. Практически это произошло уже 10 августа, а окончательно- 13-го, когда враг закрепился на побережье в районе Аджиаски.

Я принес командарму карту, на которой линия нашей обороны своими очертаниями напоминала подкову, врезанную полукружием в берег, а концами упиравшуюся в море. Подкова была несимметричной — вогнутой с правой стороны.

Софронов долго стоял над картой в раздумье. Потом, отложив ее, стал, как обычно, спокойно и негромко, отдавать текущие распоряжения.

К этой подкове на карте, к тому, что окажемся на изолированном плацдарме, мы были готовы.

Город за линией фронта

О том, что Одесса осталась за линией основного фронта и отрезана на суше от всей страны, никто населению специально не объявлял. Но, разумеется, все знали, что город в окружении, на пятачке. Одесситы начали привыкать к этому, собственно, еще до того, как оказался окончательно перерезанным приморский тракт и оборвалась последняя ниточка проводной, связи, тянувшаяся через флотские береговые посты к Очакову. Ведь гораздо раньше перестали приходить, и уходить поезда. А некоторые ушедшие вернулись.

Все чаще произносились входившие в обиход слова

"Большая земля". Они становились собирательным обозначением всего, что находилось за двумя линиями фронта — ближней, одесской, и другой, главной, продолжавшей от нас удаляться.

С Большой землей соединяло город и нашу армию лишь море (существовал, конечно, еще воздушный путь, но он мог использоваться очень ограниченно). Причем морская дорога к Крыму и Кавказу стала далеко не безопасной.

Блокады Одесского порта в прямом смысле наши моряки не опасались: у противника — во всяком случае, пока — было слишком мало для этого боевых кораблей. Но в море да и в порту суда атаковывала вражеская авиация. Транспорты с любым грузом надо было охранять, сводить в сопровождаемые боевыми кораблями караваны. В Одесской базе, как и на всем флоте, потребовалось организовать специальную конвойную службу, у которой все прибавлялось забот.

Порт, казавшийся весной полупустым, работал теперь интенсивно, с большой нагрузкой. Из Одессы продолжало эвакуироваться в тыл не нужное для обороны города заводское оборудование. На морские суда перегружалось все ценное из не успевших проскочить на восток железнодорожных эшелонов.

На запасных путях одесского узла скопились сотни паровозов, оставшихся тут без дела, но очень нужных стране. Моряки нашли способ отправить на Большую землю и их: паровозы загоняли в плавучие доки, которые уводились на буксире. Эвакуации морем подлежали также прибившиеся к нам при прорыве врагом фронта тылы соседних армий, их госпитали.

Между Одессой и портами Крыма и Кавказа курсировало 20–25 транспортов. Чтобы сократить до предела их стоянку у причалов, портовики нередко работали под бомбежками. А конвойная служба, изучая повадки фашистской авиации,

постоянно меняла время выхода транспортов из порта. И хотя отдельные суда получали повреждения, морские перевозки обходились вначале без существенных потерь. Первой тяжелой потерей на море явилась гибель транспорта "Ленин". На нем следовали в Новороссийск эвакуируемые жители города, в том числе много детей…

"Товарищи! Враг стоит у ворот Одессы…" — напоминали со стен домов суровые строки знакомого уже всем обращения городских организаций. Вторая декада августа начиналась в обстановке, когда враг не только стоял у ворот города, но и все яростнее ломился в них. Бои шли и на западе — под Беляевкой, и севернее Одессы — по обе стороны железной дороги на Тирасполь, и у Аджалыкского лимана.

Натиск на фронте сопровождался провокациями фашистских лазутчиков. В ночь на 12-е неожиданно начали поступать сбивчивые телефонные доклады о высадке в разных местах парашютных десантов. Кто докладывает — не поймешь. Были приняты меры, подняты истребительные батальоны. Однако парашютистов нигде не обнаружили. Как выяснилось, вражеские агенты, подключившись к линиям связи, пытались вызвать панику. Но это им не удалось.

Общая атмосфера сразу стала как-то спокойнее. Великое дело — ясность и определенность, а теперь мы уже твердо знали, что оборона у нас хоть и не ахти какая плотная, в основном в одну линию, но все-таки сплошная, без разрывов и брешей. Связь с новыми КП соединений работала сносно. О событиях на переднем крае штарм, как правило, узнавал своевременно. А если в армейском организме все становится на свое место, то и окружение не столь уж страшно. Мало ли в какие условия приходится попадать на войне!..

Генерал Воробьев доложил командарму, что удовлетворен состоянием принятой им 95-й дивизии. Командный пункт 95-й Молдавской был теперь вблизи станции Выгода. Заняв 25-километровую полосу обороны на самом ответственном направлении — противник мог считать его наиболее удобным для прорыва к городу, — дивизия одновременно и закреплялась там, и отбивала начавшиеся со следующего дня вражеские атаки.

Стойко обороняли свою полосу и чапаевцы. За 12 августа они уничтожили под Беляевкой семь фашистских танков. Об обеих дивизиях — 25-й и 95-й — нельзя было думать без чувства гордости. После семи недель непрерывных боев на Пруте, в Молдавии, на Днестре, откуда обе ушли последними, они встали на рубежи Одесской обороны не измотанные, а закаленные огнем, надежно прикрывая город.

Позади остались и тревоги за нашу кавалерийскую дивизию. С помощью ее мы долго надеялись восстановить контакт с 9-й армией, а потом пришлось опасаться, как бы конница, углублявшаяся в степь вплоть до района к северу от Очакова, не оказалась отрезанной подобно 30-й дивизии.

Разгромив с налета немецкое подразделение, вышедшее уже к морю и устроившееся на ночь в одном из сел, последним прорвался к Одессе с востока 5-й кавполк Ф. С. Блинова — сабельные эскадроны впереди, пулеметные тачанки в прикрытии…

Двумя днями раньше кавалеристы этого полка имели дело с фашистскими танками, вводя в бой свою 45-миллиметровую батарею. Два танка подбили. Их экипажи, просидев в неподвижных танках ночь и уразумев, что свои уже не выручат, сдались конникам.

Это были первые вражеские танкисты, попавшие в плен под Одессой, и притом не румыны, а немцы. По такому случаю командир устроил нечто вроде митинга: собрал полк, поставил перед ним пленных и обратился к конникам с речью. Такую картину застал приехавший в полк генерал Петров. Потом он рассказывал в штарме:

— Немцы обалдели от страха. Ждут небось, что их сейчас на части разорвут. А комполка все тычет и тычет на них пальцем: глядите, мол, хлопцы, на этих фашистских сморчков, глядите хорошенько — нам ли таких не одолеть! Он у нас оказался речист, этот Федор Сергеевич Блинов, старый буденновский орел. В гражданскую воевал в четвертой кавдивизии, у Оки Ивановича Городовикова…

Из дивизий и полков возвращались представители штаба и политотдела, обеспечивавшие занятие войсками новых рубежей, установление связи между соседями по фронту. Сведения об обстановке и состоянии частей становились все более полными. Пришло время, осмотревшись и исходя из конкретных условий, выработать наиболее удобную структуру управления силами обороны.

Собственно говоря, эту структуру подсказывали дугообразная линия переднего края и общий характер местности. Наш фронт пересекали меридионально расположенные одесские лиманы и идущие в том же направлении глубокие овраги. Они затрудняли маневр резервами вдоль фронта, ограничивали взаимодействие соседей. Напрашивалось поэтому разделение одесского плацдарма по всей его глубине не на полосы, а на секторы обороны со своими начальниками и штабами, отвечающими за определенные направления.

13 августа штарм представил Военному совету армии предложение об образовании трех секторов: Восточного, Западного и Южного. В тот же день командарм подписал соответствующий приказ, и деление плацдарма на секторы вступило в силу. Приказ обязывал войска оборудовать занимаемые позиции в инженерном отношении, подготовить их к длительной и упорной обороне.

Восточный сектор включал наш правый фланг до Хаджибейского лимана. Возглавил его комбриг С. Ф. Монахов, фактически уже командовавший всеми частями на этом направлении. Войсками сектора стали 1-й морской: полк, сводный полк НКВД, 54-й Разинский полк Чапаевской дивизии, остававшийся здесь с тех пор, как нам пришлось выдвинуть его для прикрытия оголенного тогда фланга, и батальон 136-го запасного полка.

Передний край Западного сектора проходил по дуге от Хаджибейского лимана до Секретаревки, совпадая с полосой обороны 95-й стрелковой дивизии. Ее командир В. Ф. Воробьев становился начальником сектора (в Одессе командиров, возглавлявших секторы, не называли комендантами, как потом в Севастополе).

Войскам Южного сектора, замыкавшего на левом фланге полукольцо нашего сухопутного фронта, поручалось держать оборону до Каролино-Бугаза в устье Днестровского лимана. За это направление отвечал командир 25-й Чапаевской дивизии полковник А. С. Захарченко, имевший в своем распоряжении два стрелковых полка. Как и другие части армии, они были усилены подразделениями пулеметчиков из ТИУРа.

Кавалерийскую дивизию при образовании секторов вывели в армейский резерв вместе с понтонным батальоном. Военно-морская база имела собственный небольшой резерв — 2-й морской полк, который скоро пошел на пополнение 1-го.

Подвижным резервом штаба армии стал также первый одесский бронепоезд (официально — бронепоезд № 22), вступивший в строй в эти дни. Он был детищем знаменитой "Январки" — завода имени Январского восстания, известного в городе своими революционными традициями.

Вспомнив, как делалось это в гражданскую войну, рабочие обшили обыкновенный паровоз и платформы листами корабельной брони. Руководить работами взялся старый мастер Г. Г. Колягин. Говорили, что некогда он участвовал в оснащении бронепоезда легендарного матроса Железняка. И чуть ли не в том самом тупичке заводских путей, откуда вышел теперь первый бронепоезд Одесской обороны.

Большую часть экипажа январцы укомплектовали своими добровольцами. Комиссаром бронепоезда стал секретарь Котовского райкома партии В. Р. Вышинский.

Возвращаюсь, однако, к секторам. Мы не стремились делать их одинаковыми ни по ширине фронта, ни по численности войск. Границы секторов в значительной мере определил рельеф местности. Как показало дальнейшее, три сектора обороны соответствовали трем основным направлениям ударов противника.

Секторное деление фронта помогало рационально использовать наличные огневые средства. После детального обсуждения у генерала Шишенина была принята схема их расстановки, разработанная штабом артиллерии.

Обе стрелковые дивизии поддерживались прежде всего своими штатными артполками, а также двумя дивизионами богдановского и группой флотских береговых батарей. Имея основания ожидать на первых порах главного удара противника в Западном или Южном секторе, мы создавали тут примерно вдвое большую плотность артиллерии, чем в Восточном. Там единственным полевым артполком был 134-й гаубичный, и его приходилось делить по дивизионам и даже по батареям между стрелковыми частями.

Но и Восточному сектору обеспечивался в случае необходимости огонь богдановцев. Кроме того, на правом фланге, в Чебанке, находилась одна из самых мощных береговых батарей Одесской базы — 412-я. В первый день боевых действий морского полка — 12 августа — она уже поддерживала его. Наконец, на этом направлении мог быть использован весь отряд кораблей поддержки, поскольку рубежи других секторов отстояли пока далеко от моря.

Распределяя огневые средства по секторам, штаб артиллерии полностью сохранял в своих руках возможность маневра траекториями в масштабе всего плацдарма. И хотя наличной артиллерии не хватало для одновременной поддержки всех войск, начарт имел возможность сосредоточить на том или ином узком участке фронта огонь многих батарей. Были бы снаряды!

Но с ними-то и возникли серьезные трудности. В отдельные дни полевая артиллерия расходовала больше одного боекомплекта — иначе было не остановить врага. Вдобавок при налете фашистской авиации мы потеряли несколько вагонов снарядов, находившихся на станции Застава. Примерно к 11 августа, когда учли все запасы, выяснилось, что, если не ограничить расход боеприпасов самым решительным образом, их хватит только на два-три дня. 122-миллиметровые снаряды

вообще были на исходе. Плохо обстояло дело и с 76-миллиметровыми самыми ходовыми.

Военному совету армии пришлось ввести жесткие ограничения на расходование боеприпасов, посадив многие батареи на голодный паек. Мы надеялись, конечно, получить снаряды в самое ближайшее время. Но пока регулярное снабжение армий, прекратившееся по суше, ещё не наладилось по морю.

Организация секторов делала систему обороны Одессы стройной, рассчитанной на то, чтобы удерживать приморский плацдарм долго и прочно — столько, сколько понадобится.

Огромное значение имело также решение о создании в тылу армии ряда новых укрепленных позиций. В окончательном виде принятая схема предусматривала 80-километровый передовой рубеж, второй и дополнительный передовые рубежи на западном и южном направлениях, а затем 50-километровый главный рубеж, имевший также вторую линию, и, наконец, рубеж прикрытия города, за которым следовали укрепления в городской черте.

Передовой рубеж опирался на Большой Аджалыкский и Днестровский лиманы, проходя между ними на расстоянии 20–25 километров от окраин Одессы. Главный рубеж отстоял от города на 8-14, а его вторая линия — на 6–8 километров.

Непосредственное руководство сооружением новых оборонительных линий взял на себя прибывший в Одессу в начале августа начальник инженерных войск Южного фронта генерал-майор А. Ф. Хренов. В его распоряжение перешли девять инженерных и тринадцать строительных батальонов. В создании укреплений продолжали участвовать тысячи жителей города. Часто на фортификационные работы, особенно в пределах Одессы и вблизи нее, выходили в полном составе коллективы предприятий и учреждений во главе с директорами, секретарями парторганизаций.

А часть сформированных в городе истребительных батальонов была уже на фронте.

Запомнилось первое поступившее в штарм донесение об их участии в боях. Оно гласило, что 11 августа батальон Ильичевского района, занимавший оборону у железной дороги на Вознесенск, выбил из окопов подразделение противника. Приводились некоторые подробности: бойцы подползли к неприятельским позициям по неубранному пшеничному полю и, внезапно появившись перед окопами, забросали врагов гранатами.

Так принимали боевое крещение, становились солдатами вчерашние мирные жители веселого южного города. В августе,

пока не начали прибывать маршевые батальоны с Большой земли, одесские ополченцы, постепенно зачислявшиеся в регулярные части, служили основным пополнением Приморской армии.

В городе формировались из добровольцев новые подразделения, в том числе команды МПВО, резервные боевые дружины предприятий. В них вступало много женщин. Работницы, студентки становились медсестрами, связистками, а позднее и снайперами, пулеметчицами.

Бюро обкома мобилизовало и направило в распоряжение политотделов Приморской армии и военно-морской базы сотни партийных активистов — для использования на политработе. А чтобы представить, как нужны были испытанные партийные вожаки в войсках, надо вспомнить, какую роль играли в то трудное время комиссар, политрук, парторг. Вот уж у кого не могло быть на фронте иного места, кроме как в передовом окопе, в первой шеренге поднявшиеся" навстречу врагу бойцов. Сколько раз натиск противника то на одном, то на другом участке обороны удавалось сдерживать благодаря тому, что в решающий момент комиссар, политрук или просто красноармеец-партиец своим примером поднимал людей в контратаку, нередко жертвуя жизнью!

На войне очень многое значит вера солдат в то, что они способны одолеть врага, сломить его сопротивление в обороне, остановить, если он наступает. Не вообще, не когда-нибудь, а вот сейчас, на данном конкретном рубеже. Когда отходить, собственно, уже некуда, такая убежденность делается необходимой, как воздух.

Еще за некоторое время до того, как бои перенеслись на подступы к Одессе, Военный совет Приморской армии обсуждал вопрос о том, как до конца изжить в войсках танкобоязнь. Чувство беспомощности перед массой фашистских танков, охватывавшее не подготовленных к такому испытанию бойцов в первые недели войны, не исчезло еще и в августе. А танковых атак следовало ожидать и под Одессой, и надо было сделать все, чтобы они не вызвали растерянности, паники.

Но достаточно ли для этого пусть даже самых настойчивых разъяснений, что не так уж страшен и танк для смелого и умелого солдата? Нет, решили на Военном совете, нужно также позаботиться, чтобы хоть часть бойцов, еще не встречавшихся с танками в бою, увидела своими глазами* как можно их уничтожать.

Пошли на такую меру: из частей отозвали на несколько дней группу красноармейцев и младших командиров, стараясь брать людей из всех рот. И отдел боевой подготовки штарма

организовал для них практические занятия по борьбе с танками на учебном полигоне.

Тогда еще не поступили на вооружение противотанковые ружья, не было у нас и специальных противотанковых, гранат. Однако в Одессе начали изготовлять ручные гранаты с увеличенным зарядом, годившиеся против танков. Стали появляться и бутылки с горючей смесью. Правда, пока без запалов. Прежде чем бросить такую бутылку в цель, следовало заменить пробку смоченной в бензине паклей и поджечь ее, а это требовало известной сноровки. Тем важнее было показать, на что пригодно новое боевое средство.

На полигоне "курсанты" метали гранаты и бутылки в доставленные туда подбитые танки. Какое бывало воодушевление, когда "неуязвимые" танки загорались на глазах, а метко брошенные из окопчика гранаты корежили их гусеницы! Участники занятий посидели также в траншее, через которую, оглушая их и засыпая землей, переползал грохочущий танк. Такая обкатка, конечно, не особенно приятна, зато после нее уже не так страшно пропустить через свой окоп вражеский танк, с тем чтобы потом постараться поразить его сзади.

Люди, возвращавшиеся с полигона в батальоны и роты, становились одновременно и инструкторами, и заправскими агитаторами. Они уже знали, что фашиста можно уничтожить, даже если он лезет на тебя в танке, и помогали поверить в это товарищам. Весьма кстати в войска подоспела выпущенная поармом памятка, где доходчиво описывались приемы борьбы с танками.

Основной нашей силой против танков оставалась артиллерия. Но никакие батареи не помогут удержать рубеж, если перед танковой атакой дрогнет, начнет откатываться пехота. В наших условиях, при небольшой глубине обороны, это было особенно опасно. "Предупреждаю весь личный состав, что при появлении танков никто из окопов не выходит, — говорилось в первом приказе В. Ф. Воробьева по 95-й стрелковой дивизии. — Все остаются на своих местах, уничтожая идущие танки связками грана г и бутылками с горючей жидкостью".

К тому времени на стекольном заводе наладили выпуск бутылок уже с запалами, и пользоваться ими стало проще. На упаковочной обертке бойцы читали обращенные к ним слова: "Товарищ! Запал и бутылка изготовлены в Одессе. Не пускай врага в наш город, подожги танк!"

До середины августа вражеские танки появлялись под Одессой еще небольшими группами: очевидно, их было тут пока не очень много. Прорваться через наши позиции им не удавалось

нигде.

Не прекращая атак в центре обороны, в полосе 95-й дивизии, противник усиливал нажим на наши фланги, особенно на правый.

1-й морской полк продолжала поддерживать 180-миллиметровая 412-я батарея (в береговой обороне с боеприпасами было пока хорошо). Но этого оказалось уже недостаточно, и полковник Рыжи впервые подключил на поддержку правого фланга также две батареи полка Богданова.

Гул орудийных залпов доносился и со стороны моря:; из Одесского залива вели огонь по берегу эскадренные миноносцы "Шаумян" и "Незаможник", канонерская лодка "Красный Аджаристан". Впервые с начала войны (если не считать действий военной флотилии на Дунае) корабли непосредственно поддерживали своей артиллерией наземные войска на приморском фланге фронта. Боевые действия складывались так, что главными целями для флотских артиллеристов, во всяком случае на Черном море, оказывались не корабли противника, а его пехота и танки, его передний край и ближние тылы. И начало этому положила Одесская оборона.

Трижды, четырежды в день в городе объявлялись воздушные тревоги. Группы фашистских бомбардировщиков прорывались к порту, к жилым кварталам. Но и мы наносили врагу удары с воздуха, причем уже не только истребителями единственного авиаполка Приморской армии, которые все чаще действовали как штурмовики. 13 августа над позициями неприятельских войск под Одессой, над их тылами появились три десятка Пе-2, прилетевших с флотских аэродромов в Крыму.

Главный итог первых дней обороны изолированного плацдарма состоял в том, что атаки противника отражались все увереннее. Особое удовлетворение вызывала стойкость 95-й дивизии, ибо против нее, по всем данным, сосредоточивались наиболее крупные вражеские силы.

Именно прочное положение в Западном секторе лучше всего отражало перелом на фронте Приморской армии, который тогда наступал, а точнее — наступил. Противник был остановлен, его планы прорваться в Одессу с ходу провалились. Оборона города, оставшегося советским островком во вражеском тылу, выдержала первые испытания.

Нам никак не удавалось напрямую связаться со штабом Южного фронта, передать туда боевые донесения. Они отправлялись кружным путем: через радиостанцию Одесской военно-морской базы в Севастополе, а оттуда дальше. Собственно говоря, мы не знали точно, где теперь штаб фронта. Николаев, куда он переехал несколько дней назад из Вознесенска,

находился, по сведениям моряков, под обстрелом немецкой артиллерии.

15 августа — тоже кружным путем, через Севастополь, — поступила телеграмма генерала армии И. В. Тюленева, в которой он просил объявить от его имени благодарное героическим защитникам Одессы.

Телеграмма дала командарму и Военному совету повод обратиться к Приморской армии с несколько необычным для тех суровых дней приказом приподнято-торжественным по своему содержанию и духу. В нем говорилось, что войска, обороняющие вместе с Черноморским флотом жемчужину нашего юга Одессу, с честью выполняют свою боевую задачу, удерживая занимаемые рубежи и нанося противнику тяжелые потери.

"Ни одного шага назад. Ни при каких условиях не отступать, — призывал Военный совет армии красноармейцев, командиров и политработников. — Ноги фашистских варваров не должно быть в Одессе".

Это были не просто слова. Военный совет знал, как окрепла за последние дни в войсках уверенность в том, что, несмотря на неблагоприятное для нас соотношение сил и все трудности, мы в состоянии задержать врага.

* * *

Не помню уж, кто из работников оперативного отдела в какой-то спокойный час мечтательно и не слишком уверенно произнес:

— А ведь теперь, наверно, можно даже в баню сходить… Как вы думаете, товарищ полковник?

— Вот это бы здорово! — обрадованно откликнулся капитан Харлашкин. И уже совсем другим тоном добавил: — Пока воды еще вволю…

Да, тут было не до шуток. Беляевка, где находилась насосная станция, питающая Одессу днестровской водой, уже давно у самого фронта. Всякое ухудшение положения на этом участке могло иметь тяжелые последствия. Еще в июле в местной газете был опубликован приказ начальника гарнизона о порядке нормированного снабжения жителей водой через дворовые колонки. В действие этот порядок не вводился, но его объявили заранее, чтобы люди знали, как им быть, если в подаче воды возникнут перебои.

А предложение насчет бани было дельным: мы давно уже обходились холодным душем. По пути в баню заехали в порт. Вблизи него всюду бросались в глаза следы последних бомбежек — оторванный угол дома, иссеченная осколками стена, не убранные еще обломки… В другом месте — просто груда желтого

камня, песка и железных конструкций: фугасная бомба попала в здание из легкого одесского известняка, не рассчитанного на такие встряски…

Остановив машину, подошел к стоявшим в соседних воротах жещинам.

Меня обступили, и завязался разговор.

— Как там на фронте, товарищ командир? — напрямик спросила, наверное, самая бойкая. — Что-то сегодня уж очень тихо…

— Фронт держим, — ответил я.

— А Беляевку не сдадите? — спросила, протискиваясь вперед, другая.

Во дворе виднелась колонка, к ней подходили люди с ведрами, слышно было, как журчит вода. Страшно представить южный город в такой вот жаркий день без воды. Но заверить, что Беляевка не будет сдана ни в коем случае, я не мог этим женщинам надо было говорить правду. И я сказал то, что думал:

— Сделаем все, чтобы ее не сдать.

— Ну а если все-таки придется, что тогда?

Так могло случиться, и, очевидно, они понимали это не хуже меня.

— Тогда введем в действие, подключим к водопроводу артезианские колодцы. Если понадобится, станем бурить новые скважины… И вода все равно будет.

Я был рад, что мог сказать это, не кривя душой. Армейские инженеры вместе с городскими уже произвели подготовительные расчеты. Мы не сомневались, что инженерные подразделения сумеют, если это станет необходимым, пробурить нужное количество скважин в дополнение к тем, которые существовали в законсервированном виде, снабженные мощными насосами. (Их оборудовали заблаговременно на случай, если водозаборные устройства у Беляевки будут выведены из строя, например, бомбежкой.)

Меня ждали в порту. Попрощавшись, я направился к машине. Самая бойкая из моих собеседниц — та, что спрашивала о положении на фронте, — звонко сказала вслед:

— Нам, товарищ командир, в своем городе ничего не страшно. Из Одессы мы никуда не уедем — тут родились… Только уж и вы нас не оставляйте!

Случайная встреча на улице, короткий разговор… А забыть его нельзя. Думали ли, гадали ли эти простые одесские женщины еще два месяца назад, что окажутся в городе, осажденном врагом? Но это случилось, и их не страшат ни бомбежки, ни возможные трудности с водой. Как же велика наша, военных людей,

ответственность перед ними!

* * *

Нас беспокоил правый фланг — активность противника там все возрастала. Представлялось весьма вероятным, что, встречая сильный отпор 95-й дивизии, он попытается прорваться к Одессе с северо-востока.

Фронт находился всего в 15 километрах от мыса, обозначенного на картах буквой "Е", иначе — Северного Одесского, откуда виден как на ладони порт. Уже потеря этого мыса поставила бы Приморскую армию и город в тяжелейшее положение, дав врагу позицию для прицельного обстрела гаваней и причалов.

Между тем оборона на этом направлении пока была менее отлажена, чем на других. Здесь недоставало крепкой полнокровной дивизии. Фронт Восточного сектора держали (не считая мелких подразделений) три весьма различных по уровню подготовки полка. Участки полков и батальонов были разделены лиманами л глубокими лощинами. Такая местность с характерными дефиле вообще-то более благоприятна для обороны, чем гладкая степь, как, например, в Западном секторе, но она разобщает соседей по фронту, а в этом таится немалая опасность, если сил немного и некоторые части еще не очень сколочены.

15 августа в Восточном секторе весь день шли ожесточенные бои. Из рук в руки переходила Булдинка — большое село у Аджалыкского лимана. Утром там оказался вклинившийся в нашу оборону противник, к вечеру село снова было в наших руках. С моря пехоту поддерживали эсминцы и канлодки, но восстановить положение удалось лишь ценой значительных потерь.

Ночью, когда Шишенин и я были у командарма, Георгий Павлович Софронов, постояв в раздумье над картой, сказал:

— Поезжай-ка, Николай Иванович, с утра к Монахову, посмотри сам, что у него происходит. Как бы нам чего не проворонить. Там вон, — он кивнул на другую карту, только что принесенную штабными разведчиками, — еще одна дивизия во втором эшелоне выявляется. Притом немецкая. Надо полагать, неспроста… Поспи немного и езжай, к вечеру вернешься.

Вместе со мной отправились в Восточный сектор начальник штаба артиллерии майор Н. А. Васильев и заместитель начальника инженерных войск армии подполковник Н. С. Грабарчук. Поехали сперва Лузановку, ту самую, куда еще недавно одесситы ездили на знаменитый пляж. Теперь в этом курортном поселке КП начальника сектора комбрига С. Ф. Монахова.

Готовясь вникнуть на месте в сложившуюся обстановку, вспоминаю, как развивались здесь события за последние дни. Перед глазами возникает линия фронта со всеми ее изгибами, уже до мелочей знакомая по карте.

Слева — 54-й Разинский полк чапаевцев. Он держится хорошо, но на его участке было до сих пор спокойнее, чем у соседей — пограничников и моряков.

Пограничники — это сводный полк НКВД. Мы называем его так потому, что ядром полка явился 26-й погранотряд (впоследствии номер отряда закрепили за полком). Из погранвойск и командир полка майор А. А. Маловский — бывший начальник штаба отряда. Человек он инициативный, быстро ориентирующийся в обстановке.

10 августа полк выдвинули на необорудованный рубеж между Аджалыкским лиманом и железной дорогой Одесса — Вознесенск, и через сутки на участке Маловского уже были окопы почти полного профиля и противотанковые препятствия, имелись собственные разведданные о противнике.

Пограничники не напрасно спешили закрепиться — на следующий день враг с ходу атаковал их пехотой и танками. По наступающему противнику был вызван огонь береговых батарей. Но на правом фланге пять танков вплотную подошли к окопу, где оборонялся взвод лейтенанта Вихмянина. Пограничники взялись за гранаты, за бутылки с горючей смесью. В жестокой схватке взвод лишился командира, потерял многих бойцов. Однако враг дальше не прошел: четыре танка из пяти сгорели, а двигавшаяся за ними пехота откатилась назад. Стойко держался полк Маловского и потом.

Ближе к морю, как им и положено, занимали оборону краснофлотцы 1-го морского полка. Им выпало трудное боевое крещение на суше: на рубеже в кукурузном поле сразу потребовалось отбивать атаку за атакой. Нетрудно представить, с какой решимостью эти отважные, лихие люди пошли защищать свою базу, но, очевидно, почти никто из них не обучался сухопутному бою. Во всяком случае, донесения, поступавшие в штарм, свидетельствовали, что морякам приходится туго, и этот участок тревожил нас особенно. Судя по всему, в морском полку даже командиры батальонов и рот были плохо знакома с тактикой боевых действий пехоты.

Командир военно-морской базы контр-адмирал Г. В. Жуков сутки назад заменил командира полка майора В. П. Морозова. Вместо него был назначен Я. И. Осипов, тоже моряк, интендант 1 ранга, возглавлявший до сих пор в базе службу тыла. Об Осипове я знал пока немного. Говорили, что он настойчиво просился на

командную должность на фронт и что он участник гражданской войны.

На КП в Лузановке застаем военкома сектора бригадного комиссара Аксельрода и начальника штаба подполковника Сысоева. Комбриг Монахов — в войсках. Сысоев докладывает, что возобновились бои за Булдинку, причем новым атакам противника предшествовали более сильные, чем вчера, артподготовка и бомбежка. Всего этого следовало ожидать. И конечно, цель атак не только Булдинка — враг стремится продвинуться к морю.

Мы не собирались задерживаться на КП. Но обстановка требовала, чтобы майор Васильев обсудил с начартом сектора, как усилить огневую поддержку войск на решающем участке. А мне хотелось хоть накоротке поговорить с Григорием Моисеевичем Аксельродом, которого еще с Белграда знал как наблюдательного и вдумчивого политработника. Прежде всего интересуюсь его мнением о положении дел в морском и пограничном полках.

— Народ в обоих полках геройский, — говорит бригадный комиссар. — И в том, и в другом много коммунистов, почти все остальные — комсомольцы. Но разница между полками большая. У пограничников к мужеству, волевой закалке прибавляется неплохая тактическая подготовка. Ну а моряки, те думают, что можно обойтись одной отвагой, ее им не занимать. Им, видите ли, враг и так не страшен, без хороших окопов… Я сам привел к морякам десять саперов из Разинского полка в качестве инструкторов по окапыванию. Предупредил: "Если не отроете за ночь настоящие окопы, пеняйте на себя!" Помогло — отрыли…

Григорий Моисеевич считал, что при первой возможности следовало бы укрепить средний комсостав морского полка опытными армейцами. Нынешние командиры рот за километр поднимают людей в контратаки, делают много других несуразностей. А многими взводами у моряков командуют корабельные старшины, которые и вовсе не знакомы с сухопутной тактикой.

— Ну а как, на ваш взгляд, новый командир полка? — спросил я Аксельрода.

— Осипов? — оживился он. — Надеюсь, с приходом Якова Ивановича многое станет на свое место. Он-то на суше повоевал и рядовым, и начальником! Вчера, когда знакомились, рассказал, что в гражданскую командовал десантным отрядом на Волге, потом Барским стрелковым полком. Был под Казанью, в Царицыне. Интересный вообще человек — из старых балтийцев, с крейсера "Рюрик". Чувствуется, что характер железный.

Образования военного, правда, не получил. Потому и звание интендантское. Теперь стоило бы переаттестовать, раз уж полк доверили. Думаю, Осипов и его комиссар Митраков будут друг другу под стать. Тот тоже боевой, решительный, так что получается хорошая пара.

Вскоре я встретился с Осиповым и Митраковым в расположении морского полка.

Командир руководил боем подразделений с передового КП. Противник к тому времени опять завладел Булдинкой и рвался к деревне Шицли. Ничем вроде не примечательное селение, но стоит в широкой балке, по которой можно продвинуться в сторону Чебанки, где находится тяжелая береговая батарея. Не в расчете ли на прорыв туда появилась сегодня на этом участке неприятельская кавалерия?

Из батальонов прибегали к Осипову запыхавшиеся связные. Телефон не действовал — где-то перебило провод. Не удивительно, если в подобной обстановке командир, тем более новый, как-то обнаруживает свое волнение. Однако Осипов выслушивал доклады, отдавал приказания совершенно спокойно. Вспомнились слова Аксельрода о железном характере Якова Ивановича, — наверное, бригадный комиссар был прав.

Осипову около пятидесяти. Голос глуховатый, лицо в резких, глубоких морщинах. Но фигура стройная, подтянутая. Ладно сидит на нем перехваченная ремнями защитная гимнастерка с тремя шпалами в петлицах.

Я не ожидал увидеть Якова Ивановича в армейской форме и отметил про себя: старый моряк, привержен, разумеется, ко всему флотскому, но все же переоделся. Знает, что на суше, в поле так сподручнее. А бойцы полка были в морском обмундировании. Синие фланелевки и широкие черные брюки краснофлотцев посерели от степной пыли. Морская форма — не для окопов. И вероятно, есть напрасные потери от этого: человек в темном отчетливо виден издалека.

К штарму у Осипова была одна-единственная просьба — побольше бы огоньку! Войска Восточного сектора поддерживались и береговыми батареями, и кораблями. Но полевой артиллерии, огонь которой всего ощутимее, потому что она ближе, здесь не хватало. К тому же приходилось экономить боеприпасы. Недостаток их ограничивал сейчас и маневр огнем между секторами.

Я заверил Якова Ивановича, что о положении со снарядами поставлены в известность высшие военные инстанции. Поскольку нарушилась нормальная связь со штабом фронта, командарм просил помочь боеприпасами командование Черноморского

флота. Из Севастополя уже сообщили, что партия снарядов отправляется на самых быстроходных кораблях.

Бои под Булдинкой шли с переменным успехом. Восстанавливая положение на одном из участков, моряки загнали чуть ли не целый неприятельский батальон в лиман.

— Пусть покупаются! — сказал, услышав об этом, Осипов.

Он и на хорошие донесения реагировал сдержанно, немногословно, только глаза веселели.

Вскоре выяснилось, что вернуть прежние позиции на участке у лимана помогла инициатива краснофлотца Семена Клименко: он с ручным пулеметом прополз по кукурузному полю в расположение противника и, внезапно открыв огонь, уничтожил много вражеских солдат, а главное — вызвал панику. Моряки не упустили момент и, не дав фашистам опомниться, поднялись в контратаку.

Среди моряков много бесстрашных людей. И спайка у них крепкая: если один рванулся вперед, другие не отстанут. Если бы к этому хоть немножко полевой выучки! Подполковник Грабарчук нашел в морском полку вопиющие недостатки по инженерной части. Подтверждался печальный факт: окапываться моряки не умеют и не любят, делают это только под нажимом.

Осипов, безусловно, понимал, насколько опасно такое отношение к азбучным основам обороны. За два неполных дня, прошедших в беспрерывных боях, у него, естественно, еще до многого не дошли руки. Но в этого командира хотелось верить.

В полку пограничников те, кто был не. в касках, носили зеленые фуражки. Ими гордились не меньше, чем моряки своей формой. "Пусть враг боится одного вида нашей фуражки! " — эта фраза пошла туг, кажется, от командира полка и нравилась бойцам.

Майор А. А. Маловский моложе Осипова чуть не на двадцать лет. И по складу характера другой — живой, веселый, задорный. За год до войны окончил академию имени М. В. Фрунзе. Полк принял немногим больше недели назад, но уже вполне освоился. Правда, со своим начальником штаба М. Г, Кудряшовым, со всеми комбатами и командирами рот майор служил вместе на границе.

По тому, как докладывал Маловский о состоянии своего участка обороны, по зорко подмеченным деталям обстановки нетрудно было понять: этот молодой майор из тех командиров, которые успевают везде побывать, самолично за всем доглядеть.

В целом полк НКВД оказался таким, каким я и рассчитывал его найти. Отношение к рубежу обороны здесь было, как к государственной границе. Участок у пограничников немалый — 14 километров по фронту. Зато и людей у них больше, чем в

каком-либо полку армии, есть и хороший резерв (скоро он понадобился не только этому полку и даже не только Восточному сектору). В дальнейшем полк пограничников не раз делился с другими частями и своими командными кадрами.

Мы с Васильевым и Грабарчуком побывали также в 54-м Разинском полку полковника Свидницкого. Добрались до левого фланга сектора, где в силу природных условий образовался на узком перешейке между Куяльницким и Хаджибейским лиманами наиболее изолированный участок Одесской обороны.

На перешейке раскинулись виноградники пригородных колхозов, пахло полынью и мятой. Справа и слева — синие, как море, лиманы. Берег Хаджибейского высокий, обрывистый, Куяльеицкого — более отлогий. У воды, совсем как в мирные дни, лежат перевернутые плоскодонные лодки рыбаков.

Лиманы, пересекая фронт, уходят далеко в расположение противника. Очевидно, они удобны для заброски туда разведчиков, небольших диверсионных групп. Надо быть готовыми и к тому, что так попытается использовать лиманы и враг. Но главное — чего ждать от него на самом перешейке?

Сзади дымят заводские трубы Пересыпи, словно напоминая, как близки отсюда рабочие кварталы Одессы. Сейчас атаки противника с восточного направления рассчитаны в случае успеха на прорыв его к городу менаду Куяльницким лиманом и морем. Тогда нам не осталось бы ничего иного, как взрывать дамбу и затоплять Пересыпь (уровень воды в лимане выше), эвакуировав оттуда жителей. Но наступление врага возможно также и в дефиле между лиманами, на этом стиснутом с двух сторон водой и пока довольно тихом перешейке…

Оборонялся здесь батальон 136-го запасного полка. Поддерживали его батареи 134-го гаубичного артполка. Артиллерийским делам на межлиманном участке майор Васильев уделял особое внимание, вникал во все мелочи. Николай Александрович словно предчувствовал, что при следующем выезде в Восточный сектор, полторы недели спустя, ему придется возглавить на несколько напряженных часов этот участок обороны.

Мы возвращались в штарм с убеждением, что бои за Булдинку и Шицли — начало более крупных событий на восточном направлении. Нельзя было поручиться за то, что оно не сделается направлением главного удара противника на Одессу.

Немедленно по приезде докладываю о положении в Восточном секторе генерал-майору Шишенину. Слушая, начальник штаба, как обычно, делает короткие записи в рабочей

тетради. Он умеет слушать, не прерывая докладывающего ни вопросами, ни репликами. Но в тот раз в обычной внимательности Шишенина к моему докладу проявилась также и выдержка начальника штаба. Дело в том, что, пока мы ездили в Восточной сектор, внезапно обострилось положение в Южном, точнее — на правом его фланге, у стыка с Западным.

Около полудня 16 августа противник, атаковав пехотой и танками позиции 287-го полка Чапаевской дивизии, прорвал его оборону у деревни Кагарлык. Это означало непосредственную угрозу как Беляевке, так и тылам Западного сектора.

Прорыв был пока на узком участке, но рассчитывать на то, что чапаевцы ликвидируют его своими силами, не приходилось. По решению командарма создавалась ударная группа, куда включались стоявшая в резерве кавдивизия генерала Петрова, один полк Чапаевской и полк из 95-й дивизии. Ее командиру генералу Воробьеву командарм приказал возглавить группу и нанести утром 17 августа контрудар в направлении Кагарлыка.

Были уже спланированы действия артиллеристов и летчиков — истребители с утра начинали штурмовку прорвавшегося противника. Представители штарма и политотдела выехали в части. Однако обстановка на этом относительно отдаленном участке оставалась не особенно ясной. Какие силы введет в бой утром противник? Сколько у него здесь танков?

Кроме новостей тревожных узнал и хорошую: эсминцы "Беспощадный" и "Безупречный", доставившие боеприпасы из Севастополя, уже разгружались в порту.

— Эсминцы шли самым полным, — рассказал побывавший у нас на следующий день моряк из штаба базы. — Котлы форсировали так, что обгорели трубы…

Как ни беспокоил Южный сектор, той же ночью принимались меры по укреплению обороны в Восточном. Командарм согласился выдвинуть на приморский фланг, в поддержку полка Осипова, находившиеся пока в городе караульный батальон и батальон связи ТИУР (последний — в качестве стрелкового). Было также решено направить туда группу одесских коммунистов, которую обком обещал прислать завтра по дополнительной партийной мобилизации.

Весь день 17 августа Южный и Восточный секторы требовали внимания, пожалуй, в равной степени.

Контрудар группы Воробьева начался в назначенный час, но далеко не все шло по плану. Спешка, в которой удар готовился, давала себя знать. Снаряды, только что доставленные в Одессу, успели подвезти на огневые позиции батарей лишь частично, и артподготовка была слабее, чем следовало. А огонь кораблей до

этого участка не доставал. Два кавалерийских полка — они действовали в пешем строю — не поспели к исходному рубежу в срок и включились в контрудар позже.

Встречая сильное сопротивление, части продвигались медленно. Во второй половине дня враг, правда, был выбит из деревни Кагарлык, но ненадолго: через несколько часов в наших руках оставалась лишь ее окраина. При этом противник вклинился в пашу оборону южнее, и там начались бои за Беляевку.

В тот день атаки в направлении Беляевки удалось отбить. Ее стойко защищали чапаевцы и подразделение пограничников (они были и в этом секторе). Контратаки наших бойцов поддерживал взвод танков.

Читатель вправе спросить, откуда они взялись. Как уже было сказано, к началу обороны Одессы Приморская армия танков не имела. И с Большой земли они не поступали. Но все же у нас появилось несколько БТ-7 и машин других типов.

Сильно поврежденные еще в самом начале войны, эти танки были погружены где-то на железнодорожные платформы и отправлены в тыл — то ли для восстановления, то ли просто на переплавку. В Одессу они попали, вероятно, потому, что путь к другим городам был отрезан. Несколько таких машин и удалось вернуть в строй нашим военным инженерам и рабочим того же завода имени Январского восстания, который дал приморцам первый бронепоезд. Танки были не особенно надежные, но уже одним своим присутствием они поднимали у бойцов настроение.

А в Восточном секторе враг завладел-таки утром деревней Шицли, к которой рвался еще накануне. Но на поддержку отошедшим здесь морякам Осипова был переброшен на машинах резервный батальон пограничников. Вместе с моряками они окружили Шицли, а затем очистили деревню от противника, не выпустив из мешка ни одного неприятельского солдата. Враг зарвался — и поплатился за это.

В вечерней оперсводке штаб сектора сообщал, что позиции 1-го морского полка восстановлены, а в Шицли взято двести пленных и захвачены довольно значительные трофеи: восемнадцать орудий, три легких танка, броневик… Таким образом, тут итог дня был в нашу пользу.

* * *

По обе стороны железной дороги на Тирасполь раскинулась до самого горизонта гладкая, ровная степь.

Впрочем, ровная она не совсем. Если ехать на машине от Одессы, все кажется, что вот-вот очутишься на каком-то гребне, откуда откроются еще более широкие просторы. Но никакого

гребня впереди нет — так ощущается плавный, постепенный подъем всей равнины в направлении с юга к северу, от моря в глубь суши.

До первых боев под Одессой мне довелось проезжать здесь только раз или два. Но очень запомнилась эта слегка покатая степь за станциями Выгода и Карпове, пересеченная кое-где темно-зелеными полосками лесопосадок. Она так и вставала перед глазами, когда я старался по нанесенной на карту обстановке представить, что происходит в тех местах.

18 августа продолжались упорные бои и в районе Кагарлык, Беляевка, и в Восточном секторе. Однако главные события дня развернулись в Западном секторе — в этой самой степи. После короткого, на неполных двое суток, затишья враг возобновил наступление против 95-й дивизии, и притом более крупными силами, чем вводил в бой где-либо на одесских рубежах до сих пор.

Дивизия успела подготовиться к отражению нового вражеского натиска. В. Ф. Воробьев считал себя учеником известного генерала Д. М. Карбышева, теоретика полевой фортификации, и старался, чтобы дивизионная полоса обороны была оборудована в соответствии с требованиями военно-инженерной науки.

Василий Фролович признавался потом, что ему не давали покоя воспоминания о новых траншейных машинах и окопокопателях, образцы которых он видел на каком-то полигоне под Москвой. А тут надо было радоваться, что хватает лопат. Как крепежный материал и для перекрытий использовали шпалы и рельсы с железной дороги (когда выяснилось, что у нас будет бронепоезд, разборку пути остановили). А чтобы враг не застал работающих бойцов врасплох, впереди окопов развешивали на натянутой проволоке консервные банки и куски жести: если кто сунется ночью, все это загремит…

Воробьеву определенно повезло с командирами полков. 90-м стрелковым командовал уже упоминавшийся полковник М. С. Соколов, который начал войну начальником штаба этой дивизии. Командиром 161-го стрелкового полка- он оборонялся на центральном участке сектора, по обе стороны железной дороги, был полковник С. И. Серебров, солдат первой мировой войны и активный участник гражданской, с тех пор непрерывно служивший в Красной Армии. Третий стрелковый полк дивизии — 241-й — возглавлял полковник П. Г. Новиков, имевший опыт боевых действий в Испании.

Эти три полка держали фронт теперь уже против пяти неприятельских дивизий. Противник имел здесь в первом

эшелоне 3-ю, 7-ю пехотные и часть 1-й гвардейской дивизии, во втором — 5-ю и 11-ю пехотные. Еще две дивизии, как подтвердили потом неприятельские штабные карты, когда они оказались в наших руках, сосредоточивались в тыловом районе.

Неделю назад враг пытался с ходу прорваться к Одессе вдоль железной дороги, не предполагая, очевидно, встретить прочную оборону среди ровной степи. В последующие четыре-пять дней он, безуспешно штурмуя наши позиции, потерял здесь до трех тысяч солдат и офицеров. Нельзя, конечно, поручиться за абсолютную точность цифр, приводившихся в донесениях из 95-й дивизии. Но перед ее окопами скопилось на некоторых участках столько убитых врагов (убирать их румынское командование не пыталось), что пришлось в одну из ночей доставить на передний край гашеную известь и с ее помощью ликвидировать очаги зловония.

Как уже говорилось, в ночь на 17 августа один полк 95-й дивизии временно перебросили в Южный сектор, куда отправился и генерал Воробьев. Такое ослабление Западного сектора даже в момент затишья, которое не могло быть долгим, означало немалый риск: на 25-километровом фронте шесть стрелковых батальонов с одним пулеметным (разумеется, их поддерживала артиллерия) оставались против пяти пехотных дивизий… Командарм пошел на это лишь потому, что прорыв у Кагарлыка грозил тяжелыми последствиями.

Но в течение дня стали накапливаться признаки подготовки противника к новым атакам в Западном секторе. Комбриг Катров примчался с аэродрома, чтобы сообщить, что воздушная разведка установила переброску с восточного направления в район Раздельной неприятельской мотобригады. Это были особенно важные сведения. Следовало ожидать, что завтра эту бригаду двинут на прорыв обороны нашей 95-й дивизии, скорее всего, на участке, примыкающем к железной дороге.

Между тем сложная обстановка у Кагарлыка и Беляевки не позволяла вернуть в дивизию полк Соколова. На усиление Западного сектора мы смогли послать лишь 700 бойцов, выписанных из госпиталей или только что призванных, и небольшой отряд моряков из резерва Одесской военно-морской базы.

Поддерживать 95-ю дивизию по заявкам ее штаба с рассвета 18 августа было приказано авиационному полку. Артиллеристам дивизии выделили больше обычного снарядов (положение с ними оставалось трудным — того, что доставили эсминцы, не могло хватить надолго). Генерал Воробьев, засветло вернувшийся из Южного сектора, успел лично проверить подготовку к

завтрашнему бою.

А в том, что завтра в Западном секторе предстоит тяжелый бой, уже не оставалось сомнений.

* * *

Событиям одного августовского дня в полосе одной дивизии я уделяю так много места вполне сознательно. Этот день показал защитникам Одессы, как можем мы громить врага, несмотря на его численный перевес. И хотя с рубежа, который отстояла 18 августа 95-я дивизия, ей затем пришлось отойти, этот бой надолго сделался для нас своего рода символом прочности Одесской обороны.

Как и предполагалось, наступление противника началось вдоль железной дороги — на участке 161-го стрелкового полка С. И. Сереброва. Командир дивизии и ее начарт полковник Д. И. Пискунов не ошиблись, выдвинув сюда, в район станции Карпово, основную часть своих огневых средств — 57-й артиллерийский полк майора А. В. Филипповича и 97-й отдельный противотанковый дивизион капитана В. И. Барковского. На этот же участок перебросили большинство пулеметов, полученных дивизией от ТИУР (вышло по станковому пулемету на каждые 50-100 метров). Здесь сосредоточился и резерв дивизии — ее разведбатальон со своими броневичками и танкетками.

В седьмом часу утра противник пробомбил передний край Западного сектора с воздуха и начал артподготовку. Было несколько минут восьмого, когда начальник штадива 95-й майор Чиннов доложил по телефону:

— У Сереброва началось. Наступают танки и пехота. Танков несколько десятков…

Подробности боя доходили до штарма, конечно, не сразу. Но ради связности рассказа я не буду сейчас отделять то, что мы узнавали немедленно, от сведений, поступавших позже.

Танки шли впереди, пехота за ними, густыми цепями. А дальше виднелись уже не цепи, а колонны. То ли румынское командование очень уж верило в свой успех, то ли просто не берегло своих солдат, которых у него тут было много. Вслед за танками наступали, как потом выяснилось, полки двух пехотных дивизий — 3-й и 7-й.

Наши бойцы были строго предупреждены: огня не открывать до особого сигнала. И красноармейцы, видевшие, как танки и целая лавина вражеской пехоты, беспорядочно стреляющей на ходу, приближаются к нашему переднему краю, проявили исключительную выдержку.

Полковник Серебров дал сигнал, когда головные танки подошли к первой траншее на четверть километра. Артиллерия

ударила прямой наводкой по танкам, пулеметчики и стрелки — по шеренгам пехоты. В бой вступили истребители танков, сидевшие с зажигательными бутылками и гранатами в ячейках впереди траншей.

Эффект массированного огня с короткой дистанции получился большой. Стали останавливаться подбитые танки, другие загорались от метко брошенных бутылок. Пехота, не дойдя до наших окопов, залегла.

Однако поразить все танки — в атаке участвовало атаке шестидесяти — было невозможно. До тридцати машин прорвались через наши траншеи. Обогнув наблюдательный пункт Сереброва и станцию Карпово, эта группа двинулась вдоль железной дороги в наши тылы.

Тридцать танков — не шутка, даже если они оторвались от своей пехоты. У штаба армии не было подвижного противотанкового резерва. Было решено снять с огневых позиций ближайший к району прорыва дивизион бригады ПВО. Зенитчикам передали приказ: любой ценой задержать танки!

Мера была правильной, но зенитный дивизион все же не понадобился. Танки далеко не прошли. Перехватить их сумели сами артиллеристы 95-й дивизии.

В лощине вблизи поселка Виноградарь, между Карповом и Выгодой, танки почему-то остановились, быть может ожидая приказаний или свою пехоту. Этого оказалось достаточно, чтобы полковник Пискунов успел перебросить к поселку несколько орудий. Когда они открыли огонь, танки начали разворачиваться. А в соседней лесопосадке уже стояли пушки противотанкового дивизиона. Танки, что называется, подставили им борта, и три машины сразу же были подбиты. Остальные, не рискуя двигаться без пехоты по нашим тылам и натыкаться на батареи, пошли через линию фронта обратно.

Это, однако, не означало, что бой окончен. Противник возобновлял атаки вновь и вновь. И на некоторых участках отбивать их становилось все труднее.

Уже несколько раз вылетали на штурмовку истребители. Из Восточного сектора был послан к станции Карпово бронепоезд (состояние пути позволило ему ворваться, ведя огонь на оба борта, в расположение противника). Но все-таки исход этого многочасового боя решили полевая артиллерия и пулеметчики, стойкость стрелковых подразделений, их героические контратаки.

Во второй половине дня генерал Воробьев соединился с командармом с наблюдательного пункта полковника Сереброва. Командир дивизии доложил, что противник бежал с поля боя, оставив множество убитых и раненых, и что с НП он сам насчитал

двадцать пять подбитых и сожженных танков.

— Фролович говорит, что такого еще не видывал… Танки до сих пор горят, и все поле в дыму! — весело объявил Софронов, кладя трубку. — Поздравление надо ему сочинить официальное, от Военного совета. Особо отметить артиллеристов и истребителей танков. Не зря Воробьев о бутылках беспокоился — пригодились! Пусть представляет отличившихся к награде…

— Знаешь что, Георгий Павлович, — предложил член Военного совета Воронин. — Если завтра там будет потише, давай-ка отправим туда делегатов от других частей — откуда можно. Пусть поглядят на подбитые танки и всем расскажут. Пожалуй, не только Воробьев, а никто еще у нас такого побоища не видел.

— Полезная будет экскурсия, — согласился командарм.

Генерал Софронов счастливо улыбался. Радостное возбуждение охватило всех находившихся на армейском КП.

Как-никак приморцы отбили самую сильную атаку на одесские рубежи с начала обороны. Противник еще не бросал нигде в наступление одновременно на одном участке столько пехоты и танков. Западный сектор выдержал этот удар, и почти половина введенных в бой неприятельских танков оказалась уничтоженной.

Отчаянная попытка прорвать нашу оборону на участке, где всего прямее и ровнее путь к городу, дорого обошлась и неприятельской пехоте. Воробьев считал, что только тираспольские пулеметчики — они прямо косили цепи атакующих — истребили не менее тысячи вражеских солдат. Как стало позже известно из трофейных документов, 7-я пехотная дивизия противника потеряла половину личного состава, участвовавшего в наступлении, а потери 3-й пехотной были лишь немногим меньше.

Я еще не сказал, что натиск в Западном секторе совпал — очевидно, не случайно — с массированными налетами на город и порт, в которых участвовало до сотни бомбардировщиков. Должно быть, им ставилась задача дезорганизовать наш тыл в часы, когда противник рассчитывал прорвать фронт у станции Карпове.

К прочим тревогам дня прибавилось донесение воздушной разведки флота о выходе из румынского порта Сулины группы транспортов, эскортируемых сторожевыми катерами и самолетами. Не исключалось, что их курс ведет к району Одессы…

Не знаю, были ли на этих судах войска и входило ли тогда в планы неприятельского командования нанесение нам

комбинированного удара, включавшего высадку у Одессы морского десанта, но считаться приходилось и с такой возможностью. Во всяком случае, до тех пор, пока мы не узнали, что эту группу кораблей атаковали черноморские летчики и, потопив два транспорта, заставили остальные повернуть обратно.

В свете всех этих обстоятельств приобретал еще большее значение тот отпор, который сумели дать приморцы прямой попытке противника крупными силами прорваться к городу на суше.

Нельзя не назвать командиров, особенно отличившихся в тот день. И прежде всего полковника Сергея Ивановича Сереброва. В конечном счете все зависело от того, выстоит ли его 161-й стрелковый полк, и Серебров, разумеется, сознавал, какая легла на него ответственность. Он руководил действиями полка с наблюдательного пункта, видя все поле боя. Несколько раз этот старый солдат, чувствуя, где надо морально поддержать бойцов, сам появлялся в батальонах и ротах.

— Сегодня я в полной мере оценил и командирское умение, и личное мужество Сереброва, — отмечал Василий Фролович Воробьев, докладывая о подробностях боя.

Труднее всего пришлось 3-му батальону серебровского полка. Именно на его участке прорвалась группа вражеских танков. Задержать их батальон не смог, но, пропустив танки через свои траншеи, бойцы продолжали отбивать атаки пехоты. Против батальона наступал целый полк, и был момент, когда одна рота дрогнула, начала отходить, Тут грозила образоваться брешь, которая могла надломить пашу оборону, и Серебров приказал комбату восстановить положение любой ценой.

Комбатом являлся 22-летний лейтенант Яков Бреус, принявший батальон две недели назад, во время боев под Дубоссарами, где был убит прежний командир. Лейтенант вскочил на коня (да, так воевали мы в то время — командиру стрелкового батальона полагался конь), прискакал под огнем на участок этой роты и сам повел ее в контратаку. Командир полка тем временем позаботился об усиленной артиллерийской поддержке. Но вернуть позиции помогли роте в первую очередь отвага и решительность молодого комбата.

В. Ф. Воробьев считал, что лейтенант совершил подвиг, заслуживающий высшей награды. Учитывая, как много значило не дать врагу вклиниться в нашу оборону, Военный совет армии поддержал представление лейтенанта Бреуса — первого из защитников Одессы — к званию Героя Советского Союза. Он был удостоен этой награды в феврале 1942 года вместе с группой других участников Одесской обороны.

Хочется вспомнить еще одного славного комбата — майора В. А. Вруцкого. Его батальон был единственным из 90-го стрелкового полка, который участвовал в бою 18 августа (два других оставались в Южном секторе) и, действуя слева от Сереброва, принял на себя удар значительной части вражеских сил. Батальон отразил все атаки, причем на его участке к исходу дня оказалось больше всего подбитых и сожженных неприятельских танков.

Вруцкий водил своих бойцов и в контратаки. В последней из них майор был район и выбыл из строя защитников Одессы. Но через год с небольшим В. А. Вруцкий, уже в звании полковника, командовал на Северном Кавказе дивизией.

Касаясь подготовки к бою 18 августа, я говорил уже о начарте 95-й дивизии Д. И. Пискунове, очень предусмотрительно расставившем огневые средства. С самой лучшей стороны показали себя артиллерийские командиры А. В. Филиппович и В. И. Барковский. Имя Барковского вскоре стало популярным в Приморской армии: его сорока-пятки, способные быстро менять огневые позиции, часто на галопе (орудия имели конную тягу) появлялись там, где был возможен прорыв танков и требовалось поддержать пехоту.

На следующий день в поле у станции Карпово было тихо, и бойцы отличившихся накануне частей смогли показать свои трофеи группе гостей из других полков и дивизионов. Несколько подбитых танков даже перетащили ночью тягачами в более удобное для осмотра место.

Организованная по инициативе дивизионного комиссара Ф. Н. Воронина экскурсия на поле успешного боя явилась как бы продолжением учебы на полигоне. У вражеских танков, выведенных накануне из строя, делились с товарищами своим боевым опытом те, кто их поразил, — лучшие артиллеристы противотанкового дивизиона, пехотинцы, умело применявшие бутылки с зажигательной жидкостью и гранаты.

Танки попадались разные. Помню, как приехавший из Западного сектора капитан Шевцов рассказывал у нас в оперативном Отделе:

— Понимаете, марка французская — "Рено". Сзади немецкий крест, а по бокам — эмблема с румынским флагом. Должно быть, эти танки немцы захватили во Франции, а потом передали румынам. Или еще французы Румынию вооружали, а крест — чтобы немцы в своих союзниках не запутались. И все перечеркнула наша, советская отметка- сквозная пробоина от снаряда. Тут же стоит и артиллерист, который этот снаряд послал. Чувствует себя именинником, улыбается и дает

пояснения, как на выставке…

Да, возле такого танка беседа, посвященная передаче боевого опыта, превращалась в хорошую политинформацию.

Мне съездить в тот день к Василию Фроловичу Воробьеву и посмотреть на трофеи его дивизии не пришлось. Не отпускали текущие дела, напряженная обстановка в Южном секторе, где продолжались упорные бои. А днем позже стадо и вовсе не до того.

* * *

В структуре руководства Одесской обороной произошли довольно неожиданно для нас — существенные перемены.

В ночь на 20 августа меня вызвал Шишенин. Начальник штаба только что вернулся с командного пункта военно-морской базы (моряки недавно перенесли его с 411-й береговой батареи в здание кардиологического института — поближе к порту да и к нам). Я думал, что получу указания о том, как использовать артиллерию ожидавшихся из Севастополя кораблей. Но вместо этого услышал:

— Все бразды правления по штабу армии берите в свои руки. А мне предстоит формировать другой штаб…

Я молчал, пытаясь понять, что это может значить. Гавриил Данилович улыбнулся, — наверное, вид у меня был обескураженный. И объяснил: получена директива Ставки о создании Одесского оборонительного района с подчинением Черноморскому флоту. Командующим районом назначен командир военно-морской базы контр-адмирал Жуков. А ему, Шишенину, предложено Жуковым возглавить штаб оборонительного района.

Таким образом, главная новость состояла в том, что Приморская армия переходит под начало моряков. Не скрою, в первый момент это показалось несколько странным: ведь противник под Одессой сухопутный, а решающая сила обороны — наземные войска.

Конечно, с тех пор как наша армия оказалась отрезанной от остального фронта, се боеспособность стала всецело зависеть от морских перевозок, которыми ведал флот. Только он мог доставить нам боеприпасы, подкрепления и все остальное. Из этого, очевидно, и исходила Ставка Верховного Главнокомандования. Смысл принятого решения заключался, как мы понимали, в том, чтобы повысить ответственность моряков за оборону Одессы. Они, разумеется, несли ее и до сих пор, по не в такой степени, как теперь, когда эта ответственность полностью возлагалась на Военный совет Черноморского флота.

Решение Ставки пришло неожиданно, однако не требовалось

слишком долго размышлять, чтобы дать себе отчет: в сложившейся обстановке оно совершенно правильно. Прекращалось тягостное положение, когда мы, отрезанные от остальных войск Южного фронта, оказались без нормальной связи с вышестоящим штабом и просто не знали, куда обращаться с самыми срочными нуждами. А уж с Севастополем, с командованием Черноморского флота связь могла быть быстрой и надежной.

Но в тот день, когда мы узнали об Одесском оборонительном районе (сокращенно он стал называться ООР), оставалось не вполне ясным, как будет теперь осуществляться управление войсками.

Полученная директива содержала указания по ряду вопросов: о том, какие рубежи надлежит оборонять до последнего бойца, о развитии системы инженерных сооружений, об изъятии излишков личного состава из тыловых частей и учреждений для использования в строю, о мобилизации всего способного к обороне гражданского населения и т. д. Однако ни разу не упоминалась Приморская армия. Более того — пункт 2 гласил, что командующему ООР подчинены "все части и учреждения бывшей Приморской группы, все части Одесской военно-морской базы и приданные ей корабли". Приморская группа войск уже месяц назад была преобразована в Приморскую армию. И если о последней в директиве ничего не сказано, естественно, возникал вопрос: сохраняется ли вообще на одесском плацдарме армия как оперативное объединение?

Шишенин, кажется, был уверен, что сохраняется. Однако контр-адмирал Жуков держался в тот момент, по-видимому, иного мнения. Во всяком случае, свой первый приказ по войскам ООР (в котором также не упоминалось о существовании Приморской армии) он отдал в ночь на 20 августа, что называется, через голову командарма и штарма. О приказе командующего ООР — отнюдь не формальном, а ставящем боевые задачи — в штабе армии узнали по телефону от командиров дивизий, получивших его для исполнения…

Нет нужды останавливаться на этом эпизоде дольше, чем он того заслуживает. Он сохранился в памяти поучительным примером того, как даже умного и бывалого человека может подвести слишком горячая натура.

Гавриил Васильевич Жуков сам потом признал ошибочность подобного рода действий, понял, что так командовать нельзя. И больше никогда не пытался ставить боевые задачи таким способом, как в день своего вступления в новую должность.

Здравый смысл удержал Г. В. Жукова и от опасной в

тогдашней обстановке ломки сложившейся системы управления войсками. Перестраивать ее было не время. Если в создавшихся условиях имело смысл подчинить флоту слаженную армию, то подчинение морскому командованию отдельных дивизий и полков никак бы себя не оправдало.

Возникшие было недоразумения и неясности устранились в течение одного дня. Приморская армия, как таковая, сохранилась в прежнем виде. При этом Г. П. Софронов, оставаясь командармом, стал также заместителем командующего ООР по сухопутным войскам.

Сенерал-лейтенант Софронов и контр-адмирал Жуков — люди очень несхожие по складу характеров, но оба беззаветно преданные делу и долгу — сумели быстро прийти к общей точке зрения по организационным вопросам. Поменявшись местами начальника и подчиненного, они (что далеко не всегда бывает в подобных случаях) работали в дальнейшем слаженно, дружно.

Вслед за командующим были назначены члены Военного совета оборонительного района. Ими стали дивизионный комиссар Ф. Н. Воронин (он ведал вопросами, касающимися сухопутных войск), моряк бригадный комиссар И. И. Азаров, прибывший из Москвы, и первый секретарь Одесского обкома партии А. Г. Колыбанов. В Военном совете Приморской армии Воронина заменил М. Г. Кузнецов недавний секретарь Измаильского обкома, а теперь бригадный комиссар. Это был живой, общительный человек. Он хорошо знал район Одессы, местные условия и охотно брался решать трудные вопросы, связанные со снабжением армии.

— Начальства стало многовато! — добродушно ворчал иной раз Георгий Павлович Софронов.

Но командарм был удовлетворен тем, что может сосредоточиться на руководстве боевыми действиями войск: введение командующего оборонительным районом отошли "городские" вопросы — местное военное производство, снабжение населения, комендантская служба и многое другое.

Жуков уважительно относился к Софронову как к старшему по званию и годам. Чувствовалось это даже в мелочах. Например, в столовой Военного совета, где Софронов не садился больше во главе стола, не занимал этого места и Жуков. Оно обычно пустовало, а они сидели напротив друг друга.

С созданием Одесского оборонительного района по-новому стали называться должности еще некоторых знакомых читателю лиц, хотя круг их обязанностей оставался, по существу, прежним. Комбриг В. П. Катров, например, стал заместителем командующего ООР по военно-воздушным силам (звучало это

громко, но ВВС оборонительного района составлял все тот же один 69-й истребительный авиаполк), генерал-майор А. Ф. Хренов — помощником командующего ООР по оборонительному строительству.

Относительно себя я узнал, что являюсь также заместителем начальника штаба ООР. Другим заместителем Г. Д. Шишенина на его новом посту стал капитан 1 ранга С. Н. Иванов, но не по совместительству, как я, а с освобождением от прежней должности. Начальником штаба военно-морской базы вместо него был назначен капитан 3 ранга К. И. Деревянно.

В Одессе тогда не очень заботились об официальном оформлении назначений и перемещений, которые решались на месте. В телеграмме из Севастополя, где сообщалось об утверждении Г. Д. Шишенина начальником штаба ООР, говорилось: "Вместо Шишенина генерал Софронов назначит сам". Эта телеграмма пришла дня через два после того, как я выполнил устное распоряжение взять бразды правления штабом в свои руки. А приказа о своем назначении начальником штарма Приморской, насколько помню, тогда вообще не видел.

Командарм высказал пожелание, чтобы я, во всяком случае пока не станет немного спокойнее на фронте, никому не передавал оперативный отдел. Таким образом, за мною остались и главные из прежних обязанностей.

Обстановка действительно требовала, чтобы у кого-то концентрировались все данные о фактическом положении дел на нашем фронте. Я непрерывно впитывал в себя эти данные из всех возможных источников, не полагаясь на одни донесения, "аккумулировал" их и постоянно спрашивал себя: все ли знаю, точно ли знаю? Понял: это важнейшая моя задача — держать теснейшую связь с секторами обороны, всегда быть в состоянии доложить обо всем, что там происходит и может произойти.

Естественно, мне и раньше требовалось быть в курсе всего, что касается управления войсками, использования кораблей и авиации, распределения боеприпасов, изыскания резервов. Тут вникать во что-то новое не пришлось. Просто стало больше прав, самостоятельности — многое мог решать сам.

Но у начальника штарма хватало и других дел, о существовании которых я за последние недели, занятый только непосредственно фронтом, почти забыл. Приходили со своими вопросами и медики, и финансист, и представители остальных служб. Тыловики продолжали эвакуацию не нужного для обороны имущества, и этому тоже надо было уделять внимание. Ждали утверждения разные планы, заявки, акты. Казалось, война, а тем более обстановка осажденного города, заставит людей писать

меньше бумаг. Однако хозяйственники оставались верны себе: если уж АХО что принимал, передавал или списывал, то по всей форме!

Не спорю, вероятно, так и следовало делать. Но, вынужденный заниматься и "небоевыми" вопросами, я с завистью вспоминал выдержку Гавриила Даниловича Шишенина, которому все это, может быть в силу многолетней привычки, как будто не так досаждало.

* * *

Когда усилились вражеские воздушные налеты, штаб Приморской армии переселился — еще до создания ООР — из дома Строительного института в оборудованное рядом подземное помещение.

Заботами генерала Чибисова старое хранилище коньячного завода было превращено к тому времени в хорошо оснащенный командный пункт, имевший даже автономный источник электроэнергии и прикрытый снаружи бетонным колпаком. Оперативному отделу и разведчикам отвели "третий этаж", считая сверху, так что мы оказались дальше всех от поверхности земли. Наш отдел получил большую комнату-каземат, а для меня отгородили фанерой "каюту", где поместились рабочий стол, койка, телефоны.

Вентиляция исправно подавала свежий воздух, но все равно сильно чувствовалась застарелая сырость. С поверхности не доносилось никаких звуков (не слышны были даже близкие разрывы бомб). Если долго не выходить наверх, терялось представление о времени дня.

В каземате никогда не выключался электрический свет, постоянно звонили телефоны. Отдыхали урывками — когда придется. Тот, у кого появлялась возможность поспать час-другой, располагался на устроенных в этой же большой комнате нарах. А когда такой возможности не было, сгоняли усталость под душем, благо он находился рядом, на том же этаже подземелья.

Заботу о том, чтобы люди все-таки регулярнее отдыхали, не забывали пообедать, — словом, о поддержании работоспособности личного состава, взял на себя батальонный комиссар П. И. Костенко, назначенный в оперативный отдел военкомом.

После того как ушел из штаба В. Ф. Воробьев и его должность перешла ко мне, начальником 1-го отделения стал майор М. Ю. Лернер. Его помощником оставался старший лейтенант Н. И. Садовников, на котором держалась текущая оперативная документация. Садовникову реже, чем кому-либо, удавалось выбираться наверх.

Зато наши направленны — капитаны К. И. Харлашкин, И. Я. Шевцов и И. П. Безгинов — проводили большую часть времени в войсках. Харлашкин был прикреплен к Восточному сектору, Шевцов — к Западному, Безгинов — к Южному. Понятно, не исключались в экстренных случаях задания и по другим направлениям. Но обстановку в своем секторе каждый был обязан знать досконально.

Со временем направленцы освоились в секторах так, что могли и ночью, без всяких проводников, добраться до любого батальона. Через этих офицеров штарм и командование армии во многих случаях получали самые точные и достоверные данные о положении на отдельных участках фронта, быстро узнавали о конкретных нуждах частей и подразделений, обо всем, что требовало немедленных решений и действий.

После Одессы мне довелось быть начальником штаба армии в Севастополе, а затем в Сталинграде. В специфических условиях борьбы за эти города было крайне важно гибко управлять войсками, а следовательно, своевременно учитывать даже незначительные на первый взгляд изменения обстановки. И я часто вспоминал одесский опыт, немалому в этом отношении научивший. Методы штабной работы, управления войсками, складывавшиеся в боях за Одессу, остались на вооружении, продолжая совершенствоваться.

У нас был хороший контакт с размещавшимися по соседству штабными разведчиками. Начальник разведотдела — худощавый, подвижный майор В. И. Потапов — заглядывал ко мне по нескольку раз в день со свежими новостями.

Потапов и его ближайшие помощники капитаны Б. С. Ковтун и А. Н. Леонченко работали инициативно, па-пористо. Они не давали покоя своим коллегам, занимавшимся разведкой в секторах, сами организовывали вылазки за "языками". Источником ценной информации сделался для разведотдела, в частности, радиообмен штабов 4-й румынской армии, который велся так, что нередко позволял раскрыть неприятельские намерения, переброску к Одессе новых соединений, подготовку очередных ударов против нас. Вообще разведчикам удавалось узнавать о противнике немало.

Тогда у нас не проводилось летучек или других регулярных совещаний, приуроченных к определенному времени дня. Все, чем приходилось заниматься, настолько не терпело отлагательства, что ждать какого-то особого часа для выяснения или обсуждения возникавших вопросов не было возможности. Формальности сводились к минимуму. Зато важную роль играли живая связь между отделами, а также со штабами родов войск

(почти все они помещались рядом), постоянная взаимная информация, конкретная деловая помощь.

Сплачивали, конечно, сами условия, в которых мы оказались, сознание общей большой ответственности. Но многое зависело от нашего начальника — генерала Шишенина, умевшего создавать вокруг себя атмосферу спокойной (насколько это было возможно в осажденной Одессе) деловитости. Его неизменная корректность, внимательность к мнениям и предложениям других, готовность выслушать подчиненного ободряли и вместе с тем подтягивали людей.

После назначения командующим ООР контр-адмирал Жуков перебрался с КП военно-морской базы к нам на улицу Дидрихсона. Приморцы немного потеснились, и на трех подземных этажах разместились два командующих, два Военных совета, два штаба — оборонительного района и армии. Может быть, и многовато для одесского плацдарма, учитывая, что в строю мы имели тогда не более 35 тысяч бойцов. Но, повторяю, не время было перестраивать всю систему-управления войсками.

Считая самым важным в своей работе все, связанное с оперативным отделом, я не стал, когда был назначен начальником штаба, никуда переселяться из своей фанерной выгородки в подземном каземате. Сюда стекалась вся информация о положении в секторах обороны, на участках отдельных частей, в городе. Сюда прежде всего являлись вернувшиеся с фронта направленны или вызванные оттуда офицеры связи, приходили со своими новостями разведчики.

Да и привык я уже к своему не слишком комфортабельному рабочему месту, где и ближайшие помощники, и связь — все под рукой. А лишний раз подняться к командарму или Шишенину — труд невелик.

Обедать мне теперь полагалось в столовой Военного совета ООР, которую контр-адмирал Жуков и другие моряки называли по-флотски кают-компанией. Она действительно служила руководящему начсоставу ООР и армии не просто столовой, а местом короткого отдыха, товарищеских бесед. Эта маленькая столовая помещалась в домике над нашим подземным убежищем. Так что заодно удавалось побыть немного на свежем воздухе, при солнечном свете.

Если же положение на фронте не отпускало далеко от телефонов, мы с Костенко, Лернером, Садовниковым и направленцами, которые оказались в штабе, обедали "у себя дома" — обычно за моим рабочим столом.

За обедом старались говорить о чем угодно, только не о делах. Иногда рассказывал что-нибудь смешное жизнерадостный

Харлашкин. А порой, затаив тревогу, вспоминали своих близких, от которых почти никто из нас не имел вестей. Моя семья в то время жила уже в Камышине, на Волге, жена поступила там санитаркой в госпиталь. Но я этого еще не знал, как и жена не знала, что я в Одессе. И мне все еще думалось: не попали ли мои под бомбы у Раздельной?..

* * *

Рождение Одесского оборонительного района совпало с трудными для защитников города днями. Уже к вечеру 19 августа вновь ухудшилась обстановка в Южном секторе (кстати, это тоже, видимо, повлияло на слишком поспешные, опрометчивые действия Г. В. Жукова в первые часы его командования оборонительным районом).

Утром 20-го Шишенин и я вместе подписали первое боевое донесение штабу Черноморского флота. В нем сообщалось, что противник, введя в бой под Одессой до шести пехотных дивизий, одну кавдивизию и мотобригаду, прорвал фронт на участке Кагарлык, Беляевка и продолжает развивать наступление. Главный удар был направлен на хутор Карсталь (ныне — Широкая Балка). Это означало новую попытку прорваться к Одессе.

Чапаевцы и части, посланные им в подкрепление, пытаясь остановить превосходящие силы противника, понесли серьезные потери. Из Южного сектора докладывали, что в 287-м полку Чапаевской дивизии и в 136-м запасном осталось по двадцать пять — тридцать бойцов в роте. За сутки в госпитали поступило до двух тысяч раненых — в несколько раз больше, чем два дня назад, когда 95-я дивизия не дала пробить брешь в обороне Западного сектора.

Враг ворвался в Беляевку. Командир Чапаевской дивизии А. С. Захарченко предпринял перегруппировку своих сил, чтобы укрепить снятыми с левого фланга подразделениями наиболее опасные участки, но она прошла неудачно, и положение еще более осложнилось. Возникла угроза окружения отдельных подразделений. Вынужденные отходить, наши части никак не могли оторваться от противника.

Отход в Южном секторе заставил отводить на запасный рубеж и войска Западного: иначе враг оказался бы у него в тылах. Для 95-й дивизии это означало оставление позиций, которые она защитила в упорных боях последних десяти дней. Генерал Воробьев, соединившись с командармом, пытался возражать против этого отхода. Василия Фроловича можно было понять: он верил, что оборона занята надолго, и изо дня в день укреплял свой рубеж, используя для этого любую передышку.

Однако приказ был отдан, и дивизия Воробьева организованно, под прикрытием арьергардов заняла новые позиции. Однако войска Южного сектора не везде смогли удержаться на назначенной им линии.

Что и говорить — обстановка для них сложилась труднейшая, враг наседал. Но в сложной обстановке и проверяются до конца качества командира. Испытание, выпавшее в тот день на долю полковника Захарченко, он не выдержал: на на кие-то часы потерял управление частями дивизии. И это обошлось дорого рвущегося и Одессу противника остановили ближе к городу, чем было можно.

— Нет, не по плечу Захарченко дивизия, — убежденно сказал Георгий Павлович Софронов, когда ночью подводились итоги тяжелого дня.

Контр-адмирал Жуков согласился с этим, и комдива решили заменить. Полковник Захарченко был направлен на штабную работу в Восточный сектор.

В ту же ночь Военный совет ООР назначил комдивом 25-й Чапаевской и начальником Южного сектора генерал-майора И. Е. Петрова. Кавдивизию временно возглавил начальник штаба полковник П. Л. Рябченко. Но она не вышла из подчинения генерала Петрова: для восстановления положения и Южном секторе под его командованием объединялись обе эти дивизии с добавлением одного стрелкового полка, из 95-й.

Так на И. Е. Петрова была возложена ответственность за левый фланг Одесской обороны, положение которого сделалось в тот момент наиболее опасным.

Об Иване Ефимовиче Петрове — генерале, сыгравшем выдающуюся роль в дальнейших боевых действиях не только Приморской армии, я успел рассказать пока немногое.

О его жизненном пути я узнал позже, когда мне посчастливилось стать близким сослуживцем генерала Петрова.

Этот человек, производивший впечатление прирожденного военного, в юности стремился стать учителем. А затем увлекся живописью и архитектурой, был принят в Строгановское училище. Военным же стал волею судьбы: в 1916 году студента призвали в армию и послали в Алексеевское юнкерское училище, откуда он незадолго до революции вышел прапорщиком.

Будучи сыном бедняка сапожника, Петров оказался в числе тех русских офицеров, которые безоговорочно приняли Октябрь и добровольцами пришли в Красную Армию. В восемнадцатом году он вступил в большевистскую партию и всю гражданскую войну провел на фронтах, закончив ее комиссаром кавалерийского полка.

И после гражданской войны служба Петрова еще долго была боевой в самом прямом смысле слова. Двадцатые годы и начало тридцатых годов он прожил, что называется, в седле, воюя в Средней Азии с басмачами. Командовал кавалерийским полком, бригадой, участвовал в разгроме банд всех основных басмаческих главарей, включая и зловещего Ибрагим-бека.

Конечно, боевые действия против басмачей существенно отличались от войны, в которую нам пришлось вступить в сорок первом. Но, узнав, как провел Иван Ефимович те годы, я понял, откуда у него такое трезвое отношение к опасностям, которые, казалось, всегда были для него чем-то совершенно естественным.

Отличала Ивана Ефимовича также разносторонняя военная образованность. Впоследствии мне приходилось слышать, как крупные специалисты военно-инженерного дела удивлялись редкой для общевойскового командира глубине его познаний в области фортификации. А артиллеристы в свою очередь уважали в нем большого знатока возможностей и специфических особенностей их оружия. Будучи в течение ряда лет перед войной начальником пехотного училища в Ташкенте, И. Е. Петров по совместительству вел курс истории военного искусства в местном вечернем отделении академии имени М. В. Фрунзе.

Все это тем примечательнее, что сам Иван Ефимович после юнкерского училища прошел лишь курсы усовершенствования комсостава в середине двадцатых годов и большую часть своих разносторонних знаний приобрел благодаря неистощимой потребности самообразования.

Генерал Петров многое делал не то чтобы против правил, но не совсем обычно. До меня дошел рассказ о том, как начал он знакомиться с вверенной ему Чапаевской дивизией, появившись рано утром 21 августа в сопровождении лишь адъютанта на переднем крае 287-го стрелкового полка.

Командир роты, в расположении которой это происходило, обходил свой участок перед ожидавшейся вражеской атакой и возмутился было, заметив еще издали, что в траншее бойцы беседуют с каким-то незнакомым человеком. Меньше всего ожидал комроты встретиться тут с новым командиром дивизии, о назначении которого узнал два-три часа назад.

Осмотрев вместе со старшим лейтенантом позиции роты, генерал Петров отправился на командный пункт батальона, где и оставался, держа связь с дивизионным КП, все время, пока на этом участке отражалась первая в тот день атака.

Существуют разные мнения насчет того, следует или не следует командиру соединения в боевой обстановке отлучаться со своего КП, оставляя там кого-то другого, чтобы лично побывать в

частях. Но в этом, очевидно, не может быть общих правил. Василий Фролович Воробьев находился на КП почти безотлучно, и это не означало, что он плохо командует дивизией. Петров же — тут сказывались, вероятно, как склад характера, так и специфика прошлой его службы — испытывал потребность видеть своими глазами, как идет дело в полках, в батальонах. В Чапаевской дивизии он скоро знал в лицо и по имени-отчеству каждого командира роты.

Мне кажется, для Ивана Ефимовича всегда было необходимо, думая о каком-то участке фронта, представлять конкретных людей, с которыми он уже встречался и о которых имеет определенное суждение. В близком знании подчиненных он черпал собственную уверенность, когда принимал решение, ставил боевую задачу.

Таков был новый комдив 25-й Чапаевской.

Ближние подступы

Прошло еще несколько дней; прежде чем фронт в Южном секторе стабилизировался на новом оборонительном рубеже.

Из рук в руки переходил Фрейденталь (Мирное) — село на полпути между Беляевкой и Дальником. А в районе села Маяки, что у Днестровского лимана, некоторым ротам чапаевцев приходилось временами занимать круговую оборону оставаясь на своих позициях, они вели бои в окружении.

Не раз оказывались в трудном положении и эскадроны кавдивизии. Два ее полка воевали в пешем строго. Только кавполк Ф. С. Блинова оставался конным. До прорыва у Кагарлыка мы считали его резервом для Восточного сектора, а затем тоже перебросили в Южный. Ночью, во время сильного воздушного налета, тысяча конников проследовала через темный город. На марше им изменяли маршрут, направляя колонну по тем улицам, где меньше бомбили.

Под утро генерал Петров встретил 5-й кавполк у развилки фронтовых дорог и, взяв у капитана Блинова планшет, написал прямо на его карте (это было в стиле Ивана Ефимовича) боевой приказ. Полку ставилась задача выбить противника из захваченного вечером селения и давалось на подготовку к атаке сорок пять минут.

Я привожу эти детали потому, что они характерны для тогдашней обстановки. Любая боевая сила, появлявшаяся в распоряжении начальника сектора, немедленно вводилась в дело, чтобы задержать наседавшего врага, а где можно — отбросить его назад.

Конники действовали главным образом ночью или на рассвете, пока не появлялась в воздухе немецкая авиация. Если за Лузановкой с трудом удавалось укрывать коней в узких лесопосадках, то в Южном секторе не было и этого — одна кукуруза. И все-таки конница, разделенная на небольшие подвижные группы, и в этих условиях была способ-па нанести врагу известный урон, совершая нападения на его тылы. В донесениях отмечались, в частности, дерзкие действия эскадрона И. И. Котенкова, старого кавалериста, воевавшего в этих местах еще в бригаде Котовского.

В Южный сектор были направлены два дивизиона бригады ПВО, батальон ВНОС, преобразованный в стрелковый (тот, что раньше нес службу за Днестром), отдельные подразделения из армейского тыла, ополченцы. Этого было, конечно, недостаточно, чтобы существенно изменить соотношение сил на направлении,

где противник имел до четырех пехотных дивизий. И все же продвинуться дальше враг ио смог. После упорных боев под Фрейденталем, Маяками и Карсталем наша оборона вновь стала приобретать устойчивость.

Немало сделала для этого поддерживавшая войска сектора артиллерия (теперь, на новых рубежах, мог использоваться и огонь кораблей). Помогли штурмовки наших "ястребков". Но главное заключалось в том, что сами стрелковые части проявили настоящую стойкость.

Стойкость плюс активность — так следовало бы сказать. Потому что только отбивать вражеские атаки было еще недостаточно. Чтобы выстоять, требовалось и контратаковать самим. И мы всегда заботились о том, чтобы необходимость действовать активно сознавалась командирами соединений и частей, в их штабах.

Помню один разговор с Иваном Ефимовичем Петровым — еще до назначения его в Чапаевскую дивизию, — тоже имевший отношение к установлению общих взглядов на тактику армии в сложившейся обстановке. Говорили о чем-то сугубо конкретном. Но так или иначе, все касалось основного — как не пустить врага в Одессу. И мне пришло в голову нехитрое сравнение:

— Представим, что некий Геркулес заслонил собой стену, которую ему поручено защищать. Заслонил — и стоит. А его обступили, бросают в него камни… Чем это кончится, если Геркулес будет только прикрывать стену, не нападая на врагов сам? Очевидно, тем, что рано или поздно какой-то камень угодит ему в лоб… Не таково ли в общих чертах наше положение под Одессой? Пассивность в обороне всегда бесперспективна, а в наших условиях — просто гибельна.

— Про Геркулеса это вы верно, — задумчиво произнес Иван Ефимович. Уподобляться ему нам никак нельзя.

Я понял, что мы смотрим на важнейший вопрос одинаково. Сравнение Петрову понравилось, и он напомнил мне про тот разговор, когда приморцы дрались уже за Севастополь. Там тоже лишь боевая активность наших войск могла помешать противнику реализовать его численное превосходство.

А в Южном секторе Одесской обороны активная тактика частей, подчиненных И. Е. Петрову, обеспечила, например, быстрое окружение и уничтожение батальона из только что подтянутой сюда 14-й пехотной дивизии противника. Два других ее батальона, введенных в бой на том же участке, отступили, потеряв до половины своих солдат. Днем позже 31-й Пугачевский полк Чапаевской дивизии контратакой выбил врага из Петерсталя (Петродолинское) и ворвался в соседний Францфельд

(Надлиманское).

Оба селения были захвачены противником лишь накануне, и боевой успех сводился к восстановлению вчерашних позиций. Однако в тот момент это значило немало, и командарм Софронов от души поздравлял генерала Петрова.

Иван Ефимович воспользовался случаем, чтобы попросить подкрепление. Мы только что направили к нему несколько сот бойцов, выздоровевших после ранений. Но Петров спрашивал, не пора ли вернуть в Чапаевскую дивизию Разинский полк, остававшийся в Восточном секторе.

— И морячков хорошо бы сюда подбросить, — продолжал он. — Их там у вас, я слышал, прибавилось…

Мы знали, что у Петрова фактически нет сплошной линии фронта: между подразделениями значительные промежутки, которые прикрыть нечем. На ночь там выставлялись наблюдательные посты (секреты), но они могли лишь обнаружить, а не задержать противника, если бы он внезапно туда сунулся.

Однако вернуть в дивизию Разинский полк не было пока возможности. Что касается моряков, то их у нас действительно немного прибавилось: на кораблях, присланных для усиления артиллерийской поддержки Приморской армии (пришли крейсер "Красный Крым" и два эсминца), прибыли из Севастополя два отряда морской пехоты: тысяча бойцов-добровольцев. Каждый из них по личной просьбе был послан на защиту Одессы. Это пополнение пришло очень вовремя, но отдать его целиком в части генерала Петрова мы не могли. Один из севастопольских отрядов потребовалось прямо из порта отправить в распоряжение В. Ф. Воробьева.

Почему оказались необходимыми эта и другие меры, читатель сейчас поймет. К тому времени положение в Западном секторе было уже далеко не таким, как два-три дня назад.

Прежде чем 95-я дивизия успела закрепиться на своем новом рубеже, возобновилось наступление противника и на центральном участке Одесской обороны. В нем участвовало по меньшей мере семь пехотных полков. Основной удар наносился, как и в прошлый раз, вдоль железной дороги.

И теперь врагу удалось то, чего он не смог добиться тогда. К полудню 21 августа в его руках оказалась станция Выгода.

От Выгоды до Одессы нет и тридцати километров, а запасные рубежи, прикрывающие это направление, далеко еще не были готовы. Не требовалось объяснять В. Ф. Воробьеву, что его дивизия должна остановить врага любой ценой. И надо было поддержать Западный сектор чем только можно.

— Немедленно отправляйте к Фроловичу всех оставшихся пулеметчиков, приказал мне командарм.

Он имел в виду последнюю пульроту из ТИУР, еще не находившуюся на переднем крае. Через час в 95-ю дивизию были доставлены двадцать пять станковых пулеметов с расчетами. Оттуда сообщили, что пульроту возглавил лично начальник штадива.

Среди записей, сделанных в журнале боевых действий Приморской армии 22 августа 1941 года, есть такие:

"…Пулеметная группа майора Чиннова ведет ожесточенный бой за Выгоду.

…К-р 90 сп полковник Соколов с двумя зенпульустановками выбил противника с высоты 82,8.

…К-р 95 сд бросил в стык 161-го и 90-го полков последний свой резерв 100 человек под командованием нач. опер, отделения капитана Сахарова".

Эти скупые строки почти не нуждаются в пояснениях — настолько они красноречивы сами по себе. Если начштаба командует группой пулеметчиков, а его заместитель, начальник оперативного отделения, прикрывает с последним резервом другой участок, если командир стрелкового полка сам ведет в бой машины взвода ПВО (установленные на них счетверенные "максимы" использовались и против пехоты), то этого достаточно, чтобы представить, какой напряженный бой ведет дивизия.

Весь ее штаб и политотдел, все, без кого комдив мог обойтись на КП, находились с бойцами на переднем крае. Из поарма приехал старший батальонный комиссар Г. А. Бойко. Послать его в подразделение, как своих подчиненных, Воробьев не мог, но он просто попросил политработника, которого хорошо знал, отправиться в батальон, где резко осложнилась обстановка. Ночью мы узнали, что Бойко тяжело ранен — он вел в контратаку роту. Свой рубеж это подразделение удержало.

Контратаки пехоты и гибкое маневрирование огнем артиллерии — вот что позволяло отбивать усиливавшийся натиск врага. 95-ю дивизию поддерживали дальнобойные орудия богдановцев. А начарт Западного сектора полковник Д. И. Пискунов искусно, расчетливо использовал огневую мощь своих артиллерийских полков.

Стык двух стрелковых полков, где оборонялась группа капитана В. П. Сахарова, в решающий момент был прикрыт и массированным огнем почти всей дивизионной артиллерии. Расчеты ближайших к этому участку батарей, выкатив орудия вперед, стреляли прямой наводкой.

В распоряжение Воробьева был опять направлен бронепоезд

№ 22. Четыре дня назад, во время большого боя у станции Карпово, он проходил по этой же дороге далеко за Выгоду. Теперь поезд вел огонь из района Дачной — третьей от Одессы пригородной станции…

Для пополнения стрелковых частей Западного сектора штарм мог послать в первый день нового вражеского наступления лишь отряд одесских ополченцев. Причем далеко не полностью вооруженный.

"14.30. Истребительный отряд. Людей 572, штыков 100, 3 станковых пулемета" — такую запись в свое время сделал В. Ф. Воробьев.

Таким образом, в этом пополнении винтовку имел один из шестерых. Остальным предстояло получить оружие в бою.

А на следующий день прибыли из Севастополя те моряки-добровольцы, о которых я говорил. И хотя в Западном секторе становилось уже немного легче, Г. П. Софронов сразу решил, что один из двух краснофлотских отрядов пойдет в 95-ю дивизию.

Я был рад сообщить Василию Фроловичу:

— Направляем в ваше распоряжение черноморцев. Четыреста пять человек. Вооружены самозарядными винтовками, есть и пулеметы. Высылайте встречать!..

В написанных потом воспоминаниях В. Ф. Воробьев делится первыми впечатлениями о флотском пополнении:

"Вид у моряков бравый, четко держат строй. Все в бескозырках и черных бушлатах… Пробую объяснить, что воевать на суше, сидеть в окопах в морской форме, пожалуй, не очень удобно и лучше бы переодеться в красноармейскую. Но переодеваться им явно не хотелось. Высокий," плечистый старшина ответил за всех:

— Разрешите нам, товарищ генерал, идти в бой матросами. Если придется умереть за Родину, умрем уж в тельняшках!

По рядам прошел гул одобрения, и я понял, что настаивать на переодевании не следует.

Решили с комиссаром послать весь отряд в распоряжение командира 161-го полка — на самый боевой участок. Полковнику Сереброву приказал моряков по батальонам не делить, а использовать как ударный кулак".

Полк Сереброва вел бои за восстановление позиций в районе Выгоды. Отряд моряков дружно пошел в атаку, выбил противника из одного хутора, но соединиться с батальоном, наступавшим правее, по другую сторону железной дороги (это предусматривалось для окружения закрепившихся тут неприятельских подразделений), не смог. Морякам, однако, удалось прорваться дальше во вражеские тылы. Отряд оказался

отрезанным от своих и отыскался лишь на другой день.

— Притащили порядочно трофейного оружия, — передавал генерал Воробьев. Понесли, понятно, потери. Командир ранен в руку. За партизанщину отругал, но кое-кого, очевидно, следует представить к награде…

Командовал этим отрядом майор А. С. Потапов, бывший преподаватель одного из военно-морских училищ и будущий командир 79-й стрелковой бригады, прославившейся при обороне Севастополя.

В полосе 95-й дивизии разгорелись ожесточенные бои. Впервые с начала Одесской обороны они шли круглые сутки. Если до 22 августа противник, как правило, не проявлял особой активности после наступления темноты, то теперь артиллерийский обстрел и атаки не прекращались и ночью. А с рассветом над нашими рубежами появлялись десятки фашистских бомбардировщиков.

Удерживать позиции стало труднее, чем когда-либо. Бомбежки и интенсивный обстрел разрушали блиндажи и окопы, лишая бойцов укрытий. За один день 23 августа в 95-й дивизии выбыло из строя около тысячи человек. Вечером доложили, что в правофланговом 241-м полку П. Г. Новикова в трех стрелковых батальонах осталось 260 красноармейцев.

Никаких готовых резервов у нас уже не было. Штарм отправлял на фронт все, что успевали сформировать в городе из запасников старших возрастов и добровольцев. Ночью 23 августа на пополнение дивизии Воробьева был послан на машинах отряд, именовавшийся Одесским полком. Из 1300 его бойцов винтовки имела едва половина. Остальные знали, что получат на передовой оружие тех, кого они заменят в строю.

Командиры полков, батальонов, не говоря уже о политработниках, находились почти все время на переднем крае.

За три-четыре дня в 95-й дивизии были убиты или ранены все комбаты (некоторые из раненых, правда, остались в строю). 23 августа генерал Воробьев сообщил, что тяжело ранены начальник штадива майор И. И. Чиннов и командир 161-го полка полковник С. И. Серебров. Вслед за ними был отправлен в госпиталь командир 90-го полка полковник М. С. Соколов. Это он днем раньше ворвался с поставленными на машины зенитными пулеметами на высоту 82,8, захват которой противником ставил под удар левый фланг дивизии. В тот раз Соколов остался невредим, а через сутки осколок вражеского снаряда вывел его из строя.

"Наверное, потому и удалось тогда выстоять, что полками командовали такие люди, как Серебров и Соколов, что бойцов

воодушевляли такие герои-политработники, как Бойко…" Эти слова принадлежат В. Ф. Воробьеву. Так писал он впоследствии, вспоминая начало третьей декады августа в Западном секторе. А в те дни перед нами вставал тревожный вопрос; кем заменить опытнейших кадровых командиров?

Временно их заменяли те, кто был рядом: Чиннова — капитан Сахаров, Соколова — подполковник Опарин… И дивизия продолжала сражаться с прежним упорством…

24 августа в результате контратак, поддерживаемых точным огнем артиллерии, наши позиции на ряде участков Западного сектора немного улучшились. В ночном бою был разгромлен 14-й полк 7-й пехотной дивизии противника, пытавшийся овладеть хутором Октябрь. Наш 161-й полк захватил там несколько десятков пленных и трофеи — минометы, пулеметы, танк.

Общее положение в Западном секторе оставалось очень напряженным. Здесь, как и в Южном секторе, бои уже велись на ближних подступах к Одессе.

* * *

"А как Восточный сектор?" — может спросить читатель.

Части 13-й и 15-й румынских пехотных дивизий, которые там наступали (немецкая дивизия, находившаяся, по данным нашей разведки, во втором эшелоне, непосредственно в боях пока не участвовала), отнюдь не оставили попыток выйти на побережье поближе к Одесскому порту. В Восточном секторе можно было в любой момент ждать серьезных осложнений. И все же некоторое время обстановка там не обострялась до такой степени, как в двух других.

18 августа — на следующий день после того как моряки при поддержке пограничников восстановили свои позиции у Шицли — наступило даже короткое затишье: очевидно, противник, получивший накануне основательный удар, приводил себя в порядок. Затем бои на приморском участке возобновились, причем из рук в руки переходила уже не только деревня Шицли, но и Старая Дофиновка.

Войска Восточного сектора продолжала поддерживать артиллерия кораблей. Кроме канлодок и эсминцев Одесской базы все чаще вели огонь корабли, приходившие из Севастополя. 22 августа по неприятельским позициям у Булдинки и Свердлова били орудия крейсера "Красный Крым".

К этому времени моряки убедились, что стрельба по береговым целям не особенно эффективна, если огонь ведется по площадям, без корректировки. С кораблей начали высаживать корректировочные посты с рациями, которые располагались на наблюдательных пунктах полков или в других местах с хорошим

обзором. В результате огневая поддержка с моря становилась более действенной. В дальнейшем вся система была усовершенствована: корпосты посылал на передний край штаб военно-морской базы и корабли уже на подходе к Одессе получали координаты целей.

По вопросам использования корабельной артиллерии я держал контакт с капитаном 3 ранга К. И. Деревянко, ставшим, как уже говорилось, начальником штаба Одесской базы. Константин Илларионович любил знать, как оценивают каждую стрельбу в частях, поддерживаемых кораблями, и дозванивался до командиров полков, чтобы выяснить их претензии и пожелания. А с полком Осипова сухопутным детищем военно-морской базы — ее штаб вообще имел связь напрямую.

Па первых порах после образования ООР капитан 3 ранга Деревянко был и за командира Одесской базы. Затем на эту должность прибыл контр-адмирал И. Д. Кулешов, который раньше возглавлял соседнюю военно-морскую базу Николаевскую, захваченную теперь врагом.

Новый командир базы носил черную пилотку подводника (вероятно, в память о своей прежней службе на лодках), удлиненный матросский бушлат и сапоги, на боку — громоздкий маузер в деревянном коробе. Все это дополняла старомодная испанская бородка клином. Человек с внешностью большого оригинала оказался смелым и деятельным командиром.

На каком-нибудь другом участке советско-германского фронта тогда могли не так уж много значить те километры, на которые потеснил нас противник в Южном и Западном секторах. Но на нашем плацдарме действовал свой масштаб. Тут все время надо было считать, сколько остается от передовой до города, до порта…

Подсчитывал это, конечно, и враг. Подсчитывал и, должно быть, не переставал надеяться, что очередной натиск обеспечит ему под Одессой победу.

23 августа на участке 31-го полка Чапаевской дивизии противник предпринял "психическую" атаку. Примерно два неприятельских батальона двинулись к нашим позициям ротными колоннами, во весь рост, с оркестром… Артиллерия, минометы, пулеметы уложили не меньше половины наступавших, остальные в беспорядке бежали с поля боя. До наших окопов не дошел ни один вражеский солдат.

Получив краткое донесение об этом, я послал в Южный сектор капитана И. П. Безгинова, чтобы узнать подробности. Вернувшись, Иван Павлович доложил:

— Все точно — шли прямо как каппелевцы в фильме "Чапаев".

Офицеры с шашками наголо, солдаты пьяные…

Наши встретили их дружным огнем. Можно считать, что уничтожен целый батальон.

Попытка ошеломить, взять на испуг наших бойцов привела к обратным результатам. Красноармейцы расценивали "психическую" атаку как проявление отчаяния врага, не способного нас одолеть.

Вскоре противник организовал еще одну такую атаку более крупными силами. Но результат был тот же. Не подпустить марширующие по полю шеренги к нашим окопам помогли в этот раз летчики. Они имели другие цели, но, увидев, что происходит, снизились до бреющего полета и переключились на штурмовку вражеской пехоты.

Не подлежало сомнению, что потери 4-й румынской армии под Одессой очень велики. Об этом твердили все пленные. Мы имели достоверные данные об отводе противником на переформирование целых соединений. Но на смену им появлялись свежие. Не меньше чем по четыре дивизии стояло против наших 25-й и 95-й. Почти по дивизии приходилось на каждый полк, оборонявшийся в Восточном секторе…

На 20 августа 1941 года протяженность фронта Одесской обороны составляла более 80 километров. В частях, державших этот фронт, насчитывалось 34 500 бойцов и командиров. Из них автоматами были вооружены 660 человек, полуавтоматическими винтовками — 2450. Станковых пулеметов имелось 418, ручных — 703. Полевая артиллерия состояла из 303 орудий, включая противотанковые. Действующих танков числилось два, исправных самолетов — 19.

Были еще береговые батареи, были корабли, поддерживавшие армию огнем с моря, и бомбардировщики, прилетавшие время от времени из Крыма. Однако и с учетом всего этого соотношение сил оставалось крайне неблагоприятным для нас. Это побудило Военный совет ООР просить у высшего командования подкреплений. Испрашивались одна стрелковая дивизия, батальон танков и истребительный авиаполк. Но особенно рассчитывать на то, что нам дадут хоть что-то из этого, не приходилось. Как мы знали, формировалась новая армия для защиты Крыма. Общая обстановка на юге ухудшалась — враг был под Киевом, достиг низовьев Днепра.

Штаб Черноморского флота сообщал, что он готовит для отправки в Одессу новые отряды моряков. И они действительно прибывали (всего в августе прибыло шесть отрядов) и немедленно распределялись по дивизиям и полкам. Стали регулярно доставляться боеприпасы для артиллерии — и на транспортах, и

на боевых кораблях. Однако положение со снарядами оставалось трудным: не хватало то одного калибра, то другого. Севастополь прислал нам 6500 винтовок. Это было очень существенно, но требовалось их гораздо больше.

23 августа в журнале боевых действий появилась такая запись: "В частях армии ощущается большой недостаток винтовок, пулеметов, мин, 76-мм снарядов для полковых и дивизионных орудий, 122-мм снарядов… Обученные резервы исчерпаны полностью, необученных имеется 400 человек".

Рассказ мой дошел до 24 августа — дня, памятного серьезными событиями в Восточном секторе. Но я чувствую себя обязанным сказать сначала, как жила в конце августа сама Одесса. Это необходимо не только потому, что приморцы сражались за нее, но и потому, что сражался сам город, все теснее сливаясь в единое целое с фронтом.

Захватив Беляевку, враг не замедлил отключить водонаборную станцию "Днестр". Одесса, в которой оставалось около 300 тысяч жителей, лишилась основного источника пресной воды в разгар жаркого южного лета.

Беда с водой пришла не неожиданно — реальная опасность такого положения, в каком теперь оказался город, существовала уже три-четыре недели. От этого людям не было легче. Однако беде не дали превратиться в трагедию.

Инженерные подразделения ООР и работники коммунального хозяйства общими силами вводили в действие старые артезианские скважины и бурили в разных районах города новые. Решать жизненно важную задачу помогали коллективы предприятий, ученые, одесские старожилы, все, кто знал места, где можно быстро добраться до воды. Два артезианских колодца с большим дебитом появились, например, на территории судоремонтного завода и были подключены к водопроводной сети индустриального Ленинского района.

Понадобилось 58 скважин, расконсервированных и новых, чтобы удовлетворить минимальные потребности предприятий и обеспечить горожанам возможность получать в определенные часы воду через дворовые и уличные краны. Воду стали отпускать по карточкам. Норма — полведра на человека в сутки.

Насколько мне известно, Одесса была единственным городом, где военные обстоятельства заставили вводить карточную систему на воду. И вероятно, ни в каком другом городе коменданту не приходилось издавать приказы о том, чтобы во всех квартирах перекрыли и опечатали краны, о том, что запрещается поливка цветников.

Вода нужна была также для тушения пожаров, возникавших

при воздушных налетах. Для этого ее брали из моря: на спусках, ведущих к порту, соорудили подсасывающие установки, с помощью которых наполнялись специальные резервуары. Конечно, это не решало проблемы полностью, и нередко оказывалось, что заливать огонь было нечем.

Не сразу наладилось и нормированное снабжение пресной водой всех районов. Помню день, когда повара нашей штабной кухни не могли раздобыть воды для супа, а в каземате оперативного отдела опустел питьевой бачок. Потом привезли морскую воду, и врач роздал нам какие-то таблетки, чтобы ее опреснять.

— Пожалуй, даже похоже на сельтерскую… — не очень уверенно произнес Харлашкин, первым растворивший таблетку в кружке.

Но "сельтерская" выручала плохо — жажда только усиливалась. Кое-кто пробовал утолять жажду сухим вином, вспомнив, что так, кажется, делают на Кавказе. Вина в Одессе было вдоволь, однако заменить воду оно не могло.

Хуже прежней, днестровской, оказалась и вода, добывавшаяся из новых скважин. Командиры приходивших из Севастополя кораблей часто приглашали командарма и меня попить в кают-компании чайку из вкусной крымской водицы, и иногда мы позволяли себе это удовольствие, если обстановка разрешала отлучиться с КП. На больших кораблях можно было даже принять пресную ванну. Но когда заставал там ночной налет "хейнкелей" и "юнкерсов", бомбежка казалась неприятнее, чем на привычной суше.

Войск на передовой городские трудности с водой не коснулись — они, как и прежде, пользовались сельскими колодцами.

Еще до карточек на воду — с 25 августа — в Одессе была введена карточная система на продовольствие: хлеб, мясо, жиры, сахар. Учет продуктов, имевшихся на складах, показал, что наличных запасов может хватить на месяц-полтора.

Армия имела некоторые свои запасы. Начальник тыла Т. К. Коломиец (будущий командир Чапаевской дивизии) и интендант армии А. П. Ермилов сумели по-хозяйски использовать все, что застряло на разных станциях вокруг Одессы, а также в торговом порту. В период становления обороны оперативные группы наших хозяйственников не раз вывозили зерно, муку и другое продовольствие прямо из-под носа у врага.

А бойцы частей, рубежи которых оказались вблизи эвакуированных уже пригородных совхозов, помогали бригадам горожан убирать оставшийся там урожай. Случалось, убирали и

под обстрелом. Ночью, когда над дорогами не висели фашистские самолеты, собранное отвозили на городские базы.

Овощей, фруктов в то лето уродилось много. Да и нормированные продукты отпускались не особенно скупо: хлеба в конце августа рабочему полагалось 800 граммов в день, служащему — 600. Недостаток воды был ощутимее.

Но сильнее всего население страдало от бомбежек. Воздушные налеты давно стали каждодневными, не обходились без них и ночи.

От ударов с воздуха Одессу героически защищали батареи бригады ПВО. Но далеко не всегда имелась возможность использовать всю силу зенитного огня: снаряды береглись для крупных групповых целей.

Тем больше значил для нас истребительный полк майора Шестакова. Однако исправные самолеты там были наперечет. Комбриг Катров постоянно ломал голову над тем, как их распределить, чтобы обеспечить и штурмовку неприятельских войск, и разведку, и сопровождение бомбардировщиков, прилетавших из Крыма, и непосредственное прикрытие города, порта.

На особом учете у комбрига была четвертая эскадрилья авиаполка. "Ночники!" — уважительно говорил Катров о ее летчиках. Они еще в мирное время в совершенстве овладели техникой ночного пилотирования, что очень пригодилось, когда фашистские бомбардировщики стали появляться над Одессой не только днем. Командовал эскадрильей ночников капитан Аггей Елохин, впоследствии Герой Советского Союза. Знали эту эскадрилью и по комиссару — старшему политруку Семену Кунице, который сам был искусным воздушным бойцом и за июль — август сбил несколько вражеских самолетов.

На исходе августа скромные ВВС Одесского оборонительного района получили небольшое пополнение в виде эскадрильи И-16 под командованием капитана Ф. И. Демченко из 8-го истребительного авиаполка Черноморского флота. Прилетело из Крыма также несколько истребителей других типов и два штурмовика Ил-2. Полк Шестакова принял флотских товарищей в свою боевую семью.

Во многих случаях летчики не подпускали врага к городу. Но закрыть для него одесское небо было невозможно, И не только потому, что мы имели недостаточно самолетов — слишком близко придвинулся фронт, слишком ограниченное пространство оставалось для перехвата прорывавшихся с разных направлений фашистских бомбардировщиков. Бомбы падали на город изо дня в день — и фугасные, и "зажигалки". Тушение пожаров, расчистка

улиц от завалов — все это сделалось одесским бытом.

В составе МПВО действовали аварийно-спасательные команды, находившиеся на казарменном положении, в постоянной готовности. Чаще всего им приходилось спасать людей, которые, укрывшись в подвальном убежище, не могли оттуда выбраться после того, как дом рухнул.

От иного дома оставалась целая гора сыпучего известняка. И как ни спешили спасательные команды, докопаться до подвала не всегда удавалось в тот же день. Бывало и так, что помощь приходила слишком поздно.

Памятен трагический финал трудных раскопок на Ремесленной улице (ныне она носит имя Я. И. Осипова, командира 1-го морского полка), где спасатели не нашли в подвале большого здания никого в живых: десятки людей, в том числе дети, задохнулись без воздуха… Был и такой случай: на третьи сутки после того, как бомба разрушила дом, из подвала извлекли ослабевшую, но невредимую девочку. Таких историй — и с печальным концом, и со счастливым — приходилось слышать немало.

Накапливая опыт, спасательные команды учились выигрывать время. Выяснилось, что в подвал рухнувшего дома часто выгоднее пробиваться не сверху — через гору измельченного взрывом камня, а снизу — копая ход из подвала соседнего здания. Горожане оценили убежища-щели, похожие на окопы, и их стали рыть повсюду. Эти простейшие укрытия не подводили одесситов: за все время обороны люди, находившиеся в щелях, пострадали лишь два раза — от прямых попаданий бомб.

Вражеские налеты заставили жителей Одессы вспомнить про ее знаменитые катакомбы — подземные лабиринты каменоломен, откуда полтора века брали тот самый известняк, из которого строился город.

Проникнуть в катакомбы было несложно — много входов есть и на окраинах, и в центре, — и их начали постепенно обживать. Позже, когда к бомбежкам прибавился артиллерийский обстрел, в эти подземные галереи переселились десятки тысяч людей. Городским организациям пришлось даже заняться некоторым благоустройством ближайших катакомб — туда провели электричество, поставили у входов в подземелья продовольственные ларьки.

В городе я бывая не часто и, когда выпадал случай пройти по улицам, присматривался к Одессе как бы заново. Баррикады стали в конце августа уже привычными. Труднее было привыкнуть к тому, что становится все больше разрушений. Одесса посуровела, стала тише (если, конечно, не рвались бомбы

и не палили зенитки), но все-таки оставалась задорно-неунывающей. Я узнавал и не узнавал тот город, с которым познакомился перед войной.

Около половины его населения выехало в глубь страны. Могло эвакуироваться и больше. Моряки не раз сообщали, что некоторые транспорты возвращаются в Крым недогруженными. Одесситы всегда были известны особенной привязанностью к своему городу, и теперь она проявлялась, наверное, сильнее, чем когда-либо. Люди очень верили, что город выстоит. И помогали ему выстоять всем, чем могли.

Предприятий, изготовлявших какое-либо оружие, довоенная Одесса не имела. А те, которые было бы относительно легко приспособить для выпуска той или иной боевой техники, эвакуировались с основным оборудованием и квалифицированными кадрами. И все-таки Одесса, осажденная врагом, стала производить оружие. Бутылки с горючей смесью и ручные гранаты были лишь началом.

— Если можно делать гранаты, то наверняка можно и минометы! — говорил наш начарт Николай Кирьякович Рыжи.

Он сам побывал на многих предприятиях, а командарм Г. П. Софронов (это было еще до образования ООР) поставил вопрос о минометах, очень нам недостававших, перед председателем облисполкома Н. Т. Кальченко.

Никифор Тимофеевич Кальченко часто бывал у нас на КП. Вскоре он привез сюда группу рабочих и инженеров.

— Вот вам консультанты, — сказал Кальченко. — На них можете положиться.

Среди этих людей были, как выяснилось, и пенсионеры. Но они отлично знали, на что пригодно оставшееся на заводах оборудование, где и каких марок есть металл, знали и старых мастеров, которые в состоянии, раз надо, вернуться в трудовой строй, невзирая на годы и недуги.

Рабочие попросили показать, какое оружие нам требуется, и долго осматривали образцы минометов. Лица "консультантов", сосредоточенные и хмурые, понемногу светлели: выходило, что изготовлять "такие штуковины" в Одессе, пожалуй, можно.

Изготовление минометов наладилось быстрее, чем мы могли ожидать. Пробные были представлены на испытания буквально через несколько дней. Рабочие, выполнявшие это задание, трое суток не покидали цеха. За последующие полтора месяца приморцы получили — в основном с завода имени Январского восстания более тысячи 50-миллиметровых минометов и свыше двухсот 82-миллиметровых.

В Одессе не создавали, как потом в Севастополе и других

городах, которым угрожал враг, городского комитета обороны. Но, в сущности, прообразом его была оперативная группа во главе с секретарем горкома партии Н. П. Гуревичем. Группа ведала всем, что касалось мобилизации местных ресурсов на помощь армии, — строительством укреплений, формированием истребительных батальонов, работой МПВО, поддержанием порядка в находящемся на осадном положении городе. Пока не образовался ООР, Гуревич согласовывал свои действия с командованием армии, и я часто заставал его у Софронова или Шишенина. Тут же на первых порах обсуждались вопросы, связанные с начинавшимся в Одессе производством вооружения.

Потом ответственность за выпуск военной продукции была возложена на специальную производственную группу, которую возглавил заместитель председателя облисполкома Я. М. Мизрухин. Работу ее направлял Военный совет оборонительного района. Штабу армии вникать в организацию военного производства больше не требовалось. Но мы все сильнее ощущали его размах.

К концу августа изготовление боевой техники разных видов наладили или осваивали больше двадцати одесских предприятий. С "Красного Профинтерна", с "Кинапа" и даже из мастерских, выпускавших раньше детские игрушки, приморцы получали противотанковые и противопехотные мины (помню, корпусами для некоторых партий служили консервные банки с надписями "Икра", "Халва"). Завод "Большевик", делавший прежде линолеум, поставлял взрывчатку для этих мин и для ручных гранат. Возникли было затруднения с детонаторами, но местные изобретатели сконструировали терочный запал, и это решило проблему. Суточный выпуск гранат дошел до пяти тысяч штук. По проекту военного инженера А. И. Лощенко начали изготовлять траншейные огнеметы, используя баллоны для газированной воды. Нашлось и предприятие, где освоили производство крайне необходимого войскам полевого телефонного кабеля.

Не следует думать, что организовать все это было просто. Даже в нормальных условиях, на заводе, обеспеченном надлежащей техникой, материалом и опытными кадрами, переход на новый вид продукции требует немалых усилий да и времени. А одесские предприятия должны были приспособить к выпуску новых изделий оборудование, предназначенное совсем для другого, и обходиться тем сырьем, которое имелось в пределах города. Недоставало и умелых рук, в цеха пришли тысячи вчерашних домохозяек, необученных подростков. Но люди знали: их продукцию ждет фронт, придвинувшийся угрожающе близко, и делали подчас то, что, наверное, им самим показалось

бы раньше невозможным.

На заводах часто бывал дивизионный комиссар Ф. Н. Воронин. Иногда он возвращался оттуда прямо к обеду или ужину и с восхищением рассказывал в столовой Военного совета, как трудятся одесские женщины, как старые мастера сутками не покидают цехов, успевая выполнять по две-три нормы и попутно обучать новичков.

По инициативе Федора Николаевича Военный совет ООР решил зачислить рабочих и работниц, изготовляющих вооружение, на красноармейский паек. А обком партии ввел на предприятиях, выпускающих боевую технику, институт военных комиссаров. Ими назначались старые коммунисты, опытные партийные работники.

Возможности предприятий, оставшихся в городе, разумеется, были не безграничны. Снабжать армию винтовками, патронами, снарядами они не могли. Но много значили и мины, гранаты, минометы. Большое значение имел наладившийся ремонт орудий. Танкоремонтные мастерские, возникшие в одном из цехов завода имени Январского восстания, продолжали понемножку возвращать в строй танки, поврежденные в самом начале войны. Там же, на "Январке", вслед за первым бронепоездом, участвовавшим уже во многих боях, стали оснащать следующие.

А однажды из заводских ворот выползли со страшным лязгом и грохотом три бронированные машины, тип которых не сумел бы определить никакой военный специалист. Это были первые одесские танки.

К их рождению причастно много изобретательных и настойчивых людей, в том числе — главный инженер "Январки" П. К. Романов. Но особенно много сделали для этого военный инженер И. А. Обедников и инженер по артиллерийским приборам из штаба военно-морской базы капитан У. Г. Коган. Это они выдвинули и обосновали предложение переоборудовать в танки обыкновенные тракторы-тягачи.

Одесская обстановка способствовала возникновению проектов самых неожиданных, подчас нереальных. Была, например, идея превратить трамвайные составы в маленькие бронепоезда на случай боев на окраинах города… К предложению переделывать тракторы в танки сначала тоже отнеслись несколько недоверчиво. Но все же три машины СТЗ-НАТИ были выделены для опыта, а капитан Коган получил бумагу, предписывавшую всем организациям города содействовать ему в изыскании необходимых материалов.

Авторы проекта обязались соорудить три танка за десять

дней и в этот срок уложились. Январцам, которые оснащали эти танки, помогали многие другие предприятия. В трамвайных мастерских, где нашелся хороший карусельный станок, изготовлялись детали башен. Судоремонтники и морская база предоставили листовую корабельную сталь. Ее использовали в два слоя с прокладкой из дерева или резины, и испытания, проведенные на заводе, показали, что если не от снарядов, то, во всяком случае, от осколков и пуль такое покрытие должно защитить. В башнях двух машин поставили пулеметы. Для третьей нашлась 37-миллиметровая горная пушка.

Оставалось выяснить, на что способны эти машины на поле боя, и прямо с завода их направили в Южный сектор. К трем самодельным танкам добавили один восстановленный, настоящий. Экипажи сформировали из добровольцев — знакомых с техникой красноармейцев, моряков и заводских рабочих.

Танковый взвод под командой старшего лейтенанта Н. И. Юдина возглавил одну из контратак чапаевцев за Дальником. Опережая донесение о боевом испытании машин, в штарм поступила просьба генерала Петрова оставить танки в его дивизии.

Результаты, как выяснилось, превзошли все ожидания. Противник, не видевший здесь раньше у нас никаких танков, был ошеломлен и выбит на этом участке из своих передовых окопов. Наши бойцы тут же придумали новым боевым машинам название — "На испуг", сокращенно НИ. Оно сделалось неофициальной маркой новой машины. Нельзя было не признать, что это название довольно точно характеризует ее качества: при слабом вооружении и легкой броне танк НИ имел довольно-таки устрашающий вид, а на ходу производил очень много шума.

После первого боя танки, вновь прогрохотав по улицам города, возвратились на завод для осмотра. Как и предполагалось, от осколков и пуль оставались лишь вмятины. Попавший в один из танков 45-миллиметровый снаряд пробил слоеную броню навылет, не задев, к счастью, людей и двигатель. В целом машины испытание выдержали.

Военный совет ООР немедленно принял решение переделать в такие танки еще 70 тракторов. Производственной группе поручалось использовать для этого кроме завода имени Январского восстания три других предприятия. Однако на быстрое выполнение такого заказа рассчитывать было трудно.

22 августа, в день когда шли тяжелые бои почти на всем фронте Одесской обороны и в распоряжении командарма не осталось никаких резервов, обком партии принял решение: обязать секретарей городских райкомов КП(б)У направить в

армию всех коммунистов и комсомольцев, способных держать в руках оружие.

Из этого не следовало, что в ряды приморцев вольется новое крупное партийное пополнение: в одесской парторганизации оставалось две с небольшим тысячи человек — немногим больше одной десятой ее довоенного состава. Сюда входили и люди преклонного возраста, а также те, кто не мог оставить свои посты в городе.

Решение обкома означало, что коммунисты Одессы посылают на фронт последний свой резерв.

— По партийной мобилизации придет около семисот человек, — сказал мне на следующий день начальник поарма Леонид Порфирьевич Бочаров. — Тут и работники горкома. Заведующего транспортным отделом Григория Лохова направляем политруком в полк Осипова.

В те дни по районам города проходили собрания партийного актива. Наши товарищи, участвовавшие в них, рассказывали, как выглядели эти собрания: большинство присутствующих — женщины, много пожилых, а мужчины до пятидесяти лет — почти все в военной форме.

На повестке дня везде стоял один вопрос: "О задачах коммунистов в обороне города". Обсуждалось, как ускорить строительство новых укреплений, как удовлетворить нужды военного производства.

В районах были созданы подчиненные городской опер-группе оперативные тройки во главе с секретарями райкомов. По кварталам, по баррикадам распределялись ополченские отряды уличных боев, личный состав которых ежедневно после работы занимался боевой учебой. Вводилась круглосуточная охрана силами населения артезианских скважин и других жизненно важных объектов.

Одессу еще не называли городом-героем — это пришло позже. Но она уже стала городом-воином, городом-фронтовиком и по-солдатски готовилась к новым боевым испытаниям.

* * *

При всей напряженности обстановки в Западном и Южном секторах у штаба армии крепла уверенность, что войска удержат там новые рубежи. Хуже было в Восточном секторе — отбивать натиск врага на этом направлении не хватало сил.

Утром 24 августа танки и пехота противника, нанося основной удар вдоль балки Глубокой, вклинились между Разинским полком и пограничниками. Сюда был направлен огонь береговой артиллерии и кораблей, посланы на штурмовку истребители. Враг нес большие потери, но, не считаясь с ними,

шел напролом. Восстановить положение не удавалось. Резервов у комбрига Монахова не было.

Днем в Лузановку выехал встревоженный командарм. Вернулся он быстро, еще более озабоченный. К этому времени я уже знал, что противник успел продвинуться к Корсунцам и совхозу Ильичевка. Фронт между Куяльницким и Большим Аджалыкским лиманами приблизился к морю. Восточнее, за Большим Аджалыкским, территория, остававшаяся в наших руках, протянулась по побережью узкой полосой до деревни Чебанка.

Подойдя к карте, Софронов ткнул в этот выступ пальцем:

— Надо избавляться от этого "шлейфа", — сказал он, — и все, что у нас здесь есть-моряков, караульный батальон, тираснольских связистов, — бросить на восстановление положения на участке Разинского полка. Больше людей взять неоткуда. А такой фронт, как сейчас, Монахову все равно не удержать. Если промедлим, противник просто отрежет Чебанку, и будет хуже.

Вывод, к которому пришел Софронов, я считал правильным. Отбросить врага назад от Корсунцев и Ильичевки, не пустить его к морю западнее Большого Аджалыкского лимана и особенно на мыс Е — важнее всего. Сокращение фронта Восточного сектора за счет "шлейфа", как назвал командарм чебанский выступ, высвободило бы для этого некоторые силы.

От нашего армейского резерва фактически уже ничего не осталось: два полка числившейся в нем кавдивизии, доукомплектованные моряками из севастопольских отрядов, имели теперь свои участки обороны в Южном секторе (только это позволило уплотнить боевые порядки чапаевцев). Остававшийся в распоряжении штарма кавполк Блинова мы держали последние дни у стыка Южного и Западного секторов на случай внезапных осложнений в том или другом. Теперь Блинов уже получил приказ перейти в распоряжение Монахова. О том, чтобы перебросить из других секторов в Восточный еще хотя бы батальон, не могло быть и речи.

Прав был командарм и в том, что нельзя медлить: по данным разведотдела, за северными лиманами сосредоточит вались свежие неприятельские части.

Вопрос стоял, однако, не только об оставлении полоски побережья. Вблизи Чебанки находилась 412-я батарея береговой обороны — одна из двух самых новых и мощных в районе Одессы.

Батареи, строившиеся для того, чтобы не подпускать к Одессе неприятельские корабли, представляли собой фактически небольшие береговые форты: 180-миллиметровые орудия, командные пункты, силовые установки, кубрики личного состава

защищены железобетоном, глубоко под землей — погреба.

Развернутая теперь в сторону суши 412-я батарея поддерживала правый фланг армии. За последнее время она так часто открывала огонь, что потребовалось заменить запасными тяжеловесные стволы орудий. Артиллеристы только что произвели эту сложную работу, справившись с ней за одну ночь.

И вот надо было решать судьбу батареи. Отводить части с выступа за Большим Аджалыкским лиманом — значило батарею взрывать… Приказ об этом мог отдать, конечно, лишь командующий оборонительным районом.

Положение в Восточном секторе обсуждалось на ночном заседании Военного совета ООР. Труднее, чем кому-либо, было, вероятно, контр-адмиралу Жукову. Ведь батарею, считавшуюся гордостью Черноморского флота, вводил в строй он.

Я не присутствовал на этом заседании — от армии там был только Г. П. Софронов. Но мне известно, что члены Военного совета взвешивали все обстоятельства, ища ответа на вопрос: нет ли другого выхода?

Приходилось думать о том, насколько велика — если не сокращать фронт Восточного сектора за счет "шлейфа" — опасность не только выхода противника на берег Одесского залива, но и прорыва его к Пересыпи. Получалось, что пора приступать к эвакуации жителей северо-восточной окраины города, которая будет затоплена в случае подрыва дамбы Куяльницкого лимана (эта мера предусматривалась как крайняя — когда не останется иных средств задержать врага).

Нельзя было также не считаться с более чем реальной опасностью захвата 412-й батареи противником. 24 августа к ней уже едва не прорвались фашистские автоматчики, атаку которых с трудом отбила гранатами рота моряков. Сама батарея, предназначенная поражать дальние цели и малоуязвимая при ударах с воздуха, была почти беззащитна от врага, оказавшегося рядом. И если бы в критический момент что-нибудь помешало вывести ее из строя, противник мог, завладев нашими орудиями, направить их на Одессу.

— Тогда нам не будет никаких оправданий! — вырвалось у Жукова.

Гавриил Васильевич переборол себя. В третьем часу ночи решение было принято и подписано всеми членами Военного совета.

Но командир 412-й капитан Н. В. Зиновьев, получив приказ взорвать батарею, не хотел верить, что тут нет ошибки. Он дозвонился до командующего ООР и дважды требовал подтвердить приказ. Когда командиру пришлось объявить

решение Военного совета личному совету, у артиллеристов выступили на глазах слезы. Для краснофлотцев береговой обороны такая батарея — то же, что для плавающих моряков родной корабль…

Пока наши части отводились с чебанского выступа, 412-я успела выпустить по врагу весь наличный боезапас до последнего снаряда. Моряки 1-го полка и приданные ему батальоны включались на соседних участках обороны в начатые там контратаки. На случай если противник отрежет батарею, еще ведущую огонь, к Чебанке высылались тральщики и катера.

Однако принимать артиллеристов на корабли не потребовалось. Дав последний залп и взорвав орудия, они отошли по суше. Личный состав батареи капитана Зиновьева влился в осиповский полк.

* * *

После войны в материалах Нюрнбергского процесса было опубликовано письмо Гитлера к Антонеску, где румынскому командованию давались советы насчет того, как быстрее взять Одессу. В письме, между прочим, говорится: "Главное состоит в том, чтобы приблизиться к самому побережью с северо-востока, то есть в полосе действий Вашего 5-го армейского корпуса, чтобы можно было взять под сильнейший артиллерийский огонь портовые сооружения города".

Наставления эти давались несколько позже того времени, о котором я веду сейчас речь, — в начале октября. Однако, надо полагать, командование 4-й армии, осадившей Одессу, и без подсказки фюрера ставило перед собой ту же цель во всех случаях, когда пыталось прорвать нашу оборону в Восточном секторе.

В конце августа 12-километровый участок фронта между Большим Аджалыкским и Куяльницким лиманами сделался решающим. К наступавшим здесь 13-й и 15-й неприятельским пехотным дивизиям прибавились новые части. Становилось очевидным, что враг, не пробившись к городу с других направлений, переносит главный удар сюда.

Глядя на карту с последними данными обстановки, я невольно думал о том, что еще нигде под Одессой так много не зависело от того, сумеем ли мы не пустить противника дальше и оттеснить его хоть немного назад. Как ни придвинулся фронт к городу с юга и запада, от Вакаржан или Петерсталя до одесских окраин все же дальше, чем от Корсунцев или Ильичевки.

Да и не только в этом было дело. Приближение фронта к северному берегу Одесского залива, до которого оставалось несколько километров, означало, что враг заходит в тыл

морскому порту, связывающему нас с Большой землей.

Чтобы отвести эту угрозу, перегруппированные части Восточного сектора поднимались в трудные контратаки. Штаб артиллерии маневрировал наличными огневыми средствами, стараясь компенсировать отсутствие 412-й батареи. Из Севастополя пришли новые эсминцы с дальнобойными 130-миллиметровыми орудиями. 25 и 26 августа правый фланг армии поддерживало по шесть-семь кораблей. До 80 самолето-вылетов делали сюда в эти дни бомбардировщики, базировавшиеся на крымские аэродромы.

Все это не оставалось безрезультатным. Продвижение противника, хотя он вводил в бой резервы, приостановилось. На отдельных участках нашим частям удалось даже несколько оттеснить его назад, улучшив свои позиции.

Из группы комбрига Монахова примчался наш направленец капитан Харлашкин. Явился возбужденный, весь в пыли — так спешил доложить подробности боев и свои соображения о положении на участках полков Восточного сектора — Разинского, пограничного и морского.

Все они сражаются геройски. Старшие командиры всюду на переднем крае. Осипов и его комиссар Митраков сами водили своих краснофлотцев в контратаки: командир полка — на одном фланге, комиссар — на другом… Майор Маловский лично возглавил дерзкую вылазку пограничников во вражеские тылы, во время которой они захватили четыре легких орудия и тут же открыли из них огонь.

Но у противника огромный численный перевес. Хотя фронт Восточного сектора и сократился, сжался после ликвидации чебанского выступа, все-таки нам опять не хватало здесь бойцов.

— У разинцев в ротах некомплект до семидесяти процентов, — докладывает Харлашкин. — Этот полк обязательно надо чем-то пополнить.

Для Разинского полка предназначены два отряда моряков, только что высадившихся с транспортов "Крым" и "Армения", — около 900 штыков. Услышав об этом, Харлашкин веселеет. Но, спохватившись, начинает доказывать, что в полк Осипова люди тоже нужны позарез.

И он прав: пополнение необходимо и морскому полку. Из двухсот одесских коммунистов, мобилизованных обкомом, которых мы недавно туда послали, многие уже погибли в бою или ранены. Штаб флота отправляет в Одессу еще два небольших краснофлотских отряда. Однако я не могу обещать Харлашкину, что они обязательно попадут в морской полк: пока отряды прибудут из Севастополя, крайняя нужда в людях может

возникнуть где-то еще.

Ни стрелковой дивизии, ни танкового батальона, ни полка истребителей, о которых ставил вопрос Военный совет ООР, Одессе сейчас дать не могли. Нам обещали, однако, помочь в ближайшее время оружием.

А днем позже стало известно, что Ставка выделила для Приморской армии десять маршевых батальонов с погрузкой на суда в Новороссийске. Это было первое, кроме краснофлотских отрядов, пополнение с Большой земли.

Мы принялись выяснять, когда оно начнет прибывать в Одессу. Получалось, что в лучшем случае — 30 августа. Ждать уже недолго. Но имели значение каждые сутки: армия несла большие потери, особенно ранеными, В строю оставалось около двадцати пяти тысяч человек — на девять тысяч меньше, чем неделю назад.

На берег Одесского залива, к мысу Е, удобному для обстрела города, противник еще только пытался прорваться. Но дальнобойные орудия он уже установил где-то за Большим Аджалыкским лиманом.

25 августа в 19.05 на территории порта разорвался первый фашистский снаряд. С этого дня и часа Одесса, которую до тех пор враг мог лишь бомбить, оказалась под артиллерийским обстрелом.

Обстреливались порт и кварталы Пересыпи. Дальше снаряды, очевидно, не долетали. Огонь был не прицельный (наблюдать падение снарядов противник еще ниоткуда не мог) и довольно редкий — так называемый беспокоящий. Стреляла, по-видимому, одна батарея.

Но город есть город — не попасть в него нельзя. И хотя пяти- или шестидюймовый снаряд не разрушит столько, сколько крупная авиабомба, орудийный обстрел был для населения тяжелее бомбежек. После сигнала воздушной тревоги у людей, как правило, оставалось время укрыться. Снаряды же падали то там, то тут совершенно внезапно, сея на улицах смерть. Огромное напряжение создавалось в порту: при выгрузке боеприпасов один шальной снаряд мог вызвать катастрофу.

Обстрел города не был для штаба армии неожиданностью. Когда пришлось оставлять чебанский выступ, полковник Рыжи получил задание иметь в готовности средства для контрбатарейной борьбы. Однако подавить батарею, начавшую обстрел Одессы, оказалось не так просто. Орудия скрывались где-то в складках холмистой местности, и засечь их никак не удавалось. Огонь по площадям, открывавшийся и с берега, и с кораблей, результатов не давал.

Тем временем общая обстановка в Восточном секторе вновь ухудшилась. 27 августа Александровка и большая часть совхоза Ильичевка были в руках противника. На перешейке между Куяльницким и Хаджибейским лиманами шли бои за Ильинку. Из штаба сектора докладывали, что все труднее держаться на правом фланге, у Большого Аджалыкского. Непрерывно атакуя, враг, очевидно, решил любой ценой пробиться к приморскому селению Фонтанка, к мысу Е.

Правый фланг после перегруппировки держали пограничники. В полку были в последние дни большие потери. А резервный батальон полка пришлось еще раньше перебросить в Западный сектор. Но особая стойкость, присущая бойцам в зеленых фуражках, проявлялась с неослабевающей силой. И полк, сам уже не имевший резерва, продолжал служить резервом командных кадров для соседей.

Вечером 27 августа стала известна такая подробности дневных боев. На стыке пограничного и морского полков, где их воины сражались плечом к плечу, выбыл из строя командир краснофлотского батальона. И прежде чем моряки успели его заменить, подразделение — батальоном оно было уже только по названию возглавил солдат-пограничник. Произошел один из тех случаев, когда бойцы, оставшись в трудную минуту без командира, безоговорочно признают старшим смелого, решительного товарища, идут за ним и уже до конца боя ждут от него приказаний, команд.

Фамилия пограничника — Афанасьев, больше мы о нем еще ничего не знали.

— Надо поглядеть, что за орел! — сказал командарм. — Батальоном не батальоном, а взводом небось командовать сможет.

Дня через три в приказе по армии значилось: "Красноармеец Афанасьев Евгений Алексеевич, 1921 г. рождения, рабочий, член ВЛКСМ с 1936 г., образование общее — 9 классов, военного не имеет…" Рядовой Афанасьев и еще несколько бойцов и сержантов 26-го пограничного полка, проявившие на поле боя командирские качества, были произведены в младшие лейтенанты.

28 августа сообщили, что тяжело ранен майор Маловский — храбрый и деятельный командир погранполка. Его заменил комбат капитан Г. А. Рубцов. Тот самый, по фамилии которого потом, в Севастополе, полк стали называть рубцовским.

Это был день, когда новости из Восточного сектора приходили одна тревожнее другой. Как ни сдерживали наши полки натиск неприятельских дивизий, враг прорвался-таки к Фонтанке.

Рядом с ней, на мысе Е, господствующем над Одесским заливом, стояла 21-я береговая батарея. Не столь новая, как 412-я, но еще более крупного калибра 203 миллиметра, она играла важную роль в огневой поддержке войск сектора, особенно после того, как не стало батареи у Чебанки. Теперь 21-я оказалась на пути вражеских частей, вклинившихся в нашу оборону.

Артиллеристы били по приближавшемуся противнику сперва по данным своих корректировочных постов. Затем командир батареи капитан А. И. Кузнецов уже сам видел через стереотрубу цепи фашистских солдат.

Тяжелые береговые орудия не для ближнего боя. К тому же у артиллеристов кончались снаряды. Когда наступающая пехота противника подошла к проволочному заграждению перед батареей, ее личный состав с командиром во главе вышел навстречу врагу с гранатами, присоединившись к прикрывавшему батарею стрелковому подразделению.

В это время командование ООР решало, как быть с батареей: опасность захвата ее противником возрастала. Начальник штаба военно-морской базы непрерывно держал по телефону связь с командным пунктом 21-й. Оттуда отвечал краснофлотец-телефонист: командир, как и все артиллеристы, был в окопе.

— В трубке раздался вдруг невообразимый треск, — рассказывал потом начальник штаба базы. — Телефонист батареи не закончил фразы, голос его осекся. Рядом со мной стоял командир базы контр-адмирал Кулешов, и нам обоим показалось, что там все кончено. Однако трубку держу. И вдруг опять слышу голос того же телефониста: "Извините, отлучался в рукопашную…" Так буквально и сказал!

На батарею было передано приказание командующего ООР вывести орудия из строя. В создавшихся условиях другого решения быть не могло. Из порта вышли катера за личным составом 21-й.

Но катера вернулись без артиллеристов. Гранатный бой и рукопашные схватки на позиции батареи, длившиеся около тридцати минут, кончились тем, что враг был оттуда вытеснен. Отбросить его дальше помогли подоспевшие моряки из полка Осипова. Оставив для охраны поврежденных орудий и батарейного хозяйства небольшую группу краснофлотцев, капитан Кузнецов с остальными бойцами присоединился к морской пехоте.

В наградном листе на командира 21-й береговой батареи отмечалось, что его смелые и решительные действия помогли не пустить противника на мыс Е. Александр Иванович Кузнецов представлялся к ордену Красного Знамени. Награда оказалась

посмертной: моряк-артиллерист погиб в сухопутном бою.

28 и 29 августа были критическими днями.

Мыс Е оставался в наших руках. Однако Фонтанку, находящуюся рядом, отбить не удавалось. И это означало, что неприятельская артиллерия, обстреливающая Одессу, может перейти на более выгодные позиции. Но еще опаснее было то, что враг приблизился к Крыжановке, откуда уже рукой подать до Пересыпи. Дальнейшее продвижение противника в Восточном секторе грозило непоправимыми последствиями для всей Одесской обороны.

В штарме малолюдно: все, без кого можно обойтись, — в войсках. На передовой и весь политотдел. Тревожно звонят телефоны. О подкреплениях части не просят — знают, что резервов нет. Просят огня, усиления артиллерийской поддержки.

По этим вопросам все время держу контакт с полковником Рыжи и начальником штаба военно-морской базы Деревянко — у него корабли. Начштаба артиллерии майор Васильев послан в Восточный сектор и действует на месте.

Впервые отдан приказ поддержать правый фланг армии береговым батареям, расположенным по другую сторону Одессы, — 411-й (она такая же, какой была 412-я у Чебанки) и 39-й. Их снаряды летят через весь город. С внешнего рейда ведут огонь эсминцы и канлодки.

Утром 29-го кораблей прибавилось. Из Севастополя прибыли крейсер "Червона Украина" и приходивший уже к нам однажды лидер эсминцев "Ташкент" — новейший корабль Черноморского флота.

Если подняться из подвала наверх, с моря доносятся не отдельные залпы, а слитный орудийный гул.

Штаб базы за последнее время немало сделал для повышения точности корабельного огня по наземным целям. Теперь по-настоящему проверяется развернутая моряками сеть корректировочных постов.

— Корпосты в Восточном секторе предупреждены, что от них может зависеть судьба Одессы, — сказал начальник штаба базы, когда мы условливались о распределении целей между кораблями.

Поддержка правого фланга армии все чаще превращается для моряков в артиллерийскую дуэль: захватив новые позиции на побережье, противник открывает оттуда огонь и по нашим кораблям. От прямого попадания снаряда уже имеет повреждения эсминец "Фрунзе", в экипаже есть раненые.

Но отогнать корабли от побережья враг не может. Некоторые командиры стараются, прикрываясь дымовыми завесами,

маневрировать еще ближе к берегу, чтобы точнее бить по обстреливающим корабли батареям. Уже не одну такую батарею заставил замолчать эсминец "Незаможник" под командованием капитан-лейтенанта Н. И. Минаева.

А во второй половине дня 29 августа начштаба базы сообщил по телефону:

— Хорошая новость, товарищ полковник! Ерошенко подавил ту батарею, что обстреливала порт и Пересыпь. Возможно, даже уничтожил…

Капитан 3 ранга В. Н. Ерошенко — командир лидера "Ташкент". Встречался я с ним лишь однажды, но запомнил, наверное, благодаря его колоритной внешности: коренастый морячина с широким обветренным лицом и черными казацкими усами.

Неужели он действительно разделался с той батареей? Ее ведь надо было еще и обнаружить. Однако Восточный сектор подтвердил: обнаружена и приведена к молчанию, по данным корабельного корпоста — уничтожена.

Немного позже стали известны подробности. Лидеру сперва были даны другие цели. Но вражеская батарея открыла огонь по крейсеру, а затем и по лидеру, едва корабли, выйдя из гавани, оказались в поле зрения неприятельских наблюдателей. Тогда "Ташкент" получил задание подавить батарею. Некоторое время он безрезультатно стрелял по квадрату, где предположительно находилась ее огневая позиция. Лишь потом, когда сама батарея уже пристрелялась к "Ташкенту" и становилось все труднее уклоняться от ее залпов, зоркому корабельному дальномерщику удалось засечь отсвет орудийного выстрела в складках берега. Почти одновременно и с берегового корпоста разглядели, где скрывается батарея.

Дальнейшее далось уже легче: на "Ташкенте" отличные 130-миллиметровые орудия в башенных установках и новейшие приборы управления огнем. Правда, противник пытался сбить корректировку, внезапно начав передавать на той же волне ложные данные. Однако на корпосту не растерялись- предупредили лидер, что действительны лишь поправки, предваряемые именами корабельных радистов. Вскоре пост зафиксировал накрытие цели. Было даже видно, как от орудий разбитых или поврежденных — разбегается уцелевшая прислуга.

Лидер встретили в гавани с почетом — моряки это умеют. На рейдовом посту подняли сигнал, набранный флагами по морской азбуке: "Учитесь стрелять и вести себя под огнем у экипажа "Ташкента".

В тот день вражеские снаряды в порту больше не рвались. Но

мы знали, что это ненадолго: дальнобойная батарея, которую уничтожил или только подавил лидер, под Одессой была наверняка не одна.

30 августа обстрел возобновился, а на следующий день усилился, не прекращаясь и ночью. Как потом установили, огонь вел 11-й тяжелый артиллерийский полк противника, и уже не из-за Большого Аджалыкского лимана, а из района к западу от него — ближе к городу.

Наши корабли стреляли, конечно, не только по вражеским батареям. Корректировщики направляли их огонь на скопления пехоты и танков, на дороги, по которым неприятель на машинах подвозил к фронту подкрепления.

А против кораблей стала активнее действовать фашистская авиация. 30 августа бомбы, сброшенные с большой высоты, повредили красавец "Ташкент". Лидер остался на плаву и смог своим ходом уйти в Севастополь, но нуждался в длительном ремонте.

Много раз за эти дни спасала положение на различных участках Восточного сектора наша полевая артиллерия. Только она помогла остановить врага между Куяльницким, и Хаджибейским лиманами.

Здесь, на узком перешейке, противник бросил в наступление до двух свежих полков. А там держал оборону все тот же стрелковый батальон 136-го запасного полка.

Но за перешейком следили и соседи с другого берега Хаджибейского лимана Западный сектор. Там тоже шли тяжелые бои (к ним я еще вернусь), однако начарт сектора полковник Пискунов не забывал, что огневая поддержка может понадобиться правому соседу. Во всяком случае, приказ оказать эту поддержку встретился с докладом о том, что батареи, выдвинутые на высокий западный берег Хаджибейского лимана, уже ведут огонь по наступающей на перо-шейке фашистской пехоте.

Открыли заградительный огонь и артиллеристы, занимавшие позиции на самом перешейке. Но противник, понеся большие потери, все же смял батальон нашего запасного полка и продолжал продвигаться дальше.

На перешеек перебрасывался батальон разинцев с другой стороны Куяльницкого лимана. Однако любая помощь могла опоздать, не окажись на участке прорыва волевого, решительного командира, способного сплотить небольшие наличные силы.

Удар врага на перешейке застал там начальника штаба артиллерии майора Н. А. Васильева. Как старший, он и принял на себя командование остатками стрелкового батальона и батареями гаубичного полка.

Бой шел весь день. Но исход его, очевидно, предрешили те часы, когда майор Васильев с горсткой бойцов — слишком малочисленной, чтобы восстановить оборону от лимана до лимана, — засели в противотанковом рву за Протопоповкой и при поддержке артиллеристов сумели задержать выдыхавшегося уже противника. Прорыв к Пересыпи с этой стороны был предотвращен.

Батальон Разинского полка, взятый на перешеек, пришлось там оставить. На прежний участок разинцев перебросили два дивизиона зенитчиков.

29 августа с крейсера "Червона Украина" высадились 720 краснофлотцев последний отряд черноморских добровольцев. Мы знали, что еще много моряков просилось на фронт под Одессу. Но и тех, которые к нам прибыли, отпустить было, вероятно, не легко — ни на кораблях, ни на батареях лишних людей не бывает.

Шесть отрядов моряков, присланных под Одессу в тяжелейшие дни конца августа, разошлись по всей Приморской армии. Посланцы флота были теперь в каждом нашем полку.

В тот день, когда прибыл последний морской отряд, из Новороссийска уже шли морем первые пять тысяч бойцов маршевого пополнения, выделенного для Одессы решением Ставки.

А бои в Восточном секторе продолжались на критических рубежах, от которых отходить уже было просто некуда: за спиной — Сортировочная, дамба Куяльницкого лимана, Пересыпь… В Пересыпи, на заводе имени Красина, находился теперь штаб сектора. Почти к самому фронту можно было подъехать на городском трамвае.

Нам дорого стоило остановить вражеские дивизии, рвавшиеся к северным воротам Одессы. В 1-м батальоне полка Осипова осталось в строю 42 человека, во 2-м — 80. Так выглядел и ряд других подразделений. И все-таки удалось еще до прибытия пополнения кое-где немного оттеснить противника. Совсем чуть-чуть оттеснить, но и это имело значение.

Как я уже сказал, в Восточном секторе снова действовал один из полков кавдивизии. Вместе с моряками Осипова кавалеристы вели бои за высоту у Николаевского шоссе. Крейсер "Червона Украина", выходивший четыре дня подряд в Одесский залив, поддерживал их огнем. Эта высота врезалась в наши позиции опасным клином. Не выбив оттуда врага, трудно было удерживать и соседние участки.

Тут, сражаясь в пешем строю, сложили головы лихой комэск Иван Котенков и его комиссар Иван Петренко. Командир пал первым. Комиссар заменил его и, как рассказывали потом,

несколько раз поднимал бойцов в контратаки любимым своим кличем: "Эскадрон! Вся Одесса смотрит на нас!.."

Рассчитывая удержать высоту, противник не оттянул назад, пока еще мог, несколько стоявших здесь легких орудий. После того как приморцы все-таки овладели высотой, захватив и эти пушки вместе с прислугой, выяснилось, что в окопчиках за огневой позицией батареи сидели немецкие автоматчики, державшие румын под прицелом. Так обеспечивало гитлеровское командование "стойкость" своих союзников…

Пополнение с Большой земли предстояло принять в порту, подвергающемуся артиллерийскому обстрелу. Командование военно-морской базы принимало все меры, чтобы сократить возможные потери при самой высадке. Накануне моряки скрепя сердце взорвали белую башенку исторического Воронцовского маяка, которая могла служить ориентиром для наиболее близких неприятельских батарей.

А наш начальник отдела укомплектования майор Семечкин распределял и перераспределял ожидаемое пополнение по секторам, по соединениям. Изменение обстановки на участках фронта и последние данные о потерях (за 29 августа только ранеными выбыло из строя свыше 1200 человек) заставляли не раз вносить поправки в первоначальную наметку.

К утру 30 августа было окончательно решено, что из пяти тысяч новых бойцов полторы тысячи получит Восточный сектор. Остальные распределялись между Чапаевской, 95-й и кавалерийской дивизиями.

Выгрузиться маршевым батальонам удалось спокойно — обстрел порта возобновился позже. Прямо с причалов пополнение отправлялось в части, на передовую. Путь в любой сектор лежал через город, и Одесса увидела новых бойцов, прибывших ее защищать. Нетрудно представить, какое воодушевление вызывали колонны машин с красноармейцами, появившиеся на одесских улицах.

Как-то позже Василий Фролович Воробьев сказал мне:

— Не знаю, как обошлись бы, опоздай то пополнение хоть на один день…

А для Восточного сектора, тогда самого тревожного, имели значение и часы. В вечерней сводке оттуда, сообщавшей, что дневные атаки противника отбиты, добавлялось: "При участии прибывшего сегодня пополнения".

Пополнение действительно прибыло такое, что могло прямо с марша вводиться в бой: запасники, но хорошо обученные. Притом народ в основном рабочий, много коммунистов, комсомольцев.

Пора сказать, что в Восточном секторе пополнение

принимала и распределяла по полкам уже не группа комбрига Монахова, а Одесская стрелковая дивизия.

О том, как недоставало на этом направлении монолитного общевойскового соединения, я уже упоминал. Прислать новую дивизию нам пока не могли. Между тем существовавшая структура управления войсками Восточного сектора все меньше оправдывала себя. Это особенно почувствовалось во время тяжелых августовских боев. И после того как выяснилось, что Приморской армии выделяется довольно значительное маршевое пополнение, окончательно созрела идея, вынашивавшаяся уже давно: стрелковую дивизию для правого фланга сформировать на месте.

Решение об этом Военный совет принял в разгар боев на подступах к Пересыпи. И ждать передышки, которая будет неизвестно когда, не стали. Новая дивизия Приморской армии — Одесская, как ее сперва назвали, — рождалась в прямом смысле слова в огне.

Естественно, возник вопрос о командире. К комбригу С. Ф. Монахову, возглавлявшему сектор с начала обороны, особых претензий не было. Однако представлялось более целесообразным, учитывая опыт и личные качества, возложить командование дивизией на бывшего коменданта Тираспольского укрепрайона полковника Г. М. Коченова.

Ночью Коченова (последнее время он исполнял обязанности начальника гарнизона) пригласили на армейский КП к Г. П. Софронову. К командарму, у которого был в это время и я, зашли члены Военного совета ООР Ф. Н. Воронин и И. И. Азаров, член Военного совета армии М. Г. Кузнецов. Контр-адмирал Г. В. Жуков оставался у себя, но его мнение, совпадавшее с общим, было известно.

— Ну так как, дивизией в Восточном секторе командовать сможете? — без обиняков спросил Софронов.

ТИУР значил больше, чем дивизия. Но Коченов на вопрос не обиделся, во всяком случае не подал виду. Однако ответил осторожно:

— Пока там не дивизия, а некий конгломерат…

— Командовать нормальной дивизией всякий сумеет, — пошутил Федор Николаевич Воронин. — Ты вот покомандуй такой, какая есть!..

И, сразу же погасив улыбку, дивизионный комиссар продолжал:

— Там, между лиманами и морем, нам нужен новый укрепрайон. Пусть не по названию укрепрайон — по существу! С обыкновенной полевой фортификацией вместо дотов. Но с очень

продуманной системой огня. А главное — неприступный, надежно прикрывающий Пересыпь — северные ворота города, берег Одесского залива…

Разговор был недолгим — ждали другие дела.

— Значит, согласен? — подытожил Софронов. — Тогда получай, Григорий Матвеевич, предписание и отбывай, батенька, немедля на место.

Военкомом Одесской дивизии утвердили бригадного комиссара Г. М. Аксельрода, начальником штаба — полковника А. С. Захарченко. Комбриг Монахов становился вместо Коченова начальником гарнизона.

В дивизию включались в качестве стрелковых полков 26-й пограничный, 1-й морской и временно 54-й Разинский (его надлежало при первой возможности заменить каким-то другим и вернуть в Чапаевскую). Состав действительно пестрый — конгломерат, как выразился Коченов. Были в секторе и его недавние подчиненные по укрепрайону — пулеметчики, связисты, саперы.

Первые дни новая дивизия существовала скорее формально — обстановка не давала заняться необходимой перестройкой. Коченов, оставляя на КП начальника штаба, почти все время находился в полках — знакомился с людьми и местностью, руководил боями на самых ответственных участках. Это уже он обеспечивал ликвидацию клина, где кавалеристам и морякам пришлось выбивать врага с высоты у шоссе.

Полторы тысячи штыков маршевого пополнения позволили Коченову в какой-то мере подровнять полки, очень неодинаковые и по численности. В морском полку новый комдив постепенно заменил многих командиров батальонов и рот более опытными армейцами. Полезными оказались и некоторые другие перестановки людей, несколько иное распределение участков обороны, частичное переформирование подразделений. Военком Аксельрод неустанно следил, чтобы при этом везде сохранялись крепкие партийные организации с боевыми вожаками.

Полковник Коченов любил и ценил артиллерию, умел сю распорядиться. В полосе его дивизии имелись благоприятные условия для огневой поддержки войск кораблями. Но от береговой артиллерии, которой еще недавно был богат Восточный сектор, оставалась лишь подвижная батарея, принадлежавшая раньше Дунайской флотилии, — четыре орудия на тракторной тяге. И только один полевой артполк 36 орудий — могла дать своей новой дивизии армия.

Вместе с начартом С. В. Болотовым комдив ломал голову над тем, как лучше поставить буквально каждую пушку. В конечном

счете почти все орудия у него могли вести огонь в любом направлении. Много внимания было уделено также размещению на переднем крае артиллерийских наблюдателей, корабельных корпостов.

Об укрепрайоне, который нужен на правом фланге Одесской обороны, дивизионный комиссар Воронин говорил, конечно, символически. Но мне кажется, Григорий Матвеевич Коченов действительно помог утвердиться в Восточном секторе кое-чему присущему укрепленным районам, где всегда считается, что обороняемый рубеж, как бы он ни выглядел, должен быть неприступной крепостью.

Дивизия, созданная из разнородных частей и маршевого пополнения и вобравшая в себя также значительные контингенты одесских ополченцев, стала показывать все большую организованность и стойкость. Через некоторое время она не уступала по боевым качествам кадровым дивизиям армии.

В начале сентября фронт в Восточном секторе стабилизировался. Мы могли сказать себе, что попытка противника ворваться в Одессу через Пересыпь отбита. Враг, правда, приблизился к городу и получил возможность обстреливать его артиллерией. Однако решающего успеха все-таки не добился и вынужден был перейти здесь к обороне, а основные удары вновь перенести на другие направления.

Вскоре мы получили телеграмму заместителя Наркома обороны Е. А. Щаденко, в которой предписывалось именовать новую дивизию 421-й стрелковой. Новые номера получили и ее полки (кроме 54-го Разинского, числившегося за Чапаевской). В составе дивизии предусматривались также 1327-й стрелковый полк и 983-й артиллерийский, которые существовали пока лишь в штатном расписании. В это же время наша кавдивизия была переименована во 2-ю кавалерийскую.

Командиры рождаются в боях

Пленные, взятые на разных участках фронта, заявили на допросах, что в действующей под Одессой 4-й армии с 22 августа находится сам Антонеску.

Вскоре в распоряжении майора Потапова, начальника разведотдела штарма, оказались и несколько приказов неприятельского командования, содержащих прямые ссылки на личные указания и требования фашистского диктатора. Суть требований сводилась к одному — любой ценой добиться решающего успеха. При этом бросалось в глаза, что упор делался на угрозы и карательные меры.

Один из добытых документов гласил: "Господин маршал Ион Антонеску приказывает: командиров, части которых не наступают со всей решительностью, снимать с постов, предавать суду, лишать права на пенсию… Солдат, не идущих, в атаку с должным порывом или оставляющих оборонительную линию, лишать земли и пособий семьям…" Другой приказ — по 3-му румынскому армейскому корпусу (он действовал на центральном участке фронта против нашей 95-й дивизии) — предписывал расстреливать перед строем "подлецов и трусов, уклоняющихся от светлого долга перед страной".

Так командование противника поднимало наступательный дух. у своих солдат. Вспомнились и отчаянные "психические" атаки, и румынские артиллеристы, работавшие под дулами немецких автоматов. Враг, обеспечивший себе под Одессой уже по меньшей мере четырехкратный численный перевес, этими приказами расписывался в своем бессилии, в невозможности выполнить ставившуюся 4-й румынской армии задачу.

Задним числом — майор Потапов в таких случаях всегда бывал немного сконфужен — мы узнали еще несколько дат, к которым противник планировал овладеть городом: 23, 25, 27 августа… На 23-е, оказывается, назначался даже парад на Соборной площади (такого названия давно уже не существовало). Не потому ли Антонеску явился в 4-ю армию 22-го?

А от пленных, сдавшихся 2 сентября, стало известно, что накануне Антонеску выступал на совещании командного состава в Выгоде, где требовал любыми средствами взять Одессу 3 сентября.

Таким образом, этот срок дошел до нас уже не задним числом. Поневоле "приходилось задуматься: на что рассчитывает противник теперь, что и где затевает?

Севастополь только что предупредил нас о замеченном

воздушной разведкой сосредоточении плавсредств в болгарских портах. По мнению флотских товарищей, это могло быть подготовкой к высадке под Одессой морского десанта. Такое предупреждение мы имели и две недели назад. Но десант с моря представлялся все-таки маловероятным. Хотя бы потому, что у нас оставались еще мощные береговые батареи, о чем враг знал.

2 сентября командарм и штаб армии особенно внимательно следили за положением в Южном секторе. На рассвете там возобновились начатые с вечера контратаки чапаевцев. Им ставилась задача — это стало возможным после получения подкреплений — вернуть утраченные в последние дни позиции в районе Ленинталя (ныне совхоз "Авангард") и хутора Красный Переселенец.

Инициатива на этом участке оставалась в наших руках до середины дня. Преодолевая упорное сопротивление противника, чапаевцы продвигались вперед. В числе захваченных утром трофеев были два 85-миллиметровых орудия. Но продвижение становилось все медленнее. Генерала Петрова беспокоили образовавшиеся разрывы. Через них по высокой кукурузе пробирались в наши тылы группы вражеских автоматчиков, ликвидация которых отвлекала силы.

А около 14 часов обстановка резко изменилась: на всем фронте Южного сектора начались атаки крупных сил противника. Вскоре наш 7-й кавполк оказался оттесненным к хутору Дальницкому. К вечеру отошли с боем на новые рубежи и некоторые подразделения чапаевцев.

Ухудшилось также положение в Западном секторе. На левом его фланге враг ворвался в Вакаржаны, а около железной дороги на Тирасполь овладел несколькими высотками. Под вечер разразился грозовой ливень. Но бои продолжались и всю ночь на 3 сентября.

Сутки назад генерал Воробьев сообщал:

— У нас подозрительно тихо. Пока ведем оборонительные работы.

Теперь Василий Фролович передавал:

— Таких яростных ночных атак в полосе дивизии еще не было. Прямо осатанели! Подпускаем на сто метров, расстреливаем в упор, а они опять лезут. На некоторых участках удается отбиваться только штыковыми контратаками…

Все же этот ночной натиск почти везде был отбит. Лишь в самом центре Западного сектора противник еще немного продвинулся. Это стоило ему больших потерь. По словам неприятельских солдат, сдавшихся тут в плен, в их ротах осталось по 15–20 человек.

Существовала, однако, и другая "арифметика", менее утешительная для нас. Пленные, взятые за последние два-три дня в полосе одной нашей 95-й дивизии, принадлежали к шести вражеским: 3, 5, 6, 7 и 11-й пехотным, 1-й гвардейской… И хотя среди этих дивизий были и весьма потрепанные, а некоторые действовали здесь лишь частью своих полков, общее численное превосходство противника на фронте Западного сектора выглядело достаточно внушительно.

По-видимому, неприятельское командование, после того как сорвалась попытка прорваться к Одессе между северными лиманами, опять переносило главный натиск на центральный участок нашей обороны.

Однако это было уже в сентябре, а необходимо еще вернуться к тому, что происходило в Южном и Западном секторах в конце августа, когда развертывались известные читателю события в Восточном секторе.

В боевом донесении, переданном утром 28 августа в штаб Черноморского флота, мы отметили, что, по имеющимся данным, 14-я румынская пехотная дивизия (она была в числе войск, действовавших против нашего Южного сектора) потеряла более половины личного состава. Это донесение пошло также в штаб военно-воздушных сил флота: нанести 14-й дивизии такой урон помогли бомбовые удары морских летчиков.

В тот же день против левого фланга Приморской армии обнаружилась новая для нас 8-я пехотная дивизия, а немного позже еще и 21-я пехотная. Появление их означало, очевидно, не только замену соединений, понесших большие потери, но и наращивание неприятельских сил на южном направлении.

Как впоследствии стало известно из трофейных документов, как раз в то время Антонеску, требуя от своей 4-й армии как можно быстрее захватить дамбу Куяльницкого лимана, наряду с этим поставил ей задачу — выйти на другом фланге к Дальнику и Сухому лиману. Ближайшая цель, которая этим преследовалась, состояла в том, чтобы получить позиции для артиллерийского обстрела тылов нашего Южного сектора и западной части Одессы.

Наш левый фланг отстоял от города пока значительно дальше правого. Однако условия для обороны здесь были сложнее. Местность очень открытая, почти нет даже тех небольших лесопосадок, которые пересекают степной массив на центральном участке. Весьма уязвимы для вражеских ударов и ведущие к фронту дороги. Но главная беда — мало войск.

Довольно долго фронт Южного сектора держали всего два стрелковых полка чапаевцев. Теперь к ним прибавились два полка кавдивизии. Кавалеристы — мы продолжали их так называть,

хотя оба эти полка уже окончательно расстались с конями и сняли пулеметы с тачанок, — внесли свой вклад в разгром 14-й дивизии противника. В ночном бою 27 августа они основательно потрепали ее 13-й полк, захватив немало разного оружия. Это был один из тех боев, общий исход которых сорвал попытку врага наступать на наш левый фланг широким фронтом.

В последующие дни атаки противника сосредоточились яа сравнительно узком около двух километров — участке, примыкающем к дороге, что идет от Беляевки к Одессе через Фрейденталь, Красный Переселенец и Дальник.

Здесь, прикрывая самый прямой и короткий путь на Одессу с этого направления, оборонялся 287-й полк Чапаевской дивизии. 29 августа он совершил подвиг, о котором, мне кажется, нельзя сказать сильнее, чем было сказано в лаконичном боевом донесении штаба дивизии:

"287-й стрелковый полк до наступления темноты отбивал ожесточенные атаки противника. К исходу дня в полку осталось 740 штыков. Подразделения полка прочно удерживают занимаемые позиции".

В Чапаевской дивизии этот полк был новым. Он вошел в ее состав при перегруппировке войск на рубеже Днестра. Но уже одним таким боевым днем он доказал, что достоин принявшей его легендарной дивизии. 740 штыков — это всего лишь батальон, если рассматривать голые цифры. Однако полк остается полком, если он и в таком составе удерживает свои позиции.

287-м стрелковым временно командовал А. И. Ковтун-Станкевич, числившийся по штату начальником дивизионной разведки. По званию он был всего-навсего капитаном, но комбатом воевал еще в гражданскую. Я немного знал его по предвоенным месяцам, когда штаб чапаевцев и наш помещались по соседству у Дуная (знал просто как Андрея Игнатьевича Ковтуна — второй частью своей фамилии он краткости ради не пользовался). Тогда капитан только что пришел из запаса после большого перерыва в военной службе.

Генерал Петров впервые встретился с ним, став комдивом Чапаевской и начальником Южного сектора. Обстановка не позволяла Ивану Ефимовичу самому побывать везде, и он давал отдельным командирам штадива, внушавшим ему особое доверие, задания, которые формулировал примерно так: "Немедленно отправиться туда-то и лично проверить организацию обороны в каждой роте, каждом взводе. Самому пройти но переднему краю, не полагаясь ни на чьи доклады. Обнаруженные недочеты устранять на месте. Если потребуется —

действовать от моего имени. По окончании работы доложить мне". Такое задание — касалось оно как раз 287-го полка — получил и начальник дивизионной разведки.

По тому, как он это задание выполнил, Петров, хорошо разбиравшийся в людях, очевидно, уже составил представление о личных качествах и возможностях капитана. Несколько дней спустя был ранен командир полка Султан-Галиев, и заменить его Петров приказал Ковтуну.

Выдвижение оказалось удачным. Правда, до нас доходило, что порой новый командир полка ведет себя слишком уж отчаянно. Например, однажды увидев в бинокль, как упал командир двинувшейся в контратаку роты, он вскочил на стоявшего у КП оседланного копя, догнал роту и сам повел ее вперед… Впрочем, происходило это при чрезвычайных обстоятельствах — враг прорывался к полковому КП, угрожая его обойти.

— Командует уверенно, — делился впечатлениями о капитане направленец по Южному сектору И. II. Безгипов. — В штабе полка нового командира встретили, правда, сначала настороженно, тем более что Султан-Галиева все любили. Однако присмотрелись и оценили быстро.

Ковтун-Станкевич вскоре стал майором (а впоследствии и генералом). В Севастополе он был начальником оперативного отдела нашего штарма, и таи мне довелось узнать его ближе.

Вообще на одесских рубежах частенько возникали такие ситуации, когда только собственное чутье могло подсказать командиру, где в данный момент его место. Был и такой случай: Иван Ефимович Петров приказал поставить на "пикап" два станковых пулемета и мчаться вдоль переднего края одного из своих полков, фактически — по ничейной полосе. Сам он вскочил на подножку п стоял так, держась за дверцу кабины. Атаковавшему полк противнику, попятно, не могло прийти в голову, что в этой машине — генерал, но внезапное появление "пикапа" со строчащими на ходу пулеметами на какой-то момент ошеломило гитлеровцев, А наши бойцы видели комдива. И быть может, только такое его поведение, тоже никакими правилами и традициями не предусмотренное, заставило измученных, смертельно уставших бойцов подняться в последнюю контратаку, решившую исход боя на этом участке в пашу пользу.

Численный перевес противника особенно почувствовался после появления у него на этом направлении двух свежих дивизий.

31 августа враг прорвал юго-западнее Дальника оборудованный здесь дополнительный передовой рубеж, и

чапаевцы вынуждены были оставить селение Ленинталь. Тут наметился опасный клин, который мы и пытались ликвидировать контратаками, предпринятыми 1 и 2 сентября. Однако на это сил не хватило. Оставалось удовлетворяться тем, что врагу не дали продвинуться дальше.

На центральном участке противник перегруппировывал свои войска. Выдались сутки, когда в армейском журнале боевых действий можно было записать: "На фронте 95 сд ночь прошла спокойно". За день с этого направления поступило в госпитали менее пятидесяти раненых.

Затем атаки возобновились. Разгорелись жестокие бои за Вакаржаны, за район хуторов Важный и Октябрь, что стоят в степи слева от железной дороги на Тирасполь. И как ни тревожил тогда нас Восточный сектор, приходилось все время оглядываться на Западный: выстоят ли сегодня там?

Командарм Софронов привык полагаться на Воробьева больше, чем на кого-либо из командиров, возглавлявших секторы обороны. Он уже знал, что у генерала Воробьева можно при крайней необходимости временно взять целый полк, как это было сделано при прорыве противника у Кагарлыка, и все равно дивизия свой фронт удержит.

Но и Воробьев в свою очередь привык опираться на опытнейших командиров полков, каких мы не имели на других направлениях. Три стрелковых полка — три кадровых, "довоенных" полковника. Во многих ли дивизиях было так в августе сорок первого? А теперь, когда и Сереброва, и Соколова, да и начальника штадива Чиннова санитарный транспорт увез на Большую землю — в тыловые госпитали, многое изменилось. Из трех прежних командиров полков в 95-й Молдавской оставался один П. Г. Новиков. Причем было уже намечено назначить этого полковника командиром кавалерийской дивизии.

241-й стрелковый полк Новикова, оборонявшийся на правом фланге сектора, часто имел в строю меньше бойцов, чем какой-либо другой полк дивизии, но вражеские атаки отбивал успешно. Мне не перечислить здесь даже те примеры мужества и доблести его бойцов и командиров, которые попадали в донесения и сводки. Скажу только о человеке, чья должность обычно редко требует самому браться за оружие, — о начальнике штаба полка майоре А. А. Кургиняне.

Как мне было известно от капитана Шевцова, почти непрерывно находившегося в, 95-й дивизии, майор Кургинян не раз сам становился и к пулемету, и даже к орудию. Становился не в силу своего горячего темперамента, а потому, что в тот момент больше некому было заменить павшего бойца. 30 августа

начальник штаба повел в контратаку оставшуюся без командира роту. После того как наши бойцы ворвались в неприятельские траншеи, он открыл огонь из только что захваченного там миномета… Нужно ли объяснять, каково приходится полку, где все это делает начальник штаба? И все же за полк Новикова генерал Воробьев большей частью был спокоен.

С подполковником Опариным, который заменил в 90-м стрелковом Соколова, комдиву приходилось уже труднее. Опарину, судя по всему, было не занимать личной храбрости, однако ему недоставало соответствующего должности опыта.

Что касается 161-го полка, то командир, назначенный после ранения Сергея Ивановича Сереброва, оказался совершенно неподходящим. А если послали в полк человека, который не сумел сразу взять бразды правления в твердые руки, остается одно — побыстрее исправить ошибку.

Тогда ее исправили через два дня. Но за это время новый командир, хотя он и находился безотлучно на полковом КП, фактически выпустил из рук управление подразделениями. Утрачен был и локтевой контакт с соседями. И никакие контратаки, в которые водили бойцов командиры рот, батальонов и комиссар полка С. Е. Ливший, не смогли предотвратить захват противником хуторов Важный и Октябрь.

Командарму пришлось срочно перебросить на машинах на участок 161-го полка восемьсот кавалеристов (хорошо, что была такая возможность). Воробьев выслал туда же последний дивизионный резерв — свой разведбатальон. И положение было кое-как восстановлено, прорыв фронта в районе хуторов предотвращен.

В том бою разведбат потерял последние свои броневички и танкетки, выведенные из строя вражеским огнем. В донесении штадива сообщалось также, что тяжело ранен командир батальона старший лейтенант М. Г. Долгий.

Эта фамилия не раз появлялась в боевых донесениях и оперсводках начиная с 18 августа, когда разведбат отличился при ликвидации попытки противника прорвать фронт у станции Карпово. Я никогда не встречался со старшим лейтенантом Долгим, но успел составить представление о нем как о смелом и решительном командире, чей батальон успешно действовал на самых трудных участках. В 95-й дивизии, как и в Чапаевской, разведбат постоянно посылался в качестве ударного подкрепления туда, где произошел или наметился прорыв.

— Долгий производил обманчивое первое впечатление, — рассказывал впоследствии Василий Фролович Воробьев. — Какой-то неуклюжий, неповоротливый, просто увалень… А по натуре —

герой. Какие только дыры мы не затыкали его батальоном, и всегда он в гуще боя! И вечно у него что-нибудь забинтовано — то рука, то голова. Без повязок, кажется, его и не видели.

Последнее ранение старшего лейтенанта оказалось смертельным, и несколько дней спустя Михаил Григорьевич Долгий умер в госпитале. Узнав об этом, генерал Воробьев приказал снять ночью с передовой весь разведбат и доставить на машинах в город — отдать последний долг командиру. В одесских условиях такая почесть была редкой и говорила о многом.

А перед этим разведбат потребовалось ввести в бой в районе командного пункта 161-го полка.

Вместо снятого командира в полк послали майора Н. М. Толстикова работника оперативного отдела штарма. Не помню сейчас, чем приходилось ему командовать до перехода на штабную службу, но, конечно, не полком. Однако сейчас это был наиболее подходящий кандидат. Так считал и Воробьев, успевший познакомиться с Толстиковым еще в оперативном отделе.

Майор прибыл в полк вечером и провел всю ночь в подразделениях. Утром на участке полка возобновились атаки пехоты и танков противника. На этот участок переключили вою дивизионную артиллерию. Полковник Рыжи направил туда же огонь береговых батарей и кораблей. Было сделано все возможное, чтобы враг здесь не прорвался. Однако полковой КИ оказался окруженным. Пришлось вновь посылать на выручку разведбат. Вместо раненого комбата его повел в бой капитан В. П. Сахаров — начальник оперативного отделения, временно возглавлявший штадив.

В те же часы был атакован правый фланг дивизии — полк Новикова. Воробьев знал, что там почти все батальоны по числу бойцов не больше нормальных рот. Но усилить правый фланг он мог лишь двумя машинами с зенитными пулеметами под командой штабного оператора старшего лейтенанта Дацко.

Счетверенные зенитные пулеметы предназначались для противовоздушой обороны командного пункта дивизии, но давно вели огонь главным образом по пехоте и сделались своего рода летучим резервом, быстро выдвигавшимся на участки сильных атак. Вовремя подоспели они и в тот раз. Как доносил Новиков командиру дивизии, огонь "счетверенок" прижал к земле целый вражеский батальон и не давал ему подняться.

Трудный для 95-й дивизии боевой день, о котором я сейчас рассказываю, закончился тем, что и на правом фланге, и в центре атаки противника были отбиты. Генерал Воробьев остался

доволен новым командиром полка: в сложнейшей обстановке Толстиков не растерялся.

В этот самый день с Большой земли прибывало первое маршевое пополнение. Наши поредевшие части так нуждались в нем, что даже самые выдержанные командиры проявляли нетерпение, поджидая уже подходившие к фронту резервы.

Конечно, одной тысячи бойцов, которых мы смогли выделить 95-й дивизии, было недостаточно, чтобы существенно уплотнить ее боевые порядки. Сутки спустя Воробьев уже спрашивал меня по телефону:

— Николай Иванович, нельзя ли подбросить нам еще человек пятьсот? Можно невооруженных — винтовки найдутся…

Я ответил, что направляем вдвое больше, и притом с оружием — маршевые батальоны с Большой земли продолжали прибывать. За два дня в 95-ю дивизию влилось свыше двух тысяч бойцов. Одновременно Воробьеву было послано несколько одесских танков, первые образцы которых прошли боевое испытание у чапаевцев.

В результате четырехдневных атак противника в последних числах августа (напомню, что в это время враг наступал и в Южном секторе, а в Восточном яростно штурмовал подступы к Пересыпи) на отдельных участках Западного сектора наши войска были оттеснены на полтора-два километра.

Затем здесь опять наступило короткое затишье, означавшее, по-видимому, очередную перегруппировку неприятельских сил. 2 сентября оно разрядилось ожесточенными атаками. Но новый натиск не застал 95-ю дивизию врасплох.

3 сентября — в день, на который Антонеску назначил (в пятый или шестой раз!) взятие Одессы, не произошло ничего из ряда вон выходящего. Трудное положение возникало то на одном, то на другом участке, но на помощь пехоте приходили где артиллеристы, где летчики. С моря вели огонь корабли. И все вражеские атаки были отбиты.

Словом, день был как день. И быть может, тогда мне не показалась бы столь красноречивой запись, сделанная в тот день Василием Фроловичем Воробьевым, которую сейчас хочется привести:

"…Растянутые в жиденькую цепочку полки оказывали наступающему противнику упорное сопротивление. На отдельных участках бой шел в окопах. Командиры 161 и 90 сп просили помощи, но резервов опять нет. Выручали артиллерия и авиация. Три дивизиона береговой артиллерии и два дивизиона нашего 57-го артполка вели огонь по району южнее хутора Важный. Наблюдатели доносили, что ничего не видят из-за дыма — таков

был огонь.

Противник был положен на землю, и его продвижение приостановлено. Вообще артиллерия творит чудеса. Несмотря на широкий фронт, вся дивизионная и даже береговая артиллерия способна вести сосредоточенный огонь по любому району, успевая помогать соседям слева и справа…"

В тот день было много раненых. В числе их оказались подполковник Опарин, прокомандовавший всего несколько дней 90-м стрелковым полком, и отважный майор Амбиос Кургинян.

Начальник штаба 241-го полка, как выяснилось, опять занялся "не своим делом" — в горячий момент сел в машину с зенитными пулеметами, вывел ее к переднему краю и огнем счетверенных "максимов" заставил залечь атакующего противника. Но, прежде чем машина успела сменить позицию, ее накрыл залп вражеской батареи.

Тяжело было узнавать о выходе из строя (хорошо еще, если временном) таких людей, трудно искать им замену. Однако становилось уже почти невозможным требовать, чтобы старшие командиры вели себя иначе — их поведение диктовалось обстановкой.

В начале сентября, вскоре после описанных событий, мне довелось побывать в 95-й дивизии, а затем и у чапаевцев. Выезжал, как обычно, с прикрепленным к сектору направленцем: в Западный — с Шевцовым, в Южный — с Безгиновым.

Путь до 95-й дивизии стал совсем коротким. Командный пункт Воробьева помещался теперь близ винодельческого совхоза Холодная Балка, на западном берегу Хаджибейского лимана.

Место для КП выбрано необычное — использованы входы в старые катакомбы с внутренним двориком, куда попадаешь через пробитый когда-то небольшой тоннель.

Василий Фролович встречает расспросами об Одессе. Хоть и близок фронт от города, а он еще ни разу не был там с тех пор, как принял дивизию, — почти месяц. Я могу рассказать не так уж много: сам бываю в городе не часто. Да и хочется скорее перейти к дивизионным делам, тем более что времени, как всегда, в обрез.

Интересуюсь прежде всего, доволен ли комдив своим новым начальником штаба. Вместо раненого И. И. Чиннова назначен подполковник Р. Т. Прасолов, возглавлявший раньше штаб ТИУР.

— Ничего, входит в курс, — сдержанно говорит Василий Фролович. Чуть помедлив, добавляет: — Штабную работу знает. Распорядителен. И кажется, боевой.

Этим сказано уже немало: Воробьев не любит хвалить людей, к которым не успел присмотреться.

Интересует меня и новый командир 90-го стрелкового полка.

Когда увезли в госпиталь раненого Опарина и штарм еще не нашел подходящей замены, Воробьев неожиданно предложил поставить на полк майора Белюгу — заместителя командира другого полка по материально-техническому обеспечению. В иное время, вероятно, никто не решился бы вверить полк командиру-хозяйственнику. Но теперь это не вызвало возражений — комдиву в конце концов виднее.

— Этого Тимофея Денисовича Белюгу, — стал рассказывать Воробьев, — я и сам до последнего времени почти не знал. Дивизией ведь командую без году неделю… А стали тут вместе думать, кого назначить вместо Опарина хоть временно, и кто-то вспомнил: есть такой майор — по должности хозяйственник, а по натуре боевой командир! Где-то еще за Днестром он с комендантским взводом засаду против немецких мотоциклистов устроил. Где-то, тоже еще до меня, оборону против прорвавшихся танков организовал, хотя вроде и не его это была забота. Вспоминали и другие истории в том же духе. Ну я и подумал: раз интендант Осипов морским полком командует, может, и этот сумеет не хуже. Ведь кого вы пришлете — еще неизвестно… Вызвал этого майора Белюгу, спрашиваю прямо: "С полком справитесь, если понадобится?" А он тоже напрямик: "Если понадобится, товарищ генерал, то, пожалуй, справлюсь!" Вот и воюет теперь за Вакаржаны… Вчера ругал его — имел возможность окружить просочившуюся в стыке с соседом неприятельскую роту, да пока думал, как это лучше сделать, рота ушла. Красноармейцы из пополнения, говорят, аж плакали от злости, что ее упустили… А вообще, надеюсь, толк из Белюги будет.

Слушая Воробьева, и думал о том, что мы подчас еще не знаем, на что способны люди, которые находятся рядом. Т. Д. Белюга вскоре был ранен, однако лечь в госпиталь отказался наотрез. С рукой в гипсе носился на машине по батальонам: сидеть на КП и управлять боем оттуда оп решительно не умел.

Майор Белюга успешно командовал 90-м полком до конца обороны Одессы, а затем и в Севастополе. А подполковник Прасолов стал в дальнейшем заместителем командира дивизии.

От комдива пошел к, штабистам. Поздравил начальника оперативного отделения В. П. Сахарова: он только что стал майором. Его помощника старшего лейтенанта Дацко застал с перевязанной рукой — ранило при выезде на передний край с зенитными пулеметами.

Другой оператор, старший лейтенант Н. А. Дьякончук через несколько дней он стал начальником штаба полка у майора Белюга), только что вернулся с левого фланга, куда выезжал

восстанавливать локтевую связь с соседом. Доложил, что задание выполнил — восстановил.

Правый фланг 95-й дивизии упирался в Хаджибейский лиман. Там контакт с соседом, находившимся на другом берегу, сводился к тому, чтобы в случае чего поддержать его артиллерией. А на левом фланге, где граница с Южным сектором пролегла по бескрайним кукурузным полям, нужна была именно локтевая связь. И все время она нарушалась — уже сколько раз штабы 95-й и Чапаевской, а потом кавалерийской дивизий посылали офицеров, чтобы помочь подразделениям-соседям найти в этой кукурузе друг друга!

Были у нас, особенно в Южном секторе, такие места, где не хватало людей, чтобы держать сплошной фронт. Но дыра в стыке двух соединений особенно опасна. И доклад Дьякончука меня не очень успокоил. Подумалось: наверное, это опять ненадолго. И через несколько дней капитан Шевцов установил, что на левом фланге 95-й дивизии разъезжает лишь конный патруль, имеющий смутное представление о том, где находится сосед. Пришлось тогда решительно потребовать, чтобы для обеспечения стыка было выделено больше сил.

Требовать это становилось уже легче. Хотя сентябрьское маршевое пополнение и не могло ликвидировать некомплект личного состава, полки все-таки делались похожими на полки. У генерала Воробьева появился даже небольшой резерв. Вещь вообще-то обычная, даже обязательная — какая же дивизия без резерва! Но под Одессой он имелся далеко не всегда.

В тот мой приезд Василий Фролович откровенно радовался тому, как он разбогател:

— Выехал во второй эшелон, когда было у нас тихо. А там командир резервного батальона построил его поротно. Так просто необычным показалось это зрелище — столько бойцов в строю! Понимаете, отвык…

Генерал не мог нахвалиться первым маршевым пополнением с Большой земли. Оно было под стать кадровому костяку дивизии и по подготовке, и по духу. Среди бойцов, присланных сюда, оказалось много донецких шахтеров, рабочих с крупных заводов Сталинграда.

— Некоторые помнят оборону Царицына, — говорил Василий Фролович. — Это полезно. У нас ведь похоже на то, что было там, хотя, пожалуй, потруднее.

За минувший месяц многие подразделения стали весьма неоднородными по составу. Были в их рядах и морщинистые "папаши" — так называли призванных в Одессе запасников старших возрастов и зачисленных в войска ополченцев, были и

молодые краснофлотцы, переодетые и не переодетые в армейскую форму. Красноармейцев, помнящих бои за Днестром и самое начало Одесской обороны, в иных ротах оставались единицы.

Но все-таки именно такие солдаты-ветераны задавали тон в подразделениях. А их опыт, перенимаемый другими, становился как бы общим. Мне не часто доводилось бывать в дивизиях, еще реже в батальонах. Наверное, поэтому бросались в глаза перемены, например, в том, как красноармейцы окапываются.

Дело это, казалось бы, нехитрое, но от того, как овладела им и как относится к нему основная масса бойцов, в колоссальнейшей мере зависит их стойкость в обороне. Тут сочетаются выучка и смекалка, сознание ответственности за порученный рубеж и умение разумно уберечь себя. Бывалый солдат привыкает к мысли, что в бою у него только один выход — суметь убить врага раньше, чем тот убьет его. Вот такой солдат и становится мастером окапывания. Он думает не просто о том, чтобы надежно укрыться, а о том, как устроиться, чтобы было удобнее, сподручнее воевать.

В сентябре в дивизии Воробьева были просто изумительные примеры солдатского умения применяться к местности. Все бралось на учет — каждый бугорок, каждая выемка. И не беда, если кое-что делалось не по науке.

Боевая практика вносила свои поправки в отдельные положения наших довоенных наставлений. Не рекомендовалось, скажем, рыть стрелковый окоп у гребня склона, обращенного к противнику. А жизнь показала, что во многих случаях это как раз выгодно. В гребень вряд ли попадет снаряд, разве что выпущенный прямой наводкой. И обзор оттуда хороший. Удобно и раненого переправить в тылы: только за гребень перетащить, а там уже проще…

Воробьев уделял окапыванию особенно много внимания, писал по этому поводу специальные приказы. А при каждой встрече высказывал претензии к инженерным войскам.

Да и не он один их высказывал. Под Одессой было немало инженерных и строительных батальонов. И работа, которую они выполняли, измерялась многими десятками и сотнями километров противотанковых рвов, траншей, эскарпов. Тем не менее стрелковым подразделениям часто приходилось отрывать окопы самим подчас в крайней спешке, под вражеским огнем, с невероятным напряжением сил.

Из первоначально намеченных трех оборонительных рубежей, рассчитанных на большой плацдарм и большую армию, приморцы нигде не смогли воспользоваться первым: для занятия его требовалось вдвое-втрое больше дивизий. Лишь частично, на

отдельных участках — как раз в Западном секторе, — пригодился второй, доставшийся 95-й дивизии далеко не законченным. Обстановка, фактически сложившаяся на нашем плацдарме, продиктовала иное инженерное решение, воплотившееся в новой системе оборонительных линий, о которой я уже говорил.

Эти рубежи продолжали создаваться и строились, что называется, на совесть — многое отвечало самым высоким требованиям. Главный рубеж обороны оказался в конечном счете непреодолимым для врага. Однако между передовыми рубежами и главным часто не оказывалось подготовленных промежуточных позиций.

Выбьет противник батальон из окопов, потеснит на двести-триста метров, а запасные окопы — гораздо дальше. Не отступать же до них, если есть надежда, что сейчас поддаст жару своя артиллерия и удастся контратакой отбить прежнюю траншею! Вот и приходилось пехотинцам на скорую руку окапываться самим, применяясь к обстановке и местности. А командирам тогда вспоминалось, что в инженерных батальонах людей куда больше, чем в любой из наших дивизий.

Возникали и такие неувязки: опорный пункт на оборудованном инжбатами рубеже рассчитан на батальон или роту штатного состава, а у нас — хронический некомплект…

— Почему нельзя подчинить хотя бы часть инженерных батальонов дивизиям? спрашивал Василий Фролович. — Мы придали бы их полкам, заставили бы делать то, что нам нужнее всего: рыть окопы там, где они могут потребоваться завтра.

Как мне было известно, Воробьев ставил этот вопрос и перед командармом. Он полагал также, что за счет инженерных и строительных батальонов можно пополнять стрелковые части (собственные саперные батальоны в дивизиях уже давно использовались именно так). Но от командарма, как и от штаба армия, это не зависело. Все инженерные части находились в подчинении генерала А. Ф. Хренова, помощника командующего ООР по оборонительному строительству, и кроме него распоряжаться ими мог лишь Военный совет ООР. И контр-адмирал Жуков считал, что в этом отношении все должно оставаться как есть, поскольку еще не закончено строительство основных рубежей.

В этом был свой резон. И все же в условиях одесского плацдарма, вероятно, имело смысл возложить ответственность за инженерное оборудование позиций на того, кому их оборонять, — на Приморскую армию.

Возвращаясь из 95-й дивизии, я думал о людях, с которыми встретился, о Василии Фроловиче Воробьеве.

Ему очень трудно. Многое приходится делать не так, как виделось с академической кафедры или на штабных играх. Но Воробьев, никогда раньше не командовавший дивизией, оказался в сложнейшей обстановке на высоте положения. Дивизию крепко держит в руках, действует осмотрительно, расчетливо использует наличные силы.

Не в характере Василия Фроловича объезжать каждый день полки и батальоны, лазать по траншеям. Однако, если не подведет связь, положение подразделений ему всегда известно. Он анализирует результаты каждого боевого дня, лично ведет учет потерь, стараясь понять, почему на одних участках они больше, чем на других, и вообще стремится из всего извлекать уроки.

Война уже научила его не пренебрегать ничем, что способно усилить наши удары по врагу. Можно себе представить, как отнесся бы Василий Фролович к обшитым железными листами тракторам, покажи ему кто-нибудь их в мирное время… А теперь рад, что его дивизия получила несколько грохочущих машин, и просит еще — убедился, что и таких танков фашисты боятся.

Сейчас его заботят пулеметчики. Не те, что перешли из ТИУР, а расчеты, укомплектованные за последнее время. Там есть, по его словам, люди не только плохо обученные, но и такие, которым не хватает выдержки. А каждый пулемет слишком много значит при отражении вражеских атак, чтобы можно было с этим мириться. И комдив уже решил: потребует от командиров полков лично проверить пулеметные расчеты — пусть бойцы знают, что пулеметчик не подведет никогда.

Другая забота Воробьева — снайперы. Он уже поставил полкам задачу: иметь хотя бы одного-двух снайперов в каждом взводе. Это положит конец общей, часто безрезультатной пальбе по высунувшемуся из неприятельского окопу солдату одиночные цели будут быстро и с минимальным расходом патронов поражать самые меткие стрелки.

Еще две-три недели назад вопрос о снайперах вообще не возникал под Одессой. Снайперы нужны там, где существует устойчивый фронт, прочная позиционная оборона. И это хорошо, что они нам понадобились.

С передовой везу в штарм любопытный документ — экземпляр неприятельской листовки, которую разбросал самолет над нашими позициями. Листовок сбрасывалось немало и раньше, у наших разведчиков их уже целая коллекция. Но эта довольно примечательна. Командование 4-й румынской армии грозится: если мы не сдадим Одессу к 10 сентября, то сюда "придут крупные силы германской армии…", С одной стороны,

похоже на ультиматум, даже срок назначен. И в то же время — совсем откровенное признание своей неспособности нас одолеть: пугают немцами!..

* * *

Большое село Дальник растянулось на несколько километров. После заката, когда над степью быстро сгущаются сумерки, главная сельская улица почему-то кажется особенно длинной — едешь, едешь, и нет ей конца.

День выдался еще по-летнему знойным, а сейчас потянул ветерок со стороны довольно близкого отсюда моря и повеяло приятной прохладой. Наверное, раньше в такие погожие вечера высыпала на улицу молодежь, голосистые парни и девчата заводили песни… Теперь село притихло, жителям, которые тут остались, не до гулянок. Фронт совсем близко, отчетливо слышны орудийные выстрелы.

В Дальнике — командный пункт 25-й Чапаевской дивизии и Южного сектора обороны. Капитан Безгинов, свой человек в этих местах, уверенно показывает водителю, где повернуть к хате генерала Петрова. Если не застанем его тут, пойдем со связным на НП, оборудованный за селом.

— А я только что от Мухамедьярова, из тридцать первого полка, — говорит, поздоровавшись, Иван Ефимович. — Успел, правда, уже освежиться. Приспособился, знаете, принимать ванну в хозяйском корыте. Совсем неплохо после того, как пропылишься за день!

Петров верен себе — непрерывно разъезжает по фронту сектора, проводя большую часть, дня в полках, в батальонах. Командарм Софронов, побывавший здесь недавно, обнаружил, что Иван Ефимович, пренебрегая ради быстроты кружными путями, проскакивает простреливаемые пулеметным огнем участки, присев на подножке своей эмки за кабиной. Кажется, Петров предлагал и Софронову добраться таким способом до батальона, куда они направлялись. Георгий Павлович возмутился и потом рассказывал мне:

— Отчитал я его. Ты же, говорю, не комбат все-таки, а командир дивизии, так вот помни об этом и путешествовать на подножке брось. Обиделся. Перешел на официальность: "Понял, товарищ командующий!" Но нельзя же так. Там и крюка-то всего километра четыре надо было сделать…

Теперь я подумал, что в способах передвижения Ивана Ефимовича по фронту вряд ли что-нибудь изменилось. Но в Конце концов командир дивизии поступал так, как считал нужным и привык.

Мы подошли к карте, и Петров заговорил об участке, который

и его, и штарм особенно волновал: о районе Ленинталя. Захватив в конце августа это селение, противник довольно глубоко вклинился между нашими 31-м и 287-м стрелковыми полками. Сомкнуть их фланги на прежних позициях никак не удавалось.

Иван Ефимович был неспокоен, и, как обычно в таких случаях, давала о себе знать старая контузия: он кивал не в такт речи головой и должен был время от времени поправлять съезжавшее пенсне. Характеризуя обстановку, Петров пользовался короткими, словно рублеными, фразами:

— Вклинившийся противник успел закрепиться. На выступе имеет окопы полного профиля. Много минометов и автоматического оружия. Пехоты — не менее двух полков. Наращивание сил продолжает. В случае прорыва к Сухому лиману, чего можно ожидать, наш левый фланг оказался бы отрезанным…

То, что этот клин чреват для нас большими неприятностями, не подлежало сомнению. Попытки ликвидировать его продолжались. Однако атаки, предпринимаемые чапаевцами, в том числе и ночные, давали пока незначительные результаты. И Петров, видимо, не был уверен, что сможет восстановить положение наличными силами.

Я же не мог обнадежить его перспективами существенного увеличения этих сил в ближайшее время. Два из трех полков кавдивизии, номинально числившейся армейским резервом, и так находились в распоряжении Петрова. А о возвращении из Восточного сектора Разинского полка не ставил больше вопроса и сам Иван Ефимович: знал, что сейчас это невозможно. Правда, продолжали прибывать маршевые батальоны, в Южный сектор получал из каждого эшелона свою долю. Однако этого хватало лишь, чтобы поддерживать на терпимом уровне численный состав имеющихся частей.

После требования Генерального штаба полностью использовать все местные ресурсы (оно содержалось в полученной недавно телеграмме Б. М. Шапошникова) Военный совет ООР пересматривал забронированные контингенты предприятий, работавших на оборону. Я сказал, что оттуда мы, очевидно, получим еще некоторое число бойцов, но оружия для них сейчас нет.

Петров улыбнулся — впервые с начала беседы — и заверил, что оружие найдется, были бы бойцы. В связи с этим он рассказал, как некоторое время назад выделил для 31-го полка двести или двести пятьдесят прибывших из города ополченцев, но, прежде чем посылать их, запросил командира, есть ли столько винтовок. Тот ответил, что вооружить немедленно сможет лишь

половину. Однако выручил другой полк — 287-й, поделившись оружием с соседом.

— Там, — объяснил Иван Ефимович, — новый командир Ковтун и комиссар Белашов организовали ночные вылазки в ничейную полосу. Специально за оружием. Не секрет — раненого у нас не всегда еще выносят с винтовкой. Ну и вражеским оружием не брезговали — тоже может пригодиться. В общем, создали небольшой собственный арсенал. Я про него узнал, только когда они похвастались, что, сколько ни пришлю пополнения, вооружат. Кое-что у них есть в запасе…

Генерала Петрова интересовало, каковы у армии виды на дальнейшее получение боеприпасов для артиллерии. По-видимому, он опасался, как бы не повторилось положение, создавшееся в августе, когда некоторые орудия вообще замолчали, а большинство других было посажено на жесточайшую норму — снарядов ряда калибров оставалось меньше одного боекомплекта. Для Ивана Ефимовича эти трудности совпали с первыми днями командования Чапаевской дивизией. Причем тогда — фронт был под Кагарлыком и Беляевкой — полкам Южного сектора еще не могли помочь огнем корабли.

Теперь боеприпасы доставлялись в Одессу без больших перебоев. Но опасения Петрова были понятны: в Южном секторе, где очень не хватало пехоты, положение особенно зависело от артиллерии.

Кроме двух собственных артполков Чапаевскую дивизию поддерживали богдановцы, группа флотских батарей и, наконец, корабли. Комдив вместе со своим начартом подполковником Ф. Ф. Гроссманом расчетливо планировал, где приложить всю эту огневую силу.

Как раз наступало время решать это для завтрашнего дня, и мы прервали разговор, а Петров вызвал начарта.

— Фрол Фалькович, что мы дадим Мухамедьярову сверх двух дивизионов пушечного полка?

— Дивизион береговой артиллерии капитана Яблонского, товарищ генерал.

— Согласен. Я его и имел в виду. А что нам выделяют от Богданова?

— Пока один дивизион.

— Резервируете для Ковтуна? Согласен.

Чувствовалось: все это уже продумано обоими, и потому они понимают друг друга с полуслова.

От полковника Рыжи я знал, что война застала Фрол а Фальковича Гроссмана преподавателем в военном училище, с

которым он мог эвакуироваться в тыл и спокойно готовить там кадры для фронта. Однако Гроссман в первые же дни войны добился отправки в действующую армию и оказался в распоряжении начальника артиллерии 14-го стрелкового корпуса Н. К. Рыжи. Тот, по собственному признанию, не особенно рассчитывал, что из преподавателя артиллерийского дела быстро получится хороший артиллерист-практик. Но тогда только что выбыл по ранению прежний начарт Чапаевской дивизии, заменить его было пока некем, и Рыжи представил Гроссмана на вакантную должность.

Сожалеть об этом взыскательному Николаю Кирьяковичу не пришлось. К тому времени, о котором идет речь, Ф. Ф. Гроссман уже имел в Приморской армии, наряду с начартом 95-й дивизии Д. И. Пискуновым, репутацию одного из лучших артиллерийских командиров.

А чапаевцы, шедшие к Одессе из-за Днестра, знали подполковника Гроссмана не только как штабного артиллериста. Выпадало ему в тяжелые дни отступления сколачивать из отбившихся от своих подразделений бойцов сводный отряд, водить этот отряд в контратаки. И быть может, с Иваном Ефимовичем Петровым роднила начарта дивизии также внутренняя готовность устремиться в решительную минуту в самое горячее место боя, не раздумывая, положено или не положено это ему по чину, — качество, которое военные люди, обладающие им, хорошо чувствуют друг в Друге.

Той ночью в Дальнике, после того как Петров и Гроссман обсудили практические вопросы использования огневых средств на следующий день, мы еще долго говорили об артиллерии и артиллеристах.

В боях последних дней сыграли большую роль батареи береговой обороны. Стационарных батарей в районе Одессы осталось три, и все они, что называется, под боком у Чапаевской дивизии — к югу от города. Когда 2 сентября враг пытался наступать на этом направлении широким фронтом, дальнобойная батарея старшего лейтенанта М. К. Куколева (она стояла у Сухого лимана) в течение шести часов вела огонь по дорогам неприятельских тылов, по выдвигавшимся к фронту колоннам пехоты. Изо дня в день открывала огонь по заявкам чапаевцев и самая мощная из действующих одесских батарей — 411-я.

В журнале боевых действий дивизии я нашел текст телефонограммы, переданной в те дни ее командиру капитану И. Н. Никитенко: "Вашим огнем очень довольны. Объявляю благодарность всему личному составу. Командир дивизии генерал-майор Иван Петров" (Иван Ефимович любил

подписываться так — полным именем).

Гроссман рассказывал, как крепко врос в боевую семью чапаевцев подвижный артдивизион капитана И. Б. Яблонского. Эта артиллерия, приданная дивизии от военно-морской базы, тоже считалась береговой, но, в сущности, была полевой: 76- и 122-миллиметровые орудия на тракторной тяге, способные быстро менять огневые позиции. Использовались они в боевых порядках пехоты.

— В полках к ним привыкли, считают своими, — говорил Фрол Фалькович. Сколько с их помощью отбито атак!.. Особенно в почете тридцать шестая батарея Дионисия Бойко.

Эта батарея формировалась уже во время войны. Почти весь личный состав из запаса, большинство — коренные одесситы. Командир — лейтенант Бойко был лектором обкома партии. Однако по выучке, по слаженности расчетов батарея не уступает кадровым. Много раз ей приходилось бить по наступающему противнику прямой наводкой. А однажды два расчета батареи, с которыми находился и командир, оказались отрезанными от своих и сутки просидели без пищи и воды. Но рубеж удержали и в конце концов заставили врага отступить.

— После этого лейтенант Дионисий Бойко стал в дивизии почти такой же популярной личностью, как наш Владимир Поликарпович Симонок! — заметил участвовавший в беседе бригадный комиссар П. Г. Степанов, военком Чапаевской.

Младший лейтенант Симонок — командир минометной батареи, имя которого стало у чапаевцев символом смелости и боевой удачливости. Прославился он еще в начале Одесской обороны, причем отнюдь не только умелым использованием своего основного оружия. Его батарея попадала в разные переделки — приходилось гранатами отбиваться от фашистских танков, вступать в рукопашные схватки с прорывающимися к огневой позиции вражескими солдатами. И из этих переделок минометчики всегда выходили с честью. Отважный командир увлекал бойцов в штыковые контратаки, первым полз с бутылкой с зажигательной жидкостью навстречу танку. Как и Бойко, Владимир Симонок пришел из запаса — он руководил колхозом на Черниговщине… Симонок отличился еще во многих боях, стал Героем Советского Союза.

Говоря об артиллеристах, вспоминали, конечно, и нашу главную полевую артиллерийскую силу — богдановский полк. В последнее время он часто переключался на поддержку войск в других секторах, но стоял полк тут, неподалеку, и чапаевцы знали, что в трудный час он всегда им поможет.

Военком дивизии спросил, слышал ли я, как с майором

Богдановым познакомился пленный румынский солдат.

Эта история передавалась из уст в уста, причем, как водится, в разных вариантах. Все они сводились к тому, что корректировщики 265-го артполка при каких-то обстоятельствах захватили пленного и доставили на полковой КП. Пленный дал показания о больших потерях от огня нашей артиллерии и неожиданно добавил: "Особенно страшно, когда стреляет Богданов". Майор Богданов находился тут же. Когда пленному объяснили, кто это такой, солдат, как утверждали рассказчики, надолго онемел.

Не ручаюсь, что все это было именно так. Но о том, что Богданов известен во вражеском лагере, свидетельствовали и имевшиеся у штабных разведчиков сведения о назначении за его голову награды в 50 тысяч лей.

Враг боялся нашей артиллерии, хотя сам имел ее под Одессой гораздо больше, не зависел от подвоза снарядов из-за моря и явно не экономил их.

Иван Ефимович Петров рассказывал, как удается избегать существенных потерь во время артиллерийской подготовки перед вражескими атаками:

— У них ведь все удивительно шаблонно. Первая атака — почти всегда в один и тот же час. И артподготовка тоже. Так что у нас в батальонах научились приспосабливаться. Как противник даст несколько пристрелочных очередей отводят большую часть людей по ходам сообщения во вторую траншею. В первой остаются только наблюдатели, да и они укрываются получше. А как артналет кончается, люди быстро возвращаются в первую траншею и отражают атаку. Больше потерь приносит тот беспорядочный огонь по всей глубине обороны, который обычно начинается после нескольких неудачных атак…

В последнее время, особенно с тех пор, как стало не так напряженно в Восточном секторе, чапаевцев чаще, чем другие соединения, поддерживает наш истребительный авиаполк. По просьбе генерала Петрова начальник связи армии соединил его напрямую с командным пунктом авиаполка, Иван Ефимович очень доволен этим — появилась возможность сообщать старшему вылетающей группы последние данные обстановки.

На днях в дивизию приезжал начальник штаба 69-го авиационного полка майор В. С. Никитин. Он обсудил с начальником штадива Чапаевской подполковником С. А. Васильевым практические вопросы взаимодействия, и у них родилась мысль снабдить летчиков закодированной картой полосы обороны дивизии. Такой почин можно было только одобрить.

Петров очень заботится, чтобы все, кто поддерживает его полки — с земли, с моря или с воздуха, знали, как важна эта помощь бойцам на переднем крае. Пользуясь по" явившимся прямым проводом, он передает в авиаполк и на береговые батареи короткие сердечные послания с выражением благодарности. Они адресуются командирам эскадрилий или тому, кто вел отличившуюся при штурмовке группу истребителей.

Летчики это ценят. Мне вспомнилось, как комбриг Кат-ров, рассказывая об участии "ястребков" в отражении "психической" атаки в Южном секторе, не преминул отметить:

— Ребята еще не успели сесть, а им уже благодарность пришла от генерала Петрова.

На штурмовки вражеской пехоты на поле боя, а также огневых точек и других наземных целей приходится теперь в истребительном полку Шестакова примерно половина всех вылетов. К плоскостям И-16 давно научились подвешивать бомбы обычно две осколочные по пятьдесят килограммов или четыре по двадцать пять (впоследствии на вооружении у наших летчиков появились и эрэсы — реактивные снаряды)" Сбросив бомбы, истребители с бреющего полета — пока не кончатся боеприпасы — разят врага огнем своих скорострельных пушек и пулеметов.

Но когда одни самолеты заняты штурмовкой, другим нужно прикрывать их от "мессершмиттов", которые в таких случаях быстро появляются над полем боя.

На днях чапаевцы видели из окопов, как "ястребок" из группы прикрытия вступил в бой с четверкой "мессеров". Одного сумел сбить огнем, другого таранил: очевидно, летчик понимал, что от этой четверки ему все равно не оторваться — другие наши самолеты были связаны боем в стороне. Затем от подбитого "ястребка" отделился парашют. Радуясь, что его относит к нашим позициям, бойцы выскакивали из траншей, бежали туда, где летчик должен был опуститься. Но опустился он уже мертвым — фашисты вели по парашютисту огонь…

Погибший на глазах у чапаевцев летчик оказался комиссаром эскадрильи старшим политруком Семеном Андреевичем Куницей — любимцем авиаполка. Немецкие самолеты, сбитые в тот день, были пятым и шестым на его личном боевом счету. Чапаевцы с почестями похоронили летчика в расположении своей дивизии.

Самоотверженные штурмовки летчиков помогают чапаевцам удерживать занимаемые позиции. Хорошо используется в Южном секторе и артиллерия. Однако та огневая сила, которая в большинстве случаев позволяет отражать вражеские атаки, не обеспечивает сейчас успеха даже самых скромных наступательных действий. Как ни обрабатывали артиллеристы клин у Ленинталя,

срезать его не удавалось. Орудия не всемогущи, если мало пехоты!..

Что же еще сделать, пока мы не можем подкрепить левый фланг армии какими-то стрелковыми частями? Об этом я упорно спрашивал себя, не мирясь с тем, что все возможности как будто уже использованы.

Командованию сектора мог сообщить пока лишь одно: в его распоряжение будет передан вступающий в строй новый бронепоезд. Завод имени Январского восстания обещал сдать его армии завтра-послезавтра.

Мужество граждан и доблесть солдат

Вторую неделю Одесса находилась под артиллерийским обстрелом. Вражеские снаряды долетали теперь уже до центра города. По телефону принимались такие донесения:

— Разорвался снаряд вблизи оперного театра. Убиты две женщины и ребенок, ранено трое…

Город притих. Резко сократилось движение на улицах. Только южные и западные кварталы Одессы оставались недосягаемыми для вражеских батарей.

Больше всего снарядов ложилось вокруг порта и непосредственно на его территории. Стоя у причалов, получили повреждения эсминец "Шаумян", один тральщик, портовый буксир. Лишь по счастливой случайности обходилось пока без жертв при погрузке на транспорты раненых, при посадке эвакуируемых женщин и детей (2 сентября отплыли на Большую землю 1680 воспитанников одесских детских домов).

Коллектив Одесского порта, возглавляемый его начальником П. М. Макаренко и военно-морским комендантом П. П. Романовым, уже давно жил жизнью воинской части. В свое время в порту, как и на всех предприятиях города, многие записались в истребительные батальоны. Но портовиков на передовую не послали для них фронтом стали знакомые причалы.

С середины августа около двухсот пятидесяти кадровых рабочих и инженерно-технических специалистов порта — в их числе было более ста коммунистов — находились на казарменном положении. Они трудились, не считаясь ни с какими нормами. С некоторых пор срочные работы не прекращались и во время налетов авиации, кроме особенно сильных. Команды разгружаемых судов обязаны при всех условиях оставаться на борту. И грузчики, портовые механизаторы тоже не уходили в убежища, продолжая свое дело.

Но и этим мужественным людям нелегко было привыкать к работе под орудийным огнем. Особенно когда выгружались боеприпасы…

Под непрекращающимся обстрелом шла 2 сентября разгрузка транспорта "Белосток". Потом к обстрелу прибавился и воздушный налет. Но никто из портовиков не покинул своего поста. Транспорт обработали на 40 минут раньше установленного жесткого срока.

Порт прикрывался дымовыми завесами. Это старое средство маскировки, помогающее скрывать маневры кораблей в морском бою, использовали теперь — и довольно успешно, — чтобы не

дать противнику корректировать откуда-либо огонь по причалам.

Решили также производить разгрузку транспортов и погрузку на них раненых по возможности в ночные часы.

Конвойная служба военно-морской базы стала соответственно планировать приход и уход судов. Противник, однако, быстро это обнаружил и начал вести особенно интенсивный обстрел по ночам. Но тут он неожиданно помог нам эффективнее организовать борьбу с обстреливающими порт и город батареями.

Главная беда заключалась ведь в том, что мы не знали точных мест, откуда ведется обстрел. Природные условия по обе стороны Большого Аджалыкского лимана благоприятны для маскировки батарей, и нашим летчикам никак не удавалось их обнаружить. Николай Кирьякович Рыжи высказывал предположение, что у этих батарей, может быть, вообще нет постоянных позиций — огонь ведут кочующие орудия.

Засечь дальнобойную вражескую батарею — впервые после того как одну из них ненадолго привел к молчанию "Ташкент" — удалось ночью.

Штурман стоявшего в гавани крейсера "Коминтерн" позвонил в штаб военно-морской базы и доложил, что он только что взял с мостика пеленг на вспышку орудийного выстрела, за которым последовал разрыв снаряда в порту. Начальник штаба базы, имевший прямую связь с 1-м морским полком, сразу позвонил туда и попросил, чтобы постарались запеленговать одну из следующих вспышек. Это тоже удалось. Пересечение двух пеленгов, взятых из разных точек, обозначило — конечно, весьма приблизительно — вероятное место стреляющей батареи или орудия.

По предполагаемой позиции неприятельских орудий ударила через город 411-я тяжелая береговая батарея. После третьего ее залпа обстрел порта прекратился. Он возобновился лишь через два часа, причем уже с какой-то другой позиции: в прежнем месте вспышки больше не наблюдались.

Вновь обнаружить и подавить батарею в ту ночь не удалось. Однако приобретенный опыт оказался полезным.

Утром моряки из штаба базы информировали меня, что у них и начальника гидрографической службы базы капитан-лейтенанта Б. Д. Слободника возникла идея оборудовать на высоких зданиях в северной части города теодолитные посты с необходимыми приборами, телефоном и рациями.

Три таких поста были развернуты за один день. И оттуда начали довольно точно обнаруживать по вспышкам выстрелов позиции неприятельских орудий. Выделенные для их подавления береговые батареи из дивизиона майора А. И. Дененбурга

немедленно получали координаты цели и открывали ответный огонь. Обычно хватало нескольких залпов, чтобы привести противника к молчанию.

Правда, через некоторое время обстрел возобновлялся. Но все же в порту, да и в городе стало по ночам спокойнее. Однако враг вернулся к дневным обстрелам, пресекать которые было труднее. С тех же постов на высоких зданиях пытались определять позиции батарей по облачкам дыма в момент выстрелов, но это получалось далеко не всегда.

Город и порт оставались под обстрелом. В Аркадии — курортном пригороде Одессы, и на Большом Фонтане, куда снаряды не долетали, спешно сооружались новые причалы. Однако они годились для швартовки судов не во всякую погоду. Да и могли ли эти причалы с неудобными подъездными путями заменить целый порт?

Просмотрев как-то донесение о разрушениях и жертвах, принесенных городу вражеским обстрелом за истекшие сутки, Георгий Павлович Софронов сердито сказал:

— Забрать у них нужно весь этот район вместе с пушками, которые они там понаставили! Другого тут ничего не придумаешь…

Командарм энергично обвел на карте участок по обе стороны Большого Аджалыкского лимана — за правым флангом нашего Восточного сектора.

У Софронова кроме меня был Н. К. Рыжи. Кажется, для нас обоих это прозвучало одинаково неожиданно. Такой выход из создавшегося положения, разумеется, был бы лучшим, что и говорить. Но речь шла о районе, который армия недавно оставила, не имея сил его удерживать. А подкрепления, полученные с тех пор, едва восполняли боевые потери. На что же рассчитывал командарм?

Вряд ли в тот момент Георгий Павлович мог знать о видах на существенное усиление армии в недалеком будущем. Однако в нем жила уверенность, что какие-то добавочные силы и средства мы все-таки получим. И мысль его работала над тем, как использовать, где приложить эти силы.

Вспоминая потом оброненную Софроновым фразу, я понял, что он тогда уже думал о контрударе в восточном направлении, ставшем для нас реальной возможностью примерно через две недели. Но до этого произошло еще немало событий.

Истекал первый месяц Одесской обороны. Месяц жизни большого города во вражеской осаде, Срок этот исчисляли тогда с введения осадного положения, приказ о котором вступил в силу 8 августа. Но уже с 6 сентября начались собрания и митинги,

посвященные месяцу боев под стенами города. Они проходили на всех предприятиях, которые продолжали действовать, в кинотеатрах, где собирались жители соседних улиц, в клубах. И на каждое собрание горожане требовали представителя армии — командира или бойца.

Руководители городской партийной организации просили, чтобы представители приморцев, выступающие перед коллективами трудящихся, по возможности подробнее знакомили их с тем, как идут бои на одесских оборонительных рубежах. На собрания посылали, конечно, таких бойцов и командиров, которым было что сказать о собственных боевых делах. Но в какой-то мере каждый из них отчитывался перед жителями города за всю Приморскую армию.

Насколько задержали бои под Одессой фашистское наступление на Донбасс и Крым — это стало ясно позже. Но мы и тогда пытались дать отчет — прежде всего самим себе — в том, какой урон сумели нанести фашистским захватчикам, какие силы не пустили дальше на восток.

В сентябре были основания считать, что на подступах к Одессе разгромлено уже несколько неприятельских дивизий. Если некоторые из них и появлялись вновь перед нашим фронтом, то лишь потому, что неоднократно пополнялись и доукомплектовывались.

Конечно, находясь в обороне, трудно точно определять нанесенный врагу урон. Называя те или иные цифры, мы подчас ошибались. Однако, пожалуй, не так уж сильно. Об этом говорят данные, ставшие впоследствии известными из трофейных документов, в которых подсчитал свои потери сам противник.

В боях за Одессу участвовало до двадцати неприятельских дивизий. К началу войны в каждой из них насчитывалось от 13 до 14 тысяч солдат и офицеров. А общие потери (убитыми, ранеными, пленными), например, в 6-й пехотной дивизии составили 20132 человека, в 14-й пехотной — 18 001, в 13-й и 15-й — более чем по 16 тысяч. Из остальных лишь три дивизии потеряли меньше половины своего первоначального численного состава.

Эти данные, как говорится в румынском документе, относятся к периоду с начала войны до конца операции под Одессой. Но из итогового счета неприятельских потерь, без сомнения, немало пришлось на первый месяц осады города.

Если мы говорили тогда, что под стенами Одессы выведены из строя десятки тысяч вражеских солдат и офицеров, это соответствовало действительности. И уже одиннадцать — двенадцать дивизий, принадлежавших к шести армейским

корпусам, было сковано боями на рубежах нашего плацдарма, отвлечено от остального фронта.

Похоже было на то, что и враг по-своему отмечает эти дни, очевидно напоминавшие ему о сорвавшихся планах и сроках. Мстя городу за свои неудачи, фашистское командование бросало на Одессу десятки бомбардировщиков. 7 сентября бомбы разрушили несколько жилых домов в центре и терапевтическую клинику, на следующий день — один из корпусов университета, часть здания вокзала и обувную фабрику. Поврежден был Дворец пионеров, возникло много пожаров. В порту аварийные команды героическими усилиями спасли получивший пробоины во время разгрузки транспорт "Ташкент" — тезку приходившего к нам лидера.

Но злобные и бессмысленные удары с воздуха по городским кварталам не могли сломить волю и мужество людей, в чей каждодневный быт уже вошли и артиллерийский обстрел, и карточки на воду, и дежурства около уличных баррикад. Массированные налеты не вызвали смятения, не остановили работы предприятий. На "Январке", в цехе, где превращали тракторы в танки, шло рабочее собрание. Наши товарищи, находившиеся там, рассказывали: когда начался налет, к выходу поспешили лишь бойцы МП ВО — им надо было занять свои посты.

9 сентября состоялся общегородской митинг. Выступали секретарь горкома партии Н. П. Гуревич, дивизионный комиссар Ф. Н. Воронин, а затем рабочие, инженеры, домашние хозяйки. Все они были теперь не просто жителями Одессы, но и ее защитниками, и каждый говорил о том, что делает для обороны города его завод, цех, дом, подъезд. От имени трудящихся Одессы митинг принял письмо Центральному Комитету партии с клятвой защищать город до последней капли крови. Были приняты также обращения к ленинградцам и киевлянам, которых война поставила перед такими же суровыми испытаниями.

А в воинские части приходили коллективные письма с одесских предприятий. Они были одновременно и приветствиями, и наказами бить врага еще крепче. Подписи под этими посланиями стояли главным образом женские. И это еще раз напоминало бойцам, кто изготовляет для них минометы и гранаты, печет хлеб, кто возводит вместе с солдатами стройбатов новые линии укреплений и тушит в городе фашистские "зажигалки". Из 50 тысяч человек, трудившихся на предприятиях Одессы в сентябре, более трети составляли вчерашние домохозяйки, студентки, школьницы, пришедшие в цеха за время обороны. Тысячи женщин изо дня в день выходили на

строительство оборонительных рубежей, дежурили в командах МПВО.

Немало одесских женщин и девушек было и непосредственно на фронте. Причем не только в качестве медицинских сестер. В истребительных батальонах, которые еще в августе выводились на передовую, а затем вливались в регулярные войска, были и девушки-бойцы. Имена некоторых из них теперь знали — прежде всего благодаря нашей армейской газете "За Родину" — едва ли не все приморцы.

Кто в нашей армии не слышал, например, про Нину Онилову? Впрочем, иногда ее называли не Ниной, а Анкой. Комсомолка с одесской трикотажной фабрики попала в Чапаевскую дивизию, была там медсестрой, а потом, освоив пулемет, добилась, чтобы ей доверили это оружие. Тогда она и стала для своих боевых товарищей новой Анкой-пулеметчицей: так звали бесстрашную девушку, знакомую всем по фильму "Чапаев".

Эта новая Анка-пулеметчица не раз изумляла своим бесстрашием даже видавших виды бойцов. Воевала она и в экипаже одного из одесских танков. Нина Онилова истребила сотни фашистов. Под Одессой она была ранена и эвакуирована в тыл. Но после госпиталя добилась направления в Приморскую армию, сражавшуюся уже под Севастополем.

В сентябре уже знали на одесских рубежах и Людмилу Павличенко. Студентка Киевского университета, историк по специальности, она стала одним из лучших снайперов нашей армии. Счет уничтоженных ею вражеских солдат и офицеров дошел за время Одесской обороны до внушительной цифры — 187.

Одесское ополчение, вливавшееся в части армии или сражавшееся плечом к плечу с ними, дало и массу других неустрашимых бойцов — и мужчин, и женщин.

Несколько лет назад, когда в Одессе собирались ветераны обороны, секретарь обкома ЛКСМУ тех дней Н. Оленович рассказала в своем выступлении, как дралась с врагом группа молодых патриотов, мобилизованных на фронт комсомолом.

Среди них были грузчики морского порта Николай Капустянский, Иван Полозов и Тихон Коляда, парикмахер Александр Песецкий, рабочий табачной фабрики Николай Дорохов, Семен Трунов с канатного завода, рабочий Лев Руднев, модистка из ателье Нина Воскобойник… Они отбили на своем участке шестнадцать вражеских атак, теряя каждый раз кого-нибудь из товарищей. В конце концов в окопе остались в живых двое — Лев Руднев и Нина Воскобойник. У них кончились патроны, оставалось лишь несколько гранат. Руднев собрал

комсомольские билеты погибших, присоединил к ним свой и, как старший, приказал девушке: "Ползи к нашим и скажи, что мы честно сражались до последнего вздоха". Сам он встретил последними гранатами приближавшийся фашистский танк.

Мне кажется, один такой эпизод способен дать представление о том, как защищали свой город вчерашние его мирные жители, об атмосфере героической самоотверженности, царившей на одесских рубежах.

И пусть меня правильно поймут те, кто был тогда не ополченцем, а красноармейцем, служившим еще до войны или призванным из запаса: о подвигах народных добровольцев я говорю сейчас не потому, что они сражались лучше кадровых солдат.

Подвиги, совершавшиеся под Одессой красноармейцами и краснофлотцами, поистине неисчислимы, и в этой книге я старался, как мог, показать, что значили они на нашем участке фронта.

Но солдата подготавливает к проявлению мужества вся армейская служба. Его доблесть в бою — это честно выполненный воинский долг. А когда на такую же доблесть способны люди, недавно еще и не думавшие, что им придется драться с врагом, это говорит о еще большем. В конечном счете — о том, что такой народ никому и никогда не одолеть.

Охваченные тревогами и заботами дня, отрезанные от Большой земли, мы подчас не успевали сознавать, как само имя Одессы становится для страны символом стойкости и непреклонности в борьбе с врагом. Помню, как, услышав по радио передовую "Правды", я был взволнован словами о том, что среди бесчисленных подвигов, уже совершенных нашими людьми в Отечественной войне, оборона Одессы, так же как Ленинграда и Киева, является изумительным проявлением массового героизма.

Московские газеты приходили к нам нерегулярно, о большим опозданием. Не знаю, попал ли вообще мне в руки тот номер "Правды". Но передовая, услышанная по радио, дала почувствовать, какое внимание стали привлекать события на нашем маленьком — в масштабах всего театра войны — участке фронта.

В те дни Одесса узнавала, что за ее борьбой следят и в других концах земли. Пришла к была опубликована в местной печати телеграмма, принятая на рабочем митинге в английском городе Бристоле. "Мы с вами в этой замечательной борьбе против общего врага, — говорилось в ней, — ибо знаем, что счастье, прогресс и прочный мир для всего человечества могут быть достигнуты только после уничтожения фашизма". Прислал приветствие

защитникам Одессы и гарнизон Тобрука — крепости, осажденной фашистами в далекой Африке. "С гордостью, с затаенным дыханием следим за вашей мужественной борьбой", — телеграфировал из Лондона от имени советской колонии полпред И. И. Майский.

А колхозники Ставрополья (тогда — Орджоникидзевский край) сообщали, что отправляют в подарок Одессе через Новороссийский порт первую тысячу тони картофеля нового урожая. Высылали свои подарки городу и хлеборобы Дона. Московское радио транслировало одесские передачи. Большая советская земля давала почувствовать защитникам осажденного города, что она с ними.

* * *

В это время к нам поступила довольно значительная партия оружия: 5 тысяч винтовок, 150 станковых и 200 ручных пулеметов, 300 автоматов, 120 минометов крупных калибров с тремя боекомплектами мин.

Получив приказ доставить это вооружение в Одессу, флот выполнил его с наивозможной быстротой, как и в августе, когда в первый раз перевозились морем снаряды. С оружием и очередной партией боеприпасов вышли из Севастополя лидер "Харьков" и эсминец "Дзержинский". "Харьков" шел под флагом командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского.

Прибытие кораблей было спланировано ночью, и принимались все возможные меры, чтобы уберечь их от огня вражеской артиллерии. Действовала описанная уже мной система теодолитных постов. С наступлением темноты вышли на позиции в Одесском заливе два находившихся в базе эсминца. Их задача состояла в том, чтобы связать боем неподавленные батареи, отвлечь огонь от порта при приближении к нему отряда, следующего из Севастополя.

Надо сказать, что к этому времени общее число дальнобойных орудий, обстреливавших город и порт из окрестностей Большого Аджалыкского лимана, увеличилось, по подсчетам наших артиллеристов, до 36–38 и приводить их к молчанию, хотя бы на короткое время, становилось все труднее. В данном случае все осложнилось тем, что корабли задержались на переходе из-за какой-то неисправности и подошли к Одессе ранним утром, когда уже рассвело. "Харьков" и "Дзержинский" шли противоартиллерийским зигзагом, прикрываясь дымовыми завесами, но дым относило ветром.

Противник сосредоточил на фарватере, ведущем в порт, огонь по меньшей мере трех батарей. Корабли прорывались на большом ходу. "Харьков" имел мелкие повреждения от осколков,

несколько человек из палубной команды были ранены. Так что командующий флотом мог, еще не сойдя на берег, получить представление об одесской обстановке. Контр-адмирал Г. В. Жуков и члены Военного совета ООР встретили вице-адмирала Ф. С. Октябрьского на причале.

Напряженными были и последующие часы. Береговым батареям и кораблям никак не удавалось подавить орудия, обстреливающие порт. На причалах, окутанных дымовыми завесами, шла спешная выгрузка боеприпасов и оружия прямо в кузова машин. Заранее сосредоточенные в районе порта, они подавались к борту кораблей и быстро выезжали с грузом из зоны обстрела.

В общем все обошлось благополучно. Драгоценный груз с Большой земли был получен приморцами сполна.

Оружие и боеприпасы (снаряды прибывали на морских транспортах и следующей ночью) поспели вовремя. Мы не придавали слишком большого значения тому, что бухарестское радио в открытую возвещало о намерении взять Одессу к 10 сентября. Но было много признаков подготовки противника к новому наступлению, причем, возможно, с разных направлений одновременно.

К отражению новых вражеских ударов тщательно готовился штаб артиллерии. Стараясь учесть возможные варианты ожидаемого наступления, полковник Рыжи и майор Васильев предусмотрели еще более широкий, чем до сих пор, маневр огнем дивизионной и армейской артиллерии, береговых батарей.

В сложившейся обстановке особенно серьезную опасность представлял неприятельский клин на нашем левом фланге, у Ленинталя. Вечером 9 сентября генерал-майору Петрову от имени командарма было передано, что необходимо срезать этот клин в течение следующего дня, используя все имеющиеся силы и средства. Одновременно войскам Восточного и Западного секторов ставилась задачи улучшить на отдельных участках свои позиции, овладеть некоторыми высотами. Расчет был на то, чтобы этими активными действиями в какой-то мере упредить удары противника.

В ночь на 10 сентября продолжался методический обстрел города, немецкие самолеты сбросили на Одессу около тридцати фугасных бомб. Однако атак против наших позиций, как в прошлые ночи, враг не предпринимал, и на несколько часов на фронте установилось затишье.

Утром бои возобновились. Кое-где наступательные действия оказались встречными, на ряде участков инициатива была полностью в наших руках. Левофланговые батальоны дивизии

Коченова продвинулись вперед между Куяльницким и Хаджибейским лиманами. Выравнивала свой фронт, выбивая вклинившегося мостами противника, дивизия Воробьева. Но из Южного сектора утешительных известий не поступало: новые попытки чапаевцов ликвидировать выступ в районе Ленинталя успеха не имели. У противника появилась здесь еще одна дивизия-10-я пехотная, которую он, по-видимому, вводил все в тот же клин, готовясь расширять прорыв.

Все это было подготовкой к наступлению крупными силами, которого мы ждали. Началось оно 12 сентября. Удар наносился и с южного направления, и с западного.

Но прежде чем говорить о новых боях, следует немного подробнее рассказать, что представляла собой к тому времени Приморская армия.

С 30 августа по 2 сентября в Одесском порту высадилось десять маршевых батальонов — 10 тысяч бойцов. За неделю, с 5 по 12 сентября, мы получили еще пятнадцать батальонов. Общая численность пополнения, прибывшего с Большой земли за две недели, составила 25 350 человек.

По соединениям люди распределялись с учетом понесенных там потерь. Двадцать пять тысяч новых солдат, влившихся в Приморскую армию, позволили на некоторое время приблизить состав основных боевых частей к штатным нормам и даже создать небольшие резервы.

Но на то, чтобы сформировать недоставший в 421-й дивизии стрелковый полк, людей уже не хватило. И общая численность войск, обороняющих одесские рубежи, не увеличилась по сравнению с тем, что мы имели месяц назад: с тех пор армия потеряла около 20 тысяч человек только ранеными.

В первых маршевых батальонах бойцы были, что называется, отборные (недаром ими так восхищался генерал

Воробьев). Но посылать в Одессу только таких красноармейцев Большая земля, очевидно, не могла. В следующих эшелонах стали попадаться люди, совсем не обученные военному делу. И чем дальше, тем больше обнаруживалось таких.

Штарм не имел, разумеется, возможности предварительно проверять подготовленность пополнения. Ко времени прибытия транспортов в порт вызывали представителей частей, которые тут же принимали выделенные им контингенты, сажали солдат на машины или вели их к фронту в пешем строю. Обычно в тот же день новые бойцы попадали на передовую.

И вдруг стали поступать тревожые сигналы. Капитан Ковтун-Станкевич доложил командиру дивизии, а тот сообщил в штарм,

что в полку оказались люди, никогда по державшие в руках винтовки. О том же докладывал в поарм начальник политотдела Чапаевской дивизии Н. Л. Бердовский. Так возникла новая проблема.

Возвращать из соединений необученных запасников все-таки не сталп. Поручили командирам дивизий и полков организовать занятия с ними в своих тылах. В конце концов командиры частей были кровно заинтересованы в том, чтобы эти люди как можно быстрее стали мало-мальски умелыми солдатами.

На будущее же узаконили такой порядок. Приняв в порту пополнение, представители частей были обязаны немедленно выяснять путем опроса, кто из красноармейцев не знает винтовки, никогда из нее не стрелял, кто никогда не держал в руках гранату. Таких солдат строили отдельно, и по пути к фронту они проходили "школу на марше" — так окрестил кто-то нехитрую систему обучения, подсказанную обстановкой.

В заранее намеченных пунктах, на подходящей местности устраивались привалы. Привалы не для отдыха-для занятий. Встречать пополнение посылали сержантов или старослужащих красноармейцев, способных доходчиво преподать новичкам основы военной грамоты. Они и становились на этих привалах учителями своих новых товарищей.

Учили самому необходимому — как держать винтовку, как заряжать, как целиться и производить выстрел. Все это чисто практически, с боевой стрельбой по расставленным целям. Каждый получал также возможность метнуть не только учебную, но и боевую гранату (это оружие, производимое в Одессе, имелось в достатке).

Три-четыре учебных привала — вот и вся школа. Но прошедшие ее люди уже не вздрагивали от собственного выстрела, не страшились взять в руки гранату. А главное-начинали верить, что сумеют быстро перенять у товарищей то, чего еще не знали. Конечно, распределять этих красноармейцев по взводам, по отделениям требовалось продуманно — так, чтобы рядом оказались бывалые бойцы.

Еще раньше возникла необходимость организовать учебу новых командных кадров.

Для замены выбывавших из строя командиров взводов, рот, батальонов мы взяли всех, кто для этого годился, из армейских тылов, из начсостава хозяйственных подразделений. Смело выдвигали на должности среднего комсостава опытных сержантов и отличившихся красноармейцев вроде пограничника Афанасьева. Многим из них звание младшего лейтенанта присваивалось просто по представлениям командиров частей, где

говорилось, что они уже фактически командуют взводами. Их командирской школой было поле боя.

Но других кандидатов на выдвижение все-таки следовало хоть немножко подучить в более спокойной обстановке. И пришлось вспомнить, что в штарме как-никак существует отдел боевой подготовки, хотя его работники давно уже использовались в основном как офицеры связи. Отделу поручили составить программу предельно краткосрочных курсов младших лейтенантов и открыть такие курсы.

В сентябре курсы работали уже полным ходом. Выпуски производились каждые десять дней. И нередко через день-два фамилии молодых командиров фигурировали в боевых донесениях, где отмечались отличившиеся подразделения.

Курсы дали частям более трехсот новых командиров взводов. А всего в Одессе было произведено в младшие лейтенанты около семисот сержантов, красноармейцев и краснофлотцев. Разумеется, они во многом уступили лейтенантам, прошедшим нормальную подготовку. Но к службе относились ревностно, воевали самоотверженно и, за единичными исключениями, справлялись со своими обязанностями.

Однако командных кадров все же не хватало. За один месяц 95-я дивизия потеряла (главным образом за счет ранений) три штатных состава командиров взводов и рот. Причем часто заменить выбывшего можно было только сержантом. Некомплект командиров имели и все штабы. К середине сентября в дивизиях недоставало почти половины командного состава.

Еще 3 сентября Военный совет ООР счел необходимым довести до сведения Верховного Главнокомандования, что маршевые батальоны лишь восполняют боевые потери частей, что нехватка техники и людей, особенно командного состава, снизила боеспособность войск и они не в состоянии оттеснить противника из районов, откуда обстреливается город. Чтобы отбросить врага назад и держать Одессу вне обстрела, говорилось в телеграмме, посланной в Ставку, нужна еще одна хорошо вооруженная дивизия.

В тот день, когда в Одессе находился вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, состояние обороны обсуждалось на заседании Военного совета ООР с его участием. Мы узнали тогда одну новость: моряки получили от своего наркома задание разработать операцию по высадке десанта в районе Большого Аджалыкского лимана, с тем чтобы улучшить положение в Восточном секторе. Для этого флот готовил специальную часть морской пехоты, которая должна была затем влиться в Приморскую армию.

Задуманная операция держалась в строгом секрете, и

информация, данная о ней руководящему составу Одесской обороны, была весьма ограниченной. Сроки пока не назывались. Представителями армии было, однако, высказано мнение, что десант по-настоящему оправдал бы себя, очевидно, лишь в сочетании с наступлением со стороны плацдарма. А для этого опять-таки требовались дополнительные силы.

Высказывалось и такое соображение: не целесообразнее ли просто перебросить в Одессу предназначенную для десанта часть — полк или морскую бригаду? Но у моряков было предрешено, что следует высадить именно десант. Он должен был стать первым десантом на Черном море в Отечественную войну, и, очевидно, командованию флота, да и наркому требовалось на этой операции многое проверить.

* * *

Утром 12 сентября противник после сильной артподготовки перешел в наступление в полосе чапаевцев.

Используя имевшийся на линии фронта выступ, срезать- который у нас не хватало сил, враг наносил оттуда основной удар в направлении Дальника. Но упорные бои развернулись на всем левом фланге армии, а вслед за тем и на центральном участке обороны.

Неприятельское командование, вероятно, сделало все, что могло, чтобы на этот раз обеспечить решающий успех. Только против нашего Южного сектора были сосредоточены пять румынских пехотных дивизий (часть — во втором эшелоне) и кавалерийский полк. Имелись сведения, что тут есть и немецкие батальоны. Плотность артиллерии доходила на некоторых участках до 80 орудий на километр фронта.

В предшествовавших наступлению приказах (нам они стали известны позже) Антонеску требовал от 4-й армии реализовать наконец свое численное превосходство над защитниками Одессы. Фашистский правитель выражался довольно — откровенно: "Разве не постыдно, что наше войско, в четыре-пять раз превосходящее числом и снаряжением противника, столько времени топчется на месте?"

Чапаевцы и их соседи по Южному сектору — полки 2-й кавдивизии оборонялись стойко. Их поддерживали черноморские бомбардировщики и наши "ястребки", богдановский артполк, береговые батареи, два бронепоезда. С моря вел огонь пришедший накануне в Одессу крейсер "Красный Кавказ".

В первые часы наступления противнику удалось потеснить правый фланг 287-го стрелкового полка. Но массированный огонь нашей артиллерии и контратаки позволили полку вернуться к исходу дня на прежний рубеж. Полностью удержал свои позиции

и 7-й кавалерийский полк. Двум другим полкам Южного сектора пришлось немного отойти.

День был очень тяжелым и для города: натиск на фронте сопровождался усиленными налетами авиации на Одессу. Истребители и зенитчики сбили четыре фашистских бомбардировщика, но многим удалось прорваться к центру.

В суточной сводке о жертвах среди гражданского населения появились такие цифры, каких еще не было ни разу: убито 129, ранено 162 человека…

Еще во время первого налета, рано утром, стали поступать донесения о том, что отдельные самолеты сбрасывают на парашютах мины. Одна взорвалась на кладбище, другая — на улице. Такие мины образовывали огромные воронки и производили разрушения в радиусе до двухсот метров. На сушу, однако, попало немного мин — остальные опускались в море. Это создавало новые опасности для приходящих в Одессу кораблей. Но в то же время могло расцениваться и как признание противником его просчетов. До сих пор гитлеровцы мин у Одессы не сбрасывали, — должно быть, полагали, что порт быстро окажется в их руках. А теперь, видно, враг не очень на это надеялся. Несмотря даже на то, что начал новое наступление на Одессу на широком фронте!

Наступление продолжалось 13 сентября и в последующие дни. Все усилия приморцев направлялись на то, чтобы держаться на каждом рубеже до последней возможности.

Но удержать наличными силами весь фронт Южного сектора при таком нажиме армия не могла. Если еще удавалось прикрывать Дальний и шоссе, которое вело прямо к Одессе, то южнее противник медленно, но неуклонно продвигался вперед, вгрызаясь в нашу оборону. Над левофланговым 31-м полком Чапаевской дивизии нависала реальная опасность окружения.

Опять, как три недели назад, когда пришлось решать вопрос о Чебанке, настало время чем-то поступиться. Иначе могло возникнуть положение, при котором уже никакие меры не помогли бы удержать фронт. Тем более что осложнилась обстановка и в Западном секторе — враг потеснил там два полка дивизии Воробьева.

14 сентября командующий Приморской армией отдал приказ об отходе левофланговых частей Южного сектора на рубеж Сухого лимана. Военный совет ООР единодушно пришел к выводу, что это представляет единственную возможность удержать и укрепить фронт на южном направлении, не допустить здесь прорыва главного рубежа обороны.

Полоса Чапаевской дивизии значительно сокращалась.

Появилась возможность уплотнить боевые порядки, сосредоточить на решающих участках больше артиллерийского огня. Полк Мухамедьярова выводился в армейский резерв, крайне нам необходимый.

Но в оперативном отношении преимущества получал противник. Береговая линия нашего плацдарма суживалась до 30 километров. Это чрезвычайно ограничивало возможность маневрирования кораблей на подступах к Одессе и практически исключало возможность входа судов в порт в дневное время.

Другое, не менее тяжелое, последствие отхода левого крыла армии состояло в том, что после этого враг мог начать артиллерийский обстрел города также и с южной стороны. И наконец, сам факт значительного приближения фронта к городу еще на одном участке таил в себе опасность всяких неожиданностей и внезапных осложнений. Напомню, что Сухой лиман — это район нынешнего Ильичевска, нового морского порта, ставшего практически составной частью Одессы.

В тот же день, 14 сентября, Военный совет ООР послал телеграммы одинакового содержания Верховному Главнокомандующему, наркому Военно-Морского Флота и Военному совету Черноморского флота. В них докладывалось о создавшемся под Одессой положении и о том, что противник подводит к городу новые дивизии. Заканчивались телеграммы так: "Для обеспечения устойчивости фронта необходима одна стрелковая дивизия, а также дальнейшее пополнение маршевыми батальонами".

Руководители Одесской обороны отдавали себе отчет в том, что общая обстановка на юге не улучшилась с тех пор, когда нам отказывали в выделении дивизии. Прислать ее сейчас в Одессу было, вероятно, еще труднее, чем раньше. И все же Военный совет ООР не мог не повторить свою просьбу еще раз. Без свежих боевых сил нага фронт, напряженный, как натянутая до предела струна, и проходящий местами всего в 10–15 километрах от города, мог не выдержать очередного натиска врага.

* * *

Ответ из Москвы пришел меньше чем через сутки. Он был совершенно необычным.

Вызвав меня к себе по внутреннему телефону, Гавриил Данилович Шишенин протянул бланк с короткой телеграммой, которую только что передал ему контр-адмирал Жуков.

Депеша, адресованная командованию оборонительного района, гласила:

"Передайте просьбу Ставки Верховного Главнокомандования бойцам и командирам, защищающим Одессу, продержаться 6–7

дней, в течение которых они получат подмогу в виде авиации и вооруженного пополнения. И. Сталин".

Мы не раз получали от старших начальников телеграфные приказы, в которых вновь и вновь повторялось требование "Ни шагу назад". Но такой телеграммы я еще не видел. Должен сказать, что и в дальнейшем ходе войны к войскам, в которых я служил, Верховное Главнокомандование никогда не обращалось в такой форме.

Ставка ничего не приказывала. Ставка просила защитников Одессы продержаться еще неделю, обещая прислать за это время помощь.

Верховное Главнокомандование нашло верный способ морально поддержать защитников Одессы. Такая просьба значила больше, чем любой приказ. И хотя положение на нашем фронте стало за последние сутки еще более трудным, чувствовалось: люди как-то приободрились, воодушевились.

А через несколько часов после получения этой телеграммы стало известно, что обещанная подмога, вероятно, начнет прибывать раньше указанных сроков. Черноморский флот получил от Ставки приказание перебросить в Одессу из Новороссийска 157-ю стрелковую дивизию. Для этого туда стягивались из других портов самые быстроходные транспорты. Для перевозки дивизии разрешалось использовать и боевые корабли.

16 сентября первый эшелон 157-й дивизии уже грузился в Новороссийске на суда. Помощь была близка. Но события на нашем плацдарме принимали такой грозный характер, что порой закрадывалась тревожная мысль: как бы эта помощь не опоздала.

Говоря в свое время о том, как в конце августа противник чуть не прорвался к дамбе у Пересыпи, я назвал те дни критическими для Одесской обороны. Критическими, безусловно, были и несколько дней в середине сентября. Только теперь нависла угроза прорыва с противоположного направления.

Противник занял на нашем левом фланге западный берег Сухого лимана (дамбу, соединявшую его берега у моря, мы взорвали), а главный удар наносил тремя пехотными дивизиями и группами танков в общем направлении Вакаржаны, Дальник. Войска Южного и Западного секторов отбивали этот удар общими силами.

Хорошо, что у артиллеристов были снаряды! Мы теперь часто опасались, что очередная их партия не дойдет до батарей, даже когда транспорт, прибывший из Крыма, уже стоял в порту. Однажды потребовалось спланировать целый комбинированный удар ради того, чтобы обеспечить разгрузку одного судна: трем

кораблям, двум береговым батареям и группе самолетов ставилась задача хотя бы на короткое время заставить замолчать вражеские дальнобойные орудия, обстреливавшие порт. И удалось это лишь частично. Выгрузка боеприпасов производилась с предельной быстротой — прямо в кузова машин, подходивших одна за другой к борту судна.

Но раз снаряды были, артиллерия, гибко управляемая, показывала всю свою силу. Однако сказывалась, несмотря на сокращение фронта в Южном секторе, нехватка людей в окопах, в пехоте. За первые дни большого сентябрьского наступления противник успел нанести армии ощутимый урон. В батальонах 90-го стрелкового полка майора Белюги оставалось по пятьдесят — шестьдесят штыков. Почти такое же положение создалось в 287-м стрелковом, только недавно пополненном.

На восточном направлении враг несколько поутих (на отдельных участках между лиманами он, как докладывал полковник Коченов, ставил проволочные заграждения). Пользуясь этим, мы вслед за кавполком Блинова взяли оттуда на усиление Западного и Южного секторов некоторые подразделения 421-й дивизии.

Но этим было не обойтись. И хотя Военный совет ООР уже приходил к заключению, что возможности пополнения армии за счет населения Одессы исчерпаны, приходилось вновь изыскивать резервы в городе. На фронт шли подразделения милиции, пожарники, зачислялись в регулярные войска те бойцы истребительных батальонов, которые до сих пор совмещали дежурства у городских баррикад с работой на производстве, в учреждениях. Настало время, когда Одесса посылала на оборонительные рубежи практически всех граждан, способных держать в руках оружие. И многие из них отдали за свой город жизнь.

В записях Василия Фроловича Воробьева, относящихся к этим дням, я нашел такие строки:

"…Сообщили, что убит комиссар резерва, введенного в бой на участке 161 сп, тов. Власов. В последний раз я его видел, когда он представлял мне роты своего батальона. Широкоплечий, настоящий пролетарий… Пуля пробила каску. Перед боем он сказал красноармейцу: "Если меня убьют, возьми мой партийный билет…"

Вспоминая тот период обороны, я ловлю себя на мысли, что героическое воспринималось уже как совершенно естественное. А границы возможного и невозможного часто переставали соответствовать прежним представлениям.

Однажды поздно вечером я выяснял, каковы реальные боевые

ресурсы истребительного авиаполка, на что можно рассчитывать завтра утром. Доклад, полученный с КП полка, гласил: самолетов, готовых к вылету, пять, остальные имеют повреждения и требуют ремонта.

Я знал, что ремонт будет идти и ночью — технический персонал, возглавляемый инженером полка Н. Я. Кобельковым, не уходил с аэродрома сутками. Сколько-то машин за ночь техники вернут в строй. Но сколько? Еще пять?..

Утром майор Шестаков доложил, что к выполнению боевых заданий готовы двадцать три самолета. Конечно, я очень обрадовался, но, кажется, не особенно удивился, принял это сообщение как должное. Журнал боевых действий армии свидетельствует, что эти двадцать три машины сделали в тот день 104 вылета и оказали частям большую помощь в отражении вражеских атак.

Напомню, что речь идет о самолетах, материальная часть которых считалась бы раньше вообще непригодной к дальнейшей эксплуатации не только из-за боевых повреждений, но и потому, что на большинстве машин давно выработала свои ресурсы. Каких усилий стоило инженерам и техникам вновь и вновь возвращать эти машины в строй! И сколько мужества, особого мастерства требовалось от летчиков, чтобы на них воевать!

Если бы было у нас побольше даже таких самолетов! Появление их над полем боя, штурмовки неприятельской пехоты с бреющего полета нередко производили такой эффект, что в телефонные доклады с наблюдательных пунктов врывались "неделовые" фразы: "Пехота кричит "ура". ' Из окопов кидают в воздух каски!" После удачной штурмовки противник, как правило, долго не мог начать новую атаку.

А если самолет, только что наносивший удары по врагу, попадал в беду, пехотинцы готовы были на все, чтобы выручить летчиков.

В сентябре было два случая вынужденных посадок поврежденных самолетов между нашими и вражескими окопами. Один раз это произошло с флотским бомбардировщиком. Едва дотянув до ничейной полосы, он приземлился ближе к переднему краю противника, чем к нашему. Три члена экипажа — все раненные — с трудом выбрались из машины. Из неприятельских траншей поползла к самолету группа солдат. Но путь фашистам преградила завеса разрывов — открыла огонь наша минометная батарея. И красноармейцы уже бежали по полю выручать летчиков. Экипаж бомбардировщика был спасен. Это произошло на участке 31-го стрелкового полка, в батальоне капитана Петраша, смелого командира, не раз отличавшегося при

отражении танковых атак.

В другой раз на ничейной полосе оказался подбитый "ястребок" нашего одесского полка. Тогда удалось спасти не только летчика, но и самолет. Ради того, чтобы подтащить его к своим позициям, бойцы ходили в атаку. Авиационные техники отремонтировали самолет, и он снова поднялся в воздух. Летчик, спасенный в тот раз, — лейтенант А. В. Алелюхин — стал впоследствии одним из известных советских асов, дважды Героем Советского Союза.

Пожалуй, не меньше, чем штурмовки авиации, воодушевляло пехоту появление на поле боя наших танков. В сентябре Приморская армия имела уже танковый батальон под командованием старшего лейтенанта Юдина. Все танки в батальоне были либо восстановленные, либо переделанные из тракторов, а танкисты в основном доморощенные. Но батальон показал себя реальной боевой силой. Там, куда посылалось несколько танков, бойцы увереннее шли в контратаку.

Мы не предпринимали больше таких контратак, как в конце августа в Восточном секторе, когда надо было во что бы то ни стало остановить 13-ю и 15-ю дивизии противника, зашедшие слишком далеко, и навстречу наступающему врагу поднимались со штыками наперевес целые полки. Сейчас для крупных контратак просто не было сил. А атаки небольшими подразделениями часто не достигали цели. Прибегать к ним следовало очень осмотрительно, расчетливо.

Но без контратак нельзя было обойтись там, где противнику удавалось обычно в стыке каких-нибудь подразделений — вклиниться в нашу оборону. Теперь, когда на левом фланге передний край находился кое-где в десяти километрах от города, клинья стали особенно опасными.

* * *

С середины сентября начался артиллерийский обстрел Одессы с юга, из-за Сухого лимана. Правда, он был не таким, как из района северных лиманов, наугад, без корректировки. Однако снаряды залетали теперь и к запасным причалам на Большом Фонтане, и в те кварталы города, которые были недосягаемы для вражеских батарей, стоявших у Дофиновки и Александровки.

Но город приспособился и к этому. Почти без перебоев действовал транспорт. Продолжали работать кинотеатры.

14 сентября — в тот самый день, когда был отдан приказ об отводе войск из-за Сухого лимана, — городские газеты напечатали беседу с заведующим гороно: он рассказывал, как подготовились школы к новому учебному году.

И занятия действительно начались. В Одессе оставалось не

очень много детей, но все они были взяты на учет и распределены по школам. Для занятий отводились здания, стены которых могли защитить ребят от снарядов. Младшие классы собирались небольшими группами в квартирах у кого-нибудь из родителей тоже в наиболее надежных зданиях и с таким расчетом, чтобы всем ребятам было близко от дома.

А две тысячи школьников, чьи семьи переселились в катакомбы, приступили к занятиям там. Запомнилась и такая подробность: школьных педагогов, ушедших в армию или ополчение, заменили пожилые преподаватели университета и других высших учебных заведений. Школьникам обеспечивались бесплатные завтраки.

Усиление артиллерийского обстрела создавало новые проблемы. Стало больше пожаров, для тушения их требовалась вода. Взять ее можно было только из моря. В разных местах ставили новые насосные установки, которые накачивали воду в пожарные бассейны.

Под вражеским огнем оказались и аэродромы наших истребителей. Там заранее построили капониры для укрытия самолетов, блиндажи для личного состава. Однако этих мер оказалось недостаточно. Противник пристрелялся к аэродромам, и самолеты стали попадать под обстрел при взлете и посадке. Нес потери встречавший и провожавший их наземный персонал.

Словом, нужен был новый аэродром. Но оставалось ли в Одессе, обстреливаемой с двух сторон, пригодное для него место? Виктор Петрович Катров однажды заявил, что место, более или менее подходящее, нашли сами авиаторы. Это был продолговатый пустырь среди обезлюдевших дач в Чубаевке — в районе 4-й станции Большого Фонтана, там, где теперь начинается бульвар Патриса Лумумбы.

Быстро превратить пустырь в аэродром можно было лишь с помощью жителей города. Командующий ООР Г. В. Жуков пригласил к себе секретаря горкома партии Н. П. Гуревича и председателя горисполкома Б. П. Давиденко, объяснил им, насколько срочная это задача, и попросил помочь.

Найти в Одессе трудоспособных людей, не занятых чем-то необходимым для обороны, было в то время не просто. Однако городские руководители сумели за два дня организовать десятки рабочих бригад. Вошли в них главным образом женщины. Их разместили в пустовавших дачах и домах отдыха вблизи стройки, армия взяла эти бригады на котловое довольствие. Руководил работами генерал-майор А. Ф. Хренов, выделивший на строительство некоторые силы и из своих инжбатов.

Авиационный полк майора Шестакова пользовался у

одесситов особенной любовью — героическую боевую работу истребителей часто видел весь город. И горожане, пришедшие строить новый аэродром, сумели выразить свою признательность летчикам. Работы на площадке не прерывались и в часы вражеских налетов.

Предполагалось оборудовать аэродром за десять дней, но сделали его за семь. 69-й авиаполк перебазировался на Большой Фонтан.

Выбор места оказался удачным в том смысле, что противник искал новую стоянку истребителей где угодно, только не здесь. Самолеты расставляли между дачами, тщательно маскировали, и их трудно было заметить. Правда, и взлетать с узкой полосы, окруженной постройками и садами, садиться на эту дорожку было нелегко. Тем более что в целях маскировки аэродрома подходить к нему требовалось на бреющем полете.

Летчики сумели приниматься к этим условиям, и происшествий при взлетах и посадках не случалось. Самолеты, пронесясь над самыми крышами, поодиночке уходили к морю, собирались там в группы, набирали высоту и шли на боевое задание.

Враг так и не обнаружил эту посадочную площадку, не сбросил на нее ни одной бомбы, и она использовалась до конца обороны. При артиллерийском обстреле города в этот район залетали лишь отдельные случайные снаряды.

Настало время, когда достигли наивысшего предела все тяготы жизни в осаде, все трудности обороны на сильно сократившемся плацдарме, время самых суровых испытаний не только для частей, удерживающих передовые рубежи, но и для всех остальных звеньев нашего армейского организма. О некоторых из них я еще почти ничего не сказал.

С образованием ООР армейский тыл, возглавляемый генерал-майором Т. К. Коломийцем, стал тылом оборонительного района. Объединившись с хозяйственными подразделениями военно-морской базы, он приобрел ряд дополнительных функций, связанных прежде всего с морскими перевозками, эвакуацией из Одессы людей, заводов. Но главным оставалось обеспечение всем необходимым наших войск.

В одесских условиях тыл приблизился к частям, и некоторые звенья обычной его структуры стали просто лишними. Снабжение войск пошло по схеме армия полк, а иногда даже армия — батальон. Это позволило обходиться меньшим количеством машин, а главное — выигрывать время. Высвободившиеся люди пошли на пополнение боевых частей.

Централизацию перевозок тыловики сочетали с продуманным

рассредоточением армейских складов, баз, мастерских, чем сокращалась возможность понести при каком-нибудь крупном воздушном налете невосполнимые потери. А войсковые тылы интендант 1 ранга А. П. Ермилов, назначенный вместо Коломийца, исходя из условий местности под Одессой, где трудно было их маскировать, предложил отодвинуть за вторую линию главного рубежа обороны и частично даже за рубеж прикрытия города, другими словами — на одесские окраины. Это тоже вполне оправдало себя: зеленые массивы пригородов с примыкающими к ним балками и оврагами укрывали от воздушной разведки надежнее, чем узкие лесопосадки в степи.

В сентябре все это уже утряслось и наладилось. И я должен сказать, что к работе тыловиков претензий было немного. Чаще приходилось слышать, как их хвалят. Бойцам на передовой, как правило, обеспечивался рано утром горячий завтрак. На день выдавались хлеб, вареное мясо, помидоры, иногда фрукты. Днем было не до горячего обеда, но его подвозили с наступлением темноты, когда бои обычно стихали.

А больше всего благодарили хозяйственников за умение быстро, без лишних перегрузок доставлять в батальоны, на огневые позиции батарей то, что было дороже хлеба и горячего борща: гранаты, изготовленные на одесских предприятиях, снаряды, только что выгруженные с судов в порту.

Корабли разгружались теперь только ночью. Ночью же подвозилось все необходимое в действующие части. Это сводило к минимуму потери в пути. В сохранности доставляя на передний край боевые грузы, служба тыла уберегала от выхода из строя и своих людей.

И каждую ночь, когда в порту разгружались суда, которым надлежало до рассвета покинуть Одессу, на причалы вслед за машинами, присланными за снарядами или продовольствием, въезжали автобусы и полуторки автороты армейского санотдела. Санитары, успевшие привыкнуть к корабельным трапам, начинали быстро и бесшумно сновать по ним с носилками.

Бывали ночи, когда на Большую землю отправлялось морем более чем по две тысячи раненых. А 18 сентября было эвакуировано 2719 человек.

В сентябре уже не отменяли и не откладывали, как раньше, выезд санитарных машин в порт из-за артиллерийского обстрела — ночей, когда район порта не обстреливался, больше не было. Врачи-эвакуаторы, распоряжавшиеся на причалах, надевали каски, как солдаты на передовой.

И как ни спешили шоферы и санитары, иногда кто-нибудь из их подопечных получал в пути от городского госпиталя до борта

корабля повторное ранение. Случалось и так, что водитель санитарной машины, обеспечив выгрузку раненых, сам шел на перевязку.

Автосанрота пользовалась в армии доброй славой. Ее шоферы знали дорогу на любой участок фронта. Санитарная служба транспортировала значительную часть раненых прямо с полковых, а иногда и с батальонных медпунктов в город, особенно из Восточного сектора, где 421-я дивизия не имела своего медсанбата. Причем в отличие от остального транспорта армейского тыла, производившего основные перевозки ночью, машины автосанроты носились по фронтовым дорогам и днем. Когда где-нибудь отбивались с утра крупные атаки и появлялось много раненых, к полудню эти раненые уже начинали поступать в палаты одесских больниц.

Еще в июле и августе больницы города стали превращаться одна за другой в военные госпитали. Весь персонал оставался на своих местах с переводом на казарменное положение и армейский паек. Дополнительно назначались комиссар и необходимое количество врачей, сестер (число коек увеличивалось до предела). В такие больницы-госпитали помещали и жителей города: осколочные раны, полученные на улицах, ничем не отличались от тех, с которыми привозили с передовой.

Начсанармом Приморской с самого начала был военврач 1 ранга Д. Г. Соколовский. Как и многие работники штарма, он пришел из 14-го стрелкового корпуса вместе со всей корпусной санслужбой.

Если бы не медицинская эмблема в петлицах, доктора Соколовского можно было принять за строевого командира: подтянутый, с отличной выправкой, неизменно с полевой сумкой через плечо. Очень деятельный по натуре, он всегда куда-то спешил, постоянно был чем-то озабочен, но никогда не удручен.

Возглавив санитарную службу армии, Соколовский организовал дело с размахом. Ему досталось кое-какое "наследство" от попавших в Одессу тылов других армий — вплоть до бесполезных в наших условиях санитарных поездов (пригодились лишь летучки, да и то на короткое время, пока они могли ходить до Раздельной, а потом до Выгоды). Однако возможности армейской санитарной службы определялись прежде всего тем, что могла дать сама Одесса, богатая лечебными учреждениями, имевшая действующий завод медицинского оборудования.

Не знаю, могла ли в то время какая-нибудь еще из наших армий развернуть собственные специализированные госпитали,

подобные тем, которые оказались в распоряжении Приморской армии, отрезанной на одесском плацдарме. На базе того, что осталось в городе от эвакуированной ' на Большую землю знаменитой филатовской клиники, возник, например, на Пролетарском бульваре госпиталь для бойцов и командиров с глазными ранениями. Ученик академика Филатова В. Е. Шевалев и другие одесские окулисты спасли там зрение многим нриморцам. А в стоматологическом институте на Ришельевской лечили челюстно-лицевые ранения. Создавались и другие госпитали узкого профиля, обеспеченные соответствующим оборудованием и опытными специалистами.

Ряды армейских медиков пополнялись видными одесскими врачами, особенно хирургами. Добровольцами пришло к нам немало медицинских работников города, уже снятых с военного учета по возрасту или состоянию здоровья.

Армейским хирургом стал профессор В. С. Кофман. Я много слышал о его неистощимой работоспособности. Имея массу других обязанностей, профессор изо дня в день сам делал сложнейшие операции то в одном, то в другом госпитале. А ночами он писал научные работы, осмысливая рождавшийся на войне опыт.

Связал с Приморской армией свою судьбу и другой известный в Одессе врач и ученый — профессор Н. М. Коздоба, член обкома партии. Он был ведущим хирургом крупнейшего нашего госпиталя, развернутого во 2-й рабочей больнице на Слободке. В этом госпитале чуть ли не все отделения возглавили одесские профессора.

Но даже при такой обеспеченности медицинскими кадрами приходилось в дни сильных боев специально продумывать их расстановку. Тогда вступал в действие особый порядок обработки раненых. О нем Давид Григорьевич Соколовский вспоминает в присланном мне письме:

"Это было похоже, если допустимо применить такой термин, на своего рода конвейер. Работа шла одновременно на нескольких операционных столах. Основные этапы сложной операции в брюшной или грудной полости выполнялись руками самых квалифицированных хирургов, а завершалась операция руками их помощников. Ведущие же специалисты переходили к следующему столу. Такое разделение труда позволяло приложить почти к каждому тяжелому ранению мастерство наиболее опытных хирургов и вместе с тем существенно ускоряло всю работу…",

Не мне оценивать чисто медицинские плюсы, а может быть, и минусы такой системы. Знаю только, что ее вызвала к жизни

обстановка, складывавшаяся в те дни, когда безотлагательная хирургическая помощь требовалась тысячам человек. В сентябре, как и в августе, такие дни выпадали нередко.

Самоотверженно работали врачи, находившиеся по долгу службы непосредственно в войсках. В кавалерийской дивизии служил, вероятно, старейший среди наших кадровых медиков, боевой доктор С. М. Левичев, участник гражданской войны. Чапаевцы очень уважали своего смелого начсандива Б. З. Варшавского, который при отражении яростных атак у Дальника не раз лично руководил выносом раненых с поля боя. А начальник санслужбьх Восточного сектора М. К. Хруленко (ему во многом приходилось труднее, чем его коллегам, поскольку этот сектор обходился без своего медсанбата) сумел оборудовать хорошие операционные в блиндажах полковых медпунктов. Доктор Хруленко пал в бою как солдат.

Санитарная служба справилась с огромной нагрузкой, которая легла на нее в августе? а в сентябре работала еще слаженнее, увереннее. К этому времени было доказано, что развернутая во фронтовой Одессе сеть госпиталей способна обеспечить раненым практически все виды и методы лечения, применяемые в глубоком тылу. Тем не менее мы старались использовать любую оказию для эвакуации раненых на Большую землю.

С этим нельзя было медлить не только потому, что иначе перегружались госпитали, но и потому, что город, где на улицах рвутся снаряды, где от передовой траншеи до жилых кварталов иногда меньше десяти километров, неподходящее место для раненых, нуждающихся в длительном покое.

Однако эвакуации подлежали отнюдь не все раненые. Действовало твердое правило: те, кого можно за две-три недели поставить на ноги, вернуть в строй, не попадали дальше армейского тыла, то есть городских госпиталей. Оттуда они выписывались в батальон выздоравливающих.

К сентябрю батальон настолько разросся, что пришлось формировать четыре новые роты. Кроме того, отвели один из пустовавших домов отдыха для окончательной поправки раненых командиров.

Подразделения выздоравливающих сделались как бы внутренним резервом армии, ее, если можно так выразиться, аварийным запасом. В августе был день кажется, 23-е, — когда у штарма иссякли другие резервы, а враг наседал и отовсюду спрашивали, нет ли возможности прислать хоть роту. В тот день в батальоне выздоравливающих разрешили всем, кто чувствует себя в состоянии взять в руки оружие, вернуться в действующие части.

Именно разрешили, потому что призывать к этому, а тем более приказывать не требовалось — солдаты, понимая положение и тяготясь бездействием, рвались на передовую. И батальон, распределенный между секторами, ушел на фронт. Обойтись в тот день без этого пополнения было бы нелегко.

Вновь выручал наш внутренний резерв и в середине сентября, когда опять стало туго с людьми и для многих подразделений имел значение каждый новый боец. Отчетная сводка начсанарма. позволяет мне привести точные цифры: 15 сентября из батальона выздоравливающих в части выписан 451 человек, 16-го-113, 17-го — 254, 18-го — 888. За четыре дня более тысячи семисот возвращенных в строй солдат!

Читатель оценит, что это значило, вспомнив, как иной раз оставалось гораздо меньше людей в некоторых наших полках.

17 сентября противник попытался продвинуться вперед во всех трех секторах.

В Восточном он наступал не очень крупными силами и не имел никакого успеха. Дивизия Коченова, несколько ослабленная переброской отдельных батальонов на другие участки фронта, уверенно отбила все атаки.

В Западном секторе день начался с артиллерийского обстрела, который длился необычно долго — передний край дивизии Воробьева и ее второй эшелон интенсивно обстреливались в течение пяти часов. При телефонных разговорах с Василием Фроловичем чувствовалось, что он нервничает: вышла из строя проводная связь со 161-м полком, и комдив — долго не знал, какая там обстановка.

Потом выяснилось: потери от обстрела в общем невелики — и в этот раз выручили хорошие траншеи и блиндажи. А атаки оказались хотя и сильными, но все же не такими, каких можно было ожидать после столь яростного огня. Почти всюду дивизия сумела их отразить, не подпустив врага к своим окопам. Только в одном месте ему удалось вклиниться — до полка пехоты прорвалось к хутору Кабаненка. Этот опасный клин (от хутора до окраин Одессы- 10–11 километров) предстояло ликвидировать контратаками, и Воробьев принимал необходимые меры.

Тяжелее было на левом фланге — в Южном секторе: там продолжался натиск трех пехотных дивизий противника и главный удар принимал на себя полк капитана Ковтун-Станкевича. Правда, на этот полк работала вся секторная, да и не только секторная, артиллерия.

Вечером Садовников записал в журнале боевых действий армии: "287 сп центром отошел на 300–400 м и продолжает сдерживать противника, нанося ему большой урон". В журнал

заносилось только самое главное. Туда не вошла такая, например, подробность: за день на позициях полка разорвалось около 15 тысяч вражеских мин.

Самую характерную черту одесских боев середины сентября я бы определил одним словом: "упорство". Именно это качество с изумляющей силой проявлялось в беспредельной решимости рот, батальонов, полков выстоять на своем рубеже. И если враг все-таки их теснил, то уже не на километры, как получалось иной раз в августе, а на сотню-другую метров, и там сопротивление становилось еще более упорным.

Но сотни метров теперь значили порой больше, чем прежде километры. Роковые последствия мог иметь не только прорыв на каком-то участке, а и потеря пространства в результате постепенного отхода под лобовым натиском. Тылы Южного сектора уже стали, как выразился однажды Георгий Павлович Софронов, огневым мешком — они простреливались вражеской артиллерией насквозь.

Ночью, после обсуждения у командарма итогов дня, генералу Петрову был передан приказ: "Рубеж высота 66,8, Сухой Лиман, Рыбачьи Курени удерживать во что бы то ни стало. На усиление придается отряд в 500 человек, который использовать целиком, не дробя".

В другой обстановке оговорка "использовать целиком", конечно, была бы лишней. Сейчас она подчеркивала, что это резерв для прикрытия самого угрожаемого участка, для возможных по обстановке контратак. А отряд был батальоном 54-го Разинского полка, действовавшего на другом фланге обороны. Вот при каких обстоятельствах он возвращался в Чапаевскую дивизию.

В ту ночь Одесса подверглась самым сильным с начала войны налетам фашистской авиации. "Юнкерсы" прорывались с разных направлений до самого рассвета. Только вблизи армейского КП упало полтора десятка крупных фугасных бомб. В городе было много разрушений и жертв.

Докладывали об огромной воронке на улице в районе вокзала, — очевидно, от взорвавшейся на суше морской мины.

Но и в такую ночь ни одно предприятие, выполняющее заказы армии, не приостановило работы. Утром с "Январки" и с других заводов докладывали, что к отправке на фронт готовы очередной танк, новые минометы, партия гранат.

И конечно, все были на своих постах в порту — от его начальника Пахома Михайловича Макаренко до бригад грузчиков и матросов-химистов, дежурящих у дымовых шашек. Порт готовился принять особо важный морской конвой: к Одессе

приближались корабли с первым эшелоном 157-й стрелковой дивизии. К исходу ночи прикрытие района порта сделалось главной задачей зенитчиков, 'летчиков истребительного полка и артиллеристов, ведущих контрбатарейную борьбу.

Мы не смогли обеспечить прибывающим войскам спокойную высадку. Транспорты "Абхазия" и "Днепр", на борту которых находились 384-й стрелковый полк, разведбат и оперативная группа штадива, входили в порт под бомбежкой и артиллерийским обстрелом. Суда получили повреждения, правда незначительные, от осколков. А для новых приморцев сама высадка стала боевым крещением на одесской земле.

* * *

Части 157-й дивизии продолжали прибывать следующей ночью. Вслед за "Днепром" и "Абхазией" пришли из Новороссийска "Армения" и "Украина". В рейсе находились "Восток", "Белосток", "Курск"… Выгружавшиеся стрелковые полки 384, 716, 633-й — и средства усиления сосредоточивались в курортном поселке Куяльник, в старинных казачьих селах Нерубайском и Усатове, лежащих в пяти-шести километрах от Одессы и примерно на таком же расстоянии от переднего края обороны.

Как ни тянуло в эти ночи в порт, я не мог проводить там много времени и видел своими глазами высадку лишь некоторых подразделений. Но этого было достаточно, чтобы понять, какую дивизию нам прислали. Весь облик ее бойцов и все их действия — как выполняли команды, как строились, как рассаживались по машинам — не оставляли сомнений: это солдаты, которых война застала уже в строю, на службе.

157-я стрелковая была свежей кадровой дивизией, но до самого ее прибытия мы этого не знали. Лично я этого как-то и не ожидал. Скажу прямо: ничто из пережитого за последние месяц-полтора не произвело на меня столь сильного впечатления, как эти красноармейцы с Большой земли — обычного призывного возраста, подтянутые, ладные крепыши с превосходной выправкой, словно влитые в отлично подогнанную форму… Словом, бойцы, какими мы, бывало, любовались в лучших частях мирного времени.

При виде их охватывало чувство волнующей радости. И не только потому, что такая дивизия вливалась в Приморскую армию. Если Ставка могла направить ее сюда, на участок фронта, пусть трудный и важный, но, конечно же, не главный, значит, есть могучие резервы и для тех направлений, где решается судьба страны. Значит, наши силы и впрямь неисчислимы!

Мне вдруг вспомнились слова Кутузова: "Доколе будет

существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор останется надежда счастливо довершить войну…" Давно знакомые, эти слова были связаны в сознании с военным прошлым России, а теперь показались относящимися прямо к нынешнему дню.

Читатель поймет меня, если, перенесясь в то тяжелое время, представит, как выглядел в середине сентября сорок первого года весь наш фронт, и в частности его южное крыло. Мы еще не знали, что замкнулось вражеское кольцо вокруг Киева. Было, однако, хорошо известно: на рубеже нижнего течения Днепра удержаться не удалось, немцы подступили к Перекопу и как будто даже вышли к Азовскому морю — в штабе базы имелись сведения, что военная флотилия, созданная там, начала боевые действия. Одесский плацдарм оказался в глубоком тылу противника. Но тревожило не это, а продолжавшееся продвижение врага, который отрезал с суши уже и Крым. Порой возникали мучительные вопросы: не слишком ли велики наши общие потери, есть ли еще на юге подготовленные резервы?

Теперь мы видели, какие войска сохранились у страны, и от одного этого на душе становилось спокойнее. А присылка такого подкрепления в Одессу убедительно подтверждала: наш плацдарм, приковавший к себе большую группу вражеских дивизий, по-прежнему важен для остального фронта. Выстояв на своем пятачке полтора месяца, приморцы дождались дней, когда армия усиливалась целым соединением. Думать об этом было так отрадно, что забывались, казались несущественными все наши невзгоды.

Мы всегда радовались каждому кораблю, приходившему поддержать войска орудийным огнем. Но корабль постреляет и уйдет, он не может стать постоянной частицей фронта. Дивизия же высаживалась, чтобы остаться с нами, стать в строй защитников Одессы. Трудно было сравнивать такое подкрепление и с быстро расходившимися по частям маршевыми батальонами, как ни выручали они армию. Кстати, маршевое пополнение выделялось нам снова — в пути из кавказских портов уже находилось еще 18 рот.

А 157-я дивизия, как доложил ее командир полковник Д. И. Томилов, прибывала в составе 12 600 человек, имела 70 орудий, 15 танков (гаубичный полк и танковый батальон были, правда, еще в Новороссийске). Комдив явился на армейский КП вместе с военкомом дивизии А. В. Романовым. Оба производили самое лучшее впечатление — спокойные, собранные, понимающие все с полуслова и, видимо, дружные. Настроены по-боевому. Кадровые командиры, сознающие, что настал их час!

На обстоятельное знакомство времени не было. Все же я успел узнать, что Дмитрий Иванович Томилов в Красной Армии с весны двадцатого года, воевал против Врангеля и махновцев, участвовал в ликвидации кронштадтского мятежа. Потом учился на курсах "Выстрел", которые посчастливилось окончить и мне. Кроме командных должностей он занимал и штабные. Большой путь прошел в армии и полковой комиссар Алексей Васильевич Романов.

20 сентября, когда 157-я стрелковая была уже почти вся под Одессой, маршал Б. М. Шапошников специальной телеграммой предупредил командование ООР от имени Ставки, что дивизию нельзя распылять на второстепенные задачи. Но мы и сами понимали: она дана Приморской армии не для того только, чтобы укрепить слабые места существующей линии обороны и увереннее отбивать вражеские атаки.

Удерживать одесские рубежи было трудно, особенно в последние дни. Уплотнение боевых порядков становилось все более насущной необходимостью. И все-таки мы не представляли себе использования новой дивизии так, чтобы она просто заняла определенную полосу обороны, а старые наши соединения соответственно потеснились. Это должно было произойти потом. Сперва же мы хотели существенно улучшить свои позиции, отодвинуть, где можно, фронт от города, нанести противнику серьезный удар, а если удастся — то и не один.

О направлении, в котором следовало предпринять наступательные действия прежде всего, не могло быть двух мнений. Как ни приблизился враг за последнее время к городу с юга, на северо-востоке, у Большого Аджалыкского лимана, он еще с конца августа занимал позиции, откуда мог наиболее эффективно обстреливать город и особенно порт. С этих позиций его и надо было выбить в первую очередь, избавив Одессу от артиллерийского обстрела хотя бы с одной стороны. Теперь эта задача становилась нам под силу.

Контрудар из осады

Решение провести в Восточном секторе наступление с ограниченными целями командующий окончательно принял 19 сентября. К участию в нем кроме 157-й дивизии привлекалась 421-я. Наступление назначалось на 22 сентября Той же ночью намечалась высадка в тылу противника 3-го морского полка, которому надлежало соединиться затем с войсками, наступающими с одесского плацдарма.

Разумеется, все это держалось в строжайшем секрете и было известно ограниченному кругу лиц. В штарме знали о предстоящих действиях лишь те, кто непосредственно участвовал в их подготовке. О том, как будет использована новая дивизия, не информировалось пока и командование Западного и Южного секторов.

Времени на подготовку было в обрез. Но все же я два дня подряд выезжал с майором Васильевым и капитаном Харлашкиным в Восточный сектор: требовалось провести рекогносцировку на местности, чтобы поконкретнее определить порядок взаимодействия всех выделяемых для контрудара сил.

Я не был в Восточном секторе недели три. С полковником Коченовым по нескольку раз в сутки разговаривал по" телефону, а увиделись впервые после того, как его сюда перевели.

"Полевой укрепрайон" Коченова пережил с тех пор немало тревожных дней, хотя с конца августа он и не принимал на себя главные вражеские удары. Перейдя здесь к обороне, противник держал позиции 421-й дивизии под постоянным обстрелом, а время от времени вновь и вновь пытался наступать то на одном, то на другом участке или даже на всем фронте сектора, как было, например, 17 сентября.

— Проверяет бдительность… — усмехнулся, рассказывая об этом, Григорий Матвеевич.

Действительно, враг вел себя на этом направлении так, словно рассчитывал где-нибудь да застать нас врасплох и прорваться к такой близкой от его переднего края Пересыпи. Тут, за дамбой Куяльницкого лимана, по-прежнему минированной на случай осложнения обстановки, особенно остро чувствовалось, насколько важно оттеснить противника от северных ворот Одессы: как для того, чтобы прекратился артиллерийский обстрел, так и для того, чтобы исключить на правом фланге обороны опасные неожиданности.

Коченов управлял сектором уверенно. Судя по всему, он был весьма доволен Осиповым (теперь уже не интендантом 1 ранга, а

полковником), полк которого, 1330-й стрелковый по новому официальному наименованию, в дивизии называли по-старому — морским.

Григорий Матвеевич вспоминал бои в конце августа, когда надо было остановить врага любой ценой и моряки поднимались в контратаку иногда всем полком. Тогда и прозвал их враг — это мы узнали от пленных — черной тучей… Теперь большинство бойцов осиповского полка носили армейские гимнастерки, подпоясанные флотским ремнем о якорем на бляхе. В расстегнутом вороте (это было разрешено) виднелась бело-голубая тельняшка — "морская душа". В такой форме прибывали и последние отряды добровольцев из Севастополя. Все моряки уже имели каски, но в спокойной обстановке, во время передышек, разрешалось носить бескозырки.

— А они все норовят наоборот: в бескозырке — в атаку! — пожаловался Коченов.

Произведенные комдивом перестановки в командном составе пошли на пользу. Полки молодой дивизии, видимо, успели стать — также и за счет нового пополнения — более однородными. Но после того как нам пришлось взять отсюда кавполк армейского резерва, а потом и кое-что еще, семнадцать километров фронта от моря до Куяльницкого лимана и от него до Хаджибейского держали семь-восемь стрелковых батальонов. А собственная артиллерия — в среднем три ствола на километр, считая и подвижные батареи моряков (стационарных береговых в Восточном секторе не осталось).

Не густо, что и говорить. Даже с учетом обеспеченной поддержки из других секторов и огня кораблей, более эффективного здесь, чем где-либо еще. Какое охватывало нетерпение при мысли, что скоро вся обстановка на этом направлении должна резко измениться!

Стараясь не давать воли эмоциям, я заставлял себя сосредоточиться на разных практических вопросах, множество которых следовало не упустить сейчас из виду. Но горячего Харлашкина так и прорывало, когда мы, осматривая район будущего наступления, оставались где-нибудь одни.

— Ох и здорово получится, товарищ полковник! Ох и наклепаем мы тут им! упоенно шептал он, жадно вглядываясь в открывавшиеся с какой-нибудь высотки дали, где различались или просто угадывались Александровка, обе Дофиновки, Чебанка…

Я понимал темпераментного Константина Ивановича. Сознавать, что какие-то населенные пункты на нашей земле, а тем более хорошо знакомые тебе селения, мы отобьем у врага не

когда-нибудь, а через несколько десятков часов, было в сентябре сорок первого редким для военного человека счастьем. А для нас на одесском плацдарме, до сих пор только сжимавшемся, — счастьем вообще еще не изведанным.

С первой рекогносцировки мы все вернулись настолько возбужденными, что с трудом заставили себя немного отдохнуть. В ту ночь такая возможность еще была. После повторного выезда стало уже совсем не до отдыха: пришло время сводить все расчеты в плановую таблицу боя, которую завтра должен был утвердить командарм.

* * *

О задаче, которую Приморская армия решала частью своих сил 22 сентября 1941 года, военные историки теперь обычно говорят как о контрударе. А если имеют в виду также приуроченную к этому дню высадку морского десанта под Григорьевкой, то как о совместной, комбинированной операции армии и флота.

Суть, однако, не в терминах. В дальнейшем подобные действия одной-двух дивизий иногда называли просто крупной контратакой. Если считать таковой и наш контрудар, ото не умалило бы его значения.

Главное заключалось в том, что защитникам Одессы, для которых высшим мерилом боевого успеха был удержанный рубеж, теперь становилось под силу существенно потеснить врага, отбросить его назад. Мы задались целью вновь овладеть теми позициями, откуда противник вот уже почти месяц держал под огнем значительную часть города в порт с ведущими к нему фарватерами.

В успех верилось твердо. Правда, даже появление в Восточном секторе 157-й дивизии не обеспечивало нам численного превосходства над противником на этом направлении. Но левый фланг осаждавшей Одессу 4-й румынской армии представлял, по всем данным, все же наиболее слабое ее звено, и атаковать тут врага, имея ограниченную цель, с такими силами, какими мы теперь располагали, было можно.

Нам противостояли здесь "старые знакомые" — 13-я и 15-я пехотные дивизии противника, основательно потрепанные приморцами в прошлых боях. Они не раз пополнялись, имели значительные средства усиления, в том числе много дальнобойной артиллерии, но при всем этом обладали, по нашей оценке, меньшей боеспособностью, чем, скажем, дивизии, сосредоточенные сейчас против Южного сектора.

На руку нам было также то, что боевые порядки врага, как неоднократно устанавливала разведка, становились реже по мере

приближения фронта к морю, очевидно, вследствие стремления уменьшить потери от огня кораблей. Корабельную артиллерию мы рассчитывали максимально использовать и для поддержки наступления.

Что касается десанта, то согласованием всех связанных с ним вопросов занимался по штабной линии Г. Д. Шишенин. Его морской заместитель капитан 1 ранга С. Н. Иванов был командирован в Севастополь, а оттуда прибыл для координации планов начальник оперативного отдела штаба флота капитан 2 ранга О. С. Жуковский.

С десантом возникало много неясностей. Как уже говорилось, сперва он был задуман как самостоятельная операция, целесообразность которой представлялась лично мне сомнительной. При этом срок несколько раз отодвигался — не был готов к высадке 3-й морской полк, проходивший специальные тренировки под Севастополем.

Теперь все вошло в общий план. В ночь на 22 сентября, за несколько часов до наступления войск Восточного сектора, корабли должны были высадить в районе села Григорьевка, близ Аджалыкского Лимана, полк моряков (1500–1800 человек), которому предстояло продвигаться по тылам противника на северо-запад — на соединение с дивизиями, выполняющими основную задачу.

Предусматривалось также за полтора часа до высадки морского десанта выбросить севернее Чебанки небольшой воздушный — группу флотских парашютистов. Им поручалось перерезать линии связи и вообще дезорганизовать, чем только можно, ближний неприятельский тыл.

На участке контрудара, охватывавшем весь дугообразный отрезок фронта от моря до Куяльницкого лимана, дивизии Коченова предстояло наступать справа: от Крыжановки на совхоз имени Ворошилова (ныне "Победа"), Вапнярку, Александровну и дальше по западному берегу Большого Аджалыкского лимана; дивизии Томилова слева: от Корсунцев через совхоз Ильичевка и Гильдендорф к хутору Петровскому и поселку Шевченко.

Каждая из дивизий непосредственно участвовала в контрударе двумя полками. Один полк из 421-й дивизии оставался в обороне на перешейке между Куяльницким и Хаджибейским лиманами, а один из состава 157-й выводился в армейский резерв.

422-й артиллерийский полк дивизии Томилова в Одессу еще не прибыл, и рассчитывать на него не приходилось. К имевшимся у дивизии пяти легким батареям мы добавляли дивизион 134-го гаубичного полка. Другой его дивизион поступал в распоряжение

Коченова. Обеим дивизиям обеспечивалась поддержка богдановцев, береговых батарей из Южного сектора, а Коченову — также и кораблей (зато Томилову придавался батальон танков). Вся огневая сила вводилась в действие по единому плану, над которым вместе с полковником Рыжи и его штабом потрудились артиллеристы военно-морской базы и прибывший в Одессу флагарт Черноморского флота капитан 1 ранга А. А. Рулль.

Утром 21 сентября приказ о наступлении был подписан (многое, касавшееся подготовки контрудара, естественно, доводилось до частей раньше отдельными распоряжениями). В соответствии с вступившей в силу плановой таблицей боя отправились на рекогносцировку на местности группы командиров. Узнавали свою задачу артиллеристы, летчики. Выдвигались в назначенные им места корректировочные посты морской артиллерии.

С 18 сентября, когда в порту выгрузился первый эшелон 157-й дивизии, ее прибытие стало определять все наши планы на ближайшее будущее. Но надо было еще обеспечить, чтобы враг не вмешался в эти планы, прежде чем мы начнем их осуществлять.

Вся подготовка контрудара в Восточном секторе велась при ожесточенном натиске противника на других направлениях, особенно с юга. Новая дивизия подняла дух наших войск самим своим появлением на одесском плацдарме (о мощном подкреплении не могли не узнать все приморцы), однако в течение этих четырех дней фронт не ощущал ее как действующую боевую силу. Очередное маршевое пополнение находилось еще в пути. Яростные вражеские атаки продолжали отбивать полки, редевшие от потерь.

И мы еще не имели права сказать себе, что просьба продержаться, с которой обратилась к защитникам Одессы Ставка, выполнена. Да не вышел и срок, названный в телеграмме Верховного Главнокомандующего. Он истекал как раз в те сутки, когда 157-я дивизия могла в полном составе вступить в бой.

Произойдет ли это по нашему плану, там, где намечено, зависело от всей армии — от того, удержат ли части наличными силами, без подкреплений, главный оборонительный рубеж, за который шла борьба. В этом смысле многое решал каждый из предшествовавших контрудару дней.

Положение то на одном, то на другом участке становилось порой настолько тяжелым, что у командарма, вероятно, не раз возникало искушение взять хоть батальон из свежих, полнокровных полков, находившихся уже под рукой и готовых выполнить любой приказ.

Трудно было в стыке Западного и Южного секторов, ставшем одним из направлений вражеских атак на Дальник. Здесь оборонялись 90-й стрелковый полк из дивизии Воробьева и спешенный 7-й кавполк. Оба понесли такие потери, что их пришлось временно слить (тем более что кавполк остался без командира, а стрелковый — без двух комбатов). Воробьев прислал на этот участок своего начальника штаба Прасолова с противотанковыми пушками, Петров — бронероту разведбата. Вновь и вновь вылетали сюда на штурмовку истребители. В конечном счете натиск врага отбивался, но не хватало людей, чтобы прочно держать здесь фронт.

Еще опаснее — уже потому, что это ближе к городу, — были непрестанные попытки врага вклиниться в нашу оборону у Дальника и южнее его. В ночь на 19-е наметился прорыв у Татарки, и противник, очевидно не имея тут достаточно танков, ввел в него конницу. Расчет делался, должно быть, на стремительный бросок, который нам нечем будет задержать.

Однако нашлась и у нас конница. Полк Блинова, спешенный для действий в Восточном секторе, был только что — в который уже раз! — переброшен снова в Южный, и коноводы опять вывели из Котовских казарм застоявшихся коней. В конном строю полк атаковал неприятельскую кавбригаду, перерезав ей путь. Такого случая давно не выпадало старым буденновцам, тосковавшим по лихой рубке. Понеся существенный урон, вражеская кавбригада повернула обратно. Наши кавалеристы взяли пленных, пригнали десятки трофейных коней.

Это была последняя за оборону Одессы кавалерийская атака — вскоре и полку Блинова пришлось спешиться окончательно. Теперь у Татарки (Прилиманное), недалеко от того места, где конники пресекли вражеский прорыв в наши тылы, стоит обелиск, напоминающий об их славных делах.

За 19 сентября противник потеснил нас на отдельных участках Южного сектора на несколько сот метров. На следующий день атаки с южного направления вновь усилились. На Дальний и между ним и Сухим лиманом наступали три румынские дивизии. Их атаки отражали с помощью авиации и береговых батарей два полка чапаевцев и два кавалерийских.

Генерал Петров, которому все эти полки подчинялись, знал, что на отстаиваемый ими рубеж придет, как только выполнит свою задачу в Восточном секторе, дивизия Томилова. Тогда можно будет и тут потеснить врага. А пока надо было любой ценой выстоять, не допустить, чтобы левый фланг обороны сдвинулся еще ближе к городу.

Наверное, лишь охватывавшее войска предчувствие, что на

фронте под Одессой близки перемены к лучшему, давало людям силы для той стойкости и той боевой активности, какие проявились в те дни. Как ни велик был численный перевес наступающего противника, чапаевцы 20 сентября сами атаковали его на некоторых участках, стараясь вернуть те сотни метров степи с холмами у Сухого лимана, которые пришлось оставить накануне. Удавалось это не везде, но героические контратаки не проходили бесследно — они не давали врагу продвигаться дальше. Сдерживала его и наша артиллерия. Сейчас устойчивость обороны на левом фланге зависела от нее больше, чем когда-либо прежде.

Южный сектор имел на километр фронта шесть-семь орудий. Но когда требовалось, маневр траекториями обеспечивал массированный огонь на любом узком участке. Система пристрелянных рубежей, непрерывное дежурство артиллерийских наблюдателей и хорошая связь позволяли быстро поставить заградительный огонь перед наступающей неприятельской пехотой. Очень выручали теперь и минометы — их стало больше благодаря наладившемуся местному производству.

Сила и действенность нашего огня заставили противника многое менять в тактике, отказываться от прежних привычек. Он уж не решался, как еще недавно, подтягивать к передовой подкрепления в походных колоннах. Вражеская пехота все реже поднималась из окопов в рост, а чаще выползала, наступая короткими перебежками. Между тем мы держали оборону меньшим числом бойцов, чем тогда, когда фашисты оголтело лезли шеренгами прямо на пулеметы.

Нехватка людей на переднем крае острее всего сказывалась в стыках полков, батальонов, даже рот. Стыки нас и подводили, особенно там, где остались не выломанные, не скошенные пулеметными очередями высокая кукуруза или подсолнечник. По этим зарослям нет-нет да и просачивались через наши боевые порядки вражеские автоматчики. За ними пробиралась, если не успевали ее отсечь, мелкими группами пехота, сразу начинавшая окапываться. И возникал клин, который не всегда удавалось быстро ликвидировать — для этого требовался хоть какой-то резерв. А клин угрожал расшириться, перерасти в прорыв…

Вот так, втискиваясь в разрывы между нашими частями, противник достиг днем 21 сентября юго-западной окраины Дальника. Фронт пересек это растянувшееся на километры село. Командный пункт генерала Петрова был перенесен оттуда еще раньше.

На прямой дороге между Дальником и Одессой, примерно посередине, находится поселок Застава. Западнее его пролегла

вторая, запасная линия главного оборонительного рубежа, которую инженерные батальоны генерала Хренова дополнительно укрепили за последние дни.

В Заставе сосредоточился 384-й стрелковый полк дивизии Томилова, ставший армейским резервом. В 16 часов 21 сентября он получил приказание командарма быть готовым к выступлению. В тот момент представлялось весьма вероятным, что резервный полк будет введен в бой в Южном секторе раньше, чем другие полки 157-й дивизии в Восточном. До начала контрудара оставалось еще две трети суток, а крайняя необходимость поддержать левый фланг могла возникнуть с часу на час.

* * *

Тревожнее стало не только на одесской суше, но и на море.

Как уже говорилось, вопросы, относящиеся к морскому десанту, входили в компетенцию генерала Шишенина. Гавриил Данилович, естественно, держал меня в курсе всех новостей по этой части, так как действия 3-го морского полка согласовывались с наступлением наших дивизий.

Корабли с десантом на борту — крейсеры "Красный Кавказ" и "Красный Крым" в сопровождении трех эсминцев — вышли из Казачьей бухты под Севастополем в 13.30 21 сентября. Большие корабли, конечно, не могли подойти близко к берегу. Для непосредственной высадки десантников предназначались кроме корабельных барказов и шлюпок разные катера и другие мелкие суда, имевшиеся в Одессе. Они составили довольно многочисленный отряд, который предстояло возглавить канонерской лодке "Красная Грузия".

Во второй половине дня 21 сентября командиры этих высадочных плавсредств оставались единственными среди участников операции, кто еще не знал деталей своей боевой задачи — точки встречи с кораблями, порядка высадки, условных сигналов и т. д. План, где все это указывалось, должен был доставить из Севастополя капитан 1 ранга Иванов.

Он, как сообщил мае Шишенин, вышел оттуда утром на эсминце "Фрунзе" вместе с контр-адмиралом Л. А. Владимирским — командующим черноморской эскадрой. Владимирский, которому предстояло руководить высадкой десанта, очевидно, хотел получить в Одессе последние данные об обстановке и лично условиться с командованием ООР о деталях, взаимодействия.

Часа прибытия "Фрунзе" в Одессу я не знал, но решил, что у моряков все рассчитано так, чтобы с выходом катерного отряда не произошло никакой задержки. В штарме хватало своих забот. Надо было следить за подготовкой к контрудару, не упуская из

виду и развитие событий в Южном секторе, да и в Западном, где дивизия Воробьева отбила с утра три крупные атаки.

Уже под вечер, вскоре после того как мы передали резервному полку, сосредоточенному в поселке Застава,' приказание быть готовым к бою (одновременно командарм потребовал от генерала Петрова решительнее контратаковать противника наличными силами), стало вдруг известно, что эсминец "Фрунзе" потоплен фашистской авиацией. Об этом радировали с Тендровской косы, где несли боевую службу флотские подразделения.

В той же радиограмме сообщалось о гибели канлодки "Красная Армения", принадлежавшей Одесской базе. Оба корабля были атакованы пикирующими бомбардировщиками Ю-87 — самолетами, до сих пор в нашем районе не появлявшимися. Далее говорилось, что для спасения экипажей выслан буксир.

У контр-адмирала Жукова собрались члены Военного совета ООР, командарм, Шишенин. Потеря сразу двух кораблей была тяжелым ударом. Всех тревожила неизвестная пока судьба Владимирского, Иванова. Сразу же возникли и вопросы практического порядка. Как ориентировать командиров высадочных плавсредств, если окажется, что документы погибли и их не доставят до ночи с Тендры? Не изменится ли вообще что-нибудь с десантом?

Радиограмма с Тендровской косы была адресована штабу ООР и штабу флота. Очевидно, ее уже приняли и в Севастополе. Как отнесутся там к случившемуся? Не прикажут ли кораблям с десантом, приближавшимся к опасной зоне, повернуть обратно? Это представлялось маловероятным, однако следовало принять во внимание любые возможные варианты действий.

Обмен мнениями у командующего ООР был недолгим. Через несколько минут Гавриил Данилович Шишенин сказал мне:

— План остается в силе. Во всяком случае, все то, что делаем мы здесь.

Ничего другого я и не ожидал. Ведь еще сутки с небольшим назад, когда время контрудара уже назначили, Военный совет ООР телеграфировал командованию флота, что атака начнется, даже если вновь отложат десант.

Но флот ничего не собирался отменять. Как выяснилось в последующие часы, адмирал Ф. С. Октябрьский, узнав о гибели "Фрунзе", внес в план действий отряда кораблей единственную поправку: крейсерам было приказано, высадив десант, возвращаться в Севастополь, а для артиллерийской поддержки оставлялись эсминцы. Не имея сведений о том, где находится Л. А. Владимирский и жив ли он, командующий флотом возложил

ответственность за десантную операцию на командира бригады крейсеров капитана 1 ранга С. Г. Горшкова.

Часа через два после первой радиограммы Тендра сообщила: контр-адмирал Владимирский следует в Одессу на торпедном катере. Мы надеялись, что на катере окажется и капитан 1 ранга Иванов. Но надеялись напрасно — морского заместителя генерала Шишенина уже не было в живых.

Владимирский был легко ранен. Он по памяти продиктовал встретившим его морякам (портфель Иванова со всеми документами погиб) основные указания и данные, без которых высадочные плавсредства не могли выполнять свою задачу.

Суда, отправлявшиеся из Одесского порта, теперь уже заведомо опаздывали на рандеву с севастопольскими кораблями. Об этом предупредили корабли по радио. Пока трудно было дать себе отчет, как скажется эта задержка на высадке десанта.

Контр-адмирал Владимирский поделился у нас на КП пережитым несколько часов назад у Тендры.

Эсминец "Фрунзе" попал под удар девяти пикирующих бомбардировщиков, когда начал спасать моряков с поврежденной раньше и тонувшей канлодки. Экипаж держался геройски, но уклоняться от бомб с Ю-87 было гораздо труднее, чем от атак самолетов других типов. Корабль получил прямые попадания и неминуемо перевернулся бы от проникшей через пробоины воды, если бы командир не успел подвести эсминец к отмели. Благодаря этому спаслась большая часть экипажа. Но некоторые моряки погибли потом на буксире, который потопили те же самолеты, прилетев снова.

Оказывается, эсминец "Фрунзе" вел капитан 3 ранга В. Н. Ерошенко командир стоявшего в ремонте "Ташкента". Пока чинили его корабль, он заменял раненного под Одессой капитан-лейтенанта П. А. Бобровникова. Теперь и Ерошенко был ранен, по словам Владимирского — тяжело.

Появление в наших краях бомбардировщиков Ю-87, очевидно, означало, что враг ищет более эффективные средства для борьбы с морскими перевозками между Крымом и Одессой, от которых полностью зависела Приморская армия. Тут было над чем задуматься. Тогда мы еще не знали, что гитлеровское командование перебросило в распоряжение группы армий "Юг" со Средиземного моря 10-й авиакорпус, имевший двухлетний опыт боевых действий против-английских кораблей.

Шли последние часы перед контрударом. Уже можно было считать, что в целом обстановка под Одессой складывается благоприятно для осуществления нашего плана.

Войска Южного сектора свой фронт удержали, и вводить в

бой армейский резерв не потребовалось. Дивизия Воробьева тоже отразила все попытки противника вклиниться между ее полками. В Восточном секторе было спокойно. Ничто не указывало на то, что враг по каким-нибудь признакам раскрыл наши приготовления.

Одесса тоже пока не знала, что наступающий день должен стать особенным и принести о собой события, каких еще не происходило за полтора месяца обороны.

Ночь в городе была похожа на многие другие. Вражеские батареи методически посылали от Большого Аджалыкского лимана снаряд за снарядом. На Пересыпи и вблизи порта возникли пожары. Наша береговая артиллерия вела через город ответный огонь и временами заставляла противника замолчать.

На КП у всех чувствовалась взволнованная приподнятость духа. Контр-адмирал Жуков, члены Военного совета ООР Воронин и Азаров, полковник Рыжи собирались к рассвету выехать в Восточный сектор, на наблюдательные пункты. Почти все работники оперативного отдела находились в войсках.

Мне, как и командарму, предстояло оставаться на своем обычном месте. Полевой штаб, предусмотренный в отданном утром боевом приказе, был тут же — на армейском командном пункте. Георгий Павлович Софронов, с виду спокойный, расхаживал по своему "кабинетику". Нетерпение, испытываемое им, выдавал лишь досрочно перевернутый листок настольного календаря.

Жирная черная цифра "22" бросалась в глаза и напоминала: в эту ночь истекало ровно три месяца с начала войны. Что ж, мы были готовы отметить эту дату так, чтобы, во всяком случае под Одессой, она не показалась врагу праздничной.

В двадцать три часа я доложил командарму, что в соответствии с плановой таблицей боя командные пункты и штабы дивизий перешли: 157-й — в Лузановку, 421-й — в Крыжановку. Связь с ними работала нормально.

* * *

В час тридцать ночи, как и было запланировано, транспортный самолет, прилетевший из Крыма, сбросил в нескольких километрах от линии фронта, между Булдинкой и Свердловой, команду краснофлотцев-парашютистов во главе со старшиной Кузнецовым.

Команда состояла всего из двадцати трех человек. И приземлились парашютисты так, что действовать пришлось маленькими группами, а кое-кому даже в одиночку. Но добровольцы, посланные на опасное задание, были к этому готовы.

Это им посвящен написанный по горячим следам событий фронтовой рассказ Леонида Соболева "Батальон четверых", где герои парашютного десанта выведены под своими настоящими именами. Кто знаком с этим рассказом, помнит, наверное, как оценивал силы своих товарищей краснофлотец Перепелица: "Один моряк моряк, два моряка — взвод, три моряка — рота… Сколько нас? Четверо?.. Батальон, слушай мою команду…" Должно быть, вот такая вера в себя и помогла этим отважным ребятам наделать в тылу у врага столько шуму, словно их было в несколько раз больше.

Пробираясь к фронту, парашютисты прежде всего выводили из строя проводную связь противника. Но этим они не ограничивались. Внезапно появляясь из темноты, десантники забрасывали гранатами где минометную батарею, где штабной блиндаж, где конный разъезд… Часть краснофлотцев погибла. Остальные вышли на наш плацдарм. Все уцелевшие собрались вместе уже в Одессе.

Но, разумеется, даже первые сведения о действиях воздушного десанта дошли до штарма не скоро. В ту ночь поступил лишь короткий условный сигнал с борта самолета, означавший, что парашютисты сброшены вовремя. С этого, собственно, и началась операция.

Мы с нетерпением ждали известий о морском десанте. В три часа ночи о нем еще ничего не было известно. Между тем высадка, даже при опоздании одесских плавсредств, уже вполне могла начаться, если, конечно, не произошло что-то непредвиденное.

В это время — ровно в три ноль-ноль, еще до рассвета, — части Южного сектора, упреждая врага, возобновили контратаки между Дальником и Сухим лиманом. И там, на левом фланге плацдарма, инициатива была сегодня в наших руках!

Через полчаса вступила в действие флотская авиация: бомбардировщики, прилетевшие из Крыма, наносили удар по тылам и разведанным резервам противника у Свердлова, Кубанки, Сычавки, Булдинки, Старой Дофиновки. На левый фланг полосы контрудара уже выдвинулась дивизия Томилова, сменив там полки 421-й.

Но как же все-таки морской десант: высадился или нет? Начальник связи майор Л. В. Богомолов, которого много раз вызывали и командарм, и Шишенин, ничего не мог доложить: рации кораблей молчали.

Приближалось время поднимать в воздух одесские истребители. Первая их задача, уточненная несколько часов назад, состояла в том, чтобы не допустить утром вылета

фашистских самолетов с двух ближайших к Одессе полевых аэродромов.

Пожалуй, стоит рассказать, как эта задача возникла.

О двух новых вражеских аэродромах, появившихся совсем недалеко от Одессы, в районе селений Баден (Очеретовка) и Зельцы, мы узнали перед самым контрударом. Причем помог нашим летчикам румынский капитан.

В армии Антонеску было немало людей, не видевших в войне против Советского Союза никакого смысла и шедших в бой, что называется, из-под палки. Об этом свидетельствовали и приказы румынского командования, на которые я уже ссылался. К нам не раз переходили солдаты, ненавидящие фашизм, принося порой ценные сведения о том, что происходит в стане противника.

В Восточном секторе был задержан перебежчик, румынский сержант, мобилизованный из запаса, по профессии учитель. По его словам, на хуторе за лиманом, в доме у запруды, размещался генерал, у которого ежедневно в пять часов вечера происходили совещания командного состава. Полковник Коченов не преминул воспользоваться этой информацией и приказал командиру гаубичного дивизиона аккуратненько — одним орудием и совсем в другой час — пристреляться к этому месту. А выждав денек, ударили по цели ровно в семнадцать часов всем дивизионом. Как потом выяснилось, на совещании в тот раз присутствовал начальник одного из управлений румынского генштаба. Он был убит, и его повезли хоронить в Бухарест…

Но из тех, кто в неприятельских окопах втайне симпатизировал нам или просто не хотел воевать, разумеется, не всякий готов был перейти фронт, как этот учитель. Однако, попав при каких-нибудь обстоятельствах в плен, румыны обычно не скрывали неприязни к фашистской Германии, втянувшей Румынию в войну, и охотно выкладывали все, что знали о немцах.

Не составил исключения и румынский летчик в чине капитана, выбросившийся с парашютом со сбитого самолета (самолет этот оказался, между прочим, английским "харрикейном", — очевидно, из закупленных Румынией до войны). По собственной инициативе капитан рассказал об известных ему двух новых аэродромах, где стояли немецкие бомбардировщики и истребители.

Наши летчики осторожно, но тщательно произвели в этом районе разведку. И уже в сумерках 21 сентября четверка "ястребков", пронесшихся на бреющем полете, засекла оба аэродрома. На обоих по краю поля — крыло в крыло, словно в мирное время, — стояли самолеты: у Бадена — "мессершмитты", близ села Зельцы "юнкерсы". Наши летчики разглядели также

ряды палаток, где, очевидно, размещался личный состав фашистских эскадрилий и обслуживающий персонал.

Были основания полагать, что самолеты только-только сюда переброшены. На рассвете их следовало уничтожить, не позволив больше подняться в воздух. Добавлять новые цели к тем, которые мы дали на 22 сентября флотской бомбардировочной авиации, было уже поздно. Да и кто как не летчики, видевшие эти аэродромы собственными глазами, могли вернее всего нанести по ним удар!

Так появилась в плане эта боевая задача. Узнав результаты вечерней разведки, майор Шестаков принял все меры к тому, чтобы за ночь были подготовлены к вылету и те машины, которые сперва не предполагалось завтра использовать, — день обещал стать для летчиков еще более горячим, чем ожидалось.

Еще до полного рассвета из Одессы вылетели двадцать И-16 и оба имевшихся у нас Ил-2. В воздухе они разделились на две группы. Одну повел командир полка, другую — его заместитель майор Ю. Б. Рыкачев.

Дальнейшие действия летчиков лаконично и выразительно описывает в своих воспоминаниях участник разведки аэродромов и их штурмовки А. Т. Череватенко, в то время старший лейтенант, ставший потом полковником, Героем Советского Союза:

"Сперва шли на большой высоте. При подходе к цели стали снижаться с приглушенными двигателями. Над аэродромом появились настолько внезапно, что зенитки не сразу открыли огонь. По сигналу командира мы сначала обстреляли из пушек и пулеметов палатки, где, должно быть, еще спали гитлеровцы. После разворота стали уничтожать самолеты, бензосклад, штабеля боеприпасов. Штурмовики Ил-2 подавляли зенитки… Противник потерял практически все, что там было".

Так же действовала и группа майора Рыкачева, штурмовавшая второй аэродром. На обеих площадках было уничтожено более двух десятков фашистских самолетов. Но те Ю-87, которые накануне нападали на наши корабли, базировались не тут.

Когда "ястребки" возвращались со штурмовки (очень скоро им предстояло снова подняться в воздух, чтобы прикрывать пехоту на исходных рубежах и корабли), из Крыма снова прилетели флотские бомбардировщики. Теперь они наносили удар по второму эшелону войск противника вдоль всего фронта, на котором через час должна была начаться наша атака.

Связь с морским полком в конце концов была установлена через поддерживающие его эсминцы. На армейском КП вздохнули с облегчением, узнав, что десант высадился успешно, хотя

доставка подразделений к берегу и затянулась до шестого часа утра.

Перевозить бойцов начали корабельными плавсредствами, потом подошли одесские катера. Десант, безусловно, явился полной неожиданностью для противника, который не смог оказать серьезного сопротивления высадке. Имея пока совсем небольшие потери, 3-й морской полк наступая на Чебанку и Старую Дофиновку.

Полк высаживался без артиллерии, только с легкими минометами. Но огневую поддержку обеспечивали оставшиеся в этом районе эсминцы. Корабельные корректировщики высадились вместе с десантниками. Вражеская авиация в первые утренние часы над кораблями не появлялась.

Таким образом, в основном все шло как надо. Десант за Большим Аджалыкским лиманом уже действовал, отвлекая внимание неприятельского командования от участка, где готовился наш главный удар. На остальном фронте под Одессой существенных перемен не наблюдалось.

Начало атаки обеих дивизий было назначено на восемь ноль-ноль, артиллерийская подготовка — на семь тридцать.

За полчаса до этого со мной соединился полковник Коченов:

— Артподготовку начал противник…

Через минуту я был у командарма. Софронов разговаривал с передовым НП, где находились Жуков и Воронин. Они тоже сообщали об интенсивном артиллерийском я минометном обстреле наших позиций.

Потом Григорий Матвеевич Коченов делился переживаниями тех минут:

— Огонь сильный, а тут еще туман. Перемешался с дымом, и получилась такая завеса, что дышать тяжело. Снаряды рвутся и впереди, и в глубине, за второй траншеей… Мм с начартом Болотовым смотрим друг на друга и думаем — что же это значит? Разгадал враг наш замысел, решил упредить? Или просто так совпало?

Обстрел рубежей Восточного сектора, внезапно начавшийся за тридцать минут до нашей артподготовки, заставил каждого из нас задавать себе такие вопросы. И конечно, никто не был в состоянии немедленно найти на них ответ.

Могло быть и так и этак. Как уже говорилось, противник, перейдя на этом направлении к обороне и наставив перед своими окопами проволочных заграждений, часто устраивал огневые налеты. А время от времени предпринимал атаки, похожие то на разведку боем, то на попытку прорвать на каком-нибудь узком участке фронт. Сейчас его активность могла быть и ответом на

действия десанта по ту сторону Большого Аджалыкского лимана.

Но кто мог поручиться, что не начнется встречное наступление, специально предназначенное сорвать наше, если враг о нем узнал?

Скажу сразу же: никаких подтверждений осведомленности противника о наших планах мы не получили ни тогда, ни позже. Если же огневой налет должен был предшествовать обычной атаке, то начаться ей не дала наша артиллерия. Она подала голос в свой срок — и полевая, включая богдановский полк, и береговые батареи, и орудия кораблей. Наш огонь все нарастал, и вражеские пушки постепенно смолкали.

Потом, на разборе, помню, кто-то высказал мысль, что утренний обстрел, встревоживший нас, но не нанесший существенного урона (войска были хорошо укрыты), пожалуй, даже оказался на руку: противник преждевременно израсходовал много боеприпасов. И действительно, огонь такой силы, открытый часом позже, после выхода пехоты из траншей, мог обойтись нам дорого.

В начале девятого часа утра мы уже знали, что войска поднялись в атаку на всей полосе контрудара.

Первые доклады с наблюдательных пунктов были короткими и откровенно восторженными: "Пошли!.. Двинулись!.. Танки вырываются вперед…" (С танками наступала только 157-я дивизия. 421-ю мы не могли обеспечить даже одесскими НИ — они помогали отражать вражеские атаки на других направлениях.)

Ожидая дальнейших вестей с передовой, я завидовал товарищам, которые сейчас там и видят наступление собственными глазами.

— Фроловичу и Петрову сообщил? — спросил командарм. — Сообщи! Пусть порадуются.

Командиры дивизий, не участвовавших в контрударе, были уже осведомлены о нем. А многие начальники рангом ниже в Западном и Южном секторах догадывались по разным признакам (плацдарм стал тесен — все близко!), что в Восточном вот-вот что-то начнется. Некоторые из них, находя какой-нибудь повод, еще с пяти часов звонили в штарм и старались обиняком разузнать новости. К восьми, когда уже вовсю гремела наша дальнобойная артиллерия, таких звонков стало еще больше.

Моя информация генералам Воробьеву и Петрову была столь же краткой, как и та, которой располагал в тот момент я сам:

— У Коченова и соседа началось: пошли в атаку! Моряки тоже наступают!..

Но, наверное, и этого было достаточно, чтобы стало веселее

на душе у наших людей в тех секторах, где пока предстояло удерживать фронт без подкреплений. Ведь такие известия, как сегодня, не передавались из штарма Приморской на командные пункты дивизий еще никогда.

Из Восточного сектора регулярно поступали новые донесения, и общая картина наступления делалась все более полной и ясной.

На левом фланге, у Томилова, наступление сразу пошло быстрее, чем на других участках. 157-я дивизия наносила главный удар 716-м стрелковым полком В. А. Соцкова, усиленным ротон танков. Он наступал между Куяльницким лиманом и железной дорогой почти прямо на север — на Гильдендорф (Новоселовка). Другой полк дивизии Томилова — 633-й — с приданным ему танковым взводом продвигался справа от железной дороги к совхозу Ильичевка.

Прекрасное впечатление, которое произвела дивизия, присланная Ставкой, подтверждалось теперь в бою. Она действовала слаженно и четко, переняв с ходу одесский опыт взаимодействия с береговой артиллерией. Во всем этом сказалась отличная работа штадива, возглавляемого подполковником С. Т. Сергеевым.

Словом, дивизия Томилова действовала как подлинно ударная сила, и под ее натиском враг не смог устоять нигде.

На участке Коченова сломить сопротивление противника оказалось труднее. Заминка произошла у Фонтанки, где враг имел доты, превратил в укрепленные точки каменные дома. Потребовалось направить сюда больше огня и проводить повторные атаки.

А у шоссе Одесса — Николаев, между дорогой и побережьем, батальон осиповского полка вынужден был залечь перед проволочным заграждением в пять колов, прикрываемым сильным пулеметным огнем. Этой задержки, вероятно, не получилось бы, будь тут хоть несколько танков.

Задержка, впрочем, была недолгой. Старший политрук Демьянов (он замещал комиссара полка Митракова, недавно тяжело раненного) передал но цепи ту команду, что подавалась в самые трудные минуты: "Коммунисты, вперед!" И как всегда, она подняла не только коммунистов.

Проволоку рубили лопатками, набрасывали на нее скинутые с плеч бушлаты. Те, кто оказался впереди, подавляли гранатами фашистские пулеметы. И прорвались! Преодолев трудное препятствие, моряки дружно продвинулись дальше.

К 10 часам Фонтанка была очищена от врага. Однако правый фланг наступающих частей все же отставал от левого. 716-й полк

дивизии Томилова, особенно вырвавшийся вперед, вскоре после полудня занял Гильдендорф, а 633-й — совхоз Ильичевка. К этому времени полк Осипова, двигавшийся скачками, задержался у укрепленной противником высоты с отметкой 58,0. Упорный бой пришлось вести за территорию расположенного вблизи нее агрокомбината.

В 13.30 командарм признал необходимым временно приостановить наступление. Вследствие неравномерного продвижения войск на соседних участках между частями образовались большие разрывы. Некоторые командиры, увлекшись преследованием противника, совсем потеряли контакт с соседом, не успевали выдвигать на новые огневые позиции полковую артиллерию, переносить командные пункты, связь.

Все это нетрудно было объяснить: войска не имели опыта наступательных действий даже в таких скромных масштабах. Однако навести порядок требовалось безотлагательно, пока нашими огрехами не воспользовался враг. Обстановка подсказывала также, что следует усилить центральный участок за счет левого фланга.

Наступление возобновилось через три часа. Но, чтобы был ясен общий ход событий, сейчас пора вернуться к действиям морского десанта.

* * *

3-й морской полк хорошо использовал эффект внезапности своей высадки. Смяв боевое охранение, выставленное противником на побережье, он стремительно продвигался по вражеским тылам.

Моряки целехонькой захватили у Григорьевки четырехорудийную дальнобойную батарею — одну из тех, что обстреливали Одессу. Охваченные паникой, артиллеристы бросили ее, не успев даже вывести орудия из строя. А на берегу остались неубранными знаки, указывавшие границы минных полей.

Более организованное сопротивление встретил батальон моряков, наступавший на Чебанку, — там находился штаб одной из неприятельских частей. Но помогла корабельная артиллерия (корректировщики шли с батальоном), и Чебанка была моряками занята.

К 18 часам поступили сообщения, что два других батальона 3-го морского полка вступили в Старую и Новую Дофиновки. Таким образом, в наших руках находился вес* восточный берег Большого Аджалыкского лимана. Соединение десанта с войсками, наступающими с одесского плацдарма, стало вопросом ближайших часов.

Но если у самого десанта дела шли хорошо, то на эсминцы, поддерживавшие его, еще в середине дня обрушились сильные удары с воздуха. Враг бросил против кораблей девятку пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Они внезапно атаковали на огневой позиции эскадренный миноносец "Безупречный".

Как сообщили из штаба военно-морской базы, на этот корабль было сброшено тридцать семь бомб. Имея лучшую, чем у "Фрунзе", маневренность и более сильное зенитное вооружение, "Безупречный" избежал прямых попаданий, однако получил пробоину от близкого разрыва крупной бомбы в воде. Часть котлов и машинное отделение оказались затопленными, корабль потерял ход.

На помощь "Безупречному" пришел его собрат — "Беспощадный", отбуксировавший поврежденный эсминец в Одесский порт. А некоторое время спустя, когда "Беспощадный" вернулся на огневую позицию и продолжал вместе с третьим эсминцем — "Бойким" поддерживать войска на берегу, Ю-87 (очевидно, их аэродром был где-то довольно далеко) прилетели снова. На этот раз бомбардировщиков насчитывалось уже более двадцати.

К кораблям подоспели наши истребители. Два "юнкерса" они сбили, остальным мешали вести прицельное бомбометание, но отогнать все вражеские самолеты от эсминцев не смогли: вести бой на И-16 против Ю-87 не так-то просто, особенно если последних больше. И еще один корабль — "Беспощадный" — был серьезно поврежден. Он дошел до порта задним ходом, с частично затопленными внутренними помещениями, окутанный дымом — экипаж тушил возникший на борту пожар.

Из трех новых эсминцев, пришедших ночью из Севастополя, сохранял боеспособность только "Бойкий". Это он помог батальону десантников сломить сопротивление врага у Чебанки. Одновременно "Бойкий", установив связь с корректировочным постом "Безупречного", частью своих орудий поддерживал другой батальон.

До наступления сумерек на эсминец еще несколько раз налетали пикирующие бомбардировщики. Отбиваясь от них, он израсходовал весь боезапас своих зениток и последние атаки мог отражать лишь пулеметным огнем. И все же "Бойкий", полностью выполнивший боевые задачи дня и сделавший для поддержки десанта больше всех, остался невредимым. Командовал этим кораблем капитан-лейтенант Г. Ф. Годлевский.

Когда "Бойкий" входил вечером в порт, его команда едва держалась на ногах от усталости. Все радовались за счастливый эсминец. Однако нельзя было забыть, как пострадали два других.

Обоим требовался серьезный ремонт, и моряки готовились той же ночью увести их в Севастополь.

За сутки с небольшим под Одессой и на пути к ней выбыло из строя пять кораблей. Одни навсегда, другие надолго. Таких потерь Черноморский флот еще не нес. Очевидно, для защиты от пикирующих бомбардировщиков было недостаточно тех зенитных средств, которые имелись на кораблях.

Неужели уязвимым звеном Одесской обороны окажется наш морской тыл? Думать об этом было особенно горько в такой день, когда существенно улучшились наши позиции на суше.

Пауза, которую нам пришлось сделать в развитии контрудара, чтобы сократить разрывы между частями, подтянуть то, что отстало, не помогла врагу закрепиться там, где мы остановились на три часа.

Отброшенный с утра уже на километры, он, как видно, еще не успел опомниться. И вскоре после того как полки 157-й дивизии возобновили атаки, в докладах с командного пункта полковника Томилова зазвучали новые, еще не привычные тогда для нас слова:

— Противник отходит в беспорядке… Противник побежал, бросает оружие!..

Поначалу это относилось к левому флангу, где 716-й полк далеко продвинулся вдоль Куяльницкого лимана, а затем и к центральному участку полосы контрудара.

А после того как у дивизии Коченова остались позади агрокомбинат и каверзная высота 58,0, памятная еще по августовским боям, враг и на правом фланге обратился в бегство.

— Теперь мы живем! Живем, батенька! — приговаривал вполголоса Георгий Павлович Софронов, склонясь над картой.

Не все получалось так, как было задумано. Становилось уже ясно, что окружить сколько-нибудь значительные силы противника не удается. Но Приморская армия возвращала себе — за один этот день! — те рубежи между Большим Аджалыкским и Куяльницким лиманами, за которые шли ожесточеннейшие бои в конце августа, когда мы не смогли их удержать.

То, что происходило сейчас, было разгромом левого крыла осаждавших Одессу вражеских войск — 13-й и 15-й пехотных дивизий, чуть на прорвавшихся три-четыре недели назад к Пересыпи.

Преследуя противника, дивизия Томилова через два часа после возобновления атак вышла на рубеж хутора Шевченко и расположенных к востоку от него высот. Дивизия Коченова овладела районами совхоза имени Ворошилова, Вапнярки, Александровки.

Мы отдавали себе отчет, что, пока неприятель, не перебросил на это направление свежие части, можно продвинуться и дальше. Однако командарм Софронов меньше всего был склонен неосмотрительно увлечься подобной возможностью.

Оттеснив врага на 8-10 километров, выбив его с позиций, откуда он обстреливал город и порт, войска выполнили поставленную им задачу. Идти дальше означало расширять еще больше фронт Восточного сектора. А ведь удерживать его предстояло по-прежнему одной дивизией Коченова: дивизия Томилова нужна была на других направлениях, чтобы потеснить противника там.

С наступлением темноты 157-й дивизии было приказано прекратить преследование неприятельских частей. К этому, времени между 633-м полком и его правым соседом опять образовался большой разрыв, который следовало ликвидировать как можно быстрее.

В 23 часа войскам передали боевое распоряжение, где указывалась новая линия обороны. Она начиналась по ту сторону Большого Аджалыкского лимана за Новой Дофиновкой (удерживать Старую Дофиновку и Чебанку, через которые прошел десант, задача не ставилась) и пролегала затем севернее освобожденных Александровки и Гильдендорфа, сохраняя между лиманами дугообразную форму нашего прежнего переднего края. Территория одесского плацдарма увеличивалась примерно на 120 квадратных километров.

Ночью моряки Осипова встретились со своими товарищами из 3-го морского полка. Он включался теперь в дивизию Коченова вместо 54-го Разинского, который наконец-то можно было (это мы сделали через несколько диен) полностью вернуть в Чапаевскую.

Той же ночью началась замена на достигнутых при контрударе рубежах полков 157-й дивизии. Они отводились пока в Нерубайское и Усатово, с тем чтобы затем занять участки в Западном и Южном секторах.

* * *

Наваливались заботы, связанные с новой перегруппировкой войск. Требовалось безотлагательно вникнуть в положение дел на тех направлениях, от которых в известной мере отвлекла внимание организация контрудара.

Однако, чем бы ни приходилось заниматься, какие бы новые тревоги, осложнения, трудности ни появлялись, на душе было празднично. Такое же настроение чувствовалось у всех вокруг, в том числе и у тех, кто приезжал из других секторов.

Приморцы воспрянули духом, узнав, что в Одессу прибывает новая дивизия. Люди сделали все, чтобы продержаться, пока она

вступит в общий боевой строй, и теперь, когда противнику был нанесен крепкий удар с нашего плацдарма, испытывали чувство окрыляющей гордости. Осажденная Одесса показала, что она не только неприступна для врага, но и способна отбрасывать назад целые дивизии фашистских захватчиков.

В штарме сходились на том, что 13-ю пехотную дивизию противника мы на этот раз, по-видимому, доконали. И действительно, в дальнейших боевых действиях под Одессой она практически не участвовала. Крепко досталось и 15-й пехотной, хотя она, вероятно, понесла относительно меньшие потери.

Точно определить урон, нанесенный противнику за день контрудара, было, конечно, невозможно. Нашим командам пришлось похоронить около двух тысяч румынских солдат и офицеров. Несколько сот человек сдались в плен.

Через день в частях читали приказ войскам Одесского оборонительного района, подводивший итоги контрудара.

"Только по предварительным данным, — говорилось в нем, — дивизии захватили трофеи: разных артиллерийских орудий — 33, станковых пулеметов — 110, автоматов и ручных пулеметов -113, минометов — 30, винтовок -1150, мин — 15 000, снарядов — около 4000".

Этот перечень был еще далеко не полным. В приказ не попали 6 трофейных танков. Орудий в конечном счете оказалось 38, а винтовок — более 2 тысяч. Сбором трофейного имущества несколько дней занимался батальон выздоравливающих. Многое сразу же находило применение. Армии не хватало, например, телефонного кабеля, и в хозяйстве майора Богомолова оказались нелишними сто километров провода с неприятельских линий связи.

О поражении, нанесенном на подступах к Одессе двум вражеским дивизиям, о взятых трофеях оповестило страну Совинформбюро. Но, разумеется, еще до этого узнал о победе своих защитников наш город.

Тракторы-тягачи прибуксировали по главным одесским улицам захваченные за Большим Аджалыкским лиманом дальнобойные орудия. На их длинных, стволах и броневых щитках бойцы написали мелом: "Больше стрелять по Одессе не будет!" Этот своеобразный парад принимал весь город — на улицы высыпали стар и млад.

Идея показать одесситам орудия, принесшие им столько бед и горя, а теперь отбитые у врага, принадлежала, кажется, дивизионному комиссару Воронину. И Одесса выражала свою радость темпераментно, горячо.

Обстрел города, порта и подходов к нему с северо-востока

прекратился полностью. В этом и заключался главный результат сентябрьского контрудара. Вытеснение врага с побережья Одесского залива означало конец такого положения, когда каждое судно еще на пути к нам оказывалось под артиллерийским огнем.

У противника, правда, сохранялась возможность обстреливать Одессу с юга из-за Сухого лимана, а также с запада — со стороны Дальника. Но оттуда он стрелял по площадям, не видя целей. Это казалось уже не таким страшным после того, как город избавился от губительного огня, корректируемого с побережья и с высот между северными лиманами. А до порта, как и до района Пересыпи, снаряды теперь вообще не долетали.

Почти двое суток обстрела не было и с юга. Наши разведчики и штабы дивизий докладывали о перегруппировке частей 4-й румынской армии. Еще 22 сентября противник начал спешную переброску резервов на восточное направление, явно опасаясь, что наше наступление там будет продолжаться. Атаки врага в других секторах не прекратились, но стали как-то неувереннее. Об отдельных участках фронта в дивизионных оперсводках впервые за долгое время говорилось: "День прошел спокойно".

Но если наш контрудар и вызвал в неприятельском стане некоторое замешательство, рассчитывать на то, что теперь оборонять Одессу станет легко, не было оснований, Соотношение сил противника и наших, с учетом пополнивших Приморскую армию 157-й дивизии и 3-го морского полка, выражалось более или менее точно формулой: четыре к одному.

Объявляя благодарность всему личному составу частей и кораблей, участвовавших в операции 22 сентября, и предлагая командирам и военкомам представить особо отличившихся к правительственным наградам, Военный совет ООР призвал защитников Одессы к мужеству и стойкости.

Контрудар 22 сентября навсегда остался для меня одним из тех событий, которые, вопреки тогдашнему тяжелому положению на юге (об остальном фронте мы знали меньше), укрепляли веру в близящийся перелом в общем ходе войны. В этом смысле скромный вообще-то боевой успех, достигнутый в Восточном секторе, как бы перерастал масштабы Одесской обороны.

Операция, проведенная с целью улучшить обстановку на правом фланге нашего плацдарма и избавить город и порт от артиллерийского обстрела, сыграла свою роль в дальнейшем развитии совместных действий армии и флота.

Черноморцы по праву гордились десантом у Григорьевки — первым (если не считать десанты на Дунае) из многих, которые им довелось высаживать за войну. Высадка его действительно прошла успешно и, очевидно, дала морякам опыт, полезный для

будущего. Однако поддержку флота мы ощутили прежде всего в том, что он сумел в сложных условиях, при усиливавшихся ударах противника по морским коммуникациям, исключительно быстро и без потерь перебросить в Одессу с Кавказа 157-ю дивизию. Тут много значил каждый выигранный день.

Переход кораблей с войсками был организован так, что выделенная Ставкой дивизия сошла на одесскую землю раньше, чем мы могли рассчитывать. Войскам, наносившим контрудар, хорошо помогли флотская авиация, базировавшаяся на аэродромах Крыма, корабельная артиллерия и, конечно, береговые батареи. Опыт взаимодействия с этими силами флота, накопленный за полтора месяца отражения вражеских атак, позволил уверенно вести совместные с ними наступательные действия.

Во имя грядущей победы

Одесса, избавившаяся от обстрела со стороны северных лиманов, жила под впечатлением нашего контрудара. Чтобы понять, что значил для приморцев этот успех, надо представить, каких усилий стоило полтора месяца отбивать изо дня в день ожесточенные атаки и как горько было сознавать, что враг все-таки постепенно оттесняет нас все ближе и ближе к городу. И вот, получив долгожданное подкрепление, мы смогли не только потеснить врага, но кое-где и обратить его в бегство.

Имей армия возможность наращивать введенные в наступление силы, успех можно было бы развить. Даже в штарме кое-кому начинало казаться, что контрудар в Восточном секторе может перерасти чуть ли не в разгром осадившей Одессу неприятельской группировки — быстрое продвижение войск на ограниченном участке порождало иллюзии…

— Сейчас-то можно продвинуться еще, а что станем делать потом? — ворчал чувствовавший такие настроения Софронов перед тем, как отдать Томилову приказ о прекращении преследования противника.

Наверное, и сам Георгий Павлович, как ни сознавал он, что пора остановиться, должен был подавлять в себе внутреннее сопротивление этому решению. Нелегко командарму останавливать войска, охваченные боевым наступательным порывом!

Впервые с начала Одесской обороны (раньше это исключалось по обстановке) Военный совет армии счел возможным собрать у нас на КП командиров и комиссаров дивизий, а также некоторых частей. Анализируя положение в секторах, командарм прежде всего обращал внимание на слабые места, возникающие не от недостатка резервов или боеприпасов, а от того, что не все еще научились по-настоящему воевать: не везде активно велась разведка, плохо прикрывались стыки, много недоделок имелось в инженерном оборудовании рубежей…

Совещание, проходившее ночью, было недолгим. Командиры соединений и частей смогли переговорить с членами Военного совета, начальником артиллерии, командующим ВВС, представителями служб тыла. Интересно было им встретиться и друг с другом — многие не виделись давно.

Главное, что определяло общее настроение, — это возросшая сила Приморской армии. Как-никак она имела теперь четыре стрелковые дивизии да еще спешенную кавалерийскую (правда, небольшой по сравнению с другими численности). Усиление

армии настраивало командиров на наступательный лад. Все надеялись, что в ближайшее время удастся отбросить врага подальше от Одессы также на южном и западном направлениях.

Уже после контрудара в Восточном секторе прибыли к нам опоздавшие принять в нем участие танковый батальон 157-й дивизии (15 настоящих танков!) и 422-й артиллерийский полк. Таким образом, дивизия Томилова, сыгравшая решающую роль в памятный день 22 сентября, становилась еще более сильной. Из контрудара она вышла с минимальными потерями: 19 убитых, 237 раненых. Получалось, что в наступлении, хорошо подготовленном, потери могут быть меньше, чем в обороне.

Остальные наши дивизии, имевшие в результате тяжелых боев в середине сентября большой некомплект личного состава, мы смогли пополнить. За 21–24 сентября армия получила с Большой земли 15 новых маршевых рот (3500 бойцов), а до конца месяца — еще 21 роту (4800 бойцов).

К 27 сентября закончилась перегруппировка войск в Южпом и Западном секторах. 157-я дивизия заняла 8-километровую полосу между 95-й и Чапаевской, полосы обороны которых значительно сократились. А размещение в этих секторах двух артполков, прибывших с дивизией Томилова, позволило увеличить почти вдвое плотность артиллерии, непосредственно поддерживающей пехоту.

Генерал Воробьев получил возможность вывести во второй эшелон (как оказалось, очень ненадолго) два из трех своих стрелковых полков.

К этому времени 161-й полк, бывший серебровский, принял новый (уже четвертый с середины августа) командир — полковник А. Г. Капитохин, только что прибывший из Москвы. Он знал Воробьева еще по гражданской войне и, услышав где-то, что Василий Фролович командует дивизией под Одессой, сумел добиться, чтобы и его направили сюда. Капитохин вернулся в Красную Армию после большого перерыва — много лет был на ответственной гражданской работе, — но освоился быстро.

В это же время выбыл из 95-й дивизии последний из довоенных командиров полков — П. Г. Новиков. При перегруппировке вышла из временного подчинения генералу Петрову 2-я кавдивизия, и полковник Новиков, как было намечено еще раньше, стал ее командиром.

Полковник Новиков имел репутацию командира не просто опытного, но и в высшей степени надежного. Мы были уверены, как бы ни пришлось трудно, как бы мало людей ни оставалось в строю, его 241-й стрелковый полк задачу выполнит. И пожалуй, никто из командиров полков не знал так досконально, как

Новиков, что происходит перед фронтом его полка у противника. Сведения, которыми он располагал, часто бывали очень полезными и для штарма.

На исходе сентября мы чувствовали себя на одесском плацдарме весьма уверенно, прочно, как никогда. Если отвлечься от общей обстановки на юге, положение под самой Одессой представлялось благоприятным для дальнейшей длительной обороны. И притом обороны еще более активной, предусматривающей последовательное улучшение своих позиций, оттеснение противника, где можно, подальше от города.

Военный совет обсудил вопрос о подготовке армии к зиме. Интендант 1 ранга А. П. Ермилов доложил, что уже развернуты мастерские, в которых предстоит сшить несколько десятков тысяч комплектов теплого обмундирования — телогреек и ватных брюк. На это пошел материал, обнаруженный в свое время хозяйственниками в застрявшем на железнодорожных путях эшелоне.

Командиры соединений получили указание использовать передышки между боями для дооборудования землянок с учетом близких холодов, особенно на тех позициях, которые мы не собирались в ближайшее время улучшать. Начальник штаба 95-й дивизии Р. Т. Прасолов докладывал, что у них во втором эшелоне организована заготовка картофеля и засолка капусты. Того и другого было немало на заброшенных теперь полях пригородных совхозов. Запасались также соломой для утепления землянок. После того как удалось отбросить врага в Восточном секторе, в армии уверились, что зимовать нам под Одессой.

Готовился к зиме и город. 24 сентября бюро обкома партии приняло постановление об улучшении условий жизни в катакомбах и подвалах, куда переселились, спасаясь от бомбежек, тысячи семей.

Одесские предприятия получали дополнительные заказы на разного рода вооружение. Город уже дал армии четыре бронепоезда, десятки танков-бронетракторов, сотни тысяч гранат, десятки тысяч мин. Наладился ремонт стрелкового оружия. А производство 50-миллиметровых минометов достигло такого размаха, что мы смогли выделить партию их для формировавшихся в Крыму морских бригад.

В последние дни сентября во многих частях приморцев побывали делегации трудящихся. Делегатов, посетивших 95-ю дивизию, возглавлял секретарь горкома партии В. Ф. Гунчук. Гости привезли бойцам подарки. Разойдясь по подразделениям, они провели ночь в передовых окопах. Солдаты слушали их рассказы о том, как живет город, одесситы находили на рубежах

обороны своих земляков — в любой части были и местные жители, мобилизованные из запаса, и добровольцы истребительных батальонов, ставшие красноармейцами.

Происходили встречи с командирами и бойцами, которых делегаты Одессы уже знали заочно по их фронтовым делам. Местные газеты и радио изо дня в день рассказывали об отличившихся защитниках города, и имена многих из них стали знакомы десяткам тысяч людей.

Популярны были в городе командир полка моряков Яков Иванович Осипов, герои-летчики Михаил Асташкин, Аггей Елохин, Алексей Маланов и другие, бесстрашные комиссары С. Е. Ливший, Н. А. Верховец, В. А. Митраков, капитан-артиллерист Василий Барковский, минометчик Владимир Симонок, истребитель танков Дмитрий Якунин. Да разве перечислишь всех, о ком шла по Одессе боевая слава!

Широкую известность приобрел среди своих земляков боец-богатырь, недавний грузчик порта, Яков Бегельфер, который уничтожил штыком и прикладом больше двух десятков фашистов. Почти невероятные, хотя и совершенно правдивые, истории рассказывались об артиллерийском разведчике младшем сержанте Александре Нечипуренко, депутате областного Совета. Чтобы лучше корректировать огонь подвижной береговой батареи, он пробирался со своей рацией в расположение противника, а на обратном пути уничтожал гранатами то минометный расчет, то пулеметное гнездо. Однажды Нечипуренко вернулся с упряжкой лошадей, которые везли румынскую противотанковую пушку и ящики, полные боеприпасов…

В ночь на 23 сентября из Новороссийска пришел транспорт "Чапаев", доставивший в Одессу новое, тогда еще никому из нас не знакомое оружие. В телеграмме, предварившей прибытие судна, командующий флотом предупреждал об особой секретности этого оружия и особой ответственности за то, чтобы оно ни при каких обстоятельствах не попало в руки врага.

Для швартовки "Чапаева" отвели не используемый обычно причал. Следовавшие на транспорте бойцы сами оцепили место выгрузки. На причале вскоре появились грузовые машины с какими-то надстройками, которые издали показались похожими на понтоны, но почему-то зачехленные.

А на армейский КП явился невысокого роста старший лейтенант, представившийся как командир отдельного гвардейского минометного дивизиона Небоженко.

Это происходило через два месяца после того, как наша реактивная артиллерия произвела на советско-германском

фронте свой первый боевой залп. О гвардейских минометах, которые бойцы окрестили потом "катюшами", еще ничего не сообщалось в печати, и мы в Одессе хотя и слышали о них, однако представление имели довольно смутное. Насколько мы знали, таких дивизионов было пока очень немного. Выделение одного из них для Одесского оборонительного района подтверждало большое внимание Ставки к нашему участку фронта.

Дивизион П. С. Небоженко зачислили в армейский резерв с подчинением начальнику артиллерии. Для охраны техники выделили стрелковый взвод. Кроме того, по требованию командира дивизиона, имевшего соответствующую инструкцию, в его распоряжение передали группу саперов для уничтожения боевых установок в случае угрозы захвата их противником.

Старший лейтенант ревностно оберегал свои машины от постороннего глаза, не разрешая осматривать их почти никому. Но полковника Рыжи он познакомил с ними обстоятельно, и уже тот просветил оперативных работников штарма.

Посмотреть, как действует новое оружие, выезжали на наблюдательный пункт контр-адмирал Жуков, члены Военного совета ООР. Первый залп произвели в районе Дальника — там противник продолжал атаки. Ночью Небоженко вывел свои машины на огневую позицию (сразу после залпа ее надлежало покинуть). Рыжи выделил дивизиону отдельный участок в полкилометра шириной, по которому не должна была вести огонь обычная артиллерия. Неприятельские траншеи в этом месте хорошо просматривались с нашей стороны.

Вражеская атака началась как по расписанию, через час после рассвета. На соседних участках на пехоту противника, находившуюся еще на исходных позициях, обрушился огонь наших батарей. Иван Ефимович Петров, который также был на НП вместе с Рыжи (дело происходило в полосе его дивизии), торопил Николая Кирьяковича подавать команду гвардейцам-минометчикам…

— Гвардейцам — огонь! — приказал начарт по телефону, когда наступило время.

Взвились клубы дыма, раздались рев и скрежет, и небо прочертили десятки огненнохвостых ракет. Все наблюдавшие этот залп видели такую картину впервые. По совету командира дивизиона бойцов, оборонявшихся на этом участке, специально предупредили, что будет нечто особенное — чтоб не пугались.

А затем ракеты стали с ослепительным блеском и раскатистым грохотом рваться там, где только что поднялась в атаку неприятельская пехота. Когда грохот стих, до нашего наблюдательного пункта донеслись истошные вопли, и было

видно, как те солдаты, что уцелели в траншеях, в панике бегут.

По словам Рыжи, у противника началась такая паника, что прекратили огонь находившиеся поблизости, но не задетые залпом батареи. Утренняя атака врага на этом участке была сорвана сразу. Потом, правда, он опомнился. В тот раз "катюши" дали всего одни залп, и шок не мог продолжаться слишком долго.

В дальнейшем дивизион Небоженко использовался при отражении попыток противника прорвать наш фронт в районе Татарки и Болгарских хуторов. Огонь гвардейских минометов неизменно ошеломлял врага. Но присланный нам запас реактивных снарядов был невелик, и мы расходовали их экономно, берегли ракетные залпы для нового контрудара, к которому готовились.

Планируя, где применить эту огневую силу, я был далек от мысли, что ракетное оружие, начинавшее тогда свою боевую историю, может стать в будущем моей военной специальностью, главным делом всей моей жизни… И конечно, невозможно было в то время представить, какой фантастической мощи, какого изумительного технического совершенства достигнут в последующие десятилетия наши советские ракеты — потомки скромных "катюш" сорок первого года.

Перегруппировка, обеспечившая сосредоточение основных сил армии в Южном и Западном секторах, уже была подготовкой к нанесению врагу нового контрудара.

Замысел, который вынашивал командарм, сводился к тому, чтобы ударом в направлении Ленинталь, Петерсталь (совхоз "Авангард", Петродолинское) разгромить неприятельскую группировку, вклинившуюся в нашу оборону на левом фланге, и выйти здесь на прежний рубеж. Тогда стал бы невозможен обстрел Одессы и с этого направления. Фронт отодвинулся бы от города на расстояние, при котором не так уж опасны всякие неожиданности. Важно было также оградить от огневых налетов стационарные береговые батареи, к которым враг за последнее время пристрелялся.

Излагая свою идею, Софронов не скрывал, что она сопряжена с немалым риском, гораздо большим, чем план, который мы осуществили в Восточном секторе.

— По науке, как тебе известно, полагается иметь для успеха наступления в три раза больше сил, чем имеет противник, — говорил Георгий Павлович. — У нас же тут получится почти наоборот. Если, допустим, введем в наступление три дивизии, считая и кавалерийскую, то у противника их в этой полосе наберется до пяти. А под боком есть и еще… В артиллерии и авиации соотношение сил еще хуже для нас. Выходит, авантюра?

А по-моему, все-таки не авантюра, и решиться можно.

Командарм верил в высокий боевой дух наших красноармейцев и командиров, которые, окрыленные сейчас успехом в Восточном секторе, почувствовали свою силу. А моральное состояние войск противника было таково, что, несмотря на численный перевес, они вряд ли способны проявить особую стойкость при нашей решительной атаке, поддержанной хорошим огнем.

На столе у Софронова лежала очередная пачка переведенных в отделе майора Потапова писем и дневников убитых неприятельских солдат и офицеров. Георгий Павлович находил особенно показательными офицерские дневники: в них появилось столько откровенного нытья и жалоб на судьбу, что это говорило о многом.

Уже несколько раз наблюдались такие случаи: происходит на каком-нибудь участке огневой налет, похожий по всем признакам на артподготовку, но атака за ним не следует… Наши командиры, докладывавшие об этом, делали вывод, что офицеры противника, очевидно, не смогли поднять своих солдат из окопов.

— Пусть у них здесь пять дивизий, а у нас в лучшем случае наберется три, развивал свою мысль командарм. — Но это неприятель, уже основательно нами потрепанный…

Мне казалось, что Георгий Павлович прав — наносить новый контрудар можно и нужно. Раз появилась у нас свежая дивизия и вновь пополняются остальные, следует держать противника в напряжении, навязывать ему свою волю. Если же будем только отбиваться от его атак, он в конце концов нас сомнет. В таком духе я и ответил Софронову. Он был заметно обрадован, что наши мнения совпали.

Прежде чем вносить предложение о новом контрударе на рассмотрение Военного совета ООР, Георгий Павлович поделился своими соображениями и с другими товарищами. Генерал Шишенин отнесся к его идее осторожно, высказав некоторые сомнения в успехе задуманного. Но контр-адмирал Жуков полностью поддержал Софронова. Решение наступать в Южном секторе было принято, и я засел за разработку плана.

Возникло, однако, непредвиденное осложнение: не поступила вовремя ожидавшаяся с Большой земли партия снарядов. Как затем выяснилось, задержка имела серьезные причины. 27 сентября командующий флотом прислал Военному совету ООР телеграмму, где предлагалось экономить боеприпасы, так как на регулярность снабжения Одессы может повлиять тяжелое положение, создавшееся на подступах к Крыму.

В наличии у нас имелось лишь около половины боекомплекта

для основных калибров полевой артиллерии. Дивизионный комиссар Воронин стоял за то, чтобы наносить удар с этими снарядами, поскольку артиллерию частично заменят гвардейские минометы. Но тут уж и Софронов считал, что это было бы слишком большим риском.

Приходилось ждать снарядов, и ориентировочный срок второго контрудара стал отодвигаться со дня на день.

Не следует думать, что, пока шла перегруппировка армии, на фронте под Одессой ничего не происходило и противник не проявлял никакой активности.

Выдался, правда, один-единственный день — 27 сентября, о котором в отчетных документах армии сказано: "Боевых действий не было". Во все остальные дни шли бои, отбивались атаки и на некоторых участках положение бывало весьма напряженным.

Готовясь к наступлению в Южном секторе, приходилось уделять неослабное внимание и Восточному. В результате сентябрьского контрудара полоса дивизии Коченова расширилась до 23 километров. А плотность артиллерии оставалась здесь самой низкой на всем плацдарме: меньше четырех стволов на километр, считая и противотанковую. К тому же 421-я дивизия вновь переживала организационный период в связи с заменой Разинского полка 3-м морским.

— Яков Иванович Осипов говорит, что пора п меня зачислять в моряки, — шутил Коченов. — Два из трех полков — морские!..

Между тем с 3-м морским полком происходило примерно то же, что пережил в начале Одесской обороны 1-й морской. Краснофлотцы, отлично показавшие себя в десанте, не умели и не любили окапываться и вообще были не в ладах с сухопутной тактикой, не знали многого, от чего зависит стойкость в обороне.

Все это имело неприятные последствия: 26 сентября противник, атаковав наш правый фланг за Большим Аджалыкским лиманом, выбил моряков из Новой Дофиновки. Правда, ненадолго: через шесть часов морской полк, поддержанный огнем кораблей, вновь овладел этим селением, нанеся врагу значительный урон. Подтверждалась уже известная нам истина: моряки, только начинающие воевать на суше, сильнее в атаке, в наступлении, чем в обороне.

Коченову пришлось, как это было сделано в свое время в полку Осипова, заменить и в 3-м морском часть командного состава армейцами, более подготовленными тактически. В полк добавили пулеметов, влили человек четыреста пехотинцев из нового маршевого пополнения. С разрешения командарма Коченов пошел и на такую меру: моряки побатальонно выводились на два-три дня в тыловой район для практической

учебы. Результаты не замедлили сказаться.

— Освоились морячки в окопах, — докладывал, вскоре командир 421-й дивизии.

Тем временем противник, усилив свой левый фланг, 28 сентября предпринял наступление вдоль восточного берега Куяльницкого лимана — на Гильдендорф, одновременно атакуя на перешейке между Куяльницким и Хаджибейским лиманами.

Это наступление было сорвано решительными действиями наших частей. В числе трофеев дивизии Коченова оказалось 40 станковых пулеметов, более 250 винтовок, два десятка автомашин.

Героями дня стали артиллеристы, особенно 134-й гаубичный полк майора И. Ф. Шмелькова. По вражеской пехоте били также находившиеся на этом участке зенитчики. А из Западного сектора, как уже бывало в августе, поддержал соседей через Хаджибейский лиман артполк майора П. И. Полякова. Сосредоточенный огонь артиллерии остановил наступающего врага, заставил залечь и предрешил успех последовавшей затем контратаки.

Отбита была и еще одна попытка противника потеснить нас за Большим Аджалыкским лиманом, у Новой Дофиновки.

29 сентября в Одессу были доставлены из Новороссийска необходимые для нового контрудара снаряды. Я закончил подготовку боевого приказа и составил плановую таблицу наступления в Южном секторе. Назначалось оно на 2 октября. Но произошли события, изменившие наши планы.

В ночь на 1 октября в Одессу прибыл из Севастополя на быстроходном катере заместитель наркома Военно-Морского Флота вице-адмирал Г. И. Левченко. Он давно уже находился на Черном море и за время Одесской обороны бывал у нас неоднократно. Однако в этот раз Гордей Иванович, как оказалось, спешил сюда по совершенно особым причинам.

Немедленно по прибытии Левченко собрался Военный совет оборонительного района. На заседании, как обычно, присутствовали начальник штаба ООР Г. Д. Шишенин и командарм Г. П. Софронов, был приглашен также командир военно-морской базы И. Д. Кулешов. Уже по экстренности созыва этого ночного заседания чувствовалось, что возник какой-то вопрос исключительной важности. Причем он не мог быть связан с обстановкой на одесском плацдарме: тут не происходило ничего особенного.

Когда заседание окончилось, меня вызвал Гавриил Данилович Шишенин.

— Одессу оставляем, — глухо сказал он. — Адмирал

Левченко привез директиву Ставки…

Вскоре я смог сам прочесть этот документ.

"…В связи с угрозой потери Крымского полуострова, представляющего главную базу Черноморского флота, — говорилось в директиве, датированной 30 сентября, — и ввиду того, что в настоящее время армия не в состоянии одновременно оборонять Крымский полуостров и Одесский оборонительный район, Ставка Верховного Главнокомандования решила эвакуировать Одесский район и за счет его войск усилить оборону Крымского полуострова".

Дальше следовали пункты с вытекавшими из этого решения практическими указаниями. Первый из них гласил:

"Храбро и честно выполнившим свою задачу бойцам и командирам Одесского оборонительного района в кратчайший срок эвакуироваться из Одесского района на Крымский полуостров".

Командующему 51-й армией предписывалось бросить все силы для удержания Арабатской стрелки, Чонгарского перешейка, южного берега Сиваша и Ишуньских позиций до прибытия войск ООР; командующему Черноморским флотом — приступить к переброске войск и материальной части ив Одессы в порты Крыма. Вооружение и армейское имущество, которое нельзя эвакуировать, надлежало уничтожить.

Иногда приходится читать, что решение Ставки оставить Одессу явилось для участников обороны и даже для ее руководителей неожиданным. Но спорю, может быть, для кого-нибудь оно было именно таким. Однако про себя сказать этого не могу. Развитие событий на юге за предшествовавшие дни постепенно подготавливало и к такой возможности.

Пусть в общих чертах, без подробностей, но мы знали, какое положение складывается в Крыму, уже отрезанном на суше и связанном с остальной страной, как и наш плацдарм, лишь морем. А если немцы ворвутся в Крым, как снабжать тогда Одессу? И оправдано ли распыление отнюдь не безграничных морских транспортных ресурсов уже сейчас, когда и для питания армии в Крыму, очевидно, необходимы крупные перевозки с Кавказа? Такие мысли волей-неволей возникали при взгляде на карту, если отвлечься от того, что происходило на самом одесском плацдарме.

Да, мы могли удерживать его и впредь — сейчас в этом не было никаких сомнений. Но только при бесперебойном сообщении с Большой землей. Причем доставлять оттуда кроме боеприпасов требовалось также и продовольствие, фураж, горючее — наличные запасы всего этого почти иссякли.

А обстановка на черноморских коммуникациях становилась все более сложной. У противника появились самолеты, охотящиеся за нашими судами. В памяти свежи были тяжело пережитые потери кораблей в день высадки десанта и раньше. И уже не раз приходило на ум: если так пойдет дальше, не приведет ли удержание Одессы к слишком большому, не восполнимому в условиях войны ослаблению Черноморского флота?

А из директивы Ставки выяснилось и другое: сил 51-й армии недостаточно, чтобы удержать Крым. Адмирал Левченко, который только что сам был на севере Крымского полуострова, сообщил, что наши войска отходят на Ишуньские позиции, где нет надежных оборонительных сооружений.

Быстрое оставление Перекопа потрясло нас и казалось непонятным: он с юности вошел в сознание как неприступная твердыня. Но раз уж так вышло, что мы не удержались на Перекопе и есть угроза потерять Крым, дальнейшее пребывание целой армии под Одессой становилось неоправданным.

В такой обстановке представлялось разумным, обоснованным предложение, которое внес в Ставку Военный совет Черноморского флота — это он поставил перед Верховным Главнокомандованием вопрос об оставлении Одессы. Приморская армия продолжала сковывать крупные силы противника. Сейчас — более крупные, чем когда-либо раньше. Однако для обороны Крыма она стала еще нужнее.

Слов нет, после того как армия вместе с флотом отстояла Одессу, после того как мы уверились, что не пустим в нее врага, сдавать город было неимоверно тяжело. По-человечески я понимал тех, кто, получив директиву, еще не хотел верить, что наш уход отсюда неизбежен. Как сказал Шишенин, моряки, а также секретарь обкома партии А. Г. Колыбанов надеялись убедить Ставку и командование флота, что оборону города надо продолжать. Им хотелось верить: Крым выстоит и без наших дивизий, как выстояла в свои критические дни Одесса.

Заседание Военного совета, прерванное, чтобы проанализировать создавшуюся обстановку, возобновилось через несколько часов. Поборов свои чувства и шире взглянув на вещи, все уже были готовы обсуждать способы выполнения новой задачи в практическом плане.

Задача эта была труднейшей, на первый взгляд — почти невыполнимой. Услышав от Шишенина "Одессу оставляем", я невольно подумал: "А как уйдем?"

Продолжать оборонять город от превосходящих нас вчетверо вражеских сил, вести бои даже на уличных баррикадах — все это казалось проще, чем суметь без больших потерь вывезти войска с

пятачка в неприятельском тылу. А весь смысл был именно в том, чтобы обойтись без больших потерь — только боеспособная армия могла помочь Крыму.

Мы знали, чем кончилась год назад попытка англичан эвакуировать свою армию из Дюнкерка. Впрочем, думалось не об этом печальном опыте, а о наших конкретных условиях. Надо было как-то перехитрить противника, имевшего реальную возможность не выпустить нас в Крым…

Над планами эвакуации и их обеспечением предстояло еще много работать. Но начать отправку войск требовалось немедленно, в те же сутки. С Большой земли уже вышла первая группа транспортов, и следующей ночью они ожидались в Одессе.

Чтобы быстрее помочь 51-й армии, решено было в первую очередь отправлять самую боеспособную из наших дивизий — 157-ю. Сразу после заседания Военного совета ее командира Д. И. Томилова и комиссара А. В. Романова вызвали на КП.

Общие сроки эвакуации в директиве Ставки не указывались, из чего следовало, что определять их надо самим. Но пока еще не выяснилось, когда и сколько транспортных средств в состоянии предоставить флот. Поэтому наш первоначальный план не мог быть подкреплен точными расчетами.

Ориентировочно он предусматривал отправку до 6 октября полков 157-й дивизии и приданной ей артиллерии, а также всех раненых. В течение следующего этапа — с 7 по 15 октября должны были эвакуироваться тылы армии и военно-морской базы, тяжелая боевая техника, инженерные и строительные батальоны, квалифицированные рабочие, остававшиеся в городе семьи военнослужащих, партийного и советского актива. На последний этап — с 16 по 20 октября — оставалось самое сложное: вывод из боя и отправка на Большую землю основных сил армии и частей прикрытия.

Когда обсуждался этот план, претерпевший потом значительные изменения, поступили телеграммы от наркома Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецова и начальника Главного политуправления ВМФ И. В. Рогова. Они требовали обратить особое внимание на скрытность эвакуации, предостерегали от повторения ошибок, допущенных при оставлении Таллина (там балтийцы потеряли ряд кораблей и транспортов, в частности, из-за того, что они уходили в дневное время).

Безотлагательно, одновременно с принятием мер по выполнению директивы Ставки, потребовалось решить, как быть в изменившейся обстановке с подготовленным контрударом в Южном секторе. Прежний план в любом случае нуждался в пересмотре, поскольку на 157-ю дивизию в полном составе

рассчитывать уже не приходилось.

Командование ООР решило: контрудар наносить. Теперь это приобретало новый смысл — наступление должно было ввести противника в заблуждение относительно наших дальнейших намерений. Но цель ставилась гораздо более скромная: для разгрома неприятельской группировки, противостоявшей нашему левому флангу, остававшихся сил было явно недостаточно.

К середине дня 1 октября была готова новая плановая таблица боя. Вскоре исполнители получили ее вместе с боевым приказом.

Все начиналось 2-го утром. Основной удар наносила в направлении Ленинталя Чапаевская дивизия с приданным ей одним полком 157-й. В распоряжении генерала Петрова находились дивизион гвардейских минометов и танковый батальон. Слева от чапаевцев наступала кавдивизия. Кроме артиллерии атакующих дивизий их поддерживали с правого фланга дивизионы Западного сектора, а также богдановцы, береговые батареи, два бронепоезда и 422-й тяжелый гаубичный полк — тот, что прибыл вслед за дивизией Томилова и в боях еще не участвовал.

Дмитрий Иванович Томилов очень расстроился, узнав, что его дивизия должна покинуть Одессу, да еще раньше всех. Когда его спросили, какой из стрелковых полков он предлагает оставить для участия в контрударе, комдив назвал 384-й полковника Аксенова, как самый лучший. Другой полк дивизии мы выводили пока в армейский резерв. А третьему предстояло вместе с легкими артиллерийскими батареями погрузиться этой же ночью, за несколько часов до контрудара, на "Украину", доставившую нам снаряды, п на "Жан Жорес", только что пришедший с грузом продовольствия.

Поздно вечером на КП армии приехал Иван Ефимович Петров. На это он испросил разрешения у командарма, после того как получил боевой приказ и плановую таблицу боя. Командиру Чапаевской дивизии, решавшей завтра основную задачу, хотелось о чем-то переговорить лично с Софроновым.

День, полный переживаний для всех, кто был ознакомлен с директивой Ставки (о ее содержании знали даже в штарме пока немногие), принес Георгию Павловичу еще и большое личное горе: пришла телеграмма о том, что на фронте под Москвой погиб его старший сын. Придержать бы эту телеграмму, хоть до завтра… Но связисты, ни с кем но посоветовавшись, вручили ее командарму прямо за ужином.

Софронов встретил горе мужественно. Он сразу же вернулся к делам, выслушивал доклады о подготовке к наступлению, о том,

что полки 95-й дивизии, выводившиеся во второй эшелон, снова заняли оборону на переднем крае. Потом долго один на один разговаривал с Петровым.

Когда тот уехал к себе и я явился к командарму с документами по плану эвакуации (поступили уже сведения о транспортах, которые придут в ближайшие дни), Софронов устало произнес:

— Тревожится Иван Ефимович за завтрашнее… Думаю, напрасно. Обещал быть к утру у него на КП…

Я понял, что разговор у них был неофициальный, товарищеский. Да и каким еще мог он быть после того, как приказ отдан? А у Петрова — это я уже хорошо знал — беспредельная личная храбрость сочеталась с расчетливой осторожностью, когда дело шло о замысле крупного боя. Видимо, его смущало, что после выключения из контрудара двух томиловских полков численный перевес противника в полосе завтрашней атаки окажется слишком велик. Но, разумеется, не могло быть сомнений — для выполнения боевой задачи генерал Петров сделает все, что в его силах.

Отпуская меня, Софронов сказал, что еще "помозгует" над планом вывода из боя основных сил армии. Он начал работать над ним с утра, несколько раз совещался с Жуковым и снова садился за расчеты: решение давалось трудно.

Командарм не спал и в прошлую ночь — после того как прибыл с новостями Левченко, было не до этого. Но сейчас он, наверное, все равно не смог бы уснуть: бороться с обрушившимся горем помогала ему только работа.

Несколько часов спустя за мною пришел адъютант Софронова старший лейтенант К. Ф. Шанин: командующий хотел дать какие-то указания.

Когда я вошел, Софронов сидел за рабочим столом в расстегнутом кителе, как-то неестественно откинувшись набок. Пальцы лежавшей на бумагах руки стиснули дымящуюся папиросу. Генерал был. очень бледен.

— Что с вами, Георгий Павлович? — встревожился я. — Вызвать врача?

— Погоди, сейчас пройдет, — не очень внятно проговорил он, не меняя позы. Резануло сейчас по сердцу будто ножом…

Шанин, вошедший вслед за мною, бросился за врачом. Выглянув в коридор, я подозвал двух первых попавшихся работников штаба, и мы уложили Софронова на стоявшую в нескольких шагах от стола койку. Он не сопротивлялся, только потянул за собою развернутую на столе карту.

Через две-три минуты появились дежурный врач и медсестра.

Георгий Павлович впал в полузабытье. Быстро принесли и стали пристраивать над койкой кислородную палатку.

— Боюсь, что это инфаркт, — шепотом сказал мне врач.

На командный пункт к генералу Петрову, куда собирался Софронов, выехал контр-адмирал Жуков.

Телефонной связи с Петровым не было, работал только буквопечатающий аппарат СТ-35. За сорок минут до начала контрудара я прочел с ленты телеграмму Петрова: комдив Чапаевской докладывал, что из-за неготовности тяжелого гаубичного полка вынужден перенести все на один час.

С этой поправкой дальше все шло по плану. 20-минутную артподготовку открыли своими сокрушительными залпами "катюши". В десять ноль-ноль чапаевцы с полком Аксенова и кавдивизия Новикова (конечно, в пешем строю) перешли в наступление.

На участке, обработанном гвардейскими минометами, противник сразу оставил первую линию обороны, начав беспорядочный отход. Наиболее упорное сопротивление он оказывал на левом фланге контрудара — там, где атаковала кавдивизия.

Я оставался на командном пункте армии. Когда выдавалась свободная минута, справлялся о состоянии командующего. Врачи, дежурившие около него, докладывали: больной спокоен, дремлет, его состояние не ухудшается. Становилось, однако, очевидным, что в напряженнейшие дни, когда надо было, продолжая бои, постепенно отправлять войска на Большую землю, командарм выбыл из строя.

Потом мне передали, что Софронов проснулся и просит зайти к нему.

— Что на фронте? Как наступление? — встретил он меня нетерпеливыми вопросами.

Решив, что добрые вести не повредят, я присел у койки и стая вкратце излагать самое главное:

— Все идет хорошо. Наступление началось по плану и развивается успешно. На некоторых участках противник побежал. Танкисты Юдина ворвались в Ленинталь…

Софронов заулыбался:

— Так это же здорово, Николай Иванович… Поздравляю тебя, голубчик!.. От таких новостей мне, кажется, сразу легче стало. А докуда дошли на левом фланге?

Но тут врач, уже делавший мне знаки, решительно вмешался, потребовав прекратить служебный разговор.

* * *

Во второй половине дня сопротивление противника стало

нарастать. Ошеломленный в первые часы внезапностью нашего натиска и мощью сосредоточенного огня, теперь он начал переходить в контратаки. Танкисты, пробившиеся вперед, оторвались от пехоты. Кавдивизия, встретив сильный и организованный отпор, продвинулась совсем незначительно.

Выполнив в полосе Чапаевской дивизии ближайшую задачу, генерал Петров приостановил наступление. Он доложил, что должен привести в порядок и выровнять части, ликвидировать образовавшиеся разрывы.

Нам приходилось делать паузу и во время контрудара в Восточном секторе 22 сентября. Но там обстановка была иной: наш ударный кулак сильнее, а резервы противника относительно далеко. Здесь они находились совсем близко, и двухчасовая передышка была использована не только нами. После нее наступление практически прекратилось — продвинуться дальше войскам не удалось.

Но и враг не смог выбить наши полки с достигнутого рубежа. Отразив все контратаки, чапаевцы и поли Аксенова закрепились к вечеру на линии, проходившей через хутор Дальницкий и гряду отлогих холмов западнее Дальника.

Особенно отличились в этот день танкисты. Батальон старшего лейтенанта Юдина, состоявший в основном из бронированных тракторов (в числе 35 машин, введенных в бой, было лишь несколько настоящих танков), действовал фактически самостоятельно, так как пехота за ним не поспевала. Давя врагов гусеницами и истребляя огнем, группы танков достигли низины к западу от Ленинталя. Юдин доносил потом, что батальоном уничтожено до тысячи солдат противника. Пусть эта цифра и не могла претендовать на особую точность, но, без сомнения, танки, созданные в осажденной Одессе, нанесли противнику 2 октября самый большой урон за все время их участия в боях.

Убедившись, что пехота их не догонит, танкисты повернули в конце концов обратно. Но возвращались они не с пустыми руками. Танки шли прямо на позиции неприятельских батарей, давя и разгоняя орудийные расчеты (никто не бросался навстречу им с гранатами, как бывает у нас: Софронов был прав, говоря, что от противника не приходится сейчас ждать особой стойкости в обороне). А затем исправные пушки прицеплялись к тракторам-танкам — как плуги или комбайны, для буксировки которых предназначались эти машины при первом своем рождении.

Так танкисты привели 24 орудия разных калибров. Сверх того прихватили много минометов и пулеметов — сколько сумели закрепить на танках и пушках.

Но и танковый батальон понес потери. Шесть или семь

бронетракторов были подбиты орудийным огнем, вышли из строя из-за технических неполадок. Большую часть личного состава этих машин спасли другие экипажи.

Общие потери войск, участвовавших в атаке, оказались значительнее, чем 22 сентября, чего и следовало ожидать. В полку Аксенова они составляли (вместе с ранеными) до трети его численности.

Много позже мне довелось прочесть описание этого нашего наступления, особенно атаки танкистов, в донесении командования 4-й румынской армии высшему начальству. Там обстоятельно перечислялись подразделения и части (8-й и 36-й пулеметные батальоны, 1-й батальон 2-го полка пограндивизии и т. д.), которые при прорыве наших танков обратились в паническое бегство и были потом остановлены лишь огнем своей артиллерии…

Эти признания врага подтверждали задним числом, что и в Южном секторе, имей мы больше сил, успех можно было бы развить. Конечно, в ограниченных пределах. Каково бы ни было смятение отдельных частей, на которые неожиданно обрушился наш удар, следует помнить про общее соотношение сил под Одессой: численный перевес противника был очень большим.

Но и такой удар, какой мы смогли нанести в Южном секторе, сыграл свою роль. И не только потому, что удалось основательно потрепать некоторые неприятельские части (мы считали, что уничтожено не менее четырех батальонов пехоты, а в числе трофеев было — вместе с добычей танкистов — 44 орудия, из них четыре тяжелых). Активные действия на новом направлении хорошо маскировали уже начатую эвакуацию, вводя противника в заблуждение. На наши атаки он ответил переброской на этот участок еще одной свежей дивизии.

Однако задача удержать рубежи, занятые чапаевцами 2 октября, теперь уже не ставилась. И 384-й стрелковый полк и 422-й гаубичный подлежали выводу в армейские тылы: эвакуационные расчеты, изо дня в день корректировавшиеся, показывали, что отправить в Крым всю дивизию Томилова, возможно, удастся раньше намеченного срока. По решению Военного совета Чапаевская дивизия 4 октября отошла на позиции, которые занимала до наступления. Так мы и определяли в последнем плане его замысел: ударить — и Отойти.

Вечером 4 октября я докладывал — вместо Г. П. Софронова — Военному совету ООР план вывода войск из боя и отвода их с оборонительных рубежей к пунктам посадки на суда. План этот, исходивший из первоначально намеченных сроков эвакуации, успел в значительной мере подготовить сам командарм.

Он отражал идею Г. П. Софронова: после того как будут эвакуированы 157-я дивизия, тяжелая техника, тылы, инженерные и строительные батальоны, в течение 16–20 октября отвести основные силы армии последовательно двумя эшелонами на рубеж прикрытия города.

В первый эшелон командарм включал Чапаевскую и кавалерийскую дивизии, во второй — 95-ю и 421-ю. Отвод войск предполагалось прикрывать арьергардами, оставшейся артиллерией, в том числе зенитной и береговой, а также огнем кораблей и флотской бомбардировочной авиацией.

— По мнению командующего армией, — докладывал я, — оставление частей на рубежах, занимаемых сейчас, не дает ощутимых преимуществ. Последний бросок войска могут сделать с более близких к порту позиций. Тогда для прикрытия эвакуации первого эшелона основных сил будет достаточно двух дивизий. Причем из дивизий первого эшелона одна эвакуируется сразу, а другая сначала выводится в резерв. Две последние дивизии должны держать оборону в течение суток и эвакуироваться в одну ночь.

Кроме членов Военного совета ООР на заседании были Г. Д. Шишенин, Н. К. Рыжи, Г. И. Левченко, А. Ф. Хренов, член Военного совета армии М. Г. Кузнецов, начальник поарма Л. П. Бочаров, начинж Г, П. Кедринский, командир Одесской базы И. Д. Кулешов и ее комиссар С. И. Дитятковский, начальник оперативного отдела штаба флота О. С. Жуковский (он прибыл вместе с адмиралом Левченко). Присутствовавшие высказали ряд замечаний и опасений, связанных главным образом с отводом двух последних дивизий. Я и сам чувствовал, что в плане есть уязвимые места, и, может быть, не только в этой его части. Задача была совершенно новой, никто не имел опыта организации чего-либо подобного. Да и просто не хватило времени продумать все до конца.

Тем не менее план в целом одобрили. Решили закончить 10 октября эвакуацию инженерно-строительных частей, 12–13 октября — тылов и тяжелой техники. Отправка дивизий, высвобождавшихся после сокращения фронта, намечалась на 17–18 октября, остальных — на 19–20 октября.

Для эвакуации требовалось пять-шесть транспортов ежедневно. Контр-адмирал И. Д. Кулешов доложил разработанный в штабе базы порядок посадки войск на суда и план прикрытия их при отводе в порт морской артиллерией,

Принятые решения представлялись на утверждение Военному совету Черноморского флота.

Еще раньше мы совместно с моряками разработали меры

обеспечения скрытности эвакуации и дезинформации противника. К ним относилась активизация действий наших частей на различных участках обороны и демонстративная подготовка к зиме — продолжение заготовки овощей, строительство землянок, выдача в некоторых подразделениях теплого обмундирования. Условились, что транспорты, идущие в Одессу, будут иметь на верхних палубах железные печи для землянок, ящики и мешки с продовольствием, а перевозка этих грузов из порта в части должна производиться в светлое время.

Капитан 2 ранга Жуковский обещал, что флотские разведчики подбросят противнику фиктивные документы, из которых будет явствовать, будто в Одессу перевозятся новые части. Особо тщательно маскировалась любая посадка войск и погрузка техники на суда.

Вскоре появились признаки того, что эти наши меры достигают цели. В октябре вражеская авиация все чаще атаковала транспорты на переходе от Большой земли к Одессе. Между тем суда, следовавшие обратно, почти не преследовались: противник, видимо, считал, что они идут порожняком.

Примечательна и такая деталь, ставшая известной, правда, уже после войны: на картах германского генштаба наша 157-я дивизия показывалась в районе Одессы вплоть до 15 октября, в то время как она давно уже находилась в Крыму…

Выход из строя Г. П. Софронова заставил Военный совет ООР решать вопрос о командующем Приморской армией. Обстановка требовала назначить нового командарма немедленно, а уж потом высшие инстанции могли либо утвердить его, либо заменить другим.

В Одессе было два генерала, которые могли возглавить армию: В. Ф. Воробьев и И. Е. Петров. Военный совет остановился на Иване Ефимовиче Петрове, учитывая, что он имеет больший боевой опыт. Насколько мне известно, сыграло роль и мнение генерала Софронова. Георгий Павлович нередко не соглашался в чем-либо с Петровым, на многое смотрел иначе, чем тот, но своим преемником рекомендовал именно его.

Чапаевскую дивизию принимал от Петрова генерал-майор Т. К. Коломиец, передавший армейский тыл своему заместителю А. П. Ермилову.

Г. П. Софронов нуждался в длительном лечении и покое, но врачи признали его транспортабельным, и 5 октября Георгия Павловича отправили на Большую землю. Одновременно отбыли из Одессы Г. И. Левченко и член Военного совета ООР, секретарь обкома партии А. Г. Колыбанов — его отзывали в Москву, на другую работу.

Обязанности службы не дали мне проводить командарма до порта. Простились в его кабинете. Георгий Павлович все еще дышал кислородом — воздух нашего КП был сейчас не для него.

Не сосчитать, сколько раз на дню в течение многих недель бывал я в этой неуютной подземной комнате, мрачность которой не скрашивал разостланный на полу большой ковер. Здесь мы вместе с командующим провели немало тревожных часов, когда положение на фронте становилось отчаянно трудным. Здесь радовались добрым вестям из секторов обороны и огорчались приходившими вслед за ними новыми осложнениями и тревогами.

Иногда после докладов об итогах боевого дня — они обсуждались обычно около часу ночи — Софронов вспоминал что-нибудь из давних лет. Однажды засидевшиеся у командующего работники штарма услышали рассказ о том, как весной девятнадцатого года на Первые Московские командные курсы приезжал Ленин.

— Я учился на курсах и был секретарем партбюро, — говорил Георгий Павлович. — Владимир Ильич приехал к нам на собрание по случаю вручения курсам Красного знамени Рогожского райкома партии. Ленин зашел сперва в комнату партбюро, расспрашивал, как учатся курсанты-коммунисты. Потом выступил на собрании. Время было трудное — наседал Колчак, на Восточном фронте Красная Армия потерпела ряд неудач… Но речь Ильича дышала бодростью, уверенностью в нашей победе. Он сказал, что армия рабочих и крестьян, одолевшая уже многих врагов, должна разбить и Колчака, и обязательно разобьет…

Под Одессой, да, очевидно, и на всем фронте, тоже было тогда очень трудно. И притихшим в кабинете командирам казалось, что ленинские слова, которые услышал в девятнадцатом году наш командарм, обращены и ко всем нам в сорок первом. Как и тогда, в гражданскую войну, у нас был только один выход разбить врага!

На плечи первого командарма Приморской легла нелегкая ноша. Софронов пес ее, пока хватало сил. Его выдержка иной раз удивляла. Какие только не возникали обстоятельства! Случалось и нам в штабе что-то упустить, прохлопать. Но я не помню, чтобы хоть раз генерал Софронов, разговаривая со мною, повысил голос, вспылил. Не о многих из тех, с кем приходилось быть рядом на войне, можно сказать такое.

Наверное, спокойный характер Георгия Павловича помог ему справиться и с подкосившим его в Одессе недугом. Из строя он выбыл тогда не очень надолго, продолжал службу и после войны.

* * *

Генерал-майор Иван Ефимович Петров появился на армейском КП затянутый в свою неизменную кавалерийскую портупею, свежий и бодрый, кипуче деятельный.

Вызвав меня и начарта Рыжи, новый командующий без всяких предисловий спросил:

— Товарищи, насколько прочны у нас фланги? Допустим, положение на левом я сейчас знаю. А как правый? Там нас не подстерегают никакие неожиданности? Подумайте, что еще можно сделать, чтобы эти участки нас не подвели.

Озабоченность Ивана Ефимовича состоянием флангов была понятна. Еще утром 5 октября, до вступления его в командование армией, мы оказались перед фактом форсирования батальоном противника мелководной части Сухого лимана, на восточном берегу которого у нас не было сплошной линии обороны.

Туда перебросили находившийся в армейском резерве батальон Разинского полка и отряд пограничников. Вместе с другими подразделениями они разгромили вражеский батальон, и лишь остатки его вернулись на западный берег. Но сама попытка переправиться через лиман настораживала — противник подбирался к нашим береговым батареям…

А другой, правый фланг армии находился в опасном соседстве с путями, по которым гитлеровское командование передвигало к Николаеву и дальше — к Крыму свои резервы. Вздумай оно повернуть какую-нибудь дивизию против нашего Восточного сектора, это могло быть сделано очень быстро.

Я уже ссылался на опубликованное после войны письмо Гитлера, в котором тот советовал Антонеску сокрушить Одессу, подойдя к городу с северо-востока по побережью. Дата гитлеровского послания — 5 октября 1941 года. В этот самый день командарм Петров потребовал от нас усилить внимание к флангам. Про такие совпадения в народе говорят: будто в воду глядел…

Отношения с новым командующим сразу установились простые и ясные. К Ивану Ефимовичу я давно уже испытывал не просто уважение, но и глубокую симпатию. И радовался, ощущая дружеское расположение с его стороны. Это отнюдь не мешало ему быть чрезвычайно требовательным. Чуждый всякого дипломатничанья, прямой и естественный во всем, Петров умел говорить правду-матку в глаза и старшим, и младшим. Можно было и с ним быть совершенно откровенным.

Ивану Ефимовичу не сиделось на КП, и он находил возможность почти каждый день вырываться то в одну, то в другую дивизию. После того как мы вывели из боев часть сил, положение на одесских рубежах снова стало напряженным и

командарм считал необходимым лично бывать на переднем крае.

Отдыхал Петров урывками, что, кажется, давно стало для него привычным. Расстегнет ремень, приляжет на диван, подложив под щеку ладонь, — и через час снова свеж и бодр. Право, позавидуешь такому умению восстанавливать силы короткими порциями крепкого сна.

Несколько дней штарм жил как бы двойной жизнью. Все большее место в работе занимали вопросы, связанные о эвакуацией армии: задача стояла труднейшая, и требовалось очень многое решить, продумать, подготовить. Но предстоящее оставление Одессы держалось еще в тайне даже от командиров дивизий. Со штабами секторов надо было вести разговоры о распределении доставленных в порт печей для землянок, вникать в другие дела, утрачивавшие практический смысл. А в голове сидел гвоздем, не давая покоя, наш сложный, ступенчатый — с отводом на промежуточные рубежи и с разделением на эшелоны — план вывода из боя главных сил. Все яснее становилось, что в этом плане, хотя и принятом за основу, продумано далеко не все…

Пока эвакуировались полки 157-й дивизии, их отправку можно было объяснять командованию других соединений как частное мероприятие, не изменяющее основной задачи Приморской армии. В конце концов дивизию Томилова нам дали совсем недавно, она позволила отбросить врага в Восточном секторе, а теперь понадобилась высшему командованию в другом месте — на фронте так бывает часто. Но когда пришла очередь эвакуироваться инженерным батальонам, разным тыловым службам, госпиталям, настало время расширить круг лиц, осведомленных о том, что происходит.

6 октября поздно вечером Военный совет ООР собрал командиров и комиссаров дивизий и отдельных частей, Контр-адмирал Жуков зачитал им директиву Ставки, рассказал об обстановке в Крыму. Затем, дав осознать ошеломившие многих новости, командующий ООР изложил принципы того плана вывода из боя основных сил армии, на которым мы продолжали ориентироваться. Он подчеркнул, что выполнение плана потребует непоколебимой стойкости, величайшей организованности. Всякая недисциплинированность, любые проявления паники могли погубить все дело.

На совещании было объявлено, что последней оставит Одессу 95-я стрелковая дивизия генерала Воробьева. Даты отвода и эвакуации основных сил пока не назывались. Кстати, уже наметилась возможность ускорить всю операцию! подача транспортов в Одессу начинала опережать предварительный

график.

А на подступах к городу продолжались бои. Они были трудными для нас уже потому, что постепенно сокращалась поддерживающая войска артиллерия. 6 октября погрузился на транспорт и отплыл; в Крым один дивизион богдановского полка. Отправили на Большую землю дивизион гвардейских минометов. Грузились и первые подразделения бригады ПВО. Славные одесские зенитчики имели на своем боевом счету кроме десятков сбитых самолетов также и уничтоженные фашистские танки. Не было такого сектора обороны, где их расчеты, выдвинутые в трудный час на передний край, не били прямой наводкой по рвущемуся к городу врагу.

5-6 октября возникло опасное положение в районе Болгарских хуторов и Татарки — там перешла в наступление только что появившаяся под Одессой новая дивизия противника. Чтобы обеспечить большую устойчивость центрального участка обороны, где также усиливались неприятельские атаки, мы отвели на новый рубеж правофланговые подразделения 95-й дивизии, и генерал Воробьев перенес свой КП в пригородное село Усатово.

А 9 октября противник преподнес нам последний сюрприз: с утра перешел в наступление почти на всем фронте Одесской обороны.

На отдельных участках левого фланга армии врагу сперва удалось нас потеснить. Но потом контратаками, в которые здесь вводились подразделения из нашего армейского резерва, в том числе отлично себя показавший батальон 3-го морского полка, нам удалось восстановить положение. В целом итоги этого боевого дня, мне кажется, очень ярко отразили моральное состояние войск обеих сторон.

Противник, имея везде большой численный перевес, вел себя на ряде участков так, словно с самого начала не верил в успех наступления. Наши же части почти повсюду держались и дрались с отменным упорством, о которое разбивались вражеские атаки.

Не было уже на одесском плацдарме дивизии Томилова, во сохранялись подъем духа, вызванный сентябрьским контрударом, окрепшая уверенность в том, что врагу нас не одолеть.

Контратаки, предпринятые в целях восстановления положения на левом фланге, переросли в преследование отходящего противника. Между Татаркой и селом Сухой Лиман попал в окружение 33-й румынский пехотный полк. Отчаянные его попытки пробиться к своим оказались безрезультатными. Более тысячи солдат и офицеров остались убитыми на поле боя, около двухсот сдались в плен. Трофеями чапаевцов стали

полковое знамя, гербовая печать и оперативные документы — неприятельский полк попал в окружение со всей своей канцелярией…

Провал наступления и потери этого дня утихомирили врага почти на сутки. Но и новые атаки, начатые противником на отдельных участках, мы успешно отразили. Была в октябре даже одна "психическая" атака, во время которой неприятельские офицеры шагали с шашками наголо, а капралы подгоняли отставaвших солдат палками, что отлично наблюдалось с наших НП. Однако, как и в прежних подобных случаях, сосредоточенный огонь из всех видов оружия не дал атакующим домаршировать до наших окопов.

Наступление 9 октября явилось еще одной попыткой врага ворваться в Одессу. Пленные, взятые в полосе Чапаевской дивизии, показали на допросе, что их частям ставилась задача овладеть юго-западной окраиной города… А через день-два из штабов наших соединений стали поступать донесения о том, что противостоящие неприятельские части интенсивно укрепляют свои позиции.

Тогда мы не знали, что в это время глава гитлеровской военной миссии в Бухаресте получил от своего берлинского начальства срочное поручение помочь командованию 4-й румынской армии в подготовке нового наступления на Одессу. Л пока что полторы дюжины осадивших город дивизий, отчаявшись взять его, переходили к обороне…

И потому особенно обидно было изо дня в день расписывать вместе с начальником штаба военно-морской базы эвакуируемые части по очередным транспортам. Утешало лишь сознание, что в Крыму наши войска сейчас нужнее.

Эвакуация шла полным ходом. За десять суток было отправлено почти 52 тысячи человек (сюда вошло и гражданское население), 208 орудий, около 900 автомашин, более 3200 лошадей, 162 трактора, тысячи тонн заводского оборудования.

Порт работал с огромной нагрузкой. Проведение посадки и погрузки в кратчайшие сроки и маскировка всех этих действий требовали больших усилий от многих людей. И все же эвакуация оставалась хоть и сложным, но уже освоенным делом, пока на одесских рубежах прочно держали оборону основные силы нашей армии — три стрелковые и кавалерийская дивизии. Главное было впереди: успех или неуспех эвакуационной операции определяло то, как сумеем мы вывести из боя и отправить на Большую землю эти войска.

О том, как выглядел первоначальный план отвода четырех дивизий, доложенный Военному совету ООР 4 октября, я говорил.

Он и тогда вызывал определенные опасения. Но, чувствуя уязвимые места плана, мы еще не могли предложить ничего конкретного взамен.

Однако уже к 6–7 октября в оперативном отделе штарма созрела, как плод коллективной мысли и поисков, идея отводить дивизии с занимаемых позиций не на промежуточные рубежи, а прямо к пунктам посадки на суда — одним броском. И не двумя эшелонами, а все четыре дивизии в одну ночь.

Мы исходили из того, что вывод войск из боя, растянутый на четверо суток с занятием промежуточных рубежей, почти неизбежно раскроет противнику наше намерение оставить Одессу. И если еще удастся прикрыть отход и посадку на суда двух первых дивизий, то две вторые могут быть запросто смяты и разгромлены, не дойдя до причалов. Такой финал эвакуации представлялся довольно вероятным, если учесть, сколько дивизий мог бросить враг на преследование двух отходящих наших.

Конечно, и одновременный отвод всех войск был сопряжен с риском. Но этот риск мог быть не столь уж большим, если обеспечить скрытность отхода основных сил с переднего края, хорошо организовать прикрытие арьергардами и вообще тщательно продумать все детали.

Поздно вечером 7 октября новый план обсуждался на совещании у Г. Д. Шишенина, где присутствовали кроме меня Н. К. Рыжи, А. Ф. Хренов, И. Д. Кулешов, К. И. Деревянко и А. М. Аганичев (командир морской оперативной группы штаба ООР). Общее мнение свелось к тому, что план может быть осуществлен, если удастся перед оставлением Одессы продемонстрировать высокую активность на фронте, предварив и сам отход войск достаточно сильным ударом по противнику, имитирующим подготовку большого наступления.

Но главным все-таки было, сможет ли флот предоставить одновременно столько судов, сколько необходимо для эвакуации в одну ночь, по сути дела, всего боевого состава армии — примерно 35 тысяч человек с вооружением. Представители военно-морской базы полагали, что хотя и с напряжением, но, вероятно, сможет. Требовались, конечно, и боевые корабли, и авиация для прикрытия огромного каравана транспортов.

На следующий день новый план, идея которого уже была предварительно одобрена контр-адмиралом Жуковым, принял Военный совет ООР.

Что касается И. Е. Петрова, то командарм был с самого начала в курсе разработки этого плана и горячо его поддерживал, считая, что необходимо предельно сократить сроки эвакуации, дабы противник не воспользовался постепенным ослаблением

нашей армии для решительной атаки и прорыва фронта. Возможность одновременного отвода войск Иван Ефимович обсуждал со всеми командирами дивизий, которые отнеслись к этому положительно.

Мы стали ориентироваться на завершение эвакуационной операции в ночь на 16 октября. К вечеру 12-го был готов боевой приказ, предусматривавший все детали организации и обеспечения вывода войск из боя и отвода их в порт, составлена и утверждена инструкция по посадке на суда.

Но Севастополь еще не дал окончательное "добро" измененному плану. Как потом выяснилось, штабу флота потребовалось определенное время, чтобы выделить для Одессы дополнительное количество судов, сняв их с других маршрутов. Понадобилось также перебазировать в западную часть Крыма эскадрильи истребителей с других аэродромов. На обеспечение отхода наших войск флот переключал и всю свою бомбардировочную авиацию.

Утром 13 октября в Одессу прибыл член Военного совета Черноморского флота дивизионный комиссар Н. М. Кулаков, волевой, решительный и в то же время веселый, жизнерадостный человек, пользовавшийся среди черноморцев большой популярностью: его знал в лицо каждый матрос.

Кулаков выслушал доклады Жукова и Петрова, переговорил за два-три часа с множеством других людей, выясняя детали одесской обстановки. Несколько часов спустя командующий флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, получив радиограмму Кулакова из Одессы, дал согласие на отвод войск одним эшелоном с посадкой на суда в ночь на 16 октября. Все стало окончательно ясно.

Настали последние дни длившейся третий месяц Одесской обороны. Мучительно тяжело было проезжать по знакомым улицам, сознавая, что через двое-трое суток здесь будет хозяйничать враг.

Город еще не знал этого, хотя и чувствовал, что происходит что-то необычное: слишком много судов прибывало каждую ночь, слишком много машин начинало двигаться о наступлением темноты в сторону порта.

После долго державшегося тепла вдруг резко похолодало. Над городом повисли серые тучи. На давно не подметавшихся улицах ветер шелестел опадающей листвой чинар и каштанов. Редкие прохожие шагали торопливо и как-то настороженно. Казалось, сам воздух этих хмурых осенних дней насыщен затаенной тревогой.

На оборонительных рубежах наступило затишье, нарушаемое

лишь редкой перестрелкой. Атак противник не предпринимал. Не вели пока активных действий и мы — берегли силы, запасы снарядов, чтобы покрепче ударить напоследок. Но бойцы не любят тишины на передовой, и в окопах, как и на одесских улицах, было неспокойно.

Вместе с командующим и членом Военного совета Приморской армии М. Г. Кузнецовым я побывал в дивизиях. Там проводились короткие совещания командиров и комиссаров полков и некоторых других старших офицеров. Собирали их внезапно без предварительного оповещения и без вызовов по телефону — за каждым заезжал наш направленец или работник штадива. На совещаниях излагался план вывода войск из боя, объяснялись порядок посадки на суда, маршруты следования в порт, организация прикрытия.

— Храните все это в глубокой тайне, товарищи, — предупреждал Иван Ефимович Петров. — Ничто не должно выдать подготовки к эвакуации. Ведите себя так, чтобы и наши бойцы считали, будто мы готовимся к новому наступлению. А сами продумывайте каждую деталь того, что потребуется сделать, когда настанет день и час.

Намеченные сроки отхода не сообщались пока и командирам полков. Эти совещания были очень полезными: мы услышали много ценных предложений, советов, как лучше организовать марш к порту, прикрытие, отвод арьергардов.

13-14 октября небольшими группами, будто отправляясь на очередное боевое задание, незаметно покидали Одессу "ястребки" героического 69-го авиаполка. Ровно сто вражеских самолетов уничтожили они только в воздухе, защищая одесское небо. И еще десятки-на земле. А сколько врагов истребили за три с половиной тысячи вылетов на штурмовки, этого подсчитать не смог бы никто.

Одесский полк. Так называли его в армии и в городе просто потому, что он был единственным авиационным полком на нашем плацдарме. Но скоро это вошло в его новое официальное наименование: полк стал 9-м Одесским гвардейским Краснознаменным., И с именем Одессы, где родилась его боевая слава, он воевал, умножая ее, в Крыму, на Кавказе, под Сталинградом, а потом и под Берлином. Майор Л. Л. Шестаков, сбивший за три месяца более десятка фашистских самолетов, и еще одиннадцать летчиков полка удостоились за подвиги, совершенные в одесской небе, Золотой Звезды Героя.

"Ястребки" полетели через море в Крым. Самые изношенные машины, которым такой рейс был не под силу, Кат-ров приказал взорвать. Майор Шестаков и комиссар полка Верховен;

собирались, проводив всех летчиков, улететь вдвоем в последний день. Но командарм не разрешил, и их машины погрузили на канлодку.

14-15 октября в Одессу приходили один за другим черноморские транспорты: "Украина", "Абхазия", "Армения", "Калинин", "Восток", "Чапаев" и многие другие. В порту имитировалась прикрываемая дымовыми завесами разгрузка. Колонны затянутых брезентом автомашин изображали переброску подкреплений в дивизионные тылы. В эфире время от времени попискивали войсковые рации с новыми, никогда не звучавшими под Одессой позывными — пусть засекает противник "свежие части"!..

А где-то в других местах — это уже всерьез — пристраивали поудобнее свои рации корректировщики эскадры: прикрывать отход армии пришли крейсеры "Красный Кавказ" и "Червона Украина", группа эсминцев.

Кораблей и транспортов было слишком много, чтобы сосредоточение их могло остаться незамеченным противником, и он неоднократно пытался бомбить порт. Сюда были стянуты все остававшиеся у нас зенитки. 14-го получил повреждения лишь санитарный транспорт "Грузия", на который успели погрузить две тысячи раненых. Их быстро разместили на других судах, а "Грузию" удалось спасти и отбуксировать в Севастополь.

15 октября снова ярко засияло солнце. Но погожий день не радовал — лучше бы продолжалась хмарь…

Утром я сопровождал командующего армией, обходившего портовые причалы. В разное время, поодиночке наведывались в порт командиры дивизий, полков каждый примерялся к маршруту, по которому должны были быстро и точно, прямо на "свой" причал, проследовать на посадку батальоны, эскадроны, батареи. Потом провезли этими маршрутами и командиров подразделений. С наступлением темноты путь следования колонн в черте города приказано было посыпать толченой известью и мелом — чтобы никто не замешкался на поворотах, не заблудился, не отстал.

А над передним краем гремела по всему фронту Одесской обороны орудийная канонада. В десять ноль-ноль обрушился на боевые порядки противника первый в этот день мощный огневой удар, который был перенесен затем на его ближние тылы. После этого огневого налета враг долго не подавал никаких признаков жизни. А потом последовали новые сосредоточенные удары по отдельным участкам неприятельских позиций, чередовавшиеся с методическим обстрелом. Не дать фашистам высунуть головы из окопов — такова была в тот день общая задача всех

артиллеристов: корабельных, береговых и тех, что оставались еще с нашими стрелковыми полками.

С 16 часов в соответствии с планом Военный совет ООР находился на борту стоящего в гавани крейсера "Червона Украина". Свертывался и штаб армии. Саперы готовили к взрыву наш подземный КП, честно отслуживший свою службу.

Командарм Петров перешел с оперативной группой штарма на бывший КП военно-морской базы на набережной. Сюда переключили связь со всеми секторами. В штабах дивизий дежурили у аппаратов наши боевые направленцы — капитаны Шевцов, Харлашкин, Безгинов. Сразу после девятнадцати часов они доложили один за другим: "Идет по плану".

Это означало, что основные силы армии начали отход. А вся артиллерия, прикрывая марш-бросок четырех дивизий к порту, с новой силой ударила по неприятельским позициям. До последнего снаряда вели огонь одесские бронепоезда, чтобы потом отойти в тупики, где ждали их с взрывчаткой команды саперов. Последние снаряды выпускали и береговые батареи, которые тоже надо было взорвать этой ночью.

Доклады, поступавшие на наш временный КП, свидетельствовали, что все идет без серьезных осложнений — организация дела была продумана до мелочей. В порту распоряжалось командование военно-морской базы. А моей заботой оставался передний край.

К полуночи на командных пунктах дивизий старшими стали командиры батальонов прикрытия.

— У нас порядок, понемножку постреливаем, — докладывали комбаты.

Потом ушли и они. На КП явился связист от майора Богомолова — снимать аппараты. Он протянул мне пахнущий типографской краской листок.

— Это расклеивают сейчас на набережной, — сказал боец, и голос его дрогнул.

На листке было обращение городских организаций к населению: "Не навсегда и не надолго оставляем мы нашу родную Одессу. Жалкие убийцы, фашистские дикари будут выброшены вон из нашего города. Мы скоро вернемся, товарищи!.."

Брезжил уже рассвет, когда от причала отошел морской охотник, выделенный для оперативной группы штарма. На палубе у рубки стояли командарм Петров, член Военного совета армии Кузнецов, несколько штабных командиров. С нами был и бородатый контр-адмирал Кулешов, командир Одесской военно-морской базы, которая, собственно говоря, больше не существовала.

Транспорты с нашими дивизиями уже покинули порт. Вслед за ними выходили одесские тральщики и катера из дивизиона капитан-лейтенанта П. И. Державина, принявшие на борт арьергарды — батальоны прикрытия, артиллеристов береговых батарей, команды подрывников. Все поместились, хотя суда и ушли перегруженными. Как будто никто не отстал. В последний момент пришлось утопить кое-какую технику, оказавшуюся неподъемной для корабельных лебедок. Но главное — противник, судя по всему, так и н& обнаружил отхода армии. Всей армии сразу!.. Значит, наш план удался.

Однако все это воспринималось сознанием еще как-то отвлеченно, не принося даже простого чувства удовлетворения. На душе было тяжело, ни о чем не хотелось говорить.

— Давайте обойдем гавани, — предложил Кулешов командарму.

Иван Ефимович молча кивнул. Негромко рокоча моторами, катер заскользил вдоль опустевших причалов. Горели какие-то костры, бродили кони, для которых не хватило места на транспортах… Кругом стояла неестественная, зловещая тишина. Порт был пуст. Пустым казался и раскинувшийся над ним город.

А там, где проходил наш передний край, все не умолкала стрельба. Это вели огонь одесские партизаны — сменив в окопах арьергардные батальоны, они обозначали, вводя в заблуждение противника, уже отплывшую в Крым Приморскую армию.

Прошло еще много часов, прежде чем враг обнаружил, что армия ушла. Лишь сутки спустя — это установила наша разведка — противник осмелился вступить в Одессу.

А потом ему долго мерещилось, что армия, может быть, не ушла, а скрылась в катакомбах, и крупные неприятельские части блокировали главные выходы из подземелий…

* * *

Миновав ворота порта, наш катер стал догонять ушедшие вперед корабли.

Я спустился через люк по отвесному трапу в маленький кубрик и прилег на чью-то свободную койку. Усталость брала свое — не спал уже три ночи.

Не знаю, сколько прошло времени, когда меня разбудил резкий, чуть не сбросивший с койки толчок. Вскочив на ноги, инстинктивно кинулся к люку.

На катер с оглушающим ревом пикировал Ю-87. У меня на глазах от него отделились бомбы. Казалось, они летят прямо в нас, и я невольно зажмурился. Но катер вновь сделал резкий поворот, и бомбы упали там, где он только что был, обдав всю палубу фонтанами воды.

Вслед за первым на катер пикировали еще два бомбардировщика. И каждый раз командир уклонялся от удара точно рассчитанным поворотом. Расскажи об этом кто-нибудь — я не поверил бы, что можно вот так уводить корабль прямо из-под бомб!..

За рубкой стояли Петров с Кулешовым.

— Счастливо отделались! — выдохнул бородатый контрадмирал, когда самолеты наконец скрылись.

В Севастополь пришли уже затемно. На пристани нас встречал Гавриил Васильевич Жуков. Обнялись, расцеловались.

Мне вдруг страшно захотелось пить, Краснофлотец принес целое ведро прозрачной воды. Прильнув к нему, я пил жадно, долго, никак не мог оторваться. Вода казалась необыкновенно вкусной.

Иван Ефимович, стоя рядом, улыбался. Жуков возбужденно рассказывал:

— Атаковали на переходе многих, но потопили только один транспорт — тот, что опоздал и шел порожняком. Команду с него спасли. Сейчас уже последние суда подходят к Севастополю. Можно считать, что Приморская армия — тут. Крыму теперь станет легче!..

Под ногами опять была родная твердая земля — Крымский полуостров, древняя Таврида. Армия, выстоявшая семьдесят три дня под Одессой, прибыла по приказу Родины на новый свой плацдарм. Прибыла, чтобы бить врага еще крепче и упорнее, приближая его полный разгром и великий день нашей грядущей победы.

Севастопольский бастион

Куда вести войска?

Тридцать первое октября 1941 года. Хмурый, ранний из-за ненастья вечер. Бурая осенняя степь в центре Крымского полуострова. Распластавшись над нею, ползут низкие сумрачные облака.

На севере, где, прорвав Ишуньские позиции и рассекая наш фронт, развивает наступление 11-я немецкая армия фон Манштейна, не смолкает артиллерийская канонада. Но те, кто сейчас не на передовой, настороженно прислушиваются к отдаленным орудийным выстрелам в другой стороне — на западе, где расположены Евпатория и Саки. Слышны они уже и на юго-западе… Что это означает, всем понятно: частью своих сил противник обошел левый фланг нашей Приморской армии.

В степной поселок Экибаш, километрах в сорока севернее Симферополя, с разных направлений въезжают запыленные газики и эмки. С прошлой ночи здесь находятся КП и штаб 95-й стрелковой дивизии. А сегодня к семнадцати ноль-ноль командарм И. Е. Петров вызвал сюда командиров и комиссаров всех остальных дивизий — как основного состава Приморской армии, так и вступивших в подчинение ему в сложной обстановке последних дней.

Прифронтовой поселок пуст: все жители эвакуированы. На улицах только караулы, за окраиной — боевое охранение и огневая позиция противотанковой батареи.

Прибывающие командиры группируются у крыльца стоявшего на отлете дома, где, кажется, помещалась раньше сельская больница. Многие не виделись с тех пор, как полторы недели назад выступили из Севастополя. Закурив, обмениваются новостями — увы, невеселыми;

Положение в Крыму, давно уже тяжелое, за последние двое суток резко ухудшилось. Наступающий противник вырвался в степь. Задержать здесь его ударную группировку — без хорошо подготовленных рубежей, при расширившемся, да и не сплошном больше фронте — не по силам нашим дивизиям, поредевшим в тяжелых боях под Ишунью, Воронцовкой, Джурчи. Не сознавать этого военные люди не могли.

За несколько минут до начала совещания на крыльцо вышел генерал-майор Иван Ефимович Петров. Он быстро пожал каждому руку, смотря сквозь толстые стекла пенсне прямо в глаза. Оглядев всех еще раз, негромко сказал:

— Очевидно, больше ждать некого. Кто не прибыл, — значит, не мог. Не будем терять драгоценного времени. — И жестом

пригласил в дом.

Все заняли места в просторной комнате с голыми стенами, — вероятно, бывшей больничной палате. Командарм И. Е. Петров и член Военного совета бригадный комиссар М. Г. Кузнецов — на табуретках у стола с развернутой картой, остальные — на поставленных вокруг скамьях.

Я составляю список присутствующих с указанием представляемых ими соединений. Из старых приморских дивизий, оборонявших Одессу, представлены 95-я (кроме ее командира и комиссара приглашены, поскольку они находятся в Экибаше, начальник штадива, начарт и командир одного полка), 25-я Чапаевская, 2-я кавалерийская… Нет никого из 421-й дивизии, временно перешедшей в непосредственное подчинение командующему войсками Крыма. Зато прибыли комдив 172-й стрелковой, командиры и военкомы 40-й и 42-й кавалерийских. Эти дивизии только на днях переданы нам из 51-й армии.

Присутствуют также начарт армии со своим начальником штаба, помощник начальника оперативного отдела штарма. Всего около двадцати человек.

Открывая совещание, генерал Петров заметно волновался. В таких случаях напоминала о себе давнишняя контузия: он непроизвольно, не в такт речи покачивал головой.

Но вряд ли кто-нибудь из сидящих здесь был вполне спокоен. Хотя большинство еще не знали, для чего им приказано явиться в Экибаш, каждому было понятно, что для срочного сбора командиров в такой момент должны быть причины особой важности.

— Мы вызвали вас, — говорит командарм в наступившей глубокой тишине, чтобы совместно обсудить создавшееся положение и посоветоваться о дальнейших действиях ар-вши.

Он кратко излагает обстановку по данным на этот час. Захватив Джанкой, противник преследует 51-ю армию, отходящую к Керченскому полуострову. Перед фронтом Приморской армии натиск врага сейчас ослаблен. Однако определяющим фактором является глубокий охват нашего левого фланга, предотвратить который не удалось из-за недостатка сил. Сегодня утром немецкие танки появились в нескольких километрах южное Симферополя. Дорога, идущая через Бахчисарай на Севастополь, по-видимому, перерезана…

У каждого перед глазами карта — та, что развернута на столе, или своя, вынутая из планшета. Но карта даже и не нужна, чтобы оценить эти факты и осмыслить главное: противник у нас в тылу.

Связи с командованием и штабом войск Крыма, добавляет

генерал Петров, у нас сейчас нет. Из Симферополя они убыли. Последние указания сводятся к тому, чтобы Приморская армия, сдерживая противника, отходила на очередной условный, то есть необорудованный, степной рубеж, выделив 421-ю дивизию для прикрытия Алуштинского перевала.

Карта показывала: после изменений в обстановке, происшедших за последние часы, тактика планомерного отхода со сдерживанием продвижения врага на относительно широком фронте утратила свой смысл. Противник нас уже обошел. Да и степь скоро кончается. Дальше — предгорья и горы. Три гряды их, словно отгораживая степь от моря, протянулись по южной и юго-восточной части Крымского полуострова километров на полтораста, от Севастополя к Феодосии. И дальнейший отход так или иначе подвел бы армию к ним.

Но отходить к горам можно по-разному. Направление, маршрут, тактика должны подчиняться конечной цели маневра, которую — так уж получалось — приходилось определять самим.

И командарм переходит к самому главному:

— Практически перед нами два пути: на Керчь я на Севастополь. Путь на Керчь еще не закрыт. Есть примерно сорокакилометровый проход, воспользовавшись которым мы могли бы за ночь достигнуть Керченского полуострова и занять там оборону. Однако туда, как вы знаете, отходит 51-я армия. Думается, будет достаточно, если на Ак-Монайских позициях закрепится она… Свободного пути на Севастополь уже не существует, во всяком случае для всей армии. Идти туда значит идти с боями. Но. Севастополь — это главная база Черноморского флота. Удержать ее необходимо ради сохранения нашего господства на Черном море. Не секрет, что с суши город не прикрыт: полевых войск там нет. Если к нему не пробьется Приморская армия, если значительные силы противника ее опередят, Севастополь может пасть. Давайте же с учетом всего этого обсудим, куда следует идти армии. Мнение каждого командира и комиссара будет записано и принято во внимание.

Давая всем собраться с мыслями, командарм делает паузу. Затем решительно поворачивается к сидящему с краю командиру 161-го стрелкового полка 95-й дивизии:

— Полковник Капитохин! Начнем с вас, с левого фланга. Прошу!

Единственный на совещании командир полка, младший здесь по должности, но не по годам, Александр Григорьевич Капитохин — участник гражданской войны, вернулся в армию после многих лет партийно-хозяйственной" работы. И хотя в его облике и манере себя держать еще сквозит что-то штатское, он под Одессой

уже показал себя умелым командиром. Кажется, Капитохин не ожидал, что ему придется высказывать свое мнение первым, однако к ответу готов:

— Я за то, чтобы мы шли оборонять Севастополь!

— Запишите, Николай Иванович! — кивает мне командующий. И я проставляю против фамилии Капитохина в своем списке названный им город.

— Полковник Пискунов! — обращается командарм к соседу Капитохина по скамье, начальнику артиллерии 95-й дивизии.

— Считаю, что нужно идти защищать Севастополь.

Подняв голову от списка, я вижу, как помрачнел, услышав ответы двух своих подчиненных, сидящий справа от меня командир 95-й дивизии генерал-майор В. Ф. Воробьев. Значит, Василий Фролович думает иначе…

Тем временем неторопливо встает степенный, богатырского роста генерал-майор Трофим Калинович Коломиец, недавний начальник тыла армии, а с начала октября — комдив 25-й Чапаевской.

— Я думаю, идти надо к Севастополю, — басит он.

Такого же мнения и военком Чапаевской бригадный комиссар А. С. Степанов.

— Слово имеет полковник Ласкин, — объявляет командарм.

Комдива 172-й стрелковой я вижу впервые. Его дивизия, именовавшаяся сперва 3-й Крымской, сформированная в сентябре из местных запасников, хорошо показала себя под Перекопом и Ишунью. Действовала она там в составе 51-й армии. Что скажет этот незнакомый молодой еще полковник (и, насколько я знаю, совсем молодой комдив) с быстрыми, живыми глазами? Пожалуй, не удивительно, если его потянет в Керчь: там дивизия вернулась бы в прежнюю свою армию.

— Я также за то, чтобы идти на защиту Севастополя, — твердо заявляет Ласкин. — Представляется выгодным, если, конечно, успеем, занять оборону по реке Альма. Имею некоторые соображения об организации марша…

Полковник Ласкин излагает очень четко и ясно предлагаемый им порядок движения, расположение на марше штабов, артиллерии, отрядов прикрытия. Продумать все это он успел, очевидно уже сидя здесь.

— Учтем, — заключает командарм, заметно обрадованный этим выступлением, и предоставляет слово следующему.

Первым, против чьей фамилии я поставил "Керчь", был полковой комиссар И. И. Карпович — военком 40-й кавдивизии. Он разошелся во мнении со своим комдивом: полковник Ф. Ф. Кудюров, колоритной внешности конник, уже в летах, но статный

и щеголеватый, с тремя боевыми орденами на груди, подал голос за Севастополь.

Затем трое подряд высказываются за отход на Керченский полуостров командир 95-й дивизии В. Ф. Воробьев, ее военком полковой комиссар Я. Г. Мельников и начальник штаба подполковник Р. Т. Прасолов. Главный их аргумент сводится к тому, что такое решение позволит сохранить армию.

— Мы не знаем истинного положения в районе Бахчисарая, — объяснил свою точку зрения генерал-майор Воробьев. — Весьма вероятно, что немцы успели выдвинуть туда порядочные силы. Имея противника справа и слева, армия рискует втянуться в мешок. К тому же у нас мало снарядов, чтобы отбиваться. А в сторону Керчи еще можно пройти свободно. Вот почему я за то, чтобы идти туда и обороняться татя.

Так и хотелось спросить Василия Фроловича: "А флот? Значит, бросить на произвол судьбы его главную базу? Разве Керчь заменит морякам Севастополь?" Казалось, и у командарма готова сорваться какая-то реплика, но он молча выслушал доводы Воробьева.

Представителям штаба армии высказываться на совещании не требовалось: их мнение, единодушное в пользу Севастополя, командующему было известно.

Генерал Петров подвел итог:

— Четверо из присутствующих высказались за отход к Керчи. Остальные, то есть подавляющее большинство, — за Севастополь. Это большинство поддержало решение, к которому Военный совет армии в принципе уже пришел минувшей ночью в Сарабузе. — Голос командующего зазвучал по-приказному: — Итак, мы идем прикрывать Севастополь. Отвод главных сил с обороняемого рубежа начнем с наступлением темноты. Направление — на Камбары, Булганак с вы-ходом к утру на рубеж Альмы. А дальше… как покажет обстановка. Прошу всех к моей карте.

31 октября в 17 часов 45 минут в Экибаше был подписан боевой приказ. Им определялись колонные пути движения дивизий, уравнительные рубежи, позывные колонн, условные радиосигналы. Указания, которые не могли вместиться в приказ, командиры дивизий получили устно.

Комдивы и комиссары разъехались. Под покровом ночи войска начали отрываться от противника на севере, чтобы как можно быстрее выйти ему навстречу на юге. И потому, что именно в последнем заключалась суть поставленной в приказе ближайшей задачи, она формулировалась как наступление.

Не все получилось так, как думали и планировали мы в тот вечер. Первоначальный план вывода армии на новое

операционное направление претерпел в процессе выполнения немало изменении, причем первые коррективы в маршрут пришлось вносить уже через несколько часов. Но цель, которой все это подчинялось — защитить Севастополь, не допустить захвата его врагом, оставалась неизменной.

Вспоминая короткое военное совещание в затерявшемся среди степи поселке, совещание, не оставившее следов в архивах, но оказавшее определенное влияние на развитие событий в Крыму, надо по справедливости сказать: для нас, пряморцев, оборона Севастополя началась с Экибаша.

* * *

Как Приморская армия прибыла в Крым из Одессы, читатель уже знает. Чтобы было понятно все дальнейшее, вернемся на две недели назад.

Первый наш день на крымской земле — 17 октября — запомнился удивительной после Одессы, забытой там та-шиной. Ни гула орудий, ни разрывов бомб. С безоблачного неба сняло еще по-летнему теплое солнце, золотилась гладь широких бухт, где спокойно стояли на якорях корабли (когда они проходили в Одессу, мы привыкли видеть их стреляющими по берегу или отбивающимися от воздушных атак).

В Севастополе, как и вообще в Крыму, я раньше не бывал. Мои представления об этом городе основывались на книгах и были связаны с обороной его в прошлом веке от англичан, французов и итальянцев, с временами Нахимова и Корнилова.

Разглядев на мысу за бухтой старую крепость с обращенными к морю рядами пустых бойниц, я догадался, что это и есть знаменитый Константиновский равелин: в памяти со школьных лет жило его изображение из какой-то хрестоматии. Но сам город оказался не таким, как рисовался в мыслях. Он был обширнее, разбросанное. И выглядел новее, моложе…

Зато все напоминало, что здесь большой военный порт, флотская столица: и корабли на рейде, и морская форма повсюду, которую носили, лишь без нашивок на рукавах, многие гражданские люди, в том числе городские руководители.

В Севастополе не было той задорной, немного беспечной веселости, которая так ощущалась в уличной толпе Одессы, пока к ней не подступил враг, и нет-нет да и заявляла о себе даже в дни осады. Здесь как будто вообще никто не прогуливался по улицам и бульварам, все шли ускоренным деловым шагом, большинство — с противогазными сумками через плечо.

И все же в этом солнечном и строгом городе было очень спокойно. Он отправлял в боевые походы корабли. Уверенно отражал редкие пока налеты фашистских самолетов. Местные

предприятия работали на нужды фронта. Однако то, что этот фронт близок — километров полтораста по прямой, — здесь как-то не ощущалось.

В те дни всех волновало приближение фашистских полчищ к Москве. Совинформбюро сообщало об этом сдержанно, лаконично. Но уже слова "можайское направление" или тревожная фраза в одной из сводок о том, что в течение ночи положение на Западном фронте ухудшилось, давали понять, какая опасность нависает над советской столицей. Люди останавливались у уличного репродуктора и с суровыми лицами слушали передававшуюся по радио статью из "Правды" "Закрыть врагу путь к Москве". А насколько серьезно положение на севере Крыма, многие в Севастополе, может быть, еще и не представляли.

Должен сказать, что и мы, старшие командиры Приморской армии, в день, когда войска выгрузились с транспортов в Севастополе, имели довольно скудную информацию о военной обстановке в Крыму. Знали еще в Одессе, что противнику удалось овладеть Перекопом (хотя лично у меня по-прежнему плохо укладывалось в голове, как это могло произойти). Знали, что 51-я Отдельная армия, наделенная правами фронта, в подчинение которой мы поступали, держит оборону на Ишуньских позициях. А сколь крепка и надежна там оборона — этого знать пока не могли. Но хотелось верить, что крепка.

На мысль о прочности ишуньского рубежа наводило и то, что в Севастополе нас на первых порах особенно не поторапливали. Сошедшим на берег войскам отвели для временного размещения казармы училищ и другие здания на Корабельной стороне, командованию армии и штабу — номера в гостинице.

Конечно же нашим дивизиям, отходившим на посадку в Одесский порт прямо с передовой, было насущно необходимо некоторое время для приведения себя в порядок, пополнения вооружением и разным войсковым имуществом.

Как ни старались мы вывезти армейское хозяйство с минимальными потерями, поместилось на суда не все. В частях не хватало многого, начиная от автомашин и лошадей и кончая полевыми кухнями.

Помимо решения неотложных вопросов снабжения требовалось восполнить последние потери боевых подразделений хотя бы за счет армейских тыловых служб, получше расставить наличный командный состав, некомплект которого был особенно значителен в ротах и взводах, а также партийные силы.

Не зная, каким располагаем временем, мы в штабе все же надеялись иметь на все это несколько дней, тем более что армия

была вывезена из Одессы быстрее, чем планировалось.

Радовало настроение в частях. Как ни измотали людей одесские бои, как ни прибавила усталости сама переброска в Крым (для солдата, не привычного к морю с его особыми тревогами и опасностями, это передряга немалая, даже если все кончается благополучно), никто не позволял себе расслабляться. Все понимали: долгой передышки быть не может.

Я знал по себе, как тяжело переживалась необходимость оставить Одессу, из которой нас два с половиной месяца не мог выбить враг. А ведь красноармейцы, да и большинство комсостава, узнали о том, что мы оттуда уходим, гораздо позже меня, за какие-нибудь сутки или двое до того, как очутились в Севастополе. И значит, эта душевная травма — иначе про такое не скажешь — была у них свежее, больнее. Но и она не сломила их духа. Не поддаться горькому чувству помогло людям сознание, что мы ушли из Одессы, чтобы отстоять Крым.

Как только войска разместились в Севастополе, состоялись собрания личного состава и митинги. На них, используя редкую на войне возможность говорить сразу перед целой дивизией, выступали командиры и комиссары, член Военного совета армии М. Г. Кузнецов, начальник поарма Л. П. Бочаров.

Речь шла прежде всего о готовности к предстоящим боям. Но вместе с тем — в этом чувствовалась потребность — подводились некоторые итоги Одесской обороны. Подводились с упором на значение накопленного опыта, сложившихся традиций всего того, чем армия, с честью выдержавшая испытания первых месяцев войны, вправе была гордиться и что увеличивало ее силу.

Правда, старшие начальники не могли в тот момент сказать бойцам, что Приморская армия сохранится и впредь как таковая. Указание полученной еще в Одессе директивы Ставки — по высадке в Крыму войсковые части Одесского оборонительного района (ООР) подчинить командующему 51-й армией — понималось многими как ликвидация Приморской. Но прямого приказа о ее расформировании не было.

Хотелось, конечно, чтобы сохранили и армию, и наш штаб. Хотелось и дальше быть рядом с испытанными товарищами, которых довелось хорошо узнать в трудной обстановке. Однако, как бы это ни решилось, можно было не сомневаться: боевого дела в Крыму хватит всем.

В ту трудную пору войны мало кто из нас придавал значение собственному служебному положению. Я уже рассказывал, как стал начальником штаба армии: получил устное распоряжение принять бразды правления от генерал-майора Шишенина, переведенного в штаб оборонительного района, а последовал ли

на этот счет чей-то письменный приказ, даже не поинтересовался: было не до того. Своих прежних обязанностей начальника оперативного отдела я никому не передавал (на этом настоял командарм) и совмещал их с новыми.

Так продолжалось два месяца. А в Крыму, когда штаба ООР больше не существовало, Гавриил Данилович Шишенин как бы автоматически, насколько помню, без какого-либо особого приказа вернулся на старую должность. Правда, как оказалось, ненадолго. Но в те наши первые крымские дни я, нисколько тем не огорчаясь, считался его заместителем и начальником оперативного отдела.

Единственной нашей заботой было привести войска в полную боевую готовность. К сожалению, сделать все, что надо было для этого, мы не успели. Недолгая пауза на севере Крыма 18 октября кончилась. Манштейн тремя армейскими корпусами, поддерживаемыми крупными силами авиации, атаковал части 51-й армии на Ишуньских позициях. Там завязались тяжелые бои.

В тот же день поступило приказание выдвигать наши дивизии на север в таком состоянии, как они есть.

Утром 19-го я был в Симферополе. Штаб 51-й армии, где требовалось уточнить полученные по телефону указания, а также оформить заявки на автотранспорт, горючее, боепитание и многое другое, занимал, словно в мирное время или в глубоком тылу, обыкновенное учрежденческое здание в центре, обозначенное зачем-то проволочным заграждением вдоль тротуара.

Командующий армией, начальник штаба и многие другие командиры находились, надо полагать, поближе к фронту. Но те, кого они оставили в городе, кажется, не вполне представляли себе серьезность обстановки. В штабных коридорах я встретил нашего начальника артиллерии полковника Николая Кирьяковича Рыжи, удивленного не меньше моего здешними порядками. Он пожаловался, что не с кем решить вопрос о боеприпасах. Нужных людей в конце концов разыскали.

Три дня спустя командующий 51-й армией генерал-полковник Ф. И. Кузнецов был освобожден от должности. Ставка образовала командование войсками Крыма во главе о замнаркома Военно-Морского Флота вице-адмиралом Г. И. Левченко, а его заместителем по сухопутным войскам стал генерал-лейтенант П. И. Батов.

При перестройке руководства крымским участком фронта решилась и судьба Приморской армии. Ее уже начали было именовать в документах группой генерала Петрова, но расформировать не успели, и она вошла в состав войск Крыма

целиком — как армия (только, конечно, уже не отдельная), с прежними своими дивизиями, прежним командармом, Военным советом и сокращенным наполовину управлением.

Новому командующему войсками Крыма Гордею Ивановичу Левченко досталась в наследие обстановка, про которую, даже спустя много лет, хочется сказать: не позавидуешь!

Вклинившись в нашу оборону на Ишуньских позициях (уже 20 октября была занята Ишунь), противник форсировал устье реки Чатырлык и начал прорываться на левом фланге дальше — по побережью Каркинитского залива.

Иными словами, с рубежей на Северокрымском приозерном плато бои перемещались в глубь полуострова, в степь, где положение наших войск быстро ухудшалось.

Разбор боевых действий на севере Крыма — не тема этой книги. Но даже если касаешься их вскользь, в той лишь мере, в какой это нужно для объяснения всего дальнейшего, трудно не высказать горькой мысли о том, что в октябре не были сделаны все необходимые выводы из сентябрьских уроков Перекопа.

Ведь и до нашего прибытия из Одессы войск в Крыму было не так уж мало. Собрать бы их вовремя в кулак, создать заслон покрепче там, откуда следовало ждать главного вражеского удара!

Между тем в Крыму увлеклись своего рода круговой обороной. Держали значительные силы не только на Чонгаре, у Сиваша, на Арабатской стрелке, но и на побережье у Евпатории, Алушты, Судака — на случай морского десанта. А во внутренних районах — на случай воздушного… Такое распыление сил обошлось дорого.

Слов нет, когда все позади, судить и рядить легче. Думается, однако, можно было и тогда более трезво оценить, велика ли реальная вероятность крупных вражеских десантов, в особенности с моря. А на суше противник уже стоял одной ногой в Крыму…

Говоря обо всем этом, я далек от того, чтобы упрекнуть в чем-либо тех, кто дрался на Ишуньских позициях. Части оборонявшей их оперативной группы генерала П. И. Батова сражались мужественно и не раз отбрасывали немцев контратаками. Но у противника был слишком большой численный перевес, особенно в танках и артиллерии, над полем боя господствовала его авиация.

И пока подошли из Севастополя приморцы, положение успело стать критическим: назревал прорыв фронта.

Первой из наших дивизий (если не считать 157-ю стрелковую, вывезенную из Одессы значительно раньше других и уже не числившуюся за Приморской армией) вечером 22 октября

вступила в боевые действия на севере Крыма 2-я кавалерийская полковника П. Г. Новикова. Через день — 95-я стрелковая генерал-майора В. Ф. Воробьева и полк чапаевцев. 25 октября сражалась уже вся армия.

Но обеспечить перелом на фронте она не смогла.

Полки и дивизии спешно вводились в бой, по мере того как выгружались на степных станциях за Симферополем и форсированным маршем выдвигались на исходные рубежи. На марше вручался командирам и боевой приказ. Задача была наступать, отбить у врага только что оставленную Воронцовку, а затем и Ишунь, восстановить положение, существовавшее неделю назад.

Однако на элементарную подготовку наступления времени не давалось. Нам говорили: "Быстрее вперед, иначе противник займет через два дня весь Крым". И тут уж не принималось во внимание, что часть артиллерии еще где-то в пути, а для остальной только начали подвозить снаряды, что неясно с авиационной поддержкой — то ли будет, то ли нет.

Наступать без должной подготовки, с ходу, было еще труднее оттого, что наши дивизии, как ни закалились они в испытаниях Одесской обороны, опыта наступательных действий, по существу, не имели. Кроме разве 421-й, участвовавшей в сентябрьском контрударе.

И все же приморцы наступали. В ожесточенных встречных боях, в рукопашных схватках отвоевывались где сотни метров, где километр-полтора сухой крымксой земли. 287-й полк Чапаевской дивизии решительной атакой обратил противника на своем участке в настоящее бегство. Части 95-й дивизии ворвались в Воронцовку и, хотя овладеть ею полностью не удалось, продвинулись на ряде участков к Чатырлыку. 25 октября, когда вступили в бой все наши дивизии, немцам пришлось перейти к обороне.

Однако этот успех, достигнутый дорогой ценой, был непрочным. Чтобы развить его или хотя бы закрепить, у нас не хватало сил.

И 26 октября инициативу снова захватил противник. Подтянув резервы, Манштейн двинул в наступление на сравнительно узком участке семь пехотных дивизий, поддерживаемых большим числом танков и самолетов. У нас же все еще не подошли к фронту некоторые не обеспеченные тягой артполки. Плохо обстояло дело и с подвозом боеприпасов.

Как ни трудно было на одесском плацдарме, как ни давил численный и огневой перевес на неприятельской стороне, мы уже привыкли чувствовать себя подготовленными, конечно в пределах

возможного, к отпору врагу. И именно эта наша подготовленность все в большей мере определяла исход боев. А воевать так, как здесь, зачастую без оборудованных позиций, без полноценной артиллерийской поддержки, без реальной возможности вызвать и нацелить куда нужно свою авиацию, приморцам на моей памяти не приходилось.

Глядя на все происходившее из нынешнего далека, видишь и сознаешь, что выдвижение Приморской армии на север Крыма и введение ее там в бой, как ни плохо это было обеспечено, дало все-таки немало. Противник был задержан дорогой ценой, но задержан! — на севере полуострова на несколько лишних дней. И быть может, уже там, у Ишуни и Воронцовки, начал срываться расчет фашистов захватить с ходу Севастополь: небольшой его гарнизон смог использовать эти дни для подготовки к обороне города. Но тогда мы думали еще не только о Севастополе — ведь шли с тем, чтобы не пустить врага в Крым…

Прикрывавшие наш левый фланг кавалерийские дивизии, в которых осталось по нескольку сот бойцов, не смогли задержать крупные вражеские силы, двинувшиеся от Каркинитского залива на Евпаторию. На правом фланге, также обойденном противником, мы утратили контакт с соседом — 9-м стрелковым корпусом. С трудом отражались попытки врага вклиниться в стыках дивизий и полков, но отдельные танки и группы мотоциклистов прорывались и тут. Чтобы не потерять связи со штабами соединений (им, как и штарму, приходилось часто переходить на новое место), наши направленцы день и ночь носились по степи.

Они доставляли все более тревожные сведения о состоянии частей, о сокращении числа активных штыков. Как всегда в ближнем бою, выбывало из строя много командиров.

В те дни был сражен горячий и бесстрашный подполковник Амбиос Кургинян недавний начальник штаба 241-го стрелкового полка, только что залечивший свои одесские рапы и вернувшийся в тот же полк командиром. Увезли в Симферополь тяжелораненого капитана Василия Барковского — известного всей армии командира лучшего противотанкового артдивизиона. Чапаевцы потеряли начальника штаба подполковника Николая Павловича Васильева. В двух полках дивизии Воробьева были убиты или ранены все комбаты.

Последовала директива Военного совета войск Крыма о переходе к сдерживающим боям с постепенным отходом на промежуточные рубежи в глубине полуострова, для Приморской армии — в южном направлении. Это означало, что возможность вернуться на Ишуньские позиции и отстоять Крым в целом уже

исключается.

Затем связь с командованием войск Крыма прервалась. Было лишь известно, что из Симферополя оно выехало (как потом оказалось, в Карасубазар, а оттуда в Алушту). Так настал момент, когда Военному совету Приморской армии потребовалось самостоятельно принять решение, от которого могло зависеть, в этом мы отдавали себе отчет, гораздо большее, чем судьба самой армии.

Наверное, Иван Ефимович Петров тяжелее, чем любой из нас, переживал то, что произошло с приморцами на севере Крыма, — и в силу особой своей ответственности командарма, и потому, что был по натуре человеком эмоциональным, принимавшим все близко к сердцу. Горечь и боль от сознания, что армия, пусть не по своей вине, не смогла выполнить поставленной задачи, побуждали Петрова еще напряженнее думать над тем, как все-таки не дать противнику достичь его основных целей на Крымском театре военных действий. В решении Ставки об эвакуации наших войск из Одессы возникшая угроза Крыму рассматривалась как угроза базированию Черноморского флота. Значит, имелся в виду прежде всего Севастополь; в конечном счете одесские дивизии нужны были здесь для того, чтобы враг не захватил главную военно-морскую базу страны на юге.

Из этого, считал генерал Петров, следует исходить и теперь. Среди нас не было моряков, но когда встал вопрос о том, куда следует вести армию, если не поступит на сей счет приказ от старших начальников — в первый раз Военный совет обсуждал это еще в Сарабузе в ночь на 31 октября, — говорили больше всего о флоте. О том, что ему необходимо сохранить свободу действий на всем Черном море, возможность наносить удары по коммуникациям и портам противника и не подпускать неприятельские десанты к нашим берегам. И поэтому армия, которая не зря называется Приморской и уже обороняла вместе с моряками Одессу, должна, пока еще не поздно, встать на защиту Севастополя.

Через двенадцать-тринадцать часов состоялось военное совещание в Экибаше, с которого я начал свой рассказ. Командарм был глубоко удовлетворен тем, что абсолютное большинство командиров и комиссаров смотрело на дело так же, как он и Военный совет. А наш штаб к тому времени уже наметил маршруты движения соединений, определил уравнительные рубежи, рассчитал время выхода к ним головных колонн. Был подготовлен и боевой приказ, подписанный сразу после совещания.

* * *

Как уже говорилось, командарм решил вывести армию на Альму. На моей рабочей карте он сам наметил красным карандашом будущие полосы обороны дивизий на ее южном берегу.

Эта река, а по понятиям Средней России — речка, устремляющаяся с холмов Бахчисарайского плато почти прямо на запад, вошла в историю благодаря известному сражению 1854 года. Она образовала на своем пути к морю резко очерченную, местами довольно глубокую долину, которая представлялась выгодным рубежом на дальних подступах к Севастополю, тем более что невдалеке за нею протянулись в том же направлении, словно запасные позиции, долины еще двух полугорных-полустепных речек — Качи и Бельбека.

Но занять оборону на Альме нам не пришлось. Когда войска уже начали марш, стало известно, что передовые части противника прорвались по приморской дороге в междуречье Альмы и Качи. Вопрос об оборонительной позиции на Альме стал беспредметным: враг нас опередил.

Иногда спрашивают: а нельзя ли было все-таки идти прямо, принять где-то под Бахчисараем бой и пробиться уже не на Альму, а дальше — к Каче, не сворачивая с кратчайшего пути? Так ли уж значительны были преградившие этот путь неприятельские силы?

Подобные вопросы возникали и тогда. А ответ на них диктовался состоянием наших войск, характером местности, общей обстановкой.

Да, мы с самого начала сознавали, что без боя на севастопольские рубежи не выйдем. Однако бой бою рознь. Вступать в него ночью, в голой степи, да еще с ходу, имея мало боеприпасов, без танков, не зная к тому же, сколько их у противника и каковы его силы вообще (а быстро выяснить это мы не могли), — не слишком ли велик риск? Попытка пройти к Каче напролом, даже если бы это вообще удалось, могла обернуться такими потерями, после которых от армии, и так уж очень поредевшей, было бы под Севастополем мало проку.

Оценив новую обстановку, командарм около полуночи принял решение направить дивизии на юго-восток от Симферополя, с тем чтобы предгорьями обойти противника, прорвавшегося на юг, и вывести наши войска на Качу.

Приказ об изменении маршрута передавался в каждую из колонн устно и, во избежание сомнений и переспросов, самыми ответственными лицами. Командиру 95-й дивизии командарм объявил приказ лично, застав его у деревни Камбары, где тот поджидал подхода своих частей. Мне было поручено повернуть

172-ю дивизию.

В ночной степи, озаряемой разгоравшимися где-то на западе пожарами, у развилки дорог, я во второй раз встретился с полковником Иваном Андреевичем Ласкиным, которого впервые увидел несколько часов назад в Экибаше.

Ласкин производил хорошее впечатление: подтянутый, собранный, явно со строевой жилкой и, как видно, наделен живым умом, быстрой реакцией, схватывает все с полуслова. Должен сказать, что такое представление о нем в дальнейшем только укреплялось.

Объяснять полковнику Ласкину новую задачу было легко. Притом он отлично понимал, что, раз маршрут удлиняется, важно форсировать движение как только можно.

Мы разговаривали у моей эмки, пропуская мимо дивизию: артиллерийские упряжки, повозки и машины, стрелковые подразделения в пешем строю, снова орудия… Но всего не так-то много, даже с учетом того, что тылы пошли отдельно. А особенно — людей в строю.

Удивляться, впрочем, не приходилось: дивизия с сентября в тяжелых боях, участвовала в крупных контратаках, когда отбивали Армянск, принимала на себя удары и двух, и трех неприятельских дивизий, не давая прорвать свою оборону. А пополнение получала вряд ли регулярно.

Беспокоило состояние других соединений: в каком составе идут они? Полных сведений об этом штарм пока не имел и мог получить, видимо, еще не так скоро.

Пора пояснить, что тем маршрутом, о котором до сих пор велась речь — сперва прямо на юг, к Альме, а затем в район к юго-востоку от Симферополя и дальше в горы, — шли только наши основные силы, но не вся Приморская армия. Армейские тылы и часть дивизионных, тяжелая артиллерия были с самого начала направлены по шоссе Симферополь — Алушта, с тем чтобы выйти к Севастополю по Южному берегу Крыма, через Ялту. Для артиллерии на тракторной тяге это был практически единственно возможный путь, и после совещания в Экибаше командарм приказал снимать ее с позиций в первую очередь — пока еще можно выйти на шоссе.

Затем по южнобережному маршруту была отправлена как первая помощь гарнизону Севастополя спешенная, но посаженная на машины, благо представилась такая возможность, 2-я кавалерийская дивизия, точнее, то, что от нее осталось: 800 бойцов, сведенных в один полк под командой капитана П. И. Петраша (из Ялты этот полк оказалось необходимым повернуть в горы для прикрытия ай-петринской дороги). Южным берегом

пошли и остатки полков 40-й и 42-й кавдивизий, объединенные под общим командованием, после того как выполнили задачу по прикрытию выходов на Ялтинское шоссе. Позже, когда последует приказ, предстояло этим же путем направиться 421-й стрелковой дивизии, которой командование войск Крыма поручило оборонять район Алушты: здесь надо было задержать врага насколько возможно.

Предвижу, что у некоторых читателей, знающих Крым, может возникнуть вопрос: не являлся ли маршрут через Алушту и Ялту, хотя и кружной, самым выгодным для быстрейшею сосредоточения под Севастополем всей Приморской армии? Как-никак шоссе…

Но, во-первых, шоссе, идущее по Южному берегу Крыма, было в 1941 году далеко не таким, каким стало теперь. Оно представляло собой тогда узкую горную дорогу с бесчисленными крутыми поворотами, дорогу ограниченной пропускной способности и к тому же очень уязвимую с воздуха, почти без всякой возможности объездов в случае повреждений и заторов. Пустить всю массу войск и обозов по южнобережному шоссе означало закупорить его, помешать пройти здесь и тому, что пройти могло. А во-вторых, не следует забывать: наши стрелковые полки того времени были пехотой в самом прямом смысле слова и лишняя сотня километров значила для них много.

Путь основных сил армии оказался в конечном счете тоже далеко не прямым и гораздо более долгим, чем представлялось вначале. Маршрут 95, 25 и 172-й дивизий складывался под воздействием изменяющейся обстановки. Но определение этого маршрута, все вносимые в него поправки диктовались одним стремлением быстрее выйти к Севастополю.

Уже на марше удалось связаться с командованием войск Крыма. Оттуда было получено краткое боевое распоряжение генералу Петрову, подписанное в 11 часов 25 минут 1 ноября заместителем командующего П. И. Батовым: "Начните отход на Симферополь, в горы. Закройте горы на Севастополь…" Таким образом, приказание старшего начальника совпало с решением, принятым Военным советом армии и уже выполнявшимся.

Первого ноября три наши дивизии втягивались в горы. День был пасмурный, хмурый, временами с дождем. Зато войскам не досаждала неприятельская авиация. Для основных соединений армии (я не говорю о частях прикрытия) этот день обошелся без серьезных столкновений с противником.

Штарм с утра находился в селении Шумхан (ныне Заречное), невдалеке от Алуштинского шоссе. Движение войск контролировала оперативная группа. Под вечер начался

артиллерийский обстрел северных подступов к Алуштинскому перевалу. Пришлось заботиться в том, чтобы на шоссе, по которому сплошным потоком шли обозы, не возникало пробок.

Что касается трех стрелковых дивизий, то по итогам дня складывалось мнение, что через сутки они смогут выйти в долину Качи, южнее Бахчисарая, то есть достигнут первых севастопольских рубежей, представление о которых связывалось у нас в то время именно с Качей. Исходя из этого, например, дивизии генерала Воробьёва — она теперь возглавляла общую колонну — была поставлена задача: к исходу

2 ноября занять на Каче оборону к западу от Шуры (Кудрино). В Заланкое (Холмовка) намечалось развернуть

3 ноября командный пункт армии. Мы не предвидели в тот момент, насколько осложнится все дальнейшим быстрым продвижением противника.

Помню разговор у командарма в ночь на 2-е, его взволнованные размышления вслух. Иван Ефимович Петров переносился мыслями в Севастополь, к которому, как следовало полагать, Манштейн двинул основную или, во всяком случае, очень значительную часть своей ворвавшейся в Крым армии.

Петров сознавал: организация сухопутной обороны города, очевидно, так или иначе ляжет на его плечи. Непрестанно об этом думая, он мучился, что не знает ни состояния оборонительных рубежей, ни какова там обстановка вообще. У Ивана Ефимовича возникал вопрос, не следует ля ему для пользы дела поспешить в Севастополь л полевым управлением, чтобы к подходу основных соединений уже быть на месте.

Вопрос этот, трудный для командарма, поскольку речь шла об его отрыве от главных сил армии, был решен после того, как И. Е. Петров встретился в Алуште с командующим войсками Крыма вице-адмиралом Г. И. Левченко.

Гордей Иванович, старый моряк, жил в те дни судьбой Севастополя. Он был убежден, что теперь и его место там, А Петрову приказал ехать туда немедленно. "У вас есть генералы, которые доведут войска, — сказал Левченко Ивану Ефимовичу, — а вам надо сейчас быть в Севастополе и вместе с командованием флота создавать надежную оборону".

Связных самолетов армия не имела. Быстрее всего попасть в Севастополь можно было по южнобережному шоссе, в обгон наших обозов и потека гражданских машин из разных концов Крыма. Так и поехал командарм вместе с М. Г. Кузнецовым, Г. Д. Шишениным, Н. К. Рыжи.

Вслед за командованием отправился основной состав штаба армии, в том числе и я со своими помощниками по оперативному

отделу: командарм считал, что все мы нужны в Севастополе и должны там встретить наши войска. Перед самым отъездом из Алушты мы узнали от товарищей из штаба Левченко, что немцы уже в Феодосии.

Севастопольский оборонительный район

Промелькнул в стороне от шоссе маленький Гурзуф у каменной глыбы Медведь-горы. Осталась позади притихшая, тревожная Ялта, где мы сделали короткую остановку. Там распоряжался Петр Георгиевич Новиков — командир нашей 2-й кавдивизии, принявший по приказу адмирала Левченко обязанности начальника местного гарнизона. Должность сугубо временная, на перепутье, но весьма ответственная уже тем, что в Ялте сходятся две дороги — приморская и с Ай-Петри, к тому же это последний перед Севастополем порт.

За Ялтой и Ливадией пошли курортные городки и поселки, совсем мне не известные. В другое время, наверное, постарался бы рассмотреть и запомнить их, а сейчас было не до того.

Мы обгоняли много обозных колонн, однако армейскую артиллерию на марше не видели. Значит, нигде не застряла и идет впереди!

А шли целых три тяжелых артиллерийских полка. Правда, 265-й артполк майора Н. В. Богданова, главная паша огневая сила с самого образования Приморской армии, лишился своего третьего дивизиона: тот поддерживал на севере Крыма соседние части 9-го корпуса и, как видно, пошел с ними к Керчи. Так это действительно и было. Потом мы узнали, что на основе дивизиона богдановцев на Кавказском фронте был создан новый артиллерийский полк. Зато с нами оказались два приданных артполка из 51-й армии. В сложившихся обстоятельствах их уже никто не мог взять обратно, если бы даже и захотел.

С армейской артиллерией получилось как будто неплохо: удачно вывели ее на шоссе под носом у противника и она, должно быть, уже подходит к Севастополю. Но успешно ли там, за этой стеною гор, продвигаются наши дивизии?

И что происходит сейчас под Севастополем? Как развернулись моряки с сухопутной обороной, какими располагают на первый случай силами?

Выяснить все это можно было, только прибыв на место. Наверное, потому дорога казалась томительно долгой.

За Байдарскими воротами наконец увидели отрытые по обе стороны шоссе окопы и краснофлотцев в черных бушлатах, обтянутых крест-накрест пулеметными лентами: вероятно, боевое охранение Севастопольского гарнизона. На контрольно-пропускном пункте нас ждал офицер от начальника тыла армии А. П. Ермилова, прибывшего сюда на сутки раньше и приготовившего для штаба временное помещение в Балаклаве.

Оттуда командарм поспешил к командующему флотом.

* * *

За две недели, минувшие после того как Приморская армия двинулась на север Крыма, и особенно за последние четыре-пять дней, в Севастополе и вокруг него успело произойти много событий. Узнавать о них приходилось, входя в курс здешних дел, от разных людей и из разных документов, и, естественно, не всегда последовательно. Но о самом важном необходимо рассказать сейчас по порядку.

…29 октября, когда прорыв гитлеровских войск в крымские степи стал необратимым фактом, Военный совет Черноморского флота объявил Севастополь на осадном положении. Еще за три дня до этого был образован городской комитет обороны под председательством первого секретаря горкома партии Б. А. Борисова. А 30-го, во второй половине дня, до северных окраин города глухо донеслось уханье частых орудийных выстрелов.

По звуку люди поняли: стреляют не зенитки, а береговая артиллерия севастопольцы привыкли слышать ее на флотских учениях. Теперь эти пушечные выстрелы возвестили о том, что на дальних подступах к Севастополю, за Качей, идет бой.

В районе Севастополя флот имел батареи значительно мощнее одесских вплоть до двенадцатидюймовых. Их главное назначение состояло в том, чтобы не подпускать врага с моря, и на это всегда делался основной упор в боевой учебе. Однако необходимость повернуть орудия в сторону суши не застала севастопольских артиллеристов врасплох. Они заблаговременно подготовили к этому материальную часть и схемы огня, выдвинули на угрожаемые направления наблюдательные посты.

Первой — в 16 часов 35 минут 30 октября — открыла огонь по врагу 54-я береговая батарея старшего лейтенанта Ивана Заики. Она стояла на отлете километрах в сорока от Севастополя, у деревни Николаевна, прикрывая равнинный участок побережья, удобный по рельефу для высадки десанта. Но стрелять пришлось не по десантным судам, а по танкам, броневикам, машинам с пехотой, появившимся на прибрежных дорогах.

Огонь четырех мощных орудий преградил путь неприятельскому авангарду подразделениям сводной моторизованной бригады Циглера. Сорвана была и новая попытка противника продвинуться на этом направлении, предпринятая в тот же день с наступлением темноты.

После этого немцы подтянули свою тяжелую артиллерию, бросили на мешавшую им батарею пикировщики, атаковали ее пехотой и танками. Не имея перед собой стрелковых подразделений, на открытой позиции, с незавершенным

инженерным оборудованием (лишь несколько дней назад закончилось строительство самой батареи), а под конец в окружении, 54-я батарея вела бой трое суток. Тысяча двести снарядов, которые она выпустила, существенно задержали рвавшегося к Севастополю врага. Он потерял здесь до тридцати танков и броневиков, сотни солдат. Потерял время и темп.

Это был первый заслон на кратчайшем для немцев пути к городу, и уже тут проявилась севастопольская стойкость, Батарея Ивана Заики действовала, пока не вышли из строя все орудия. После этого артиллеристы отбивались ружейно-пулеметным огнем и гранатами. Вместе с ними сражались женщины — жены комсостава. Чтобы вывезти людей, доблестно выполнивших свой долг, к Николаевке был послан тральщик, но до него смогла добраться на шлюпках только часть личного состава. Остальные, в том числе командир и комиссар батареи, прикрывали отход товарищей. Впоследствии стало известно, что им удалось уйти в горы.

Вслед за 54-й были введены в действие батареи, стоящие ближе к Севастополю, — 10-я капитана М. В. Матушенко и 30-я капитана Г. А. Александера; последняя — одна из двух самых мощных, "линкоровского" калибра.

Эти батареи враг подавить не мог, а для них были досягаемы его войска на большом пространстве от устья Альмы и почти до Бахчисарая, не говоря уже о долине Качи. Благодаря вынесенным на высоты корректировочным постам батареи точно накрывали колонны машин и танков на дальних участках Симферопольского шоссе.

Командир одной из наших дивизий, пробивавшихся в ЭТО время к Севастополю, рассказывал потом, как удивились его разведчики, обнаружив где-то невдалеке от Булганака множество разбитых немецких автомашин. Это, несомненно, была работа береговой артиллерии. Продвигаясь по горным дорогам, приморцы не раз слышали в стороне разрывы тяжелых снарядов, но чьи это снаряды, могли только гадать. Докуда "достает" огонь севастопольских батарей, в армии представляли тогда плохо.

Задним числом, когда наши артиллеристы близко познакомились с флотскими, пришлось пожалеть о том, что знакомство не произошло раньше. Взаимодействие идущей к Севастополю армии с наиболее дальнобойными его батареями, пожалуй, было возможно уже с ночи на 1 ноября. Это позволило бы приморцам быстрее и легче преодолевать преграды, которые создавал на их пути противник. Конечно, только при хорошей связи.

Но если даже какие-то возможности и остались

неиспользованными, трудно переоценить то, что сделали севастопольские артиллеристы в конце октября начале ноября. "В отражении первого вражеского удара по Севастополю, — писал впоследствии генерал И. Е. Петров в "Красной звезде", — решающую роль сыграли батареи береговой артиллерии… Наступление фашистских войск с ходу захлебнулось. Героические действия флотских артиллеристов поз-, водили выиграть время…"

Под канонаду береговых батарей выдвигались на рубежи обороны скромные силы Севастопольского гарнизона.

Когда над городом, до того относительно далеким от фронта, так стремительно нависла непосредственная угроза, в Севастополе находились два полка морской пехоты и местный стрелковый полк, все неполного состава. Из Новороссийска ожидалась (и прибыла на кораблях 30–31 октября) 8-я бригада морской пехоты полковника В. Л. Вильшанского, только что сформированная на Кавказе. Батальон моряков снимался с Тендровской косы, удерживать которую уже не было практического смысла.

Этих частей, как их ни расставляй, не хватало, чтобы прикрыть подступы к городу. И в Севастополе стали спешно создавать новые батальоны и отряды из учебных и тыловых подразделений, из ополченцев, из всех резервов, какие были под рукой. На формирование и подготовку к выходу на передовую давались считанные часы.

За три-четыре дня число бойцов, защищающих город на суше, удалось довести примерно до 20 тысяч. Как и при формировании частей морской пехоты в Одессе, возникали трудности с оружием: на месте не оказалось нужного количества винтовок. Но кое-что нашлось в ближайших кавказских базах флота и было доставлено оттуда. Пошли в ход также собранные в городе 2800 учебных винтовок, которые рабочие оружейных мастерских быстро превратили в боевые.

Остро ощущался недостаток в артиллерии: как ни мощны береговые батареи, они не могли заменить полевые, особенно противотанковые. Ни одного орудия не имела самая крупная стрелковая часть гарнизона — 8-я бригада морской пехоты. Курсантский батальон училища береговой обороны выступил на фронт с тремя пушками, взятыми с училищного полигона.

В какой-то мере выручала артиллерия ПВО. Две трети имевшихся зенитных орудий были приданы флотским батальонам как полевые, прежде всего на танкоопасных направлениях.

В резерве имелся достраивавшийся на Морском заводе бронепоезд, знаменитый впоследствии "Железняков".

— Продержаться с тем, что есть, пока подойдут приморцы —

такова была задача, — говорил нам потом контр-адмирал Гавриил Васильевич Жуков.

На него, недавнего командующего Одесским оборонительным районом, легла в критические дни, когда Манштейн рассчитывал овладеть Севастополем с ходу, ответственность за то, чтобы сорвать этот замысел силами, какие были в городе, отбить первый вражеский натиск. Подчинив вице-адмиралу Г. И. Левченко все войска Крыма, Ставка одновременно назначила Г. В. Жукова заместителем командующего Черноморским флотом по обороне главной базы. Он же являлся начальником Севастопольского гарнизона. Случалось, что Гавриил Васильевич сам выводил на рубежи обороны только что сформированные батальоны,

Этот волевой, решительный человек, организаторские способности которого в пряной мере проявлялись именно в трудных положениях, много сделал для Севастопольской обороны на ее напряженнейшем начальном этапе.

Разумеется, я не хочу сказать, что своевременное выдвижение на севастопольские рубежи тех сил, какие можно было собрать в городе, — заслуга одного контр-адмирала Жукова. Все вопросы обороны главной базы решал находившийся в Севастополе Военный совет флота (правда, командующего флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского с 28 октября по 2 ноября, как раз когда под городом начались, бои, там не было: он ушел на эсминце в Поти для организации базирования кораблей в кавказских портах). Мобилизовать людские резервы помогал и городской комитет обороны. Наконец, опорой Жукова, его первым заместителем был комендант береговой обороны Черноморского флота и главной базы генерал-майор П. А. Моргунов, с которым читатель вскоре познакомится. Сейчас поясню лишь, что "комендант" в данном случае означает "командующий".

Передовые части Севастопольского гарнизона встретили наступающего врага под Бахчисараем. 31 октября здесь уже вел бой батальон училища береговой обороны под командой полковника В. А. Костышина.

Бои на дальних подступах к Севастополю (сперва еще за линией, намеченной в качестве передового рубежа обороны) носили сдерживающий характер, и иначе быть не могло.

Вслед за своим авангардом, бригадой Циглера, Манштейн бросил к городу части 54-го армейского корпуса. А им навстречу выдвигались наспех сформированные батальоны моряков — отважных и самоотверженных, но не очень хорошо вооруженных, без автоматов и минометов, без танков, почти без полевой артиллерии, заменить которую не могла поддержка мощных, но далеких береговых батарей. Да и оборудованных позиций за

передовым рубежом не было.

Под натиском превосходящих сил врага пришлось оставить Качу — поселок в нескольких километрах за устьем одноименной реки, станцию Сюрень, близ которой от Симферопольского шоссе ответвляется дорога на Ялту, Заланкой, где командарм Петров намечал развернуть свой КП, если бы удалось занять оборону по Каче. Завязались бои у Дуванкоя (Верхне-Садовое). Там немцы вышли к передовому рубежу Севастопольского обвода.

За счет последних формирований контр-адмирал Жуков уплотнил, насколько было можно, боевые порядки на определившихся наиболее опасных направлениях. Исчерпав на этом свои резервы, он отдал частям гарнизона приказ, в котором требовал удерживать во что бы то ни стало занимаемые рубежи до подхода Приморской армии. Враг находился в 17–18 километрах от центра города.

Общее положение было очень напряженным. Сутки спустя вице-адмирал Октябрьский послал в Ставку телеграмму, в которой говорилось, что флот поставил на оборону своей главной базы все, что имел, и единственная надежда на подход через день-два армейских частей, а если этого не будет, то противник ворвется в город. Об этой телеграмме командующего флотом я тогда не знал. Но как ждут севастопольцы Приморскую армию, мы ощутили сразу.

Наш начальник тыла Алексей Петрович Ермилов сообщил, что на рубежи обороны отправлен по его собственной инициативе личный состав прибывших с ним хозяйственных подразделений. В боях под Дуванкоем, где враг рвался в Бельбекскую долину, уже участвовал разведбатальон Чапаевской дивизии под командованием капитана Михаила Антипина — самая первая боевая часть приморцев, вышедшая в район Севастополя. С ходу выводились на огневые позиции прибывающие артиллерийские полки.

Однако ждать основные силы армии пришлось не день и не два: противник сумел еще раз преградить путь группе наших дивизий. Но об этом — немного позже.

4 ноября командарм, вернувшись с флагманского командного пункта флота, протянул мне бумагу с отпечатанным на машинке текстом:

— Вот, читайте.

Это был приказ прибывшего в Севастополь вице-адмирала Г. И. Левченко о новой организации управления войсками Крыма. В связи со сложившейся на полуострове обстановкой создавались два оборонительных района — Керченский и Севастопольский. О последнем в приказе говорилось:

"В состав войск Севастопольского оборонительного района включить: все части и подразделения Приморской армии, береговую оборону главной базы Черноморского флота, все морские сухопутные части и части ВВС ЧФ по особому моему указанию.

Командование всеми действиями сухопутных войск и руководство обороной Севастополя возлагаю на командующего Приморской армией генерал-майора Петрова И. Е. с непосредственном подчинением мне".

Далее я прочел, что начальником штаба Севастопольского оборонительного района назначается полковник Крылов.

Был также пункт о назначении генерал-майора Шишенина начальником штаба войск Крыма. Фактически Гавриил Данилович Шишенин уже выполнял задания адмирала Левченко, а это назначение, по-видимому, означало, что из штаба Приморской армии он уходит окончательно.

Командарм, следивший за тем, как я читаю приказ, сейчас же подтвердил:

— Да, да, это касается и вас. Вы стали сразу начальником двух штабов. Впрочем, пока это одно и то же.

— Здесь не поставлены задачи флоту, его корабельным соединениям, — заметил я. — Не определена и роль командующего флотом — за что в Севастополе отвечает теперь он.

— Большая часть. кораблей перебазирована на Кавказ, — пояснил Иван Ефимович. — Тут им теперь не дала бы жизни немецкая авиация. Адмирал Левченко считает, что Военному совету флота также целесообразно перебраться туда. Того же мнения, кажется, и адмирал Октябрьский. А Левченко намерен быть со своим штабом в Севастополе.

Признаться, я не очень удовлетворился тем, что услышал. Где бы корабли ни базировались, без их участия длительная оборона изолированного приморского плацдарма немыслима. Это мы слишком хорошо знали по Одессе. А раз так, почему же в таком важном приказе флот, по существу, обойден?

Очевидно не желая продолжать разговор на эту тему, командарм суховато сказал:

— Мы с вами солдаты и обязаны принять и выполнить приказ таким, каков он есть. Главное сейчас, Николай Иванович, привести в строгую систему управление всеми обороняющими Севастополь силами. Об этом и надо думать, а остальное так или иначе образуется.

И Иван Ефимович перешел к вопросам практическим:

— Я договорился, что мы разместимся на командном пункте

береговой обороны, у Моргунова. Будет тесновато, но это не беда. Зато там налаженная связь с частями — все, что стоит сейчас на севастопольских рубежах, управляется оттуда. Тыл и начальники родов войск, кроме начарта, останутся пока в Херсонесских казармах. Кстати, примите к сведению, хотя приказом это еще не отдано: генерал Моргунов с сего дня является моим заместителем, а начальник штаба береговой обороны полковник Кабалюк — вашим. Так начал организационно оформляться Севастопольский оборонительный район — СОР. Приказ адмирала Левченко, готовившийся, вероятно, в большой спешке, далеко не во все внес ясность. Как увидит читатель, структура СОР, объявленная 4 ноября, оказалась не окончательной.

Но командарм был прав: при всех условиях главное заключалось в том, чтобы обеспечить четкое, гибкое боевое, управление. Пока оно затруднялось уже тем, что на многих участках оборону держали батальоны и отряды, не сведенные в более крупные части.

И все же до прибытия основных сил армии крупные оргмероприятия исключались. Даже ограниченные перегруппировки на отдельных участках требовали предельной осмотрительности: когда противник нажимает, а резервов нет, любой просчет может стать гибельным. И нужно было в кратчайший срок досконально изучить обстановку, чтобы свободно в ней ориентироваться.

За это мы в штабе взялись с первого же часа пребывания в Севастополе. Но как я ругал себя, что не нашел времени познакомиться с местностью вокруг города и оборудовавшимися позициями в те двое суток, которые провел тут после Одессы! Тогда были другие заботы, да и не верилось еще, что придется воевать под Дуванкоем, у Федюхиных высот или у Балаклавы…

Войти в курс дел нам активно помогали севастопольские товарищи из береговой обороны. Я очень обязан в этом отношении генерал-майору Петру Алексеевичу Моргунову и особенно полковнику Ивану Филипповичу Кабалюку, с которым меня сразу тесно связала начавшаяся совместная работа.

Вряд ли кто-либо в тот момент знал истинное положение под Севастополем — я имею в виду обстановку на суше — лучше, чем эти два командира. До образования СОР л прихода приморцев все нити руководства боевыми действиями, развернувшимися на подступах к главной базе флота, все данные о событиях на каждом участке фронта сходились именно к коменданту береговой обороны и в его штаб. К тому же Моргунов и Кабалюк были севастопольскими старожилами, которым все вокруг знакомо и близко.

Потом я узнал, что генерал Моргунов (в юности — слесарь на московском заводе Гужона и красногвардеец, участник штурма Кремля в 1917 году) пришел к Черному морю в бригаде красных курсантов-артиллеристов, сражавшейся против Врангеля. А в береговой обороне Черноморского флота, которую за два года до войны возглавил, прошел все служебные ступени, начиная с командира огневого взвода.

Полковник Кабалюк был старше своего начальника и успел побывать солдатом в окопах первой мировой войны. А севастопольцем стал тоже с тех дней, когда Крым очищали от белых. Командовал батареей и дивизионом береговой артиллерии, служил в штабах, преподавал в течение ряда лет в училище береговой обороны, откуда вернулся на штабную работу большего масштаба.

Иван Филиппович Кабалюк носил пышные усы, говорил неторопливо и чуть-чуть певуче. При всей своей командирской подтянутости он напоминал немолодого украинского крестьянина, спокойного и добродушного (как оказалось, он действительно родился и вырос в приднепровском селе). Но этот медлительный на вид человек отличался большой собранностью, знал цену минуте.

После того как мы, в первый раз встретившись, представились друг другу, он тотчас же развернул карту и без всяких предисловий начал:

— Вот что мы имеем под Севастополем…

Жирные трезубцы, нанесенные на карту по кромке суши от Николаевки, уже занятой противником, до Балаклавы, обозначали позиции стационарных береговых батарей. Их было девять, но одна — 54-я старшего лейтенанта Заики — больше не существовала. И еще три подвижные. На всех, вместе взятых, меньше пятидесяти орудий. Зато калибр до 305 миллиметров. Словом, артиллерия крепостная.

Эта огневая мощь накапливалась десятилетиями. Некоторые батареи существовали еще до революции, а свои позиции унаследовали от более давних, защищавших севастопольские бухты со времен Суворова, когда только закладывались тут город и порт. Но были и совсем новые, поставленные в предвоенные годы. В том числе самые мощные 30-я и 35-я — башенного типа, с укрытыми под землей и бетоном пунктами управления, казематами, погребами; по существу, целые форты.

Пока эти батареи существовали, пожалуй, никакой десант высадиться вблизи Севастополя не мог. Обороняться, однако, пришлось от противника, подошедшего с суши. Береговая артиллерия, как и под Одессой, начала взаимодействовать с

пехотой. И поддержка батарей, расположенных к северу от города, (остальные огня пока не открывали), уже помогла морским пехотинцам выстоять в первых боях.

Но что представляет собой сам фронт обороны? Что за спиной у батальонов, сдерживающих врага на "передовом рубеже? Это волновало больше всего.

Первоначальное представление о системе севастопольских рубежей до того, как увидел их в натуре, я получил у той же карты Кабалюка.

— Вот основная, главная линия обороны, с которой мы начали строительство укреплений, — объяснял Иван Филиппович. — Начинается она, как видите, за Балаклавой, идет через Кадыковку, по склонам Федюхиных высот, через Инкерманскую и Камышловскую долины, затем по высотам за Бельбеком и упирается в море у устья Качи… На этой линии сейчас шестнадцать железобетонных дотов с орудиями от сорока пяти до ста миллиметров, больше полусотни пулеметных дотов и дзотов. По фронту рубеж имеет до тридцати пяти километров. Глубина пока невелика — двести — триста метров, тут еще многое надо сделать… Огневых точек тоже должно быть больше. Пока ими наиболее насыщен центральный участок…

Я слушал Ивана Филипповича, смотрел на карту, закрепляя в памяти расположение главного рубежа, а сам старался понять, почему он так близко от города: в центральной части обвода всего в семи-восьми, а кое-где даже в пяти километрах, и только на флангах несколько дальше. Ведь, подойдя к этому рубежу, немцы смогут держать весь город под артиллерийским обстрелом.

Пусть существовал еще передовой рубеж в виде опорных пунктов, прикрывающих подступы к главному. Но главный есть главный. Можно ли рассчитывать, что он надолго останется у наших войск в тылу?

* * *

Видимо, мне не обойтись без рассказа, хотя бы самого краткого, о том, как возникли сухопутные оборонительные рубежи перед Севастополем, хотя в тот момент их история интересовала меня гораздо меньше, чем фактическое состояние.

Конечно, можно было пожалеть, что ими не занялись по-настоящему заблаговременно. Но прежде чем упрекать кого-то задним числом в недооценке возможных опасностей, полезно вспомнить, как представляли мы будущую войну. Кто из нас, кадровых военных, допускал в тридцатые годы, что на Крымском полуострове, хорошо защищенном с моря и отстоящем чуть не на тысячу километров от сухопутной границы, может появиться

армия противника? Подобная ситуация была для нас чем-то немыслимым.

И все-таки опыт войны, которая шла. на Западе, побудил моряков кое о чем задуматься. В конце сорокового года черноморцы получили приказ наркома Военно-Морского Флота, требовавший принять меры к обеспечению сухопутной и противовоздушно-десантной защиты баз. Речь шла в первую очередь о Севастополе. В феврале сорок первого комиссия во главе с П. А. Моргуновым приступила к рекогносцировке на местности.

Однако, как рассказывал генерал Моргунов, работали они, что называется, наугад: не имели ясного оперативно-тактического задания, не знали, на какой состав сил и боевых средств надо ориентироваться при выборе рубежей. К тому же в первую комиссию (потом была создана вторая, расширенная) не включили представителей инженерного отдела флота, хотя вести строительство предстояло ему. То, что под Севастополем действительно могут понадобиться траншеи и доты, должно быть, еще не у всех укладывалось в сознании.

Весной 1941 года черноморцы совместно с Киевским Особым военным округом провели двустороннее учение: воздушно-десантные войска, высадившись в тылу главной базы флота, наступали, а моряки оборонялись. Кажется, это учение многое подсказало флотскому командованию, помогло увидеть уязвимые места. После него, примерно за месяц до войны, район вокруг Севастополя разделили на три сектора обороны, к которым были приписаны части гарнизона, включая военно-морские училища. Создавались также городские боевые участки севастопольский и балаклавский.

Что касается самих рубежей, то практически за них взялись, когда уже разразилась война, в первых числах июля. И взялись решительно. Кроме специальных частей на работы выходил личный состав многих других, а также тысячи жителей города.

Параллельно с главным оборонительным рубежом приступили к строительству тылового. Он проходил в двух-трех километрах за окраиной города — от Стрелецкой бухты, через Английское кладбище, гору Суздальскую и станцию Мекензиевы Горы к устью Бельбека.

И наконец, в сентябре, когда враг уже подступил к Перекопу, Военный совет флота решил усилить сухопутную оборону главной базы созданием передового рубежа, вынесенного на пять — семь километров дальше главного. А так как на сооружение новой сплошной линии укреплений времени могло не хватить, стали оборудовать прежде всего четыре опорных пункта на

танкоопасных направлениях. Они, кстати сказать, вполне могли бы считаться и узлами обороны, но, чтобы не вступать в противоречие с нашими документами того времени, я буду называть их так, как называли тогда.

Аранчийский опорный пункт должен был прикрывать северное направление, дорогу от Евпатории; Дуванкойский — Симферопольское шоссе и выход в долину Бельбека; Черкез-Керменский — долину Кара-Коба; Чоргуньский — Ялтинское шоссе, Золотую долину и путь к Инкерману. Каждый из опорных пунктов представлял собой комплекс дотов и дзотов, противотанковых надолб, минных полей и других инженерных заграждений. В целом эта дополнительная система укреплений была призвана задержать противника на таком расстоянии от Севастополя, чтобы город и порт оставались вне действительного артиллерийского огня.

Но почему все-таки не обеспечивал этого главный оборонительный рубеж, почему он был проложен слишком близко к городу?

Объясняли это по-разному. Лично я пришел в свое время к убеждению, при котором и остался: севастопольские рубежи оказались такими, а не иными прежде всего потому, что, намечая их, думали не столько о сухопутной обороне в широком смысле слова (тем более не о длительной), сколько о преградах для сброшенного воздушного десанта. Пусть крупного, но не располагающего, например, тяжелой артиллерией.

В ходе работ многое в первоначальных планах корректировалось, дополнялось. Однако пересматривать основное уже не было времени. Главный рубеж прошел там, где его наметили перед войной.

Чтобы больше не возвращаться к этой теме, скажу, что при ознакомлений с позициями на местности приходилось еще не раз подавлять чувство огорчения и досады. Передовой и главный рубежи проходили так, что большинство командных высот находилось на стороне противника. А доты были расставлены слишком уж открыто, будто напоказ, представляя хорошие цели. Причем примерно треть готовых артиллерийских дотов и такая же часть пулеметных точек приходились на тыловой рубеж, который пока не было надобности занимать войсками.

Вообще тыловой рубеж неожиданно оказался в наибольшей готовности (строительство его форсировали, опасаясь выброски противником воздушного десанта), а главный на ряде участков правой его половины фактически был лишь обозначен.

Я далек от того, чтобы недооценивать сделанное строителями севастопольских рубежей. Они выполнили за короткий срок очень

большую работу, трудоемкость которой умножалась природными условиями, неподатливостью каменистого, местами скального грунта. А недоделки объяснялись острой нехваткой не только времени, но и инженерно-заградительыых средств: колючей проволоки, противотанковых и противопехотных мин.

И при всех недостатках системы укреплений, созданных к ноябрю, прорваться через них к городу враг тогда не смог.

Строительство и совершенствование сухопутных рубежей продолжалось. В эту работу (руководство ею перешло к генерал-майору инженерных войск Аркадию Федоровичу Хренову, ставшему заместителем командующего СОР по инженерной обороне) включились затем инженерные и саперные батальоны Приморской армии. Да и каждая наша стрелковая часть внесла свой вклад в полевую фортификацию на подступах к главной базе флота.

И в конечном счете рубежи обороны сделались такими, что противник стал называть их крепостью.

* * *

Командный пункт береговой обороны помещался на холмистой окраине города, в переоборудованных подземных казематах старой, давно упраздненной батареи.

Теперь здесь Амурская улица, выросли новые здания. А в 1941 году был малолюдный Крепостной переулок — несколько домиков, побеленных снаружи, как украинские хаты, с тихими, оплетенными виноградом двориками.

Казалось, этот уголок Севастополя остался таким, каким выглядел лет девяносто назад, в первую оборону. О той поре напоминали сохранившаяся на углу кирпичная кладка старинного укрепления с квадратной пушечной амбразурой и название соседней улицы — 6-я Бастионная.

Место это довольно высокое. За деревьями и крышами карабкающихся по склону улочек открывались взгляду морские дали, виднелись центральная часть города, его бухты, Северная сторона с Константиновским равелином…

А в каземате старой батареи, под толщей бетона, все похоже на наше одесское подземелье. Так же не доносятся сверху никакие звуки, так же никогда не выключается электричество. Только потеснее, чем было в хранилищах шустовского завода, да и не так глубоко.

Флотские береговики по-братски разделили с нами помещение, которое готовили на военное время для себя. Наш командный пункт на "втором этаже", то есть на самом нижнем. Справа, как войдешь, "каюта" командарма: деревянный топчан у стены, рабочий стол, два стула… В такой же "каюте" в глубине

каземата размещаюсь я. Более просторный "кубрик" (моряки любят и на берегу называть все по-корабельному), слева от входа, отведен оперативному отделу. Там же дежурная служба, рядом — узел связи.

Этажом выше, над нами, — КП и штаб армейской артиллерия. Командование береговой обороны — Моргунов, Кабалюк и оперативная часть их штаба — находится по соседству, под общей с нами бетонной крышей, но у них есть отдельный выход наверх.

Главным достоинством нашего КП была налаженная связь. Со всеми батареями и многими другими объектами базы — особо надежная, по подземному кабелю. Стараниями армейских и флотских связистов к нему постепенно подключались и стрелковые части.

Командарм согласился, что оставаться мне дальше также и начальником оперативного отдела нет необходимости. Им был назначен майор Михаил Юльевич Лернер, работавший в отделе с первых дней Одесской обороны, — отличный, вдумчивый штабист, спокойный и добродушный человек. Помощниками его оставались капитаны И. П. Безгинов, К. И. Харлашкин, И. Я. Шевцов — наши боевые направленцы.

Сразу после боев за Одессу командарм Петров взял в штарм майора А. И. Ковтун-Станкевича, сказав мне тогда: "Тут он очень пригодится!"

Майор Ковтун был в штабе едва ли не самым старшим по возрасту. Он участвовал в гражданской войне, в двадцатые годы служил начальником штаба кавалерийского полка, а затем лет пятнадцать работал в сельском хозяйстве: был директором совхоза, директором МТС. Но перерыва в службе у него как-то не чувствовалось: очевидно, помогал старый военный опыт в сочетании с богатым житейским. Инициативный и решительный, быстро схватывающий и трезво оценивающий обстановку, он стал исполнять обязанности офицера для особых поручений.

Когда положение на севере Крыма стало очень напряженным, Ковтун, имея в своем распоряжении отдельный разведбат Чапаевской дивизии, отвечал за прикрытие армейского КП. С этим батальоном он первым из штаба армии прибыл в Севастополь и, выполняя задание командарма, немедленно приступил к развертыванию передового командного пункта на Мекензиевых горах, в районе кордона Мекензи № 1.

На картах значились еще два кордона Мекензи, а также хутор Мекензия. Как объяснили моряки, все эти названия произошли от фамилии адмирала, который в давние времена, при зарождении Севастополя, имел касательство к строительству всяких флотских

служб на берегу Северной бухты. Должно быть, кордоны Мекензи играли тогда роль каких-то застав, а теперь оставшиеся от них старые дома были просто ориентирами на местности.

Считая район Мекензиевых гор ключевой позицией на ближних подступах к Севастополю, генерал Петров поехал прежде всего туда. Майор Ковтун, успев разобраться в обстановке и установить связь с оборонявшимися на этом направлении батальонами и отрядами, уже подготовил рекомендации о первоначальных мерах по упорядочению управления ими. И первые боевые распоряжения в качестве командующего СОР генерал Петров отдал именно там, причем писал их, как не раз делал это и под Одессой, прямо на картах комбатов.

Оборона была пока весьма неплотной, на передовой о нетерпением ждали свежих сил. Но с Мекензиевых гор Иван Ефимович вернулся повеселевшим, воодушевленным. Он с удовлетворением говорил о боевом настроении людей, с которыми там встретился. Потом я слышал от морских пехотинцев, как их, в свою очередь, обрадовало появление на переднем крае армейского генерала.

По моим наблюдениям, моряки, вставшие на защиту Севастополя, вообще очень хорошо встречали сухопутных командиров и подчинение им принимали с радостью, очевидно сознавая, сколь это важно для успеха боев. Подтверждение этому я нашел и в авторитетном флотском документе, познакомиться с которым имел случай впоследствии. Начальник Главного политуправления Военно-Морского Флота армейский комиссар 2 ранга И. В. Рогов, прибывший в те дни в Севастополь, телеграфировал наркому ВМФ: "Характерно отметить, что краснофлотцы, отобранные в морскую пехоту, просят назначить командиров, знающих сухопутные операции".

На Мекензиевы горы И. Е. Петров наметил поставить Чапаевскую дивизию, в стойкость которой очень верил. Дивизия была еще в горах, но капитаны Безгинов и Харлашкин — они вслед за Ковтуном осваивали этот сектор — заранее получили задание быть готовыми встретить чапаевцев и провести на предназначаемые им участки.

На этом же направлении занял огневые позиции уже прибывший 265-й, богдановский, артполк. Временно, пока отсутствовали начарты дивизий, майор Н. В. Богданов был облечен правами старшего артиллерийского начальника на всей северной половине Севастопольского обвода.

Познакомившись мало-мальски с обстановкой, мы сели вместе с Иваном Филипповичем Кабалюком за подготовку боевого приказа по Севастопольскому оборонительному району.

Он был подписан командующим СОР И. Е. Петровым, членом Военного совета М. Г. Кузнецовым и мною как начальником штаба в ночь на 6 ноября. Приказ требовал объединить действия всех частей и отрядов и определял порядок боевого управления ими.

Силы были все те же — прежний Севастопольский гарнизон плюс прибывшие к тому времени артполки. Резерв оборонительного района составляли отряд береговой обороны и разведбат Чапаевской дивизии. Об остальных наших силах, хотя штаб, конечно, имел уже примерный план расстановки их на рубежах, говорилось в приказе единственно то, что только и можно было тогда сказать: "Части Приморской армии с тяжелыми боями продвигаются на Севастополь".

Приказ подтверждал существовавшее деление территории СОР на секторы, подчеркивал важную роль секторного звена в управлении силами обороны. Однако поставить во главе каждого сектора опытного общевойскового командира мы еще не могли — приходилось ждать наших комдивов. Только в первом секторе прежнего коменданта, по званию капитана, сменил два дня спустя полковник П. Г. Новиков, освободившийся от своих временных обязанностей в Ялте.

* * *

Шестого и седьмого ноября положение было напряженнейшим. Враг расширял фронт атак, явно рассчитывая не тут, так там прорвать нашу оборону, пока она еще не окрепла, пока не соединились Севастопольский гарнизон и Приморская армия.

Отбиться любой ценой и выиграть время — к этому сводилась ближайшая задача.

В такой обстановке настудила 24-я годовщина Великого Октября. Несмотря ни на что, праздник чувствовался. Из Москвы, под стенами которой также шли бои, транслировалось торжественное заседание… А наутро, как обычно, только в более ранний час, состоялся военный парад на Красной площади. Его не ждали, о нем не было и мысли: ведь Москва сделалась прифронтовым городом. Но парад состоялся, на Красной площади выступил перед войсками И. В. Сталин… Что значил в тот момент самый этот факт, трудно передать. Октябрьские дни сорок первого года незабываемы. Они прибавили людям сил для борьбы с ненавистным врагом, укрепили уверенность в нашей победе,

Под Севастополем день 7 ноября ознаменовался активными действиями морской бригады полковника Вильшанского. Ей приходилось держать оборону почти на десятикилометровом фронте. На значительной части этого участка было пока

относительно спокойно, но командование бригады имело смутное представление о том, какие неприятельские силы ей противостоят. А когда собственные боевые порядки жидковаты и огневых средств мало, особенно опасно плохо знать конкретного противника. Чтобы познакомиться с ним поближе, была предпринята разведка боем пятью усиленными ротами. Причем им, помимо основательного прощупывания противника, ставилась задача улучшить позиции бригады захватом трех высот между Бельбеком и Качей. Так как у Вильшанского своей артиллерии не было, короткую артподготовку произвели одна береговая батарея и одна из богдановского полка.

Враг такой активности от нас явно не ожидал. Атакующая группа, действуя решительно и напористо, заняла все три высоты (одной немцы через несколько часов овладели вновь), истребила свыше 200 гитлеровцев, захватила пленных и трофеи, в том числе 3 орудия, 10 минометов, 20 пулеметов. Нелишне сказать, что сама морская бригада имела на тот день 29 пулеметов, считая и ручные.

Было установлено: на этом участке находятся части 132-й немецкой пехотной дивизии и 5-й мотополк румын; добыты и другие полезные сведения о противнике. "Большая разведка" показала, как можем мы бить врага при всем его численном и техническом перевесе.

А на центральном участке передового оборонительного рубежа, в районе Черкез-Керменского опорного пункта, 2-й и 3-й морские полки весь день отбивали ожесточенные атаки гитлеровцев. Становилось все очевиднее, что враг стремится расчленить наш фронт, пробиться к Северной бухте.

Несмотря на поддержку морской пехоты береговыми батареями, несмотря на то, что расчеты дотов и дзотов — правда, тут их было немного — держались до последнего, 6 ноября немцы заняли Шули (Терновка), Черкез-Кермен (Крепкое) и соседнюю высоту Ташлык. Высоту батальон 3-го морского полка отбил контратакой, но вернуть остальные позиции не хватило сил. Передового опорного пункта на восточном направлении фактически больше не существовало.

К вечеру 6 ноября у нас появилась возможность усилить, оборону долины Кара-Коба только что вышедшим к Севастополю — впереди остальных частей Чапаевской дивизии — 31-м Пугачевским стрелковым полком подполковника К. М. Мухомедьярова. Полк был невелик, нуждался в доукомплектовавши и приведении в порядок после тяжелого марша. Но ввести его в. бой понадобилось уже на следующее утро. Полк помог морским пехотинцам остановить здесь

противника.

Однако левее по фронту немцы вновь продвинулись. Во второй половине дня 7-го в их руках оказался хутор Мекензия, расположенный в восьми километрах от Северной бухты.

Обеспокоенный ухудшением положения на Мекензиевых горах, И. Е. Петров выехал на передовой КП, где по-прежнему находился Ковтун. Иван Ефимович хотел на месте удостовериться, что следует направить именно туда 7-ю бригаду морской пехоты, которая в эти часы сосредоточивалась на Корабельной стороне.

Бригада была "коренной" севастопольской. Около месяца назад ее сформировали из моряков-добровольцев с кораблей и из береговых подразделений главной базы и считали основным войсковым прикрытием города. Но когда гитлеровцы прорвали Ишуньские позиции, командование войск Крыма потребовало отправить бригаду туда вслед за нашими дивизиями. Там она поступила в подчинение командарму Приморской и потом вместе с армией начала обратный марш к Севастополю, хотя из-за перебоев в связи иногда выбирала путь самостоятельно. В ночь на 7 ноября основную часть бригады приняли на борт в Ялте высланные из Севастополя эсминцы, а небольшой "отряд с командиром во главе выходил в это время горными тропами в Байдарскую долину.

Так 7-я бригада морской пехоты, поредевшая, но все же насчитывавшая без малого две тысячи бойцов, вернулась в Севастополь. Командовал ею полковник Евгений Иванович Жидилов, черноморский ветеран под стать Моргунову и Кабалюку: он тоже пришел в эти края двадцатилетним командиром взвода, когда освобождали Крым от врангелевцев.

Еще не познакомившись с командиром бригады, я узнал ее комиссара — Николая Евдокимовича Ехлакова. Прибыв с теми батальонами, что шли из Ялты морем, он, не дожидаясь комбрига, явился к нам на КП — коренастый, широкоплечий, в кубанке и армейской шинели, из-под которой виднелся стоячий синий воротник морского кителя, а черные флотские брюки были заправлены в пехотные кирзовые сапоги.

Перед командующим батальонный комиссар Ехлаков держался непринужденно. Чувствовалось, что человек он прямой, по характеру независимый. Люди такого склада нравились генералу Петрову. Он слушал военкома бригады с заметной симпатией, позвал и меня с ним познакомиться.

Позже мне стала известна примечательная деталь родословной Ехлакова: в первой обороне Севастополя участвовал его дед — солдат Суздальского пехотного полка, того самого, от

которого получила тогда название гора Суздальская, теперь снова ставшая боевым рубежом. Вот какие глубокие "севастопольские корни" оказались у этого комиссара морской пехоты.

На КП Ехлаков докладывал о состоянии прибывших батальонов. Его заботили виды на доукомплектование и получение противотанковых средств. Вопросы были вообще-то "командирские", но комиссара касалось все, и, раз он появился тут первым, он их и ставил. И понятно, интересовался, какую задачу получит бригада.

Командующий сказал, что ее по всем правилам следовало бы вывести сейчас в резерв и пополнить как положено. Однако с этим придется обождать. До полуночи пусть люди отдохнут, а за это время последует боевой приказ.

Перед рассветом (к тому времени прибыл и комбриг со своим отрядом) бригада Жидилова была на машинах переброшена на Мекензиевы горы. Утром 8-го она контратаковала немцев, имея задачу вернуть хутор Мекензия и продвинуться к Черкез-Кермену.

Но я должен еще рассказать о том, что происходило,! 7 ноября у Дуванкоя. Здесь противник был несколько дальше от города, однако характер местности позволял шире, чем на восточном направлении, использовать танки. И важнее всего было не дать им прорваться вдоль Симферопольского шоссе и по Бельбекской долине.

В день Октябрьской годовщины тут принял боевое крещение, поддерживая морскую пехоту, бронепоезд "Железняков". Действовал он успешно: огневыми налетами с выгодных позиций помог сорвать по крайней мере две попытки гитлеровцев вклиниться в нашу оборону. Однако полагаться на то, что поддерживающая артиллерия, в том числе береговая, выручит во всех случаях, стрелковым подразделениям не приходилось. Готовясь к отражению танковых атак, командиры размещали впереди занимаемых рубежей (по возможности подальше) группы бойцов-истребителей с гранатами и бутылками с зажигательной жидкостью.

Одну такую группу, принадлежавшую 18-му батальону морской пехоты, возглавлял политрук Николай Дмитриевич Фильченков. Группа была выдвинута вперед в предвидении того, что противник может направить танки в обход обороняемой батальоном высоты. С Филдьченковым пошли краснофлотцы Иван Красносельский, Даниил Одинцов, Юрий Паршин, Василий Цибулько.

Ныне эти имена известны далеко за пределами Севастополя. А там каждый школьник укажет дорогу к памятнику пяти героям — коммунисту и четырем комсомольцам, которые 7 ноября 1941

года Ценой своей жизни остановили рвавшиеся к городу фашистские танки. Уже подорвав не-, сколько машин и не имея иной возможности задержать остальные, моряки, обвязавшись последними гранатами, бросились под танки…

Такова была решимость защитников города остановить врага во что бы то ни стало. Пожалуй, достаточно вдуматься в один этот факт, чтобы понять, почему гитлеровцы не смогли с ходу ворваться в Севастополь, несмотря* на немногочисленность его гарнизона и незавершенность оборонительных рубежей.

Должен тут же сказать, что о подвиге у Дуванкоя, которому суждено было стать бессмертным, мы узнали не сразу. Санитар, добравшийся туда, когда один из пяти героев — Василий Цибулько — был еще жив, сам получил тяжелое ранение и не успел никому передать до отправки в госпиталь то, что он услышал от умирающего краснофлотца. Как все было, выяснилось лишь через некоторое время. Но что какие-то бойцы остановили вражеские танки, видели с соседних высот, из расположения других подразделений, и о подвиге этих бойцов разнеслась молва.

На войне не раз бывало, что в легенду превращалось событие, уже хорошо известное. Здесь же получилось наоборот: подвиг группы Фильченкова сначала стал героической легендой, передаваемой из уст в уста, из окопа в окоп, а потом уже обрел достоверность восстановленного во всех подробностях факта. И пятеро славных севастопольцев были посмертно удостоены звания Героя Советского Союза.

Вернуть Черкез-Кермен нам не удалось. Весь день 8 ноября шли упорные бои за хутор Мекензия, но и он оставался в руках противника. Крайне напряженное положение сохранялось в Бельбекской долине. И все же стало чувствоваться, что натиск гитлеровцев идет на спад. Они овладели двумя из четырех опорных пунктов нашего передового рубежа. Всего семь километров отделяло их от берега Северной бухты. Однако продвинуться дальше противник не смог.

"В этих условиях — констатировал потом фон Манштейн в своих мемуарах, командование армии должно было отказаться от своего плана взять Севастополь внезапным ударом с ходу…"

Столкнувшись со стойкой и активной обороной севастопольцев, враг пришел к выводу, что сил, первоначально выделенных для овладения городом (50-я и 132-я пехотные дивизии, сводная мотобригада Циглера и румынские части) недостаточно. "Потребовалось, — писал Манштейн, — перебросить сюда для подкрепления 22-ю пехотную дивизию из состава 30-го армейского корпуса".

Тогда мы не знали, какие именно новые части подтянет гитлеровское командование к Севастополю. Однако в том, что оно будет усиливать действующую против нас группировку, сомневаться не приходилось.

Но росли и наши силы: на рубежи Севастопольской обороны выходили основные соединения Приморской армии.

* * *

Кажется, совсем невелик Крым! Треугольник Симферополь — Алушта Севастополь, вмещающий всю южную часть полуострова, можно объехать на машине за несколько часов. Но обманчивы короткие крымские расстояния, если надо пересекать этот треугольник через горные хребты и их отроги. А тем более, если приходится прокладывать себе путь с боем.

Противник проявил больше мобильности, чем мы ожидали, когда в ночь на 2 ноября намечали в Шумхае маршрут движения главных сил армии по долине Качи через Бия-Сала, Шуры (теперь Верхоречье, Кудрино). Как стало потом, известно, Манштейн, бросив свой 54-й корпус прямо на Севастополь, поставил частям 30-го корпуса задачу не выпустить из гор Приморскую армию. Быстро реагируя на маневр наших войск, гитлеровцы сумели занять Шуры раньше, чем туда подошли приморцы.

Попытка чапаевцев и 95-й дивизии сбить вражеский заслон днем 3 ноября кончилась тем, что южнее захваченного противником селения прорвался лишь один стрелковый полк — 31-й Пугачевский, благодаря чему он и смог выйти 5-го к Севастополю, а сутки спустя уже сражался в долине Кара-Коба.

Спешно подтянув из Бахчисарая подкрепления, противник закрыл пробитую пугачевцами брешь, и остальным нашим частям пройти здесь уже не удалось. Занял он и селение Мангуш (Партизанское). Приморцы оказались в полуокружении, под угрозой вражеских атак с трех направлений.

Таково было положение к вечеру 3 ноября, когда из Балаклавы, куда мы только что прибыли, командарм связался по радио с "Василием" и "Трофимом" (кодовые псевдонимы генералов В. Ф. Воробьева и Т. К. Коломийца). Положение это требовало от войск самых решительных действий, притом без всякого промедления. Учитывая личные качества командиров, командарм приказал возглавить дальнейший марш комдиву Чапаевской генерал-майору Коломийцу.

К утру поступили донесения о ночном бое у селения Улу-Сала (Зеленое). Там приморцы нанесли с ходу удар вставшим на их пути частям 72-й немецкой пехотной дивизии. Были захвачены 18 орудий и другие трофеи, а главное, обеспечена возможность продолжать движение к Севастополю. Замысел врага блокировать

и уничтожить наши войска в горах срывался.

Однако наши тревоги на этом не кончились. И пройти оставшуюся часть пути кратчайшим или хотя бы относительно коротким маршрутом основной колонне (95-я дивизия, два стрелковых и артиллерийские полки Чапаевской и некоторые подразделения 172-й) опять не удалось.

После того как эта колонна миновала Биюк-Узенбаш (Счастливое), откуда ужо совсем близко до выхода в равнинную часть долины Бельбека, противник еще раз преградил ей путь в районе Гавро (Отрадное), успев завладеть господствующими над горным проходом высотами. Однако наши войска пробились и здесь, хорошо использовав гаубицы и минометы и нанеся врагу значительный урон. 5 ноября у селений Гавро и Коккозы (Соколиное) колонна с боем вышла на шоссейную дорогу, ведущую через Ай-Петри на Южный берег Крыма.

Еще недавно казалось, что дорога эта войскам не понадобится, они ее только пересекут. До севастопольских рубежей оставалось по прямой меньше двадцати километров… Но район Ай-Тодора (Гористое) находился уже в руках противника, и успешный прорыв через него представлялся сомнительным, тем более что у артиллеристов подходили к концу боеприпасы. А перехватить ай-петринскую дорогу враг уже не мог. В сложившейся обстановке этот кружный путь сделался единственно надежным.

"Отходите быстрее на Алупку", — радировал командарм генералу Коломийцу. Навстречу колонне из Ялты высылались горючее для машин, продовольствие, фураж. Пограничники, которые еще несли дозорную службу на Ай-Петри, и партизаны, уже начавшие сосредоточиваться в горах, помогли организовать прикрытие марша.

Сроки выхода к Севастополю основных сил армии, все время отодвигавшиеся возникавшими перед войсками новыми и новыми препятствиями, 6 ноября наконец стали довольно ясными.

— Максимум послезавтра все должны быть тут! — с облегчением говорил Иван Ефимович Петров, вглядываясь в последние мои отметки на карте.

Затянувшийся отрыв полевого управления от наших дивизий все мы переживали тяжело.

Как ни ждали войска под Севастополем, частям, спустившимся в ночь на 7 ноября с Ай-Петри, был разрешен короткий отдых в Ливадии. Этого требовало состояние людей, измотанных неделей труднейшего горного марша.

В горах пришлось оставить несколько легковых автомашин. Всю остальную технику люди самоотверженно провели, пронесли

через горные кручи, хотя в ряде случаев путь, обозначенный на карте как дорога, на поверку оказывался едва проторенной тропой.

А ведь за эти дороги и тропы, за то, чтобы иметь возможность ими воспользоваться, нужно было еще вести бои! Попытки запереть армию в горах обошлись врагу недешево. Я не привожу фигурировавшие в тогдашних сводках данные о потерях, которые понес противник в боях с приморцами, сбивавшими его заслоны: те цифры могли быть и недостаточно точными. Упомяну лишь, что в бою за выход к Коккозам наши передовые подразделения уничтожили, в частности, штаб 301-го пехотного полка 72-й немецкой дивизии, причем среди убитых был и его командир. Само присутствие наших войск в горном районе к югу от Бахчисарая отвлекало и сковывало значительную часть армии Манштейна. Тем самым ослаблялся ее первый натиск на Севастополь.

Севастопольский гарнизон и Приморская армия, шедшая защищать город, соединились позже, чем мы рассчитывали. Но действия приморцев в горах, завершившиеся выходом наших дивизий на Южный берег Крыма, не позволили гитлеровцам собрать в кулак и одновременно сосредоточить против Севастополя их ударные силы. Ни та неприятельская группировка, которая должна была овладеть городом с ходу, ни та, которой ставилась задача не подпустить к нему наши дивизии, успеха не достигли. Таким образом, приморцы, пробиваясь к Севастополю, уже существенно влияли на начавшуюся борьбу за город.

Отдых войск в Ливадии пришлось ограничить несколькими часами. Около полудня 7 ноября они были подняты по тревоге, чтобы продолжить марш.

К этому времени два полка нашей 421-й дивизии, которые трое суток вместе с пограничниками сдерживали противника у Алушты, заняли оборону уже под самой Ялтой, а немцы были в Гурзуфе.

Тревожным стало и положение в Байдарской долине, куда гитлеровцы начали проникать небольшими группами с севера, угрожая Ялтинскому шоссе. Его прикрывала здесь немногочисленная конница — только что прибывшие остатки 40-й и 42-й кавдивизий. Словом, надо было форсировать движение войск, пока шоссе в наших руках, пока на него не вырвались фашистские танки.

Через горы перевалили с севера тучи, шел дождь, и вражеская авиация появлялась над дорогой лишь изредка, когда ненадолго светлело. Во второй половине дня 8 ноября все части 95-й и 25-й

Чапаевской дивизий миновали Байдарские ворота. Полки 172-й дивизии, обогнавшие основную колонну еще в горах, прошли этот рубеж раньше. Утром 9 ноября, пропустив последние обозы, достигли Байдар подразделения, прикрывавшие марш.

В этот день на позициях под Севастополем стало несколько спокойнее. Противник, как видно поняв, что овладеть городом не так-то просто, накапливал силы. Атаки, продолжавшиеся на отдельных участках, успешно отбивались.

С нетерпением ожидая подхода войск, в штабе армии беспокоились, конечно, не только о том, когда они придут, но и о том, в каком придут составе.

Тревожиться было о чем. Особенно после того, как вслед за разведбатом чапаевцев до Севастополя добрался, еще 4 ноября, первый стрелковый полк 514-й из дивизии Ласкина. Его командир подполковник И. Ф. Устинов, явившись к нам на КП, смущенно доложил, что с ним прибыло 60 красноармейцев, 13 младших командиров, а всего, считая штаб и санчасть, 103 человека… Смущался он не потому, что чувствовал себя в чем-то виноватым, просто ему было неловко называть все это полком. Тем не менее решено было считать, что 514-й стрелковый продолжает существовать, и через день он, немного пополненный, занял оборону у селения Камары.

К счастью, состояние других прибывавших частей и соединений оказалось более отрадным. В дивизии Воробьева насчитывалось до четырех тысяч бойцов и командиров, почти столько же — в Чапаевской. Все части нуждались в основательном доукомплектовании, но даже в наиболее поредевших сохранились в значительной мере командные кадры, работоспособные штабы. Артиллерийские полки, участвовавшие в горном марше, сберегли, как ни трудно это было, свою боевую технику.

Скажу тут же, что за последующие недели наши части (в том числе и стрелковый полк Устинова) пополнились не только новыми, но также и… старыми своими бойцами. Не все, кого уже вычеркнули было из списков, выбыли из строя окончательно!

В горах и на подходе к ним, в крымской степи, немало приморцев оказывались отрезанными от своих, попадали в окружение. Те, кому удавалось из него вырваться, двигались дальше самостоятельно. Куда держать путь, они знали: предвидя, что в складывавшейся обстановке таких случаев вряд ли удастся избежать, командарм еще в Экибаше распорядился, чтобы командиры объявили всему личному составу: армия идет к Севастополю.

В течение почти всего ноября через фронт в Севастополь пробивались и мелкие, и довольно крупные группы бойцов, а

нередко и целые подразделения во главе со своими командирами. Одну из групп, успевшую установить связь с партизанами, привел артиллерист майор А. А. Бабушкин, назначенный вскоре командиром 51-го артполка. С другой группой бойцов пробился, тоже с помощью партизан, батальонный комиссар П. С. Праворный — будущий военком богдановского полка.

В большом числе — их набралось в конечном счете до полутора тысяч! — и очень организованно, с легкой артиллерией и минометами, выходили из гор пограничники, в основном из состава 184-й дивизии, оборонявшей побережье за Алуштой. С ними прибыл и майор Г. А. Рубцов — в дальнейшем командир одного из наиболее отличившихся в Севастопольской обороне полков.

Но и тогда, когда пришли все, кто мог прийти, мы недосчитались многих-многих боевых товарищей.

Потери большинства соединений на самом переходе к севастопольским рубежам были в общем невелики. Это окончательно стало ясно, когда подсчитали, сколько подошло отбившихся и отставших. Но бои в степном Крыму стоили Приморской армии дорого.

Среди тех, кому не довелось встать в наш боевой строй под Севастополем, был полковник Яков Иванович Осипов, герой Одесской обороны, командир 1-го морского, а затем 1330-го стрелкового полка. Жизнь старого моряка оборвала вражеская пуля недалеко от Симферополя, в крымском предгорье.

Полк Осипова входил в 421-ю дивизию полковника Г. М. Коченова. Она вела тяжелые бои, прикрывая отход армии и коммуникации Южного берега Крыма, и пришла в Севастополь примерно в таком же незавидном состоянии, как и 2-я кавдивизия, остатки которой, как уже говорилось, были сведены в один полк.

Рассчитывать, что удастся пополнить обе дивизии, не приходилось. И было решено 421-ю расформировать, а 2-ю восстановить при первой возможности, но в качестве уже не кавалерийской, а стрелковой (в нее влились в дальнейшем и подразделения бывшего осиповского полка).

Войска занимали назначенные им участки фронта. На Мекензиевы горы прибыл со своим штабом комдив Чапаевской генерал Коломиец, отныне отвечавший за это направление. Майор Ковтун, встретив там чапаевцев, ввел их. в обстановку.

Выслушав по телефону доклад об этом, я передал Ковтуну от имени командарма, что его миссия на Мекензиевых окончена. А от себя посоветовал Андрею Игнатьевичу по пути на армейский КП завернуть в баню, а затем, пока есть такая возможность,

выспаться.

Вспомнилось, как три дня назад я посылал Ковтуна к майору Богданову лично объяснить, что от огня его артполка на мекензиевском направлении может зависеть в ближайшие часы судьба Севастополя. Казалось, это было уже давно. За эти дни многое изменилось. Прорваться к Северной бухте врагу не дали, фронт приобретал устойчивость.

* * *

С прибытием основного состава армии можно было завершить организацию боевого управления силами обороны. Оценив характер местности и общую обстановку, мы пришли к выводу, что вместо трех секторов целесообразнее иметь четыре (прежний третий имел слишком широкий фронт и включал по меньшей мере два опасных направления). Секторное деление плацдарма распространялось на всю территорию Севастопольского оборонительного района — от передового рубежа до центра города. В ночь на 9 ноября И. Е. Петров, М. Г. Кузнецов и я подписали боевой приказ, которым новая организация вводилась в действие.

Четыре сектора в установленных тогда границах существовали всю оборону, и потому на них следует остановиться подробнее. Но сначала необходимо сказать о происшедших к тому времени изменениях в структуре СОР в целом, в его командовании.

7 ноября в Севастополе была получена директива Ставки, требовавшая в целях сковывания сил противника в Крыму и недопущения его на Кавказ через Таманский полуостров считать активную оборону Севастополя, а также Керченского полуострова главной задачей Черноморского флота.

"Севастополя не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами", приказывала Ставка.

Документ Верховного Главнокомандования вносил ту наивысшую, исключающую всякие сомнения ясность, которая очень нужна людям в трудной обстановке. Важно было также то, что в директиве подчеркивалась ответственность, которую несет за Севастополь Черноморский флот.

Уже первые дни обороны главной базы флота ознаменовались множеством ярчайших примеров матросской отваги и боевой доблести. И не мне говорить о том, чем был для черноморцев Севастополь — их твердыня, их гордость и слава. Я знаю, что на кораблях, когда там отбирали добровольцев в морскую пехоту (а отпустить даже с крейсера можно было максимум несколько десятков человек) и командиры спрашивали, кто хочет идти защищать Севастополь, шагал вперед весь строй…

Но речь не об этом. Напомню, сколько недоумения вызывала односторонность того приказа адмирала Левченко, из которого мы узнали об образовании СОР.

Оборона города, осажденного с суши и сообщающегося с тылом только по морю, требовала широкого и хорошо координируемого взаимодействия сухопутных и морских сил. Между тем из сил флота там упоминались лишь береговые и авиационные части. Об использовании же кораблей, без которых было не обойтись, о поддержке ими наземных войск не говорилось ничего, как и о том, за что в дальнейшей обороне Севастополя отвечает командование флота. Почему не определены его задачи на этот счет, понять было трудно, даже если предполагалось, что Военный совет и штаб флота перейдут на Кавказ.

В кавказские порты перебазировались основные корабельные соединения. На рейде Северной бухты, где раньше стояли линкор "Парижская коммуна", новые крейсеры и другие крупные корабли, виднелись лишь облепленные чайками железные швартовные бочки. Эскадра покинула Севастопольский рейд в последних числах октября, и, как говорили моряки, вовремя: сразу после этого начались сильные налеты вражеской авиации.

Те корабли, которые появлялись в Севастополе в первые дни ноября, занимались переброской из Ялты и других мест воинских подразделений, вывозили на Большую землю раненых, эвакуируемых жителей и различные материальные ценности. За то время, пока здесь находился штарм, корабли впервые поддержали войска огнем 8 ноября: сначала эсминец "Бойкий", а затем крейсер "Червона Украина". Стреляли корабельные артиллеристы хорошо.

Слов нет, корабли следовало беречь, пополняться ими в военное время Черноморскому флоту было неоткуда. И все же иногда думалось: не слишком ли их берегут? Ведь построены-то они для боя.

Конечно, я не моряк. Но подтверждение тогдашним своим мыслям об этом нашел в одной телеграмме заместителя наркома Военно-Морского Флота адмирала И. С. Исакова, которую смог прочесть много времени спустя уже в качестве архивного документа.

Адмирал Исаков докладывал 4 ноября 1941 года в Генеральный штаб маршалу Б. М. Шапошникову свои соображения по поводу обстановки на Черном море и некоторых решений Военного совета флота. В частности, он писал: "Боевые корабли из Севастополя всегда успеют уйти и должны уйти последними". И предлагал вернуть туда все три старых крейсера и

все старые миноносцы с соответствующим числом тральщиков, а новые крейсеры и линкор использовать для поддержки Севастополя из Новороссийска — ближайшей кавказской базы.

Не знаю, какую роль сыграли эта телеграмма и мнение ее автора. Но как бы там ни было, а в директиве Ставки, пришедшей три дня спустя, имелся специальный пункт, предписывавший держать все старые крейсеры и миноносцы в Севастополе. Совпадали с рекомендациями адмирала Исакова и указания об использовании новых кораблей. И наконец, Ставка решила, что командующему флотом надлежит быть в Севастополе, и возложила на него руководство обороной города. Так командующим Севастопольским оборонительным районом стал вице-адмирал Филипп Сергеевич Октябрьский.

В этом назначении была своя логика. Оно вытекало из того, что оборона Севастополя объявлялась главной задачей Черноморского флота. Очевидно, учитывалось и то, что севастопольский плацдарм мог держаться только при налаженном снабжении по морю, полностью от флота зависящем.

К тому же Севастопольский оборонительный район становился объединением качественно иным — уже не только сухопутным, береговым, как вначале: в него включались теперь и находящиеся в главной базе корабли.

Командарм Приморской И. Е. Петров стал заместителем командующего СОР по сухопутной обороне. 8 ноября это было объявлено приказом комвойсками Крыма Г. И. Левченко, а затем подтверждено Ставкой.

Но в командование СОР Ф. С. Октябрьский вступил лишь 10 ноября, когда была завершена, приведена в стройную систему внутренняя организация боевого управления. Приказ о создании четырех секторов и составе сил каждого И. Е. Петров подписал 9 ноября еще как командующий оборонительным районом, а я — как начальник штаба СОР. Этот приказ, как и первый, мы готовили вместе с П. А. Моргуновым и И. Ф. Кабалюком. Проект его рассматривался на Военном совете флота.

Выступая в 1966 году на военно-исторической конференции, посвященной 25-летию Севастопольской обороны, Петр Алексеевич Моргунов справедливо отметил, что после назначения Ставкой нового командующего менять внутри СОР (имелось в виду управление его сухопутными силами) было, по сути дела, нечего. Боевой организм обороны успел уже сложиться. И если должности некоторых из нас, армейцев, стали называться иначе, то обязанности практически остались прежними.

В моей работе ничего не изменилось от того, что, пробыв шесть дней по совместительству начальником штаба СОР, я снова

стал только начальником штаба армии. Ведь штарм Приморской и штаб СОР — это было в начале ноября одно и то же.

Созданный адмиралом Октябрьским новый штаб оборонительного района во главе с капитаном 1 ранга А. Г. Васильевым представлял собой оперативную группу штаба флота (остальная его часть была переведена в Туапсе), которая не имела в своем составе общевойсковых командиров. Ведать всем, касающимся боевых действий на суше, продолжал наш штарм.

Командующему войсками Крыма адмиралу Левченко Ставка приказала находиться в Керчи, и он отбыл туда морем со своим штабом. СОР некоторое время еще числился в его подчинении, однако лишь формально.

События под Керчью развивались неблагоприятно, создать там прочную оборону не удалось, и через неделю противник овладел городом. После этого единственной территорией на Крымском полуострове, не захваченной врагом, единственной силой, сковывавшей здесь армию Манштейна, оставался Севастопольский оборонительный район.

Итак, СОР имел теперь четыре сектора. Комендантом-каждого являлся командир одной из дивизий Приморской армии. Штадивы становились одновременно штабами секторов.

Первый, правофланговый, сектор, оборонявший балаклавское направление, как уже говорилось, возглавил П. Г. Новиков. Мы продолжали числить Петра Георгиевича полковником, не зная, что еще 12 октября ему присвоено звание генерал-майора. Этот сектор имел самый узкий из всех фронт — всего шесть километров, но и войск там было пока немного — один стрелковый полк, притом еще только формирующийся. Восстановление дивизии Новикова было делом будущего. Правда, это направление прикрывали еще конники Кудюрова, развернутые в качестве подвижного заслона на подступах к передовому рубежу, в районе селения Варнутка. Пока в наших руках оставались Байдары, да и шоссе за ними, первый сектор находился как бы в тылу и в боях не участвовал. Но сейчас положение тут должно было резко измениться.

Комендантом второго сектора, 10-километровый фронт которого пересекал долину реки Черная и Ялтинское шоссе, стал полковник И. А. Ласкин. Здесь, опираясь на укрепления Чоргуньского опорного пункта, заняли оборону его 172-я дивизия в составе двух полков, пополненная флотскими формированиями, и 31-й Пугачевский полк Мухомедьярова, временно отделенный от Чапаевской дивизии.

Дальше влево шло боевое мекензиевское направление — третий сектор с генерал-майором Т. К. Коломийцем во главе.

Здесь на 12-километровом фронте оборонялись два полка чапаевцев, бригада Е. И. Жидилова и 3-й морской полк подполковника С. Р. Гусарова.

Левый фланг обороны относился к четвертому сектору. Его фронт проходил широкой 18-километровой дугой от приметной высоты 209,9, южнее занятого уже противником Дуванкоя, до берега моря. Приморский участок этой дуги с Аранчийским опорным пунктом в устье Качи был самым далеким от города (около 20 километров) и пока довольно спокойным. Комендантом четвертого сектора стал генерал-майор В. Ф. Воробьев; силы сектора состояли из 95-й стрелковой дивизии и 8-й бригады морской пехоты.

Одновременно с расстановкой войск по секторам происходило доукомплектование наших дивизий. В них влились все отдельные батальоны, сформированные в учебном отряде флота, береговой обороне и тыловых службах главной базы, подразделения севастопольских ополченцев, истребительные отряды. Перевели в строй также значительную часть личного состава армейских тылов, сократили до предела полк связи.

Пополненным дивизиям было далеко до штатного состава, многие полки оставались двухбатальонными. Но все же каждый сектор имел и небольшой резерв. Скромный резерв командарма составляли остатки 1330-го стрелкового (осиповского) полка, батальон школы связи и бронепоезд "Железняков".

Чем мы были относительно богаты, так это артиллерией. Армия располагала восемью артполками, сохранившими, в среднем до 70 процентов штатной материальной части. Всего — около двухсот пушек и гаубиц. К этому прибавлялись мощные береговые батареи, орудия дотов, двести с лишним минометов. Наконец, можно было рассчитывать и на артиллерию кораблей.

Начарт армии полковник Н. К. Рыжи и его начштаба майор Н. А. Васильев тщательно продумали, как распределить наличные огневые средства по фронту обороны. Предусматривался и широкий маневр огнем. Задача ставилась такая: иметь возможность в случае надобности сосредоточить на любом участке фронта огонь по крайней мере половины всех находящихся на плацдарме батарей. Это могла обеспечить лишь централизованная система управления всеми видами артиллерии в масштабе оборонительного района. Она существовала у нас в Одессе, и этот опыт сразу же был применен в Севастополе.

Артиллерия была не только главной, но почти единственной ударной силой, способной в любой момент поддержать нашу пехоту. Танки существовали скорее символически: на 10 ноября армия имела девять вывезенных из Одессы Т-26, восстановленных

после тяжелых повреждений, и еще один танк, прибывший со 172-й дивизией, — все, что осталось от приданного ей танкового полка, геройски сражавшегося у Перекопа.

Что касается авиации, то держать под Севастополем сколько-нибудь значительные воздушные силы было негде.

Ближайшие хорошо оборудованные аэродромы, где могли базироваться любые самолеты, были потеряны. Оставались две посадочные площадки — на мысе Херсонес и Куликовом поле, предназначавшиеся раньше в основном для самолетов связи. На них с трудом разместились 40 истребителей и 10 штурмовиков из состава ВВС флота. Еще 30 легких лодочных самолетов МБР-2 (морские ближние разведчики) базировались в Северной бухте. Бомбардировщики могли помогать севастопольцам лишь вылетами с Большой земли.

* * *

Вечером 9 ноября коменданты секторов докладывали о вступлении в командование подчиненными им частями.

В те же часы стало известно, что конники Кудюрова — наш заслон в районе Варнутки — атакованы превосходящими силами противника (как затем выяснилось, частями 72-й немецкой пехотной дивизии из 30-го армейского корпуса, подошедшей по Ялтинскому шоссе). Кавалеристы с боем отходили к передовому рубежу.

Пусть фронт обороны оставлял желать лучшего по наличию сил и средств, по состоянию самих рубежей… Но все, кто мог защищать эти рубежи, пока не пришлет подмогу Большая земля, были уже на своих местах. Сухопутные силы Севастопольской обороны насчитывали теперь до пятидесяти тысяч человек (более тридцати тысяч из них входило в Приморскую армию). И мы имели приказ Верховного Главнокомандования, подымавший у людей дух и обострявший сознание нашей ответственности, — Севастополь не сдавать!

Чем крепка крепость

Если какие-то чрезвычайные обстоятельства не требовали обязательного его присутствия на КП, командарм Петров рано утром, еще затемно, выезжал в войска. Это был его стиль работы, знакомый мне по Одессе.

Иван Ефимович посещал не только командные пункты дивизий и полков, но и батальоны, роты, испытывал потребность видеть солдата в окопе — без этого не мыслил командования армией, Петров обладал превосходной памятью, в том числе на имена и лица, и представление о том или ином участке фронта обычно связывалось у него с людьми, лично ему известными.

Иван Ефимович не любил выездов со "свитой", со многими сопровождающими (как не требовал, чтобы командир дивизии или полка, если нет на то особых причин, ходил с ним по подразделениям). Из штаба командарм чаще всего брал с собой капитана Безгинова. А нередко — только своего адъютанта старшего лейтенанта Кохарова, узбека по национальности, кажется служившего с ним раньше в Ташкенте. Иногда еще — ординарца Кучеренко.

Красноармеец Кучеренко был почти ровесник генералу и тоже старый кавалерист, воевавший в гражданскую в бригаде Котовского и имевший орден Красного Знамени еще с тех лет. Этого скромного и вместе с тем исполненного достоинства, очень самобытного человека Петров уважительно — величал по имени-отчеству — Антоном Емельяновичем. А Кучеренко как-то по-домашнему пекся о Иване Ефимовиче, порой позволяя себе и поворчать на него, например за то, что мало спит…

Судьба свела их в Одессе: степенный боец, вернувшийся в строй из запаса, был назначен к командиру формировавшейся кавдивизии коноводом. С кавалерией обоим скоро пришлось расстаться, но с Кучеренко Иван Ефимович не разлучался всю войну. Когда генерал Петров командовал фронтом, севастопольский ординарец стал его адъютантом.

Находясь в войсках, командарм каждые час-полтора связывался со мной, чтобы узнать о положении в других секторах или передать срочные распоряжения. Возвратясь на КП, он немедленно требовал более подробного доклада обо всем происшедшем за эти часы. Затем делился впечатлениями о том, что сегодня видел. Часто при этом присутствовали генерал Моргунов (при новой организации СОР он оставался заместителем Петрова, так же как полковник Кабалюк — моим), начарт Рыжи; если надо, приглашались начальники других родов

войск, начальник тыла Ермилов.

Слушать Ивана Ефимовича всегда было интересно. Он умел без лишних слов, очень точно и как-то выпукло, зримо передать самое существенное, им уже продуманное, взвешенное.

Говоря, Петров иногда начинал что-нибудь рисовать на оказавшемся под рукой листе бумаги или газете. Это могли быть контуры местности, какие-то предметы, человеческие лица — не отвлеченные, а имеющие отношение к тому, о чем идет речь. Рисовал он почти машинально, но, если бы понадобилось, вероятно, был в состоянии по памяти изобразить все, что за несколько часов увидел.

После информации командарма обсуждались необходимые меры, действия. Все завершалось отдачей кому следует приказаний. Вопросы, решить которые в штабе армии было нельзя, откладывались до встречи командарма с командующим СОР. К адмиралу Октябрьскому, на флагманский командный пункт флота, помещавшийся я в подземном убежище у Южной бухты, генерал Петров, как правило, ездил вечером вместе с членом Военного совета армии Кузнецовым.

Становление и укрепление фронта сухопутной обороны было сопряжено со множеством трудностей, с нехваткой самого необходимого. На складах главной базы флота хранились солидные запасы того, что потребно для боевых действий на море. А что под городом развернется армия и ее понадобится снабжать — этого никто не предвидел.

Плохо обстояло дело с телефонным проводом, которого сразу потребовалось очень много, с шанцевым инструментом для нового контингента бойцов, недоставало полевых кухонь. Но гораздо хуже было то, что, пополняясь, например, ополченцами, мы пока не каждому могли дать винтовку. Как свидетельствует документ тех дней, на все части, занявшие оборону под Севастополем, 10 ноября имелось лишь 240 станковых пулеметов…

"Для устойчивости обороны Севастополя, — телеграфировал командующий СОР в Ставку 11 ноября, — прошу как можно скорее дать одну сотню пулеметов, три тысячи винтовок". Испрашивались также десять танков для резерва командования на случай прорыва противника.

Такая просьба кажется теперь более чем скромной, особенно если учесть, какое значение придавалось удержанию Севастополя. Но тогда мы не знали, смогут ли ее быстро удовлетворить. Шли тяжелые бои под Ростовом, продолжалась битва за Москву, было немало и других напряженных участков на огромном советско-германском фронте.

Не без трудностей проходило организационное сколачивание секторов.

Дивизии пополнялись формированиями Севастопольского гарнизона, причем в ряде случаев батальон или отряд включался в армейскую часть целиком и, обороняя прежние позиции, становился, скажем, третьим стрелковым батальоном такого-то полка. Однако объявить это приказом было еще недостаточно. На поверку оказывалось, что в некоторых подразделениях не знают своих новых начальников, а в других хотя и знают, но подчинение им восприняли как временное и по-прежнему считают себя батальоном такой-то флотской школы. Тем более что эта школа иногда продолжала чем-то снабжать "свой" батальон, напрямую посылать ему подкрепления. Словом, давала себя знать своеобразная инерция первоначальной раздробленности фронта обороны, когда навстречу врагу выдвигались спешно созданные разнокалиберные подразделения, свести которые в крупные части тогда не было возможности.

Сражались эти батальоны и отряды не всегда умело, но геройски, их личный состав успел сплотиться. Считаясь о этим, их вливали в Приморскую армию компактно, не меняя без крайней необходимости и командиров. Но необходимо было, чтобы новые подразделения врастали в общеармейский организм накрепко, никакой "автономии" составных частей воинская организация не терпит.

Работники штарма приложили немало усилий, добиваясь в этом отношении должного порядка. И все же понадобился специальный приказ адмирала Октябрьского, который он подписал — в этом был свой смысл — не как командующий СОР, а как командующий Черноморским флотом. В этом приказе, отданном 13 ноября, подчеркивалось, что переданные Приморской армии флотские формирования входят в ее состав нераздельно с красноармейскими частями.

Тогда же, в ноябре, появилась возможность сформировать новый стрелковый полк, которого очень недоставало во втором секторе. Полк был назван 1-м Севастопольским и укомплектовывался моряками, а штаб его образовали из штабных командиров 42-й кавдивизии, оставшихся в резерве после того, как ее эскадроны влились в 40-ю кавалерийскую. Это характерный пример того, как использовали людей исходя из интересов боевого дела, независимо от того, за армией или за флотом они числились.

При доукомплектовании многие наши части основательно "оморячились". Краснофлотцы были смелыми, удалыми людьми, но грамотой сухопутного боя в большинстве своем владели

неважно, зачастую не умели даже как следует окапываться. С пополнением требовалось серьезно поработать, прежде всего для того, чтобы избежать лишних потерь. Это сделалось неотложной задачей всего командного и политического состава. Но решать ее без бывалых красноармейцев, умудренных месяцами прошлых боев, пришлось бы долго.

Множество раз убеждался я на войне, какая это неоценимая сила — бывалый солдат. Тот, что не кланяется пулям и снарядам, но и не подставит себя под удар, не израсходует понапрасну ни патрон, ни гранату, знает, как подступиться к танку и как от него укрыться. В сложной обстановке бывалый солдат толково подскажет и молодому офицеру, что надо делать. А боец-новичок чувствует себя на переднем крае вдвое-втрое увереннее от одного того, что рядом с ним такой надежный товарищ.

И если часть, понесшая потери, значительно пополняется в ходе боев, когда нет времени на учебу во втором эшелоне, особенна много зависит от того, сколько осталось в строю солдат, воюющих давно. Сохранился этот цементирующий костяк, — значит, как бы ни обновлялся состав части, прежний уровень боеспособности можно восстановить быстро! Так было и тогда под Севастополем.

Помню, Василий Фролович Воробьев рассказывал про переформированный 241-й стрелковый полк своей дивизии:

— Сами знаете; под Воронцовкой и потом, за какие-нибудь полторы недели боев, полк потерял двух командиров — Кургиняна, Воскобойникова… Из старого кадрового начсостава в строю вообще никого не осталось. Бойцами и младшими командирами полк, как было приказано, пополнили из морской пехоты, из дивизионных тылов. Но все-таки в каждом батальоне-правда, их пока всего два-есть горстка ветеранов, начинавших войну на Пруте. Должно быть, те самые храбрецы, которых пуля не берет! Теперь они — стержень, всему основа.

241-й стрелковый готовил к войне и командовал им первые три военных месяца (до того, как принял кавдививию) полковник Петр Георгиевич Новиков, теперешний комендант первого сектора. И хотя в трудные дни Одесской обороны людей в этом полку порой оставалось меньше, чем в каком-либо другом, в штабе армии всегда были уверены: 241-й выстоит. Многократно пополняясь — и маршевыми ротами, и моряками, и ополченцами, полк в целом сохранял прежние высокие боевые качества.

В тот раз я ездил в четвертый сектор вместе с командармом — редкий случай, когда обстановка позволила отлучиться с КП нам обоим.

На обратном пути Иван Ефимович вдруг сказал:

— Давайте завернем на пятнадцать минут на Братское, здесь совсем близко. И добавил, словно с укором: — Вы ведь там вообще еще не были.

Справа от дороги, за гребнем одной из высот, скрывавших Северную бухту, виднелся конический верх часовни, запоминающий шлем древнерусского воина. Мы подъехали к каменной ограде. Надпись у ворот с невысокой аркой сообщала, что здесь покоятся 127 тысяч защитников Севастополя, оборонявших его в 1854–1855 годах. Цифра была мне знакома, но сейчас показалась особенно внушительной. Какая громадная армия нашла вечный покой на этом пологом склоне холма, увенчанного часовней под темным куполом-шлемом!..

Иван Ефимович зашагал впереди меня по кладбищенским дорожкам, уверенно ориентируясь в их лабиринте. Вероятно, он бывал тут не раз, когда приезжал в Севастополь, проводя в Крыму отпуск.

Подымаясь по склону, мы останавливались у безымянных братских могил, покрытых одинаковыми квадратными плитами из шершавого серого камня, сквозь трещины которого проросла жесткая трава, а кое-где и деревца. Читали полустершиеся надписи на надгробиях офицеров: "Штабс-капитан Севского пехотного полка", "4-го флотского экипажа лейтенант", "В чине капитана смертельно ранен на 3-м бастионе штуцерной пулей…".

На многих памятниках кроме обычных двух дат — рождения и смерти 'значилась третья — когда ранен. Некоторые участники обороны умерли много лет спустя в других краях, но похоронили их в севастопольской земле. Должно быть, по завещанию перевезли сюда из далекого Петербурга прах известного генерала С. А. Хрулева, командовавшего войсками Корабельной стороны. Над его могилой возвышалась белая колонна с выразительной надписью: "Хрулеву — Россия".

А на стенах часовни мы увидели длинный перечень воинских частей с трех-четырехзначными цифрами против названия каждой. Тут можно было узнать, сколько людей погребено из Селенгинского пехотного полка или Камчатского егерского, сколько из какого саперного батальона.

Попади я сюда еще полгода назад, до войны, — все это, вероятно, показалось бы бесконечно далеким. Но теперь под Севастополем снова гремели орудия и события первой его обороны словно приблизились, порой как бы совмещаясь в сознании с сегодняшними. У нас в штабе ходила по рукам раздобытая кем-то "Севастопольская страда" С. Н. Сергеева-Ценского. В частях бойцы задавали вопросы о Нахимове, о матросе Кошке.

И я чувствовал, что мне небезразличны давние потери Камчатского егерского полка, позиции которого наверняка находились в пределах одного из нынешних секторов обороны. Задевала что-то в душе и надпись на старой могильной плите: "Пал в сражении при Черной". Эта речка и ее долина постоянно были у меня перед глазами на рабочей карте. Возвращаясь на КП, мы пересечем ее у Инкермана, при впадении в Северную бухту, а немного дальше по долине Черной проходит фронт. Как и тогда.

Другая была эпоха, другой, чуждый нам строй — крепостная империя Николая Палкина. Но русские люди защищали под Севастополем родную землю. И когда к нему снова подступил враг, боевая доблесть дедов и прадедов, никогда не забывавшаяся народом, их подвиги, навеки связанные с этим городом, перестали быть только славной страницей истории, обрели могучую силу живого примера.

"Будем драться, как дрались герои исторической Севастопольской обороны… Если потребуется, с новой силой повторим подвиги героев 1854–1855 годов" — так говорилось в расклеенном по Севастополю обращении городского комитета обороны.

— Поехали, Николай Иванович, пора, — прервал мои размышления командарм. Перед тем как сесть в машину, он сказал: — Да, не посрамить славы предков это здесь, в Севастополе, значит особенно много!..

Мы долго ехали молча. Вспоминая разные сведения о первой Севастопольской обороне, я невольно сравнивал теперешнюю обстановку с тогдашней.

Многое сравнению не поддавалось: слишком изменились средства борьбы, стало играть важную роль такое оружие, какого в ту пору не было и в помине. А вот местность, театр боевых действий — те же самые. Только тогда — и в этом главное различие — город с самого начала осады был тесно блокирован с моря и севастопольцам пришлось затопить свои корабли, чтобы закрыть для неприятельской эскадры вход на рейд, но зато на суше вражеское кольцо не замкнулось. Северная сторона, отделенная от остального города лишь бухтой, служила тылом обороны, сообщавшимся со всей страной.

Нас же связывало с Большой землей лишь море — "пятый сектор обороны", как его иногда называли. С высот Северной стороны этот морской сектор казался спокойным — не то что сухопутные, где фронт дышал огнем. Не требовалось, однако, быть моряком, чтобы знать, насколько это спокойствие обманчиво.

Пусть не было на море видимой блокады. И заведомо не

могли показаться сейчас из-за горизонта мачты чужих кораблей, готовящихся, как в прошлом веке, обстреливать (тогда говорили бомбардировать) город. Кораблями, которые посмели бы приблизиться к Севастополю на дистанцию орудийного выстрела, нынешний противник на Черном море не располагал, во всяком случае пока. Но он имел много средств, чтобы мешать нашим морским перевозкам с Большой земли, — и авиацию на удобных для этого крымских аэродромах, и мины, и подводные лодки.

Мы, армейцы, очень верили в наших моряков. Однако в ноябре и сами моряки вряд ли могли представить, как пойдут дела на севастопольских коммуникациях. Борьба за них только началась…

* * *

— Для укрепления рубежей, доукомплектования частей, установления надежного контакта между соседями, отработки схем огня требовалось время. Враг не дал его нам. 11 ноября он возобновил атаки в южных секторах. Сначала осторожно, словно только прощупывая нашу оборону. Но Петров сразу насторожился.

— Теперь держать ухо востро, не проворонить прорыва! — говорил командарм.

На следующий день активность противника на правом фланге ослабла. Был отмечен лишь выход его подразделений к морю у мыса Сарыч — за нашим передним краем. Но воздушная разведка установила накапливание неприятельских войск в районе Варнутки.

А утром 13 ноября и первый, и второй секторы доносили о сильных вражеских атаках. Скоро не осталось сомнений, что цель противника-не просто потеснить нас и приблизиться к городу с юга и юго-востока. Гитлеровское командование предпринимало новую попытку овладеть Севастополем.

Определилось и направление основного удара — вдоль Ялтинского шоссе, через Камары и Чоргунь к Сапун-горе, господствующей непосредственно над городом. Атаки частей 72-й пехотной дивизии поддерживались десятками танков.

А со стороны Черкез-Кермена перешла в наступление 50-я немецкая дивизия. Участвуя частью своих сил в главном ударе, она наносила остальными вспомогательный, рассчитанный, как видно, прежде всего на то, чтобы поставить в тяжелое положение войска нашего второго сектора охватом их левого фланга, а в дальнейшем выйти к Инкерману и Северной бухте.

Натиск врага на фронте сопровождался налетами бомбардировщиков на Севастополь. Усилился начавшийся еще 9 ноября артиллерийский обстрел города. Его окраины стали

досягаемы для дальнобойной полевой артиллерии противника с тех пор, как тот захватил часть опорных пунктов нашего передового рубежа.

Во втором секторе атаки отбивались успешно. В первом же дела шли хуже: противник обошел с флангов позиции кавалеристов, к тому времени уже спешенных, и вклинился в нашу оборону, захватив важные высоты на предпоследнем перед Балаклавой гребне гор, терять которые нам было очень невыгодно. Возникла реальная угроза прорыва врага к самой Балаклаве.

Как назло, прервалась связь с командным пунктом сектора. Перед этим оттуда доложили, что комендант сектора П. Г. Новиков находится на переднем крае, лично руководя обороной высоты 440,8. Решили послать туда от штарма майора Ковтуна: иметь там, как говорится, свой глаз было сейчас необходимо.

— Балаклаву надо удержать по что бы то ни стало, любой. ценой, напутствовал Ковтуна командарм. — Где потребуется, помогите организовать контратаки. По-одесски! Этому не мне вас учить. Наведайтесь и во второй сектор, особенно проверьте, надежен ли стык с ним. Имейте свое мнение о том, где действительно нельзя обойтись наличными силами, куда нужно двинуть армейский резерв.

Ковтун был словно создан для таких поручений. Чем сложнее обстановка, тем полнее проявлялась его способность быстро ориентироваться, тем ответственнее оценивал он происходящее — это только что подтвердила ого. работа в качестве представителя штарма на Мекензиевых горах.

В данном случае все осложнялось тем, что первый сектор вступил в тяжелые бои еще не сколоченным организационно. Единственный здесь стрелковый полк, призванный стать костяком обороны, по существу, формировался заново и цельной воинской частью стать не успел. Одним из батальонов в полк вошла Балаклавская школа морпогранохраны, руководители которой, как выяснилось, до последнего момента рассчитывали, что школа будет эвакуирована, имея на этот счет указания от своего наркомата. На участке этого батальона противник и вклинился. Встретив врага на плохо оборудованных позициях, курсанты понесли большие потери и свой рубеж не удержали…

Вечером, получив донесения Ковтуна, подтверждающие серьезность положения, на правый фланг обороны выехал командарм. Уже было решено, чем мы можем усилить южные секторы, и я контролировал начинавшуюся переброску туда подкреплений. Помимо армейского резерва — немного пополненного 1330-го полка перебрасывался с левого фланга весь

резерв четвертого сектора — два батальона 161-го полка из дивизии генерала Воробьева. Без крайней нужды мы на это не пошли бы, но у Воробьева было пока спокойно, а Новиков, как докладывал Ковтун, ввел в бой все, чем располагал, вплоть до комендантского взвода.

На утро 14-го в первом секторе назначалась контратака для восстановления прежних позиций при участии одного-полка из второго, при поддержке всей артиллерии обоих секторов, а также береговых батарей и кораблей.

Артиллеристы поработали хорошо. В значительной мере благодаря этому удалось вернуть оставленные накануне высоты 386,6 и 440,8, а кавалеристы Кудюрова были вызволены из окружения. Этот скромный успех дался нелегко, но позволил нашим войскам на правом фланге почувствовать себя увереннее.

Однако наступательные возможности противника отнюдь не иссякли. Его атаки возобновлялись вновь и вновь, причем фронт их расширялся. Во втором секторе танки и пехота с нарастающим упорством пытались прорвать оборону 514-го стрелкового полка, который перекрывал Ялтинское шоссе — стержневую ось этого наступления на Севастополь. Завязались бои за стоящее у шоссе селение Камары (ныне Оборонное). А у моря враг продолжал нависать над Балаклавой. Высота 386,6 переходила из рук в руки. Ценой больших потерь немцы опять дошли до гребня главной балаклавской высоты — 440,8.

Оборонявшаяся во втором секторе 172-я дивизия полковника И. А. Ласкина была, как помнит читатель, новой в Приморской армии. А за последние дни при доукомплектовании вообще сильно обновилась (одним из ее полков стал, сохранив свое прежнее название, 2-й морской). За эту дивизию, оказавшуюся на направлении главного удара противника, мы в штарме немало тревожились.

Но 1дивизия Ласкина держалась стойко. В первых же ее боях под Севастополем почувствовались твердая рука командира, неплохая работа штаба, умение хорошо использовать огневую силу своей и поддерживающей артиллерии. Кстати, начартом у Ласкина стал майор Алексей Васильевич Золотев — начарт 421-й дивизии в Одесской обороне, мой сослуживец еще по Болграду.

Из комсостава 172-й дивизии я пока мало кого знал близко. С командиром 514-го полка И. Ф. Устиновым виделся всего один раз — когда он десять дней назад докладывал, потемневший от усталости, о прибытии в Севастополь остатков своего полка. За это время полк снова стал полком не только по названию, а к его командиру нельзя было не испытывать уважения: не так-то просто сразу после обновления большей части личного состава

обеспечить такую боеспособность, какую показывал 514-й стрелковый на важнейшем сейчас участке обороны.

16 ноября — впервые после возобновления боев — атаки противника продолжались и в темноте, до двух часов ночи. В тот день немцы овладели Керчью, и Манштейн торопился покончить с последним нашим плацдармом в Крыму. Утром 17-го бои достигли, казалось, критического напряжения.

Командарму находился то у Новикова, то у Ласкина — все эти дни он проводил большую часть времени на правом фланге. Часто вместе с ним там бывал член Военного совета флота дивизионный комиссар Н. М. Кулаков.

Все переброшенные на правый фланг резервы были введены в бой в основном в первом секторе. Там же действовал взятый уже не из резерва, а с позиций в четвертом секторе местный стрелковый полк. Моряки передали нам три маршевых батальона, людей для которых они набрали в подразделениях ПВО. Ночами — днем ему там негде было укрыться от вражеской авиации — на балаклавскую железнодорожную ветку перегонялся бронепоезд. А чтобы оттянуть от Ялтинского шоссе часть сил противника, чапаевцы и бригада Жидилова атаковали его в центре Севастопольского обвода.

При всех этих мерах — а к ним, кажется, уже ничего нельзя было немедленно добавить — положение на правом фланге к утру 17 ноября, повторяю, было критическим.

Танковая атака на участке 514-го полка, которой начался день, была отбита сосредоточенным огнем артиллерии всех видов. Но у моря противник вновь продвинулся и овладел восточными скатами высоты 212,1 — последнего естественного рубежа перед Балаклавой. К исходу дня группы фашистских автоматчиков достигли ее площадкообразного гребня. От лежащих внизу балаклавских улиц и укромной маленькой бухточки их отделяли лишь сотни метров. А между Балаклавой и Севастополем гор уже нет.

Однако закрепиться на рубеже, открывавшем путь в Балаклаву и дальше, войска первого сектора гитлеровцам не дали.

Около девяти вечера я услышал через приоткрытую дверь своей "каюты" на КП, как оперативный дежурный капитан Харлашкин возбужденно переспрашивает кого-то по телефону: "Это точно? Повторите отметку высоты!" Через минуту Константин Иванович был у меня на пороге и доложил (с таким воодушевлением, словно о взятии целого города), что в 20 часов 45 минут немцы с высоты 212,1 выбиты.

Это был результат смелой контратаки батальона 1330-го

полка и группы конников, которых вел под сильнейшим минометным огнем по каменистым кручам, разумеется в пешем строю, старый буденновец подполковник Л. Г. Калужский.

До исхода той ночи введенные в контратаку другие части заняли и западные скаты высоты 440,8.^ Мы ожидали, что утром противник постарается овладеть обеими вершинами снова, и принимали меры, особенно по артиллерийской части, чтобы этого не допустить. Однако в течение всего дня серьезных попыток вновь захватить командные балаклавские высоты не последовало. И уже нигде гитлеровцы не продвинулись 18 ноября ни на шаг. Почувствовалось наконец, как измотал их наш крепнущий отпор!

Говорить, что ноябрьское наступление на Севастополь сорвано, было, конечно, рано. Но обстановка позволяла произвести на правом фланге перегруппировку, необходимую, чтобы оборона здесь стала прочнее.

Как помнит читатель, к Севастополю пробивались через неприятельские тылы и линию фронта — часто довольно большими группами — бойцы-пограничники. Это были кадровые военнослужащие, отлично обученные, привыкшие к горной местности Крымского побережья. При всех трудностях с резервами этот контингент мы берегли, не дробили, надеясь образовать из пограничников отдельную часть. Был же у нас под Одессой погранполк майора Маловского, который отличался особой стойкостью и имел бойцов, способных при необходимости командовать взводами.

На целый полк хватило пограничников и теперь. Подписывая 17 ноября приказ о включении его в состав Приморской армии, генерал Петров говорил:

— В стойкости бойцов в зеленых фуражках можно не сомневаться. Солдаты они превосходные!

Этот полк прославился впоследствии как 456-й стрелковый под командованием Г. А. Рубцова. Но сначала был без номера, именуясь просто сводным пограничным, а командовал им тогда майор К: С. Шейкин.

В ночь на 20 ноября новый полк занял оборону в первом секторе, сменив 383-й стрелковый, отводимый во второй эшелон, и подразделения конников остатки 40-й кавдивизии, которые пора было вывести в резерв. Соседом пограничников слева стал 161-й полк А. Г. Капитохина, оборонявший теперь район селения Камары. Дальше по фронту расстановка сил оставалась прежней.

На самом танкоопасном направлении — вдоль Ялтинского шоссе войсками были заняты позиции и в глубине обороны — на главном рубеже, а также запасные за ним, в районе Сапун-горы.

Пограничники начали свои боевые действия с контратак:

ставилась задача отбить у немцев в балаклавских горах еще одну высоту — 386,6. Вернуть ее, однако, не удалось: противник, захвативший высоту, успел основательно там закрепиться.

А на следующее утро, 21 ноября, Манштейн предпринял новую отчаянную попытку (ототм оказалось — последнюю в ноябре) прорвать на правом фланге нашу оборону. На ряде участков доходило до рукопашной. Снова разгорелись бои за балаклавские высоты. Особенно трудное положение создалось в стыке секторов, куда 72-я немецкая дивизия наносила основной удар.

Враг прорвался в селение Камары. Однако продвинуться дальше уже не смог. Да и селением овладел не полностью: окраину удерживало наше боевое охранение. Вечером было замечено, что на достигнутом рубеже противник начал окапываться, как видно израсходовав все резервы. О том, какие потери понесли наступающие фашистские части, свидетельствовало участие в дневных атаках трех саперных батальонов — факт, установленный по документам убитых гитлеровцев и показаниям пленных.

Камары — составная часть Чоргуньского опорного пункта передового рубежа обороны, их обязательно надо было вернуть. Командарм приказал отбить селение на следующий день — 22 ноября. Но комендант сектора И. А. Ласкин, оценив обстановку, пришел к выводу, что выгоднее контратаковать не завтра утром, а этой же ночью. Генерал Петров согласился с ним.

Задачу выполнял уже не раз за эти дни отличившийся 514-й полк И. Ф. Устинова при поддержке 161-го. В контратаку бойцов повел комиссар полка О. А. Караев. Незадолго до полуночи в штарм поступило донесение о том, что Камары снова в наших руках.

На этом, собственно, и закончилось отражение ноябрьского наступления на Севастополь — первого штурма, как теперь обычно говорят. Враг вынужден был перейти к обороне, его расчеты на быстрое овладение Севастополем сорвались еще раз.

После десяти дней боев линия фронта на правом фланге, у Балаклавы, местами отодвинулась в глубь плацдарма на три-четыре километра от прежнего передового рубежа. Конечный итог борьбы за балаклавские высоты был, таким образом, не в нашу пользу. Позиции первого сектора ухудшились (что, впрочем, не помешало прочно удерживать их в таком виде долгие месяцы).

Очень важно было, что в наших руках остались Кадыковка, Камары, Чоргунь. Это много значило для дальнейшей устойчивости всей правой половины Севастопольского обвода.

Что касается направления вспомогательного удара, то там

противнику удалось продвинуться на отдельных участках на один-полтора километра. Бои здесь были упорными, в них отлично показали себя чапаевцы. Именно их стойкость сорвала неприятельский замысел-рассечь наш фронт глубоким клином.

17 ноября, когда было очень напряженно в южных секторах, гитлеровцы предприняли атаку еще и с севера — на участке бригады Вильшанского. В атаке участвовало до трех с половиной десятков танков и броневиков и до двух батальонов пехоты. Тут все решил мощный заградительный огонь богдановцев, береговой батареи Матушенко и других артиллерийских частей. Больше десятка броневиков и танков было подбито, следовавшая за ними пехота рассеяна. До нашего переднего края фашисты не дошли.

* * *

В сопоставлении с тем, что ждало севастопольцев впереди, ноябрьские бои под Балаклавой и у Ялтинского шоссе могут показаться не столь уж значительными. Предвижу, что иной читатель, знакомый с масштабами операций на других фронтах, отнесет, скажем, отражение атак с участием 35–40 танков к фактам, совершенна заурядным.

Но судить о севастопольских боях — и ноябрьских, и последующих — только по количеству введенной в действие техники нельзя. Кстати сказать, на подступах к Севастополю немного таких мест, где и 40 танков можно развернуть одновременно. В итогах же ноября примечательно уже то, что сперва вражескую ударную силу, прокатившуюся по всему Крыму и взявшую разгон для захвата с ходу последнего на полуострове города, сумели задержать спешно сформированные краснофлотские батальоны. А затем, когда эти батальоны только-только успели влиться в поредевшие, ослабленные тяжелыми потерями части приморцев и когда лишь создавалась система обороны, потерпело крах решительное наступление немцев, по обычным понятиям неплохо подготовленное, в успехе которого противник не сомневался.

11-я армия Манштейна, одна из сильнейших у Гитлера на всем восточном фронте, застряла в Крыму теперь уже надолго. Имея в тылу советский Севастополь, гитлеровское командование не могло двинуть ее через Керченский пролив на Тамань, не могло и подкрепить ею свои войска, наступавшие на Ростов.

Вот тогда гитлеровцы и начали писать о том, что Севастополь первоклассная, неприступная крепость, стали именовать все его береговые батареи не иначе как фортами, придумывая им "страшные" названия — "Максим Горький", "Чека", "ГПУ"… Надо же было как-то объяснить, почему два армейских корпуса, усиленные танками и значительной группировкой артиллерии,

поддерживаемые авиацией, остановились перед городом, который на самом деле никаких укреплений крепостного типа со стороны суши не имел, а тылом было море.

Если в огне боев главная база Черноморского флота превращалась в неприступную сухопутную крепость, такой ее делали не форты, а ставшие на защиту Севастополя, полные решимости его отстоять советские люди.

Пусть неоднородными были наши доукомплектованные части по уровню полевой выучки и по внешнему виду: большинство моряков пришло в окопы во флотской форме, а некоторые ополченцы в полугражданской одежде — на складах не хватало шинелей, — зато их сплачивало несокрушимое единство воли и духа. Из бывалых, испытанных войной солдат, из матросов с горящими отвагой сердцами, из местных жителей, готовых грудью заслонить родной город, складывался великолепный боевой коллектив, где все по праву считали себя севастопольцами — и те, кто здесь вырос или служил, и те, кто, может быть, не имел случая даже посмотреть знаменитый город, но гордился уже тем, что его защищает.

Душой этого коллектива, силой, цементирующей каждое его звено, были коммунисты. После тяжелых боев на севере Крыма и горного марша наши партийные ряды поредели: на коммунистов, нигде себя не щадивших, пришлась, как всегда, очень значительная доля потерь. Как только войска вышли на севастопольские рубежи, одной из главных забот поарма (его работники во главе с полковым комиссаром Л. П. Бочаровым почти все время находились в частях) стало восстановление ротных парторганизаций, число которых за неполный месяц сократилось почти вдвое.

Все мы радовались, что в пополнении — и флотском, и городском — имелась высокая партийная прослойка. В дни боев усилился приток заявлений о приеме в партию. Ко второй половине ноября в Приморской армии стало почти столько же членов и кандидатов партии (а парторганизаций даже больше), сколько было при эвакуации из Одессы. Коммунисты прежде всего и обеспечили своим примером в бою, своей неустанной работой с людьми столь быстрое укрепление фронта обороны.

Стойкость пехоты и хорошо организованный артиллерийский огонь — так, помню, охарактеризовал командарм Петров основные слагаемые боевого успеха, достигнутого при отражении ноябрьского наступления противника.

Ноябрьские бои показали, как необходимо было все то, что успели сделать начарт армии и его штаб для создания системы централизованного управления наличными огневыми средствами,

как важно развивать и совершенствовать эту систему.

И на правом фланге, и в долине Кара-Коба исход боя не раз определяла своевременная поддержка войск первого сектора артиллерией второго и наоборот. При надобности вызывался огонь и более отдаленных батарей. Причем во всех случаях вызов его через штаб артиллерии происходил очень быстро. На каждой батарее имелись готовые данные для открытия огня по всем досягаемым для нее участкам фронта — целый каталог НЗО, включавший иногда свыше двух десятков "адресов".

В дальнейшем сосредоточение огня на нужном участке стало еще более быстрым. Штаб артиллерии получил собственную круговую систему связи, соединявшую его не только с начартами секторов и артполками, но и с дивизионами. Огневые позиции всех батарей, способных достать противника перед фронтом других секторов, были приспособлены для поворота орудий на 45–90 градусов (необходимый для передвижки тяжелых орудий трактор-тягач постоянно находился в укрытии у огневой позиции).

Десятидневные бои в середине ноября позволили еще раз по достоинству оценить огневую силу севастопольских береговых батарей. В специальном приказе начарта армии особо отмечались успешные боевые действия батарей М. В. Матушенко, М. С. Драпушко, Г. А. Александера, А. Я. Лещенко.

Не могу не сказать о батарее № 19 капитана Драпушко, ближайшей к линии фронта.

Она была не из новых. Еще с первой мировой войны она стояла над обрывом морского берега, охраняя вход в Балаклавскую бухту. Когда ее здесь ставили, не опасались ударов с воздуха, а что на высотах за бухтой окажется противник, никто не ожидал. Бетонные котлованы с капитально укрепленными 152-миллиметровыми орудиями не имели сверху никакой защиты. И с захваченных немцами высот вся позиция батареи была видна как на ладони. Как только расчеты появлялись у орудий, по батарее открывался минометный огонь. Обстреливала ее и неприятельская артиллерия, бомбила авиация.

Но батарея Драпушко, несмотря ни на что, действовала. Ее старались использовать по ночам, однако иногда трудно было обойтись без нее и днем. За несколько суток она выпустила почти полторы тысячи снарядов, поражая и дальние цели, и ближние, по которым била прямой наводкой. Дважды батарейцы, не прекращая огня, тушили пожары, угрожавшие боевым погребам, а во время передышек ремонтировали поврежденные орудия, расчищали заваленные землей и камнем орудийные дворики. Противник не раз имел основание считать батарею подавленной,

но вывести ее из строя не смог. Неумолкавшие залпы 19-й батареи, стойкость ее личного состава помогли сдержать вражеский натиск на Балаклаву.

Береговая артиллерия вместе с тяжелой армейской создавали как бы стержень, вокруг которого группировался огонь всей остальной. И с боеприпасами для флотских батарей дело обстояло лучше, чем со снарядами для полевых. Тем не менее использование этой огневой силы на будущее приходилось строго ограничить.

Стволы крупнокалиберных береговых орудий недолговечны. Они рассчитаны всего на 200–300 выстрелов. Износ стволов на большинстве севастопольских батарей к началу обороны составлял 30–35 процентов. А после ноябрьской боевой страды, когда было не до того, чтобы каждый день эти проценты подсчитывать, нормы службы стволов оказались где на исходе, а где уже и превышены. Замена же стволов у тяжелых орудий — сложная и трудоемкая работа, которую надо было по возможности оттянуть до более спокойных дней.

Вот почему 23 ноября, еще не зная, не возобновится ли завтра немецкое наступление, штарм отдал распоряжение о том, что впредь береговые батареи должны использоваться только по наиболее важным целям и главным образом для подавления неприятельской артиллерии.

В единую систему огня, распределяемого штабом артиллерии армии, стали включаться и корабли. В отражении ноябрьского наступления участвовали крейсеры "Червона Украина" и "Красный Крым", старые знакомые приморцев, неоднократно поддерживавшие наши войска под Одессой, и несколько эсминцев. Эти корабли входили в отряд поддержки, созданный командованием флота по предписанию Ставки.

У Одессы корабли обычно вели огонь, маневрируя в море, здесь же им отводились огневые позиции в Южной и Северной бухтах: высокие берега в какой-то мере защищали от вражеской авиации. Надо отдать должное артиллеристам эскадры: к поддержке войск под Севастополем они заранее подготовились с учетом одесского опыта. На кораблях имелись выверенные сухопутные карты окрестностей города, а в приметных местах, намеченных в качестве вспомогательных точек наводки, установлены затемненные огни — ориентиры для ночных стрельб. Корректировку корабельного огня обеспечивали базовые корпосты, располагавшиеся на высотах у переднего края.

В первые дни наступления чаще всех открывала огонь "Червона Украина". Стоя на якоре вблизи Графской пристани, крейсер бил через город по скоплениям фашистских войск и их

тылам на балаклавском направлении, подавлял вражеские батареи.

Но 12 ноября врагу удалось вывести крейсер из строя. Его атаковали одна за другой несколько групп бомбардировщиков, корабль получил тяжелые повреждения и, несмотря на все усилия команды и спасательных служб, к следующему утру лежал полузатонувший на левом борту, касаясь берега длинными мачтами.

Людей при этом погибло немного, однако потеря крейсера — первая на Черном море с начала войны потеря корабля такого класса — была очень чувствительной для флота.

Как рассказывали флотские командиры, моряки крейсера (его экипаж насчитывал несколько сот человек) настойчиво просили послать их всех вместе на передовую как полк или отдельный батальон морской пехоты имени их корабля. Решение было принято несколько иное, более целесообразное: сформировать в составе береговой обороны главной базы новый артдивизион, вооруженный снятыми с крейсера орудиями и укомплектованный его артиллеристами. Так, со своими орудиями, сходили на берег и моряки нахимовских кораблей в первую Севастопольскую оборону.

130-миллиметровые палубные орудия снимали с "Червовой Украины" водолазы. Воздушная разведка гитлеровцев, конечно, заметила эти работы. Противник пытался сорвать их бомбежками, артобстрелом. Но еще до того, как Севастополь отбил ноябрьское наступление, первые два орудия крейсера, ставшие береговой батареей № 114, были установлены у хутора Дергачи под Сапун-горой.

Несколько дней спустя другая такая же батарея (ею командовал артиллерист с погибшего крейсера старший лейтенант А. П. Матюхин) стояла на историческом Малаховом кургане, где в первую Севастопольскую оборону были смертельно ранены Нахимов и Корнилов.

Там возвышался большой памятник Корнилову, и, словно наказ из прошлого, горели на бронзе последние его слова: "Отстаивайте же Севастополь!"

Отражение ноябрьского штурма явилось проверкой боевой организации обороны, сплотило все участвовавшие в ней силы. Оно сдружило приморцев и с действовавшими под Севастополем флотскими летчиками.

Как уже сказано, на расположенные вблизи города маленькие аэродромы могло базироваться небольшое число истребителей и штурмовиков, а в Северной бухте легкие гидросамолеты-разведчики. Тем не менее в Севастополе находился, отлучаясь

лишь время от времени на Кавказ, командующий военно-воздушными силами Черноморского флота генерал-майор авиации Н. А. Остряков.

В отличие от Одессы, где Приморская армия имела свой истребительный авиаполк, теперь воевавший где-то на Северном Кавказе, в Севастополе авиации в прямом подчинении у нас не было. Но флотские летчики активно поддерживали армию, с Остряковым договариваться о взаимодействии было легко. Живой, кипуче-деятельный, он часто сам приезжал к нам на КП, чтобы обеспечить наземным войскам какую только можно помощь с воздуха.

Николаю Алексеевичу Острякову едва исполнилось тридцать лет. Этот молодой генерал имел за плечами бои в Испании (именно его экипаж, участвуя в атаке против броненосца "Дойчланд", поразил фашистский корабль двумя бомбами), был депутатом Верховного Совета СССР. Высокая должность не помешала талантливому летчику остаться воздушным бойцом. Летчик-бомбардировщик по прежнему опыту службы, Остряков, будучи уже командующим ВВС флота, во время войны освоил самолет-истребитель. Он лично летал на разведку — на "командирскую рекогносцирован ку", как он говорил, участвовал и в воздушных боях. Летчики с восхищением отзывались о смелости, выдержке, хладнокровии своего командующего.

Мне же, видевшему Николая Алексеевича только на земле, он запомнился как скромный, обаятельный человек, обладавший пытливым умом и широкой военной эрудицией. Тогда я еще не знал, что, в сущности, все необходимое, чтобы стать крупным авиационным командиром, он сумел постичь в основном на практике и путем самообразования: из летных учебных заведений Острякову довелось окончить лишь московский аэроклуб да краткосрочные курсы при Военно-морской академии.

На балаклавском направлении и других участках ноябрьских боев летчики Острякова помогали нашей пехоте | прежде всего штурмовкой неприятельских войск, позиций, огневых средств. На штурмовку посылались не только "илы", но и "ястребки". В эти дни заместитель командира эскадрильи капитан Николай Хрусталев повторил под Севастополем подвиг Николая Гастелло: свой поврежденный, охваченный пламенем самолет он бросил на подходившую к фронту фашистскую боевую технику.

Наша авиация систематически наносила удары по ближайшим вражеским аэродромам. И конечно, постоянной задачей севастопольских летчиков являлось прикрытие с воздуха города и бухт. Эта задача была самой трудной — как из-за недостаточного количества истребителей, так и потому, что при

небольшой территории плацдарма бомбардировщики могли появляться над городом внезапно.

Обычно первыми вступали с ними в бой те истребители, которые в это время барражировали над Севастополем. И нередко пара "ястребков" атаковывала большую группу бомбардировщиков, не останавливаясь ни перед чем, чтобы задержать врага.

Дважды за эти дни один и тот же летчик — младший лейтенант Яков Иванов, израсходовав боеприпасы, применил воздушный таран. 12 ноября он винтом "мига" срезал руль "хейнкелю", и тот, не долетев до города, рухнул с полным грузом бомб на землю, а Иванов благополучно посадил свой истребитель, у которого был лишь погнут винт. Пять дней спустя, уничтожив таранным ударом другой фашистский бомбардировщик, отважный летчик погиб. Яков Матвеевич Иванов был посмертно удостоен звания Герой Советского Союза.

Обращаясь к документам того времени, убеждаешься, что в начальный период обороны мы в Севастополе иногда приуменьшенно оценивали (это надо отнести за счет недоработок нашей разведки) противостоящие неприятельские силы. Только после отражения ноябрьского наступления гитлеровцев стало вполне ясно, что в нем участвовали, не считая румынских частей, четыре дивизии — 22, 132, 50 и 72-я (последняя — ефрейторская, то есть особо отборного состава). А ведь немецкие дивизии и по штату более чем в два раза превышали наши!

Трудно назвать точные цифры потерь, понесенных этой вражеской группировкой, но, безусловно, они были значительными, исчислялись тысячами солдат, многими десятками танков и самолетов. Только большие потери и заставили противника прекратить 22 ноября атаки.

Не приходилось, разумеется, сомневаться, что при первой возможности Манштейн предпримет новое наступление. Не зная, когда оно начнется, мы все же надеялись получить до этого помощь с Большой земли. Нужны были и пополнение людьми всем нашим частям, и оружие, и боеприпасы, прежде всего для полевой артиллерии. Когда противник прекратил атаки, снарядов у нас, если считать по расходу их в середине ноября, оставалось примерно на три дня.

В связи с упразднением — после оставления Керчи — командования войсками Крыма Севастопольский оборонительный район перешел в непосредственное подчинение Ставке.

Из Москвы поступило сообщение, что базой питания Севастополя назначен Новороссийск, откуда в первую очередь будут доставлены нам боеприпасы, имеющиеся на местных

складах. Одновременно Закавказскому фронту было приказано подать партию снарядов в Поти, с тем чтобы перевезти их в Севастополь на быстроходных боевых кораблях. Из Поти же ожидались первые маршевые батальоны.

* * *

Когда выйдешь из каземата КП наверх, с гористого Крепостного переулка можно увидеть значительную часть Севастополя. О воздушном налете на любой его район, о начавшемся артиллерийском обстреле мы узнавали быстрее, чем об очередной вражеской атаке на том или ином участке обороны. Как и в Одессе, многие события городской жизни, неразрывно связанной с жизнью фронта, заносились в армейский журнал боевых действий.

Но как ни близок был город, мне долго не представлялось случая вновь походить по главным севастопольским улицам, запомнившимся такими, какими они были в октябре, когда мы прибыли в Крым. Сумел я это сделать лишь в конце ноября, в один из относительно тихих дней, о которых в сводке "На подступах к Севастополю", публиковавшейся в местной печати, говорилось: "Положение на фронте без изменений, наши войска прочно удерживают прежние позиции".

Облик центральной части города, куда фашисты нацеливали свои массированные налеты, изменился сильно. Про разрушения, которые произвел тут враг, я, конечно, знал из донесений штаба МПВО. Знал, что уже в четвертое с начала обороны помещение перешел горком партии: три здания, где он работал, были повреждены бомбами. Однако, чтобы вполне представить, как ощутили ноябрьский штурм жители города, надо было увидеть центр Севастополя своими глазами.

На улицах еще не успели расчистить все завалы от рухнувших стен, засыпать воронки. Сиротливо маячили посреди мостовой, там, где остановило их повреждение пути или обрыв проводов, неподвижные трамваи. Большие дома, даже не пострадавшие, выглядели нежилыми. Людей встречалось немного, и выходили они не из подъездов, а из убежищ, подвалов.

Население Севастополя составляло в мирное время свыше ста тысяч человек. Довольно значительная часть жителей была эвакуирована (эвакуация людей, не связанных с обороной, продолжалась). Но к десяткам тысяч севастопольцев, оставшихся в городе, прибавились беженцы из других мест Крыма. И теперь все, кроме живущих на окраинах, где бомбы падали пока редко, переселялись под землю.

Как и все в Севастополе, это происходило организованно, в строгом порядке. Многие из бомбоубежищ, существовавших

раньше, были слишком тесными, годились лишь, чтобы переждать там недолгую тревогу. Поэтому под жилье спешно приспосабливались силами самих горожан, большей частью женщин, разные подземные склады, а в одном месте, кажется на Пироговской улице, даже минная галерея времен первой обороны. В толще горы, которую опоясывает кольцо центральных улиц, прорезались при участии саперов и подрывников новые вместительные штольни с выходами прямо во дворы домов.

Обеспечить все население укрытиями, надежно защищающими от любой бомбежки и обстрела, постараться сделать это до того, как фашисты начнут новый штурм, такую задачу поставил перед собой в те дни городской комитет обороны.

Вопросами военными в прямом смысле слова, непосредственной защитой города на фронте Севастопольский комитет обороны не ведал. Это был партийно-советский орган, сосредоточивший в своих руках всю полноту гражданской власти. Занимаясь прежде всего мобилизацией сил и ресурсов Севастополя на помощь фронту, он вместе с тем делал все, что мог, для поддержания нормальной, по осадным, конечно, понятиям, жизни в самом городе.

Авторитет городского комитета обороны был чрезвычайно высок. Не только его постановления, но и обращения, призывы — в этом мы убеждались постоянно воспринимались населением как боевой приказ. Главу комитета Бориса Алексеевича Борисова и его членов, особенно Василия Петровича Ефремова — председателя горсовета, знали в Севастополе все. Немного понадобилось времени, чтобы эти городские руководители, а также второй секретарь горкома партии Антонина Алексеевна Сарина стали широко известны, заслужили общее уважение также и в войсках.

Борисов и Ефремов носили флотские кителя и фуражки, в мы, помню, вначале принимали их за моряков. Знакомство с ними началось, когда на пополнение вышедшей из гор Приморской армии передавалось севастопольское ополчение: каждый из трех районов города сформировал по полку. А затем комитет обороны стал поставлять нашим частям оружие и боеприпасы местного производства.

Выпуск военной продукции на предприятиях Севастополя, в том числе на таких, с которых наиболее ценное оборудование и лучшие специалисты были эвакуированы в тыл, налаживали еще в августе — сентябре. Когда немцы подступили к Перекопу, на Морском (судоремонтном) заводе, в железнодорожных мастерских, на полукустарном заводике "Молот", изготовлявшем

раньше металлическую посуду, уже делались минометы, ручные гранаты, противотанковые и противопехотные мины.

Город не знал тогда, что ждет его через месяц или два. Фашистские самолеты появлялись над Севастополем редко, и их легко отгоняли. И никого, видимо, не смущало, что цехи, где осваивается производство оружия, стоят на поверхности земли.

А в начале ноября эти предприятия оказались под вражескими ударами, под огнем. Выпуск боевой продукции резко сократился как раз тогда, когда она была особенно нужна.

Положение с военным производством обсудило командование Севастопольского оборонительного района. Было решено перенести это производство под землю. А конкретно- в штольни, вырубленные когда-то для складов в прибрежных скалах у Северной бухты, в Троицкой балке.

Так было положено начало знаменитому спецкомбинату № 1 — арсеналу осажденного Севастополя.

Не берусь судить, сколько недель, а может быть, и месяцев ушло бы на создание и пуск подобного предприятия в спокойное мирное время. На то, чтобы превратить пустые штольни в действующие цехи, перенести туда и наладить оборудование, которое сперва надо было демонтировать в других местах, на то, чтобы организовать в необычных условиях, преодолевая множество трудностей, весь производственный процесс… В ноябре сорок первого, под бомбежками и артиллерийским обстрелом, когда в нескольких кило-метрах от завода отбивали отчаянные попытки врага прорвать наш фронт, все это было сделано под руководством городского комитета обороны за десять или одиннадцать суток. Причем ни на один день не прекращалось, пусть в сокращенном объеме, производство оружия, особенно ручных гранат, в наземных цехах.

А у комитета обороны хватало и других забот. Выходил из строя хлебозавод, нужно было восстанавливать поврежденные участки электросети и водопровода, приобрело чрезвычайную срочность переселение жителей в убежища.

17 ноября, в день напряженнейших боев на балаклавском направлении и в долине Кара-Коба, подземный завод в Троицкой балке дал первую продукцию двести гранат… Но это было лишь начало.

— Там развертывается крупное предприятие, — делился впечатлениями член Военного совета армии Михаил Георгиевич Кузнецов, первым из нас побывавший на спецкомбинате. — Штольни громадные. И место очень надежное. Над головой десятки метров скальной породы, так что не страшна даже тысячекилограммовая бомба…

Основные цехи комбината действительно были неуязвимы для врага. Но работа там началась в тяжелейших условиях. От недостатка кислорода в глубине штолен гасла зажженная спичка. Через несколько дней провели вентиляцию, но, когда близко падали бомбы, ее приходилось выключать: в подземелье втягивалась поднятая взрывами пыль. Поло-вину рабочих составляли женщины и подростки, мужчины же — почти все преклонного возраста.

Рядом с цехами оборудовали рабочее общежитие с двухъярусными койками, взятыми из флотских школ; места в штольнях хватало и для него. Осваивались новые виды продукции — 50-миллиметровые, а затем и 82-миллиметровые минометы. Комбинат стал принимать в ремонт орудия, танки. Но главной его продукцией оставались гранаты и мины.

Хочется подчеркнуть — и это относится не только к первым месяцам Севастопольской обороны, о которых идет сейчас речь, — что пущенный в штольнях военный завод с сотнями рабочих не состоял ни на каком плановом снабжении. Да и откуда оно могло тогда поступать?! Чтобы комбинат действовал, требовалось постоянно изыскивать для него сырье, проявлять много изобретательности. Использовали старые трубы, кровельное железо, металлолом, собранный на заводских дворах и в разрушенных зданиях. Взрывчатку извлекали из морских мин, имевшихся на местных складах. Сначала корпуса гранат возили на заправку взрывчатым веществом на флотский склад в Сухарной балке, на другую сторону Северной бухты. Потом пустили свой "снаряжающий цех".

Еще до пуска первого подземного комбината городской комитет обороны приступил к организации второго — для пошива и ремонта армейского обмундирования. Его создали на базе небольшой фабрики "Красный швейник" и сапожной артели с громким названием "Парижская коммуна". Разместили спецкомбинат № 2 в Инкермане, в укрытых глубоко под горой хранилищах шампанских вин. На этом предприятии, где директором была Л. К. Боброва, работали почти одни женщины. При нем сразу же были открыты, конечно тоже под землей, детский сад в ясли. Позже открылась там и школа.

В двух спецкомбинатах, когда они полностью развернулись, работало до четырех тысяч человек. Они стали важными, я бы сказал, незаменимыми звеньями в складывавшемся механизме обороны города. И по праву эти подземные предприятия поименованы вслед за защищавшими Севастополь воинскими частями на мраморных плитах мемориала, сооруженного после войны на площади Нахимова.

Освоением севастопольских подземелий занялись и наши армейские тыловики, прежде всего медики. По соседству со спецкомбинатом № 2, в огромных пещерах, образовавшихся от многовековой добычи инкерманского камня (историки считают, что отсюда его брали на строительство древнего Херсонеса и дворцов Византии), создавался самый крупный в Приморской армии госпиталь.

Именовался он, впрочем, просто 47-м медсанбатом и входил в состав Чапаевской дивизии: Инкерман относился к ее тыловому району. Но суть не в названии. На севастопольском плацдарме, где тылы были понятием условным, эвакуация раненых не укладывалась в обычную организационную схему и медсанбаты имели функции более широкие.

Наш начсанарм военврач 1 ранга Давид Григорьевич Соколовский всегда стремился — и умел! — вести свое дело с размахом, который, кстати, никогда не оказывался излишним. Установив контакт с флотскими медиками и с горздравом, используя оказавшийся в его распоряжении медперсонал из 51-й армии (когда в степном Крыму был рассечен фронт, часть ее тылов примкнула к приморцам), Соколовский развернул в Севастополе пять госпиталей.

Гордостью начсанарма стал госпиталь в Инкерманских штольнях. Однако заслуга создания этого подземного дворца для раненых принадлежит не только медикам. Оборудовал его инженерный отдел флота, обеспечивший госпиталь даже автономной электростанцией.

Человека, лопавшего сюда, охватывало необычное в осажденном Севастополе ощущение покоя. Толща породы поглощала все наружные звуки, даже разрывы бомб. Длинной галереей уходили вдаль ярко освещенные палаты-залы с неровными, слегка искрящимися стенами…

По плану здесь было семьсот мест, но при необходимости могли разместиться до двух тысяч раненых. А просторные операционные деятельный армейский хирург профессор В. С. Кофман, ни в каких условиях не переставший заботиться о повышении квалификации своих младших коллег, превратил в своего рода учебный центр, через который пропускались врачи всех соединений. Оговорюсь, однако, что таким инкерманский госпиталь стал несколько позже. В конце ноября подземелье еще только обживалось, решалась проблема вентиляции.

В итоге ноябрьских боев мы имели 7600 раненых (вернувшиеся после перевязки в свои подразделения в счет, понятно, не шли). Как и в Одессе, мы руководствовались принципом: всех, кого нельзя относительно скоро, в пределах

месяца, возвратить в строй, отправлять при первой возможности на Большую землю.

Кроме санитарных транспортов раненых принимали на борт приходившие в Севастополь боевые корабли. В этих случаях требовалась особая оперативность: корабли не могли задерживаться. Эвакуаторам пригодился одесский опыт спешных ночных посадок.

Помню доклад Соколовского о том, что большая партия раненых погружена на лидер "Ташкент", самый быстроходный корабль флота, доставивший нам снаряды. Из Севастополя он пошел напрямик в Батуми. Как свидетельствует старая сводка, всего в ноябре было вывезено на Кавказ 5700 раненых.

Необычно суровая зима сорок первого года уже давала себя знать и на юге. Совсем непредвиденно в Крыму понадобились белые маскхалаты, прежде всего для разведчиков и снайперов, а для всех бойцов и командиров — теплое белье, ватные куртки и брюки. Быстро решить эту проблему вряд ли удалось, если бы не предусмотрительность наших хозяйственников.

Еще когда приморцы готовились зимовать под Одессой, где климат холоднее, тогдашний интендант армии и будущий начальник тыла А. П. Ермилов, не надеясь, что зимнее обмундирование пришлют на юг в порядке централизованного снабжения, организовал свои пошивочные мастерские. Причем не в Одессе — в осажденном городе развернуть их было трудно, — а на Большой земле, в Новороссийске. Материал использовался "полутрофейный" — ткань, большое количество которой в свое время было обнаружено в эшелоне, застрявшем в одесской степи после того, как враг перерезал последнюю железную дорогу, и вывезено из-под носа у гитлеровцев.

Про эту находку я слышал, но потом забыл, а о том, в каких масштабах развернуто у Ермилова дело в Новороссийске, признаться, не имел представления. Генерал Петров, как выяснилось, вообще об этом не знал: когда все организовывалось, он еще не командовал армией.

"Пошив теплого обмундирования из ткани, вывезенной из Одессы, — вспоминает Алексей Петрович Ермилов, — был маленькой тайной тыловиков. Мы никому об этом не говорили: сначала потому, что не знали, сумеем ли все организовать, как задумали, а потом просто потому, что хотели преподнести это бойцам и командованию в виде сюрприза. Нужно было видеть радость Ивана Ефимовича Петрова, когда он обо всем узнал!"

Радоваться было чему: из Новороссийска с несколькими оказиями пришли десятки тысяч комплектов теплого обмундирования. Ватники, правда, выглядели несколько

"партизанскими" — были не совсем такого цвета, какой полагалось бы им иметь, но с этим считаться уже не приходилось.

Надо было как можно быстрее получить совершенно точное представление о том, где проходит теперь, после напряженных боев, наш передний край на каждом участке обороны. Не полагаясь на донесения из соединений, мы выяснили это на местности всем составом оперативного отдела. И на моей рабочей карте появилось немало существенных поправок.

У нас нередко говорилось, что знать передний край мы обязаны, как "в Одессе". Однако Одесса могла служить в этом отношении эталоном разве что на первых порах.

Севастопольский плацдарм был теснее, возможности маневра здесь резко ограничивались, и понятие "жесткая оборона" приобретало смысл куда более категоричный, ибо всякий неприятельский клинышек сразу означал угрозу плацдарму в целом. В таких условиях штарму надлежало знать и фактическое расположение линии фронта со всеми ее изгибами, и состояние любого батальонного участка не как в Одессе, а лучше, детальнее.

Впрочем, объяснять, насколько это важно, никому не требовалось. И уж конечно, не нашим боевым направленцам — капитанам Шевцову, Безгинову и Харлашкину, которые находились почти непрерывно в войсках и, знакомясь с участками обороны, куда были посланы, считали своим долгом побывать в окопах каждой роты, дойти до боевого охранения. Их доклады по возвращении на КП, содержавшие не только констатацию фактов, но и практические предложения, любил слушать вместе со мной и начальником оперативного отдела командарм.

Обязанности у наших направленцев стали более широкими. Чем дальше, тем все в большей степени им приходилось при максимально полном знании обстановки в одном-двух секторах быть в курсе положения и в остальных. Все трое отличались исключительной работоспособностью, могли не спать сутками. Шевцов и Безгинов к этому времени были уже опытнейшими штабными офицерами, авторитетными для любого начальника в войсках. Очень вырос и Харлашкин. Он, правда, не имел такой, как у его товарищей, подготовки, но обладал острой наблюдательностью, практической сметкой, быстро ориентировался в новых местах. Выполняя задание, этот веселый и храбрый человек не знал непреодолимых препятствий.

В укреплении фронта вопросом вопросов оставалось инженерное оборудование позиций. То, что наша оборона и в таком виде, в каком застал ее первый натиск врага, в целом его выдержала, успокаивать не могло. Неподготовленность передового рубежа и отсутствие запасных, промежуточных,

обошлись на правом фланге дорого. Иногда бойцам приходилось вгрызаться в твердый каменистый грунт уже под огнем. И где успевали окопаться мало-мальски сносно, а где и не успевали…

Инженерные работы не прерывались ни на один день. В них участвовали специальные части (военно-полевые строительства), подчиненные генерал-майору А. Ф. Хренову, армейские саперы, бригады жителей города, а на переднем крае, на своих участках обороны, — все войска.

Но приедешь в дивизию, пройдешь по позициям — и опять убеждаешься, что, сколько ни сделано, остается сделать больше.

30 ноября командование СОР утвердило окончательный план оборонительных рубежей, приведенный в соответствие с конкретной обстановкой, сложившейся после первого наступления противника, а также с реальным наличием сил и средств.

Изменения касались главным образом передового рубежа, линию которого определили результаты ноябрьских боев. На правом фланге этот рубеж начинался теперь у Генуэзской башни над Балаклавской бухтой, проходил по западным склонам высоты 212,1, за которую велись упорные бои, потом через Камары и Нижний Чоргунь, в центральной части обвода — у хутора Мекензия и далее восточнее станции Бельбек, а на левом фланге — как и прежде, включая Аранчийский опорный пункт.

Местами этот рубеж стал на три-четыре километра ближе к городу, чем был намечен прежде (именно намечен, потому что оборудовать тогда успели, да и то не полностью, лишь опорные пункты). Но общая его протяженность сократилась незначительно и составляла около 45 километров. Прежним оставалось основное назначение передового рубежа — запирать подходы к Севастополю по Ялтинскому шоссе, долине Кара-Коба и долинам рек Черная, Бельбек, Кача.

Второй, или главный, рубеж подлежал дооборудованию и усилению в основном по первоначальной его линии. То, что он пролегал слишком близко от города и что перед ним оставался ряд командных высот, уже не могло быть изменено. Оставалось лучше использовать возможности тех высот, через которые он проходил, — Федюхиных, Инкерманских, холмов за Бельбеком.

Третий, тыловой, рубеж, как уже говорилось, был к началу обороны в наибольшей готовности из всех. Теперь он дополнялся в районе к югу от города двумя отсечными позициями, прикрывающими аэродром у мыса Херсонес, Стрелецкую бухту, береговые батареи. Что подкрепить оборону в глубине правого фланга нелишне, подтвердили бои на балаклавском направлении, в ходе которых не раз возникала угроза прорыва вражеских

танков.

Траншеи траншеями, но холода заставляли форсировать и строительство утепленных землянок. Раз пришла настоящая зима, стало необходимым соответствующее, отапливаемое фронтовое жилье.

Землянки строили на двадцать — тридцать человек: отрыть в каменистой земле одну большую все-таки проще, чем две или три поменьше, да и железных печек не хватало, хотя их начали изготовлять в городе. Есть одна такая землянка в роте — и людям уже будет где обогреться и отдохнуть. В пример другим ставились части, где теплые землянки могли вместить сразу половину всех бойцов.

Командарм держал строительство землянок под личным контролем. Помню, когда особенно похолодало — кажется, в ночь на 27 ноября, — он потребовал, чтобы весь состав штабов и политотделов соединений отправился в роты и проследил, обеспечена ли солдатам возможность обогреться.

По-хозяйски, домовито обживали свои позиции артиллеристы.

— Был сейчас в пятьдесят первом артполку, у Бабушкина, — рассказывал Николай Кирьякович Рыжи. — Так у него, знаете, такие землянки, что жить можно почти как в казармах мирного времени. Когда только успели!

Но артиллеристы успели сделать и немало другого, еще более значительного. Для полевых батарей оборудовались запасные позиции. Увеличивалось количество пристрелянных участков, на которые за считанные минуты мог быть направлен огонь. Обеспечивалась также возможность быстро повернуть все орудия в сторону моря, в том случае, если бы гитлеровцы попытались высадить где-то у Севастополя десант.

Командующий и штаб армии продолжали много заниматься первым сектором: здесь фактически заново создавался передовой рубеж и надо было довести до конца организационные меры, начатые с перегруппировки войск в ходе ноябрьских боев.

После сформирования полнокровного полка из пограничников уже ничто не мешало, не ожидая подкреплений с Большой земли, возродить дивизию Новикова бывшую 2-ю кавалерийскую, первым командиром которой был под Одессой Иван Ефимович Петров.

Теперь в нее, временно названную 2-й стрелковой, вошли полки: пограничный (в командование им вступил майор Рубцов), 383-й и 1330-й, который ветераны все еще называли осиповским, а также 51-й артполк майора Бабушкина, противотанковый и минометный дивизионы и некоторые другие части. Два месяца

спустя Наркомат обороны переименовал эту дивизию в 109-ю стрелковую, присвоив новые номера и ее полкам.

Как раз к восстановлению дивизии до нас дошло постановление правительства о присвоении Петру Георгиевичу Новикову генеральского звания. Он стал четвертым генералом во всей Приморской армии.

Новикову было тридцать пять лет, и восемнадцать из них он провел на военной службе. Петр Георгиевич имел орден Красного Знамени за Испанию. В Отечественную войну вступил опытным, с трехлетним стажем, командиром полка. От первой же встречи с ним в начале Одесской обороны у меня осталось впечатление, что на этого спокойного, немногословного полковника всегда можно положиться, не подведет. И в этом никогда не пришлось усомниться.

В ноябре первый сектор не удержал часть своих позиций, потому что у Новикова было слишком мало сил. Начав получать подкрепления, комендант сектора использовал их очень расчетливо. Новиков умел думать за противника, угадывать и упреждать его действия. И как ни нажимали гитлеровцы, каких ни достигали частных успехов в борьбе за балаклавские высоты, наша оборона на правом фланге крепла. После ноября она на много месяцев стала здесь совершенно непреодолимой для врага.

Не сомневаюсь, что Петру Георгиевичу был знаком буквально каждый метр переднего края своего сектора. На севастопольском плацдарме все командные пункты, в том числе и дивизионные (они же секторные), располагались близко от передовой: соблюдать дистанции, рекомендуемые наставлениями, не было возможности. Но и на КП, максимально приближенном к линии фронта, Новиков не сиделось. Приедешь туда, и оказывается, что комендант сектора или в Генуэзской башне, или где-нибудь на полковом наблюдательном пункте, в батальоне.

Военкомом восстановленной дивизии снова стал А. Д. Хацкевич — опытнейший политработник, участник гражданской войны, получивший к этому времени звание бригадного комиссара, начальником штаба — подполковник С. А. Комарницкий. Кстати, штадив формировать заново не пришлось: он сохранился в прежнем составе и, пока дивизии, как таковой, не было, действовал в качестве штаба сектора.

Несмотря на увеличение собственных сил первого сектора, командарм решил пока оставить тут и полк Капитохина — 161-й стрелковый, который был переброшен в критический момент на правый фланг обороны с левого. Генерал Петров считал весьма вероятным, что при следующем наступлении немцев главные события снова развернутся вдоль Ялтинского шоссе, поскольку

здесь можно шире, чем на других направлениях, использовать танки.

Левый фланг представлялся Петрову менее опасным не только потому, что на том направлении фронт отстоял пока значительно дальше от города — в наших руках находились и Мамашай (Орловка), и Аранчи (Суворово). Там существовало такое серьезное препятствие для продвижения врага, как Северная бухта.

Как-то, не в связи с конкретными событиями, а просто размышляя о положении наших флангов, Иван Ефимович сказал:

— Допустим худшее: немцам удалось выйти к Северной бухте… Было бы невероятно тяжело, но все-таки это еще не конец, держаться еще можно, если между Северной и Балаклавой стоим прочно. А вот если танки прорвутся о юга к Дергачам — считайте, что они в городе.

В принципе это, конечно, было верно. Однако предположение, что противник повторит главный удар там, где наносил его в прошлый раз, не оправдалось.

Перед вторым штурмом

При выездах в войска я старался ближе познакомиться о новыми командирами полков. Из тех, кто командовал полками под Одессой и Ишунью, оставалось в строю уже не так много. Правда, некоторые из вновь назначенных командиров были мне знакомы.

В командование 241-м стрелковым полком в дивизии Воробьева вступил капитан Н. А. Дьякончук, недавний оператор штадива (но этому оператору под Одессой не раз доводилось лично возглавлять контратаки!). Вверили полк, пока временно, еще одному капитану — В. И. Петрашу, комбату из Чапаевской дивизий, тоже многократно отличавшемуся в одесских боях. Оба они были полны понятной при таком повышении молодой самолюбивой гордости. Но также и сознания ответственности. А недостававший опыт предстояло ускоренно приобретать в боевой работе.

Когда я знакомился с командиром 1-го Севастопольского стрелкового полка солидным, бородатым полковником береговой службы Павлом Филипповичем Горпищенко, невольно подумалось, что те капитаны годятся ему в сыновья. Горпищенко был начальником флотской школы оружия и пошел в окопы вместе со своими питомцами, которых готовил в корабельные артиллеристы. А раньше он командовал многими береговыми батареями, в том числе 19-й — той, что сейчас помогла остановить врага у Балаклавы. Но и в пехоте Горпищенко воевал не впервые: в молодости побывал рядовым царской армии, потом стал красноармейцем.

Ни внешне, ни характером этот смуглый бородач, кубанец родом, не походил на северянина Якова Ивановича Осипова — командира 1-го морского полка в Одессе. И все же чем-то его напоминал. Тот и другой прошли огромную жизненную и боевую школу. Тот и другой, встретив нынешнюю войну уже немолодыми, решили, что их место на передовой, нисколько при этом не заботясь, чтобы фронтовая должность соответствовала оставленной в тылу.

Полк Горпищенко держал оборону во втором секторе, как и морской полк майора Н. Н. Тарана — отважного командира, фамилия которого вполне соответствовала его активной, напористой натуре. Флотская форма вообще встречалась здесь часто: моряками пополнялись многие части. У коменданта сектора, командира 172-й дивизии полковника Ласкина, появился даже моряк-адъютант- богатырского сложения старшина,

выглядевший особенно внушительно рядом с невысоким худощавым комдивом.

Иван Андреевич Ласкин рассказывал, как он этого адъютанта нашел. Примечателен, впрочем, не сам факт, а обстоятельства, при которых все произошло. Вспоминая сейчас этот эпизод, я думаю о том, насколько точно, метко в мемуарах генерала П. И. Батова, знавшего комдива-172 не по Севастополю, а раньше-по сравнительно недолгим боям под Перекопом, Ласкин назван командиром переднего края. Вот уж кто действительно не мог руководить боем издалека!

В тот раз командир дивизии прибыл вечером в один полк, чтобы разобраться, почему днем не удалось удержать небольшую высотку и какие последствия имеет захват ее противником. На месте он пришел к выводу, что высотку необходимо вернуть. Того же мнения был и командир полка, опасавшийся, однако, что для этого у него не хватит сил.

Комдиву же пока не было ясно, хватит или не хватит. А задач нереальных, невыполнимых Ласкин никогда не ставил.

Что же делает командир дивизии? Он требует маскхалат, натягивает его и ползет, как рядовой разведчик, в ничейную полосу, решив лично обследовать подступы к высотке. Причем сопровождать себя никому не разрешает: до неприятельских позиций всего полтораста метров и у одного больше шансов остаться незамеченным.

На другом этапе войны, через год-полтора, подобные действия командира соединения, пожалуй, невозможно было бы и представить. Да и тогда, в конце сорок первого, они заслуживали скорее осуждения, нежели похвалы. И все же следует помнить, насколько необычной была севастопольская обстановка, то и дело заставлявшая всех нас поступать в чем-то не по правилам. А уж в использовании наличных сил требовалась такая сверхрасчетливость, что можно было простить комдиву вылазку за передний край, если она помогала Припять верное решение на бой.

Ласкин благополучно дополз до бугорка, который себе наметил, полежал там, осмотрелся и понял, как следует брать высотку, чтобы обойтись без лишних потерь, как поддержать атаку артиллерией. Удовлетворенный своей разведкой, он повернул обратно. И на полпути наткнулся в кустах на какого-то крупного человека, которого чуть не принял за перерезающего ему путь немца.

Тот шепотом представился:

— Старшина первой статьи Ляшенко. Имею приказание командира полка не упускать вас, товарищ командир дивизии, из

виду. А если что — вынести…

Когда они добрались до своих окопов, комдив уже знал, что старшина до недавних пор служил на линкоре, откуда в числе других добровольцев пошел защищать Севастополь. Здоровенный моряк приглянулся командиру дивизии, и он взял его к себе адъютантом. Прежнего комдив, не имея никого другого под рукой, только что послал чем-то командовать.

Старшина (впоследствии лейтенант) Иван Ляшенко оставался адъютантом Ласкина всю Севастопольскую оборону. Как мне известно, они и потом еще долго служили и воевали вместе.

Таким комдивам, как Ласкин или Новиков (тоже истинный командир переднего края), нужно было своими глазами видеть передовой рубеж, чтобы уверенно управлять боевыми действиями частей. Быть может, они и не задумывались над тем, что, бывая там изо дня в день, и обычно на наиболее трудных участках, в свою очередь прибавляют уверенности подчиненным. А эта сторона дела значила много.

"Мастер вселять в людей веру в свои силы" — так, помню, охарактеризовал однажды полковник Ласкин начальника политотдела своей дивизии старшего батальонного комиссара Г. А. Шафранского. Это действительно был боевой политработник и очень смелый человек. Но хочется сказать, что такого рода мастером, умевшим ободрить людей одним своим появлением на трудном участке фронта, являлся и сам полковник Ласкин.

Однажды Ласкин и военком дивизии полковой комиссар П. Е. Солонцов явились на полуокруженный наблюдательный пункт командира морского полка майора Тарана в такой момент, когда там могли ждать разве что связного, но уж никак не дивизионное начальство.

Было это на Госфортовой горе, над долиной реки Черная, где расположено Итальянское кладбище времен Крымской войны. Голая, без единого деревца гора с кладбищенской часовней на вершине представляла собой очень неспокойное место даже в периоды общего затишья. Противник многократно пытался овладеть выгодной позицией в центре обороны нашего второго сектора. Малочисленный полк Тарана, хотя на него работала почти вся артиллерия сектора, держался тут с трудом. А в тот день командир дивизии особенно тревожился за этот участок, потому что с НП Тарана, откуда тот управлял полком, прервалась связь.

Не считая возможным ждать, пока ее восстановят, Ласкин и Солонцов ночью сами пошли к Тарану хорошо знакомой им тропой, чтобы на месте выяснить обстановку и принять решение, какое потребуется. И застали полковой НП уже полуокруженным.

— Как вы сюда попали, товарищ комдив? — изумился майор Таран. — Немцы в шестидесяти метрах. У меня с трех сторон от НП лежат матросы с гранатами…

— Матросов с гранатами видел, — отвечал полковник Ласкин. — А я тут потому, что вы тут. Но объясните-ка, как вы умудряетесь управлять отсюда полком?

Ласкин с Солонцовым обошли и батальоны полка, в тот момент соответствовавшие по числу штыков, в лучшем случае, нормальным ротам. Наверное, их видел почти каждый боец, а кто не видел — услышал, конечно, об их приходе от товарищей. И как знать, не помогло ли поредевшему морскому полку продержаться еще сутки (затем сюда было прислано подкрепление), в частности, то, что ночью на Госфортовой горе побывали комдив п военком, морально поддержав оборонявших ее людей.

А полковой НП все-таки было приказано перенести в более подходящее место.

В 172-й дивизии привыкли к тому, что комдив и военком почти всюду бывают вместе. Никакой командир не обладал правом подбирать себе комиссара единственного в соединении или части человека, который ему не подчинен, в равной с ним степени за все отвечает и облечен фактически равной властью. Но если бы дать такое право полковнику Ласкину, он, не сомневаюсь, выбрал бы своим ближайшим боевым товарищем именно Солонцова.

И в других дивизиях командиры и военкомы работали, как правило, дружно. Однако эти двое как-то особенно удачно дополняли друг друга. Петр Ефимович Солонцов, кадровый политработник, незадолго до войны окончил академию. Он располагал к себе уравновешенным характером, здравой рассудительностью, за которой чувствовались ум и опыт, и, наверное, мог многое подсказать, посоветовать своему комдиву. А Ласкин, сам вдумчивый и при всей своей решительности чуждый самонадеянности, был не из тех, кто может не прислушаться к толковому совету, пренебречь правилом — ум хорошо, а два лучше.

В их отношениях нельзя было не заметить большого взаимного уважения и искреннего товарищеского чувства. Думается, эта честная, бескомпромиссная дружба двух старших начальников, двух смелых и мужественных людей, постоянно находившихся на глазах у всей дивизии, сыграла не последнюю роль в том, что среди всего ее командного состава был силен дух боевого товарищества.

К тому, как работают Ласкин и Солонцов, заинтересованно присматривался командарм. Мы вообще уделяли в то время

несколько повышенное внимание 172-й дивизии — новой в Приморской армии и к тому же только что переформированной после потерь, понесенных до Севастополя,

Состав дивизии был весьма разнородным. В одних подразделениях — их называли ротами отцов — еще преобладали бойцы старшего возраста из первоначального контингента (дивизия формировалась уже после того, как призвали более молодых запасников), в других — матросский молодняк, в третьих — вчерашние ополченцы. Одна рота состояла почти целиком из рабочих маленького заводика "Бром", находившегося на севере Крыма. Когда туда подступил враг, они все ушли на фронт, и командовал ими бывший директор завода, а политруком роты был учитель местной школы…

Нетрудно представить, какие усилия требовались от командиров и политработников, чтобы сплотить, спаять все это в единый, четко управляемый боевой организм.

— Вы знаете, — спросил как-то Иван Ефимович Петров, — что в дивизии Ласкина уже сложили свою песню? Это хорошо. И поют ее с гордостью, сегодня сам слышал.

Потом услышал эту песню и я. Начиналась она, помнится, так:

Родилась боевая в пороховом дыму
Сто семьдесят вторая дивизия в Крыму…

Под Одессой у нас имел свою песню только артиллерийский полк Богданова. За месяцы Севастопольской обороны обзавелась своей песней почти каждая часть, защищавшая город. Но "Песня 172-й стрелковой дивизии" была едва ли не самой первой.

Ради укрепления штадива 172-й пришлось расстаться с одним из лучших работников штарма — майором М. 10. Лернером, которому я совсем недавно передал оперативный отдел.

Михаил Юльевич показал себя отличным начопером, но тяготился тем, что вынужден почти безвылазно сидеть в каземате в Крепостном переулке, и все настойчивее просил перевести его в войска. Ласкин же искал возможности заменить своего начальника штаба более подготовленным товарищем и, узнав о желании Лернера, переговорил о нем с командармом. Генерал Петров сказал, что это решать Крылову. Ну а я под дружным натиском обоих заинтересованных лиц не устоял. Тем более что повышения майор Лернер, безусловно, заслуживал.

В исполнение обязанностей начальника оперативного отдела штарма вступил майор Ковтун-Станкевич.

* * *

Закончу, однако, начатый рассказ о новых командирах

полков. Все в той же 172-й дивизии к ним относился подполковник Василий Васильевич Шашло. Он заменил в 514-м стрелковом полку И. Ф. Устинова, раненного в последний день ноябрьского наступления немцев и эвакуированного на Большую землю.

Шашло попал в дивизию из погранвойск и продолжал в память о службе в них носить зеленую фуражку. На висках у него серебрилась ранняя седина. А по характеру — невозмутимо спокойный и на редкость молчаливый человек, полная противоположность темпераментному комиссару полка Осману Караеву. Комдив Ласкин, живой и общительный, признавался, что сначала ему было с Шашло трудно:

— Какую ни поставишь задачу, вопросов не задает, только и скажет: "Слушаюсь". Думаешь: да понял ли он?

Но скоро комдив убедился, что молчаливый и хмурый на вид Шашло предельно собран и просто не нуждается в излишних уточнениях, в переспросах. На его короткое "Слушаюсь" можно было положиться: понял и сумеет выполнить. А когда мне приходилось соединяться с ним по телефону, он буквально несколькими словами исчерпывающе освещал обстановку.

Понадобилось немного времени, чтобы за Шашло утвердилась в Приморской армии репутация одного из наиболее умелых полковых командиров.

Зеленую фуражку носил, разумеется, и майор Рубцов — статный, темнобровый командир сводного погранполка, который в середине ноября прочно занял позиции на правом фланге Севастопольской обороны. У Балаклавы, начиная с высоты, увенчанной Генуэзской башней, где пограничники несли дозор и до войны, их форма стала преобладающей. И, как в полку Маловского под Одессой, здесь жили по правилу: твой рубеж — та же граница, а ее, как известно, положено держать на замке.

На значительной части участка рубцовского полка передний край проходил невыгодно для нас — под высотами, где укрепились немцы. Тем не менее линия фронта тут сделалась незыблемой.

Герасима Архиповича Рубцова, командира очень волевого, отличала также высокоразвитая самостоятельность. Причем самостоятельность в лучшем смысле слова — разумная, зрелая. Вот уж кому — это он доказал быстро — можно было предоставить решать боевую задачу так, как считает выгодным он сам. Очевидно, к этому приучает вся обстановка пограничной службы. Там каждая застава отдельная часть, отряд — фактически соединение, хотя людей в нем и немного. А погранотрядом Рубцов уже командовал. Порой думалось: а ведь этот майор, если

надо, пожалуй, справился бы не только с полком!

Глубокое уважение вызывали командиры 40-й кавдивизии, ветераны первых битв за молодую Республику Советов. Не только комдив Филипп Федорович Кудюров и начштаба Иван Сергеевич Строило, но и немало других конников имели ордена Красного Знамени еще за гражданскую войну. Участвовал в ней почти весь командный состав дивизии, включая и младший. Сержантам тут, как правило, было за сорок. Солидно выглядели и бойцы — призванные из запаса кубанские станичники.

Дивизия создавалась как легкая кавалерийская, предназначалась для стремительных рейдов но неприятельским тылам. А воевать ей пришлось совсем иначе. В последнее время, под Балаклавой, уже в пешем строю. Но и в таких непривычных для них условиях конники держались хорошо: не страшились ни фланговых охватов, ни окружения, очень ценили пулемет и умели его использовать, с кавалерийским азартом ходили в контратаки, выбивая гитлеровцев с захваченных высот.

Теперь дивизия Кудюрова находилась в армейском резерве. Вместе с влитыми в нее остатками 42-й кавдивизии она насчитывала около тысячи бойцов. Сохранялись, однако, три полка со штатным числом эскадронов. Берегли уцелевших коней. Конники верили, что спешились они временно и, может быть, скоро снова будут в седле, вырвутся на простор крымской степи, развернутся там по-буденновски…

Помню разговор об этом с командиром кавполка Леонидом Георгиевичем Калужским, — тем, который отличился в памятный день 17 ноября, когда фашисты чуть не ворвались в Балаклаву. Он разделял надежды своих бойцов.

Да разве не могли они сбыться? При изменении к лучшему общего положения на юге, чего все ждали, задачей приморцев могло стать преследование противника, отходящего из Крыма.

Не без учета таких возможностей командарм Петров и считал целесообразным сохранять в малочисленной кавдивизии прежнюю внутреннюю организацию. Богатая и сейчас опытными командирами и бывалыми бойцами, она могла бы, приняв пополнение, сразу использоваться по прямому назначению.

Но пока конникам надо было, как и морякам, настойчиво осваивать тактику пехоты. Что это необходимо, в 40-й кавалерийской вполне сознавали и не теряли времени даром.

Вот уже несколько дней занимается боевой подготовкой морская бригада полковника Жидилова, выведенная, как и кавдивизия Кудюрова, в резерв командарма (кроме одного батальона, который оставили на очень ответственной позиции в третьем секторе). Планируются учебные мероприятия и в

резервных подразделениях стрелковых дивизий.

После всех переформирований в этом большая нужда. И раз противник, притихший почти на всем фронте, дает возможность немного поучиться, следует этим воспользоваться.

Отрабатывать приходится многое из азов — действия одиночного бойца и отделения в горно-лесистой местности, технику переползания по-пластунски, перебежек, самоокапывания, маскировки… И конечно, способы борьбы с танками.

Практические советы бойцам по этим же вопросам изо дня в день дает армейская газета "За Родину". Редактор Н. М. Курочкин помогает командирам воспитывать у влившегося в части пополнения веру в полевую фортификацию. В блиндаж командно-наблюдательного пункта одного батальона попало шесть вражеских снарядов, но никто из находившихся там людей не пострадал: хорошо построенный блиндаж выдержал. И газета не пропустила поучительного примера, подробно о нем рассказала.

Но учить надо не только бойцов. Так же остро, как в свое время в Одессе, встала перед нами проблема подготовки командных кадров. За месяц, на который пришлись тяжелые бои на севере Крыма и отражение первого наступления на Севастополь, в армии выбыло из строя до тысячи командиров, не считая сержантов. Заменить за счет расформированных частей и других резервов удалось лишь около трети выбывших. Рассчитывать же на то, что недостающих командиров быстро пришлют с Большой земли, трудно. Значит, оставалось готовить их самим, используя опять-таки одесский опыт. Еще в разгар ноябрьских боев Военный совет армии принял решение немедленно открыть краткосрочные курсы строевого комсостава. Курсанты — техники-интенданты из тыловых служб и отличившиеся младшие командиры. Программа предельно сжата: на учебу отпускается десять дней.

30 ноября курсы произвели первый выпуск, дав частям 28 командиров взводов. Во втором наборе — уже свыше 100 курсантов. Конечно, этого мало. Лучшим сержантам, фактически командовавшим взводом (а иногда и ротой) в бою, звание младшего лейтенанта присваивалось и без курсов. Около двухсот активных коммунистов из сержантов и рядовых были выдвинуты на политработу.

Для подготовки младших командиров стали создаваться дивизионные школы. Первую, не дожидаясь никаких указаний, организовали в тылах второго сектора Ласкин и Солонцов. Командарм горячо одобрил их начинание, а позже присутствовал на скромном торжестве выпуска.

Иметь в дивизии сержантскую школу — дело, казалось бы, обычное, естественное. Но создавать такие школы на фронте удавалось далеко не всегда, тем более в армии, обороняющей изолированный плацдарм, в осаде. И то, что в соединениях, стоящих на севастопольских рубежах, по собственной инициативе брались готовить сержантов в своей, пусть ускоренной, школе, было хорошим признаком, говорило о чувстве уверенности.

Люди убеждались, что и на пятачке не всегда одинаково жарко, что и тут бывает некоторое затишье. Боевая жизнь вдали от Большой земли входила в какие-то свои нормы, становилась привычной. А тем, кто помнил Одессу, было и не привыкать.

Размеренный распорядок работы установился на армейском КП и в штабе.

Давая отоспаться направленцам, которые весь день проводят в частях, майор Ковтун готов бодрствовать сам всю ночь, но обычно мы с ним ее делим: от полуночи до трех у телефонов сижу я, потом меня сменяет Ковтун. В шесть часов утра он докладывает обстановку командарму, после чего генерал Петров уезжает до полудня в войска. После обеда, если не назначено какое-нибудь совещание и нет особо срочных дел в штабе, еду в другие соединения я. Вечером, перед докладом командующему СОР, подводим в "каюте" командарма или в моей итоги дня.

К этому времени приезжает на КП член Военного совета армии Михаил Георгиевич Кузнецов. Он, как и в Одессе, много занимается тылами, снабжением и всем, что связано непосредственно с городом.

Вообще-то это обязанности второго члена Военного совета, а Кузнецов у нас и второй, и первый — в одном лице. Крупный партийный работник и энергичный организатор, недавний секретарь Измаильского обкома, он до войны был мало знаком с армейскими делами, тем паче с боевой деятельностью войск. И командарм не возражает против того, чтобы бригадный комиссар Кузнецов, бывая, разумеется, и во всех дивизиях, сосредоточивал основное внимание" на том, что ему ближе, — на работе наших тыловых служб. Они хоть и под боком у боевых частей, но там хватает своих специфических проблем и трудностей.

Военкомом штарма по-прежнему был полковой комиссар Яков Харлампиевич Глотов, мой сослуживец по Дунайскому укрепрайону. Душевный человек, всегда готовый о каждом позаботиться, каждому помочь, он, кажется, одним своим присутствием создавал вокруг атмосферу отзывчивого товарищества. Под стать Глотову и батальонный комиссар И. Ф. Костенко, который, пробыв некоторое время в формировавшемся полку пограничников, возвращен поармом к нам в оперативный

отдел.

Мы обжились в каземате армейского командного пункта. Мне, как и командарму, отведена "городская квартира" — комната для отдыха в одном из домиков на соседней улочке. Но туда заглядываю редко. Как ни хорош наверху свежий воздух, спится спокойнее в тесной рабочей "каюте". И не потому, что над головой толща бетона: тут рядом связь, оперативная карта, товарищи. И успел сложиться привычный быт, не лишенный даже некоторого уюта.

Ни с кем не уговариваясь, машинистка Люба Горбач, муж которой работает в нашем автобронетанковом отделе, взяла на себя на КП обязанности хозяйки. Она следит за чистотой помещения и за тем, чтобы никто не забыл побриться. Завела специальный кувшин, который наполняет рано утром горячей водой, заботится, чтобы и в ночь-полночь был для бодрствующих заваренный чай… Горбач спит в уголке каземата под звонки телефонов и гулко отдающиеся шаги, а стоит дежурному негромко сказать: "Люба, сводка!" — и через минуту она уже за машинкой.

Оперативный отдел — может быть, я к нему пристрастен — по-прежнему кажется мне самым дружным. И дело вряд ли только в том, что здесь почти все давно воюют вместе. Отдел сплочен общей обостренной ответственностью за положение на переднем крае, за то, чтобы всегда все о нем т знать, ничего не упустить, не прохлопать.

Однако всем нужна хоть маленькая разрядка. Когда я, сняв со стола рабочую карту, зову направленцев попить у меня чаю, вступает в силу наше старое для таких случаев правило: сейчас о служебных делах не говорим. Если тут удалой капитан Харлашкин, или просто Костя, как зовут его все в эти минуты, то товарищам будет чему посмеяться: у него всегда в запасе что-нибудь веселое. Легко в этом кругу и поделиться тем, что тревожит, камнем лежит на сердце.

Многие из нас не получают никаких вестей от своих семей. Шестой месяц и я не знаю, где жена и дети, что сталось с ними после того, как 22 июня в пограничном Белграде мы наспех попрощались у набитой людьми полуторки, увозившей их к железной дороге, на станцию Раздельная.

Успокаиваем друг друга тем, что, как видно, еще не наладилась работа военно-полевой почты, что письма не доходят из-за изменения адреса. Хорошо, если так.

* * *

Бывать на флагманском командном пункте флота — он же КП СОР, — находящемся у Южной бухты, довольно далеко от нас,

мне случается нечасто. Когда командарм и член Военного совета отправляются туда с ежедневным докладом командованию оборонительного района, я остаюсь старшим на армейском КП.

В Одессе отношения со штабистами-моряками были как-то ближе и теплее такие, как здесь с Моргуновым и Кабалюком, с которыми мы и живем под одной крышей, и все, что целесообразно делать сообща, так и делаем.

Из ноябрьских боев, в целом успешных, напрашивались выводы о различных недостатках в организации обороны. Мы старались извлечь уроки, касающиеся действий армии. Но возникали и вопросы, решать которые следовало бы в вышестоящем, старшем в Севастополе, штабе. Соображения на этот счет с некоторыми практическими предложениями я изложил в докладной в штаб СОР. Составляя эту бумагу, ни о чем, кроме пользы дела, не думал.

Почему-то эта докладная попала к Ф. С. Октябрьскому, которому не адресовалась, и неожиданно вернулась ко мне с его резолюцией. Мне разъяснялось, что не моя забота делать столь обобщенные выводы, давать оценки состоянию обороны. Оказывается, я вторгся куда не следует…

Всех нас, естественно, интересовали, волновали и морские дела, не отделимые в Севастополе от сухопутных уже потому, что от морских перевозок полностью зависела боеспособность армии.

Новости о том, что происходит на море и что оттуда ожидается, приносили с флагманского КП командарм и Кузнецов. О приходе кораблей, о прибывающих на них подкреплениях и воинских грузах извещал меня также начальник оперативного отдела штаба флота капитан 2 ранга О. С. Жуковский. Мы познакомились с ним в Одессе, когда готовилась ее эвакуация. Пока Жуковский находился в Севастополе, служба сводила меня с ним чаще, чем с кем-либо еще из флотского командования, за исключением береговиков.

Корабли приходили из портов Кавказа регулярно. Опасения насчет того, что присутствие неприятельской авиации на всех аэродромах Крыма сделает рейсы в Севастополь чрезмерно рискованными, к счастью, пока не оправдывались. После потопления "Армении" — транспорта, на котором в начале ноября погибли сотни эвакуируемых севастопольцев и ялтинцев, потерь на морском пути к Большой земле не было.

Для перевозок часто использовались крейсеры и эсминцы — более быстроходные, чем транспорты, и менее уязвимые. Но благополучно доходили под охраной боевых кораблей и грузовые суда, танкеры с бензином для самолетов и автомашин.

Радуясь их появлению в бухтах, тревожась за них, когда к

городу приближались вражеские самолеты, мы, конечно, сознавали, что провести сюда любой корабль из Новороссийска или Поти нелегко.

Самыми трудными считались у моряков последние перед Севастополем мили. Здесь к угрозе атак с воздуха прибавлялась возможность обстрела дальнобойными батареями и, главное, — мины. Как они сбрасываются фашистскими самолетами, иногда было видно даже с брустверa над нашим КП: в луч прожектора, освещающего цель зенитчикам, попадал вдруг парашют, спускающийся с грузом где-то за Константиновским равелином, над внешним рейдом…

Каверзные магнитные и акустические мины немцев, о которых много приходилось слышать еще в Одессе, теперь, правда, были уже не так страшны нашим кораблям, как вначале. На вооружении появились размагничивающие защитные устройства и специальные тралы. Но полной гарантии безопасного плавания все это пока не давало, тем более что противник вводил в действие новые образцы мин.

Вокруг находились также наши минные заграждения, поставленные в первые дни войны, на случай если бы враг попытался нанести по Севастополю удар с моря. Для своих судов были оставлены неширокие, обозначенные лишь на картах проходы — секретные военные фарватеры. Об их чистоте неустанно пеклись моряки из ОВР охраны водного района, которую возглавлял контр-адмирал В. Г. Фадеев, всем в главной базе флота известный.

Маленькие кораблики ОВР — такие катера, как тот, на котором мне довелось идти в октябре из Одессы, и разные другие — встречали и провожали каждое приходящее в Севастополь судно. По ночам катера, а в тихую погоду и шлюпки, расходились по фарватерам и караулили падение мин, чтобы поточнее обозначить буйками места, где они легли на дно.

Рассказывали, что, когда буйков выставлялось много, контр-адмирал Фадеев переходил со своего командного пункта в Стрелецкой бухте на рейдовый пост у Константиновского равелина и оттуда, имея все "поле боя" перед глазами, сам руководил обезвреживанием засеченных мин. Уничтожали их различными способами. Иногда пользовались и таким: сторожевой катер, на борту которого находились только добровольцы, маневрировал на больших ходах в районе падения мины, шумом винтов вызывая ее взрыв. Рассчитывали тут на то, что, приведя механизмы мины в действие, катер за остающиеся до взрыва секунды успеет отдалиться настолько, чтобы не погибнуть. И это действительно удавалось. Но сильнейшее сотрясение не

проходило бесследно ни для механизмов, ни для людей. Нормальным считалось, если с катера, после того как опадал скрывший его на мгновение столб воды, передавали на рейдовый пост: "Тяжелораненых нет, ход имею…"

Так расчищали путь большим кораблям скромные герои севастопольских фарватеров.

Все приходящие крейсеры и эсминцы, даже если их стоянка ограничивалась несколькими часами, немедленно включались в общую систему артогня оборонительного района. Как только корабль ошвартуется, на борт передают специальный телефон, через который поступают целеуказания и корректура. Непосредственно управляет огнем кораблей флагманский артиллерист флота капитан 1 ранга А. А. Рулль. А распределение целей Рыжи и Ковтун обговаривают с Жуковским.

Нарком Военно-Морского Флота, как дошло до нас, потребовал от черноморцев использовать корабельную артиллерию под Севастополем шире, в частности, для уничтожения подтягиваемых к фронту, накапливаемых для нового наступления неприятельских резервов.

В одну из ночей в последних числах ноября из Поти пришел флагман Черноморского флота — линкор "Парижская коммуна". К этому времени разведка установила, что в ряде пунктов в районе Байдарской долины сосредоточиваются части новой, переброшенной из-под Харькова 24-й немецкой пехотной дивизии. Туда и решили направить огонь двенадцатидюймовых орудий линкора.

Стрелял он, не входя в бухту, с огневой позиции у мыса Феолент — от нашего КП по прямой километров пятнадцать, если не больше. Мы поднялись наверх, и картина стоила того. Хотя самого корабля видно не было, от могучих линкоровских залпов над морем вспыхивали грозные зарницы, потом докатывался басистый грохот выстрелов, и очень нескоро — слитный звук далеких разрывов.

Наверное, эту полуночную стрельбу видели или слышали все по обе стороны севастопольского фронта. Немцы на огонь не отвечали, притихли. Будь это днем, при летной погоде, подняли бы небось бомбардировщики со всего полуострова…

Во втором часу богатырская канонада смолкла, и линкор скрылся в ночной дали. Утром Николай Кирьякович Рыжи сообщил, что общий вес выпущенных кораблем снарядов около 80 тонн. О том, какой урон нанесен противнику, судить было пока трудно. Флотские корпосты разместились в эту ночь на самых высоких из доступных нам вершинах, полевые батареи помогали им осветительными снарядами. Однако стрельба

корректировалась лишь частично, а в основном велась по площадям.

Следующей ночью огонь по дальним целям вел крейсер "Красный Крым", много раз поддерживавший приморцев под Одессой. Его командир капитан 2 ранга А. И. Зубков искусственно накренил корабль, перекачав мазут из одних цистерн в другие, и увеличил этим угол возвышения орудий, что позволило бить дальше обычного.

Стрельбы крупных кораблей поднимали настроение и на переднем крае обороны, и в городе. Сам тот факт, что такие корабли могли прийти и приходили на помощь Севастополю, говорил людям убедительнее всяких слов: Черное море остается нашим, господствует на нем наш флот!

…Когда отмечалось 25-летие обороны Севастополя и мне была оказана честь сделать доклад на состоявшейся в городе военно-исторической конференции, я мог сказать, что у командования Приморской армии никогда не вызывали беспокойства фланги, упиравшиеся в море. Мы не опасались удара с моря в тыл нашим войскам.

* * *

В журнале боевых действий армии появилась запись, не относящаяся к положению на нашем участке фронта: "Командарм потребовал от всех командиров и комиссаров дивизий, бригад и полков, чтобы все до одного бойцы знали о разгроме немецко-фашистских войск под Ростовом".

Там, у ворот Кавказа, произошли знаменательные события. Гитлеровцы, захватившие Ростов, смогли продержаться в нем лишь неделю и были отброшены с огромными потерями на рубеж реки Миус.

А на другом конце фронта, вблизи Ленинграда, продолжается наше контрнаступление под Тихвином.

Люди живут этими радостными известиями, проникаются уже не надеждой, а уверенностью, что вот-вот, в самые ближайшие дни, наша возьмет и под Москвой, что иначе просто не может быть. Как хочется всем верить, что близится или уже настает общий решительный перелом в ходе войны!

Некоторые наши товарищи начинают даже сомневаться, будут ли фашисты еще раз наступать на Севастополь. До того ли, мол, им теперь?

Особой активности противник действительно не проявляет, ограничиваясь методическим обстрелом наших позиций и разведкой мелкими группами автоматчиков. В отдельные дни над городом совсем не показываются вражеские самолеты. Наша разведка не обнаруживает их и на крымских аэродромах: должно

быть, летают к Ростову…

Однако начальник разведотдела майор В. С. Потапов абсолютно уверен: ни одной наземной части — пехотной, артиллерийской или иной — противник из-под Севастополя не снял. Наоборот, на усиление сосредоточенной против нас группировки перебрасывается сюда из района Керчи еще по крайней мере одна пехотная дивизия, а возможно, и две. (Как потом подтвердилось, перебрасывались две — 73-я и 170-я, но первую Манштейну все-таки пришлось направить затем под Ростов.)

Мы, конечно, не могли знать, что Гитлер, вынужденный отдать в начале декабря приказ о переходе на востоке к стратегической обороне, одновременно потребовал от Манштейна взять Севастополь в кратчайший срок. Но понимали, что в создавшейся обстановке гитлеровское командование приложит все силы, чтобы поскорее высвободить свои войт ска, застрявшие в Крыму.

И все же противнику, по-видимому, приходилось откладывать новое наступление на Севастополь.

Передышку стараемся должным образом использовать. Интенсивно идут фортификационные работы. Дополнительно минируются подступы к переднему краю (до тысячи мин в сутки, в основном противотанковых, поставляет городской спецкомбинат). Проверяем размещение артнаблюдателей и всю систему взаимодействия артиллерии с пехотой.

Во всех секторах организованы тренировки по вызову полком, батальоном, ротой огня не только тех батарей, которые их постоянно поддерживают, но и от соседей, а также артиллерии усиления. Чтобы результаты были виднее, на некоторые тренировки отпускается по два-три боевых снаряда.

На случай нарушения централизованного управления артиллерией обеспечиваем дивизиям и бригадам прямую связь с армейскими артполками и береговыми батареями. С телефонным кабелем стало легче: вывезенная из Одессы мастерская (у начальника тыла она числится как "кабельный завод") заработала и дает 25 километров в сутки. В другой мастерской переделывают городские телефонные аппараты на полевые.

Наблюдать за противником и выявлять цели для артиллерии в глубине его позиций очень мешает то, что почти всюду командные высоты близ линии фронта не у нас. Но оказалось, что иногда возможно туда добраться и даже закрепиться там.

Самой высокой точкой, где мог поместить наблюдателей начарт второго сектора майор Золотов, была часовня Итальянского кладбища на Госфортовой горе. Однако оттуда не

просматриваются глубокие лощины, по которым немцы подтягивают к передовой резервы. А напротив, по ту сторону фронта, — гора повыше, причем не голая, как Госфортова, а заросшая густым лесом. Значит, думал, глядя на нее издали, Золотев, замаскироваться там можно…

За смелую идею начарта выдвинуть пост артиллерийского наблюдения на территорию, занятую противником, в секторе ухватились. И вот полковник Ласкин доложил: артнаблюдатели на лесистой вершине сидят, им хорошо видны ближние тылы немцев на большом участке. Такие возможности бывают, наверное, только в горах!

Пост на этой высоте очень важен для нас. Приказано его по мелочам не использовать, беречь для управления огнем в серьезных боях.

Но то, что можем мы, может и противник. Характер местности заставляет вдвойне и втройне заботиться о надежности стыков между дивизиями и полками, к которым не случайно проявляют интерес немецкие разведгруппы, ищущие, где у нас слабина. На проверку стыков нацелены направленцы оперативного отдела. Иногда, если локтевого контакта не обнаруживается, им приходится "сводить" соседей по фронту.

За последние недели сильно обновился состав штабов, особенно полковых, там недостает опытных командиров, и это дает себя знать. Кое-кому не хватает умения (да и привычки) постоянно и настойчиво, без подталкивания, изучать противника.

Что и говорить, штабная культура приобретается нелегко. Но на войне учатся быстро. Отлично работает, например, капитан П. А. Бровчак, молодой начштаба 287-го стрелкового полка — того, которым под Одессой временно командовал, еще в звании капитана, наш Ковтун. Здесь и за стыками присмотрено, и с артиллеристами полное взаимопонимание, а о противнике доложат больше и конкретнее, чем ожидаешь. Работу штаба этого полка с удовлетворением ставим в пример другим.

Инициативно ведет разведку на своем участке 8-я бригада морской пехоты, еще недавно имевшая меньше практического фронтового опыта, чем какая-либо часть под Севастополем. По просьбе командира бригады В. Л. Вильшанского начальником штаба туда переведен майор В. П. Сахаров, бывший начопер 95-й дивизии.

Командарм часто заезжает к Вильшанскому, поощряет его стремление быть в обороне активным, не давать врагу покоя. В конце ноября 8-я бригада вновь предприняла по собственному почину — конечно, с ведома штаба армии — разведку боем несколькими ротами, которая, как и в прошлый раз,

использовалась также для улучшения своих позиций. Морские пехотинцы доказывают, что последнее возможно и на таком участке фронта, где у противника весьма значительный перевес в силах.

К вылазкам моряков Вильшанского генерал Петров неоднократно возвращался в наших разговорах на КП.

— Очень хорошо, что они учатся наступать, — говорил Иван Ефимович. — Пора нам и в боевой подготовке уделить больше внимания активным действиям, найти возможность учить роту, батальон тактике наступления.

Данные разведок той же 8-й бригады и других частей подтверждают, однако, что и немцы готовятся наступать. Видимо, они чего-то выжидают. Может быть, стабилизации положения под Ростовом.

В первых числах декабря я побывал в четвертом секторе, у генерал-майора В. Ф. Воробьева, с которым не виделся с начала ноябрьских боев. Его КП за Братским кладбищем, в усадьбе совхоза имени Софьи Перовской (бывший директор совхоза В. В. Красников командовал теперь партизанским отрядом в горах, поддерживая связь с нами).

С Василием Фроловичем Воробьевым, как обычно, говорили не только о служебных делах, которые меня к нему привели.

Вспомнили Гавриила Даниловича Шишенина, первого начальника штаба Приморской армии, а для Воробьева, кроме того, товарища по курсу в двух военных академиях. Повод для воспоминаний был невеселый. На днях до нас дошло, что генерал-майор Шишенин — он возглавлял в последнее время штаб 51-й армии П. И. Батова, обороняющей Кубань, — погиб где-то между Таманью и Краснодаром, далеко от фронта: прорвавшиеся "мессершмитты" перехватили У-2, на котором он возвращался из частей к себе в штаб. Крупный штабной работник, ветеран Красной Армии, прослуживший в ее рядах всю свою сознательную жизнь, отдавший все силы, чтобы справиться с неудачами первых тяжелых месяцев войны, оказался в числе уже многих-многих, кто, беззаветно веря в нашу победу, сам не увидел даже ее зари…

Под Севастополем генералу Воробьеву не пришлось сходу вводить свою дивизию в бой, как Ласкину или чапаевцам. После того как была отбита попытка врага прорваться к городу со стороны Дуванкоя, четвертый сектор, особенно его левый, приморский, фланг надолго стал наиболее спокойным местом на фронте СОР. Тут имелось больше, чем где-либо, возможностей осмотреться и подготовиться к будущим боям.

И сделали здесь немало, прежде всего по инженерному

оборудованию рубежей.

Позиции дивизии выглядели хорошо обжитыми. Василий Фролович — в этом нельзя не отдать ему должного — умел позаботиться о фронтовом быте бойцов. Землянки во взводах добротные, теплые. Если позволяет обстановка, ночью в окопах могут оставаться одни караулы с пулеметами. Для печурок организованно заготовляется топливо, в дивизионных тылах работают бани. Там же шьют из старых шинелей рукавицы и ушанки — тех, что доставляют армейские интенданты, не хватает.

Полки 95-й дивизии основательно пополнены (правда, далеко не до полного штата, как и остальные). Но Воробьева беспокоит, что полк Капитохина, взятый на правый фланг армии, все еще находится там. Командарм обещал Воробьеву вернуть полк, однако пока это откладывается. Иван Ефимович продолжает считать, что, когда противник перейдет в наступление, резервы нам понадобятся, вероятнее всего, у Ялтинского шоссе, как и в прошлый раз. Ясности насчет того, где планирует теперь противник главный удар, у нас, к сожалению, нет.

Что касается четвертого сектора, то генерал Петров находит возможным при благоприятных условиях несколько расширить именно на этом направлении наш плацдарм наличными силами. Мыслится, что составной частью наступления с ограниченными целями на левом фланге явится высадка за Качей небольшого десанта с моря. Предварительные указания от командарма Воробьев уже получил и начал готовиться.

Сама мысль о наступательных действиях, пусть пока только для улучшения позиций, поднимает у людей дух. Едва заговорили об этом, воодушевился и Василий Фролович. Подойдя к карте, он размечтался о том, как можно, если Южный фронт продвинется от Миуса дальше на запад, а Черноморский флот высадит десанты, окружить в Крыму всю армию Манштейна…

Всем хочется скорее поддержать удары, которые Красная Армия наносит врагу на других фронтах.

* * *

Передышка на фронте сразу сказалась на городе. Даже когда просто проезжаешь через него по пути в войска, нельзя не заметить, насколько оживленнее стало на улицах.

Переселение жителей Центрального района в подземные убежища не отменено, для этого нет оснований. Повсюду роют новые щели, чтобы укрытие всегда было близко, где бы ни застал человека воздушный налет или артиллерийский обстрел. Но завалов, возникших при больших ноябрьских бомбежках, уже почти не видно, воронки, мешавшие движению, засыпаны. Открылись многие магазины, парикмахерские. Только витрины

заложены мешками с песком.

Однажды, проезжая центральными улицами, я увидел трамвайный вагон. Не стоящий с разбитыми стеклами под оборванными проводами, как было недавно, а двигающийся. Что это значило тогда для севастопольцев, мне и не передать!

Конечно, с передовой в город могли попасть немногие. Но о том, как он живет, рассказывают фронтовикам и сами горожане. У соединений армии (так было и под Одессой) наладился обмен делегациями с предприятиями ближайшего городского района.

По старой привычке гостей из города называют в войсках шефами. Однако дружба, которая завязывалась в Севастополе между гражданскими и воинскими коллективами, шла куда дальше прежнего шефства, значила много больше. Потом в горячие дни обороны не раз бывало, что севастопольцы, пришедшие проведать подшефное подразделение на его рубеже, участвовали вместе с ним в бою, заменяли выбывших из строя стрелков, пулеметчиков, медсестер. Командир танкового батальона, посылая в ремонт поврежденную машину, мог запросто попросить, чтобы в мастерских подобрали и надежного парня на смену убитому или раненому механику-водителю.

А пока на передовой было не очень жарко, туда добирались и школьники передать бойцам подарки, порадовать их самодеятельным концертом. Помню случай, когда такой концерт, устроенный в сарайчике недалеко от передового рубежа, всполошил немцев. Бойцы, восторженно принимавшие выступления ребят, после какого-то номера программы грянули "ура", которое донеслось до вражеских позиций. Оттуда открыли наугад минометный огонь. К счастью, никто не пострадал.

Самые будничные факты из жизни Севастополя в осаде приобретают, доходя до войск (в этом неоднократно доводилось убеждаться), огромную агитационную силу. Да и на командном пункте армии известия из города, касающиеся чего-нибудь совершенно обыденного по прежним понятиям, часто вызывают восхищение и гордость.

— В Севастополе возобновляются занятия в школах! — сообщил кто-то в начале декабря.

Школьные занятия были прерваны месяц назад, когда враг оказался на подступах к городу, а Приморская армия еще пробивалась к нему через горы. Теперь городской комитет обороны решил открыть восемь школ в подготовленных для них подземных помещениях.

А в здании, где помещалась одна из школ раньше, оборудовали мельницу, в которой очень нуждались и город, и армия: хлебный запас, созданный в Севастополе до осады, был в

зерне. В это же время городской комитет обороны обеспечил пуск макаронной фабрики, и ее продукция также шла и населению, и войскам.

Много интересных городских новостей приносят на КП член Военного совета Михаил Георгиевич Кузнецов, постоянно поддерживающий связь с комитетом обороны и другими севастопольскими организациями, и комиссар штарма Яков Харлампиевич Глотов. Но командарм и сам заезжает, возвращаясь из частей, то на спецкомбинаты, то к железнодорожникам, то к рыбакам. Стремление Ивана Ефимовича Петрова как можно больше охватить собственным глазом на фронте и в тылах обороны распространяется и на город, где фактически каждый трудовой коллектив чем-то помогает армии.

Железнодорожники давно уже работают только для фронта. В их мастерских изготовляется и ремонтируется оружие. В ноябре единственным составом, уходившим со станции Севастополь, был бронепоезд "Железняков". Однако скоро сможет отправляться еще один — без пушек и брони, но тоже очень нужный: генерал Петров подал идею оборудовать для обслуживания фронтовиков поезд-баню, с тем чтобы подавать его (пути это позволяют) по ночам в войсковые тылы.

А в колхоз "Рыбацкая коммуна", расположенный в черте города, на Северной стороне, командарма в первый раз привела заявленная рыбаками претензия. Кто-то из наших тыловиков, не в меру разворотливый, употребил их сети для маскировки своих складов: все равно, мол, рыбу пока ловить не будете, никто вас из бухты, под огонь, не выпустит!

Рыбаки действительно с некоторых пор в море не выходили. Обычные их места лова — у Качи — стали недоступны: рядом враг. Но можно, утверждали они, найти другие, например у Херсонеса. А рыба — большое подспорье и городу, и армии.

Снасти колхозу были возвращены. Рейдовая служба получила от адмирала Октябрьского приказание выпускать рыбацкие суда из бухты. Ну а рыбу рыбаки нашли. И стали добывать ее десятками и сотнями центнеров среди минных полей, нередко под артиллерийским обстрелом, а иногда подвергаясь и атакам "мессершмиттов" (генералу Острякову случалось специально для прикрытия баркасов "Рыбацкой коммуны", выбирающих сети с уловом, поднимать в воздух истребители).

Во время лова бывали и потери — убитые, раненые, как бывали они в Севастополе везде, кроме разве надежно укрытых подземных цехов. Но рыбаки уходили за камбалой и хамсой вновь и вновь, лишь бы позволяла погода. Этот коллектив мужественных людей, большей частью пожилых, возглавляли

председатель колхоза И. Е. Евтушенко и парторг П. И. Котко, они же — руководители одного из участков МПВО Северной стороны.

Продолжала наперекор врагу заниматься своим делом и артель рыбаков, существовавшая в Балаклаве, — потомки описанных Куприным в его "Листригонах"… А там условия еще тяжелее.

Если подчас трудно провести границу между фронтом и тылом в Севастополе, то что сказать о Балаклаве? Улочки этого городка, прилепившиеся к уступам горы над маленькой бухточкой, гитлеровцы, захватив гребни соседних высот, могли обстреливать не из дальнобойных орудий, а из минометов, пулеметов, автоматов…

Без крайней необходимости в Балаклаву машины ходили лишь с наступлением темноты. Я, когда бывал в первом секторе обороны, видел ее обычно ночью. Но какова обстановка в городе днем, представить мог и невольно спрашивал себя: как же все-таки живут там люди, почему те, кто не связан с этим местом долгом службы, не переселятся хотя бы в Севастополь?

Не знаю точно, сколько жителей осталось в Балаклаве из прежних пяти-семи тысяч, но городок, простреливаемый оружием ближнего действия, обитаем. Остановились местные предприятия, вышел из строя водопровод, вместо улиц надо ходить по проложенным по дворам тропинкам и траншеям. Однако часть населения, несмотря ни на что, не покинула родного крова.

Рыба балаклавского улова (ловля ее тут сводится иногда к тому, что рыбаки после очередного минометного обстрела просто собирают оглушенную кефаль, которой богата их бухточка) доставляется и в Севастополь. А жены рыбаков, принося воду из далеких колодцев, куда можно дойти только в темноте, стирают белье бойцам рубцовского полка, занявшим оборону в нескольких сотнях метров от рыбацких домиков.

Обслуживает бойцов маленькая, защищенная скалой парикмахерская. Работают хлебопекарня, баня. И даже школа в Балаклаве действует в штольне рудоуправления. Там же, почти на линии фронта, открыта детская кухня… Это и по севастопольским меркам казалось чем-то исключительным. Но так было.

В подвале бывшего клуба Эпрона (до войны в Балаклаве находилась известная эпроновская школа водолазов) поместился гражданский штаб обороны, связанный полевым телефоном с командными пунктами ближайших батальонов. Штаб ведает в городе всем, заботится, чтобы в нем могла продолжаться жизнь, и готов в любую минуту подать сигнал, по которому все, кто

способен держать оружие, присоединятся к. бойцам, а остальные должны будут покинуть Балаклаву.

В критические дни ноября до этого чуть не дошло. Но и без такого сигнала в боях участвовало немало жителей городка. Недаром в первых списках награжденных защитников Севастополя среди имен отличившихся командиров и бойцов стояло имя балаклавской комсомолки Любы Харитонской, удостоенной ордена Красного Знамени.

Севастополь узнал за эти недели многих женщин-героинь. В 25-ю дивизию вернулась из госпиталя и снова командует расчетом "максима" раненная под Одессой Нина Онилова — девушка, истребившая уже сотни фашистов. Продолжает увеличивать личный счет уничтоженных врагов снайпер Людмила Павличенко. В бригаду Жидилова пришла начмедом врач с Корабельной стороны А. Я. Полисская. Отправив на Большую землю детей, она добилась назначения именно в эту часть, чтобы заменить мужа, военного врача, погибшего в боях на севере Крыма…

А на Историческом бульваре, возле Панорамы, занимаются по вечерам строевой и тактической подготовкой женские добровольческие роты — единственные подразделения городского ополчения, которые, несмотря на настойчивые просьбы их бойцов, не влиты пока в состав действующих частей.

Женщины составляли в то время большую часть гражданского населения города. Так что во всем, что в Севастополе делалось — и для поддержания жизни в нем самом, и в помощь обороне, — им принадлежала, без всякого преувеличения, решающая доля самоотверженного труда.

И среди женщин, не ставших пулеметчицами или снайперами, тоже появились настоящие героини.

В декабре мы узнали из местной газеты об Анастасии Чаус. Это была 25-летняя штамповщица консервного завода в Симферополе. Спасаясь от гитлеровцев, она добралась до Севастополя, встала к станку, чтобы штамповать детали для гранат. Чуть не на следующий день, продолжая работу во время воздушного налета, была тяжело ранена осколком бомбы, в результате чего лишилась левой руки. Но, выйдя через четыре недели из больницы, Чаус наотрез отказалась эвакуироваться, уверяя, что лишней во фронтовом Севастополе не будет. Не без колебаний ее приняли на спецкомбинат на такую же работу штамповать детали гранат. И по прошествии нескольких дней она выполнила за смену две нормы. Потом стала давать и по три…

Некоторое время спустя командарм Петров вручил Анастасии Кирилловне Чаус орден Красной Звезды. Трудовой подвиг этой

работницы сделался как бы символом несгибаемой стойкости жителей Севастополя, мирных граждан, не уступающих в доблести бойцам.

Не могу не вспомнить и тех женщин, чьи патриотические дела выглядели, может быть, более скромно, не приносили им такой широкой известности, но вызывали огромную признательность наших бойцов.

Чей это был почин, кто организовал в Севастополе первую женскую бригаду помощи фронту — назвать не берусь. Наверное, свои первые нашлись бы в каждом районе города, на каждой его окраине, откуда рукой подать до рубежей обороны. Эти бригады вызывала к жизни материнская забота о солдатах и матросах, которые совсем близко сражаются за Севастополь, которым нужно что-то постирать, починить, заштопать, сшить… Этим и занялись сотни немолодых женщин, кому не под силу было встать к станку или взять в руки оружие.

Домохозяйка из пригородной Буденновки Мария Лукьяновна Анисимова попросила красноармейцев вмазать у нее во дворике найденный ею где-то старый котел и, подбив на доброе дело соседок, пустила в ход домашнюю прачечную, которая стала обслуживать несколько зенитных батарей.

На окраинной Керченской улице такой же котел установили во дворе у Марии Тимофеевны Тимченко — матери трех фронтовиков, внучки участника первой Севастопольской обороны. Здесь женщины со всей улицы стирали белье богдановцам. Они же, узнав, что тыловики не управляются заготавливать маскхалаты, взялись общими силами шить их для дивизии Ласкина, притащив два десятка швейных машинок в самый просторный подвал.

В другой самодеятельной мастерской, на квартире у Лидии Алексеевны Раковой, начали шить для бойцов теплые шапки, сперва из материала, раздобытого самими, а когда мастерскую признали интенданты, из казенного. Тот, кому доставалась сшитая тут ушанка, находил в ней записку: "Носи, дорогой, и будь невредим!" Где-то еще пряли шерсть (один старик изготовлял веретена), вязали варежки с двумя пальцами, как нужно для стрелков…

Бригады помощи фронту возникали во всех концах города, при каждом крупном убежище. Армейские хозяйственники стали обеспечивать швей тканью и прикладом, прачек — мылом. Из бани на Корабельной стороне, обслуживавшей по ночам фронтовиков, шоферы везли белье в стирку по знакомым уже адресам, забирая там чистое. Ни о какой плате за работу не было, разумеется, и речи.

— Слыхали, как называют бойцы женщин, которые их обстирывают и обшивают? спросил как-то командарм. — Фронтовыми хозяйками! А их, добровольно работающих на нашу армию изо дня в день, как мне сказали в городском комитете обороны, уже не меньше полутора тысяч. Это войдет в историю, обязательно войдет!

Фронтовые хозяйки… Так, пожалуй, не назвали бы тех, кто хоть и много делает для бойцов, однако лично им не знаком. Женщины из бригад помощи фронту бывали на позициях батарей, в окопах, в дотах, чинили на месте порванное обмундирование, наводили уют в землянках, выспрашивали у солдат и старались заметить сами, в чем еще есть нужда. Главных хозяек, активисток этого замечательного движения, знали в "своих" частях едва ли не все поголовно, как, например, Марию Тимофеевну Тимченко в 172-й дивизии.

Темпераментный комиссар Осман Асанович Караев с чувством, сам вновь это переживая, передавал мне, как комдив Ласкин представлял Марию Тимофеевну командирам полков и как выступала она у них в подразделениях 514-го стрелкового. О том, какое впечатление производили выступления Тимченко, слышал я и от артиллеристов-богдановцев. Эта домашняя хозяйка, вряд ли произносившая когда-нибудь публичные речи, говорила о войне, о Севастополе, о своей ненависти к врагу так, что ее негромкие слова зажигали бойцов. Подняв автоматы, они клялись ей: "Пока мы живы, мать, фашистским гадам в Севастополе не быть!"

Мои записки посвящены прежде всего действиям армии. Читатель не может ждать от них сколько-нибудь полного освещения того, как жил и трудился город. Все, что я рассказываю здесь о севастопольских женщинах, лишь маленькая частица их благородного подвига, совершавшегося у нас на глазах с первых дней обороны. Но хотелось бы передать, насколько действенной, близкой, ощутимой для каждого бойца была их помощь армии.

Еще несколько слов об одной фронтовой хозяйке.

На Малаховой кургане мы проверяли готовность к стрельбе новой батареи, орудия для которой сняли с "Червоной Украины". Заглянули и в блиндажи артиллеристов, оборудованные вблизи орудийных двориков. А там внутри все побелено, как в хорошей хате. Видно, домовитый на батарее старшина! Но краснофлотцы внесли ясность: "Это хозяйка наша постаралась…"

Оказывается, эта женщина приходила на Малахов курган, потому что здесь дежурил ее муж, наблюдатель МПВО, носила ему еду. А когда на курган перебрались артиллеристы, помогала им устроиться, стала готовить обед, стирать белье. И не покидала

своего добровольного поста ни при бомбежках, ни при обстреле, перевязывала раненых. Так она и хозяйничала тут всю оборону.

Эту женщину звали Александра Ивановна Вдовиченко. На историческом Малаховом кургане, твердыне первой обороны, она, быть может, ступала — в самом прямом смысле слова — по следам знаменитой Даши Севастопольской. В советском Севастополе появились тысячи таких неустрашимых Даш.

В Севастополе уделялось много внимания тому, что потом стали называть гражданской обороной. Здесь настойчиво, последовательно готовили население к возможной войне, пусть представляя ее и не совсем такой, какой она сюда пришла.

Постепенно мы узнали об этом немало примечательного. Да и с самого начала сталкивались с фактами, свидетельствовавшими, если можно так выразиться, об оборонной предусмотрительности городских руководителей.

Для развертывания сети артиллерийских наблюдательных постов нам не хватило радистов. Узнав об этом, заведующий военным отделом горкома партии Иосиф Попович Бакши сказал:

— Радистов найдем!

И прислал шестьдесят человек — больше, чем в тот момент было нужно, причем неплохо подготовленных. Произошло это много времени спустя после мобилизации запасников, уже после того как в наши соединения влились ополченцы и ушли в армию даже сами работники горвоенкомата (потому изыскивать дополнительные резервы мог только военный отдел горкома).

Или такой факт: Севастополь оказался в состоянии дать армии более 800 обученных медсестер, сотни санитаров.

Высокой подготовленностью отличался состав местной противовоздушной обороны, бойцами которой были около 5 тысяч рабочих, служащих, домашних хозяек. В учениях МПВО — а они в последние год-полтора перед войной устраивались тут часто — участвовало практически все население. Городская система МПВО включалась, помимо того, и в учения флота. Люди привыкали к тревогам.

В городе, насчитывавшем немногим более 100 тысяч жителей, было 50 тысяч осоавиахимовцев. Тут работали в мирное время школы и клубы, готовившие связистов, шоферов, снайперов, специалистов для флота, учившие защите от бомб и газов, тушению пожаров, оказанию первой помощи… Не нужно объяснять, как пригодились эти знания тем, кто ушел на фронт. А оставшиеся в Севастополе смогли увереннее чувствовать себя на дежурствах при воздушных налетах, в заводских и уличных группах самозащиты, в разных других отрядах и командах гражданских, но с военной дисциплиной и частично

находившихся на казарменном положении.

Понадобилась, например, команда по очистке города от неразорвавшихся авиабомб, и сразу нашлись гражданские люди, добровольцы, достаточно к этому делу подготовленные, — команда инженера Козлова.

Неразорвавшихся бомб уже за ноябрь набралось довольно много, причем крупных, зарывшихся глубоко в землю.

Подумали мы: может быть, это помогают нам неведомые друзья во вражеском стане. Но, очевидно, бомбы не срабатывали просто из-за каких-то дефектов, а были и замедленного действия…

Откапывали бомбы в нелетную погоду, когда не могла начаться бомбежка. Оповещенные жители окрестных кварталов уходили в убежища. Опасная работа завершалась тем, что машина со смертоносным грузом, предваряемая подвижным оцеплением милиционеров, медленно проходила — иногда через весь город — к оврагу за Воронцовой горой, где бомбу взрывали. Впоследствии самоотверженные люди из этой же команды стали разоружать отдельные бомбы, чтобы дать спецкомбинату взрывчатку для лишней партии гранат.

Героическое становилось в Севастополе будничным. Не допустить ни одного случая малодушия — это сделалось повседневной практической задачей, которая ставилась комитетом обороны перед всеми руководителями, перед партийным и комсомольским активом. А активистами считались все оставшиеся в городе коммунисты и комсомольцы. После того как все, кого было можно отпустить, ушли на фронт, их осталось немного. Из справки, лежащей передо мной, видно, что, например, в Корабельном районе, куда входили спецкомбинат № 1 и обе городские электростанции, состояло на учете 188 членов и кандидатов партии. До девяти человек был сведен штатный аппарат горкома, являвшийся одновременно аппаратом городского комитета обороны, по пяти-шести работников оставили в каждом из трех райкомов. Но как ни поредели ряды Севастопольской парторганизации, она находила и силы, и соответствовавшие обстановке формы работы, чтобы охватить своим влиянием все в городе.

Каждое убежище, куда переселились жители нескольких домов, рассматривалось не только как укрытие от бомб и снарядов, но и как место, где надо сколотить коллектив, способный стойко переносить осадные невзгоды, не чувствуя себя оторванным от остального города. Была создана деятельная комиссия по работе в убежищах во главе с одним из секретарей Северного райкома Е. П. Гырдымовой. В каждое из них

назначались общественный комендант, политический руководитель, прикреплялся врач. Продумывалось, как создать на аварийный случай запас воды, как организовать выпечку лепешек, если опять выйдет из строя хлебозавод и придется какое-то время выдавать паек мукой…

А как были настроены севастопольцы, пережившие уже один штурм, переселявшиеся в ожидании второго в подземелья, красноречиво говорит тот факт, что и люди, непосредственно с обороной не связанные, те, кому находиться в осажденном городе не было необходимости, да и просто не следовало, покидали его, как правило, неохотно. Об этом часто рассказывали партийные работники, бывавшие у нас на КП.

В течение ноября все-таки было эвакуировано на Кавказ еще более 26 тысяч человек. Как утверждали моряки, корабли, приходившие за это время, могли бы взять больше. Уезжали главным образом жители других мест Крыма, нашедшие в Севастополе временный приют. Коренные севастопольцы нередко воспринимали предложение эвакуироваться как обиду, даже как незаслуженное недоверие к ним, спрашивали: "За что?"

От нашего начальника связи майора Л. В. Богомолова, имевшего дело с гражданскими связистами, я услышал о таком случае. Монтер телефонной станции снимал в какой-то освобождавшейся квартире аппарат и прихватил оставленную там банку варенья. Товарищи по работе, уличив его в этом, потребовали, чтобы провинившийся был удален из города. Они считали, что участвовать в обороне Севастополя или содействовать ей, работать в этом городе — честь, которой достоин лишь человек, ничем себя не запятнавший.

Иногда и городские руководители, давая кому-нибудь то или иное задание, предупреждали: "Не справишься — отправим из Севастополя…"

Вот какая атмосфера была в городе.

* * *

Пришли наконец радостные вести из-под Москвы. Поздно вечером 12 декабря по радио передали сообщение Совинформбюро о провале немецкого плана окружения и взятия советской столицы. Наши войска, перешедшие в контрнаступление, освободили под Москвой сотни населенных пунктов, в том числе Михайлов, Истру, Солнечногорск…

Радиоприемников в соединениях было немного, но в течение какого-нибудь часа волнующее известие облетело весь наш фронт: об этом позаботились политработники, коммунисты.

— Все знают и торжествуют! Никто не спит! — отвечали с командных пунктов, с которыми мы связывались после полуночи

по телефону.

Поднимало настроение в войсках и прибытие подкреплений с Большой земли.

После того как СОР во второй половине ноября перешел в непосредственное подчинение Ставке, мы стали получать пополнения регулярно, и все более значительные. 2 декабря высадил на севастопольскую землю тысячу бойцов крейсер "Красный Кавказ" (этим же рейсом он доставил полтораста тонн снарядов). За 3–5 декабря прибыло на разных судах еще восемь маршевых рот.

А в Поти, как мы уже знали, сосредоточивалась для погрузки на суда 388-я стрелковая дивизия, выделенная на усиление Приморской армии из состава Закавказского фронта. Для переброски ее флот направлял туда группу наиболее быстроходных транспортов и боевые корабли.

Новую дивизию мы ожидали с огромным нетерпением. Судя по данным, полученным моряками для перевозочных расчетов, она по числу штыков значительно превосходила любую из наших. Кроме примерной численности дивизии, о ней не было известно пока ничего.

Полки 388-й стрелковой прибывали в течение нескольких дней. В это время стояла сплошная низкая облачность, так что неприятельская авиация помешать перевозке дивизии не могла.

Однако сам переход морем дался людям, как видно, нелегко: они выглядели измотанными, вялыми. Значительная часть красноармейцев была уже в годах, а многие командиры в ротах и взводах, наоборот, очень молоды (досрочно выпущенные курсанты Подольского военного училища).

Бросалось в глаза и другое: некоторые бойцы не очень хорошо понимали подаваемые при выгрузке команды. Их приходилось повторять, а потом отдельным красноармейцам еще что-то объясняли сержанты или их товарищи. Происходило это, оказывается, потому, что не все бойцы знали русский язык. Дивизия была укомплектована запасниками из глубинных районов Кавказа, людьми многих национальностей.

Комдив полковник А. Д. Овсеенко и военком старший батальонный комиссар К. В. Штанев доложили, что формирование соединения закончено около двух месяцев назад. Так что времени на организационное сколачивание и боевую подготовку было маловато. Русские командиры подразделений успели выучить некоторое количество слов из родного языка бойцов (у молодых лейтенантов это шло быстрее, чем у красноармейцев старшего возраста изучение русского), что, конечно, помогало делу.

Несколько месяцев спустя 388-я дивизия по своим боевым качествам сравнялась с кадровыми и смогла внести достойный вклад в оборону Севастополя в тяжелейшие ее дни. А тогда, в декабре, она представляла собой соединение, в подготовку которого к боям требовалось вложить еще много труда. Но действительное состояние дивизии, степень ее подготовленности (в данном случае следовало бы сказать — неподготовленности) не оценишь по первым отрывочным впечатлениям. Встречая 388-ю стрелковую, мы не предвидели, какие осложнения она доставит нам в ближайшем будущем.

Бедой ее в то время — в этом мы разобрались несколько позже — явилось то, что многие бойцы, мобилизованные в самые трудные месяцы сорок первого года из глухих горных районов, где, как видно, не было недостатка в тревожных слухах о положении на фронте, и на самом деле тяжелом, не успели проникнуться уже характерной для наших фронтовиков уверенностью, что немца, как он ни силен, одолеть можно. Вдобавок их привезли на пятачок, вокруг которого с трех сторон враг, а с четвертой — море… Чтобы почувствовать, понять, как настроены здесь люди, как крепко держат оборону, тоже нужно было время.

Как бы там ни было, у нас прибавлялось десять с лишним тысяч бойцов (в маршевых ротах мы получили до этого около шести тысяч), 26 пушек и гаубиц, 150 минометов, дивизион зениток. А на то, что в резерве Закфронта найдется для нас кадровая дивизия с солдатами молодец к молодцу, такая, какую в сентябре Ставка прислала под Одессу, мы особенно не рассчитывали.

Штаб 388-й дивизии вместе с одним стрелковым полком разместили в Инкермане, два других полка — на Северной стороне, в Буденновке и Учкуевке, артиллерийский полк — близ станции Мекензиевы Горы. Такое рассредоточение стрелковых полков позволяло быстро поддержать ими прежде всего четвертый сектор, а также третий и второй. Артполк сразу же включался в общую систему огня.

После морского перехода личному составу дали отдохнуть. Затем предполагалось, оставив дивизию во втором эшелоне, развернуть в ней интенсивную боевую учебу, конечно, если позволит обстановка. Начальник поарма Л. П. Бочаров немедленно стал выяснять, каких политработников, знающих языки и обычаи народов Кавказа, можно перевести в новое соединение из других.

Надо сказать, что за недели передышки политотдел армии продуманно расставил наличный политсостав с учетом состояния

доукомплектованных и переформированных частей. Только что закончились сборы военкомов по секторам, семинар секретарей парторганизаций. Наши политотдельцы, находясь в основном в частях первого эшелона, сами очень много сделали для налаживания там боевой партийно-политической работы, подчиненной насущным задачам укрепления Севастопольской обороны, для воспитания нового актива.

Особое внимание тому, чтобы непосредственно на переднем крае находилось больше коммунистов, было уделено и в процессе проведенного сокращения армейских тылов.

К тому времени вошли в число действующих все восемь стационарных батарей, оснащенные орудиями с "Червоной Украины" и поврежденных эсминцев. Эти корабельные пушки били на 20 километров. Новые батареи и артполк 388-й дивизии прибавили Севастополю четыре с лишним десятка стволов среднего и крупного калибра — по стволу на километр фронта.

А зенитной артиллерии, к сожалению, убавилось. Из трех находившихся в Севастополе флотских зенитно-артиллерийских полков два были отправлены на Кавказ прикрывать Новороссийск и другие порты, куда перебазировались черноморские корабли. В числе этих двух ушел 62-й полк, вооруженный новейшими, лучшими в то время 85-миллиметровыми орудиями. Так решило высшее военно-морское командование.

Не берусь судить, можно ли было как-то иначе обеспечить усиление противовоздушной обороны кавказских баз. Знаю только, что в Севастополе, хотя сюда и стянулись к началу его обороны подразделения зенитчиков, прикрывавшие раньше Евпаторию и флотские аэродромы в центре Крыма, ни одна батарея не являлась лишней.

Зенитная артиллерия служила на севастопольских рубежах не только средством ПВО, она часто вела огонь и по наземным целям. Батареи упомянутого 62-го полка не раз выдвигались на передний край и помогали отражать атаки вражеской пехоты и танков. Словом, отпускать зенитчиков на Большую землю было жалко.

Беспокоило положение с боеприпасами для полевой артиллерии. Ответственность за снабжение войск, обороняющих Севастополь, Ставка возложила в начале декабря на Закавказский фронт, который, как нас известили, должен был помимо отгрузки четырех боекомплектов, запланированных на текущую потребность Приморской армии в этом месяце, обеспечить создание у нас неснижаемого запаса (два с половиной — три боекомплекта) на случай перебоев в подвозе. Но создавался этот запас медленно. В поступающих партиях было мало снарядов

122и 152-миллиметровых, что ограничивало возможности использования наиболее мощных полевых орудий.

Между тем противник подтягивал к Севастополю новые артиллерийские части. Поступали сведения о том, что у немцев появилась здесь не вводимая пока в действие артиллерия особой мощности.

Полной картины состава неприятельских сил и расстановки их вокруг Севастополя, особенно расположения вторых эшелонов и резервов, наша разведка в то время не давала. Исходя из сложившихся представлений о вероятном направлении главного удара при новом наступлении немцев, мы поддерживали наибольшую плотность обороны во втором секторе и на примыкающих к нему флангах первого и третьего.

Недостаточностью достоверных сведений о противнике объяснялось и существовавшее вплоть до середины декабря мнение, что немцы, хотя и подтягивают сюда новые части, к решительным действиям против нас, по-видимому, еще не готовы.

С 10 декабря во временное исполнение обязанностей командующего Севастопольским оборонительным районом вступил контр-адмирал Г. В. Жуков. Вице-адмирал Ф. С. Октябрьский ушел на крейсере в Новороссийск. Прощаясь на флагманском командном пункте, он, как передавали, произнес многозначительную фразу, смысл которой сводился к тому, что скоро угроза с Севастополя будет снята.

Не знаю, был ли информирован наш командарм о том, что командующий СОР отбывает на Кавказ для подготовки десанта под Керчью и Феодосией. Лично мне об этом, как и вообще о существовании плана крупной десантной операции, призванной положить начало освобождению Крыма, известно тогда не было.

16 декабря, вернувшись от контр-адмирала Жукова, генерал Петров объявил, что нам приказано подготовиться к наступлению в направлении Симферополя с задачей сковать силы противника и не допустить вывода его резервов на Керченский полуостров. Это неожиданное в тот момент приказание, конечно, заставило предположить: там, на Керченском полуострове, должно что-то произойти.

Однако приступить к подготовке наступления нам фактически не пришлось.

"Был, есть и будет советским"

Некоторое время спустя, в начале 1942 года, политотдел Приморской армии, который по мере накопления представляющих интерес трофейных документов, дневников и писем гитлеровцев издавал небольшие сборники под общим заглавием "Враги сознаются", смог поместить в очередной такой книжечке секретный приказ-воззвание фон Манштейна, датированный 15 декабря 1941 года.

"Солдаты 11-й армии! — говорилось в нем. — Время выжидания прошло! Для того чтобы обеспечить успех последнего большого наступления в этом году, было необходимо предпринять все нужные приготовления. Это основательно проделано. Я знаю, что могу положиться на мою пехоту, саперов и артиллеристов… Я также знаю, что все другие рода оружия, как и всегда, сделают все от них зависящее, чтобы проложить дорогу пехоте. Наша артиллерия стала сильней и лучше. Наша авиация опять на месте. Непоколебимая уверенность должна сопровождать нас в последнем сражении этого года. Севастополь падет!"

Тон приказа достаточно самонадеянный. Однако считать, что к "последнему большому наступлению года" проведена солидная подготовка, командующий 11-й немецкой армией имел основания.

Как ни туго стало у германского вермахта с резервами, Манштейн в дополнение к трем армейским корпусам, с которыми он вторгся в Крым, получил от Гитлера добавочные войска. Вокруг Севастополя сосредоточились семь пехотных дивизий и две горнострелковые бригады. Развернутая против нас группировка насчитывала 1275 орудий и минометов, свыше 150 танков, до 300 самолетов.

Не все из этих цифр мы знали тогда с такой точностью, с какой узнали потом. Но что у врага гораздо больше, чем у нас, пехоты и артиллерии, а в танках и авиации у него абсолютное превосходство — это было ясно.

Только ведь цифры и их соотношение не всегда значат одно и то же. После того как Красная Армия отбросила ударные силы Гитлера сперва от Ростова, а затем от Москвы, потеснив фашистов также на ряде других участков фронта, сведения о численном перевесе противника, хотя их, разумеется, надо было трезво учитывать, уже не производили слишком большого впечатления. Изменение в нашу пользу общей обстановки на советско-германском фронте чувствовали в декабре сорок первого и

генералы, и бывалые солдаты. В том, что не так страшен фашистский черт, как его малюют, убеждал защитников Севастополя и собственный ноябрьский опыт.

Что же касается приведенного приказа Манштейна, то, конечно, было бы нелишне заполучить его не неделю спустя, а до начала нового наступления, которое он возвещал. О том, что Манштейн назначил решительный штурм Севастополя на 17 декабря, мы накануне еще не знали.

Если обратиться к журналу боевых действий и оперативным сводкам за два-три предшествующих дня, в них можно найти свидетельства определенной активности противника. Отмечалось движение в глубине его порядков — перед фронтом и первого сектора, и четвертого. Группы немецких автоматчиков, в отдельных случаях переодетых в красноармейскую форму (прием, знакомый еще по Одессе), вновь и вновь пытались прощупывать стыки наших частей. Неприятельская артиллерия производила короткие огневые налеты по переднему краю, по позициям наших батарей. Один из этих налетов нанес нам существенный урон: на 10-й береговой батарее капитана Матушенко, самой близкой к линии фронта на левом фланге обороны, были повреждены три из ее четырех восьмидюймовых орудий.

Все это, безусловно, свидетельствовало, что немцы готовятся наступать. И именно так нами расценивалось. Однако за три с половиной недели, прошедшие после того, как мы отбили первое наступление на Севастополь, противник принимался активничать не раз. Мы ждали новых атак 26 ноября, ждали и 8 декабря… А вообще были настороже каждый день, в том числе и 16-го. Хотя, повторяю, сведениями о том, что штурм должен начаться следующим утром, армейская разведка не располагала.

Где-то в середине ночи, оставив у телефонов в каземате майора Ковтуна, я поднялся наверх подышать свежим воздухом. Все вокруг окутывала холодная непроглядная мгла. Глаза с трудом различали крыши ближних домиков на уходящем вниз склоне, а остальной город и бухты были невидимы. Над головой — ни единой звездочки. Редкие вспышки орудийных выстрелов у линии фронта доходили бледными, какими-то смазанными.

Шагая взад и вперед в темноте, я перебирал в памяти события истекших суток.

Прошлой ночью на Северной стороне похоронили артиллеристов с Десятой батареи Матушенко, погибших, когда на нее обрушился внезапный и очень точный огневой налет из района Качи. За Десятую рассчиталась с врагом мощная Тридцатая, быстро подавив открывшую огонь немецкую батарею. А в момент похорон двенадцатидюймовые орудия Тридцатой

дали еще три выстрела. Ее грозный салют явился — так задумали комендант четвертого сектора и береговые артиллеристы сигналом к удару, который группа наших батарей нанесла по разведанным и пристрелянным целям в глубине неприятельских позиций. На этот удар командарм разрешил израсходовать 500 снарядов.

К тому же часу в 90-м стрелковом полку дивизии Воробьева (им продолжал командовать майор Тимофей Денисович Белюга, удачно выдвинутый из хозяйственников в самую страдную пору одесских боен, когда у нас были исчерпаны все резервы строевого комсостава) приурочили очередную разведывательную вылазку. Участвовал целый взвод. Разведгруппа вернулась с трофеями, вплоть до легких минометов, добыла и кое-какие документы, в частности схему расположения немецких огневых средств на этом участке фронта.

Больше как будто ничего особенного за сутки не произошло. Корабли, доставившие с Кавказа последний эшелон 388-й дивизии, благополучно, незаметно для противника, ушли.

Один артдивизион новой дивизии был выдвинут по предложению Николая Кирьяковича Рыжи к переднему краю четвертого сектора на усиление артиллерии, прикрывающей участок у высот Азис-Оба и Кара-Тау — наиболее танкоопасный по характеру местности на северном направлении. Позиции для дивизиона выбирал начарт сектора полковник Пискунов. Отмечая их на своей карте, я обратил внимание, что он поставил новый дивизион между двумя старыми, уже испытанными. Так необстрелянному подразделению легче принимать боевое крещение: бывалые товарищи пошефствуют над новичками.

Дмитрий Иванович Пискунов, всегда невозмутимо спокойный и неторопливый, на первый взгляд даже флегматичный, вообще все делает очень продуманно. Вот уж кто умеет по-хозяйски использовать каждую поступившую в его распоряжение пушку!

Начальнику штаба не положено фантазировать, да и обстановка для этого неподходящая. Но как хотелось бы иметь возможность дать полковнику Пискунову не один добавочный дивизион трехдюймовок, а еще два-три артполка!.. Разве лишними были бы они на 18-километровом фронте четвертого сектора?

Сейчас там 72 орудия, по четыре на километр. Это вместе с зенитной батареей, превращенной в полевую, вместе с дотами, которые расставлены не везде удачно. Словом, негусто.

Конечно, Пискунова могут поддержать и полевые батареи третьего сектора, и береговые, и богдановцы: на то у нас и существует централизованное управление всей артиллерией

оборонительного района. Но если поддержка понадобится не одному, а двум или трем секторам одновременно, что вполне возможно, то кулак огневых резервов придется разжимать, дробить и сила удара будет уже не та. К тому же старые, открытого типа, береговые батареи при всей их мощи сами очень уязвимы. Повреждение Десятой это подтверждает…

Привычные тревоги и заботы ненадолго оттесняет приятное воспоминание о том, как несколько часов назад вручались правительственные награды приморцам, отличившимся в ноябрьских боях. Это было первое в нашей армии награждение с начала войны (представления, посланные из Одессы кружными путями в Москву, как видно, еще не успели рассмотреть), и потому особенно радостное.

Запомнились сияющие лица бойцов-девушек: среди первых орденоносцев армии были и они. Знаменитая пулеметчица из Чапаевской дивизии Нина Онилова, теперь уже старший сержант, получила орден Красного Знамени, А вместе с конниками Кудюрова отечески подталкиваемая вперед усатыми буденновцами подошла к командарму, вручившему ей орден Красной Звезды, худенькая, угловатая, хотя и рослая, девчушка — красноармеец Галина Маркова.

Марковой шестнадцать лет. Она сирота, росла в симферопольском детдоме. Убежала на фронт, набрела на кавалерийский полк и уговорила взять ее медсестрой. А в горячем бою на Балаклавских высотах, где спешившиеся конники отбивали атаку за атакой, заменила убитого пулеметчика. К удивлению всех, она когда-то успела освоить это оружие. Так и в 40-й кавдивизии появилась своя Анка-пулеметчица…

Двадцать пять лет спустя в Севастополе, отмечавшем четвертьвековой юбилей обороны, в перерыве торжественного заседания в Матросском клубе ко мне подошла стройная женщина средних лет.

— Не узнаете, товарищ маршал? — спросила она. И, поняв, что не узнаю, не вспомнил, представилась: — Галина Маркова, гвардии старшина запаса.

Она прошла в боевом строю всю войну, участвовала в нескольких десантах, стала снайпером и разведчицей, шесть раз была ранена… А после победы поселилась навсегда в Севастополе — там, где в шестнадцать лет сделалась солдатом.

…Как только спустился вниз, в каземат, улыбающийся майор Ковтун сообщил:

— Освобожден город Калинин. Это передали сейчас из нашей редакции, они приняли по радио для завтрашнего номера.

От такой новости сразу расхотелось спать. Решил заняться

тем, что назначил себе на утро, — первоначальной наметкой плана нашего наступления в направлении Бахчисарай, Симферополь.

Правда, что-то не очень верилось, что приказание готовить наступление с нашего плацдарма в глубь Крыма, отданное пока предварительно, без указания сроков, конечной и ближайшей целей, будет подтверждено. Хотя активные действия развертывались на многих фронтах, под Севастополем соотношение сил было пока слишком неблагоприятным для этого.

* * *

На наш подземный КП не мог донестись гром орудий, который в седьмом часу утра 17 декабря поднял на ноги всех на большей части фронта Севастопольской обороны. Но телефоны, соединяющие нас с командными пунктами секторов, заговорили чуть ли не все разом.

— Обстреливается участок Разинского полка и морского полка Гусарова, доложил из третьего сектора начштаба Чапаевской дивизии подполковник П. Г. Неустроев.

В четвертом секторе под огнем артиллерии и тяжелых минометов был весь фронт бригады Вильшанского и 241-го стрелкового полка. Об интенсивном обстреле отдельных участков обороны докладывали и из южных секторов.

Предположение, высказанное кем-то после первого доклада, что немцы задумали крупную разведку боем, тотчас же отпало. Противник явно вел артподготовку к наступлению, причем одновременно на нескольких направлениях, практически — по всему обводу оборонительного района.

В 7 часов 40 минут фашистская пехота пошла в атаку. Перед фронтом четвертого и третьего секторов, а также в Чернореченской долине во втором словом, везде, где позволяла местность, появились и танки.

Еще до этого открыла огонь наша артиллерия. Вслед за полевой, сразу вступившей в бой на участках поддерживаемых стрелковых частей, Рыжи ввел в действие береговые батареи и полк Богданова. Генерал Остряков, несмотря на плохую погоду, поднял на штурмовку наступающих немецких войск и на прикрытие города все исправные самолеты.

В войска немедленно выехали находившиеся на КП направленцы. Командарм, не отходя от телефонов, продолжал сам выяснять обстановку. Иван Ефимович держался спокойно, не повышал голоса даже тогда, когда не мог добиться от кого-нибудь вразумительного ответа. Нельзя было, однако, не заметить, как тяжело ему сейчас сидеть в каземате, ничего не видя

собственными глазами, как рвется он всем своим существом на поле боя.

Но бой шел и на севере — у горы Азиз-Оба и в долине Бельбека, и на востоке — у хутора Мекензия и под Чоргунем, и на балаклавской высоте 212,1. Где наносится главный удар, где главная опасность — понять было пока трудно.

И во всяком случае, до того, как это определится, командарм никуда отлучиться с КП не мог. В том числе и к контр-адмиралу Жукову, оставшемуся старшим начальником в СОР. По мере поступления новых данных о положении они переговаривались по прямому телефону. С Гавриилом Васильевичем Жуковым, человеком крутоватым, но прямым, у Петрова с Одессы сложились простые и ясные товарищеские отношения, между ними всегда существовало большое взаимопонимание.

А Жукову просто "везло" на острую обстановку. Когда осенью немцы приблизились к Севастополю, именно ему пришлось вместе с Моргуновым выводить навстречу врагу силы гарнизона: Октябрьский находился в кавказских базах. И вот, стоило Жукову вновь остаться "старшим на рейде", как говорят моряки, — и гитлеровцы опять пошли на штурм… Конечно, теперь положение принципиально иное. Создай крепкий фронт обороны, на севастопольских рубежах — Приморская армия. Но и противник накопил силы, несравнимые с теми, какими надеялся обойтись тогда.

От имени командарма я вызвал на КП командование нашего резерва — 40-й кавдивизии, 388-й стрелковой, местного стрелкового полка… Привести их в полную боевую готовность было приказано еще раньше.

Что армейский резерв понадобится вводить в бой, и, очевидно, скоро, уже не подлежало сомнению. А как его использовать, где помощь окажется всего нужнее, должны были показать ближайшие часы.

Замысел Манштейна, в тот момент нам не известный, сводился в общих чертах к следующему.

Основная атакующая группировка — три-четыре пехотные дивизии 54-го корпуса, усиленные большей частью стянутой к Севастополю тяжелой артиллерии и танками, — должна была, нанося главный удар с северо-востока, на участке от горы Азиз-Оба до высоты Кая-Баш, то есть по правому флангу нашего четвертого сектора и левому третьего, прорвать фронт обороны вдоль возвышенности Кара-Тау и долины Бельбека. А затем выйти через станцию Мекензиевы Горы к Северной бухте.

Одновременно двумя дивизиями 30-го корпуса наносился вспомогательный удар с юго-востока — по долине реки Черная на

Инкерман. Отвлекающие атаки планировались и на других участках.

Таким образом, ставилась задача расчленить наш фронт, с тем чтобы разгромить силы обороны по частям: сначала отрезанные на Северной стороне войска четвертого сектора, за ними — обойденные с флангов войска третьего… А главное — достичь Северной бухты, парализовать питающий оборону, порт.

Не слишком полагаясь на общий численный перевес своей армии, Манштейн был озабочен тем, как помешать нам создать крепкий заслон на участке, который окажется решающим. "Необходимо было, — писал он впоследствии, — напасть на противника по возможности с нескольких направлений, чтобы не допустить концентрации его сил на одном…"

И 17 декабря, не располагая, к сожалению, достаточными разведданными, мы немало ломали голову над теп, какое из направлений вражеских атак следует считать главным. Вырисовывалось это постепенно.

К середине дня первый сектор уже особенно не тревожил. Во втором, усиленном бригадой Жидилова, выдвинутой из резерва на передний край, тоже были настроены уверенно. После очень сильной артподготовки гитлеровцам удалось овладеть здесь лишь двумя незначительными высотками. Недавний начопер штарма, а теперь начштаба дивизии и свектора, Михаил Юльевич Лернер, оставшийся старшим на КП (полковник Ласкин находился на передовой), докладывал, что новые атаки в районе горы Госфорта успешно отражаются.

Я предупредил, чтобы происходящее у них не считали боями местного значения. По оценке обстановки на тот момент, это направление чоргуньско-чернореченское — определялось в штарме как одно из двух главных. На другом из этих двух — бельбекском — положение было гораздо серьезнее. Здесь противнику удалось в первые же часы наступления сдвинуть наш фронт. В его руках оказались Азис-Оба и Кая-Баш — две горы с отлогими, как у курганов, окатами, между которыми лежит большой участок Бельбекской долины. Первую обороняли батальоны морской бригады Вильшанского, вторую — 287-й стрелковый полк чапаевцев.

Упрека в нестойкости эти части не заслужили. На них пришлись самые сильные в тот день вражеские удары. Со своих передовых позиций они были выбиты после рукопашных схваток в траншеях и понесли тяжелые потери: сказался многократный численный и огневой перевес атакующего противника.

Нашу пехоту самоотверженно поддерживали находившиеся в ее боевых порядках артиллеристы. Батареи и дивизионы,

продуманно расставленные Д. И. Пискуновым, а в третьем секторе — его начартом Ф. Ф. Гроссманом, били прямой наводкой по танкам, по цепям наступающих гитлеровцев. Били до последней возможности, иногда почти в упор, нередко с огневых позиций, уже окруженных врагом. Расчеты орудий, вышедших из строя или подорванных, когда не оставалось иного выхода, присоединялись к стрелковым подразделениям.

Так билась с врагом 227-я зенитная батарея, приданная бригаде Вильшанского в качестве противотанковой. Сражаясь до последней гранаты, истребляя наседавших фашистов врукопашную, пали у своих умолкших орудий несколько расчетов других батарей.

Несомненно, и немцы несли большие потери. Только на левом фланге Чапаевской дивизии было подбито и сожжено свыше десятка танков, а перед фронтом четвертого сектора — гораздо больше. Но враг, не считаясь с потерями, вводя в бой резервы, вгрызался в нашу оборону.

Вынужденный отход батальонов бригады Вильшанского и 287-го полка поставил в тяжелое положение 241-й стрелковый полк капитана Н. А. Дьякончука, оборонявшийся между ними в Бельбекской долине. Глубоко обойденный с флангов, он вместе с поддерживающим его артиллерийским дивизионом оказался в полуокружении. Однако свои позиции полк продолжал удерживать. Молодой командир доносил, что перешел к круговой обороне.

Самым тревожным в положении, сложившемся через несколько часов после начала наступления, был наметившийся разрыв между войсками третьего и четвертого секторов. Оба сектора нуждались в помощи из армейского резерва. Но прежде всего — четвертый, частям которого этот разрыв, если его не ликвидировать, угрожал быть отрезанными от остальных сил обороны.

К тому времени, когда на КП прибыл полковник Ф. Ф. Кудюров, командарм уже принял решение усилить кавалерийской дивизией участок бригады Вильшанского. Кроме того, коменданту четвертого сектора передавался один стрелковый полк 388-й дивизии.

Напомню: 40-я кавдивизия была малочисленной (стрелковый полк 388-й дивизии по числу бойцов намного превышал все три полка кавдивизии). Но в отличие от этого полка, не обстрелянного, только что прибывшего с Кавказа, конники Кудюрова имели боевой опыт. Не впервой было им сражаться и в пешем строю.

Мы надеялись тогда, что ввод в бой этих частей, их

совместная с 8-й бригадой морской пехоты контратака — она намечалась на следующее утро позволят восстановить положение в районе горы Азиз-Оба и вызволить из вражеского охвата полк Дьякончука.

Остальные два полка 388-й дивизии, а также местный стрелковый направлялись в третий сектор. Эти резервы предназначались, в частности, для прикрытия района Камышловского оврага — большой, со многими ответвлениями, лощины, куда был нацелен один из неприятельских клиньев.

С наступлением темноты, в шестом часу вечера, атаки противника повсюду прекратились. Продолжался только обстрел наших позиций. Над всем обводом севастопольских рубежей непрерывно взлетали осветительные ракеты: по-видимому, немцы ждали ночью наших контратак.

Но предпринять их в сколько-нибудь крупных масштабах мы пока не могли. Из вводимого в действие резерва только полки Кудюрова еще засветло вышли на исходные рубежи. Части, которые провели день в боях, нуждались хотя бы в небольшой передышке для приведения себя в порядок. Требовали уточнения данные о противнике, о наших потерях.

Чувствуя, что в донесениях из секторов не все точно, штаб армии потребовал от штадивов, выслать в части своих представителей и на месте выяснить положение, проверить связь с батальонами, доставку боеприпасов и эвакуацию раненых, удостовериться, что люди накормлены. Весь фронт обороны надо было подготовить к отражению новых атак, а на тех участках, где немцы нас потеснили, ставилась задача восстановить прежние позиции.

Около полуночи командарм вернулся с флагманского КП от контр-адмирала Жукова. Исполняющий обязанности командующего СОР донес в Ставку, что фашисты начали, решительное наступление на Севастополь, и просил прислать подкрепление в четыре тысячи человек, а затем по четыре маршевые роты ежедневно для восполнения потерь. У командующего флотом Жуков просил крейсер для огневой поддержки войск (в Севастополе не было в это время ни одного корабля, кроме тральщиков и катеров ОВР).

В ту же ночь были отданы распоряжения о формировании резервных батальонов и рот для пополнения войск за счет тылов главной базы и вспомогательных подразделений береговой обороны, а внутри Приморской армии — из состава химслужбы и выздоравливающих раненых. Срок назначался к утру 19-го.

Выяснялось также, сколько еще людей может дать армии город.

Последующие трое суток слились в памяти воедино. Подыматься наверх мне почти не приходилось. Обычный распорядок жизни на КП, с которым успели связаться представления о дне и ночи, больше не соблюдался.

О том, что снова настает вечер, напоминал главным образом узел связи: когда темнело, бои стихали и голоса в телефонных трубках начинали звучать спокойнее. На бумажных лентах, стекающих с аппаратов полевого телеграфа, лаконичные, часто напряженно-тревожные донесения дневных часов сменялись более длинными и обстоятельными. А приметами утра сделались доклады о возобновляющихся вражеских атаках.

Обстановка становилась все более сложной. Выполнить то, что было намечено на 18 декабря, — восстановить и стабилизировать линию фронта в четвертом и третьем секторах — нам не удалось.

Готовившаяся крупная контратака не дала ожидаемых результатов. Морские пехотинцы Вильшанского и спешенные кавалеристы Кудюрова начали ее напористо. Но и гитлеровцы пошли в атаку: подтянув резервы, они спешили развить успех, достигнутый накануне. Завязался упорный встречный бой, в котором на стороне противника был большой численный перевес.

И все же на центральном участке четвертого сектора враг был на некоторое время остановлен, а местами немного оттеснен. Однако правее, где в контратаку должен был включиться полк из 388-й дивизии — 773-й стрелковый, положение ухудшилось. Полк этот замешкался с выходом на назначенный ему рубеж и, не успев еще развернуться, попал под огневой налет. Атакованный затем пехотой и танками, он начал отходить…

Продвижение противника было задержано переброской на этот участок последних резервов соседних частей и их тыловых подразделений. Но немцы успели завершить окружение полка капитана Дьякончука, державшегося на прежних позициях.

Неутешительными были итоги второго дня боев и в третьем секторе. Вражеский клин на его левом фланге углублялся. Это заставляло оттягивать с передового рубежа другие части: возникла угроза обхода их с тыла. Бои шли уже у Камышловского оврага, в шести километрах от Северной бухты.

У Ласкина, во втором секторе, разгорелась борьба за гору Госфорта — высоту с Итальянским кладбищем, господствующую над Чернореченской долиной. Склоны ее переходили из рук в руки.

За два дня боев части, обороняющиеся на направлении главного удара, сильно поредели. Вильшанский докладывал, что в его бригаде находятся в строю не более половины бойцов. Когда

полк Дьякончука, получив приказ оставить занимаемые позиции, вышел из окружения, людей в нем едва набралось на две нормальные роты…

Общие наши потери убитыми и ранеными за 17 и 18 декабря составили около 3500 человек. Донося об этом в Генеральный штаб и наркому Военно-Морского Флота, контр-адмирал Жуков просил ускорить отправку подкреплений.

Когда их ждать, мы не знали. Надо было думать, как подольше продержаться наличными силами. Пришлось сделать вывод, что задача, ставившаяся войскам до сих пор — вернуть все позиции, которые занимались до 17-го, — стала в данный момент нереальной.

Тяжело вздохнув, Иван Ефимович Петров сказал:

— Продолжать контратаки ради восстановления прежнего положения пока не можем, не имеем права. Контратаковать будем только в случаях прорыва обороны, и резервы надо беречь для этого. Главное сейчас — закрепиться на нынешних рубежах.

В таком духе и был отдан в ночь на 19 декабря боевой приказ № 0012.

Возобновляя утром атаки, противник производил 15- 20-минутную артподготовку. Сильными огневыми налетами предварялись также очередные броски пехоты и танков в течение дня.

В это время вступала в действие и наша артиллерия. Часть ее открывала огонь на подавление вражеских батарей, а остальная — по войскам, сосредоточившимся для атаки. Нанести противнику как можно больший урон в живой силе и технике еще на исходных позициях и тем ослабить его натиск — в этом заключалась важнейшая задача наших артиллеристов.

Все нити управления огневой силой Севастопольской обороны сходились на командном пункте начарта армии и в его штабе, которые помещались над нами, на "первом", верхнем, этаже подземного убежища в Крепостном переулке. Начарт полковник Рыжи, подобно командарму Петрову, испытывал потребность видеть боевые действия собственными глазами. Отдав необходимые распоряжения, он надолго уезжал в артиллерийские полки, на батареи. Но начальник штаба артиллерии Николай Александрович Васильев не мог сейчас отлучиться никуда. Он непрерывно находился на своем посту.

Практические вопросы использования артиллерии мы обсуждали с Рыжи и Васильевым не раз на дню. Каждое изменение обстановки на фронте заставляло вносить поправки в планирование огня. И вызывало большое удовлетворение, что осуществлялось это быстро, гибко.

Уже отражение ноябрьского наступления подтвердило неоценимое в севастопольских условиях значение централизованного, так сказать из одних рук, управления всеми видами артиллерии. А в декабрьскую боевую страду мы просто не сумели бы без такой системы полноценно использовать все имеющиеся огневые средства.

Располагая сперва лишь старой картой-десятиверсткой, фактически уже непригодной для стрельб, майор Васильев планировал теперь огонь по единому в масштабе оборонительного района планшету, и которому привязывались все полевые и береговые батареи. Наблюдаемые с переднего края участки сосредоточенного огня и неподвижного заградительного были заранее пристреляны, а для ненаблюдаемых сделаны расчеты. Имелись такие расчеты и для стрельбы по участкам, находившимся, когда все это готовилось, еще в ближайшей глубине нашей обороны, — предусмотрительность, оказавшаяся не лишней.

Конечно, во всем этом помог опыт Одессы. Однако там было проще: и рельеф в основном равнинный, и противник слабее, и масштабы не те. К одесскому опыту массирования огня добавилось под Севастополем немало нового. Насколько мне известно, еще нигде до того удары такого количества разнородной артиллерии не направлялись из единого центра, с одного КП.

Помимо всего прочего для этого, разумеется, требовалась надежная связь. Как уже говорилось, она была у артиллеристов собственной, автономной. Линии ее проходили и под землей, и под водой, и на столбах. Использовались даже старые провода англо-индийского телеграфа, пересекавшего некогда Крым. Вся эта сложная сеть, поддерживаемая заботами штабной батареи младшего лейтенанта Соина и связистов береговой обороны, работала безотказно. Впоследствии случалось, что артиллерийской связью — при повреждениях нашей основной пользовались и мы с командармом.

Больших усилий требовала контрбатарейная борьба. Она все время велась в невыгодных для нас условиях: местность позволяла противнику скрытно перемещать свою артиллерию вдоль фронта обороны. С началом декабрьского штурма эта борьба стала особенно напряженной.

Подтянутые немцами новые батареи, как правило, до штурма себя не обнаруживали. Да и в ходе его засечь многие из них было нелегко. Самолетов, оборудованных для аэрофотосъемки, как и воздушных корректировщиков, мы не имели. Определение координат вражеских огневых позиций возлагалось на ОРАД

отдельный разведывательный артдивизион майора Савченко. Посты звуковой разведки, располагавшиеся обычно на Мекензиевых горах и перебрасываемые по мере надобности на другие участки, давали довольно точные данные, когда стреляло не слишком много орудий одновременно. Неизмеримо сложнее было выявлять неизвестные огневые позиции в грохоте общей артподготовки.

И все-таки на армейскую карту-схему изо дня в день наносились, получая порядковые номера, новые цели. И немало неприятельских орудий, в том числе и на только что разведанных позициях, приводилось к молчанию.

Как всегда, отличались в этом богдановцы. А в береговой артиллерии, игравшей в контрбатарейной борьбе очень большую роль, с самого начала хорошо показал себя дивизион, вооруженный орудиями с вышедших из строя кораблей. Установленные на выгодных позициях, ближе к линии фронта, батареи этого дивизиона действовали против немецкой артиллерии весьма эффективно.

Но, говоря об успехах в подавлении батарей противника, я должен напомнить о сложившемся под Севастополем соотношении сил. На некоторых участках атакующие фашистские войска поддерживало по полусотни орудий на километр фронта. Мы же имели намного меньше.

Умолкали и наши орудия, некоторые надолго, а то и навсегда. К неизбежным боевым потерям и повреждениям техники прибавился, как назло, тяжелый аварийный случай: на 35-й береговой батарее произошел взрыв в башне.

Но самой главной трудностью в планировании огня стала уже на второй день штурма необходимость жестко экономить снаряды: те запасные боекомплекты, о которых распорядилась Ставка, доставить нам Закавказский фронт так и не успел…

Контр-адмирал Жуков телеграфировал на Кавказ командующему флотом, что при таком расходе боеприпасов, на какой мы вынуждены были пойти 17 декабря, их остается на одни сутки. Он просил обеспечить доставку к полудню 19-го хотя бы 6 тысяч снарядов и 10 тысяч мин (82-миллиметровые мины, самые нужные, также были на исходе).

Командующий флотом ответил, что боеприпасы прибудут утром 20-го на транспорте "Чапаев" — 15 тысяч снарядов и 27 тысяч мин. Вслед за ним выйдет "Абхазия", на которой кроме снарядов отправляются полторы тысячи бойцов морской пехоты. Вице-адмирал Октябрьский предупреждал, что на эти два судна грузится весь боезапас, имеющийся сейчас на складах Новороссийской базы.

В ночь на 19 декабря мы с начальником отдела комплектования майором Семечкиным делили, как бывало в Одессе, между секторами и соединениями небольшие подкрепления, набранные за счет частей, находящихся не на переднем крае.

После того как распределение их утвердил командарм, я сообщил генералу Воробьеву, что к нему посылаются 300 краснофлотцев, высвобожденных на береговых батареях специально для пополнения бригады Вильшанского, и, кроме того, батальон саперов — в качестве стрелкового в резерв сектора. Генерал Коломиец получал две стрелковые и пулеметную роты, сформированные из бойцов ПВО.

Во второй сектор, в бригаду Жидилова, ведущую бои за гору Госфорта, отправлялся на машинах последний батальон, который смог сколотить уже много давший сухопутному фронту Черноморский флотский экипаж, с начальником строевой части капитаном Кагарлицким в качестве комбата. Еще один батальон для усиления этого направления мы снимали с рубежей первого сектора — единственного, где крупных боев не происходило.

Недостаточность этих подкреплений была очевидна, тем более что приходилось ограничить поддержку войск артиллерией. В справке о наличии боезапаса, присланной майором Васильевым, значилось: в полку Богданова осталось 318 снарядов, в 69-м артполку Чапаевской дивизии — 600… В ближайшие часы должно было замолчать большинство минометов. Машины артснабженцев дежурили у штолен спецкомбината, ожидая заранее распределенные по частям мины, которые — не более тысячи штук — он мог изготовить в течение дня. А до прихода "Чапаева" оставались еще целые сутки.

На третий день артподготовка велась противником сильнее, чем накануне. При этом центр тяжести ее переместился на новые участки, в частности на район Аранчи — на левом фланге бригады Вильшанского. Туда же был затем направлен при возобновлении атак на всем фронте четвертого сектора — сосредоточенный удар пехотой и танками.

Наша оборона на этом участке, к сожалению, оказалась не самой устойчивой. Подразделения 8-й морской бригады, ослабленные двухдневными боями, натиска превосходящих сил противника не выдержали. Немцы захватили Аранчи, и, несмотря на то что полк майора Белюги, оборонявшийся еще левее, у моря, предпринял героические усилия, чтобы удержать стык с соседом, задержать вклинение врага в нашу оборону удалось лишь ненадолго.

Немного позже выяснилось, что образовался разрыв также

между 8-й бригадой и кавдивизией Кудюрова. На всем левом крыле Севастопольского обвода создалось положение, чреватое тяжелыми последствиями.

Огонь нашей артиллерии, штурмовки "илов" и "ястребков" (многие летчики севастопольской авиагруппы совершили в этот день по семь-восемь боевых вылетов) помогали сдерживать противника. Однако выправить положение уже нельзя было без дополнительного ввода в бой на этом направлении достаточно крупной, высокобоеспособной части.

В армейском резерве ее не было. Снятие же сколько-нибудь значительных сил с другого участка обороны, пусть в данный момент и не столь напряженного, командарм исключал: враг, быть может, только и ждал этого, чтобы обрушиться на ослабленный участок, так как имел сейчас возможность атаковать нас с любого направления.

Оставалось, следовательно, одно: отвести часть войск четвертого сектора в полосе между Аранчи и взорванным Камышловским мостом — на запасные позиции. Во второй половине дня генералу Воробьеву был передан по телеграфу подписанный скрепя сердце приказ № 0013, разрешавший произвести такой отвод в темное время под прикрытием артиллерии. Это касалось бригады Вильшанского, кавполков и группы дотов и дзотов, которые приказывалось взорвать, а их личный состав включить в морскую бригаду.

Мы жертвовали узкой полоской, где не было ничего, кроме лесистых холмов и оврагов. На громадных пространствах главных фронтов такое выравнивание линии обороны даже не считалось бы отходом. Однако на нашем пятачке шла в счет каждая пядь земли. Крайний левый — приморский — участок обороны приобретал теперь невыгодную конфигурацию вытянутого выступа ("Опять кишка", — сказал бы наш прежний командарм Георгий Павлович Софронов), и мириться с этим можно было лишь недолго. Либо мы, получив подкрепления, вернем прежние позиции в центральной части четвертого сектора, либо… Но о том, что, может быть, придется отдать и этот выступ, не хотелось пока думать.

Там, все еще за рекой Кача, в 15 километрах от центра города (нигде больше таких расстояний до фронта уже не существовало), оборонялся полк майора Белюги, которому в этот день в журнале боевых действий армии была отведена всего одна, но красноречивая строка: "90 сп удерживает прежний рубеж, дважды отбив атаки противника".

Тимофей Денисович Белюга, обычно руководивший боем с переднего края, был опять ранен — в третий или четвертый раз за

время командования полком. Но ранен, как и раньше, нетяжело и остался в строю. Общие потери полка были относительно невелики.

Словом, этот полк являлся в тот момент едва ли не самым благополучным, если, конечно, не брать первый сектор. Отвод соседей на новый рубеж несколько ухудшал позиции Белюги. Зато обеспечивалось восстановление нарушенных стыков, устранялась непосредственная опасность прорывов фронта.

Кроме северного направления гитлеровцы продвинулись 19 декабря также на юго-востоке. К исходу дня в их руках находились Нижний Чоргунь и высота с Итальянским кладбищем, за исключением западного, обращенного в нашу сторону склона, где продолжался бой.

Еще до передачи вечерней сводки из штаба второго сектора сообщили: разрывом немецкого снаряда у КП 7-й морской бригады убит ее начштаба майор А. К. Кернер, а комбриг Е. И. Жидилов тяжело ранен. В командование бригадой вступил комиссар Н. Е. Ехлаков.

Час спустя стало известно, что Жидилову сделана операция и жизнь его вне опасности. Медики обещали вернуть полковника в строй через три-четыре недели.

— Значит, и не нужно никого туда назначать, — сказал командарм. — Ехлаков справится. А начальника штаба пусть выдвигают из своих.

Потребуйся сейчас новый комбриг, подобрать достойного было бы нелегко… С трудом найдя замену командирам, павшим на севере Крыма, мы вновь понесли ощутимые потери в комсоставе уже в первые дни декабрьского штурма. Убиты были командир кавполка Н. А. Обыденный, начальник оперативной части 8-й бригады Т. Н. Текучев, замечательные командиры артиллерийских дивизионов Н. С. Ар-тюх и Г. И. Наумов — герои одесских боев (оба погибли, управляя огнем по наступающим танкам, не досказав последней боевой команды). А скольких комбатов, командиров рот, взводов недосчитывалась армия!..

Вслед за известием о гибели Кернера и ранении Жидилова пришла еще одна тревожная новость: оперативному дежурному сообщили — что-то случилось с начальником штаба артиллерии Васильевым.

Вызванный врач успокоил:

— Просто потеря сознания от перенапряжения нервной системы. Ему надо обеспечить несколько часов сна.

Оказалось, майор Васильев не отдыхал ни часу с тех пор, как начался штурм. Почти трое суток! Военком штарма Глотов взялся выяснять, нет ли на КП таких еще. Действительно, нельзя было

допускать, чтобы нужнейшие люди вот так сваливались с ног — вражеский штурм продолжался.

Основной итог трех дней напряженных боев заключался, конечно, в том, что врагу, как ни велики были введенные им в действие ударные силы, прорвать фронт обороны не удалось. Однако наши войска, встретившие противника на первом, передовом, рубеже, уже на очень многих участках были вынуждены отойти ко второму, главному. Севастопольский плацдарм сократился, передний край приблизился к бухтам и городу. Но самым тревожным было даже не это, а положение с резервами и снарядами.

Приехав от контр-адмирала Жукова, Иван Ефимович Петров, когда мы остались вдвоем, сказал с горечью, что Октябрьский, находившийся на Кавказе, кажется, не представляет всей серьезности сложившейся у нас обстановки.

Жуков показал Петрову телеграмму Октябрьского, где говорилось, что корабли отряда поддержки (старые крейсеры и эсминцы, которые в принципе должны были постоянно находиться в Севастополе) сейчас прислать сюда нельзя, так как это "грозило бы срывом самой ответственной задачи".

Задача, несомненно, имелась в виду та, из-за которой командующий Черноморским флотом и СОР отбыл на Большую землю. О том, что именно там готовится, мы официально информированы еще не были, хотя по разным признакам чувствовалось: предстоит операция, имеющая целью или одной из целей радикально помочь Севастополю.

Но как бы ни обстояло с этим, неотложно требовалась помощь обычная, прямая — подкреплениями, снарядами, огнем кораблей.

В ночь на 20 декабря контр-адмирал Жуков и член Военного совета флота дивизионный комиссар Кулаков послали телеграмму Верховному Главнокомандующему. В ней излагалось положение под Севастополем после трех дней наступления немцев, говорилось, что у нас нет снарядов наиболее нужных калибров, а остальной боезапас на исходе, израсходованы резервы, придется вводить в бой на фронте личный состав находящихся в базе кораблей, береговых и зенитных батарей, аэродромной службы.

Содержалась в телеграмме и такая фраза: "Если противник будет продолжать наступление в том же темпе, гарнизон Севастополя сможет продержаться не более трех суток".

Познакомиться с текстом этого документа мне довелось много времени спустя, после войны. Прочитав последнюю фразу, я подумал, что подписаться под нею, наверное, не смог бы. Не

потому, что не разделял общей оценки положения, дававшейся в телеграмме. Оно, бесспорно, было тяжелым, грозным. Но вопрос, сколько еще суток мы сумеем продержаться, у меня просто не возникал.

Вопреки всем трудностям и потерям, вопреки тому, о чем говорила лежавшая передо мной рабочая карта, мысль, что Севастополь можно не удержать, тогда, после нашей победы под Москвой, как-то вообще не приходила в голову.

* * *

На крутом склоне у Исторического бульвара, увенчанного зданием Панорамы первой обороны, появилась надпись, выложенная трехметровыми буквами из плит инкерманского камня: "Севастополь был, есть и будет советским!"

Кажется, идею выложить лозунг, который читался бы "из города, с фронта и с неба", подал секретарь Крымского обкома партии Федор Дмитриевич Меньшиков (после захвата гитлеровцами Симферополя и остального Крыма обком со штатом, сокращенным до нескольких человек, находился в Севастополе, здесь же стала выходить Крымская областная газета). И громадные светлые буквы действительно различались и с Корабельной стороны, и с Северной. А с неба лозунг выглядел, наверное, особенно броско. Фашистские летчики даже специально его бомбили. Но за ночь поврежденные буквы восстанавливались. Говорили, что за ними следят по поручению городского комитета обороны какие-то старики из артели мраморщиков.

Лозунг, видимый тысячам севастопольцев, выражал общее настроение, общую уверенность, что новый натиск врага будет отбит, как и первый в ноябре. И настроение это претворялось в славные дела. Дни, о которых я веду сейчас речь, были насыщены подвигами. Их было так много, что далеко не все они немедленно попадали в политдонесения военкомов или в армейскую газету. О некоторых из них в силу обстоятельств мы вообще узнавали с большим опозданием.

Так получилось и с подвигом героев дзота № 11, памятник которым на откосе высоты 192,0, у селения Дальнее (раньше Камышлы), посещают теперь экскурсанты, приезжающие в Севастополь со всех концов страны.

Двенадцать дзотов, составлявших пулеметную роту лейтенанта М. Н. Садовникова, растянулись редкой двойной цепочкой по склону долины Бельбека и в сторону от нее — по балке Темная. Главное оружие каждого дзота — "максим" на поворотном столике, обеспечивающем ведение огня через любую из трех амбразур. Боевой расчет — семь молодых краснофлотцев из учебного отряда флота. Все в роте были комсомольцами.

Когда начался декабрьский штурм, эти дзоты находились еще на тыловом рубеже, пехота располагалась впереди. Но именно тут противник вклинился в нашу оборону, дзоты первой линии быстро оказались на переднем крае, а затем и в окружении. Приказа отходить пульроте не было: вражеский клин надеялись ликвидировать. И дзоты сражались, как маленькие осажденные крепости. Они могли выдержать попадание трехдюймового снаряда, боеприпасов имели порядочно: по 20 и больше тысяч патронов, по 200–300 гранат, много бутылок с горючей смесью.

Дзот № 11 вступил в бой под командой старшины 2-й статьи Сергея Раенко. В него перенесли потом еще два пулемета, "гарнизон" огневой точки увеличился до десяти бойцов. С этой горсткой севастопольцев гитлеровцы не могли справиться около трех суток.

Когда несколько дней спустя высоту 192,0 отбили у противника, вокруг разбитого дзота еще лежали десятки неубранных трупов немецких солдат. А в противогазной сумке краснофлотца Алексея Калюжного, который, вероятно, дольше всех из героического расчета оставался в живых и вел бой, нашли предсмертную записку — волнующее свидетельство силы духа защитников Севастополя:

"Родина моя! Земля русская!.. Я, сын Ленинского комсомола, его воспитанник, дрался так, как подсказывало мне мое сердце. Я умираю, по знаю, что мы победим… Держитесь крепче, уничтожайте фашистских бешеных собак. Клятву воина я сдержал. Калюжный".

Подробности длительного неравного боя этого дзота выяснились после того, как обнаружился уцелевший боец из его расчета: он получил приказание прорваться с донесением на командный пункт, по пути был тяжело ранен и подобран людьми из другой части, а в своей долго считался погибшим.

Камышловский дзот № 11 вошел в историю. Надо, однако, сказать, что такую же стойкость проявили комсомольские расчеты и остальных огневых точек этой пулеметной роты. В дзоте № 12 старшины 2-й статьи Ивана Пампухи погибли все до единого. Дзот почти четыре дня служил опорой стрелковым подразделениям, не дававшим немцам продвигаться на этом участке Бельбекской долины. Дзот № 15 он стоял над Симферопольским шоссе — действовал и тогда, когда у двух последних его бойцов, тяжело раненных, не было сил метнуть гранату. Слыша, как подползают гитлеровцы, эти краснофлотцы просто выталкивали гранаты из амбразур, взрывая врагов у самых стен дзота…

На огневых точках, прикрывавших стык третьего и четвертого

секторов, куда противник направил в декабре главный удар, бойцы называли себя жигачевцами — в знак любви и уважения к своему комбату И. Ф. Жигачеву. Уважали этого командира и во взаимодействующих с его дзотами армейских подразделениях. Старший лейтенант по званию, но уже не молодой, в прошлом кузнец судостроительного завода, этот сильный, мужественный человек как бы олицетворял собой надежность и прочность маленьких бастионов, которыми командовал. И людей своих он подготовил к боевым испытаниям достойно.

Рассказать обо всем героическом, ознаменовавшем первые дни отражения декабрьского штурма, я не в состоянии. Даже простое перечисление фактов, воплотивших в себе беззаветную отвагу, беспредельную самоотверженность наших бойцов и командиров, составило бы целую книгу. То, что говорится здесь об отдельных частях и подразделениях, может быть отнесено п ко многим другим.

Помню, как командарм, выслушав по телефону доклад о том, что с помощью артиллерии выведены из окружения остатки полка капитана Дьякончука, с чувством сказал коменданту сектора:

— Передайте им, что они герои!

Окружен был не только полк в целом. Разобщенными, отрезанными друг от друга и от командного пункта оказались многие его роты, взводы, даже отделения. Бой не раз доходил до рукопашной, наседающих врагов брали в штыки, били саперными лопатками, касками… Но все подразделения держались на назначенном им рубеже, хотя там были не доты, а просто окопы. Имей мы резервы для мощных контратак на соседних участках, доблестный 241-й полк устоял бы на старых позициях!

Но то, что их пришлось оставить, не делало стойкость полка напрасной: упорная оборона в долине Бельбека задержала и ослабила натиск врага у Камышловского оврага, помешала ему продвинуться дальше. А бойцы Дьякончука вышли из окружения даже с трофеями — с немецкими минометами, пулеметами, автоматами.

Николай Кирьякович Рыжи, ухитрявшийся побывать за день чуть не во всех артполках, воодушевленно рассказывал о делах своих артиллеристов.

На участках, где создавалось тяжелое положение, некоторые дивизионы и батареи оказывались без пехотного прикрытия, лицом к лицу с наступающим врагом. Чтобы не допустить захвата орудий, не быть вынужденными их взрывать, батарейцы сами ходили в контратаки.

Такая обстановка сложилась, в частности, в районе Камышловского моста: потеснив нашу пехоту, немцы прорвались

к командному пункту 397-го артполка майора П. И. Полякова, к огневым позициям одного из его дивизионов. Отвести дивизион было уже нельзя, и артиллеристы заняли круговую оборону. Пока расчеты выкатывали часть орудий на открытую позицию для стрельбы прямой наводкой, бойцы обслуживающих подразделений во главе с секретарем полкового партбюро Казиновым и пропагандистом Илюченко контратаковали фашистских автоматчиков. Когда Илюченко был убит, а Казинов ранен, контратаку возглавил завделопроизводством штаба полка… Артиллеристы отстояли свои орудия, отбросили прорвавшихся гитлеровцев и даже захватили (не частый в артиллерии случай!) несколько пленных.

Геройски дрались конники полковника Кудюрова, получившие трудный участок обороны на возвышенности Кара-Тау. Не так рассчитывали мы, сложись обстоятельства более благоприятно, использовать единственную в Приморской армии кавалерийскую дивизию. Но сейчас требовалась пехота, других резервов не было, и кавалеристы показали, что, раз надо, они могут быть стойкой пехотой. Ни танками, ни бешеным минометным огнем, ни бомбежками с воздуха врагу не удавалось смять спешенные эскадроны. Они отходили на новый рубеж только по приказу, когда это, как было 19 декабря, становилось необходимым по общей обстановке. Особую стойкость, как и в ноябре под Балаклавой, проявил 149-й кавполк Леонида Георгиевича Калужского. Через штаб сектора к нам доходили его краткие, уверенные донесения: "Все в порядке, держусь прочно". А в строю полка было уже меньше двухсот бойцов…

Пока на севастопольских рубежах стояли такие части, нас было не сломить!

Несокрушимой опорой войскам, отражавшим атаки врага, служил и сам Севастополь. Очень верно написал потом Борис Алексеевич Борисов: "Второй штурм город встретил, как старый, закаленный в бою солдат".

18 декабря, когда не оставалось уже сомнений в том, что противник ведет решительное наступление, рассчитанное на захват города, комитет обороны экстренно собрал партийный актив — руководителей районов, директоров предприятий, секретарей парторганизаций. С сообщением, ориентирующим в обстановке, выступил от имени командования оборонительного района генерал П. А. Моргунов.

Во что бы то ни стало увеличить производство оружия и боеприпасов, обеспечить срочный ремонт поврежденной боевой техники, выделить максимум рабочих рук на строительство дополнительных укреплений — вот о чем в первую очередь шла

на активе речь.

Не могу ручаться, что в решениях именно этого совещания было записано: "Все население считать мобилизованным". Может быть, и не совсем такая была формулировка. Но, суть принятых решений сводилась к этому. Перед лицом, вновь резко обострившейся опасности для города Севастопольская партийная организация, комитет обороны мобилизовали на непосредственную помощь фронту всех, кто был способен что-то для него сделать.

Летучие ремонтные бригады из лучших оружейников стали выезжать на огневые позиции батарей, чтобы там, на поле боя, устранять повреждения орудий и минометов. Все предприятия и цехи, выпускающие военную продукцию, перешли на непрерывную работу. Людей не хватало: сотни севастопольцев, еще вчера стоявших у станков, влились в войска. Но те, кто был оставлен на производстве, не покидали своих трудовых постов и после двенадцатичасовой смены. Основная часть рабочих переводилась на казарменное положение в убежищах.

Рабочие знали: все сделанное ими сегодня будет решать исход завтрашних боев за Севастополь. А если в цехе появлялся фронтовик и рассказывал, как изготовленным здесь оружием бьют врага, или зачитывалась записка комиссара части, присланная с доставляющим боеприпасы на фронт шофером — благодарность за боевую продукцию, — люди готовы были вовсе забыть об отдыхе и сне.

Не так уж много оружия могло быть изготовлено в осажденном городе. Но мы ощутили, что выпуск ручных гранат на спецкомбинате, не превышавший в начале декабря двухсот штук в сутки, стал приближаться к тысяче. Так же росло и производство мин. Где только не собирали взрослые и дети металл для их корпусов! А "начинку", если не хватало, все чаще добывали, рискуя жизнью, из невзорвавшихся немецких бомб.

На том же подземном комбинате в Троицкой балке осваивали производство малых авиабомб для севастопольских летчиков. Возникло было осложнение: порох, закладываемый в запалы, требовалось насыпать в мешочки из натурального шелка, а его не нашлось ни метра на всех складах в пределах города. Но проблему решили сами работницы комбината: они принесли и раскроили на пороховые мешочки свои выходные платья.

От жителей города не скрывали серьезности положения. В местной сводке "На подступах к Севастополю" говорилось прямо: враг пытается прорвать нашу оборону. И это касалось уже не передового рубежа, а главного, проходящего в пяти-шести километрах от оконечности Северной бухты и окраин

Корабельной стороны.

Там, как и в Инкермане, в поселках за Северной стороной, приближение фронта не могли не ощущать, настолько явственно доносились звуки боя.

Но военных, появлявшихся на предприятиях или в убежищах, никто не спрашивал, будет ли удержан город. В это верили беззаветно.

Как на фронте, на предприятиях и других жизненно важных городских объектах назначали дежурных связных для передачи донесений в комитет обороны, если разрыв бомбы перебьет телефонные провода. Как на фронте, парткабинет горкома, работавший круглые сутки, выпускал боевые листки с последними военными и городскими новостями. Они разносились по цехам и убежищам, чтобы люди не оставались без информации, если обстоятельства задержат выход газеты и окажется поврежденной радиотрансляционная сеть. Но и повреждения устранялись по-фронтовому, в немыслимые, по прежним понятиям, сроки.

Крупная бомба попала в недавно пущенную макаронную фабрику, снабжавшую население и войска. Пострадали здание и оборудование, убит был директор. Городской комитет обороны назначил вместо него одну из работниц-коммунисток, обязав ее возобновить выпуск продукции в течение трех суток. И в назначенный срок фабрика заработала. А бригада женщин с соседних улиц перебрала по штучке десятки тонн готовых макарон, перемешанных со стеклом из выбитых окон.

Все это — лишь отдельные детали севастопольской жизни тех дней. Но, мне кажется, каждая такая деталь отражает самые характерные ее черты — высокое мужество мирных советских людей, оказавшихся на переднем крае войны, замечательную их организованность.

Приведу еще один факт, в котором слились трагическое и жизнеутверждающее, горе и надежда.

Началось с того, что на командный пункт МПВО принесли двухлетнюю девочку единственное живое существо, извлеченное спасательной командой из завала на месте разрушенного бомбой дома. Наведенные справки подтвердили: родных у ребенка больше нет.

Подобные случаи в городе уже бывали. Осиротевших ребят куда-то временно пристраивали, а те, кто постарше, чаще всего находили приют в какой-нибудь воинской части, становились "сыновьями полка". Но случай с малышкой, спасенной из-под развалин, дал толчок к тому, чтобы вопрос о таких детях обсудил наряду с самыми срочными делами городской комитет обороны.

Он поручил гороно немедленно организовать для них специальный интернат.

Это детское учреждение, размещенное в одном из убежищ на улице Карла Маркса, существовало почти до конца Севастопольской обороны, принимая все новых питомцев — от грудных до пятнадцатилетних. Мы отдали распоряжение в части отправлять в интернат мальчишек, успевших пробраться на фронт, где им было все-таки не место. Этих приводили уже в форме: кого в сухопутной, кого в морской. Многие из них пытались убегать обратно в войска. Некоторым это удавалось…

Если бы кто-нибудь взялся проследить судьбу этих ребят, наверное, выяснилось бы немало волнующего и интересного. Я же могу сказать о них лишь то, что всех воспитанников интерната осадный Севастополь сумел уберечь. Все они — несколькими группами, в разные сроки — были переправлены на Большую землю.

* * *

В час тридцать ночи 20 декабря в Северной бухте ошвартовался "Чапаев", доставивший из Новороссийска боеприпасы. Он пришел на несколько часов раньше, чем было обещано. Это позволяло подать снаряды на огневые позиции еще до рассвета.

Правда, пополнить боезапас смогли не все батареи. Снарядов для 107-миллиметровых пушек и для гаубиц на этом транспорте не оказалось. Мины прибыли только 50-миллиметровые. Но мы радовались и тому, что привезено.

А незадолго до того, как на фронте должны были возобновиться вражеские атаки, ко мне вошел начальник разведотдела Потапов. Несколько смущенный таким он обычно бывал, когда считал, что докладывает что-то существенное позже, чем следовало бы, — Василий Степанович положил на стол лист бумаги.

— Показания одного пленного, — пояснил он. — Полагаю, что сроки, которые тут называются, заслуживают выи-мания…

Пленный из 47-го немецкого пехотного полка заявил на допросе, что, как ему известно, наступающие на Севастополь войска имеют задачу овладеть городом в течение четырех суток, то есть 21 декабря.

"Ну и что?" — хотелось мне сказать в первое мгновение. Ведь в том, что Манштейн рассчитывал завершить нынешнее наступление в короткие сроки, сомневаться и так не приходилось. Однако Потапов был прав: показания пленного заслуживали внимания. Они, если немец не лгал, приоткрывали действующую плановую таблицу противника, точнее, ее последнюю графу. А

такими сведениями не пренебрегают. Особенно когда речь идет о завтрашнем дне.

Показания пленного были доложены командарму.

— Что ж, чего-то в этом роде и следовало ожидать, — сказал Иван Ефимович. — Из своего графика они теперь уже основательно выбились. По сегодня еще могут попытаться в него войти. Во всяком случае, коменданты секторов должны об этом сроке знать.

…В час рассвета о начавшихся атаках противника доложили из всех секторов. Даже из первого, где накануне было тихо. Впрочем, там, на правом фланге обороны, противник атаковал не столь активно, очевидно, лишь в целях сковывания наших сил.

На левом фланге, в четвертом секторе, явно пошло на пользу вчерашнее выравнивание фронта. Утренние атаки отбивались там успешно, где-либо вклиниться или потеснить нас врагу пока не удавалось. Постепенно почувствовалось, что главный его натиск смещается вправо, в третий сектор. Еще до полудня группы фашистских автоматчиков, прикрываемые танками, стали прорываться в стыках полков Чапаевской дивизии.

Намечалась угроза продвижения противника в направлении Северной бухты через кордон Мекензи № 1 п Мартыновский овраг. Между тем комендант третьего сектора имел в резерве лишь батальон ПВО.

К фронтовым событиям этого дня мне еще придется вернуться. Но он памятен не только тем, что происходило на переднем крае обороны.

Несколько раньше я говорил о телеграмме, посланной в ночь на 20 декабря контр-адмиралом Жуковым и дивизионным комиссаром Кулаковым от имени Военного совета Черноморского флота Верховному Главнокомандующему.

О содержании телеграммы я знал тогда со слов Ивана Ефимовича Петрова лишь в общих чертах. Мне не подумалось, что на нее уже мог последовать какой-то ответ, когда днем 20-го, после короткого телефонного разговора с Жуковым, командарм сообщил, что едет с членом Военного совета армии Кузнецовым на командный пункт СОР.

Вернулись они довольно скоро, оба радостно возбужденные, хотя на фронте за это время, как мне было точно известно, ничего утешительного не произошло. Скорее наоборот, особенно в третьем секторе…

— Есть важные новости, — улыбнулся Иван Ефимович, проходя к себе. — Зовите Рыжи и Ковтуна, расскажу всем вам сразу.

Новости были действительно поважнее тех местных, о

которых я приготовился доложить командарму. Контр-адмирал Жуков, оказывается, вызывал Петрова и Кузнецова, чтобы познакомить с только что принятой директивой Ставки, целиком относившейся к Севастополю.

Ставка приказала командующему Закавказским фронтом (это был не первый пункт, но в тот момент самый для нас главный, и генерал Петров с него начал) немедленно отправить в Севастополь стрелковую дивизию или две стрелковые бригады и еще не менее трех тысяч человек пополнения, а также снаряды необходимых калибров, помочь нам авиацией. Вице-адмиралу Октябрьскому предписывалось вернуться с Кавказа в Севастополь. Севастопольский оборонительный район подчинялся во всех отношениях Закфронту.

Почти каждая фраза директивы содержала слово "немедленно". И требования Ставки начали выполняться на Кавказе с поразившей нас тогда быстротой.

Еще до конца дня мы узнали, что в Приморскую армию передаются из состава 44-й армии Закавказского фронта 345-я стрелковая дивизия, 79-я стрелковая бригада, отдельный танковый батальон… Кроме того, мы должны в течение трех дней получить десять маршевых рот.

А вечером стало известно: из Новороссийска уже вышел в Севастополь отряд боевых кораблей — два крейсера и эсминцы — под флагом командующего флотом. на борту кораблей, как радировал вице-адмирал Октябрьский контрадмиралу Жукову, находилась хорошо вооруженная стрелковая бригада.

Помощь шла как нельзя более вовремя. Обстановка под Севастополем приближалась к тому состоянию, которое называют критическим.

Наша взяла!

В какой-то мере повторялось пережитое три месяца назад в Одессе. Тогда тоже, из того же Новороссийска, посылалась по указанию Ставки Верховного Главнокомандования срочная помощь нашей армии — дивизия полковника Томилова. И тоже, пока эта помощь шла, развитие событий приобретало такой характер, что имел значение каждый час.

Но в сентябре под Одессой было все-таки легче: наступавший противник не так силен, не так упорен и в тот момент еще нигде не находился ближе 10–12 километров от города.

А под Севастополем 20 декабря потребовалось спешно создать заслон на запасном рубеже вблизи Восточного Инкерманского маяка, еще никогда до того не упоминавшегося в оперативных сводках, — менее чем в четырех километрах от Северной бухты. К Мартыновскому оврагу выдвигались в качестве противотанковых снятые со своих позиций зенитные батареи со строжайшим наказом не открывать огня по самолетам, дабы преждевременно себя не обнаружить.

После моего доклада об обстановке на 14 часов командарм приказал передать коменданту третьего сектора генералу Коломийцу наш единственный танковый батальон и стрелковый батальон береговой обороны — последний армейский резерв. Они предназначались вместе с небольшими резервами сектора для контратак, необходимых, чтобы пресечь вклинивание врага в глубину обороны.

Задача проложить путь к Северной бухте с востока (в то время как другие соединения пробивались к ней с севера) возлагалась немецким командованием на 24-ю пехотную дивизию. Вскоре мы располагали текстом приказа, полученного ее командиром: "К исходу четвертого дня боев, используя все возможности, прорваться к крепости Севастополь и немедленно доложить о достижении цели". Таким образом, показания пленного из 47-го полка подтвердились: Манштейн планировал взять город 21 декабря.

В полосе наступления этой дивизии оборонялись 54-й Разинский стрелковый полк майора Н. М. Матусевича и 3-й морской подполковника С. Р. Гусарова. За первые три дня штурма они не дали противнику продвинуться ни на шаг. Фашистскую пехоту подпускали на 150–200 метров и встречали сосредоточенным точным огнем, которого та не выдерживала. Гранатометчики, сидевшие в ячейках впереди траншей, имели приказ не расходовать гранаты, пока немцы не подойдут на 50

метров. И атаки захлебывались. Трупы своих солдат, сотнями лежавшие на ничейной полосе", гитлеровцы не пытались выносить даже ночью. Комендант сектора считал, что 24-я немецкая дивизия потеряла в эти дни не меньше трети своего состава.

И все же два стойко державшихся полка не уберегли свой стык. Нажав на этом участке, прикрывая группы автоматчиков танками, противник врезался между ними. Из нескольких клиньев, которые гитлеровцам удалось образовать в тот день, этот был наиболее опасен.

Прорвавшиеся подразделения врага могли повернуть на командный пункт Чапаевской дивизии (где он находится, немцы, по всей вероятности, знали). Однако даже это их не соблазнило. Пренебрегая тем, что окажутся в мешке, если мы закроем пробитую брешь, они упорно лезли дальше в сторону Северной бухты. Очевидно, им было приказано продвигаться туда любой ценой: срок, данный командиру 24-й дивизии, истекал…

Генерал Коломиец принимал энергичные меры для восстановления стыков. Разинцы, чтобы соединиться с полком Гусарова, пошли в штыковую атаку. Но ликвидировать разрыв между двумя полками, достигший нескольких сот метров, было уже не так-то просто.

В дополнение к тому, что передавалось в третий сектор из армейского резерва, мы перебросили туда для ликвидации мелких групп гитлеровцев, просочившихся на левом фланге, роту автоматчиков из 773-го полка, действовавшего в четвертом секторе. В тот же день командарм решил для удобства управления переподчинить генералу Воробьеву и два остальных полка 388-й дивизии, которые занимали оборону вдоль Камышловского оврага, с оставлением их на тех же позициях. Тем самым с Коломийца ответственность за этот участок снималась, а фронт четвертого сектора на время расширялся вправо.

Там, в четвертом, тоже продолжались ожесточенные бои, и самые тяжелые опять на участке Кудюрова. Проводная связь с кавдивизией прервалась. Командарм передал на ее КП по радио: "Сдерживать противника сколько можно, использовать выгодные рубежи. Утром 21-го ожидайте поддержку. Пока помогу самолетами". По радио же была передана благодарность Военного совета армии 149-му кавполку Калужского за особую стойкость, и отдельно — эскадрону младшего лейтенанта Ткаченко.

Полк этот по числу бойцов соответствовал теперь почти что роте, эскадрон взводу, но прорвать здесь нашу оборону вражеские танки и пехота по-прежнему не могли. А комэск Ткаченко со своими бойцами сумел захватить при ночной вылазке немецкую

противотанковую пушку со снарядами. Присоединенная к нашим, она тоже била по наседающим гитлеровцам.

Остатки кавдивизии давно следовало бы отвести с переднего края, однако заменить их было пока нечем. Да и нужны были эти несгибаемые ветераны, сколько бы их ни осталось в строю, сейчас именно на передовой. Ценя их как костяк, способный цементировать оборону, мы пошли на то, что временно присоединили к 154-му кавполку подполковника А. К. Макаренко, у которого своих людей оставалось всего несколько десятков, соседний 773-й стрелковый полк, потерявший в бою только что назначенного нового командира капитана Е. И. Леонова, вчерашнего комбата из 8-й бригады морской пехоты.

Среди событий дня было и отрадное: части второго сектора вновь заняли высоту с Итальянским кладбищем. Но восстановить положение на участках 3-го морского и Разинского полков до вечера не удалось.

В отличие от прошлых суток активность противника не прекращалась и с наступлением темноты. Из двух секторов сообщили, что немецкие солдаты — этого в декабре еще не бывало — идут в атаку без шинелей, в одних мундирчиках.

Мороз ослабел, но все же форма была не по погоде. Когда несколько полузамерзших немцев сдались в плен, мы узнали, что шинели у них отобрали перед атакой, причем было сказано: "Получите в Севастополе". В Севастополе обещали и обед. Командиры фашистских дивизий делали отчаянные попытки выполнить срывавшийся план, уложиться в назначенные Манштейном, а может быть и кем-то выше, сроки.

К тому часу, когда мы обычно подводили итоги дня, этот боевой день еще не кончился и положение оставалось весьма напряженным. Единственное, что можно было сказать: наш фронт не прорван. Вклинивания, которые произошли в третьем секторе, прорыва обороны еще не означали.

Мелкие группы противника, оказавшиеся у нас в тылах, в основном были уже ликвидированы. Однако группа, что прорвалась между полками Матусевича и Гусарова (батальон или больше), закрепилась на двух безымянных высотках и в примыкающих к ним лощинах Мекензиевых гор. И поскольку разрыв в линии фронта еще не был полностью перекрыт, она могла даже получить подкрепление.

Покончить с этими гитлеровцами, засевшими очень близко от бухты и города и, несомненно, имевшими задачу облегчить прорыв сюда всей 24-й дивизии, которая по замыслу врага, очевидно, должна была где-то соединиться с передовыми частями 132-й пехотной, атакующими с другого направления, следовало

побыстрее. Характер местности не позволял надеяться, что здесь справятся одни артиллеристы и летчики. Но о том, чтобы генерал Коломиец снял какие-либо подразделения у себя с фронта, не могло быть речи.

Словом, позарез требовался резервный ударный батальон — 500–600 смелых бойцов с грамотным и решительным командиром. Командарм переговорил с контр-адмиралом Жуковым, и Гавриил Васильевич обещал, что людей найдет.

А дать в батальон командира должен был штаб армии. Перебрав по памяти возможных кандидатов, мы остановились на майоре пограничнике Шейнине как на самом надежном. Он формировал наш пограничный полк, а затем, передав его Рубцову, стал у него заместителем.

Я знал Касьяна Савельевича Шейнина по Одессе. Там его батальон отличался не раз, а однажды перебрасывался на прерывный участок фронта, где помог восстановить положение. Из разговора с Шейниным запомнилось: на военной службе он, как и я, с девятнадцатого года, в Красную Армию пришел с Путиловского завода…

Получив по телефону приказание явиться на КП армии, Шейнин прибыл из-под Балаклавы так быстро, что было ясно — на сборы не потратил и пяти минут. Он предстал передо мной в безупречно сидящей, перетянутой ремнями шинели с зелеными петлицами пограничника, на груди — автомат и бинокль, на боку полевая сумка.

Я объявил майору приказ: вступить в командование батальоном моряков, который только что сформирован и перебрасывается на машинах в район кордона Мекензи № 1, куда доставят сейчас и его. Сколько будет бойцов, выяснится на месте. Командиры рот назначены с батарей береговой обороны, батальону придаются три танкетки.

Вошел командарм и сам объяснил Шейнину остальное.

— Представитель штаба сектора встретит вас у кордона Мекензи и уточнит задачу и обстановку, — закончил он. — Запомните одно: немцы, прорвавшиеся в наши тылы, должны быть уничтожены.

Вопросов майор не задавал: детали виднее вблизи, а главное и так ясно.

Командарм и я крепко пожали майору руку, пожелали боевой удачи. Наверху его уже ждала машина.

* * *

Отряд кораблей вышел из Новороссийска с таким расчетом, чтобы быть в Севастополе еще до рассвета 21 декабря. Но его задержал сперва шторм, не дававший идти полным ходом, а

затем густой зимний туман у берегов Крыма, крайне затруднявший выход на пролегающие среди минных полей севастопольские фарватеры — радиолокаторов флот в ту пору еще не имел.

Прошло утро, вступил в свои права день, а кораблей все еще не было. Чувствовалось, как у севастопольских моряков нарастает за них тревога, передававшаяся и нам. А мы еще не знали, что корабли, маневрирующие где-то в тумане и, очевидно, соблюдающие радиомолчание, не удалось обнаружить высланному им навстречу тральщику и летавшим далеко над морем самолетам.

Над городом ни тумана, ни значительной облачности не было. В таких условиях, среди бела дня в Севастополь уже давно не входил ни один корабль. Обеспечение подхода к осажденному городу отряда в составе двух крейсеров, лидера и двух эсминцев превращалось в целую операцию. Береговые батареи и тяжелые армейские артполки получили приказ всей силой огня подавлять вражескую дальнобойную артиллерию, как только она начнет обстреливать фарватеры. Севастопольская авиагруппа, оказывавшая все эти дни очень действенную помощь нашей пехоте бомбоштурмовыми ударами по атакующему противнику, сейчас держала большинство самолетов на аэродромах в готовности прикрывать корабли.

А бои на суше становились тем временем все ожесточеннее. Из четвертого сектора еще рано утром доложили: на правом фланге немцы в первую же атаку пехоты ввели группы танков. Это был признак того, что враг, не добившись решающего успеха в полосе третьего сектора, по-видимому, опять перемещает центр тяжести главного удара.

Однако третий сектор был оставлен в покое ненадолго. Сильные атаки на всем его фронте возобновились после полудня. В стык разинцев и полка Гусарова, где накануне прорвался батальон, теперь окруженный, но еще не уничтоженный, ломились два фашистских полка…

На правом крыле Севастопольского обвода, во втором секторе, гитлеровцы тем временем ввели в наступление свежую 170-ю пехотную дивизию. Переброску ее с Керченского полуострова наши разведчики установили давно, но в боях, во всяком случае в полном составе, она участвовала впервые.

О состоянии наших войск в боевом донесении, подготовленном в штарме утром 21-го, говорилось следующее: "За четверо суток армия потеряла убитыми и ранеными свыше 5 тысяч человек. В стрелковых батальонах в среднем осталось по 200–300 бойцов… Резервов нет, все введены в бой".

Главные события дня были, однако, еще впереди.

В четвертом секторе, на его правом фланге, на участке, прикрытом, казалось, не хуже, чем соседние, не устояли под вражеским натиском два полка 388-й дивизии. Продвинувшись здесь, противник овладел, в частности, двумя небольшими, но очень важными высотками, запиравшими, пока они находились в наших руках, выход из Бельбекской долины. Заняв их, немцы получали возможность подтягивать силы в направлении станции Мекензиевы Горы.

Ухудшение положения на этом участке было слишком серьезным, чтобы откладывать бой за возвращение утраченных позиций до того, как в строй армии вступит прибывающее с Большой земли подкрепление. Командарм потребовал немедленно организовать контратаку. Вернуть прежний рубеж поручалось тем же двум полкам Овсеенко, усиленным саперным батальоном и еще некоторыми подразделениями. Одновременно принимались меры, чтобы не дать противнику продвинуться на соседних участках. Но контратака успеха не имела…

* * *

Привязанный напряженностью обстановки к средствам штабной связи, то и дело получая доклады, на которые требовалось немедленно реагировать, я не смог подняться наверх, когда корабли с войсками входили, а точнее, прорывались в севастопольские бухты, тем более что командарм уехал встречать командующего СОР и прибывающую бригаду.

Корабли подошли к Севастополю около часу дня.

После того как не состоялась их встреча с тральщиком, который вывел бы отряд на нужный фарватер (туман над морем все еще не рассеялся), вице-адмирал Октябрьский принял решение приблизиться к берегу Крыма южнее Севастополя, ориентируясь по приметному, не закрытому туманом гористому мысу. А затем выйти вдоль побережья, занятого противником, но зато при хорошей видимости, полным ходом на запасный фарватер.

Этот маневр оправдал себя. Вынырнув из тумана, корабли появились вблизи берега неожиданно, а Севастополь был уже близко. Организовать массированный удар с воздуха немцы не успели. Первые группы бомбардировщиков настигли отряд, когда до порта оставалось несколько миль. И ваши "ястребки" уже вступили в охранение кораблей.

Как потом я узнал, в воздухе находился и сам генерал Остряков. Перед вылетом он наказал своим летчикам: сегодня в бои с "мессерами" не ввязываться, за "юнкерсами" тоже не гоняться, а сосредоточиться на одном — разбивать строй

бомбардировщиков, не дать им сбрасывать бомбы на корабли.

На этих последних перед Севастополем милях кораблям угрожала и вражеская артиллерия. Ее позиции проштурмовали "илы". По немецким батареям открыли огонь наши. И все же снаряды падали и рвались вокруг кораблей. А узость стиснутого минными полями фарватера лишала моряков свободы маневра, не позволяла применять зигзаг, уменьшающий вероятность попаданий. Оставалось одно выжимать из машин всю возможную скорость.

С брустверa над КП наши товарищи видели грозную картину: море, испещренное белопенными фонтанами от бомб и снарядов, схватки десятков самолетов над ним. И колонну кораблей, прорывающуюся на внутренний рейд, в бухты сквозь огонь, в грохоте боя…

Глядя издали, трудно было поверить, что корабли останутся невредимыми. Особенно концевой, который отстал от других (это был "Незаможник", старый эсминец, имевший меньшую скорость, чем остальные корабли).

Однако, как вскоре стало известно, корабли, да и то не все, получили лишь незначительные повреждения палубных надстроек осколками. Потерь в людях не было. Смелый про-рыв удался вполне! И как ни много сделали для его успеха севастопольские летчики и артиллеристы, следовало отдать должное прежде всего мужеству и мастерству моряков, командиров крейсеров и эсминцев А. М. Гущина, А. И. Зубкова, П. А. Мельникова, П. А. Бобровникова, В. М. Митина.

В бухтах, которые тоже обстреливались, отряд стремительно рассредоточился. Крейсер "Красный Крым" вошел в Южную, остальные корабли повернули в Северную. "Красный Кавказ" — он имел на борту штаб бригады и наибольшее количество бойцов и техники — ошвартовался в Сухарной балке.

Это место высадки давало сейчас двойную выгоду. Во-первых, Сухарная балка благодаря конфигурации ее обрывистых склонов представляла собой мертвое пространстве для неприятельской артиллерии, и те же скалы, нависающие над причалом, затрудняли фашистским самолетам прицельную бомбежку. А во-вторых обстоятельство, в той обстановке немаловажное, — войска высаживались в непосредственной близости к самому напряженному участку фронта.

В соседней Клеопальной балке разгружался лидер "Харьков". Высадка людей, выгрузка техники шли в высоком темпе. Представители штарма, встречавшие подкрепление, рассказывали, как бойцы с полной выкладкой прямо ссыпались по корабельным трапам, все команды выполняли бегом — любо

посмотреть…

Так прибыла на защиту Севастополя 79-я морская стрелковая бригада, насчитывавшая около четырех тысяч бойцов.

Треть их составляли моряки. Это была одна из бригад, которые по решению Государственного Комитета Обороны, принятому в октябре 1941 года, формировались из личного состава Военно-Морского Флота (иногда полностью, а иногда, как в данном случае, только с "прослойкой" моряков) для боевых действий на сухопутных фронтах. Эта часть всегда оставалась в Приморской армии олицетворением боевого братства матросов и солдат, сухопутных и флотских командиров.

Командовал бригадой полковник Алексей Степанович Потапов, известный приморцам по Одессе.

Там он, еще в звании майора, возглавлял первый присланный из Севастополя отряд моряков-добровольцев, с которым в ходе жарких боев прорвался в неприятельские тылы и совершил по ним на свой страх и риск дерзкий рейд, вызвав в стане врага немалый переполох. За такое партизанство он заслуживал строгого внушения, однако достоин был и награды за нанесенный противнику урон. И надо сказать, получил и то, и другое.

В той вылазке ярко проявилась натура Потапова — командира не очень расчетливого, увлекающегося, но смелого, решительного, способного с верой в успех идти напролом.

Старым знакомым оказался и военком бригады полковой комиссар Иван Андреевич Слесарев: в сентябре, когда под Одессой наносился контрудар, он был комиссаром морского полка, высадившегося у Григорьевки.

79-я бригада должна была в составе 44-й армии Закавказского фронта участвовать в Керченско-Феодосийской десантной операции и, кажется, предназначалась для первого броска в Феодосию, для захвата порта. Не имея права до последнего момента (который так и не наступил) объявить это подчиненным, Потапов и Слесарев тем не менее сумели подготовить бригаду как ударную часть, где весь личный состав считал, что будет выполнять какое-то особо ответственное задание. С этим внутренним зарядом потаповцы — так они себя называли — и прибыли в Севастополь. Командарм Петров сразу заметил и оценил высокий боевой па-строй этой части.

Встретившись с А. С. Потаповым, с начальником штаба майором И. А. Морозовым и другими командирами бригады немного позже, я тоже не мог не ощутить их боевого духа. Производила впечатление общая убежденность командного состава, что бойцы бригады — это герои-богатыри, которым любая задача по плечу.

Потапов, как и большинство окружавших его командиров, был в морской форме. От Одессы у Алексея Степановича осталась памятка: плохо двигалась левая рука. Потапов выглядел теперь лет на пять старше. Очевидно, наложили свой отпечаток и госпиталь, где он вряд ли пробыл положенный срок, и ответственность за доверенную крупную часть. И понимал, конечно, что раз бригаду отстрани" ли от операции, к которой она специально готовилась, и тав спешно перебросили сюда, то, значит, жди задачу еще потруднее…

В некоторых работах об обороне Севастополя можно прочесть, будто бригада Потапова сразу после высадки, чуть не прямо с причалов, пошла в контратаку. Но чего не было, того не было. При всей серьезности положения мы все же обошлись без того, чтобы бросать драгоценное подкрепление в бой без элементарно необходимой подготовки. Верно, однако, что батальоны 79-й бригады немедленно начали выдвигаться к исходным позициям, с которых должны были совместно с другими частями контратаковать противника на следующее утро.

Под КП бригады отвели домик дорожного мастера в километре южнее кордона Мекензи № 1, по соседству с передовым армейским наблюдательным пунктом. Как-то сразу его начали называть домиком Потапова (это не забылось даже много лет спустя, в чем я убеждался, бывая в Севастополе после войны).

Как свидетельствует журнал боевых действий, в этом домике в 18 часов 45 минут 21 декабря командарм отдал полковнику Потапову первое боевое распоряжение: к 6.00 22-го сосредоточить бригаду в районе кордон Мекензи станция Мекензиевы Горы и быть к 8.00 в готовности атаковать врага.

Зимний день короток. Светлого времени на рекогносцировку уже не оставалось. Но в каждую роту бригады дали проводников, хорошо знающих местность.

* * *

Прежде чем говорить о дальнейших событиях, доскажу то, к чему потом уже трудно было бы вернуться.

21 декабря достиг своей кульминации подвиг сражавшихся за Бельбекской долиной спешенных конников, которых в оперативных документах все еще называли 40-й кавалерийской дивизией.

Конники стояли насмерть. Каждое их подразделение, условно именовавшееся полком, за этот день вновь отбило по нескольку атак немецких танков и пехоты. "Держимся и будем держаться", — передал около 16 часов командир 149-го кавполка. Это было его последнее донесение: через несколько минут подполковник Л. Г. Калужский пал смертью героя, руководя отражением новой

танковой атаки.

Бой разгорелся вслед за тем у командного пункта дивизии. В 17 часов младший лейтенант Сапожников доложил оттуда по телефону в штаб сектора:

— Полковник Кудюров убит. Танки противника у нашего КП. Больше говорить не могу, ликвидируйте мои позывные…

Подробности стали известны позже. Командир дивизии Филипп Федорович Кудюров, заменив убитого наводчика, встал к противотанковой пушке. Погиб он при прямом попадании танкового снаряда в это орудие.

Танки прорвались у командного пункта комдива и в стыке двух кавполков (в одном из них к этому часу насчитывалось 80 бойцов, а в другом лишь немногим больше). Но бойцы остались на своем рубеже, сумели огнем отсечь от танков наступавшую за ними пехоту. Переброской на этот участок разведбата 95-й дивизии и саперного батальона положение на нем было окончательно восстановлено. В командование остатками кавдивизии (вскоре отсюда отведенными) вступил начальник ее штаба И. С. Стройло.

Гибель Кудюрова, ветерана гражданской войны, тяжело переживал генерал Петров.

— Похороним Филиппа Федоровича на Малаховом кургане, — решил командарм.

Это была высшая посмертная почесть, какую мы могли оказать геройскому комдиву.

Храбрые конники дорого отдавали свою жизнь. По самым скромным и, вероятно, неполным подсчетам, они уничтожили в декабрьских боях до полутора тысяч гитлеровцев, надолго задержали на своем участке продвижение врага.

Стойкость была на севастопольских рубежах правилом, нормой, нестойкость исключением из правила. Именно поэтому гитлеровцы, хотя они вновь завладели такой важной позицией на главном оборонительном рубеже, как высота 192 у селения Камышлы, не смогли до исхода дня существенно развить свой успех. Выстоял, заняв еще раз круговую оборону, малочисленный полк Дьякончука, отбили все атаки на своих участках 8-я бригада морской пехоты и полк Белюги, не дали немцам обойти свой фланг чапаевцы.

Доскажу и о майоре Шейкине, которому в ночь на 21-е было приказано возглавить батальон моряков и уничтожить закрепившийся в тылах третьего сектора неприятельский отряд неизвестной численности — авангард 24-й немецкой дивизии.

Большинство краснофлотцев батальона до этой ночи друг друга не видели. Но моряки знакомятся быстро. Хуже было то,

что они никогда не воевали на суше. А бой предстоял с опытным противником, да еще в горно-лесистой местности, где много значит подготовленность самых мелких подразделений к самостоятельным действиям.

Комбат Шейнин, комиссар батальона старший политрук Шмидт и начальник штаба старший лейтенант Алексеев (они тоже встретились впервые) разбили краснофлотцев на три роты. И распределились сами — кому с какой ротой идти в бой.

Начарт сектора организовал артиллерийскую подготовку и обеспечил огневую поддержку по ходу атаки.

Бой был тяжелым. Приданные три танкетки оказались бесполезными: они застревали в чащобе и на пнях. Противник, очевидно поддерживавший со своим окруженным отрядом радиосвязь, пытался помочь ему сильным артиллерийским огнем, а отряд имел минометы.

Рота, которую вел начштаба батальона, полегла почти целиком, погиб и старший лейтенант Алексеев — артиллерист с береговой батареи. Не раз сам майор Шейкин возглавлял атаки, ложился к пулемету. Краснофлотцы били фашистов гранатами и штыком, пускали в дело только что захваченные немецкие автоматы.

Как заявил комендант сектора, результаты их действий превзошли все его ожидания. Ударный отряд гитлеровцев, прокладывавший путь своей дивизии, был разгромлен. Там, где прошел наш сборный батальон, остались несколько сот убитых немецких солдат и офицеров, все их оружие. Десятка два уцелевших фашистов сдались в плен. И только единицам удалось уйти по заросшим кустарником балкам.

Словом, батальон Шейкина выполнил свою задачу до конца. Войдя в азарт, моряки вырвались даже за линию фронта, существовавшую до начала штурма, побывали в немецких окопах, а затем вернулись в прежние наши, окончательно перекрыв разрыв, возникший между двумя полками третьего сектора. И выбить их оттуда врагу уже не удалось.

"Рубеж, которым овладел батальон Касьяна Шейкина в трудные декабрьские дни, — свидетельствует генерал Трофим Калинович Коломиец, — оставался в наших руках вплоть до последнего, июньского, штурма города".

Батальон понес немалые потери. А моряки, остававшиеся в строю, пополнили те полки, которым они помогли сомкнуть фланги. Остался в третьем секторе и майор пограничник Касьян Савельевич Шейкин. Ему суждено было стать чапаевцем, начальником штаба 54-го Разинского полка.

А героический бой батальона, существовавшего как

отдельная часть меньше двух суток, не успевшего получить никакого номера, вошел пусть короткой, но яркой страницей в летопись Севастопольской обороны.

* * *

К ночи на 22 декабря положение под Севастополем определялось прежде всего тем, что противник, преодолев Камышловский овраг, непосредственно угрожал станции Мекензиевы Горы — ключевой позиции на подступах к Северной бухте. Возрастала также опасность прорыва гитлеровцев к Инкерману.

Осложнилась обстановка и у Ялтинского шоссе, в долине реки Черная: введенная здесь в бой свежая немецкая дивизия ценой больших потерь захватила Верхний и Нижний Чоргунь.

Окажись враг на этих рубежах двумя сутками раньше, наши дела были бы совсем плохи. По уточненным данным, потери защитников Севастополя с начала штурма составляли уже около шести тысяч ранеными и не менее двух тысяч убитыми. Вышло из строя 22 полевых и 15 береговых орудий… Но срочные меры, которые приняла Ставка, давали уверенность, что ход событий может быть изменен в нашу пользу.

Вслед за кораблями, доставившими бригаду Потапова, прибыл из Поти лидер "Ташкент" со снарядами самых нужных калибров. В бухтах, еще прошлой ночью пустынных, сосредоточился отряд кораблей, артиллерия которых — около 50 дальнобойных орудий — могла поддержать утром действия наших войск. Крейсер "Красный Кавказ" вел огонь по позициям противника и ночью.

А в Туапсе уже грузилась на суда 345-я стрелковая дивизия. Транспорт "Жан Жорес" шел в Севастополь с батальоном танков.

…Во втором часу ночи закончилось планирование утренней большой контратаки. Документы напоминают, что тогда мы называли ее контрударом. В случае полного успеха он мог закончиться разгромом камышловской группировки противника — частей, вклинившихся в нашу оборону в районе Камышловского оврага. Но важнее всего было вернуть позиции на главном оборонительном рубеже, утраченные накануне.

Как основная ударная сила рассматривалась, конечно, бригада Потапова. Справа от нее предстояло наступать 287-му полку Чапаевской дивизии, слева двум полкам 388-й. Подготовке последних было уделено особое внимание. Оперативные работники штарма и политотдельцы провели ночь в их подразделениях, старались ободрить людей.

Понеся значительные потери, дивизия Овсеенко все-таки насчитывала не меньше штыков, чем свежая 79-я бригада. Как же

было не принимать ее в расчет? К тому же двум ее полкам не ставилась больше задача отбить прежние позиции одними своими силами, надо было лишь поддержать потаповцев.

Однако на участке этих двух полков контратака фактически не началась. Противник возобновил здесь наступление раньше.

Положение фронта за Северной бухтой стало в еще большей степени зависеть от бригады Потапова. Только ее удар по флангу камышловской группировки мог предотвратить новый прорыв врага, гораздо более опасный, чем вчерашний.

К счастью, первые впечатления о 79-й бригаде вполне оправдались. Во встречном бою, с которого ей пришлось начинать, она пересилила, подавила своим напором натиск противника. И, развивая успех, расширяя в ходе боя фронт контратаки, двумя эшелонами двинулась вперед — вдоль шоссе на Бельбек.

Не отставал и наступавший правее полк чапаевцев. Контратаку поддерживали артиллерийские части двух секторов, богдановцы, крейсеры и эсминцы из бухты (только корабли выпустили в этот день около ста тонн снарядов).

К вечеру потаповцы достигли высот перед Камышловским оврагом. Прежняя линия фронта на этом участке была восстановлена почти полностью. Вышел из окружения (вторично в нем оказавшийся) полк капитана Дьякончука.

Сплоченная, уверенно управляемая, 79-я бригада в первый же день участия в боях показала себя отлично. Но по-настоящему порадоваться ее успеху, которым уже снималась угроза району Инкермана, мешало то, что происходило левее: ведь перекрыть весь участок прорыва потаповцы все-таки не могли.

Командарм, встревоженный телеграфным разговором с генералом Воробьевым (комендант четвертого сектора не мог доложить точного положения частей 388-й дивизии, еще не выяснив этого сам), спешно выехал на Северную сторону. Петров взял с собой состоявшего в его распоряжении комбрига С. Ф. Монахова — бывшего начальника Одесского гарнизона.

Новая опасность заключалась в том, что противник продвинулся к стоящей у моря Любимовке, угрожая отсечь наши войска, оборонявшиеся за Бельбеком. По данным, которыми штарм располагал в тот момент, немцы находились от Любимовки километрах в четырех.

Какое решение примет командарм, уточнив обстановку на месте? Думая об этом над картой, я приходил к выводу, что северным приморским выступом севастопольского плацдарма, очевидно, придется пожертвовать. И потому не удивился, когда приехавший через несколько часов Петров объявил:

— Воробьеву даны предварительные указания об отводе левофланговых частей к Бельбеку сегодня ночью. Если этого не сделать, они будут окружены. А сокращение фронта, надеюсь, поможет его стабилизировать.

Вернулся Петров один. Монахову же командарм приказал вступить в командование 388-й дивизией: после того что произошло в этот день, оставлять ее под началом прежнего командира было нельзя.

С решением отвести войска на левом фланге согласилось командование СОР, и во второй половине ночи оно было осуществлено. Это касалось в первую очередь полка майора Белюга, продолжавшего удерживать прежний передний край за Качей, конников и морской бригады полковника Вильшанского (теперь на нее возлагалось прикрытие подступов к станции Мекензиевы Горы). Отвод означал ликвидацию 10-й береговой батареи капитана Матушенко, но на ней к этому моменту действовало лишь одно орудие.

Таким образом, с 23 декабря наш левый фланг должен был опираться на третий, тыловой, оборонительный рубеж и из самого отдаленного от города участка фронта стать одним из самых близких, правда, не к центру, а к Северной стороне, за которой еще лежала широкая бухта. Любимовка становилась прифронтовой. Воробьев получил разрешение перенести свой командный пункт ближе к бухте, в казематы Северного укрепления, оставшегося от первой обороны. Передний край приближался к 30-й батарее, что очень тревожило Моргунова и Кабалюка.

На сократившемся фронте четвертого сектора были уплотнены боевые порядки. Появилась даже возможность создать кое-какой резерв. Части и подразделения, наиболее измотанные в последних боях, мы рассчитывали постепенно выводить на переформирование.

А прежде всего выводились из района боев подразделения 388-й дивизии. Тогда, в декабре, не все ее полки были одинаковы. Выделялся с лучшей стороны 778-й; во всяком случае, до тех пор, пока не выбыл из строя из-за тяжелого ранения его первый командир майор И. Ф. Волков. Отличилась при отражении вражеских атак полковая школа под командой лейтенанта Жуковского.

Через несколько дней, после переформирования и укрепления командно-политическим составом за счет других частей (последнее было необходимо уже потому, что много командиров и политработников пали в боях), стрелковые полки 388-й дивизии заняли позиции во втором эшелоне южных

секторов, где имелась возможность продолжать их доукомплектование и боевую подготовку.

23 декабря, на седьмой день с начала штурма и через двое суток по истечении срока, который гитлеровцы назначили себе для взятия Севастополя, наступило нечто вроде передышки. Вражеские атаки на разных участках от Чоргуня до устья Бельбека продолжались, но совсем не такие, как все эти дни, — редко где силами больше батальона.

Их успешно отражали и во втором секторе, и в четвертом, где к утру был закончен отвод наших войск из приморского выступа и ликвидированы в процессе сокращения фронта все образовавшиеся в нем бреши. А на левом фланге третьего сектора, в состав которого вошла теперь бригада Потапова, вновь контратаковали мы.

Здесь удалось вернуть еще ряд высот у Камышловского оврага. Но некоторые пришлось за одни сутки занимать повторно: потаповцы, неотразимые в атаке, в броске, еще не очень умели закрепляться на отвоеванном рубеже.

Не могу не сказать, что 79-ю бригаду исключительно активно поддерживал правый сосед — 287-й стрелковый полк чапаевцев. В этот день его командир подполковник Н. В. Захаров по собственной инициативе, не упустив благоприятный момент, нанес противнику, связанному боем с потаповцами, крепкий удар во фланг, что в конечном счете и обеспечило бригаде и полку возможность продвинуться вперед, сбить врага с выгодных позиций. Имей сектор сильный резерв, этот успех можно было бы развить…

Пауза в штурме Севастополя означала, конечно, перегруппировку неприятельских войск для нового натиска. Атаками фашистских батальонов на отдельных участках, несомненно, прикрывалось выдвижение к фронту вторых эшелонов, подтягивание свежих сил.

Сведений о конкретных намерениях врага, о передвижении войск в его тылах было пока маловато. Низкая облачность затрудняла воздушную разведку. Не могло быть, впрочем, двух мнений насчет того, что северное направление в целом, где гитлеровцам удалось основательно нас потеснить, останется главным.

Тем важнее, считал командарм, разобраться в наших неудачах в четвертом секторе обороны. Объяснять все происшедшее там численным перевесом противника он не хотел.

Войскам этого сектора, особенно правофланговым его частям, как и левому флангу третьего, выпали за минувшую неделю тяжелые испытания. И кто посмел бы упрекнуть полки 95-й

дивизии или батальоны 8-й бригады в том, что, отбивая сильнейшие вражеские атаки, они не проявили мужества и стойкости?! Как геройски дрались переброшенные сюда конники, как держался, не отходя без приказа ни на шаг, полк капитана Дьякончука, я уже говорил. Умело использовались, самоотверженно поддерживали пехоту артиллерийские части.

Но что касается общего боевого управления войсками в создавшейся сложной обстановке, то командование и штаб сектора оказывались порой не на высоте положения — так, во всяком случае, представлялось с армейского КП. Мы сталкивались с тем, что они запаздывают с принятием вполне осуществимых мер, проявляют недостаточно инициативы, предусмотрительности. Думалось, даже дивизию Овсеенко, хотя она и оказалась слабой подмогой, все-таки можно было использовать лучше, крепче держать в руках.

Вероятно, у генерала Петрова уже складывалось мнение, что в руководстве левым флангом обороны нужна замена, во слишком спешить с выводами он не хотел: должно быть, опасался поддаться субъективным ощущениям, проявить несправедливость. Решили, что в четвертом секторе поработает группа командиров штарма, сочетая проверку с практической помощью, а при первой возможности командарм и я побываем там вместе.

Нелетная погода благоприятствовала спокойной, без вражеских атак с воздуха, переброске, с Большой земли частей 345-й стрелковой дивизии. Ее девять с половиной тысяч бойцов шли в Севастополь на четырех транспортах и нескольких военных кораблях.

Мы ожидали новую дивизию с некоторой настороженностью: было известно, что она некадровая, сформирована недавно. И в то же время возлагали на нее большие надежды. Планы существовали такие: эту дивизию и ту, которая должна прибыть вслед за ней, — последнюю из подкрепления, выделенного нам Закавказским фронтом, постараться сохранить в резерве армии до момента, когда штурмующие Севастополь вражеские войска будут достаточно измотаны. А тогда ввести эти соединения в бой для восстановления севастопольского плацдарма в прежних границах.

Скажу сразу, что обстановка заставила использовать 345-ю дивизию иначе. Опасения же, не окажется ли она слабой по боевым качествам, оказались напрасными.

* * *

Из песни слова не выкинешь…

24 декабря 1941 года приказом по Приморской армии было объявлено, что в командование ею вступил генерал-лейтенант Степан Иванович Черняк, а генерал-майор И. Е. Петров, впредь до

получения другого назначения, является его заместителем.

Два дня спустя, 26 декабря, последовал приказ о вступлении в командование войсками армии генерала Петрова и об убытии генерала Черняка к новому месту службы.

Эти перемещения, естественно, нуждаются в пояснениях.

Незнакомый генерал, прибывший в Севастополь без всякого предупреждения на каком-то попутном корабле, появился у нас на КП на исходе ночи. На фронте все еще не происходило крупных событий, поэтому Петров и я спали. Бодрствовал майор Ковтун. Ему первому прибывший назвался новым командующим армией.

Огорошенный Ковтун разбудил Ивана Ефимовича и меня. Быстро встав, мы застали генерала за просмотром оперсводок. Он предъявил Петрову документ, подписанный командующим Закавказским фронтом.

Все это было как снег на голову.

Держался Черняк корректно, по отношению к Петрову, да и ко всем нам, уважительно. Петров, проявив огромную выдержку, ничем не выдавал своих переживаний. Не раз потом доводилось мне видеть военачальников, внезапно узнававших о своем смещении, но мало кто был в состоянии встретить это так, как тогда Иван Ефимович.

Над развернутой картой начался деловой разговор о состоянии фронта. Затем новый и старый командующие отправились вместе в войска.

Выдержка генерала Петрова послужила всем на КП примером. Взбудораженные новостью работники штарма занялись своими делами. Но общее недоумение, понятно, не рассеивалось. И ни я, ни комиссар штаба Глотов не могли этому помочь. Приходившие к нам товарищи не скрывали чувства горечи. Люди, близко соприкасавшиеся с Иваном Ефимовичем Петровым, глубоко уважали и любили его.

О генерале Черняке известно было мало. Кто-то из служивших у нас участников войны с белофиннами рассказал, что он командовал дивизией, отличившейся при прорыве линии Маннергейма, за что был удостоен звания Героя Советского Союза.

В первые часы генерал-лейтенант Черняк вел себя, скорее, как представитель вышестоящего штаба, знакомящийся с положением дел в армии: всем интересовался, но ни во что не вмешивался.

Однако намерения нового командующего оказались не менее неожиданными, чем само его прибытие. Официально вступив в должность, он объявил, что принимает решение перейти частью сил армии в наступление на северном — северо-восточном

направлении. Участвовать, в нем должны были прибывающая 345-я дивизия, бригада Потапова, пополненные бригада Вильшанского и полк Дьякончука. Наступление назначалось на утро 27-го, точный час — по особому указанию…

Трудно допустить, чтобы подобное решение возникло в результате ознакомления нового командарма с тогдашней севастопольской обстановкой. Да и не мог еще он успеть в должной мере с ней познакомиться. Очевидно, такую задачу поставили перед ним в далеком Тбилиси, где находился штаб Закавказского фронта.

Приказ есть приказ, но план этого наступления мы с Ковтуном разрабатывали с тяжелым сердцем. Хотя задачи ставились ограниченные, представлялось оно преждевременным. Главная опасность виделась в том, что в условиях, когда противник не исчерпал своих возможностей продолжать штурм и сохраняет численный перевес, мы без крайней необходимости введем в бой единственное резервное соединение. Прорвись где-то враг, и серьезной силы, чтобы его остановить, у нас уже не останется.

В ночь на 26 декабря оперативные документы на наступление, включая плановую таблицу боя, были готовы. К этому времени немцы возобновили атаки на фронте четвертого сектора — в направлении станции Мекензиевы Горы и овладели высотами перед нею. Трудно было предвидеть, какие еще осложнения обстановки могут произойти, пока мы начнем наступать, Конечно, командующий Севастопольским оборонительный районом мог вмешаться в чрезмерно рискованные действия своего нового заместителя по сухопутным войскам. Но вице-адмирал Октябрьский и Военный совет Черноморского флота стремились решить вопрос более радикально.

Вот какая телеграмма была отправлена из Севастополя в 13 часов 24 декабря, через несколько часов после прибытия к нам генерала Черняка:

"Экстренно. Москва. Тов. Сталину.

По неизвестным для нас причинам и без нашего мнения командующий Закфронтом, лично совершенно не зная командующего Приморской армией генерал-майора Петрова И. Е., снял его с должности. Генерал Петров толковый, преданный командир, ни в чем не повинен, чтобы его снимать. Военный совет флота, работая с генералом Петровым под Одессой и сейчас под Севастополем, убедился в его высоких боевых качествах и просит Вас, тов. Сталин, присвоить Петрову И. Е. звание генерал-лейтенанта, чего он, безусловно, заслуживает, и оставить его в

должности командующего Приморской армией. Ждем Ваших решений. Октябрьский, Кулаков".

Решение Ставки Верховного Главнокомандования последовало через сутки с небольшим. Каким оно было, читателю ясно из сказанного выше.

Генерал-лейтенантом Иван Ефимович Петров тогда не стал, но нашим командармом остался. С. И. Черняк был вскоре отозван из Севастополя.

Я сознательно привожу полный текст телеграммы, которую мог бы пересказать короче. Добавлю, что оригинал ее, хранящийся в архиве, написан рукой Ф. С. Октябрьского. Упоминаю об этом, дабы отдать должное покойному Филиппу Сергеевичу. Отношения у него с И. Е. Петровым были сложными, срабатывались они нелегко. Но этот документ — свидетельство того, как ценили Петрова и Октябрьский, и Кулаков.

Генерал Петров, человек самобытный и талантливый, бесспорно, принадлежит к видным военачальникам Великой Отечественной войны. Немногим больше года спустя после описываемых событий он командовал Северо-Кавказским фронтом. У Петрова бывали, в том числе и в севастопольский период, ошибки, просчеты. У кого их не было!.. А одной из сильных его сторон являлась теснейшая связь с войсками, умение чувствовать их настроение и влиять на него. В этом смысле Петров превосходно сочетал в себе командира и комиссара. В свое время он, кстати, и был комиссаром кавалерийской бригады.

В самые трудные дни Севастопольской обороны Иван Ефимович возвращался из частей воодушевленным. Стойкость, мужество бойцов и командиров заряжали его новой энергией. И должно быть, часто помогали как бы иными глазами взглянуть на оперативную карту, когда обстановка на ней сама по себе выглядела малоутешительно. Фронт для него всегда был не линией на карте, а прежде всего сплоченной массой живых людей. В командарме, которого под Севастополем редкий солдат не знал в лицо, как бы концентрировались их воля, твердость духа, общая решимость одолеть врага.

Известие о том, что нашим командующим остается генерал Петров, встретили на командных пунктах соединений как большую радость. О штабе армии нечего и говорить. Все стало на свое место.

Приказ на готовившееся наступление был отменен. Нереальность ставившихся в нем задач сделалась к тому времени очевидной. Противник возобновил штурм, сосредоточив на 9-километровом участке северного направления части трех пехотных дивизий — 22, 24 и 132-й (туда же вскоре была

переброшена еще и 50-я).

Майор Потапов доложил, что, по полученным разведотделом сведениям, Манштейн назначил новый срок взятия Севастополя — 28 декабря.

* * *

Продолжать наступление с юго-востока, вдоль реки Черная, у гитлеровцев все-таки не хватило сил. Свежая 170-я дивизия, которую они ввели там в бой, потеснила нас у Чоргуня и да горе Госфорта, однако дальше продвинуться не смогла. Как утверждали пленные, она потеряла до половины личного состава. Войска второго сектора, возглавляемые полковником Ласкиным, остановили врага перед главным оборонительным рубежом, а кое-где и на передовом. Они не пустили гитлеровцев в Инкерманскую долину, не дали существенно приблизиться к Севастополю вдоль Ялтинского шоссе.

Это сделали немногочисленные, но стойкие полки Тарана, Шашло, Мухомедьярова, Горпищенко, 7-я бригада морской пехоты, которой после ранения Жидилова командовал комиссар Ехлаков. Только перед ее фронтом фашисты оставили тысячи трупов своих солдат. Чоргуньско-чернореченское направление осталось в декабрьском штурме вспомогательным. Но если бы гитлеровцы добились на нем большего успеха, оно запросто могло превратиться в направление главного удара. Местность тут позволяла шире, чем на Мекензиевых горах, использовать танки. Они, конечно, были бы введены в первый же прорыв. Но ни одного прорыва в своем секторе Иван Андреевич Ласкин не допустил.

Отлично поработали артиллеристы второго сектора, получая, когда требовалось, поддержку от соседей и береговых батарей. Кстати, сослужил службу пост артнаблюдения, который был по инициативе майора Золотова скрытно размещен на лесистой высоте за нашим передним краем: огневые налеты, направляемые оттуда, не раз накрывали скопления войск противника в его ближних тылах. А самого Алексея Васильевича Золотова, ветерана Приморской армии, уже не было в живых: на пути к одной из батарей начарт попал под разрыв немецкой мины…

После 24 декабря вражеские атаки, хотя и повторялись время от времени на этом направлении и иногда были довольно сильными, имели все-таки только отвлекающий характер.

А с севера враг нажимал все сильнее. От бухты его отделяло уже меньшее расстояние, чем было пройдено с 17 декабря. В штабе Манштейна, должно быть, считали, что для достижения цели теперь достаточно одного хорошего рывка… Но мы верили, что сумеем такой рывок пресечь.

Центром дальнейших событий сделался район кордона Мекензи и пригородной станции Мекензиевы Горы. Борьба за эти подступы к Севастополю — уже не ближние, а ближайшие — становилась такой ожесточенной, какой не была еще нигде.

Станция Мекензиевы Горы представляла собой платформу с небольшим поселком. Она расположена в низинке, за туннелем, где часто укрывался наш бронепоезд. Из низинки не видны ни город, ни Северная бухта, но стоит подняться на соседнюю высотку с отметкой 60 — и все это как на ладони. До бухты отсюда меньше часа пешего хода. Здесь, судя по всему, и наметило немецкое командование к ней прорваться.

Как ни пополняли мы маршевыми батальонами части, прикрывающие центральный участок северного направления, скоро стало ясно, что без новой, резервной, дивизии здесь не обойтись. От первоначального плана — сберечь 345-ю стрелковую в полном составе для будущего контрудара — пришлось отступить, собственно, еще до того, как вся дивизия выгрузилась с транспортов. Полк, прибывший раньше других, попал, как говорили потом, с корабля на бал: надо было немедленно перекрыть опасный разрыв, возникший в стыке с третьим сектором.

Этим полком был 1165-й стрелковый майора Н. Л. Петрова. По тому, как он выполнил первую свою боевую задачу, сразу определилось, какую дивизию мы получили: хоть и необстрелянную, сформированную всего три месяца назад, но уже крепкую, попавшую, как видно, с самого начала в хорошие командирские руки. Вступив в бой с ходу, полк контратаковал гитлеровцев, наступавших на кордон Мекензи, отбросил их почти на полтора километра и закрепился к вечеру на выгодном рубеже, закрыв образовавшуюся брешь.

Дался этот успех нелегко. Я знал еще только общую цифру потерь, когда ночью приехал с передовой начальник поарма Бочаров. Машинально достав записную книжку, куда он заносил необходимые сведения о политработниках армии (вплоть до политруков рот), но не раскрыв ее, Леонид Порфирьевич с горечью произнес:

— С комиссаром полка Александром Тимофеевичем Груздевым познакомиться не успел… Командир говорит, что был на редкость скромный человек, работал до войны секретарем горкома в Иванове. Погиб, ведя в контратаку батальон. Беспокоился, наверное, как бы не оплошали люди в первом своем бою…

Все бойцы в 345-й дивизии из запаса. Но в основном первоочередники, еще молодые. А начсостав кадровый, немало

участников гражданской войны.

Комдив подполковник Николай Олимпиевич Гузь при встрече сказал о себе: "Я старый русский солдат". Как потом выяснилось, он получил в первую мировую два Георгиевских креста. Военком старший батальонный комиссар Афанасий Маркович Пичугин тоже провел на военной службе почти всю свою сознательную жизнь. С комдивом они, это нетрудно было заметить, работали дружно.

Знакомство с начальником штаба дивизии полковником Иваном Федоровичем Хомичом началось у меня заочно: связисты соединили нас, как только он сошел на причал. От телефонного разговора осталось впечатление, что это человек энергичный, собранный и высококультурный. Таким он и оказался. Перед войной Хомич преподавал в академии, однако по натуре отнюдь не принадлежал к людям кабинетного склада.

27 декабря понадобилось ввести в бой уже все три стрелковых полка Гузя. Оставив дивизию в непосредственном своем подчинении (мы надеялись потом вновь вывести ее в резерв), командарм возложил на нее оборону района станции Мекензиевы Горы. 345-я дивизия сменяла тут ослабленную тяжелыми потерями бригаду Вильшанского, полк Дьякончука, от которого осталось 30 человек, и приданные им подразделения, также предельно измотанные.

В связи с этой заменой осуществилось наше с Иваном Ефимовичем намерение, возникшее совсем по другому поводу, — вместе побывать за Северной бухтой.

Там все гремело. Участок и задачу каждого полка дивизии Гузя определяли на месте. В "домике Потапова", полюбившемся командарму, был составлен и подписан частный боевой приказ. Петров сказал Гузю:

— Этого ни в каком уставе нет, но на ближайшее время примите к исполнению такую схему: от командира роты до бойцов в передовом окопе — сорок шагов, от командира полка — четыреста, ну а от вас — максимум восемьсот. Иначе в такой обстановке и на такой местности управлять дивизией не сможете.

Между стрелковыми полками поделили — каждому по роте — прибывший одновременно с этой дивизией танковый батальон майора Юдина. Танки были не бог весть какие — Т-26, с легкой броней, но ни одна из наших дивизий, кроме Чапаевской, не имела и таких.

Как всегда, мы возлагали особые надежды на артиллерию. Вместе с дивизией Гузя на северном направлении прибавился еще один артполк, кстати сказать хорошо подготовленный (командир майор И. П. Веденеев). Войска, оборонявшиеся здесь,

поддерживали пять береговых батарей и все находящиеся в Севастополе корабли. Кроме того, решено было временно подчинить начарту четвертого сектора Пискунову армейский полк. ПВО.

Зенитчики давно сделались у нас естественным резервом полевой артиллерии. Они ставили заградительный огонь перед пехотой и танками, успешно поражали самые различные наземные цели.

А одна зенитная батарея — 365-я младшего лейтенанта Николая Воробьева, впоследствии широко известная, — начала досаждать гитлеровцам так, что в те дни привлекла особое внимание фашистского командования.

Она стояла на высоте 60, о которой я уже упоминал, имела четыре стационарных 76-миллиметровых орудия и входила в систему ПВО главной базы флота. С приближением линии фронта батарея все чаще вела огонь не по самолетам, а по наземным целям, причем весьма эффективно. Зенитчики взаимодействовали, в частности, с кавалеристами нашего Кудюрова. Рассказывали, что кто-то из командиров-конников в знак благодарности за огневую поддержку подарил младшему лейтенанту Воробьеву свой клинок.

Когда бои придвинулись к станции Мекензиевы Горы, значение батареи еще более возросло. Высота 60 — неприметный издали, заросший кустарником продолговатый бугор. Но орудия, стоящие на ней, могли поражать прямой наводкой любую цель в пристанционной низинке. Пока батарея действовала, наступающий противник попадал тут как бы в тупик.

И, не заняв еще станцию, гитлеровцы забеспокоились, что зенитчики не дадут им продвинуться дальше. 28 декабря наши разведчики перехватили переданное открытым текстом — возможно, с подвижной рации, из машины, — распоряжение: "Ударом с воздуха и с земли уничтожить батарею противника на отметке 60". По мнению майора Потапова, доложившего радиоперехват начарту армии и мне, приказание могло исходить от самого Манштейна.

Меры для срыва этого замысла, в том числе для предотвращения обхода высоты с флангов, были приняты.

"К выполнению поставленной задачи, — вспоминает полковник Д. И. Пискунов, начарт армии разрешил мне дополнительно привлечь гаубичный полк Чапаевской дивизии и полк Богданова в полном составе. Он предоставил мне также право в случае необходимости подать сигнал об открытии огня всей артиллерией, способной поддержать наш сектор. Высоту и батарею Воробьева защитим, — заверил я полковника Рыжи".

* * *

На востоке Крыма уже началась — высадкой первых отрядов со стороны Азовского моря — Керченско-Феодосийская десантная операция. Но о том, что там происходит, мы почти ничего не знали, и под Севастополем это пока никак не сказывалось.

Должно быть, Манштейн и его старшие начальники считали себя на нашем участке фронта настолько близкими к цели, что надеялись успеть перебросить подкрепления на Керченский полуостров после взятия Севастополя. (Даже 30 декабря, когда наши десантники высадились в Феодосии, начальник генштаба германских сухопутных войск Гальдер, констатировав в своем дневнике затруднительность положения, создавшегося для немцев в Крыму, далее писал: "Несмотря на это, группа армий решила продолжать наступление на Севастополь".)

С 28 декабря — к этому дню противник завершил перегруппировку, предназначенную обеспечить ему окончательный успех, — за Северной бухтой на нескольких километрах фронта действовали четыре немецкие дивизии.

Еще более возросший численный и огневой перевес врага давал себя знать. Усиливая натиск на станцию Мекензиевы Горы и кордон Мекензи, он одновременно атаковал наш приморский фланг и вклинился там, продвигаясь к Любимовке и совхозу имени Софьи Перовской. Возникла непосредственная угроза 30-й береговой батарее.

Какую роль играла она с первых дней Севастопольской обороны, я говорил. Недаром немцы столько раз пытались вывести ее из строя — то тысячекилограммовыми бомбами, то обстрелом самой тяжелой своей артиллерией. Однако и для того, и для другого Тридцатая была малоуязвима. Громады двенадцатидюймовых орудийных башен защищала крепкая броня. Под командный пункт батареи была, как рассказывал Иван Филиппович Кабалюк, использована боевая рубка разобранного в свое время линейного крейсера, бронированная не менее надежно. А все остальное хозяйство артиллеристов располагалось глубоко под землей и бетоном.

Однако вести ближний бой такая батарея не приспособлена. И если враг достигает не простреливаемого ее орудиями пространства, помешать ему подойти к башням и подорвать их могут только другие артиллерийские части и пехота.

Из-за необходимости сосредоточить силы на правом фланге четвертого сектора, где все время назревали прорывы фронта, приморский край держал один полк майора Белюга, давно не пополнявшийся.

— Чем можно быстро прикрыть подступы к батарее? —

спросил командарм, когда мы обсуждали создавшееся положение.

— Быстро — только бригадой Вильшанского, — ответили.

Иван Ефимович задумался. 8-я бригада морской пехоты, много дней не выходившая из боев, была двадцать часов назад в составе двух неполных батальонов отведена в казармы на окраине города на отдых и переформирование.

— Ничего не поделаешь, придется вернуть ее на передовую такой, какая есть, — сказал, вздохнув, Петров. — Поднимайте бригаду по тревоге. Через час я буду на Северной и на месте поставлю Вильшанскому задачу. Подумайте, чем можно ее усилить.

Задача, поставленная Вильшанскому, заключалась в том, чтобы любой ценой воспрепятствовать захвату 30-й батареи врагом.

В подкрепление бригаде я смог послать батальон, сформированный из выздоровевших раненых, — 250 бойцов (если в резервном подразделении набиралось больше 200 штыков, мы называли его в те дни батальоном). Под начало полковника Вильшанского поступали также две роты из личного состава самой 30-й батареи. И еще одна условная рота — люди с не существовавшей больше Десятой, которых ее командир капитан Матушенко привел сюда берегом моря.

Эти роты еще раньше заняли на подступах к Тридцатой круговую оборону. По склону, обращенному в сторону врага, артиллеристы выложили крупными камнями надпись на немецком языке: "Смерть Гитлеру!" И кто-то подсчитал, что фашисты, разъяренные этим лозунгом, выпустили по нему за день свыше 250 снарядов. Батарейцы были довольны: заставили фрицев стрелять по пустому месту…

Манштейн пишет в своих мемуарах, что сразу понял, какие выгоды сулит ему захват "форта Максим Горький". Так почему-то называли гитлеровцы 30-ю батарею. Но командование СОР не допускало мысли, что она может оказаться в руках врага. Не допускали такой возможности и сами артиллеристы. Командир батареи капитан Александер, с которым генерал Моргунов имел прямую связь по телефону, заверил коменданта береговой обороны, что личный состав настроен решительно и сумеет выполнить свой долг при любых обстоятельствах.

Командир Тридцатой мог, укрыв людей в потернах, вызвать на нее огонь других береговых батарей. Такое решение Вильшанский и Александер предусматривали на тот крайний случай, если бы не удалось остановить противника за "пределами батарейной позиции.

До этого, однако, не дошло. Огневой налет группы батарей, а

затем бомбоштурмовой удар наших самолетов понадобилось вызвать лишь на пустой казарменный городок' артиллеристов, куда ворвались гитлеровцы. Не дав опомниться фашистам, подразделения, объединенные иод командой полковника Вильшанского, выбили их из развалин городка.

Бои, на приморском участке четвертого сектора на этом не закончились. Но уверенность, что до башен Тридцатой враг не дойдет, окрепла. А полк Белюги успешно отбивал атаки на Любимовку.

Тем временем на центральном участке северного направления положение ухудшилось.

Командарм, который фактически лично руководил боем на этом участке, в середине дня 28-го приказал комдиву 345-й контратаковать противника вторыми эшелонами полков. Но к вечеру два полка дивизии Гузя, понеся. тяжелые потери, были отжаты к самой станции Мекензиевы Горы. Вражеский батальон с танками продвинулся в обход ее в сторону кордона Мекензи. Вдобавок образовался разрыв между частями Гузя и бригадой Потапова, левый фланг которой отошел на 500–600 метров. Натиск противника там был бешеным. Однако сказалось, видимо, и то, что потаповцы опять плоховато закрепились на отвоеванном контратаками рубеже: окапываться, как положено пехоте, они еще не привыкли.

К исходу дня многие детали обстановки оставались не вполне ясными из-за перебоев в связи. Но и без этих деталей было очевидно, что наша система жесткой обороны, особенно в стыке третьего и четвертого секторов, серьезно нарушена. Фронт здесь за последние часы перестал быть сплошным.

С наступлением темноты стали обнаруживаться, подчас довольно далеко от передовой, проникшие в глубину нашей обороны группы фашистских автоматчиков. Они обстреляли несколько машин на дорогах, нарушили кое-где связь, но никакого замешательства нигде не вызвали. Ликвидацией их занялись отряды добровольцев, быстро сформированные в дивизионных тылах. Была выставлена охрана у госпиталей. На Северной и Корабельной стороне городской комитет обороны привел в боевую готовность рабочие дружины, команды МПВО.

Весь наш оперативный отдел с майором Ковтуном во главе помогал штабам секторов уточнять фактическое положение войск, восстанавливать локтевой контакт фронтовых соседей. По мере получения необходимых данных командарм подписывал частные боевые приказы. Задачи, ставившиеся в них, сводились к возвращению утраченных за этот тяжелый день рубежей.

Времени до рассвета оставалось уже немного, и генерал

Петров не успел бы побывать во всех частях, которых эти приказы касались. Но он ощущал необходимость подкрепить заочную постановку боевой задачи личным разговором с теми командирами, от которых особенно много зависело, почувствовать их настроение.

И хотя по обстановке было как будто не до совещаний, командарм приказал командирам и военкомам 95-й и 345-й дивизий (а также двух стрелковых полков последней) и 79-й бригады собраться в находившемся уже почти на переднем крае "домике Потапова". Вместе с Иваном Ефимовичем туда доехали генерал Моргунов и капитан Безгинов.

Командарм приказал всем поочередно доложить о состоянии вверенных им частей и причинах отхода с рубежей, занимаемых прошлым утром. Вопросы он задавал подчас неожиданные, не в порядке уточнения фактических данных, а такие, чтобы уловить из ответа нечто более важное: можно ли сейчас на этого командира положиться, сознает ли человек, в какой мере сегодня зависит лично от него судьба Севастополя, что значит удержать или не удержать, вернуть или не вернуть назначенную ему позицию?

Потом говорил Петров. Он сурово, с резкостью, обычно ему несвойственной, осудил проявленную кое-кем нераспорядительность, командирскую неумелость, строго предупредил о последствиях, которые при создавшихся чрезвычайных обстоятельствах могло бы вызвать повторение таких промахов. Однако слушавшим командарма особенно запомнилось не это.

Больше всего запомнились — не только по смыслу, но в по тому, как были сказаны, — горячие, взволнованные слова Ивана Ефимовича о том, что настал решающий момент в обороне Севастополя, что судьба его зависит от мужества и стойкости наших бойцов и командиров и что выдерживать такой натиск врага осталось уже недолго. Если теперь не выдержим — Родина не простит…

Последние, заключительные слова Петрова один из присутствовавших командиров записал по памяти так:

— Дороги назад нет! Я прыгать в море не хочу, но, если придется, прыгнем вместе. Только пусть все помнят: на дне моря сидеть будем, раков кормить будем, но трусливых, малодушных, тех, кто не сумел выстоять, осудим и там беспощадным презрением!.. Нет у нас права не выстоять — нам доверен Севастополь, и о нас помнят!.. Ну, товарищи мои дорогие, от чистого сердца желаю боевой удачи!

Зная эмоциональную натуру Ивана Ефимовича, я

представляю, как это прозвучало, как должно было врезаться в душу тем, на кого к концу декабрьских боев за Севастополь легла тяжелая ответственность за решающие участки обороны.

…Командарм еще не вернулся на КП, когда фронт услышал громоподобные раскаты орудийных залпов, разносившиеся, казалось, из самого центра города.

Это открыл огонь по долине Бельбека главным калибром линкор "Парижская коммуна", вошедший после полуночи в Южную бухту.

Крейсеры из отряда поддержки были заняты у Феодосии, и черноморцы ввели в бой за Севастополь свой флагманский корабль. Ввели смело, пожалуй, даже дерзко. Он стрелял не издалека, маневрируя в море, как в тот раз, когда приходил в конце ноября, а почти из центра города, пришвартованный к железным бочкам напротив Холодильника, вблизи железнодорожного вокзала.

Линкор находился километрах в семи от линии фронта и стоял неподвижно. Вероятно, это противоречило принятым правилам использования таких кораблей. Зато занятая позиция обеспечивала большую точность огня. Утром береговые корпосты стали направлять его на видимые с высот группы вражеских танков, на колонны машин с боеприпасами.

Вслед за линкором пришел один из новейших черноморских крейсеров "Молотов". На рассвете он произвел из Северной бухты огневой налет по скоплениям вражеской пехоты, готовившейся к атаке. Оба корабля доставили с Кавказа снаряды.

Станцию Мекензиевы Горы враг все-таки занял. Это произошло вечером 29 декабря, после дня тяжелейших боев, зачастую встречных: наши контратаки, начатые с утра для восстановления утраченных накануне позиций, сталкивались с атаками рвавшихся вперед гитлеровцев.

Не раз перевес был на нашей стороне. С утра, контратакуя от кордона Мекензи, продвинулся вперед 1165-й стрелковый полк. Оттесняли немцев и на соседних участках. Сводка, составленная в 17 часов, зафиксировала, что наши позиции проходят в 600 метрах севернее станционной платформы. Но закрепиться на достигнутых рубежах противник не давал. Бросая в бой резервы, он опять захватывал отвоеванное нами пространство. Гитлеровцы были остановлены лишь на южной окраине станционного поселка, перед высотой 60.

Глубина нашей обороны на этом участке сократилась до критического предела. Передний край проходил даже не по тыловому обводу — последнему из трех укрепленных рубежей, а позади него.

Линия фронта никогда не подходила к Севастополю так близко. Но в тот день, впервые за последние месяцы, в черте города не упало после полудня ни одного вражеского снаряда.

Утром тяжелая батарея противника из-за Дуванкоя открыла было огонь. Но артиллеристы "Парижской коммуны", получив от корректировщиков координаты батареи, буквально разнесли ее несколькими залпами. И уже никакая другая до конца дня не посмела обстреливать ни бухту, ни город…

Ночью, простояв в Севастополе сутки, линкор ушел. Моряки, очевидно, считали, что нельзя чрезмерно искушать судьбу. И действительно, погода менялась: вновь стало подмораживать, редели облака. А защитить от массированного налета бомбардировщиков такой корабль, лишенный в узкой бухте маневра, — это не то, что отгонять от него одиночные "юнкерсы", вырывавшиеся иногда из-за облаков.

Перед уходом линкор принял на борт более тысячи тяжелораненых (из трех с половиной тысяч, нуждавшихся к этому моменту в эвакуации). А за эти сутки он, по донесениям наших корпостов, уничтожил не менее 13 фашистских танков, 8 тяжелых орудий и еще много другого, что трудно учесть.

Для жителей города, наверное, немало значило уже то, что главный корабль Черноморского флота, известный тут каждому мальчишке, стоял целый день у всего Севастополя на виду — впервые с тех пор, как он в конце октября покинул свою базу. Командовал линкором капитан 1 ранга Ф. И. Кравченко, огнем артиллерии корабля управлял капитан-лейтенант М. М. Баканов.

Зенитки, стянутые к Южной бухте для прикрытия линкора, сразу же начали выдвигаться на передний край. Большинство подвижных батарей флотского зенитно-артиллерийского полка вслед за армейским полком ПВО временно передавалось в распоряжение начарта четвертого сектора в качестве полевых, противотанковых. Это была единственная возможность чем-то еще усилить непосредственную огневую поддержку войск на самых трудных участках.

Той же ночью Военный совет армии пришел к выводу, что нельзя более медлить с заменой коменданта четвертого сектора. Последние дни подтвердили: на этом посту нужен сейчас командир более инициативный и волевой, способный лучше обеспечивать выполнение собственных приказов.

Из возможных кандидатов командарм считал наиболее подходящим полковника И. А. Ласкина. Но тот не знал северного направления обороны, и это сковывало бы его на первых порах. Было решено вверить 95-ю стрелковую дивизию и четвертый сектор обороны полковнику А. Г. Капитохину — командиру 161-

го полка (того, который перебрасывался в ноябре под Балаклаву, а теперь снова действовал в составе своей дивизии за Северной бухтой).

Командование СОР утвердило это решение. Командарм, соединившись с Капитохиным, дал ему первоочередные указания и обещал вскоре быть у него сам. Василий Фролович Воробьев отзывался в распоряжение штаба армии, где оказался очень полезным.

…На исходе ночи, заполненной заботами о подготовке фронта к новому, может быть, решающему боевому дню, я узнал неожиданную новость, которая — так, во всяком случае, показалось в первый момент — не имела ко всему этому никакого отношения.

Заканчивая короткое оперативное совещание, Иван Ефимович Петров вдруг улыбнулся и, глядя на меня, объявил:

— Как нам только что сообщили, постановлением Совета Народных Комиссаров от двадцать седьмого декабря полковнику Крылову Николаю Ивановичу присвоено звание генерал-майора…

Товарищи, обступив меня, сердечно-поздравляли. Военком штаба Глотов принес откуда-то металлические звездочки и стал прикреплять к петлицам моей гимнастерки, по две к каждой, вместо отколотых шпал.

— Пока хоть так! — приговаривал Яков Харлампиевич.

Полная генеральская форма завелась у меня нескоро: было не до того.

* * *

Бывают на войне, в тяжелой боевой обстановке, дни, которые, несмотря на то что пока еще ничего не изменилось, предопределяют близящийся перелом. Правда, сознаешь это обычно только потом. Таким днем, мне кажется, было под Севастополем 30 декабря.

Манштейн, конечно, отдавал себе отчет в том, что он вот-вот будет вынужден перебросить часть войск из-под Севастополя к Керчи. Одной немецкой дивизии, оставленной там (как после выяснилось, ее командир, некий граф Шпонек, впал в панику, был смещен и отдан под суд), было не задержать высаживавшиеся широким фронтом десантные части. И командующий 11-й немецкой армией предпринимал отчаянные усилия, чтобы сломить нашу оборону, пока под Севастополем находятся еще почти все его силы. Он назначил, как дознались разведчики, еще один, "окончательный", срок овладения городом — к Новому году.

Как спешат гитлеровцы, как подгоняют командиры солдат, чувствовалось даже по сократившимся интервалам между

вражескими атаками, по общему их числу — на некоторых участках до двенадцати, одна за другой…

Направление атак на самом близком к Северной бухте участке фронта показывало: от станции Мекензиевы Горы противник пробивает себе путь к Братскому кладбищу и через высоту 60. Одновременно продолжались попытки прорваться правее, у кордона Мекензи.

Борьба шла за такие позиции, утрата которых нами поставила бы в тяжелейшее положение весь фронт Севастопольской обороны. И отпор наседающим гитлеровцам поднимался до того наивысшего напряжения, на какое способны советские бойцы, когда знают, что у них нет иного выхода, кроме как остановить и уничтожить врага вот здесь, вот сейчас. "Отступать некуда — позади бухты!" — эти слова, исполненные беспощадной правды, стали за Северной чем-то вроде общего сурового девиза.

На яростные атаки немцев наши части отвечали героическими контратаками ротой, батальоном, полком.

Близ кордона Мекензи, у шоссе, повел батальон в контратаку военком 1163-го стрелкового полка старший политрук Василий Максимович Сонин. Молодой комиссар был убит (второй комиссар полка в этой дивизии за четыре дня), контратака вообще обошлась полку дорого, но продвинуться вперед фашистам не дали.

Не одно подразделение лишилось своего командира. Но прежде чем успевали назначить нового, обычно выяснялось, что бойцами, продолжающими выполнять поставленную задачу, уверенно командует умелый сержант, а иногда бывалый, инициативный рядовой.

Старшина-разведчик коммунист Вениамин Тимофеев возглавил две роты, причем даже не своей, а соседней части, которые, потеряв в бою весь командный состав, дрогнули было под натиском врага. Поверив в нового командира, подчиняясь его призыву и приказу, они удержали свои позиции. Для Тимофеева этот бой определил дальнейшее его место в армии — штатное командирское.

Так было и с другими. Командиром одного взвода утвердили фактически управлявшего им бойца — комсомольца Синькова. Подвозчик боеприпасов из хозяйственной команды Дмитрий Тесленко, ринувшийся в гущу боя и подорвавший гранатами фашистский танк, остался в этом батальоне комсоргом…

Вот уж когда проверялось до конца, на что способен каждый. И прежде всего — каждый командир. В 345-й дивизии пришлось отстранить от командования одного майора. Он неплохо показал себя накануне, тоже в трудных условиях, однако теперь оказался

не в состоянии твердо держать в руках свою часть. Но он был единственным, кого в этот грозный день потребовалось заменить на командном посту не потому, что человек убит или тяжело ранен.

Не могу не сказать здесь о командире-артиллеристе из 265-го, богдановского, полка капитане Борисе Бундиче, который со своими подчиненными спас положение на целом участке фронта.

Дивизион Бундича сам оказался в опасности. Немцам еще раз удалось вклиниться в стыке секторов, между потаповцами и правофланговым полком дивизии Гузя. Огневые позиции 107-миллиметровых батарей находились на пути прорывающегося врага. Причем батареи остались без пехотного прикрытия…

Для всей нашей артиллерии, включая тяжелую армейскую, предусматривалась возможность стрельб прямой наводкой. Были и у дивизиона Бундича рядом с основной, укрытой, позицией подготовленные места, куда тягачи могли быстро выдвинуть орудия на случай прорыва в глубину нашей обороны вражеских танков. Но все осложнилось тем, что прямо на батареи, мешая открыть огонь прямой наводкой вовремя, отходили преследуемые гитлеровцами наши люди — остатки стрелкового подразделения, выбитого со своего рубежа.

Двенадцать расчетов стояли у заряженных орудий, к которым с каждым мгновением приближались опьяненные успехом фашисты. Когда командир смог наконец подать команду "Огонь", не опасаясь поразить своих, гитлеровцы были в каких-нибудь 30 метрах. Орудия ударили по ним почти в упор, скосив передние шеренги. Следующие залпы разметали остальных фашистов.

Пусть нетипичен этот эпизод для боевых действий армейского артполка, изо дня в день вносившего свой вклад в Севастопольскую оборону поражением дальних целей в глубине позиций противника, в его тылах, но такого не забудешь. И еще раз блестяще подтвердилось: люди у Богданова подготовлены к самому неожиданному.

В течение 30 декабря станция Мекензиевы Горы неоднократно переходила из рук в руки. Части Николая Олимпиевича Гузя, самоотверженно поддерживаемые артиллеристами и танковыми ротами (они сражались геройски, не выходя из боя даже тогда, когда в пробитой снарядами машине все были ранены; из 26 действовавших тут танков мы за день потеряли 13), не раз овладевали низинкой с платформой и станционным поселком. Однако закрепиться на станции, выйти на гряду холмов за нею никак не удавалось.

К вечеру станция, как и утром, была у немцев. Они немного приблизились к высоте 60, где стойко держалась батарея

Воробьева, немного продвинулись в направлении к Братскому кладбищу — дальше их не пустил сосредоточенный огонь нашей артиллерии и тяжелых минометов, которые полковник Пискунов расставил вдоль кладбищенской ограды.

То, что противник ничего больше не добился и в основном положение осталось без перемен, и сделало день 30 декабря в своем роде решающим. Враг проигрывал во времени, работавшем теперь на нас.

Поздно вечером с флагманского командного пункта флота поступило сообщение, передававшееся во все соединения СОР:

"Войска Закавказского фронта и корабли Черноморского флота захватили города Керчь и Феодосию. Операция продолжается… Наши части выходят в тыл противнику, осаждающему Севастополь".

* * *

Несколькими часами раньше, когда никто еще не мог наверняка сказать, чем кончится день на Керченском полуострове и у нас, на КП армии прибыл вице-адмирал Октябрьский.

Перед руководителями Севастопольской обороны не мог не встать вопрос: как действовать, если противник все-таки выйдет к Северной бухте?

Всякое дальнейшее продвижение врага означало бы непосредственную угрозу и складам боеприпасов в Сухарной балке, и нашему крупнейшему подземному госпиталю, переполненному ранеными. Не приходилось закрывать глаза и на опасности еще более серьезные: противник был очень близок к позициям, откуда обычная полевая артиллерия могла вести прицельный огонь по центру города и закрыть Северную, а значит, и Южную бухты для наших кораблей.

Не знаю, о чем говорили Октябрьский и Петров, пока оставались вдвоем. После того как они пригласили к себе меня, полковника Рыжи и кого-то еще из штабных командиров, предметом обсуждения стало следующее: насколько прочной могла бы быть, если не удержим высоту 60, кордон Мекензи и Братское кладбище, линия обороны, частично проходящая по северной окраине города.

Рубеж этот представлялся малонадежным, особенно для сколько-нибудь длительной обороны. Очень решительно высказался в этом смысле Николай Кирьякович Рыжи. Кажется, и у Ивана Ефимовича Петрова поколебалась прежняя убежденность в том, что можно держаться достаточно долго, владея пространством между Балаклавой и Северной бухтой. Филипп Сергеевич Октябрьский, не выразив своего мнения более прямо, сказал, что в крайнем случае корабли могут разгружаться в

Камышовой и Казачьей бухтах, где оборудуются временные причалы.

Никакого решения о запасном рубеже не принималось. Разговор перешел на то, как удержаться на нынешнем рубеже, с тем чтобы при первой возможности восстановить оборону по Бельбеку. Полковник Рыжи, полный, как всегда, горячей веры в свое оружие и получивший за последние дни порядочно боеприпасов, стал излагать свои предложения, уже детально им и Васильевым продуманные, об организации огня на завтра.

А у нас были основания ожидать, что гитлеровцы (и в том случае, если они сегодня приблизятся к Северной бухте, и в том, если это им не удастся) предпримут завтра, в канун Нового года, "последний, решительный штурм". Причем, возможно, не только с севера.

Мы не могли знать, что где-то в высших звеньях гитлеровской военной машины уже подготовлена директива о переходе под Севастополем к обороне и тем самым признан провал двухнедельного декабрьского наступления. Не знали мы и про полученное командующим 11-й немецкой армией в тот день или накануне указание из штаба группы армий "Юг": если невозможно сейчас овладеть городом, то надлежит по крайней мере достигнуть бухты и закрепиться на ее берегу…

Но если бы даже знали то и другое, вряд ли поверили, что Манштейн, потерявший под Севастополем много тысяч солдат, откажется от новых попыток взять осажденный город.

Радостное сообщение о нашем крупном боевом успехе на Керченском полуострове — с каким восторгом встретили это известие в Севастополе, трудно и передать! — тоже еще не означало, что уже завтра нам станет легче.

Одно стало ясно всем: раз в Крыму открылся "второй фронт", долго штурмовать нас так, как сейчас, немцы не смогут. И надо напрячь все силы, чтобы не оплошать напоследок.

Ночь прошла за проверкой готовности фронта обороны к любым неожиданностям. Работники штаба и политотдела армии разъехались по частям. Тыловики обеспечивали доставку на огневые позиции увеличенной нормы боеприпасов. На поддержку войск северного направления поворачивались (оставаясь на своих позициях в южных секторах) артиллерийские полки майора А. П. Бабушкина и подполковника И. И. Хаханова, а также восемь береговых батарей.

Полоса фронта, где противник преодолел главный, а местами и тыловой рубеж обороны, составляла в ширину около десяти километров. Но самым опасным мы считали примерно трехкилометровый участок — правый фланг четвертого сектора и

стык его с третьим. Здесь и создавалась на 31 декабря небывалая под Севастополем плотность нашей артиллерии: на три километра — 240 орудий, считая зенитные и корабельные. А если бы враг попытался прорваться в каком-то другом месте, штаб артиллерии был готов перенести массированный огонь туда. Возможные варианты Рыжи и Васильев детально проработали с начартами секторов.

Когда утверждались схема огня и расход боеприпасов, командарм сказал полковнику Рыжи:

— Нашим артиллеристам предстоит решить самую ответственную задачу из всех, какие им до сих пор выпадали. Прошу вас, Николай Кирьякович, объяснить это через командиров артчастей всему личному составу.

Если наш огневой удар рассчитан правильно, артиллерия должна была нанести противнику такие потери, которые уже предопределили бы срыв его завтрашних замыслов. Но предопределили, конечно, не в том смысле, что отбивать атаки пехоте будет легко, на это надеяться не приходилось.

Направление главного удара прикрывали полки 95-й и 845-й дивизий, бригада Потапова, чапаевцы. Новый комендант четвертого сектора полковник Капитохин расположил свой командный пункт на южном склоне высоты 60 — в центре решающего участка фронта.

Возвращавшиеся из войск штабники, доложив о выполненных заданиях, рассказывали, что настроение в частях боевое. За ночь во многих подразделениях — везде, где позволила обстановка, прошли короткие партийные собрания. Их-решения, умещавшиеся в две-три фразы, звучали как клятва: "Будем стоять насмерть. Рубеж удержим любой ценой. Фашистов в Севастополь не пустим".

…Рано утром московское радио передавало предновогоднюю передовую "Правды". В ней говорилось и о нас:

"Несокрушимой скалой стоит Севастополь, этот страж Советской Родины на Черном море… Беззаветная отвага его защитников, их железная решимость и стойкость явились той несокрушимой стеной, о которую разбились бесчисленные яростные вражеские атаки. Привет славным защитникам Севастополя! Родина знает ваши подвиги, Родила ценит их, Родина никогда их не забудет!"

Если бы могли услышать эти слова прямо из Москвы все наши бойцы и командиры!..

Над севастопольским плацдармом уже гремела канонада. Ее начал в этот день не противник — мы. Артиллерийские полки из всех секторов, береговые батареи, стоящие к северу и югу от

города, корабли из бухт наносили упреждающий удар по исходным районам вчерашних атак врага, откуда он, как подтверждала ночная разведка, готовился атаковать и сегодня.

Артиллерийская контрподготовка продолжалась двадцать минут. Наблюдать, как ложатся снаряды, возможности не представилось: Мекензиевы горы окутывал туман. Но в штабе артиллерии не сомневались в проверенных многими стрельбами расчетах.

Немцы открыли ответный огонь, пытаясь подавить некоторые наши батареи. А по другим за эти двадцать минут не сделали ни одного выстрела: поворот их на северное направление, должно быть, оказался для противника неожиданным.

Потом все стихло. Ни артподготовки к атакам, ни атак, начинавшихся изо дня в день около 8 часов, в обычное время не последовало.

Прошел час, еще полчаса… Из соединений докладывали:

— Редкий минометный огонь, больше ничего. Видимость улучшается.

— Обстановка без изменений. Мы наготове.

Время текло тревожно. Не замыслили ли гитлеровцы что-то такое, чего мы не смогли разгадать? Только ли из-за нашей контрподготовки они, вынужденные приводить войска в порядок или подтягивать резервы, до сих пор не атакуют? Может быть, просто пережидают туман?

Но товарищи, побывавшие наверху, сообщили, что горизонт уже чист, проглянуло солнце.

Вражеская артподготовка началась лишь в десять. Началась мощно, причем группа батарей оказалась выдвинутой вперед. Часть их богдановцы довольно быстро привели к молчанию, и огонь противника несколько ослабел. И как-никак два с лишним часа мы уже выиграли!

Но первая атака, хотя и запоздавшая, была очень сильной. Впереди неприятельской пехоты двигались танки. Наши зенитные орудия, перемещенные на передний край, били по ним прямой наводкой. Полевая артиллерия ставила заградительный огонь, отсекая от танков пехоту. А тяжелая ударила по глубине вражеских боевых порядков.

Все наши батареи действовали по основному варианту сегодняшнего плана. Менять в нем ничего не пришлось: Манштейну было не до того, чтобы куда-то переносить свой главный удар, искать в нашей обороне более уязвимые места, он не имел на это времени. И мы не просчитались, нацелив на трехкилометровый отрезок фронта более трех четвертей наличных орудий.

Враг стремился продвинуться там, где был остановлен вчера. Он рвался к Братскому кладбищу и Буденновке, штурмовал высоту 60, атаковал у кордона Мекензи. На этих смежных участках обороны разгорелся жестокий бой. С наблюдательных пунктов докладывали, что дым и пыль от разрывов снарядов и мин уже затрудняют прицельный огонь.

А около 11 часов из четвертого сектора сообщили: к нашим позициям пополз густой серо-зеленый дым, непохожий на обычный.

От фашистов можно ждать всего, тем более в такой день. В окопах, куда ветер нес эту ядовито клубящуюся пелену, на ближайших батареях раздалась команда, которую до тех пор слышали только на учениях: "Газы!" Противогазы имели все, за этим в частях следили.

Сообщение о том, что противник предположительно применил на Мекензиевых горах отравляющие вещества, требовало проверки. Но его сразу передали комендантам других секторов и в береговую оборону — чтобы были настороже. Через несколько минут должно было выясниться, с чем мы имеем дело.

Оказалось, это все-таки не газ, а дымовая завеса какой-то необычной, непривычной окраски. Немцы, используя потянувший с их стороны ветер, поставили ее в расчете прикрыть новый бросок атакующих, ослепить наших артиллеристов и стрелков. Дым, однако, не помог: вторая атака, как и первая, захлебнулась.

Тяжелее всего пришлось 345-й дивизии. И не только стрелковым ее частям. Начальник штадива Иван Федорович Хомич вспоминал после, как командир артиллерийского полка Веденеев доложил по телефону, что опасается захвата орудий противником: слишком близко тот подступил. Он просил разрешения отвести батареи, пока не поздно, на другую огневую позицию. Командир полка был опытный и не трус. Будь позади, между фронтом и бухтой, хоть немного больше пространства, начштаба, наверное, признал бы за благо удовлетворить его просьбу: дивизионной артиллерией без крайности не рискуют. Но теперь Хомич ответил:

— Выкатывайте пушки на открытое место и бейте прямой наводкой. Отходить вам некуда. Если отходит пехота, подчиняйте ее себе и остановите!

Батареи остались на прежней позиции, и враг их не захватил.

На прямую наводку переходили и другие артиллерийские части. А расчеты зенитчиков находились прямо в боевых порядках пехоты. Погода позволила активно действовать летчикам. Генерал Остряков, получая от нас координаты целей, группу за группой посылал на штурмовку вражеских войск "илы" и

"ястребки" (немецких самолетов в воздухе было мало: видно, их уже оттянула Керчь). Но при всей этой поддержке огнем на центральном участке атаки гитлеровцев отбивались уже из последних сил.

Настал момент, когда подполковник Гузь вызвал огонь артиллерии на свои передовые траншеи на флангах двух полков: там уже были немцы… Батарейцы Воробьева на высоте 60 вели бой на собственной огневой позиции, обойденной врагом с двух сторон.

К полудню четко определились несколько новых вклиниваний в наши рубежи пока неглубоких… Но в продолжающемся нажиме врага ощущалась вместо характерной для немцев методичности какая-то лихорадочная отчаянность.

Генерал Петров, с утра очень взволнованный, становился все спокойнее. Когда на фронте не произошло еще никакого перелома, Иван Ефимович, постояв над своей картой, сказал почти весело:

— Нет, не выйти им к бухте. Теперь уже не выйти! Во второй половине дня атаки гитлеровцев внезапно прекратились. Неужели всё?.. Нет, не может быть. Светлого времени оставалось довольно много, и противник почти на-, верняка должен был предпринять новую сильную атаку, по крайней мере еще одну. Так считали и на командных пунктах соединений, с которыми мы непрерывно держали связь. Поднимать наши войска в контратаку было рано: встречного боя уставшие части могли не выдержать.

Командарм вызвал полковника Рыжи, и мы обсудили, как использовать в ближайшие часы артиллерию. Огневые налеты по образовавшимся неприятельским клиньям были подготовлены, но Николай Кирьякович советовал объединить их с новым массированным ударом всей артиллерии, который следовало начать, как только немцы опять проявят активность. Этот удар, скажем 15-минутный, он предлагал направить сперва на передний край противника, затем обработать береговыми батареями, гаубицами и корабельной артиллерией ближние тылы, вплоть до Бельбекской долины.

Петров согласился, и Рыжи поспешил к себе. Он и Васильев все это уже спланировали, но надо было успеть передать артчастям окончательные указания.

Впрочем, в нашем распоряжении оказался час с лишним. Немцы снова пошли в атаку там же, где наступали и несколько продвинулись утром.

Наш новый огневой налет всеми видами артиллерии сделал свое дело, ослабил этот отчаянный, действительно уже последний натиск врага. И все-таки, чтобы он окончательно захлебнулся,

потребовалось еще несколько десятков минут вести тяжелый бой нашей пехоте.

Больше гитлеровцы не выдержали. До бухты оставалось около двух километров, но приблизиться к ней еще хотя бы на сотню шагов они не могли и стали откатываться назад.

Это был кризис декабрьского штурма, его конец.

Наша контратака кое-где началась почти стихийно: почувствовав, что враг выдыхается, бойцы устремлялись вперед, не ожидая команд.

Командарм приказал Капитохину, Гузю, Потапову готовить и по обстановке вводить в бой ударные группы преследования. Когда это передавалось по телефону, кое-кто переспрашивал, просил повторить: слово "преследование" звучало слишком непривычно, люди еще не успели осознать, что штурм Севастополя отбит.

В часы, когда на фронте назревал перелом, штарм подготовил боевой приказ, в котором определялась ближайшая задача армии: "Не допустить дальнейшего продвижения противника. Частными контратаками, уничтожая вклинившиеся в боевые порядки части противника, восстановить оставленные позиции путем последовательного захвата отдельных высот и рубежей". Комендантам секторов указывались рубежи, на которые их войска должны выйти в течение завтрашнего дня. Подписав приказ, командарм выехал на северное направление.

Там в эти последние часы сорок первого года защитники Севастополя совершали новый массовый подвиг. Части, только что отбившие бешеный натиск врага, понесшие сегодня, как и вчера, тяжелые потери (только ранеными — более полутора тысяч человек за неполные сутки), нашли в себе силы сразу же, без передышки, атаковать дрогнувших гитлеровцев, не давая им опомниться.

Наступательный порыв захватывал всех. В поредевшие стрелковые батальоны вливались команды тыловых служб. В дивизии Гузя, сложив свои трубы и взяв винтовки и гранаты, пошли в бой и музыканты оркестра.

Такие подробности узнавались, конечно, после. Но волнующе-красноречивыми становились даже самые короткие донесения. Всё новые отметки, появлявшиеся на моей рабочей карте, отражали быстроизменяющуюся обстановку.

Противник был не такой, чтобы даже после крупной неудачи обратиться в бегство. Оправляясь от недолгого замешательства (да и не везде оно было), он оказывал все более сильное сопротивление. И все же на центральном участке мы за считанные часы вернули многое из потерянного за несколько дней.

Еще в старом году была очищена от врага станция Мекензиевы Горы, а затем и первые высоты за нею. Здесь дивизию Гузя хорошо поддержали два полка 95-й дивизии, особенно 161-й стрелковый, которым до вчерашнего дня командовал Капитохин, а теперь капитан Дацко. По уцелевшим путям на станцию ворвался, громя фашистов огнем в упор, бронепоезд "Железняков".

А у моря, от Любимовки и выстоявшей 30-й батареи, медленно, но настойчиво продвигались, отвоевывая у врага сотню за сотней метров, батальоны 8-й бригады морской пехоты (их повели в контратаку военком Ефименко и начальник штаба Сахаров), полк Белюги и сводный отряд, собранный из остатков кавдивизии.

В долине реки Черной, где части второго сектора начали наступательные действия несколькими часами раньше, 7-я бригада морской пехоты и полк Мухомедьярова отбила у гитлеровцев Нижний Чоргунь, полностью овладели горой Госфорта.

В потоке донесений, принимаемых штабным узлом связи, поступило, не помню уж от кого, и такое: "Взят в плен немецкий майор, назначенный комендантом Севастополя. Вместе с ним захвачена комендантская команда". Попал-таки "комендант" в город!..

Так заканчивались сутки, месяц и год…

В последний его час в "домике Потапова" вновь состоялось короткое заседание Военного совета армии с участием командиров и военкомов соединений и некоторых частей северного направления. Теперь речь шла уже не о том, как удержать Севастополь, а о развитии первых успехов нашей контратаки. Командарм пришел к выводу, что задачи, поставленные войскам на завтрашний день, в значительной мере могут быть выполнены еще в течение ночи.

Я оставался на командном пункте армии. Минут за десять до полуночи генерал Петров соединился со мной по телефону с того берега Северной бухты.

— С наступающим, Николай Иванович! Поздравьте от меня всех, кто рядом с вами. Я у Николая Васильевича, от него двинусь дальше налево. Что там у нас хорошего?

"У Николая Васильевича" означало — у Богданова. Артиллеристы были героями дня, и командующий армией, очевидно, решил встретить Новый год на КП нашего главного артполка.

* * *

Минуты, когда один год сменяется другим, всегда кажутся

особенными, где бы они тебя ни застали. Хочется и оглянуться назад, и представить будущее, в мыслях переплетаются большое, общее и самое сокровенное, твое…

Севастопольцев враг не одолел. На других фронтах советские войска тоже дали фашистам жару. Крепла вера в то, что наши военные дела теперь вообще пойдут лучше. Но насколько легче было бы на душе, знай я хоть что-нибудь о жене и детях. Хотя бы одно то, что они живы!

Недели три назад отправился на Большую землю мой адъютант лейтенант Петр Белоусов, получивший отпуск по болезни. Я просил его навести справки в Наркомате обороны: может быть, там что-то известно о семьях начсостава, эвакуированных из Болграда в первый день войны… А теперь стал надеяться, что весточкой обо мне послужит для жены, где бы она ни находилась, присвоение мне генеральского звания: постановление Совнаркома должно было появиться в газетах.

На КП приехал член Военного совета Михаил Георгиевич Кузнецов. Не раздеваясь, он вошел ко мне, заполнив своей огромной фигурой чуть не половину моей "каюты". Бригадный комиссар сел, положил на колени шапку, улыбнулся устало и облегченно.

Мы не виделись часов шесть-семь, а сколько за это время произошло событий!

— Хорошо встретили Новый год! — сказал Михаил Георгиевич. — Наша взяла!

Он стал рассказывать о заседании Военного совета, на котором я не был, об обстановке у переднего края. Потом, весь просияв, сообщил:

— А знаешь, что я еще видел? Новогоднюю елку!

— Какую елку? — не понял я.

— Да обыкновенную. Был вечером в городском комитете обороны, и там, когда уже уходил, мне посоветовали: "Если есть десяток минут, загляните в одно убежище, тут рядом, на улице Карла Маркса, не пожалеете!" Заинтриговали, пошел. А там елка… Ну, не совсем, конечно, елка- крымская сосна. Но украшена, как полагается, разноцветные фонарики горят. И человек сто девчонок и мальчишек хоровод водят. От такой картины меня прямо слеза проняла. Стою у порога и думаю: ведь на этой улице только что снаряд грохнулся, а гитлеровцы еще сегодня утром рассчитывали, что вечером будут по ней маршировать… И вот что интересно: откуда взялась елка? На нашей-то территории, как известно, хвойного леса нет. Он пока что по ту сторону фронта. Так, оказывается, оттуда и принесли ее разведчики из полка Горпищенко по особому, понимаешь,

секретному уговору с горкомом комсомола. И не одну ту, которую я видел, а чуть не дюжину приволокли! И на Корабельной, и в Инкермане, где до фронта рукой подать, зажглись для ребят елки. Несмотря ни на что… зажглись! А ты, начальник штаба, сидишь тут и таких вещей не знаешь!..

Кузнецов засмеялся, и лицо его уже не казалось усталым.

На северном направлении продолжался бой. Тесня противника, наши войска продвигались к долине Бельбека.

Осада остается осадой

Первым, что командование Приморской армии осуществило в наступившем 1942 году, была переброска на северное направление, в четвертый сектор, 172-й стрелковой дивизии полковника Ласкина.

Как ни стремились вперед части, перешедшие там в общую контратаку сразу после отражения последнего натиска врага, им — даже для того, чтобы только вернуть позиции на Бельбеке, — требовалось достаточно сильное подкрепление.

В Севастополь прибывала еще одна дивизия, выделенная нам Кавказским (так стал называться бывший Закавказский) фронтом, — 386-я стрелковая. Ее полки выгружались с судов под гул недалекого боя и сосредоточивались под Сапун-горой и у Максимовой дачи. Дивизией командовал полковник Николай Филиппович Скутельник. При знакомстве выяснилось, что он из красных конников гражданской войны, служил в бригаде Котовского. Вроде бы армия получала как раз ко времени тот резерв, который поможет отбросить противника До прежних границ севастопольского плацдарма.

Однако мы остереглись с ходу вводить в бой дивизию, не только необстрелянную, но и, как оказалось, недостаточно сколоченную и обученную и слабовато вооруженную.

— На северный участок, — сказал командарм, — сейчас надо выдвинуть соединение, уже испытанное. Такое, как дивизия Ласкина или Новикова. А новую поставить вместо той в оборону, на обжитые позиции.

Заменять дивизию Новикова было сложнее: в первом секторе, на правом фланге, очень специфическая местность — балаклавские горные кручи, к которым хорошо приспособился, крепко в них врос полк пограничников. Поэтому решили взять из второго сектора дивизию И. А. Ласкина.

Иван Андреевич был вызван на КП армии еще до того, как наступило новогоднее утро. Вернувшийся с передовой командарм, поблагодарив Ласкина за стойкую оборону ялтинского направления, устно отдал приказ: в ночь на 2 января передать занимаемые позиции частям полковника Скутельника и скрытно вывести дивизию к Инкерману. А затем во взаимодействии с другими нашими войсками завершить разгром противника на Мекензиевых горах.

Петров отметил на карте Ласкина участок Бельбекской долины, еще занятый немцами, выход на который становился ближайшей задачей дивизии. И пообещал:

— Через два-три дня обязательно у вас побываю!

Я уже достаточно знал полковника Ласкина, но, присутствуя при этом, невольно им любовался. Радостно, когда командир, получая новую, в данном случае совершенно неожиданную, боевую задачу, весь загорается ею.

Глядя на него, ощущаешь, как он мгновенно подчиняет ее выполнению все свои внутренние силы, волю, ум.

Чтобы сразу решить, какая артиллерия будет поддерживать Ласкина, командарм пригласил Николая Кирьяковича Рыжи. Было также решено, что 172-я дивизия, все еще имевшая только два стрелковых полка, временно возьмет с собой на новое направление приданный ей в ноябре 31-й Пугачевский полк чапаевцев.

Освобождение Керчи и Феодосии резко меняло обстановку в Крыму. Все мы видели в этом начало полного и, казалось, скорого очищения полуострова от фашистских захватчиков.

Да и само немецкое командование, как теперь известно, довольно пессимистически оценивало ситуацию, в которой оказались его войска б Крыму. "Судьба 11-й армии висела на волоске", — писал впоследствии Манштейн. Он опасался, что советские войска, наступающие с Керченского полуострова, быстро отрежут его армию от перешейка. Да так оно и должно было быть.

Но все это происходило на том этапе войны, когда нашим военачальникам и штабам, в том числе и фронтового масштаба, еще не хватало опыта крупных наступательных операций. Глядя на минувшее с высоты нынешнего дня, видишь и упускавшиеся возможности, и то, как иной раз желаемое принималось за совершившийся факт…

Впрочем, и тогда, в начале января сорок второго года, севастопольцев удивляло, почему после блестящего успеха смелой десантной операции, имея перед собой, особенно на первых порах, относительно немного войск противника, армии Кавказского фронта вдруг задержались у Владиславовки и Коктебеля.

В то же время чувствовалось, что в штабе фронта представляют в слишком уж радужном свете положение севастопольского плацдарма после отражения декабрьского штурма. Из донесений воздушной разведки, отмечавшей передвижение немецких войск в сторону Керчи, или по каким-то еще данным делались поспешные выводы, будто из-под Севастополя отходят основные силы штурмовавшей его неприятельской группировки. И от нас стали требовать решительного наступления на всем фронте СОР.

Признаться, я был тогда рад, что мы подчинены фронтовому начальству все-таки не непосредственно, а через командование Севастопольского оборонительного района. Ему и досталась нелегкая миссия объяснять штабу фронта наши реальные возможности.

Приморская армия, доносил на Кавказ командующий СОР Ф. С. Октябрьский, понесла в декабрьских боях тяжелые потери и в данный момент перейти в решительное наступление не может, "В 79-й стрелковой бригаде, — уточнял он, осталось около 1200 бойцов, а в 345-й стрелковой дивизии — до 2 тысяч…"

40-ю кавдивизию мы вывели из боев в составе 540 человек. В 8-й бригаде морской пехоты не насчитывалось и этого, и вопрос мог стоять не о доукомплектовании ее, а лишь о формировании заново. В двух наших танковых батальонах имелось семь исправных машин. Вдобавок опять стало туго с боеприпасами: почти все доставленные за последнее время снаряды армия израсходовала, отражая двухнедельный штурм.

Прошло некоторое время, прежде чем было наконец признано и подтверждено: основной задачей приморцев остается пока оборона главной базы Черноморского флота. Вместе с тем надлежало готовиться к последующему наступлению, к участию вместе с армиями Кавказского фронта в освобождении Крыма.

Должен сказать, что и в те дни, когда фронт требовал от приморцев невыполнимого, а командование СОР старалось доказать это фронту, мы вели прежде всего на северном направлении — наступательные действия, стремясь вернуть, где можно, рубежи, с которых враг оттеснил нас в декабре. Но восстановить севастопольский плацдарм в прежних границах сил не хватало.

Дивизии Капитохина и Ласкина достигли Бельбека, а местами пересекли долину, проложенную мелкой, но бурливой в зимнее время рекой, закрепившись на некоторых высотах ее правого, северного, берега.

Позиции на Бельбеке вообще-то неплохи. В этом я лишний раз убедился, побывав на "новоселье" у полковника Ласкина. Обрывистый южный склон долины представлял выгодный естественный рубеж. Редко где под Севастополем имели такой, как отсюда, обзор артиллерийские наблюдатели. И отрадно было сознавать, что все-таки это Бельбек. А станция Мекензиевы Горы, где меньше недели назад сидели гитлеровцы, — позади, опять у нас в тылу, на таком же примерно расстоянии от сегодняшнего переднего края, как от нее до бухты.

Но у немцев оставались Мамашай, Аранчи, гора Азиз-Оба… Селение Бельбек, раскинувшееся посреди долины, оказалось в

ничейной полосе. Ласкин рассказал, что там живут в подвалах несколько стариков и красноармейцы из боевого охранения, заходя в селение ночью, делятся с ними харчем и табаком.

На правом фланге фронт Севастопольской обороны проходил почти как прежде. В центральной части обвода он тоже сдвинулся ненамного, продолжая опираться на главный рубеж. А здесь, на северном фасе, стал на шесть-семь километров ближе к городу, чем было до 17 декабря. И хочешь не хочешь, приходилось на какое-то время — так тогда думалось — принять это как неприятный, но непреложный факт.

Шок, хвативший гитлеровцев под Новый год, когда они надорвались в своей последней, отчаянной попытке пробиться к бухте и заметно дрогнули, прошел. Перейдя к обороне, противник интенсивно вел инженерные работы, ставил минные и проволочные заграждения, строил доты. С иллюзиями насчет того, будто немцы теперь сами уберутся из-под Севастополя, оставив лишь небольшие заслоны (греха таить нечего — так думали в определенный момент не только некоторые товарищи на Кавказе, но и кое-кто у нас), пора было расстаться.

На фронте СОР, сократившемся с 46 до 35–36 километров, нам противостояло не меньше четырех немецких дивизий — это мы уже знали точно, не будучи пока уверены лишь в присутствии пятой. Эти дивизии по-прежнему имели очень много огневых средств. Никуда не делась и неприятельская дальнобойная артиллерия: об этом напоминала она сама, методически обстреливая дороги в наших тылах и город. В бухте, попав под огневой налет, получил повреждения пришедший из Батуми танкер.

И хотя никто тогда не думал, что оборонять Севастополь потребуется еще долго, надо было браться за укрепление тех позиций, которые наши войска фактически занимали.

Что севастопольские оборонительные рубежи еще могут понадобиться и их следует усиливать, дало нам понять и Верховное Главнокомандование. Причем не директивой, не телеграммой, а практической помощью: в Севастополь прибыла из Москвы особая оперативная группа по инженерным заграждениям, во главе с генерал-майором И. П. Галицким — начальником штаба инженерных войск Красной Армии.

Мы очень обрадовались московским гостям. Тем более что группа, состоявшая из 60 военных инженеров и курсантов, прибыла не с пустыми руками. Она привезла с собой около 45 тысяч противотанковых и противопехотных мин (примерно столько было уже поставлено под Севастополем с начала обороны) и 200 тонн дефицитной у нас взрывчатки. Все это

погрузили под Москвой в специальный эшелон, который по "зеленой улице" за три или четыре дня дошел до Новороссийска. А там эти взрывоопасные грузы уже ожидал крейсер.

Как мы узнали, группа Галицкого в том же составе занималась оборудованием инженерных заграждений на Западном фронте, на подступах к столице. Это был коллектив энтузиастов своего дела, сплоченных выполнением срочных и ответственных заданий, умевших работать целеустремленно, напористо. Они и в дороге не теряли времени даром, успев по картам детально изучить местность вокруг Севастополя.

Получив от меня последние данные о том, как проходит линия фронта, генерал Галицкий и начальник штаба группы полковник Леошеня к исходу того же дня представили Военному совету план первоочередных работ по укреплению позиций армии взрывными заграждениями, согласованный с генералом Хреновым.

Когда план был утвержден, командарм спросил, скоро ли можно приступать к его реализации.

— Сегодня же ночью, — доложил начинж армии полковник Кедринский. Инструкторский состав московской группы распределен по участкам и ознакомился с ними, команды саперов выделены. Подвезти необходимое количество мин успеем.

Работы велись каждую ночь, нередко под вражеским огнем, силами армейских саперов, только что вернувшихся к своему прямому делу (несколько дней назад они сражались в боевом строю пехоты). Руководили инструкторы-москвичи. Одновременно Галицкий, Леошеня, Хренов, Кедринский и их помощники готовили план инженерно-заградительных мероприятий второй и третьей очереди. Он предусматривал создание плотных минных полей на всех танкоопасных направлениях и прикрытие противопехотными препятствиями всего переднего края, кроме участков, которые сама природа защитила крутыми каменными откосами. Намечалось также поставить взрывные заграждения перед ключевыми позициями в глубине обороны — на Инкерманских высотах, у Сапун-горы.

Этот расширенный план, правда, уже не обеспечивался имевшимися минами и другими инженерными средствами и зависел от дальнейшего поступления их с Большой земли или увеличения местного производства. (И значительно раньше, чем все намеченное могло быть осуществлено, московская "группа из Севастополя отбыла — штаб фронта добился переброски ее на Керченский полуостров для укрепления Ак-Монайских позиций.)

Руководители группы были очень загружены; ночью — с саперами на передовой, днем — там же на рекогносцировках или

за расчетами над картой. В штарме они появлялись ненадолго, и все же крупные военные инженеры, многое видевшие и знавшие, вносили в жизнь на армейском КП заметную свежую струйку.

На наш изолированный плацдарм нескоро доходила информация о подробностях боевых действий на главных фронтах. А эти товарищи только что участвовали в обеспечении обороны Москвы. Послушать их даже накоротке было интересно и полезно.

Иногда командарм специально отводил на это минут тридцать — сорок после очередного (происходившего обычно в начале ночи) доклада генерала Галицкого о работах по постановке заграждений.

О чем бы, однако, ни заходила речь, возвращались к своему, севастопольскому. Из услышанного о боях на других фронтах Петров быстро делал выводы для нас.

Однажды Иван Павлович Галицкий рассказал, как под Москвой взаимоусиливали друг друга минные заграждения и соответствующим образом расставленная противотанковая артиллерия.

— Здесь у нас в большинстве случаев выгоднее прикрывать минные поля дотами, — сказал, подумав, Иван Ефимович.

Этот разговор вылился в обсуждение дополнительных мер по защите Инкерманской долины. Стали выяснять, можно ли расширить налаженное к тому времени в Севастополе производство бетонных блоков для сборных дотов, которые монтировались в нужном месте за одну ночь.

Общение с москвичами доставляло большое удовольствие Василию Фроловичу Воробьеву: и Галицкого, и Леошеню он знал по военным академиям, а вопросами инженерного обеспечения боя немало занимался сам.

Генерал-майор Воробьев теперь жил в каземате армейского КП рядом со мной, став начальником оперативного отдела штарма. Майор Ковтун, исполнявший последнее время эту должность, стал его заместителем.

Командарм часто наведывался к заменившему Воробьева в 95-й дивизии Капитохину. Утром спрашивал:

— С Александром Григорьевичем давно говорили? Что там у него?

Капитохина выдвинули в горячее время, когда долго раздумывать было некогда, и, как бывает в таких случаях, порой тревожились: не ошиблись ли в выборе?

Но претензий к Капитохину почти не было. Спокойный и рассудительный, с достаточно твердым характером, не страдающий самонадеянностью, он обычно сам чувствовал, о чем

следует посоветоваться, прежде чем действовать.

Петрова немного беспокоило, как сработается Капитохин с прибывшим в его сектор Ласкиным, который моложе годами, но в военном отношении опытнее: возглавлял с начала обороны второй сектор. Однако оба проявляли столько взаимного такта и истинного боевого товарищества, что это вызывало к тому и к другому еще большее уважение.

8 января 1942 года под Севастополем не происходило крупных событий.

Утром позвонил корреспондент "Красной звезды" Лев Иш: ему стало известно, что еще 4-го напечатана моя статья, написанная под его активным нажимом.

Статья называлась "Два месяца обороны Севастополя", но речь в ней шла главным образом об отражении декабрьского штурма. Она, между прочим, явилась моим первым в жизни выступлением в печати. А услышав о ее выходе в свет, я вновь, как и после получения генеральского звания, с надеждой подумал: может, хоть эта газета где-то попала в руки Насте — жене… Тогда она и ребята уже знают, что я жив и нахожусь в Севастополе.

С флагманского командного пункта флота приехал переговорить по разным текущим делам капитан 2 ранга Жуковский. Вид у него был мрачный.

— В Евпатории все кончено, — тихо сказал он. — Разведчики, высаженные с подводной лодки, подтверждают…

Это был небольшой десант, о котором в армии мало кто знал, одна из высадок, предпринятых флотом, оперативно подчиненным Кавказскому фронту, для отвлечения сил противника от Керченского полуострова и захвата в Крыму новых плацдармов. Если бы Евпаторийский десант удался, туда, очевидно, направили бы войска для наступления на Симферополь с запада, по ровной степи, а может быть, для удара прямо на Ишунь.

Сперва все шло как будто успешно. Высадившийся о тральщика и катеров батальон морской пехоты захватил причалы и завязал бои в городе. Мы с командармом, стоя у карты, переживали, что не можем (этого никто от нас и не требовал) быстро соединиться с десантом. Для приморцев оставался очень трудной задачей выход на Качу, а от Качи до Евпатории — еще десятки километров.

Тем временем, как установили разведчики, Манштейн повернул к Евпатории полк, который на машинах двигался из-под Балаклавы в сторону Феодосии. А на море разыгрался шторм, как назло, затяжной, и высадка подкреплений на евпаторийский берег стала невозможной.

В тот же день, 8 января, Москва сообщила командованию СОР радиоперехват из официальной берлинской сводки: "В Крыму уничтожены силы противника, высадившиеся на побережье Евпатории. Эти силы уничтожены в упорной борьбе за каждый дом".

Да, противник перед нами был такой, которого не пронять мелкими разобщенными ударами…

Командарм, вызванный на флагманский КП, вернулся от командующего СОР с выписками из новой директивы фронта. В ней подтверждалась задача, уже поставленная Приморской армии раньше, — одновременно с наступлением 51-й и 44-й армий с Керченского полуострова наносить нашим левым флангом удар в направлении Дуванкоя, а в дальнейшем — на Бахчисарай. Общее наступление в Крыму назначалось на 12 января (потом фронт опять его отложил), нам планировалось к исходу третьего дня выйти на Качу.

Войска, которым предстояло наступать, за последние два дня вновь улучшили свои позиции. Им было приказано закрепиться на достигнутых рубежах, пополнить боевые подразделения за счет собственных тылов. И — на это штаб армии особенно нажимал — активно вести разведку. Мы еще не все знали о том, как расставил перешедший к обороне противник свои огневые средства, какие успел создать опорные пункты.

В соединениях работали все направленцы, но перед новыми боями я хотел своими глазами получше рассмотреть наш передний край: если не представляешь его в натуре, трудно думать над картой.

У Капитохина, Ласкина, Гузя я за последние дни побывал, а сегодня командарм разрешил съездить после обеда к Потапову и чапаевцам. Там мне помимо прочего хотелось удостовериться в надежности стыков: на этом, самом "диком" по рельефу участке Мекензиевых гор немцы не раз находили для себя лазейки.

— Да, — вспомнил Петров, когда я уже собрался ехать, — Харлашкин-то у нас в войсках. Возьмите Кохарова, он мне сейчас не понадобится.

Иван Ефимович не любил отпускать меня одного. С тех пор как заболел Белоусов, со мной чаще всего ездил капитан Харлашкин, а иногда адъютант командующего Кохаров.

День стоял хотя и пасмурный, но не сумрачный. Снег, которого столько навалило в декабре, уже исчез, и сразу стало похоже на весну.

Почему-то захотелось побольше проехать городом. Перед кольцом центральных улиц, откуда нам надо было повернуть на спуск к Южной бухте, и сказал водителю Володе Ковтуну:

— Давай через центр, крюк невелик… И не гони, посмотрим, как тут теперь.

Разрушенных и поврежденных зданий прибавилось. Впрочем, но так уж много прибавилось, могло быть хуже. (Всего за ноябрь и декабрь бомбы и снаряды разрушили в Севастополе 235 домов.) И главные изменения заключались не в этом. Больше стало на улицах людей, гораздо больше — вот что бросалось в глаза! Город сделался оживленнее, как-то веселее.

Он оставался под артиллерийским обстрелом. Даже за самые спокойные сутки в городской черте падали десятки снарядов. Линия фронта, хоть и отодвинулась по сравнению с недавними критическими днями, проходила за Северной бухтой ближе, чем месяц назад. Но севастопольцы уже привыкли к обстрелам.

Вспомнилось, как приезжавший накануне на КП Борис Алексеевич Борисов говорил, что многие семьи возвращаются из убежищ в свои квартиры.

— Готовим, — увлеченно рассказывал секретарь горкома, — развернутое решение о восстановлении промышленных предприятий, городского хозяйства, культурных учреждений. Будем, разумеется, прежде всего расширять военное производство, но пора заняться и многим другим. Нужно больше магазинов, нужен трамвай на Корабельной стороне. Открываем центральную библиотеку, думаем открыть и кинотеатр "Ударник"…

На стенах домов, рядом с лозунгами, призывавшими к отпору врагу, появился новый — "Восстановим родной город!".

А у Приморского бульвара, перед площадью, где с памятника простер к городу руку Ильич, на меня вдруг глянуло знакомое худощавое лицо Николая Васильевича Богданова, командира нашего знаменитого артполка: огромный его портрет возвышался на щите над тротуаром. Дальше — другие портреты: армейцы, моряки, летчики, прославившиеся в декабрьских боях. Появись кто из них здесь — каждый узнает героя. Что ж, по делам и честь!

Когда мы пересекали площадь, в бухту, синеющую за колоннами Графской пристани, плюхнулся, взметнув высокий всплеск, немецкий снаряд. И еще один… В поле моего зрения было несколько прохожих, почти все — женщины. Они оглянулись на звук разрыва, ускорили шаг. Но никто не шарахнулся, не побежал. Снаряды ложились в стороне, в нескольких сотнях метров, и люди на улице уже отдали себе отчет: им эти разрывы не страшны. Мирные жители города стали вести себя как бывалые, обстрелянные солдаты, которые умеют мгновенно оценить степень конкретной опасности. Это вызывало уважение к ним и одновременно чувство горечи. Сколько же надо

было испытать осадного лиха, чтобы в родном доме, на своей улице стар и млад приобретали фронтовые привычки!..

В бригаде Потапова я выполнил свой план: обошел по первой траншее весь передний край. И как водится, чем дальше шел, тем больше накапливалось замечаний к разговору с комбригом и начальником штаба.

Народ в бригаде золотой. Но вот надежно окапываться, оборудовать занятые позиции так, чтобы были хороши не только как исходные для движения вперед, а и для упорной обороны, этих удальцов все еще не приучили.

"Взять бы да сводить, будь на то время, весь начсостав, вплоть до отделенных, в бригаду Жидилова, — размышлял я. — Там моряков куда больше. А как умеют зарыться в землю! Побывали под Ишунью, и там, в степи, наверное, навсегда поняли, что значит окопаться или не окопаться по-настоящему".

И со стыками оказалось не все ладно. Тут уж я не успокоился, пока при мне не сомкнулись теснее подразделения смежных батальонов.

Удовлетворенный тем, что успел сделать, и заключительным разговором на бригадном КП, я не жалел, что задержался у Потапова несколько дольше намеченного. Пора было, однако, пока не начало темнеть, двигаться к чапаевцам.

По пути, еще на участке 79-й бригады, завернул на заросшую кустарником высотку: хотелось взглянуть на отрог Камышловского оврага, плохо просматривавшийся из траншей. Со мной шли Кохаров и командир-моряк из штаба Потапова. Внизу, на дороге, ждал Володя Ковтун с машиной.

Высотка оказалась что надо: видны и интересовавший меня отрог и главная выемка Камышловского оврага (кто только окрестил оврагом эту живописную, резко очерченную долину!) на всю километровую ширь. Косые лучи предзакатного солнца, пробившиеся сквозь облака, хорошо освещали восточный, занятый противником склон.

Но осматриваться довелось недолго. Провизжав у нас над головой, разорвалась где-то позади крупнокалиберная мина. А через несколько секунд другая — впереди. Вот тебе на — попали в вилку!..

Следующая мина упала совсем близко. Меня обдало сзади жаром и сильно ударило под лопатку будто горячим кирпичом (в голове мелькнуло: отскочил камень). Устояв на ногах, я обернулся и увидел неподвижно лежащего Кохарова. Моряк из штаба тоже упал, но старался встать.

Откуда-то мгновенно появились несколько бойцов. Я приказал им нести моряка и Кохарова к машине и передать

водителю, чтобы вез в медсанбат, меня не ждал.

Выбираясь следом за ними из кустарника, услышал чьи-то слова: "Старший лейтенант мертвый". Понял, что это про Кохарова. Как в тумане увидел уходящую эмку.

"Контузило меня, что ли? — с досадой думал я, чувствуя нарастающую противную слабость. — Сейчас это должно пройти".

Однако передвигать ноги становилось все тяжелее. На мое счастье, на дороге показалась полуторка, очевидно доставлявшая боеприпасы.

Сев в кабину, вновь попытался дать себе отчет в своем состоянии, но разобраться в нем почему-то не удавалось. Попробовал закурить — не получилось и это, что-то мешало. Когда въехали в город, уже сознавал, что в наше подземелье по крутой лестнице, пожалуй, не спущусь. Велел шоферу повернуть к домику, где "стоял на квартире" и иногда отдыхал, — там был телефон.

И только вылезая из машины, заметил на себе кровь — она текла из рукава бекеши и по ноге. Сил хватило ровно на то, чтобы войти в свою комнату, опуститься на диванчик, снять трубку и соединиться со штабом. Услышав голос майора Ковтуна, попросил его подняться ко мне наверх. Положить трубку на аппарат, как потом выяснилось, уже не сумел.

К сознанию меня вернули Ковтун и начсанарм Соколовский, когда стаскивали намокшую бекешу.

— Счастлив ваш бог! — воскликнул Давид Григорьевич, ощупывая мою спину.

Поняв это в том смысле, что ранение легкое, и услышав затем что-то про госпиталь, я невпопад возразил:

— Может быть, ограничимся перевязкой?

В следующий раз очнулся под ярким светом направленных на меня ламп уже на операционном столе. Ощутив на ногах, накрытых белым, не снятые почему-то сапоги (не сняли их просто в спешке), хотел о них напомнить, но решил, что, наверно, так надо — врачам виднее. Да и некогда уже было.

Подробности происшедшего в тот день стали известны мне значительно позже.

В меня попали три осколка разорвавшейся сзади мины. Самый крупный, с половину спичечного коробка, пробив лопатку и раздробив ребро, не дошел одного сантиметра до сердца. А слова Соколовского "Счастлив ваш бог!" относились к тому, что в рану втянуло, плотно ее заткнув, ткань и вату, вырванные из бекеши. Случайный тампон предотвратил слишком большую потерю крови. Очевидно, благодаря ему я смог даже без перевязки некоторое время оставаться на ногах.

Чтобы добраться до этого осколка, пришлось делать разрезы между ребрами. Одной операцией дело не ограничилось. Возникли осложнения, понадобилась вторая: давал о себе знать другой осколок, который сразу не нашли, а может, решили пока не трогать.

Но это уже было потом. А сколько-то дней я провел совсем выключенным из окружающей жизни. Приходя время от времени в полусознание, плохо представлял, где нахожусь: как и куда везли, не помнил.

Заметив как-то, что я приоткрыл глаза и всматриваюсь в темноватое окно (его закрывала глухая стена соседнего здания), дежурная сестра успокаивающе зашептала:

— В Севастополе вы, товарищ генерал, в Севастополе. В самом центре, на горе… Тут Первая совбольница помещалась, а теперь наш госпиталь, пэ-пэ-ге двести шестьдесят восемь…

Когда смог наконец сознательно познакомиться со своим лечащим врачом Семеном Давыдовичем Литваком — главным хирургом госпиталя, услышал от него, что сюда каждый день приезжает командарм. Ко мне генерала Петрова не пускали, но он все ездил, чтобы поговорить с врачами.

Я считался пока нетранспортабельным, однако по всем медицинским показателям подлежал, как только немного окрепну, эвакуации на Большую землю. Но командующий, как я потом узнал, заранее распорядился никуда меня не отправлять. В штаб фронта немного погодя сообщили: "Оставлен на излечение при армии и в ближайшее время, видимо, возвратится к исполнению службы".

Милый Семен Давыдович, старательно меня обманывая, называл заниженную температуру, объяснял своей "неловкостью", за которую постоянно извинялся, мучительную болезненность перевязок с выпусканием накапливавшегося в ране гноя. Но командарму он, надо полагать, докладывал о моем состоянии то, что есть. Как я был благодарен Ивану Ефимовичу, продолжавшему верить в мои силы!

Во второй раз меня оперировал Валентин Соломонович Кофман.

Об этом одесском профессоре, ставшем, когда началась оборона его родного города, армейским хирургом, мне много рассказывал начсанарм Соколовский. Я знал, что в первую мировую войну Кофман гимназистом убежал на турецкий фронт помогать отцу, врачу кавалерийской бригады. Он участвовал в революции, в гражданскую был комиссаром. В институт поступил уже не юнцом, но в тридцать с чем-то лет стал доктором медицинских наук. Быстро освоившись у нас в армии, этот

редкостно энергичный и работоспособный человек успевал на войне быть не только организатором и хирургом-практиком, а и педагогом, ученым.

За три дня до того, как приморцам пришлось оставить Одессу, в типографии армейской газеты были отпечатаны триста экземпляров его научной работы, задуманной как пособие для медиков, призванных из запаса. В ней обобщался опыт обработки раненых в войсковом районе. А в Севастополе под руководством Кофмана уже создавался коллективный труд по полевой хирургии. Многие врачи готовили по заданиям профессора рефераты, в медсанбатах, как только позволяла обстановка, проводились научные конференции…

У Валентина Соломоновича было запоминающееся лицо: очень бледное, почти белое, с крупными, выразительными чертами. В ярком освещении операционной оно выглядело еще внушительнее. В движениях Кофмана, в манере держаться сквозила покоряющая уверенность, голос звучал громко, резко.

Операция делалась под местным наркозом. Когда я зашевелился от внезапной боли, грозный армхирург прикрикнул:

— Что, кончается наркоз? Знаю, терпите! Сейчас я его ухвачу!..

Тут же я ощутил, как где-то во мне металл задел за металл. И Кофман торжествующе объявил:

— Готово, вытащил! Теперь все пойдет на лад. Вот, держите на память! — Он сунул в мою обессилевшую руку острый кусочек железа.

Слова Кофмана оправдывались: я пошел на поправку. Только очень уж медленно, "со скрипом". Медики говорят, что именно тогда, когда кого-то хотят быстрее поставить на ноги, чаще всего возникают разные казусы. Так, наверное, получилось и со мной: к незажившим ранам прибавилось воспаление легких. Минули недели, прежде чем я начал осторожно, держась за спинку койки и стену, ходить по палате.

Не стану, впрочем, вдаваться в то, что знакомо каждому, кто был на войне серьезно ранен. Но не могу не сказать о самоотверженных людях, которые заботливо и терпеливо меня выхаживали.

Немало забот доставил я терапевту Нине Федоровне Харламовой. А сколько раз на дню склонялась надо мною старшая сестра Ирина Котляревская, зоркий и умелый помощник лечащих врачей! Она была "морячка" — из флотского госпиталя. Военфельдшер Муся Кондуфорова и медсестра Тося Чабан, сменяя друг друга, следили ночами, чтобы я лежал приподнято (чуть сползу с подушек — начинал задыхаться, а приподняться

сам не мог). Не забуду, как радовались эти добрые девушки — кажется, больше меня самого — всякому признаку моего выздоровления.

Когда врачи позволили меня навещать, первыми приехали командарм Иван Ефимович Петров и член Военного совета Михаил Георгиевич Кузнецов. Они посидели пять-шесть минут, улыбались, рассказывали о каких-то пустяках. У меня светлело на душе от одного того, что снова вижу их лица. Но, конечно, очень хотелось что-нибудь услышать о фронтовых делах. Однако говорить со мной об этом, как видно, было запрещено.

— За Приморскую армию можете быть спокойны, — сказал на прощание Иван Ефимович. — А познакомиться с деталями обстановки успеете.

Еще раньше, перед повторной операцией, судьба одарила меня великим, неоценимым подарком: отыскались живыми и невредимыми жена и вся моя семья два сына и дочь, о которых я не имел вестей с первого дня войны.

Белоусов выяснил-таки, что из Белграда они попали на Волгу, в Камышин, разузнал у кого-то, что жена поступила там на работу в госпиталь, сообщил адрес. Но не успел я распорядиться о высылке туда денежного аттестата, как из штаба доставили письмо жены, оказавшейся с ребятами уже в Казахстане, в Джамбуле. В письме пришла даже последняя фотография Борьки — моего младшего, семилетнего сына…

Ко мне стали прорываться Рыжи, Моргунов, Глотов, Ковтун… По их рассказам, сперва вынужденно кратким (засиживаться гостям не давали), постепенно складывалось представление о том, что успело произойти без меня. Правда, до некоторых пор картина получалась довольно однобокой: мне старались сообщать только хорошие новости.

Лишь в середине февраля я узнал, что немцы 18 января вновь овладели Феодосией. Еще позже — о том, что через неделю после меня (при схожих обстоятельствах и тоже на Мекензиевых горах) был ранен осколком мины и прожил после этого всего несколько часов Гавриил Павлович Кедринский, наш боевой начинж (по введенной незадолго до того новой организации инженерных войск он стал также заместителем командующего армией). Похоронили его на Малаховом, рядом с Кудюровым…

Фронт наш назывался уже не Кавказским, а Крымским, штаб находился в Керчи, Командовать фронтом продолжал генерал-лейтенант Д. Т. Козлов, при котором находился в качестве представителя Ставки Л. З. Мехлис.

А две армии, сосредоточенные на Керченском полуострове, оказывается, так и не вышли за ею пределы. Как получилось, что

войска, переправившиеся через пролив ради решительного наступления в глубь Крыма, все еще не развернули это наступление, я долго не мог понять.

— Не ломайте, Николай Иванович, над этим голову, на войне чего не бывает! — уговаривали мои гости. Они уже не рады были, что нарушили запрет разговаривать на служебные темы.

Раз не приближался к нам фронт, созданный на востоке Крыма, то, естественно, особенно не продвинулись и приморцы: наступление с севастопольского плацдарма могло быть только вспомогательным. На ряде участков северного направления наши части вернули еще кое-что из оставленного в декабре. Однако до Качи по-прежнему было далеко.

— Кажется, мне легко будет возвращаться к работе, — пошутил я при очередной встрече с Иваном Ефимовичем. — Изменений как будто немного…

— К сожалению, немного, — согласился Петров. — Все зависит от Керчи, от того, когда там начнут по-настоящему. Пока наша задача — прочно удерживать занимаемые рубежи и быть в готовности частью сил наступать в направлении Бахчисарая. Словом, задача вам знакомая.

Севастополь оставался в осаде. И если в первые дни января казалось, что это уже ненадолго, то теперь, чувствовалось, многие смотрели на положение в Крыму иначе.

Несколько позже меня навестил генерал Воробьев. (Он вступил во временное исполнение обязанностей начальника штаба армии, и, как я знал по себе, отлучаться с командного пункта ему было нелегко.)

— Что Севастополь придется оборонять еще долго и упорно, — сказал, помню, Василий Фролович, — мне стало ясно после того, как немцам удалось снова занять Феодосию. А наши бойцы, которые, кстати, про Феодосию пока не знают (об ее оставлении широко не объявлялось), поняли это, думается, уже по тому, как ожесточенно сопротивляется противник, когда мы пытаемся где-либо его потеснить. Так что из госпиталя можете не спешить, к наступлению, полагаю, не опоздаете… И обороны на вас еще хватит.

В этих своих прогнозах Воробьев, увы, оказался прав.

В один из февральских дней в палату неожиданно ввалился почти весь оперативный отдел с Ковтуном и Костенко во главе. Семен Давыдович, вошедший вместе с моими сослуживцами, предупредил:

— Такую делегацию пускаю в виде особого исключения. — И многозначительно добавил: — Сегодня для этого есть основания.

Оказывается, товарищи пришли поздравить меня с

награждением орденом Красного Знамени — первым моим орденом в жизни.

А я, как выяснилось, мог поздравить с такой же наградой Андрея Игнатьевича Ковтуна. И передать поздравления многим-многим другим. В Указах Президиума Верховного Совета, занявших не одну страницу в центральных газетах, стояли фамилии более чем двух тысяч приморцев.

Это было награждение еще за оборону Одессы. В Севастополе представления на отличившихся бойцов и командиров стали рассматриваться на месте, и дело пошло быстрее. А одесские наградные листы посылались в наркомат, причем мы долго не были уверены, дошли ли они туда. Но, как видно, всему свой срок.

Оставшись один, я долго перечитывал столбцы указов, находя новые и новые знакомые имена, вспоминая связанные с ними события, бои.

Четырнадцать приморцев стали Героями Советского Союза. Про большинство их, правда, уже следовало сказать — бывших приморцев. Двенадцать — летчики 69-го истребительного авиаполка майора Льва Львовича Шестакова (сам он тоже получил Героя), который после переброски в Крым выбыл из состава нашей армии и действовал теперь где-то на Кавказе. А раненый молодой комбат из 95-й дивизии Яков Бреус, представленный к Золотой Звезде после памятного августовского боя у станции Карпово, был эвакуирован из Одессы и в Приморскую армию не Вернулся.

Только один из этих четырнадцати оставался у нас — командир минометной роты 31-го стрелкового полка Чапаевской дивизии лейтенант Владимир Поликарпович Симонок. К его одесским заслугам успели прибавиться новые. При отражении декабрьского штурма Севастополя его минометная рота мастерски отсекала неприятельскую пехоту от танков и, как считал командир полка К. М. Мухомедьяров, сорвала не меньше десятка фашистских атак.

Среди удостоенных ордена Ленина были главный одесский и севастопольский фортификатор генерал-майор инженерных войск А. Ф. Хренов, полковник С. И. Серебров — геройский командир 161-го стрелкового, отправленный после тяжелого ранения в тыловой госпиталь, подполковник А. О. Кургинян, для которого награда оказалась посмертной…

Многие из новых орденоносцев с тех пор, как на них послали в Москву наградные листы, были повышены в должности. Старший лейтенант Дацко и капитан Петраш представлялись к ордену Красного Знамени, когда первый был оператором

штадива, а второй комбатом. Теперь оба командовали полками. А Николай Кирьякович Рыжи, также награжденный орденом Красного Знамени, одновременно узнал, что он — генерал-майор артиллерии, и в следующий раз явился ко мне уже в генеральской форме.

Артиллеристы помимо многих личных наград получили почетную для всей армии коллективную: артполк майора Богданова стал Краснознаменным. Это было уже не только за Одессу, но также и за Севастополь!

Как только оставались позади каждодневные утренние неприятности перевязка и прочие процедуры, я начинал с нетерпением ждать прихода кого-нибудь из сослуживцев. Мысли тем временем возвращались к новостям, дошедшим до меня накануне.

Я радовался выделенному нашей армии дивизиону гвардейских минометов (вот бы иметь их в декабре!). Или тому, что с Большой земли прибыли еще два десятка Т-26: значит, наши танковые батальоны, пополнившись этими машинами, опять станут реальной боевой силой. Приняв к сведению, что полк Мухомедьярова, который был временно придан дивизии Ласкина, возвращается наконец в свою Чапаевскую, мысленно перемещал его из четвертого сектора обороны в третий…

Врачебный запрет на служебные разговоры постепенно отпал сам собой. Мне стали приносить для прочтения кое-какие документы. Вводил меня в курс событий и генерал Петров, хотя и старался оберегать от преждевременных забот. Проводив командарма до моей койки, доктор Литвак тактично удалялся. Иван Ефимович присаживался поближе, и мы могли беседовать, о чем хотели: в палате я лежал один.

На КП, где нам постоянно надо было обсуждать что-то связанное с происходящими или готовящимися действиями армии, не часто выдавалось время поговорить о том, что уже позади. Здесь же Петров любил, отключаясь ненадолго от сегодняшних дел, размышлять вслух о вчерашних — что удалось, что нет… Вероятно, он испытывал потребность осмысливать это для себя. А я, слушая его, уяснял сложившуюся за время моего отсутствия обстановку и все лучше разбирался в том, какова она сейчас.

В описаниях обороны Севастополя первые месяцы 1942 года обычно называют периодом затишья, и, в общем" это правильно. Но частные наступательные операции, предпринимавшиеся с севастопольского плацдарма и в январе, и в феврале, и в марте, стоили приморцам большого напряжения сил. Наиболее значительная из этих операций была предпринята 27 февраля.

Главная роль в ней отводилась частям дивизии Гузя и чапаевцам, а бригада Потапова им содействовала.

Однако результаты оказывались скромными, сводились к улучшению позиций, к занятию отдельных высот.

Сопротивление противника возрастало, часто он переходил в контратаки.

— Немцы укрепились, имеют много огневых средств, — говорил Иван Ефимович. — Чтобы проломить их оборону, нужно гораздо больше боеприпасов, чем мы в состоянии расходовать сейчас…

Положение с артиллерийскими снарядами оставалось трудным. Почти все наличные черноморские суда перевозили военные грузы с Кавказа в Керчь. Для снабжения Севастополя выделили четыре транспорта, но иногда и их брали на керченскую линию.

Конечно, общий итог активных действий Приморской армии, возобновлявшихся по требованию фронта каждые полторы-две недели, измерялся не только отбитыми у врага высотами. Приморцы продвинулись мало, свой плацдарм существенно не расширили, однако крупная неприятельская группировка сковывалась под Севастополем прочно, и Манштейн не мог ничего больше взять отсюда на керченское направление. А там должно же было когда-то начаться решительное наступление Крымского фронта!

Но чем дольше оно не развертывалось, тем сильнее тревожило командарма, что наши отвлекающие удары обходятся дорого. После них армейские запасы снарядов снижались до опасного в нашем положении предела. Атакующие части несли немалые потери.

Бои охватывали лесистый лабиринт Мекензиевых гор, пересеченных извилистыми расщелинами и балками. Иногда какое-нибудь подразделение прорывалось по одной из эта" теснин в глубину обороны противника. Он перекрывал узкую брешь, а продвинуться вперед по всему фронту атак, не удавалось. Отрезанные от своих, бойцы заносились в число пропавших без вести…

Именно к этим боям имеет отношение история, которую я много лет спустя узнал от Н. Е. Ехлакова, бывшего военкома 7-й бригады морской пехоты. Ныне полковник в отставке, он навсегда поселился в Севастополе и отдает весь жар своей нестареющей комиссарской души пропаганде славных традиций города-героя.

В 1964 году, рассказывал Николай Евдокимович, в Бахчисарайском районе, в местах, отстоявших в сорок втором примерно на десять километров от нашего переднего края,

школьники из селения Фронтовое (в войну — Биюк-Отаркой) обнаружили последнюю позицию взвода приморцев. Как дошел сюда взвод и сколько врагов уничтожил на своем пути, теперь уже не выяснить. Вероятно, он, не имея возможности соединиться со своей частью, пытался пробиться дальше в горы, к партизанам. А по тому, как лежали останки бойцов у краев небольшой котловинки, успевшей зарасти молодым леском, было видно, что им пришлось занять здесь круговую оборону. И каждый остался там, где дрался до конца…

По обрывкам документов и полуистлевшим предсмертным запискам, найденным в винтовочных гильзах, юные следопыты с помощью работников Музея обороны и освобождения Севастополя установили время боя, номер части, фамилии некоторых бойцов. Героев похоронили с воинскими почестями на высоте над селением. Ко многим памятникам, стоящим у севастопольских рубежей, прибавился скромный обелиск, надпись на котором гласит:

"Железовский И. А., Сидоров Ф. Д., Бетрозов М. Х., Кунинов Айтколи, Абдулов и 45 неизвестных воинов из 345-й стрелковой дивизии, погибших при обороне Севастополя в феврале 1942 года".

В местах, где сражался до последнего солдата "пропавший без вести" взвод из дивизии подполковника Гузя, я бывал в самом начале боев за Севастополь, когда на дуванкойском направлении отражались первые попытки гитлеровцев прорваться к городу. Запомнилось, как расступаются там невысокие горы, пропуская бурливый Бельбек, как с каждой вершинки открываются глазу широкие дали…

После декабрьского штурма это* уже были неприятельские тылы. И о бое, происшедшем далеко за линией фронта, мы тогда не знали. Но он может служить еще одним свидетельством того, с каким упорством изматывали севастопольцы блокировавшие город вражеские силы в "спокойные" месяцы обороны. И гитлеровское командование вскоре решило, что четырех дивизий, оставленных для осады Севастополя, недостаточно.

Как-то генерал Петров, войдя ко мне в палату, сел рядом и заговорил хрипловато, отрывисто:

— Был сейчас в чапаевском медсанбате, попрощался с Ниной Ониловой… Ранена осколком в грудь неделю назад, когда Разинский полк продвигался вперед, а потом вернулся на исходные. Была со своим пулеметом в группе прикрытия… И вот… умирает, врачи сделали все, что могли… Какая нелепость, ей же двадцать лет!..

Петров порывисто встал и, протирая платком пенсне, отошел

к окну.

Мне так и не привелось встретиться с храброй Анкой-пулеметчицей, истребившей под Одессой и Севастополем сотни гитлеровцев. Некоторое время спустя я прочел в армейской газете отрывки из ее дневника и невольно поразился глубине и какой-то особой цельности мыслей, которые юная одесская работница, ставшая бесстрашным бойцом, поверяла своей заветной тетради. Вот несколько строк оттуда:

"Не надо думать о смерти, тогда очень легко бороться. Надо понять, зачем ты жертвуешь своей жизнью. Если для красоты подвига и славы — это очень плохо. Только тот подвиг красив, который совершается во имя народа и Родины. Думай о том, что борешься за свою жизнь, за свою страну, и тебе будет очень легко. Подвиг и слава сами придут к тебе…"

Наверное, дневник Ониловой прочли в нашей армии все. Десятки медсестер, связисток, девушек-писарей ответили на ее гибель рапортами о переводе в строй. В одной только Чапаевской дивизии потребовалось организовать несколько учебных групп по подготовке пулеметчиц — пока запасных. Многие из них отличились потом в боях.

Родина посмертно удостоила Нину Онилову звания Героя Советского Союза. Ее могила на Кладбище коммунаров стала одной из севастопольских святынь.

* * *

В госпитале у меня было вдоволь времени для раздумий.

Нередко вспоминались события первой Севастопольской обороны, и каждый раз возникало ощущение, что они как бы соприкасаются с происходящими теперь. Думалось о знаменательной исторической судьбе города, который вновь, как и в прошлом столетии, олицетворял русскую стойкость, русскую доблесть.

Газеты приводили слова Льва Толстого: "Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах…" Это казалось написанным про наши дни.

Наверное, как и многие, кому представилась такая возможность, я перечитал в госпитале толстовские рассказы, написанные почти девяносто лет назад. И невольно задержался на фразе, которой начинается у Льва Николаевича "Севастополь в мае": "Уже шесть месяцев прошло с тех пор, как просвистело первое ядро с бастионов Севастополя…"

Бросилось в глаза совпадение сроков — и сейчас к маю должно было исполниться полгода с того дня, когда на подступах

к городу прогремели первые орудийные выстрелы. Продлится ли вражеская осада до мая?.. В январе я, вероятно, сказал бы, что весь Крым будет освобожден гораздо раньше. Да, пожалуй, такой вопрос не мог тогда и возникнуть. А в марте я затруднялся ответить на него. Надеялся, что все станет яснее, когда выберусь из госпиталя.

Армиям, стоявшим на Керченском полуострове, продвинуться дальше Ак-Монайского перешейка все еще не удалось. Теперь, как говорили, их задерживала весенняя распутица в крымских степях. Когда она, эта распутица, тут кончается? Должно быть, не позже апреля. Если так, то как раз к маю могли развернуться решающие бои.

Навещавшие меня сослуживцы делились своими заботами, связанными с ожидавшимся — когда настанет для этого момент — переходом в наступление. Ковтун рассказывал, какие принимаются меры, чтобы получить недостающие транспортные средства — автомашины, тягачи, повозки, коней. А Николай Кирьякович Рыжи сообщил как-то, что они с начальником штаба артиллерии Васильевым обсуждали возможность передвижения на новые позиции, которые армия займет, корабельных орудий, стоявших с декабря на Малаховом кургане, у Максимовой дачи и в других местах и служивших хорошей подмогой нашей полевой артиллерии. Только вот, сомневался начарт, даст ли флот взять эти батареи от Севастополя?

Надежда на то, что Приморская армия скоро соединится где-нибудь у Бахчисарая или на внешнем обводе севастопольских рубежей с войсками Крымского фронта, приглушала постоянные тревоги за положение со снарядами, продовольствием, горючим. Ограниченные морские перевозки едва покрывали текущий расход всего этого. Создать на нашем плацдарме страховочный осадный НЗ — хотя бы боеприпасов — никак не удавалось. Но теперь уж, думалось, продержимся, сколько осталось, и без него.

И все же после стольких неудач с наступлением со стороны Керчи уверенности, что оно начнется, как только подсохнет степь, не было. Противник имел сейчас в Крыму больше сил, чем в январе. А в том, что гитлеровцы будут зубами держаться за Крымский полуостров, сомневаться не приходилось. И конечно, Манштейн мог попытаться опять захватить инициативу. Следовало полагать, наше командование в Керчи это учитывает…

Не знаю, как вели себя в это время немцы там, перед Ак-Монайскими позициями, а под Севастополем они, судя по многому, что до меня доходило, вновь начали активничать. В январе были лишь упорное сопротивление нашим атакам да методический обстрел. Теперь же противник сам завязывал то на

одном, то на другом участке местные, прощупывающие бои и иногда даже вклинивался в нашу оборону. Перед фронтом СОР все чаще отмечались действия неприятельских разведгрупп.

А что вновь усиливаются удары по городу, можно было заметить, не выходя из палаты. Правда, вражеские снаряды в эту часть Севастополя не залетали, но бомбы часто падали вблизи госпиталя. Однажды здание тряхнуло так, что сперва подумалось: прямое попадание. Однако прямого все-таки не было. Бомба разорвалась в нескольких метрах от стены противоположного крыла, повредив угол, выбив окна.

После этого случая начсанарм Соколовский долго уговаривал меня перебраться в инкерманский подземный госпиталь, обещая там покой и тишину. Я решительно отказался, считая ППГ-268 самым лучшим для себя уже потому, что он ближе других к штабу. Тут меня могли регулярно навещать товарищи.

В марте наш разведотдел получил сведения, будто немцы готовятся выбросить под Севастополем воздушный десант. После того как врагу не удалось прорвать севастопольские рубежи двумя длительными штурмами, мысль о десанте позади них, в тылах обороны, представлялась, в общем, логичной. И можно было даже без карты назвать по крайней мере два-три места на нашем плацдарме, наиболее, уязвимых в этом отношении.

Командование армии срочно разместило в этих районах некоторые части из второго эшелона. Майор Ковтун засел за разработку инструкции, где определялось — исходя из опыта войны и местных условий, как должны действовать в случае выброски десанта наши войска. До тех пор мы такого документа не имели. Проект инструкции обсудили у меня в палате.

Предчувствие надвигающихся событий делало пребывание в госпитале, и без того опостылевшее, все более тягостным. Ходил я еще не слишком твердо, досаждала одышка, но сидеть мог, голова была ясной. Начал доказывать врачам, что для штабной работы уже годен и, значит, пора выписываться.

Убедить в этом Валентина Соломоновича Кофмана (дать "добро" должен был он) удалось лишь к концу марта. Возражать против такой формальности, как назначение мне трехнедельного отпуска, я уж не стал: какие там отпуска в Севастополе! Однако пришлось спорить еще и с командармом: узнав заключение медицинской комиссии, Иван Ефимович склонен был отнестись к отпуску вполне серьезно.

Помирились на том, что я несколько дней поживу "на городской квартире", в домике-мазанке по соседству с КП, и буду исподволь входить в дела.

Грозовая весна

Никогда еще с начала обороны я не видел Севастополя таким, как в тот день, когда, распрощавшись наконец с госпиталем, ехал на машине к нашему КП.

Город заливало весеннее солнце. Ослепительно искрилась просвечивающая между зданиями голубизна бухт.

А улицы казались прибранными, словно перед праздником: чисто выметена мостовая, побелены стволы деревьев, свежей краской блестят скамейки в скверах.

Обгоняя шагающих по тротуарам пешеходов, весело позванивали аккуратные маленькие трамвайчики. Мелькнула афиша кинотеатра. На бульваре женщины высаживали цветы. Около них, на дорожке, посыпанной ярким желтым песком, играли дети…

Если бы не фанерные щиты, которые маскировали поврежденные фасады домов и закрывали выбитые окна, если бы не доносящиеся время от времени раскаты орудийных выстрелов, то на этих опрятных, спокойных на вид улицах, пожалуй, можно было забыть, что фронт рядом, а город уже пять месяцев в осаде. Какие же, думалось мне, понадобились усилия, чтобы при непрекращающихся бомбежках, под артиллерийским обстрелом навести вот такой, прямо-таки сверкающий порядок! И какое желание его поддерживать! Впечатлениями об увиденном по пути из госпиталя я смог сразу же поделиться с военкомом штарма Глотовым. Улыбающийся Яков Харлампиевич встретил меня у калитки домика в Крепостном переулке, где я, как обещал командарму, должен был немного пожить, не впрягаясь в работу. — Да, Севастополь, несмотря ни на что, все хорошеет, — подтвердил Глотов, когда мы уселись в моей комнате на том самом диване, с которого в январе Соколовский увез меня на операционный стол. — Не удивительно, что и вы поразились с непривычки. А в войсках командиры говорят: "Отпустишь бойца в город на три-четыре часа, и он живет этим месяц!" Что бы ни услышал красноармеец от товарищей, от шефов, разве рассчитывает он увидеть в десяти километрах от передовой чистенькие людные улицы, обычную городскую жизнь? В парикмахерской его без очереди в кресло усадят, настоящим одеколоном освежат. Хочешь сфотографироваться на память — пожалуйста в фотоателье. Можно даже, как до войны, сапоги почистить у чистильщика. Уже появились эти усатые стариканы в тихих уголках. И таблички повесили: "Фронтовикам — бесплатно". Да мало ли еще нового! Давно "Панораму" для

публики открыли. На улице Карла Маркса с самого утра работает подземный кинотеатр. Хотели открыть и обыкновенный, на поверхности, да в него, едва успели отремонтировать, опять бомба попала, хорошо, что в пустой… А в помещении Картинной галереи теперь Музей второй Севастопольской обороны — история не отстает от жизни. Из частей по возможности организуют туда экскурсии.

То, что рассказывал Глотов, было интересно и, конечно, радовало. Но весенние севастопольские улицы с побеленными деревьями и вскопанными клумбами, еще стоявшие у меня перед глазами, вызывали и щемящее чувство тревоги. Ведь все это — пока что на пятачке, обстреливаемом вражеской артиллерией…

— Яков Харлампиевич, а сколько сейчас в городе гражданского населения? спросил я.

— Как говорил недавно предгорисполкома Ефремов, на март выдано шестьдесят две тысячи продовольственных карточек. В том числе около шестнадцати тысяч детских… Эвакуация что-то застопорилась, никто не хочет уезжать. Иные даже ухитрились вернуться. А между тем на днях пришлось, одновременно с сокращением пайка гарнизону, урезать хлебную норму для всех граждан. Запасы ведь не ахти какие, а с подвозом стало трудно. Моряки вам расскажут, какая там у них на море обстановка.

Я не ожидал, что в Севастополе еще столько детей — больше четверти всего населения. Понять, конечно, можно: оставались матери — остались и дети. И все-таки для осажденного города многовато…

— А как школы? Их не поторопились перевести наверх?

— Нет, — успокоил Глотов. — Из убежищ выбрались только разные учреждения. Все школы оставлены, пока не отодвинется фронт, под землей. Как и спецкомбинаты.

Вскоре мне довелось увидеться с городскими руководителями — Б. А. Борисовым и В. П. Ефремовым и узнать о севастопольской жизни больше. За последние месяцы, говорили они, люди успокоились: знают, что фронт держится прочно. А к бомбежкам и обстрелу притерпелись, научились разумно остерегаться. Хотя, понятно, без жертв в городе не обходится.

Мне рассказали о хозяйственных трудностях, нараставших из-за долгого отрыва от Большой земли.

Иссякли запасы угля… Электростанцию заблаговременно перевели на жидкое топливо. Его доставляет танкер "Москва". А некоторые предприятия, в том числе хлебозавод, чуть было не остановились. Пока выручает угольная пыль, накопившаяся за годы у железнодорожного депо, на Морзаводе, на складах. Два старых мастера попробовали засыпать ею котел для варки

асфальта, добавили туда песку, глины, поколдовали над этой смесью — и получилось тесто, из которого можно прессовать горючие брикеты. Рецепт передали нескольким предприятиям, и они теперь сами изготовляют "севастопольский антрацит".

По всему городу приходится искать подходящее сырье для спецкомбината № 1, где делают оружие. Используются и обломки разбомбленного на Северной стороне ангара, и старые консервные банки. Специальную калиброванную проволоку для деталей гранат удалось заменить стальным морским тросом, расщепленным на нити и термически обработанным. Трудно со взрывчаткой. Но при всех нехватках мартовская продукция комбината составит 65 тысяч гранат, тысяч 70 мин, свыше полутора сот минометов.

— Когда поедете в сторону Балаклавы, — перешел Василий Петрович Ефремов на другое, — обратите внимание на полевые работы. Совхозы наводят весенний порядок на виноградниках. Начнется минометный обстрел — люди пережидают, отлеживаются в канавах… Ну а огороды женщины копают везде, где только найдут землю помягче. Брошен лозунг: "Каждому двору — огородную гряду!" Овощными семенами обеспечили краснодарцы — прислали в подарок.

В госпитале меня уже угощали редиской, выращенной в парниках совхоза имени Софьи Перовской, вблизи линии фронта. А теперь севастопольцы, оказывается, собирались порадовать свежей зеленью не только раненых, но и бойцов на передовой.

Среди последних решений городского комитета обороны, с которыми меня познакомили, было и такое: продлить на месяц занятия в школах ввиду вынужденных перерывов во время двух штурмов города. Решение естественное: учебные планы надо выполнять. Но после этого естественным казалось уже и то, что в осажденном, обстреливаемом городе подметают улицы, высаживают на бульварах цветы. Севастополь держал марку в большом и малом. Впрочем, можно ли считать малым самое обыденное, будничное, если оно поднимает у людей дух, поддерживает решимость выстоять?

Когда разговор шел о весеннем благоустройстве города, Борис Алексеевич Борисов, помню, усмехнулся:

— Все-таки обнаружилась в этом хорошем деле своя обратная сторона: убедить кого-нибудь эвакуироваться — стало совсем трудно! — И закончил уже без улыбки: — А продолжать эвакуацию матерей с детьми и стариков надо. В постановлении о введении новых продовольственных норм мы записали, что необходимо ее усилить.

Раз приходится повременить с выездами в войска, решил я,

познакомлюсь пока с тем, что нового у противника.

Я попросил зайти ко мне начальника разведотдела штарма Потапова, которого, кстати, очень давно не видел.

Василий Степанович получил за это время звание подполковника. Очень худой всегда, сколько я его знал, он осунулся еще больше — забот, конечно, хватало. Развернув свою карту, Потапов помедлил, соображая, должно быть, с чего начать.

— Считайте, что мне сейчас неизвестно ничего, — посоветовал я, — иначе пропустим что-нибудь существенное. И начальник разведки начал "от печки":

— Под Севастополем действуют 22, 24, 50, 72-я пехотные дивизии немцев, 1-я горнострелковая бригада румын…

Все это были старые знакомые. Значит, отмечал я про себя, из группировки, штурмовавшей нас в декабре, все-таки выпали 132-я и 170-я немецкие дивизии. Но с выводами я поспешил…

— Двадцать второго марта, — продолжал Потапов, — наши разведчики добыли документы, подтверждающие сведения о том, что перед фронтом второго сектора обороны, в районе Итальянского кладбища, появился один полк 170-й немецкой дивизии…

Вот оно как… 170-я пехотная возвращается на тот же участок, где вводилась в бой в декабре! И, разумеется, доукомплектованная: тогда мы здорово ее потрепали.

Имелись также данные о том, что противник накапливает резервы в своих тылах. Отмечалось, хотя это нуждалось еще в подтверждении, появление новых частей дальнобойной артиллерии. Во второй половине марта усилился по сравнению с первой обстрел непосредственно города: в среднем за сутки около тридцати снарядов вместо двадцати. На ближайших аэродромах — в Сарабузе, Симферополе, Саках — наблюдалось больше фашистских бомбардировщиков и истребителей.

— Какие выводы делает разведотдел о намерениях противника? — спросил я.

— Считаем, что противник начал подготовку к весеннему наступлению на Севастополь.

— А на Керченском полуострове?

— Там, насколько мне известно, готовится наше наступление, — уклончиво ответил Потапов.

"Готовиться-то, очевидно, готовится, — думалось мне, — да очень уж долго. Если сейчас дело в грунте, в дорогах, то они ведь подсыхают и для немцев".

Когда меня навестил командарм, я высказал эти свои опасения ему. И сразу почувствовал, что коснулся больного места.

— Ох уж это керченское сидение! — с горечью произнес Иван Ефимович и возбужденно заходил по комнате. — Нам приказано оборонять Севастополь, прочно оборонять, и мы это делаем. А им было приказано наступать!.. На армейской конференции снайперов, которую мы тут без вас проводили, адмирал Октябрьский объявил во всеуслышание: "Освобождение Крыма возложено на войска Крымского фронта, действующие на керченском направлении". Да и так каждому понятно, для чего они там высаживались, накапливали силы. Где ни заговоришь с людьми по душам — первый вопрос: "Не скажете, товарищ командующий, почему наши на Керченском полуострове остановились?" Вот поедете в войска — и вас спросят!

От севастопольского плацдарма до Ак-Монайских позиций-каких-нибудь 160–170 километров, а порой возникало ощущение, будто Крымский фронт где-то очень далеко. С ним нельзя было связаться ни по телефону, ни по прямому телеграфному проводу. Штаб фронта не имел в Севастополе своих представителей. И если обстановку на востоке Крыма мы плохо знали в январе, то такое же положение я застал и на исходе марта.

Но через день или два после того как я вышел из госпиталя, прибыл из Керчи через Новороссийск дивизионный комиссар Иван Филиппович Чухнов. Еще десять дней назад он находился на Ленинградском фронте. Оттуда был вызван в Керчь к Л. З. Мехлису и получил назначение в Приморскую армию первым членом Военного совета, которого у нас после Одессы не было.

Пробыв под Керчью недолго, Чухнов тем не менее вынес впечатление, что войск и техники там много и подготовка к наступлению идет. Мехлис на прощание обещал ему вместе встретить Первое мая в Симферополе…

Напутствуя нового члена Военного совета нашей армии, Л. З. Мехлис и командующий фронтом Д. Т. Козлов подтвердили прежние задачи приморцев: стойко оборонять Севастополь, сковывать силы противника, не давая уводить их к Керчи, и в то же время быть готовыми к наступлению. Если же враг начнет отходить преследовать его. Они почему-то беспокоились, как бы мы этот момент не упустили… Командующий фронтом передал устное указание: держать дивизию, а лучше — две, в резерве для будущих наступательных действий.

— А как ведут себя на керченском направлении немцы? — спросил я Чухнова.

— На фронте сейчас ничего особенного, кажется, не происходит, — сказал он. — А на город изо дня в день сильные налеты. Я сам, едва прилетев, попал под бомбежку. В Севастополе в этом смысле как будто потише…

Иван Филиппович рассказал немного про Москву, где останавливался проездом: улицы столицы в снегу, в учреждениях и гостинице холодно, бывают воздушные тревоги, но разрушений совсем незаметно, в городе кипит жизнь, народ бодрый, подвижный — это ему особенно бросилось в глаза после Ленинграда. Он и о Севастополе говорил: "У вас тоже блокада, и Большая земля дальше, да люди-то, сразу видно, не голодные!"

Что пережил за ту зиму Ленинград, на юге еще не вполне представляли. А в Севастополе и после недавнего сокращения норм рабочие получали по шестьсот граммов хлеба, служащие — по четыреста.

Дивизионный комиссар Чухнов мне понравился: спокойный, вдумчивый, держится просто. Как и наш Кузнецов, он могучего сложения, хотя и ниже ростом. А характером более живой. И в отличие от Кузнецова, остававшегося по натуре и привычкам человеком глубоко штатским, — кадровый военный. До того как стал политработником, окончил Военно-химическую академию. (В конце войны генерал И. Ф. Чухнов, вернувшись к прежней своей специальности, возглавлял Главное военно-химическое управление Красной Армии.)

В такой должности, на какую его назначили к нам, Иван Филиппович уже бывал. Скоро нового члена Военного совета узнали во всех боевых частях. А бригадный комиссар Кузнецов смог всецело сосредоточиться на более близком ему тыловом хозяйстве.

Каждый день у меня бывали, чтобы что-то обсудить, чем-нибудь поделиться, Рыжи, Ковтун, Глотов. Командарм, выслушав на КП вернувшихся из частей направленцев — Безгинова, Шевцова, Харлашкина (все три боевых капитана стали майорами), отсылал их повторить доклады мне. А они умели подмечать такие детали обстановки, что я будто своими глазами видел пока не доступный мне передний край.

И казалось, прибывает сил от одного того, что снова вижу своих сослуживцев в полевом снаряжении, а не в больничных халатах, в которые им приходилось облачаться, навещая меня в госпитале.

Форма, как всегда, особенно ладно, красиво сидела на статном Харлашкине. Но лицо этого бесшабашного храбреца уже не озарялось белозубой улыбкой. Меня предупредили, что у Константина Ивановича большое горе: в тылу, в эвакуации, погибла жена…

В город, где это случилось, командировали сержанта из выздоравливающих раненых с письмом к местным властям. Генерал Петров просил их позаботиться о детях командира-

севастопольца. Отпустить сейчас в далекую Среднюю Азию самого Харлашкина командарм не мог. Константин Иванович понимал это. Он оставался подтянутым, собранным, делал все, как прежде. Только угасла его улыбка, никто больше не слышал его шуток.

* * *

Штаб армии готовил перегруппировку войск в целях обеспечения более устойчивой обороны и для создания резервов.

Боевой приказ о перегруппировке, датированный 30 марта, был подписан и мною. На этом настоял Иван Ефимович Петров, хотя я, собственно, еще лишь знакомился, да и то пока заочно, с состоянием фронта, с происшедшими там переменами. Но в этот день уже побывал на армейском КП, не без труда спустившись в подземный каземат. Очутиться снова в своей тесной "каюте", окунуться в привычную атмосферу напряженно работающего штаба было великой радостью.

Приказ имел значение не только организационное. Он ориентировал командиров на то, что оборона Севастополя — базы Черноморского флота остается главной задачей Приморской армии. Командиры предупреждались, что противник, блокирующий город, усиливает и пополняет свои части и возможен переход его в наступление.

"Я решил, — говорилось затем в приказе командарма, — оборонять подступы к Севастополю на занимаемых позициях". И это означало: сейчас надо думать не о расширении плацдарма, не о выходе на Качу, а прежде всего о том, как сделать неприступными для врага те рубежи, на которых приморцы фактически стоят.

Исходя из главной задачи армии, определялось и основное назначение создаваемого резерва: парировать возможные удары противника, быть в готовности к нанесению контрударов. В армейский резерв выводилась вся 345-я дивизия Н. О. Гузя и еще восемь стрелковых батальонов из других соединений, причем из лучших.

Поскольку производить значительные перегруппировки до июньских боев уже не приходилось, расскажу, как были к началу апреля расставлены по фронту обороны наши войска.

На правом фланге, в первом секторе, который по-прежнему возглавлял генерал-майор П. Г. Новиков, кроме его 109-й дивизии находилась 388-я под командованием С. Ф. Монахова. Укрепленная командными кадрами, она проходила в эти месяцы боевую подготовку во втором эшелоне и теперь могла быть выдвинута на передний край. Это позволяло высвободить для резерва значительную часть дивизии Новикова.

Во втором секторе, где в декабрьские дни показали отменную стойкость дивизия И, А. Ласкина и бригада Е. И. Жидилова, состав войск порядком обновился. Сюда, как уже говорилось, была поставлена 386-я стрелковая дивизия — последняя прибывшая с Кавказа, и ее командир полковник Н. Ф. Скутельник стал комендантом сектора. Здесь же занимала теперь оборону 8-я бригада морской пехоты. Но не та, что действовала на северном направлении (ту, понесшую невосполнимо большие потери, командованию СОР пришлось в январе расформировать), а совершенно новая, унаследовавшая от прежней лишь наименование. Она возникла на основе 1-го Севастопольского полка П. Ф. Горпищенко, которого и назначили комбригом. 7-я бригада Жидилова была на старом своем участке, включавшем гору Госфорта с Итальянским кладбищем, и сам Евгений Иванович, раненный в декабре, давно вернулся в строй.

Силы третьего сектора состояли из Чапаевской дивизии с приданными ей двумя морскими полками и 79-й бригады А. С. Потапова (она именовалась уже курсантской). Комендантом там оставался комдив Чапаевской генерал-майор Т. К. Коломиец.

А в левофланговом четвертом, возглавляемом полковником А. Г. Капитохиным, держали оборону 95-я и 172-я дивизии. До декабрьских боев этот сектор имел наибольшую из всех линию фронта — 18 километров, а сейчас всего около 8.

Ряд наших полков получил в начале 1942 года новые номера. Сводный полк НКВД, или пограничный, как мы его обычно называли, стал 456-м стрелковым, 1330-й стрелковый, бывший осиповский — 381-м, 52-й артполк А. П. Бабушкина 404-м, а 52-й И. И. Хаханова — 101-м.

Общий перечень соединений и частей выглядел внушительно: семь дивизий, три бригады да еще отдельные полки… Мы, однако, предпочли бы иметь их числом поменьше, но укомплектованными ближе к штатным нормам. Еще будучи в госпитале, я знал, что командарм Петров предлагал расформировать две из имевшихся стрелковых дивизий, чтобы за их счет пополнить остальные. Но этого нам не разрешили. Пришел лишь приказ о расформировании 40-й кавдивизии, которая фактически перестала существовать как соединение уже давно. Все настоящие конники из ее состава (вместе с выздоравливающими ранеными — несколько сот человек) подлежали отправке на Большую землю: их решили вернуть в действующую кавалерию.

К апрелю некомплект не уменьшился, так как зимние наступательные бои обошлись недешево, а маршевое пополнение в марте почти не поступало. Требовалось постоянно помнить, что

такая-то дивизия состоит из семи батальонов, такая-то из шести. В оперативном отделе уже привыкли вести общий счет нашим силам по батальонам. Так было удобнее и точное.

Штаб артиллерии вносил тем временем необходимые коррективы в распределение огневых средств.

За зиму артиллерии у нас прибавилось, и она основательно обновилась. В последнем была большая нужда: материальная часть, переработавшая все нормы, износилась настолько, что в декабре на нескольких орудиях, сделавших по 10–12 тысяч выстрелов, разорвало стволы.

В январе в Севастополь было доставлено тридцать два новых полевых орудия разных калибров, в феврале — пятьдесят, а в марте еще больше. К весне Приморская армия пополнилась двумя отдельными противотанковыми полками РГК. Мы имели теперь пять армейских артполков (правда, почти все неполного состава) и восемь дивизионных. Если считать появившиеся у нас тяжелые минометы -107- и 120-миллиметровые, то число стволов на километр фронта по сравнению с началом обороны увеличилось более чем вдвое.

А 50-миллиметровые ротные минометы постепенно заменялись 82-миллиметровыми (в основном — севастопольского производства). 50-миллиметровый миномет, казавшийся в мирное время неплохим оружием, на войне себя не оправдал: мала дальнобойность, не та ударная сила. Иное дело 82-миллиметровый: оставаясь компактным, легко переносимый с места на место, он уверенно поражает цели за три с лишним километра. Если таких минометов в части много, они могут в известной мере восполнить некомплект полковых и батальонных пушек.

Я не сказал еще о "главном калибре" севастопольской артиллерии — береговых батареях. В последние, относительно спокойные месяцы только часть их открывала огонь, да и то довольно редко. На остальных передышка была использована для восстановления их полной боевой мощи. С этим обстоятельно познакомил меня начальник штаба береговой обороны полковник Кабалюк.

— Как вам известно, — напомнил он, — самые мощные батареи — Тридцатая и Тридцать пятая — в декабре расстреляли свои орудия до такой степени, что фактически вышли из строя. Вдобавок на Тридцать пятой произошел злополучный взрыв в башне… В общем, помимо прочих работ требовалось заменить в четырех башнях все восемь стволов. Дело нешуточное: каждый ствол весит пятьдесят две тонны! По техническим нормам на замену стволов одной батареи полагается шестьдесят суток. И это

при условии, если используется специальный кран. А какой там кран, если от Тридцатой полтора километра до переднего края и все надо делать так, чтобы враг ничего не заметил!.. Когда Военный совет отпустил нам на работы тридцать суток, насчет реальности этого срока возникали, признаться, серьезные сомнения. Однако вместо тридцати справились за шестнадцать — и без крана. Если бы услышал что-либо подобное в мирное время, просто не поверил бы…

Я представлял гряду высот перед устьем Бельбека с врезавшимися в нее громадами орудийных башен, вспоминал лозунг "Смерть Гитлеру!", выложенный из камней по склону, когда сюда почти вплотную подступил враг. От батареи тогда гитлеровцев оттеснили, но ненамного. Ее позиция оставалась под минометным обстрелом. И в таких условиях незаметно снять, пользуясь только домкратами и талями, тяжеленные стволы и установить новые, которые еще надо было так же скрытно туда подвезти!..

Оригинальный проект работ, составленный военинженером 1 ранга А. А. Алексеевым из артотдела флотского тыла, обсуждался под руководством генерала П. А. Моргунова на самой батарее. Ее личный состав помог усовершенствовать этот проект. А самые существенные предложения, позволившие обойтись без съемки броневых крышек башен и выиграть много времени, внес старый мастер с портового ремонтного завода Семен Иванович Прокуда. Его бригада и производила вместе с батарейцами замену орудийных стволов.

— Работали по двадцать часов в сутки, — рассказывал Кабалюк, — но снаружи, на поверхности, конечно, только ночью, в самые темные часы. Совсем впотьмах было бы трудно, да немцы, не догадываясь о том, сами малость подсвечивали, они же всю ночь жгут ракеты над своим передним краем. Ну а шумы заглушало море, январь — месяц штормов.

Только раз за время этих работ, в ту ночь, когда меняли последний четвертый — ствол, враг что-то заподозрил и открыл по позиции Тридцатой минометный, а затем и артиллерийский огонь. Загорелась маскировочная сетка, были потери в людях. Но наши батареи, державшиеся начеку, подавили неприятельские, и работа продолжалась. А что именно делалось у орудийных башен, немцы, кажется, так и не поняли.

— Теперь Тридцатая стоит с новенькими стволами в полной боевой готовности, — закончил Кабалюк. — Командир ее, капитан Александер, только что произведен в майоры. Все отличившиеся на работах награждены. Мастер Прокуда — орденом Ленина. Но в действие батарею пока не вводили. Пусть

фашисты подольше думают, что в декабре они ее доконали!

Как подтвердили впоследствии трофейные документы, противник действительно приписывал молчание "форта Максим Горький" результатам своих бомбежек и обстрелов во время декабрьского штурма. Когда же из-за устья Бельбека опять ударили двенадцатидюймовые орудия, немцы доносили начальству, что тяжелая батарея в этом районе "по-видимому, установлена русскими заново".

Стволы или лейнера заменяли и на ряде батарей меньшего калибра. Те корабельные орудия, которые сперва для быстроты ставили — на Малаховом кургане и в других местах — на временные деревянные основания, закрепили на бетоне, чем повышалась точность их стрельбы. По завершении ремонтно-восстановительных работ, близившихся уже к концу, береговая артиллерия Севастополя должна была иметь 51 действующее стационарное орудие.

На фронте вот уже полмесяца было тихо (отвлекающие наступательные бои в интересах Крымского фронта в последний раз велись на левом фланге СОР 15–17 марта). Перечень событий в утренней или вечерней оперативной сводке укладывался в несколько строк: артобстрел таких-то участков обороны, столько-то снарядов выпущено по городу, нами подавлены батареи противника там-то и там-то…

К этому прибавлялась обязательная теперь строка, которой раньше в оперсводках не было, — о том, сколько неприятельских солдат и офицеров истреблено нашими снайперами.

Два-три месяца назад настоящих снайперов в Приморской армии насчитывались единицы. Но за последнее время этих "стахановцев фронта" — так называли их в армейской газете — значительно прибавилось. В конце марта — начало апреля они выводили из строя за день 30–40 гитлеровцев, в отдельные дни — свыше 50.

Мне принесли интересный отчет о конференции снайперов, которую провел Военный совет. В ней участвовало около двухсот пятидесяти бойцов и младших командиров, овладевших искусством сверхметкого выстрела, как правило, по собственной инициативе. В списке делегатов встречались уже известные в армии имена: старший сержант Людмила Павличенко из Чапаевской дивизии, сержант-пограничник Иван Лёвкин и старшина Ной Адамия из морской пехоты. Но большинство лить недавно открыли свой боевой счет.

Конференцию задумали не только для обмена опытом, хотя и это было важно. На нее пригласили командиров, комиссаров, начальников штабов дивизий, бригад, многих полков. Надо было

привлечь внимание к движению снайперов во всех частях, покончить с кустарничеством в использовании этой серьезной боевой силы.

Снайперов у нас должно стать больше, сказал в своем выступлении командарм Петров, но даже те, которые уже есть, могли бы при надлежащей организации их боевой работы ежедневно истреблять до батальона гитлеровцев. А восполнять под Севастополем такие потери оказалось бы для противника весьма затруднительным…

Итогам конференции был посвящен специальный приказ по армии. Он требовал завести в штабах частей персональный учет снайперов, обеспечить их пребывание на огневых позициях с рассвета до темноты и отдых ночью, освободив от нарядов, караулов и других обязанностей. В дивизиях, бригадах и полках вводились инструкторы по снайперскому делу. Им ставилась на ближайшее время задача подготовить не менее шести снайперов в каждой роте. Учреждался диплом снайпера-истребителя, вручаемый от имени Военного совета.

Эти меры (принять их нам, наверное, следовало бы еще раньше) стали давать ощутимые результаты. Несколько недель спустя, в мае, были уже не редкостью дни, когда меткие одиночные выстрелы выкашивали если не батальон, то, во всяком случае, роту фашистов. И это несмотря на то, что далеко не каждый снайпер имел оружие с оптическим прицелом.

Снайперы держали врага в постоянном напряжении. Командиры частей отмечали, что немцы не решаются даже ползать в светлое время там, где не так давно расхаживали во весь рост. Настойчиво велась охота за неприятельскими наблюдателями, корректировщиками.

Замаскированные позиции снайперов обычно располагались впереди окопов, в ничейной полосе. Не трудно представить, сколько требовалось выдержки, чтобы пролежать там, не выдав себя лишним движением, пятнадцать — семнадцать часов и не пропустить той секунды, может быть, единственной за день, когда в секторе обстрела появится цель. Иногда снайпер возвращался вечером, не сделав ни одного выстрела, а уставал так, что не хватало сил дойти до своей землянки, и он засыпал в первой попавшейся. Выходных дней не имел никто, однако снайперов стали раз в неделю отпускать в город, и это окупалось сторицей.

Под Севастополем действовали и немецкие снайперы — не очень много, но зато прошедшие длительную подготовку в специальных школах. Борьба с ними была, пожалуй, самым серьезным испытанием для наших, доморощенных. Снайперские дуэли, сопровождавшиеся бесчисленными хитростями и уловками

с обеих сторон, иногда продолжались по нескольку дней. И конечно, мы несли в этой борьбе потери. Но все же чаще дело кончалось тем, что наш стрелок уничтожал вражеского.

Я останавливаюсь на этом так подробно потому, что снайперы были героями тех дней и недель затишья, когда на севастопольских рубежах не происходило крупных событий. Их общий боевой счет за истекшие сутки и последние цифры личного счета многих из них знали и в войсках, и в городе. Лучших снайперов знали и в лицо — по портретам в газетах и на щитах у Приморского бульвара.

Должен сказать, что снайперское движение дало новый толчок совершенствованию воинского мастерства в широком смысле слова. Сверхметким стрелкам из винтовки стали подражать и артиллеристы, и минометчики; у них развернулась борьба за снайперские расчеты.

Во вторых эшелонах дивизий, в двух-трех километрах от переднего края, продолжалась, пока позволяла обстановка, боевая учеба рот, батальонов, а иногда и целых полков. В одном из прифронтовых оврагов осваивали новый вид военной техники — противотанковое ружье. При отражении декабрьского штурма приморцы еще не имели этого оружия.

Первую партию — 44 штуки — доставили с Кавказа в феврале. Но бронебойщиков подготовили уже значительно больше, рассчитывая скоро получить петеэры еще.

Наши армейские тылы были весьма относительными тылами, вражеский снаряд мог в любую минуту упасть везде. Но к этому привыкли, и все, что обычно делается в тыловом районе армии, стоящей в обороне, когда фронт стабилизировался и удерживается прочно, делалось той весной и у нас.

Поарм проводил смотр красноармейской художественной самодеятельности. Хор из дивизии Ласкина, певцы и танцоры из богдановского полка и других частей выступали и в городе — в клубах, на спецкомбинатах. А по секторам обороны разъезжали армейский ансамбль и прибывшая с Большой земли фронтовая бригада Мосэстрады.

Интерес к москвичам был, конечно, огромный. Заполучить их к себе с концертом, и поскорее, хотели в каждом полку, а заполучив, не знали, как отблагодарить за доставленную радость. Помню, кто-то рассказывал, как в одной из частей бойцы пробрались в заминированную ничейную полосу, чтобы нарвать для артистов подснежников — первых крымских цветов…

Генерал Петров радовался, что есть возможность отметить как следует юбилей Чапаевской дивизии, которой он сам недавно командовал. Ей, одной из старейших в Красной Армии, созданной

на заре Советской власти, исполнялось двадцать четыре года.

Немного поколебавшись, командарм разрешил провести кроме праздничного вечера в Инкерманских штольнях военный парад в полосе обороны дивизии, в Мартыновском овраге. Для участия и нем были выделены подразделения от всех полков Чапаевской. Артиллерия сектора и воздушный барраж истребителей обеспечивали прикрытие, но оно не понадобилось: немцы ничего не заметили.

Иван Ефимович с воодушевлением рассказывал:

— Такого парада не принимал с гражданской войны! Враг рядом — каких-нибудь полтора километра. А тут гремит под скалою оркестр, развернуты знамена… Бойцы вышли на торжественный марш чуть ли не из окопов, в касках и ватниках, обвешанные гранатами. И с какой великолепной уверенностью в себе прошли, с какой гордостью! Смотрел на них и думал о неповторимом пути дивизии — Уфа, Уральск, освобождение от белополяков Киева… А сколько испытаний выдержано уже в эту войну! И все это — не просто история, это остается и живет в солдатах, как бы они ни менялись. А ведь есть в дивизии и такие, кто видел живого Чапаева. Перед войной не было, а теперь есть! Про пулеметчика Ямщикова не слышали? Он дрался в Пугачевском полку против Колчака и в тот же полк вернулся добровольцем бить фашистов, воюет вместе с сыном. Интересный человек. Между прочим, тезка Чапаева: тоже Василий Иванович…

Память у Петрова на имена, на лица была завидная. И он любил рассказывать о людях, привлекших чем-то его внимание.

В госпитале до меня доходили все-таки не все армейские новости, и я, оказывается, долго ошибался, мысленно видя в какой-нибудь дивизии или полку тех, кого там уже не было.

Вот уж не думал, что 90-м стрелковым полком не командует больше майор Тимофей Денисович Белюга! Этот железный человек, будучи на моей памяти ранен несколько раз, никогда не давал увезти себя дальше медсанбата, откуда если не в тот же день, так на следующий возвращался в полк. Его привыкли видеть на КП и в батальонах замотанным бинтами, а то и в гипсе, но вывести майора Белюгу из строя, казалось, так же невозможно, как сбить с занимаемого рубежа его полк, крепко державший наш левый приморский фланг.

И все-таки вывели… Пройдя через два штурма, он в спокойный январский день получил такую рану, залечивать которую потребовалось на Большой земле. Полком вместо него командовал незнакомый еще мне майор Г. А. Смышляев.

Новый командир — призванный из запаса комбриг Б. М. Дворкин — был и в соседнем 241-м полку, который все это время

оставался для меня полком геройского капитана Дьякончука. К счастью, с Николаем Артемовичем Дьякончуком ничего худого не стряслось. Теперь уже майор, он возглавлял армейские курсы младших лейтенантов. Командарм счел полезным, чтобы школой, где за предельно короткий срок готовились командиры взводов, руководил человек с таким, как у Дьякончука, личным боевым опытом.

Трех недель не дослужил, не дожил до юбилея Чапаевской дивизии один из ее ветеранов — начальник политотдела Николай Алексеевич Бердовский. Он попал под внезапно начавшийся огневой налет, когда вручал у переднего края партийные документы новым коммунистам. Мне рассказали, что сержант, только что принявший из рук Бердовского партбилет, остался невредим. В этом было что-то символическое: на место большевика, до конца выполнившего свой долг, тотчас же стал в строй ленинской партии другой боец за ее великое дело…

Не довелось мне больше увидеть и начальника штаба 79-й бригады майора Морозова, с которым распрощались — думалось, ненадолго — у его блиндажа перед тем, как меня ранило. В феврале в блиндаж, вероятно в тот же самый, попал немецкий снаряд, и Морозова не стало. Начальником штаба к Потапову направили майора В. П. Сахарова. Он был на такой же должности в морской бригаде Вильшанского, а после ее расформирования некоторое время работал в оперативном отделе штарма.

И это были еще далеко не все перемены в старшем командном и штабном звене, о которых я не знал.

Одна новость оказалась радостной неожиданностью. Просматривал список начсостава дивизии Ласкина, я вдруг прочел: "Командир 514 сп — подполковник Устинов Иван Филиппович".

С досадой подумал: да это же старый список! Устинов командовал 514-м стрелковым полком в ноябре, привел его в Севастополь через горы одним из первых, но с тяжелыми потерями, в очень малом составе и, чувствуя себя без вины виноватым, стеснялся, помню, называть то, что привел, полком, когда явился с докладом на армейский КП. Через несколько дней его полк, уже пополненный, остановил немцев, рвавшихся к Севастополю вдоль Ялтинского шоссе, контратакой выбивал их из селения Камары. Подполковник Устинов сделался одним из героев отражения первого штурма. А затем — тяжелое ранение и эвакуация на Кавказ, в тыл. Наверно, до сих пор где-то лечится…

Но список не был старым. И значившийся в нем командир полка был не однофамильцем прежнего, а им самим, нашим Устиновым! Вылечившись, он добился в подобных случаях это удавалось немногим — возвращения в Приморскую армию, в

осажденный Севастополь. А тут уж полковник Ласкин не успокоился, пока Устинова не назначили в его старый полк — 514-й стрелковый, державший теперь оборону на Бельбеке.

* * *

За перегороженным бонами входом в бухты — он был хорошо виден от нашего КП, — за приземистой башней Константиновского равелина широко расстилалось море. По утрам часто скрытое туманом (весенние туманы, возникающие у берегов Крыма от резкой разницы температур воздуха и воды, были после необычно холодной зимы очень густыми), днем оно сияло нежной голубизной, сливаясь у горизонта с таким же голубым небом.

Но вряд ли кто в Севастополе мог в ту весну просто любоваться солнечными морскими далями, не думая о протянувшемся по ним длинном и зыбком пути к Большой земле.

Вот уже полгода по этому пути сообщались мы с остальной страной. И вопреки опасениям, возникавшим с самого начала, вопреки всем трудностям морская дорога вплоть до последнего времени действовала довольно исправно, потери на ней были, в общем, невелики.

Однако с недавних пор положение на коммуникации Кавказ — Севастополь стало осложняться. Все в осажденном городе — и бойцы, и гражданское население почувствовали это уже по произведенному в конце марта сокращению продовольственного пайка.

Как бывало и раньше, наиболее обстоятельную информацию об обстановке на море я получил, когда повидался с начальником оперативного отдела штаба флота капитаном 2 ранга О. С. Жуковским. Главные изменения, происшедшие в морском секторе, он охарактеризовал примерно так:

— Определив полную зависимость Севастопольской обороны от морских перевозок, противник пытается сорвать снабжение города. Специально для этого сейчас используются, не считая других средств, по меньшей мере сто бомбардировщиков и торпедоносцев…

— С начала войны потоплено уже немало наших транспортов, — говорил Жуковский. — Из них большая часть у Керчи и Феодосии. Сейчас мы располагаем на весь театр шестнадцатью грузовыми судами, не считая санитарных и тех, что стоят в ремонте.

Моряки усиливали, как только могли, охранение транспортов. Возросшая активность врага на море уже привела к увеличению потерь судов. В марте на переходе с Кавказа были потоплены два транспорта. Часть людей удалось спасти, но свыше

двух рот маршевого пополнения погибло. Не дошли до нас тридцать орудий, более тысячи тонн снарядов. А потеря любого крупного судна была в сложившихся на Черном море условиях невосполнимой.

Служба конвоирования судов становилась настолько сложной, что вскоре последовал приказ наркома Военно-Морского Флота: каждую проводку транспортов в Севастополь и обратно планировать как самостоятельную операцию. Для рейсов сюда отныне признавались годными лишь достаточно быстроходные суда. Решено было шире использовать для перевозки не только войск, но и грузов боевое ядро флота, в том числе крейсеры.

От Жуковского я узнал также, что к транспортировке с Большой земли боеприпасов и других особо ценных грузов готовится группа подводных лодок. Это было совершенно новым делом, почти не имевшим примеров в морской практике. Грузоподъемность самых крупных подлодок — всего несколько десятков тонн, но пренебрегать не приходилось и этим. Как показало ближайшее будущее, подготовкой столь необычных транспортных средств черноморцы занялись весьма вовремя.

22 апреля мы узнали о существенных, во всяком случае для нас, изменениях в управлении боевыми силами, действующими на юге. Ставка образовала Северо-Кавказское направление, и его главкому — маршалу С. М. Буденному, штаб которого развертывался в Краснодаре, отныне непосредственно подчинялись и Крымский фронт, и Черноморский флот, и Севастопольский оборонительный район. Таким образом, из подчинения Крымскому фронту мы вышли. Оно всегда представлялось чем-то искусственным да и было, в сущности, формальным.

Под Севастополем продолжалось настороженное затишье, нарушаемое лишь огневыми налетами да вылазками разведывательных групп.

Запомнился незначительный сам по себе, но характерный для тех дней факт. Из Новороссийска пришли два корабля, доставившие маршевое пополнение. Уходя обратно, они, как обычно, приняли на борт раненых. И начсанарм Соколовский потом доложил:

— Погружено восемьдесят человек. Раненых, подлежащих эвакуации, больше нет.

Несколько недель спустя уже трудно было представить, что так могло быть…

Мы продолжали укреплять оборонительные рубежи, одновременно готовясь поддержать наступление наших

товарищей от Керчи. И все чаще говорили в своем кругу, что если оно еще на какое-то время оттянется, то большие весенние бои в Крыму начнет Манштейн — это чувствовалось по многому.

В конце апреля усилились удары неприятельской артиллерии и авиации. Они нацеливались то на отдельные участки переднего края, то на причалы и другие портовые сооружения, то на наши аэродромы. Правда, потери и повреждения обычно оказывались небольшими, а иногда вообще обходилось без них. Наша тяжелая артиллерия успешно вела контрбатарейную борьбу, севастопольские "ястребки", быстро поднимаясь в воздух, мешали вести прицельную бомбежку "юнкерсам" и "хейнкелям".

Но выпадали и черные дни. 24 апреля, после полудня, вслед за докладом из штаба ПВО о том, что группа "юнкерсов" сбросила бомбы на авиаремонтные мастерские у Круглой бухты, позвонил кто-то с командного пункта ВВС и сдавленным голосом произнес:

— Убит генерал Остряков…

Сколько раз отчитывал вице-адмирал Октябрьский командующего военно-воздушными силами флота за то, что он сам летает на разведку, ввязывается в воздушные бои! Только два дня назад я услышал о том, как в паре с другим летчиком Остряков сбил еще один фашистский самолет.

Но погиб он не в воздухе, а на земле. И, быть может, потому, что пренебрег возможностью укрыться в убежище, когда начался налет… Рядом с ним был сражен осколком бомбы прибывший из Москвы заместитель командующего авиацией ВМФ генерал Ф. Г. Коробков, товарищ Острякова по боям в Испании. Они вместе осматривали хозяйство севастопольской авиагруппы, в том числе ремонтные мастерские, где и попали под вражеский удар.

Я уже делился впечатлениями о Николае Алексеевиче Острякове. Стремительно, за несколько лет, прошел он путь от водителя автобуса в Москве и осоавиахимовского учлета до крупного авиационного начальника. И исключительный его авторитет среди флотских летчиков, конечно же, определялся не одним только высоким служебным положением. В лице тридцатилетнего командующего ВВС Черноморского флота советская военная авиация потеряла одного из своих способнейших командиров.

Острякова знали, любили и жители Севастополя. Несмотря на то что о его гибели, а тем более о времени похорон не было никаких извещений, на Кладбище коммунаров собралось множество людей. Когда гроб опускали в могилу, с рубежей обороны донесся традиционный боевой салют: севастопольская артиллерия произвела мощный залп по разведанным целям.

В командование черноморской авиацией вступил генерал-

майор В. В. Ермаченков. Хотя шаб ВВС и основные соединения находились на Кавказе, он, как и его предшественник, проводил много времени в Севастополе.

Еще до Острякова, при другом воздушном налете, мы потеряли военкома оперативного и разведывательного отделов штарма батальонного комиссара И. Ф. Костенко, чудесного боевого товарища. Как последний знак его дружеского внимания у меня остался томик "Севастопольской страды" Сергеева-Ценского, принесенный заботливым Иваном Федоровичем еще в госпиталь.

Осколок фашистской бомбы настиг Костенко в нескольких десятках шагов от армейского КП. Они с майором Ковтуном откуда-то возвращались и, не успев при появлении самолетов добраться до ближайшей щели, легли у каменной ограды. Ковтун остался невредим.

Мы долго имели основания считать, что расположение командного пункта армии, неподалеку от которого размещались также многие отделы штарма, противнику неизвестно: ни бомбы, ни снаряды в районе Крепостного переулка, как правило, не падали.

Однако в последнее время налеты на ату малонаселенную севастопольскую окраину, застроенную неприметными одноэтажными домиками, стали довольно регулярными, что нельзя было объяснить простой случайностью. В середине апреля бомба разнесла домик, где "стоял на квартире" — отдыхал, а в спокойное время иногда и ночевал — наш командарм. К счастью, в этот момент там никого не было.

Я не сказал еще, что с весны вместе с Иваном Ефимовичем в Севастополе находились, а точнее — служили, воевали его жена и сын. Зоя Павловна Петрова, старший лейтенант медицинской службы, переведенная сюда из какого-то тылового лечебного учреждения, работала теперь в том самом госпитале, где недавно лежал я. А Юрий Петров, принятый в армию добровольцем семнадцати лет, заменил погибшего в январе адъютанта командующего — Кохарова. В войсках, впрочем, мало кто знал, кем приходится генералу Петрову сопровождающий его молоденький лейтенант: по их отношениям, строго официальным во всем, что касалось службы, догадаться об этом было невозможно.

С "городскими квартирами", даже как с местом кратковременного отдыха, пришлось распрощаться. И поскольку не оставалось больше сомнений, что враг засек наш КП, было признано целесообразным перенести его в штольни за чертой города, вблизи древнего Херсонеса, сделав прежний запасным.

Перебирались на новое место постепенно, стараясь не привлечь к этому лишнего внимания.

Опираясь на осточертевшую, но все еще необходимую мне палку, я вошел через защищенную бетонной плитой массивную железную дверь в довольно широкий коридор, прорубленный в толще каменистой породы. Для меня было хорошо, что не надо никуда спускаться: идешь по ровному полу и незаметно оказываешься в глубине горы. Зато губы сразу ощутили привкус растворенной в сухом воздухе мельчайшей пыли известняка (скоро всем нам пришлось обзавестись очками, чтобы защищать от нее глаза).

Эти подземные коридоры прокладывались для различных складов и давно были оборудованы вентиляцией, электропроводкой. Теперь в них поставили дощатые перегородки, и получились небольшие комнатки для работы и жилья. Рядом со мной поместили начальника оперативного отдела, и мы решили сделать в перегородке окошечко, чтобы было удобно переговариваться и передавать документы. Это понравилось командарму, "кабинетик" которого находился по другую сторону от моего, и между нами тоже прорезали такое окошечко.

В той же штольне разместились член Военного совета Чухнов, весь оперативный отдел, разведчики, в соседней — штаб артиллерии, дальше остальная часть штарма и политотдел.

Совсем близко от входов в штольни синела небольшая бухточка. К ней подступали херсонесские руины — одинокие мраморные колонны, остатки строений, возведенных в далекие века. А если подняться немного выше, открывалась широкая панорама Севастополя.

Город выглядел величаво, разрушения издали были мало заметны. Тогда еще вряд ли кто из нас мог представить, что через несколько недель он будет казаться отсюда огромным Херсонесом…

Посмотреть, как мы устроились, приехал вице-адмирал Ф. С. Октябрьский. Он только что вернулся с Кавказа, где представлялся главкому Северо-Кавказского направления С. М. Буденному.

О содержании своих разговоров со старшими начальниками Филипп Сергеевич особенно не распространялся, во всяком случае при мне. Только много лет спустя, на одной из военно-исторических конференций, посвященных Севастопольской обороне, он рассказал, как, будучи у командующего Крымским фронтом Д. Т. Козлова, доложил суммированные разведотделом флота данные о готовящемся в Крыму наступлении противника. Генерал Козлов, по словам Октябрьского, отнесся к этим

сведениям недоверчиво и заявил, что в начале мая перейдет в наступление его фронт и Крым будет освобожден…

Пока гитлеровцы продолжали наращивать удары по морским путям, связывающим нас с Большой землей. Возвращаясь из Севастополя на Кавказ, погиб теплоход "Сванетия". Он подвергся массированным атакам торпедоносцев, отразить которые корабли охранения не смогли. На борту теплохода, как обычно, находились раненые; лишь незначительную их часть удалось спасти. Не повезло и конникам-кудюровцам: именно этим рейсом, пользуясь тем, что раненых было немного, мы, во исполнение упоминавшегося мною приказа, отправили на Кавказ остатки расформированной кавдивизии.

В следующий раз боеприпасы и продовольствие доставили крейсеры. Отбив в море несколько атак вражеских самолетов, они и в бухту входили с боем, под огнем немецких тяжелых батарей, обстреливавших фарватер из-за Качи.

На этих кораблях прибыло также свыше трех тысяч бойцов пополнения, а через день на лидере "Ташкент" — еще полторы тысячи. Такого подкрепления мы не получали давно. И уже то, что новые защитники города батальон за батальоном появлялись на его улицах, следуя с причалов в секторы обороны, поднимало у севастопольцев настроение.

Это происходило перед Первым мая. Праздника такого, как до войны, конечно, не было, но все же его старались отметить. На зданиях вывешивались красные флаги. Транспарант у Приморского бульвара сообщал результаты предмайского соревнования снайперов. За первую декаду апреля они истребили 245 фашистов, за вторую — 566, за третью — 681… На спецкомбинатах чествовали стахановцев военного производства. Многим из них, как и бойцам на передовой, вручались правительственные награды.

В канун Первомая в ярко-зеленой Инкерманской долине состоялось воинское торжество по случаю преобразования 265-го армейского артполка — славного богдановского — в 18-й гвардейский. Преклонив колено, Николай Васильевич Богданов, недавний майор, а теперь гвардии полковник, принял от командующего СОР новое, гвардейское полковое знамя.

Когда богдановцы проходили по прифронтовой долине торжественным маршем, в памяти возникали их боевые дела, свидетелем которых я был, начиная с огневых ударов по врагу еще у государственной границы.

Вспоминалось, как, заняв с ходу позиции на Мекензиевых горах, батареи полка четыре дня почти непрерывно били по дорогам между Севастополем и Бахчисараем, а корректировщики

все требовали: "Если можете, прибавьте огня идут новые колонны…" Кто подсчитает, какие потери понес тогда противник на этих дорогах и насколько ослабило это его первый натиск на севастопольские рубежи! И кто знает, как обернулись бы события в один из критических моментов декабрьского штурма, если бы участок прорыва перед Северной бухтой не перекрыл шквальным огнем прямой наводкой дивизион Бундича!..

Лица артиллеристов были строгими и счастливыми. Многих я знал уже давно: батальонный комиссар Праворный, начальник штаба полка майор Фролов, комдивы Гончар и Бундич, командир батареи Минаков, комвзвода разведки лейтенант Леонтьев с Золотой Звездой Героя, полученной еще на финском фронте…

В общем строю прошел и Василий Ревякин, познакомиться с которым мне не довелось. Скромный старшина Ревякин, чье имя навсегда вошло в историю Севастополя. Это он, оказавшись потом в захваченном фашистами городе, возглавил героическую группу подпольщиков, которая производила во вражеском тылу дерзкие диверсии, организовала на Корабельной стороне типографию, выпускала листовки и газету, называвшуюся так же, как наша армейская — "За Родину". Доблестный богдановец погиб от руки гитлеровских палачей незадолго до освобождения Севастополя. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Там же, в Инкерманской долине, после того как получили награды богдановцы, вице-адмирал Октябрьский вручил ордена Красного Знамени Ивану Ефимовичу Петрову и мне (мне — тот, которым я был награжден в феврале за Одессу). От артиллеристов командарм и Чухнов поехали по дивизиям поздравлять приморцев с наступающим праздником.

Незадолго до этого командарм предложил отпечатать на хорошей бумаге специальную почетную грамоту, с тем чтобы Первого мая ее получили ветераны нашей армии, участвовавшие в отражении двух штурмов и зимних боях. В тексте грамоты говорилось, что ею свидетельствуется проявленная воином-приморцем боевая доблесть, выражалась уверенность в том, что он и впредь будет мужественно сражаться с врагом. Грамот понадобилось более десяти тысяч. Каждую подписали собственноручно командующий, оба члена Военного совета и начальник штаба.

Уверен, грамоты, доставленные в ночь под праздник во все подразделения, сыграли свою роль: помогли бывалым солдатам, этому костяку армии, сильнее проникнуться и, законной гордостью за все сделанное до сих пор, и чувством ответственности за бои, ждавшие нас впереди. Знаю, что многие приморцы отсылали свои грамоты домой, семьям.

В штарме командарм одному из первых вручил ветеранскую грамоту генерал-майору В. Ф. Воробьеву, служившему в Приморской армии с самого ее образования. Только что стало известно, что Василий Фролович отзывается в распоряжение Крымского фронта. Он намечался начальником штаба 44-й армии, находившейся на Керченском полуострове. Оперативный отдел нашего штарма предстояло вновь возглавить майору Ковтуну.

Как и следовало ожидать, Первомай "отметили" и гитлеровцы — более интенсивным, чем обычно, обстрелом города. На его улицах и в бухтах разорвался за день 141 артиллерийский снаряд. Но группу самолетов, пытавшихся прорваться к центру Севастополя, наши истребители рассеяли, заставив сбросить бомбы куда попало. Один "юнкерс" на глазах у следивших за воздушным боем горожан, задымив, рухнул в море недалеко за бонами.

Ко всему этому севастопольцы привыкли, и, в общем, считалось, что день прошел нормально.

Через какую-нибудь неделю общая обстановка в Крыму резко обострилась. Начало мая явилось тем рубежом, за которым осталась выпавшая нам передышка.

* * *

8 мая, в шестом часу утра, командарм, приоткрыв прорезанное между нашими комнатками окошечко, как обычно, позвал к себе пить чай.

Так повелось с самого начала на новом, херсонесском КП, после переселения на который у Ивана Ефимовича, как и у всех нас, уже не было "городской квартиры". Позавтракать вместе генерал Петров приглашал и Чухнова, а также Воробьева и Ковтуна, иногда приходил из соседней штольни Рыжи. За чаем обсуждались текущие дела, задачи дня.

В то утро, наверное, все мы проснулись с мыслью о Керченском полуострове. Накануне разведчики имели сведения, правда не очень определенные, что там что-то происходит, — может быть, крупная разведка боем. И всем хотелось надеяться, что это перерастет в долгожданное наступление армий Крымского фронта. Василий Фролович Воробьев, уже имевший назначение туда, нервничал из-за вынужденной задержки с отбытием — не было морской оказии. Между тем никаких приказаний о поддерживающих или отвлекающих действиях нам пока не поступало.

Едва мы собрались у командарма, как дежурная служба ПВО доложила, что к району Севастополя приближается группа вражеских бомбардировщиков. Их налет, как бывало не раз, мог

предварять затеваемую противником на каком-нибудь участке атаку наземными войсками. Об этом сейчас же предупредили секторы обороны, была объявлена готовность номер один всей артиллерии.

Бомбардировщики, пройдя на большой высоте над рубежами СОР, нанесли удар лишь по нашим аэродромам. Существенного урона они при этом не причинили: самолеты, не поднятые в воздух, находились в укрытиях.

Через некоторое время наши связисты перехватили радиосообщения немцев, где говорилось о их начавшемся наступлении на керченском направлении, а затем о том, что оборона советских войск на левом фланге Ак-Монайских позиций прорвана. Последнему мы не поверили. А тот бомбовый удар по аэродромам расценили как некую предохранительную меру гитлеровского командования: хотя севастопольская авиагруппа насчитывала всего около сотни самолетов и совсем уж немного с относительно большим радиусом действия, Манштейн, предпринимая наступление в другом конце Крыма, как видно, не сбрасывал со счета и их.

Официальной информации об обстановке под Керчью мы не имели и на следующий день. И генерал Воробьев отправился туда на попутной подводной лодке, не подозревая, что вступить в должность начальника штаба 44-й армии ему не суждено.

Как известно, именно в полосе этой армии, которой командовал генерал С. И. Черняк, на узком участке у побережья Феодосийского залива противник начал натиск на позиции Крымского фронта, и две дивизии, оборонявшиеся в первом эшелоне, своего рубежа не удержали…

В мою задачу не входит разбор трагических майских событий на Керченском полуострове. Я касаюсь их лишь в той мере, в какой это необходимо, чтобы были ясны последствия происшедшего там для нас.

Решив высвободить для действий на главных фронтах свою 11-ю армию, сковываемую в Крыму уже более полугода, гитлеровцы наметили ликвидировать в первую очередь не севастопольский плацдарм, у которого их заведомо ждал сильнейший отпор, а керченский, где они рассчитывали встретить хуже организованную оборону, в чем, к сожалению, не ошиблись.

Располагая к весне тринадцатью пехотными, одной танковой и одной кавалерийской дивизиями, Манштейн вынужден был почти половину их с многочисленными частями усиления держать под Севастополем. Ударная группировка, сосредоточенная противником перед Ак-Монайскими позициями, отнюдь не имела численного превосходства над армиями

Крымского фронта. Это, казалось бы, давало (состав неприятельских сил был известен довольно точно) основания не сомневаться, что победа в решительной схватке, когда она там завяжется, будет нашей.

Но руководившие Крымским фронтом Д. Т. Козлов и Л. З. Мехлис проявили пренебрежение к реальным возможностям врага. Долго готовясь наступать, они не позаботились о достаточно прочной обороне, и немцы нашли в ней, уязвимое место, сумев вдобавок обеспечить себе преимущество внезапного удара.

Прорыв на левом фланге создал угрозу центральному участку фронта, его тылам. И хуже всего было то, что Козлов и его штаб, попав неожиданно для себя в очень тяжелое положение, начали терять управление своими силами. Об этом свидетельствовали даже те отрывочные донесения и запросы, все чаще передававшиеся открытым текстом, которые записывали наши радисты.

Командование Крымского фронта не сумело выполнить требование Ставки организованно отвести войска на линию Турецкого вала, с тем чтобы задержать противника на этом рубеже, оказалось не в состоянии нанести эффективные контрудары. 10 мая в штабе СОР стало известно, что моряки Керченской базы занимают оборону на окраинах города. Вслед за тем началась по приказу маршала Буденного эвакуация войск из Керчи. Выправить там положение было, по-видимому, уже невозможно. Через несколько дней Крымского фронта фактически не стало. 19 мая он был расформирован официально.

Севастопольцы снова остались в Крыму одни, как в ноябре сорок первого. Только наш пятачок был теперь меньше, теснее, а соотношение сил еще менее благоприятно, как и обстановка на море, связывающем нас с Большой землей. И уже не могло быть никаких сомнений в том, что впереди новый, решающий штурм Севастополя.

Не буду говорить, как переживалась быстротечная керченская катастрофа. Это понятно и так. Было, однако, не время давать волю чувству горечи. На это мы просто не имели права.

Самым важным командарм считал поддержать у защит-пиков Севастополя веру в свои силы. "Про Керчь говорить правду, только правду, — требовал он от командиров и политработников, — но так, чтобы люди не упали духом".

Все прекрасно понимали, что означают лаконичные фразы в сообщениях Совинформбюро о тяжелых боях западнее Керчи, а затем в районе Керчи. И кто под Севастополем не сознавал: после того как там все закончится, враг навалится на нас… Упиваясь

своей керченской победой — первой за много месяцев не только на юге, немцы крутили у себя в окопах пластинки с бравурными маршами. 'Над нашими позициями разбрасывались с самолетов наглые, хвастливые листовки.

Но генерал Петров (каждый день он успевал побывать не на одном участке обороны) возвращался из войск успокоенным. Его радовало настроение бойцов и командиров на переднем крае, и в этом он, как всегда, черпал собственную уверенность, энергию.

С 10 мая соединения Севастопольского оборонительного района были переведены на повышенную боевую готовность. Еще до того, в качестве самой первой меры, продиктованной событиями на Керченском полуострове, командарм отдал приказание всемерно беречь, жестко экономить снаряды.

В мае крымская весна незаметно переходит в лето.

Дни стояли ослепительно солнечные и уже довольно жаркие. Яркая зелень украсила севастопольские бульвары, преобразила все высотки и лощины Мекензиевых гор. И выдавалось еще немало тихих, без орудийного грохота, часов, когда люди могли ощутить праздничное великолепие щедрой южной природы, расцветающей в свои сроки, несмотря ни на какую войну.

— Эх, хороша сегодня Бельбекская долина! — вздохнул, вернувшись из четвертого сектора, дивизионный комиссар Чухнов. — Ничейная полоса — цветущий сад… — И, махнув рукой, решительно оборвал себя, заговорил о фортификационных работах, проверять которые ездил туда вместе с подполковником К. И. Грабарчуком, ставшим после гибели Кедринского начинжем армии.

Нового члена Военного совета, только в марте прибывшего, чуть было от нас не отозвали: где-то вспомнили, что по образованию Чухнов химик, и решили перевести его комиссаром Главного военно-химического управления. Однако командарм Петров и командование СОР сумели доказать, что сейчас целесообразнее оставить его в Приморской армии, чем сам Чухнов был заметно удовлетворен.

Много лет спустя, уже после смерти Ивана Филипповича, мне представилась возможность прочесть его севастопольские дневниковые записи, и там были подтверждающие это чудесные слова: "Какая радость! Получен ответ — я остаюсь здесь". Радовались этому и все мы. Быстро освоившись в Севастополе, Чухнов стал очень нужным тут человеком, особенно в такое напряженное время.

Как и командарм, Чухнов проводил целые дни, иногда и ночи, в войсках, на месте занимаясь практическими вопросами укрепления обороны, которые требовали безотлагательного

решения. Я ездил в дивизии гораздо реже, хотя последствия ранения сказывались уже меньше, мог обходиться без палки, однако обязанности начальника штарма, как обычно, приковывали меня к командному пункту.

Противник торопился: как докладывал начальник разведотдела Потапов, немцы еще до окончательного оставления нами Керченского полуострова начали перебрасывать высвобождавшиеся там силы к Севастополю.

Оттуда следовало ожидать 132, 46, 28-ю пехотные дивизии, всю 170-ю, один полк которой уже находился тут, и очевидно, кое-что еще. Штаб Севкавфронта (19 мая Северо-Кавказское направление было преобразовано в одноименный фронт с оставлением Севастопольского оборонительного района в его подчинении) сообщал, что, по его разведданным, в ближайшее время под Севастополем может прибавиться до шести неприятельских дивизий.

В директиве командующего фронтом С. М. Буденного, полученной немного позже, говорилось: "Предупредить весь командный, начальствующий, красноармейский и краснофлотский состав, что Севастополь должен быть удержан любой ценой…"

Штарм подготовил решение на оборону, отвечавшее сложившейся обстановке. В нем давалась оценка противостоящих сил врага, назывались вероятные направления его ударов, ставились конкретные задачи войскам. Общая задача армии определялась так: всемерно укрепив свои рубежи средствами противотанковой обороны и инженерного усиления на всю глубину боевых порядков войск, разбить противника перед передним краем занимаемого передового рубежа. А в случае прорыва его на одном из направлений удерживать и уничтожать силами вторых эшелонов и резервов;

Бои предстояли тяжелые, командиров соединений и частей предупреждали, что при возможных нарушениях связи они должны быть готовы в соответствии с поставленными задачами и обстановкой действовать самостоятельно. Командирам всех степеней предлагалось немедленно назначить себе по два заместителя. Одновременно командарм Петров объявлял, что его заместителями являются генерал-майоры Крылов и Рыжи.

В директиве точно, с учетом реальных возможностей, указывалось, какие участки фронта надлежит дооборудовать в инженерном отношении, где и чем дополнительно усилить противотанковую, противодесантную оборону. На наиболее важных направлениях планировалось, в частности, выставить еще около тридцати тысяч мин, соорудить несколько десятков новых

дотов и дзотов (что и было выполнено).

В мае инженерными работами занимался весь личный состав второго эшелона и резервных частей. Но это было уже завершением того, что делалось все месяцы после декабрьского штурма, и особенно интенсивно — с конца марта.

Помню, когда я впервые после большого перерыва попал на передовую, к чапаевцам, то едва узнавал знакомые позиции. Траншеи, ходы сообщения стали такими, о каких в декабре можно было только мечтать.

А как укрепила за это время свой передний край над Камышловским оврагом бригада Потапова! Теперь на ее позициях трудно было к чему-нибудь придраться. А ведь грунт там — почти сплошной камень.

Перед новым натиском врага севастопольский плацдарм имел по всему фронту, в том числе и на северном направлении, где мы лишились основной части первоначально созданных укреплений, три оборонительные полосы общей глубиной до 12–13 километров. Они охватывали фактически все пространство от переднего края до окраин города.

Первый рубеж — передовой и теперь, по существу, главный проходил от Балаклавы через Камары, Верхний Чоргунь, Камышлы и затем по Бельбеку. Тут имелись три, а местами и четыре линии добротных траншей плюс система минных полей, противотанковых ежей, проволочных заграждений и других препятствий.

Окопы снабжены перекрытиями, защищающими от осколков, и убежищами, где можно переждать сильную бомбежку. Хороши были и глубокие, надежные ходы сообщения. Они позволяли, не выходя на поверхность, пересечь из конца в конец полосу обороны целого соединения и перейти на участок соседа. Не могу не привести одной показательной цифры: при 36-километровом фронте обороны общая длина окопов и ходов сообщения только в пределах первого рубежа достигла в мае 350 километров.

Конечно, я говорю сейчас об очень простых вещах. Окопы есть окопы, без них какая же оборона! Но пусть все-таки постарается представить читатель, как тверда и неподатлива земля крымского предгорья, — иначе не оценить огромный, выполненный исключительно ручными средствами (ни одного окопокопателя или экскаватора мы не имели) солдатский труд, который потребовался, чтобы придать нашей обороне еще большую устойчивость.

Думается, важен был тут и, так сказать, психологический результат сделанного: люди поняли, что в таких траншеях им непосредственно угрожает только прямое попадание бомбы или

снаряда, а это, как мог засвидетельствовать всякий бывалый солдат, случается нечасто. К фактически новым, но уже обжитым окопам бойцы относились по-хозяйски любовно. Не без гордости показывали они детали своего полевого хозяйства: где удобно устроенную нишу для гранат, где искусно замаскированный ход к вынесенной вперед ячейке истребителей танков.

Я же, знакомясь с позициями, так основательно улучшенными, а где и созданными заново, испытывал удовлетворение еще вот по какому поводу.

Под Одессой не всегда удавалось добиться настоящего взаимопонимания между командирами стрелковых частей и не подчиненными им инженерными начальниками. Возникало немало споров и претензий, например, насчет того, где располагать запасные, промежуточные линии окопов. Нередко они оказывались дальше, чем нужно. Иногда, чтобы не отдать врагу лишнюю сотню метров земли, приходилось в ходе боя, под огнем, отрывать новые окопы, пренебрегая остающимися за спиной готовыми. Под Севастополем, во всяком случае на этом этапе его обороны, все делалось уже более рационально.

Второй рубеж обороны включил в себя большую часть прежнего главного (кроме, разумеется, северного направления, где он прошел гораздо ближе к городу — через станцию Мекензиевы Горы и совхоз имени Софьи Перовской). В глубине этой оборонительной полосы находились высоты Карагач, Сапун-гора и гора Суздальская — ключевые позиции на подступах к Севастополю с юга и запада, куда, как подчеркивалось в упомянутой директиве командарма, нельзя было допускать выхода противника ни при каких условиях.

В результате развития второго рубежа в глубину он на ряде участков сливался с третьим, тыловым. Здесь было много укрепленных артиллерийских и пулеметных огневых точек. За зиму их прибавилось на всех рубежах.

Всего у нас числилось теперь свыше пятисот дотов и дзотов, но в глубине обороны большинство их пока пустовало: наличное вооружение требовалось держать ближе к переднему краю. Заселить все доты и дзоты можно было, только если получим (этого добивался командующий СОР) укомплектованный на Большой земле "укрепрайон" — несколько пулеметных батальонов.

Определенные силы и средства пришлось выделить для противодесантной обороны береговой линии. Лично мне серьезный морской десант под Севастополем всегда представлялся маловероятным: немцы должны были учитывать огневую мощь хорошо расставленных береговых батарей. Однако

моряки считали его все-таки возможным, особенно в связи с появлением у противника значительного числа самоходных, вооруженных артиллерией барж, спущенных на Черное море по Дунаю.

В мае побережье СОР было разделено на четыре участка противодесантной обороны. За два из них, примыкавших к флангам сухопутного фронта, отвечали по приказу вице-адмирала Октябрьского коменданты первого и четвертого секторов и персонально командарм Петров, за два остальных — комендант береговой обороны и командир ОВРа.

Продолжала орабатываться и созданная в апреле система обороны всей территории севастопольского плацдарма от воздушных десантов. Проводились учебные тревоги с экстренной переброской резервных частей на машинах к участкам высадки, с вызовом огня. Обстановка подсказывала, что если враг предпримет воздушный десант, то скорее всего одновременно с наступлением с суши, и к этому следовало быть готовыми.

В порядке излечения уроков из керченских событий, где противник сумел нанести внезапные удары по многим звеньям управления, было решено скрытно перенести на новые места командные и наблюдательные пункты частей и соединений. Менялись также огневые позиции артиллерии. По особому плану производилось рассредоточение армейских запасов, в первую очередь снарядов.

Естественно, наши инженерные подразделения получали все новые и новых задания. И выполнялись они в такие сроки, которые в иных условиях, пожалуй, показались бы невероятными. Причем подгонять, поторапливать кого-либо не приходилось. После Керчи не требовалось объяснять, что до нового штурма мы располагаем только тем временем, которое займет у немцев перегруппировка их сил в Крыму. А она не могла продлиться слишком долго.

Начальник инженерных войск Приморской армии подполковник Кузьма Иосифович Грабарчук имел свой штаб из пяти-шести человек. Но наши инженерные войска насчитывали всего три батальона, два из которых мы в декабре вынуждены были использовать в качестве стрелковых, а потом так и не смогли восполнить их боевые потери.

Правда, в непосредственном подчинении у заместителя командующего СОР по инженерной обороне военинженера 1 ранга В. Г. Парамонова (генерал-майора А. Ф. Хренова, занимавшего эту должность раньше, в марте перевели в Керчь) людей со специальной подготовкой было больше.

Не буду перечислять все, чем укрепили Севастопольскую

оборону армейские и флотские инженерные, саперные, строительные батальоны хотя бы только в течение апреля — мая. Скажу еще лишь об одном — как они обеспечили базирование боевой авиации и тогда, когда по обычным понятиям это, казалось бы, исключалось.

Читатель уже знает, что представляли собою оставшиеся на территории СОР аэродромы у мыса Херсонес и на Куликовом поле — маленькие посадочные площадки, служившие раньше для приема самолетов связи. Местность позволила несколько расширить их. Но как защитить самолеты на земле от неприятельской дальнобойной артиллерии?

Обычные деревоземляные капониры могли выручать только до поры до времени. Однако их сумели усовершенствовать, сделать более прочными. А затем появились укрытия для самолетов из сборного железобетона, идею которых Аркадий Федорович Хренов, помню, вынашивал еще в Одессе.

Их я впервые увидел на новом, третьем аэродроме осажденного Севастополя, оборудованном в Юхариной балке к югу от города. Строительство его, стоившее громадных усилий (в работах участвовало и гражданское население), во второй половине мая заканчивалось.

Конечно, взлетать и садиться тут, как и на двух других аэродромах, надо было под вражеским огнем. Но что касается прочности сооруженных укрытий, то машины в них оставались невредимыми, даже если в трех-четырех метрах разрывалась крупная бомба.

Особое место в подготовке к новым боям занимали заботы о том, как лучше использовать артиллерию.

Как уже говорилось, со времени отражения декабрьского штурма ее у нас прибавилось. Пока разведчики не добыли точных данных, сколько и каких артиллерийских частей подтянет к Севастополю противник, мы даже рассчитывали (это нашло отражение и в директиве на оборону от 24 мая), что при несомненном и абсолютном превосходстве немцев в танках и авиации некоторый перевес в количестве орудий окажется у нас.

Расчет этот не оправдался. Но в чем мы не ошибались, так это в том, что на нашей стороне преимущество в организации огня, в способности массировать его на нужных участках. Были бы только снаряды! Хотя ни в одном из секторов не приходилось в среднем на километр фронта больше тринадцати-четырнадцати стволов (не считая тяжелых минометов), мы могли быстро сосредоточивать огонь до трехсот орудий — почти всей армейской, береговой и дивизионной артиллерии там, где он понадобится.

Широкий маневр огнем обеспечивала та централизованная система управления всеми видами артиллерии, которая была создана в Севастополе с самого начала обороны и непрестанно совершенствовалась. Поистине трудно переоценить то, что сделали для этого командующий артиллерией армии (так стала называться его должность) генерал-майор Н. К. Рыжи, начштаба артиллерии Н. А. Васильев, ставший полковником, командиры флотской береговой обороны во главе с генерал-майором П. А. Моргуновым, начарты секторов и дивизий Д. И. Пискунов, Ф. Ф. Гроссман, И. М. Рупасов, В. И. Мукинин и другие наши товарищи.

Той весной сослуживцы по полевому управлению армии поздравили Николая Кирьяковича Рыжи с вступлением в ряды Коммунистической партии. Наш командующий артиллерией, служивший в Красной Армии с 1918 года, был одним из тех, кого называли беспартийными большевиками. Перед самыми суровыми для севастопольцев боевыми испытаниями генерал Рыжи, как и многие защитники города, стал коммунистом.

Командарм не разрешал отвлекать начсостав боевых частей ни на какие сборы. Но генерал Рыжи и без этого наладил планомерную, очень целеустремленную учебу командиров-артиллеристов, уделяя особое внимание новым артполкам. Упор делался на освоение накопленного опыта, на отшлифовку взаимодействия с другими артиллерийскими частями, с поддерживаемой пехотой.

Единая карта-схема — ею пользовались все артиллерийские начальники на севастопольском плацдарме — пополнялась новыми целями, увеличивалось число подготовленных участков огня. Авиация начала обеспечивать артиллеристов аэрофотосъемкой. Выдвигаемые к Севастополю неприятельские батареи засекал техническими средствами наш разведывательный артдивизион (теперь им командовал капитан Гусев: майор Савченко погиб в декабрьских боях). Иногда удавалось забрасывать артиллерийских разведчиков за линию фронта. На правом фланге с этим хорошо справлялись пограничники Рубцова, знавшие скрытые проходы в балаклавских горах.

Из опыта декабря следовало, что вся артиллерия, вплоть до тяжелой, должна быть готова вести огонь и прямой наводкой. Прежде всего — по танкам. В мае мы получили большую партию противотанковых ружей, всего имели их уже около пятисот, а бронебойщиков обучили заранее. Но артиллерия могла поражать танки с большего расстояния. И огневые позиции всех батарей оборудовались так, чтобы обеспечивались либо переход на прямую наводку прямо о них, либо быстрое выдвижение орудий на подготовленные открытые места.

Тот же опыт прошлого штурма, когда иной раз даже армейская артиллерия оказывалась без пехотного прикрытия впереди, показал, сколь необходимо усилить защиту самих батарей. Для этого выделяли специальные группы бойцов с петеэрами и запасом противотанковых гранат, подступы к тяжелым батареям прикрывали дотами. Каждая огневая позиция становилась укрепленным опорным пунктом в глубине обороны.

События последующих недель подтвердили, что заботы обо всем этом были не лишними.

Рыжи и Васильев проявили много предусмотрительности, в том числе в расстановке огневых средств с очень продуманным учетом характера местности. Однако не в их власти, как и не в нашей с командармом, было накопить в Севастополе такой запас снарядов, который позволял бы использовать всю мощь артиллерии достаточно долго.

После падения Керчи наши заявки на боепитание как будто стали для фронта первоочередными. В мае мы получили почти втрое больше снарядов, чем в апреле (свыше 3600 тонн). Но этого было недостаточно, чтобы оборона Севастополя не зависела от регулярности дальнейшего подвоза, который становился все более затрудненным. А кроме боеприпасов требовалось ведь перевозить с Кавказа и продовольствие, и горючее.

С середины мая начали совершать регулярные грузовые рейсы из Новороссийска и Туапсе подводные лодки. Сама эта мера говорила о том, какое положение создалось на морских путях, связывавших нас с кавказскими портами. Передо мною рапортичка о грузах, доставленных двумя первыми лодками, — 114 тонн… Можно ли сомневаться, что подводники втиснули в отсеки своих кораблей максимум возможного — ведь груз предназначался Севастополю! Но сколько же надо было сделать таких рейсов вместо одного рейса обычного транспортного судна!

Перед третьим штурмом, когда расход боеприпасов должен был резко возрасти, с обеспеченностью ими нашей артиллерии дело обстояло так: крупный калибр два-два с половиной боекомплекта, средний — три-четыре, малокалиберные системы — до шести. Тяжелые минометы — меньше одного. Это данные по Приморской армии как таковой. Снарядов для орудий береговой обороны разного калибра на севастопольских складах имелось от одного боекомплекта до трех с половиной.

Значение этих цифр было бы, понятно, иным, не относись они к оторванному от остального фронта, полуотрезанному от баз снабжения пятачку, куда очередная партия снарядов могла дойти, а могла и не дойти в ожидаемый срок. С учетом этого боезапас для зениток приходилось, например, экономить так, что в мае

был уже отдан приказ по одиночным самолетам огня не открывать.

Еще в Одессе у нас существовало правило — не пренебрегать нештатными боевыми средствами, которые можно изготовлять на месте.

Такого рода оружие находило применение и на севастопольских рубежах. Над производством огнеметов (ими было оборудовано и несколько танков), налаженным на небольшом заводе "Молот", шефствовала химслужба армии. Ее возглавлял полковник В. С. Ветров. Непосредственно же конструированием огнеметов увлеченно занимался его помощник военный инженер Анатолий Ильич Лещенко, создававший их из "подручных средств" еще в Одессе.

Попутно несколько слов о дальнейшей судьбе этого неутомимого изобретателя. Лещенко участвовал в боях за Севастополь до последнего дня и оказался в числе тех, кого не удалось эвакуировать при оставлении города. Несмотря на тяжелое ранение, он, однако, избежал фашистского плена и, выхоженный советскими врачами, сумел перебраться на родную Одесщину, где нашел путь к партизанам, а впоследствии командовал одним из отрядов. С инженер-майором запаса Лещенко мне довелось вновь встретиться в Севастополе, когда отмечалось 25-летие обороны.

Тогда, в сорок втором, не без его участия была создана также зажигательная дымовая мина, об испытании которой я слышал от Ивана Ефимовича Петрова еще в госпитале.

В специальном приказе командарм отметил пригодность самодельной новинки, в частности, для ослепления огневых точек и наблюдательных пунктов противника.

К маю таких мин было заготовлено до десяти тысяч штук. Их потом наиболее широко использовали, прикрывая свои контратаки, морские пехотинцы бригады полковника П. Ф. Горпищенко.

Чапаевцы же — это была инициатива дивизионного инженера М. П. Бочарова, поддержанная генералом Трофимом Калиновичем Коломийцем, — расставили перед своим передним краем в зарослях Мекензиевых гор и кое-где в глубине обороны десятки потайных фугасов-камнеметов. Устройство их нехитрое: копалась яма глубиной метра полтора, на дно закладывалась взрывчатка, покрывалась слоем досок или бревен, а на них — крупные камни. Снаружи фугас замаскировывали. Взрыв, при котором камни раскидывало на десятки метров, производился с командного пункта замыканием выведенных туда проводов.

Мы не преувеличивали значение этих подсобных боевых

средств. Однако те, кто с энтузиазмом их создавал, трудились не напрасно. Впереди были такие бои, когда пригодилось (особенно при недостатке снарядов) буквально все, что могло затруднить действия врага, увеличить его потери, ослабить на каком-то участке его натиск.

На передовой радовались всякому дополнительному оружию, пусть и самодельному. При петеэрах, при неплохом снабжении частей противотанковыми гранатами не сходили с вооружения и бутылки, которые усердно собирали в городе севастопольские ребята, а армейская химслужба заправляла горючей смесью.

Скольким бойцам помогли они в начале войны, когда маловато было других средств против танков, обрести уверенность в том, что не так уж страшны грохочущие гусеничные махины с черными немецкими крестами! И теперь бывалые солдаты берегли зажигательные бутылки для трудного часа, зная, какую представляют они силу в твердой и сноровистой руке.

Вносить существенные поправки в расстановку войск по фронту обороны нам не потребовалось. Мартовская перегруппировка, хотя тогда мы считали новый штурм Севастополя только возможным, но отнюдь не неизбежным, была рассчитана именно на его отражение.

Не произошло с тех пор и особо больших изменений в общей численности сил СОР. Прибывали очередные маршевые батальоны (кстати, отправкой подкреплений нам занимался теперь генерал-майор В. Ф. Воробьев, назначенный помощником командующего Северо-Кавказским фронтом по формированию и укомплектованию). Кроме них мы получили одну свежую стрелковую часть — 9-ю бригаду морской пехоты полковника Н. В. Благовещенского.

Переброска ее из Поти на крейсере "Ворошилов" и эсминцах явилась довольно сложной операцией. Бомбардировщики и торпедоносцы противника многократно атаковывали отряд кораблей. Последняя торпеда, выпущенная по ним уже на входном севастопольском фарватере, выскочила на берег не очень далеко от нашего КП. Но бригада прибыла без потерь, не пострадали и корабли.

Новую бригаду, насчитывавшую три тысячи бойцов и имевшую собственную артиллерию, хотелось бы использовать для уплотнения боевых порядков на одном из главных направлений ожидаемого штурма. Однако командующий СОР принял решение поставить ее на оборону береговой линии: моряки все больше опасались десанта. На сухопутные рубежи бригада Благовещенского была выдвинута значительно позже.

В стрелковых частях Приморской армии — в семи дивизиях и

бригаде Потапова — числилось к исходу мая около 51 тысячи бойцов и командиров. В трех бригадах и двух полках морской пехоты — еще 15 тысяч.

А вместе с личным составом артиллерии — полевой, береговой и зенитной, вместе с немногочисленными летчиками и танкистами, с частями боевого обеспечения и тылами — армейскими и флотскими, а также органами управления Севастопольский оборонительный район имел в то время 106 тысяч человек. Сюда было включено все, вплоть до персонала госпиталей и батальона выздоравливающих. О пополнении, прибывавшем в ходе июньских боев, я скажу позже.

В штабе СОР поговаривали, что у нас должно прибавиться танков. Пока их было 38 — старых типов (Т-34 — только один) и большей частью сильно изношенных, много раз чинившихся. Вице-адмирал Октябрьский ставил вопрос о выделении для Севастополя нескольких десятков новых танков, в том числе тяжелых КВ. Моряки планировали перевезти их с Кавказа на борту линкора способ в тех условиях, пожалуй, наиболее надежный.

Однако то, что произошло на Керченском полуострове осложнило положение не только у нас. Во второй половине мая развернулись тяжелые оборонительные бои и на Южном, и на Юго-Западном фронтах. Танки, получить которые рассчитывал командующий СОР, по-видимому, оказались нужнее где-то еще. Как затем выяснилось, обстановка заставила направить в другое место, за пределы Северо-Кавказского фронта, и обещанные нам пулеметные батальоны. Сильно урезана была заявка СОР на пополнение самолетами-истребителями.

Мы понимали: трудно на всем юге, да и не только на юге, и надо обходиться тем, что есть и что могут нам добавить.

Стрелковых батальонов в конце мая насчитывалось 70. В штабе армии продолжали считать войска по батальонам, потому что число их в разных дивизиях и бригадах оставалось неодинаковым.

Частичное доукомплектование прибывавшими маршевиками сочеталось с усилением боевого контингента соединений за счет собственных тылов. Оттуда брали прежде всего коммунистов и комсомольцев. Привожу имеющуюся под рукой справку: в 386-й дивизии переведено из обеспечивающих подразделений в стрелковые 97 коммунистов и 144 члена ВКЛСМ, в 345-й — 18 коммунистов и 140 комсомольцев… Лучшими сержантами восполнялся некомплект среднего командного и политсостава. Только в двух полках 388-й дивизии 53 сержанта были произведены в младшие лейтенанты и политруки.

Штаб и политотдел армии много занимались каждой дивизией и бригадой, проверяя ее подготовленность к большим боям. В некоторых соединениях прошли выездные заседания Военного совета; на месте решалось, что еще надо сделать для укрепления обороны на данном участке.

При принятии решений учитывались предложения направленцев нашего оперативного отдела. Генерал Петров особенно ценил мнение майора Ивана Павловича Безгинова. Наблюдательный и вдумчивый, он вырос в опытнейшего штабного командира с широким кругозором, способного многое предвидеть.

Само собой разумеется, оборона Севастополя и впредь мыслилась только как жесткая оборона. Теперь, если можно так сказать, еще более жесткая, ибо никаких резервов для маневра не оставалось. Недаром мы стали считать наш передовой рубеж главным. И оценка состояния любой части В конечном счете сводилась к тому, чтобы ответить на вопрос: выстоит ли она под напором врага?

Стойкость большинства частей была уже многократно ими доказана. Но как покажут себя теперь 388-я дивизия (как обстояло с ней дело в декабре, читатель, очевидно, помнит) и не участвовавшая еще в серьезных боях 386-я, укомплектованная в основном запасниками старших возрастов? Мы надеялись, однако (и не напрасно), что настойчивая работа по укреплению боеспособности этих соединений принесет свои плоды.

Велика была роль активного шефства общественности республик Закавказья над обеими сформированными там дивизиями. Их навещали делегации, в составе которых были видные партийные и советские работники, уважаемые в родных местах бойцов люди. Наладилась доставка газет, литературы на национальных языках. А в подразделениях тем временем успешно изучался русский, и это сближало солдат, раньше им не владевших, с соседями по фронту, с жителями города, помогало почувствовать себя севастопольцами.

В 388-ю стрелковую дивизию еще раз был назначен новый командир полковник Н. А. Шварев, до того — заместитель командира 79-й бригады.

Читатель, наверное, заметил, что, говоря о соединениях армии, я реже стал упоминать секторы, в которые они входят. Деление на четыре сектора, сыгравшее весьма важную роль в первоначальной организации обороны, продолжало существовать. Однако секторы, оставаясь понятием территориальным, постепенно утратили прежнее значение в системе боевого управления (кроме тех случаев, когда в составе сектора —

например, третьего — еще сохранялись отдельные полки). Фронт по сравнению с ноябрем — декабрем сократился, левое его крыло, раньше далекое, приблизилось к армейскому КП. В таких условиях управление одной дивизией через штаб другой, командир которой являлся в данном секторе старшим, уже себя не оправдывало.

Эти пояснения необходимы главным образом для дальнейшего. Но и при подготовке к июньским боям (хотя институт комендантов секторов, повторяю, не упразднялся) командование армии фактически руководило всеми соединениями непосредственно, напрямую.

До любой дивизии было, как говорится, рукой подать: штаб Капитохина размещался теперь в районе Братского кладбища, штаб Коломийца — у Инкермана, Скутельника- на хуторе Дергачи под Сапун-горою…

И почти отовсюду на нашем сухопутном фронте, во всяком случае с каждой высотки на оборонительных рубежах, виднелось море. Наверное, поэтому так часто можно было услышать на позициях песню, которая пелась на мотив старинной матросской и так же начиналась, а затем шли новые, не знаю уж кем сложенные слова:

Раскинулось море широко
У крымских родных берегов,
Стоит Севастополь могучий,
К жестокому бою готов…

Наша армия, называвшаяся с самого своего основания Приморской и всегда взаимодействовавшая с флотом, особенно крепко породнилась с ним под Севастополем. Красноармейская масса восприняла и характерные для черноморских моряков особое отношение, особые чувства к этому городу — и любовь, и гордость, и беззаветную веру в него.

В бригады морской пехоты, в их штабы ушло немало армейских командиров. А в наших старых дивизиях — тех, что пробивались сюда через Крымские горы, продолжали служить краснофлотцы из первого севастопольского пополнения.

Переобмундированные уже в защитную армейскую форму, эти бойцы хранили, однако, в вещевых мешках матросские бескозырки, тельняшки. Хранили не просто так, а для решительного часа, который, как все понимали, близится.

Вернувшись одна?кды из Чапаевской дивизии, командарм Петров сказал:

— Трофим Калинович Коломиец считает, что переодетым морякам следует позволить носить тельняшки. Я разрешил. Когда дойдет до контратак, многие, конечно, наденут и бескозырки. Раз

это поднимает у них дух — пусть!

Традиционные, символические предметы флотского обмундирования действительно воодушевляли моряков в бою. Матросы верили, что сам вид их формы способен устрашать врагов. Получить сине-белую полосатую тельняшку, как выяснилось, стремились и некоторые бойцы, никогда на флоте не служившие. А одна из фотографий, включенных в эту книгу, свидетельствует: в тельняшке, должно быть кем-то подаренной, сражалась героиня Приморской армии Нина Онилова…

Кто мог возражать против такого "оморячивания", когда за спиной Севастополь, город морской славы!

С середины мая — об этом было специальное решение Военного совета — в дивизиях и бригадах проводились делегатские собрания личного состава, на которые каждый взвод присылал по два-три бойца. С докладом выступал командарм или член Военного совета. Мне довелось побывать только на некоторых из этих собраний, но запомнились они навсегда.

В защищенную скалами расщелину или заросший кустарником овраг выносится развернутое знамя. Перед делегатами подразделений — командование дивизии и полков, Военный совет армии. Генерал Петров немногословно и с предельной прямотой излагает складывающуюся обстановку.

Все говорится начистоту. И что гитлеровцы, готовящие генеральное наступление на Севастополь, подтягивают новые части, обеспечивая себе большой численный перевес. И что снять, вывезти отсюда пашу армию, если бы даже поступил такой приказ, практически невозможно: Севастополь не Одесса, и у флота не хватит перевозочных средств. А главное — стало еще важнее, еще необходимее сковать и перемолоть неприятельские войска, сосредоточенные сейчас в Крыму, не пустить их на Дон, на Кубань. И потому задача приморцев, севастопольцев-стоять насмерть, истреблять фашистов здесь, на этих вот рубежах…

Не скрывая силы противника, командующий говорил о силе нашей, о своей уверенности в стойкости и мужестве бойцов, о их воинском умении. Иван Ефимович рассказывал — это ведь знали не все, — чем отличились за войну, какой прошли путь командиры данного соединения вплоть до батальонных, а иногда и до ротных: тех, кто однажды ему запомнился, Петров уже не забывал.

Заканчивал командарм тем, что просил присутствующих откровенно, по-солдатски, сказать, как подготовились в подразделениях встретить врага, как настроены люди, какие остались недоделки в оборудовании позиций, в чем есть нужда и чем еще можно укрепить оборону.

И делегаты, откликаясь на этот призыв, выступали так горячо, взволнованно, что и привычные, казалось бы, слова обретали зажигающую силу. Помню, как обнимали товарищи сержанта, который, чувствовалось — от всего сердца, выкрикнул:

— Неужели ж русский, советский человек испугается немца, фашиста?! Нет, такому позору не бывать! Ручаюсь Военному совету: пока мы живы, наш взвод свою позицию не сдаст!

Многие высказывали конкретные деловые предложения: что следовало бы улучшить, переставить, сделать понадежнее. По предложениям бесспорным тут же принимались решения, отдавались приказания.

Потом участники дивизионных и бригадных собраний отчитывались у себя во взводах, батареях, передавая всем бойцам то, что услышали от командарма и других старших начальников. Генерал Петров заботился, чтобы в каждом подразделении кто-то рассказал о боевых заслугах командира дивизии, полка, своего батальона, чтобы красноармейцы из пополнения обязательно знали, как сражались и за что имеют награды ветераны.

Делегатские собрания и работа, проведенная в частях в связи с ними, морально подготавливали армию к тяжелым боям, заряжали той бесповоротной решимостью выполнить свой долг до конца, которая всегда лежит в основе массового героизма, массового подвига.

С переводом войск на повышенную боевую готовность изменялись распорядок, ритм их жизни. Происходил и заметный внутренний перелом в самих людях, сознававших, что "спокойный" период обороны остается позади. Все подтягивались, становились собраннее, строже.

И на любое смелое дело, на любой боевой пост, где больше опасности и выше ответственность, находилось сколько угодно добровольцев (их все чаще называли охотниками — по-старинному, как в первую Севастопольскую оборону, книги о которой ходили по рукам). Добровольцами были укомплектованы подразделения бронебойщиков, группы истребителей танков, выдвигавшиеся за передний край с гранатами и бутылками с зажигательной жидкостью. Из добровольцев же формировались — по мере того как поступало с Большой земли оружие-новые пулеметные расчеты, взводы и роты автоматчиков.

Вспоминая те майские дни, я вновь ощущаю их атмосферу — какой-то особый, охватывавший всех подъем духа. Он чувствовался и на совместном заседании Военных советов Черноморского флота и Приморской армии, где принимались важнейшие решения, и при любой встрече с командирами или представителями штабов, во всей нашей работе.

Подготовка к отражению штурма заканчивалась. В числе последних мероприятий, осуществленных по плану штарма, было рассредоточение двух легких армейских артполков-тех, что прибыли весной: их батареи придали стрелковым частям на наиболее танкоопасных направлениях. Свои танки мы расставили поротно в засадах — для ликвидации неприятельских клиньев, для поддержки контратак.

Каждый день использовался для инженерного укрепления рубежей. Углублялись окопы и ходы сообщения, монтировались из сборных деталей новые доты, добавлялись к прежним заграждениям еще десятки ежей, только что сваренных в железнодорожных мастерских из кусков рельсов, еще сотни противотанковых в противопехотных мин, только вчера изготовленных в штольнях спецкомбината…

* * *

Эта глава была бы незавершенной, если не сказать хоть немного о наших армейских тыловиках. Готовность фронта обороны к новым боям очень зависела и от них.

Собирая материалы для книги, я нашел в архиве боевую характеристику на начальника тыла Приморской армии интенданта 1 ранга А. П. Ермилова, написанную генералом Петровым. Аттестации, которые давал Иван Ефимович подчиненным, отличались нестандартностью, выразительной конкретностью, идущими от глубокого знания людей. "Умеет дать размах в работе, — писал командарм о начальнике тыла. — В каждом деле цепко хватается за всякую возможность улучшить снабжение состоящих на его попечении войск".

За этими словами так и встает сам Алексей Петрович Ермилов. Человек спортивного склада, выглядевший моложе своих сорока лет, подвижный и неиссякаемо энергичный, он работал в самой трудной обстановке с каким-то веселым задором.

В Севастополе система хозяйственных служб еще в большей степени, чем при обороне Одессы, отступала от обычной структуры армейского тыла: сами размеры плацдарма исключали необходимость в ряде промежуточных звеньев. И размах в работе, который отмечал у Ермилова командарм, начинался именно с умения строить ее не по шаблону, применяться к сложившимся специфическим условиям.

Все у тыловиков подчинялось тому, чтобы без лишних перегрузок подавать войскам все необходимое прямо на позиции, подвозить снаряды к каждому орудию. Перевозки производились почти всегда ночью. Автобатальон подвоза был разбит на колонны, которые обслуживали каждая свое, хорошо знакомое направление. Прикрепленные к дивизиям и бригадам командиры

из управления тыла использовались при этом как своего рода диспетчеры.

Ночью же разгружали прибывавшие с Большой земли суда. И каждый транспорт встречали на причалах вместе о рабочей ротой Ермилов и его помощники. Если начиналась бомбежка или артиллерийский обстрел, что бывало нередко, они руководили разгрузкой — прерывать ее было нельзя, — как боем.

Однажды от прямого попадания авиабомбы затонул у причала не очень крупный транспорт, доставивший продовольствие, к выгрузке которого только что приступили. Глубина там была метров десять. Не желая мириться с потерей ценнейшего груза, начальник тыла приказал немедленно найти в хозяйственных подразделениях хороших ныряльщиков. А первым нырнул сам, нашел и подцепил крюком на пеньковом тросе ящик с грузом. Все находившиеся в трюмах продукты были подняты и переработаны. По этому факту можно судить, какой оборот принимала иной раз работа наших хозяйственников.

Вспоминая предприимчивого Ермилова, я мысленно вижу рядом его заместителя интенданта армии Амаяка Бейбудовича Меграбяна — статного, с красивым смуглым лицом и знаками различия общевойскового полковника.

Меграбян окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, командовал в финскую кампанию полком, Отечественную войну встретил в штабе корпуса. На интендантскую должность его прислали к нам еще в Одессе, после ранения на Западном фронте.

Вот уж кто знал нужды частей не по заявкам! Меграбян просто не мыслил своей работы без того, чтобы самому не видеть положение в каждом полку. Бывало и так, что, попав в горячее место, армейский интендант вновь превращался в строевика. Как-то во время боев в полосе Чапаевской дивизии он поехал туда по своим снабженческим делам, а потом из штадива доложили: заместитель начальника тыла несколько часов командовал батальоном, где выбыл из строя комбат, организовал контратаку.

Не сомневаюсь, что рано или поздно Меграбян вернулся бы на командную или штабную службу, если бы в начале июля не оборвалась его жизнь. Погиб он в море, недалеко от Севастополя, на катере, вступившем в неравный бой с несколькими вражескими. Погиб, сражаясь до последнего дыхания. Об этом потом рассказали те немногие из находившихся на борту, кто остался в живых.

Как сообщил мне сын полковника Меграбяна инженер Вулен Амаякович, имя его отца присвоено в 1971 году школе в селении Агдан Иджеванского района, на родине Амаяка Бейбудовича.

А в те дни, о которых я веду сейчас рассказ, А. Б. Меграбян

был поставлен во главе оперативной группы управления тыла, созданной для того, чтобы в любых условиях: обеспечивать доставку на передний край боеприпасов и пищи, эвакуацию раненых. В эту оперативную группу входил и военврач 1 ранга Д. Г. Соколовский, наш начсанарм. За относительно спокойное время он сделал по своей части исключительно много, настойчиво расширяя и совершенствуя всю систему медико-санитарной службы.

"Доразвертываемся, доразвертываемся!.." — это было любимое словечко деятельного, всегда куда-то спешившего Давида Григорьевича. Его "хозяйство" давно вышло за рамки того, что обычно имеет армия. Но иначе было нельзя: во-первых, никто не мог гарантировать бесперебойную отправку раненых на Большую землю, а во-вторых, постоянно действовало правило — тех, кого можно за месяц-полтора вернуть в строй, лечить здесь.

Значительная часть медицинских учреждений помещалась в надежных убежищах. В распоряжение начсанарма был передан еще ряд штолен в Инкермане, вблизи крупнейшего нашего подземного госпиталя (продолжая числиться медсанбатом Чапаевской дивизии, он обслуживал уже несколько соединений, имел специализированные отделения, до двадцати операционных столов), а также штольни в Юхариной балке, винные подвалы и другие подземелья на Северной стороне.

Докладывая Военному совету об итогах "доразвертывания" (общее число коек превысило семь тысяч), Соколовский считал, что этого еще мало. И вообще-то был прав. За две недели декабрьского штурма мы имели почти восемнадцать тысяч раненых, а в эвакуации их на Большую землю тогда еще не возникало особых перебоев.

Для расширенной сети госпиталей понадобилось немало добавочного младшего медперсонала. Тем более что в марте командование армии приняло решение: всех санитаров и медсестер моложе сорока лет перевести из лечебных учреждений тыла в боевые части. Замену им, само собой разумеется, надо было изыскать на месте.

Первым резервом явились севастопольские женщины, сандружинницы, окончившие курсы Красного Креста (их младшие товарки были уже в войсках). Но этого оказалось недостаточно, и Соколовский предложил готовить санитаров и санинструкторов в батальоне выздоравливающих.

Батальон, размещавшийся у Стрелецкой бухты при одном из госпиталей, служил в трудные моменты, как бывало и в Одессе, источником пополнения поредевших подразделений. А те раненые, которые не вполне годились для возвращения в боевой

строй, стали, продолжая еще сами лечиться, проходить курс обучения, рассчитанный на несколько недель. Санитары из них получались отличные.

Раз уж зашла речь об умении армейских медиков преодолевать трудности, не могу умолчать и о том, как была ликвидирована вспышка неожиданной на юге цинги. Возникла она в апреле. Кроме недостатка витаминов в осадном войсковом рационе, очевидно, дали себя знать необычно суровая для Крыма зима и постоянное напряжение, в котором находились севастопольцы даже в "тихие" недели.

Соколовский забил тревогу. В частях быстро организовали варку настоя из хвои пихты (сосны в пределах плацдарма не было). На Мекензиевых горах и везде, где еще рос шиповник, собрали все оставшиеся на кустах ягоды. Наладили также производство можжевелового экстракта. Эти средства сдерживали распространение цинги. И все же свыше тысячи больных потребовалось госпитализировать.

Мы обычным порядком доносили о положении и принимаемых мерах старшим начальникам на Большую землю. Красок при этом не сгущали: не у одних нас трудности. Но Соколовский, встревоженный новыми случаями заболевания, послал однажды от собственного имени, и не по команде, а прямо в Главное управление тыла, радиограмму, составленную (я познакомился с ней уже задним числом) в довольно сильных выражениях.

Ответ на его депешу пришел без промедления и начинался с фразы, где начсанарму рекомендовалось изучить Устав внутренней службы. А дальше сообщалось, что нам немедленно высылается аскорбиновая кислота. Этот драгоценный по тем временам препарат (в Севастополе его не было совсем) доставил из Москвы инспектор Центрального военно-медицинского управления военврач 1 ранга Зотов, добравшийся к нам очень быстро.

Того, что он привез в своем чемоданчике, хватило, чтот, бы поставить на ноги всех больных. Давали результаты и профилактические меры, появилась первая зелень с севастопольских огородов. И к середине мая с цингой было покончено. Лишь удостоверившись в этом, Зотов отбыл обратно.

Представителю Центрального военно-медицинского управления был вверен коллективный научный труд большой группы военных врачей, созданный по почину армейского хирурга профессора В. С. Кофмана, — обобщение опыта обработки раненых в Севастопольскую оборону. Через год эта работа вышла в свет с предисловием генерала И. Е. Петрова и стала

своеобразным памятником самоотверженным медикам Приморской армии: многих из ее авторов, в том числе и Кофмана, в живых уже не было.

Я говорил о том тыле, который является неотъемлемой частью армии, входит в ее состав и подчинен командарму. Но нашим ближним тылом был и сам Севастополь.

Привожу отдельные пункты из постановлений, принятых 16, 18, 26 мая городским комитетом обороны. Они поистине не нуждаются в комментариях и лучше, чем это смог бы сделать я, рассказывают, как город готовился вместе с армией к решительным боям. Вот эти решения, немедленно вступавшие в действие:

"17 мая 1942 года закончить комплектование и вооружение боевых дружин на всех основных предприятиях… 50 % личного состава дружин перевести на казарменное положение… В оперативном отношении дружины подчинить командирам секторов".

"Привлечь все трудоспособное население, не занятое на городских предприятиях, к строительству укреплений…"

"В суточный срок подобрать запасные КП города и районов, разработать систему обороны их… Рассредоточить по городу все запасы продовольствия".

"Оказать помощь коменданту гарнизона в установлении и строительстве огневых точек по городу…"

"…Всех мужчин, способных драться с оружием в руках, включить в резерв боевых дружин, назначить командный и политический состав и вооружить гранатами… Женщин привлечь по мере надобности в сандружины; наиболее здоровых по их желанию включить в резерв боевых дружин".

Эти постановления городского комитета обороны, а затем сообщения об их выполнении заносились на КП армии в журнал боевых действий наряду с важнейшими сведениями о положении на переднем крае. Фронт и город, защитники Севастополя, одетые в военную форму, и гражданские люди встречали новые испытания в общем строю, в едином боевом коллективе, как никогда спаянном и сплоченном.

Третий, июньский…

Третий штурм Севастополя известен как июньский. Но мы ждали его со дня на день уже в последних числах мая. 25-го начали поступать донесения о том, что противник ночами прокладывает проходы в своих проволочных заграждениях и минных полях. Отмечалась повышенная активность неприятельской войсковой разведки. То на одном, то на другом направлении обнаруживались немецкие офицеры, ведущие рекогносцировку нашего переднего края.

Конечно, попытки гитлеровцев высовываться из ближних траншей быстро пресекали снайперы (на ряде участков они перешли на двухсменную, круглосуточную вахту, у нас были уже снайперы-сочники). Рекогносцировщиков, появлявшихся подальше, иногда удавалось накрывать артиллеристам.

В один из этих дней начальник штадива 172-й стрелковой Михаил Юльевич Лернер доложил по телефону: только что уничтожена офицерская наблюдательная группа в районе станции Бельбек. Оказывается, командир артиллерийской батареи, находясь на своем НП, увидел, как фашистские офицеры нахально вылезли из кустов с развернутой картой, и сумел покончить с ними двумя или тремя точно направленными выстрелами. Тут уж не приходилось ругать за отступление от строгого правила — на мелкие группы противника снаряды не тратить.

Батарея принадлежала к 134-му гаубичному артполку майора И. Ф. Шмелькова. Этот полк, приданный дивизии Ласкина сперва частично (один дивизион действовал в другом секторе), а затем в полном составе, вообще отличался весьма точной боевой работой. Его гаубицы (122- и 152-миллиметровые) в трудные дни обороны не раз ставили перед атакующим врагом непреодолимый огневой заслон. У Шмелькова были опытнейшие, закаленные в боях командиры батарей, дивизионов. Одному из них-майору Н. И. Шарову весной вверили новый артиллерийский полк.

На то, что штурм близится, указывали также резко усилившиеся с 20 мая бомбежки и огневые налеты дальнобойной артиллерии. Враг нацеливал эти удары пока главным образом на наши войсковые тылы, аэродромы, батареи, порт. И особенно — на город. Группы в двадцать — сорок бомбардировщиков стали появляться над Севастополем по нескольку раз в сутки.

В донесении штаба МПВО о первом дне усиленных бомбежек значилось: из гражданского населения убито 42 человека, ранено 106… В следующие дни жертв в городе было меньше: жители

Севастополя опять перебрались в подземные убежища. Там были созданы запасы воды, выдан вперед продовольственный паек. Городской комитет обороны постановил прервать занятия в школах.

Сознавать, что в Севастополе еще находятся школьники, дети, было тяжело. Правда — уже не столько, как месяца полтора назад. Эвакуацию на Кавказ населения, не связанного с обороной, и в первую очередь женщин с маленькими детьми, в мае старались всемерно форсировать. Однако уговорить многих уехать, как рассказывали городские руководители, стоило большого труда. Люди верили: Севастополь выстоит, а осадные опасности и невзгоды их не страшили.

Не все, конечно, представляли, насколько серьезнее, сложнее сейчас положение, чем полгода назад, в декабре.

Но я не договорил о школьниках. Освободившиеся от занятий старшеклассники пошли, и для того времени это было естественно, в сандружины, в цеха, где изготовляется оружие. Многие, впрочем, и раньше работали там после уроков. Находили себе дело и ребята помладше. Не забуду картины, которую застал однажды ранним утром у причалов Южной бухты.

Шел последний час — уже не темный и еще не вполне светлый — того времени суток, когда фашистские бомбардировщики обычно не появлялись над городом и бухтами. Подводная лодка, прибывшая, очевидно, на исходе ночи, спешила разгрузиться. А разгрузка лодок была трудоемкой. Боеприпасы, пищевые концентраты, медикаменты — все это перевозилось, как правило, в мелкой упаковке: иначе груз не поддавался размещению в узких проходах и маленьких трюмах отсеков, в торпедных аппаратах.

И вот на помощь морякам и рабочей команде армейского тыла пришли ребята, целый пионерский отряд. Они растянулись в длинную цепочку — от люка на палубе лодки, через сходни и бетонный причал, к распахнутым дверям врезанного в обрывистый берег склада.

Цепочка стояла в два ряда, и но каждому безостановочно двигались — из одних детских рук в другие — небольшие коробки, уж не помню с чем. Ребята работали молча, руки их мелькали все быстрее. Надо было управиться до шести: в этот час немцы, как по расписанию, начинали дневные налеты, и лодке, если она еще не готова к обратному рейсу, надлежало погрузиться и пролежать до вечера на дне. бухты.

Днем севастопольские улицы, еще недавно оживленные, пустеют. Только дежурят дружинники МПВО на крышах, стоят, как всегда, на своих постах регулировщики, проносятся на

повышенной скорости военные машины. В центре бросаются в глаза новые разрушения. Крупные бомбы попали в великолепное здание института имени Сеченова, в железнодорожный вокзал…

Мы испытывали потребность еще и еще раз проверить, как подготовились в частях к отпору врагу, побывать на командных пунктах полков, поговорить с людьми на переднем крае.

В 386-ю стрелковую дивизию полковника Скутельника поехали однажды втроем командарм, член Военного совета Чухнов и я. За эту дивизию, малообстрелянную, все еще было неспокойно. Дивизия вместе с бригадой Жидилова прикрывала левый фланг очень ответственного ялтинского направления. Оно не стало главным в декабре, могло не стать им и в июне, однако сам рельеф местности всегда заставлял считать вероятной попытку прорыва танков к Сапун-горе.

После того как около месяца назад в 386-й стрелковой- в связи с обнаружившимися недостатками в организации обороны — было проведено выездное заседание Военного совета, здесь много сделали для укрепления своих рубежей. Пришли сюда и новые люди. Военкомом стал прибывший с Большой земли энергичный и решительный старший батальонный комиссар Р. И. Володченков, начальником политотдела — батальонный комиссар М. С. Гукасян, переведенный из 95-й дивизии. Начартом назначили майора П. И. Полякова, одного из наших лучших командиров артиллерийских полков.

В самые последние дни путем местной перегруппировки была изыскана возможность занять одним стрелковым полком запасный рубеж между Кадыковкой и памятником Балаклавскому сражению 1854 года (тогда тут подверглись разгрому привезенные из-за моря отборные части английской кавалерии и, между прочим, погиб один из предков Уинстона Черчилля). Занятие этого рубежа придавало обороне у Ялтинского шоссе большую устойчивость.

Общее впечатление о дивизии Скутельника складывалось неплохое. Особенно радовало приподнятое настроение людей. Чувствовалось, они и внутренне подготовлены к решительным боям, рвутся бить врага. Командиры рассказывали: трудно удержать бойцов от открытия ружейно-пулеметного огня по фашистским самолетам, пролетающим над окопами бомбить тылы и город. В отдельных случаях самолеты даже удавалось этим огнем сбивать, и тогда по траншеям прокатывалось "ура"…

Кончился наш выезд в 386-ю дивизию тем, что уже в ее. тыловом районе, идя от КП комдива к своим укрытым машинам, мы попали под сильный огневой налет. Выручили оказавшиеся невдалеке окопчики. Когда, отдышавшись, от души посмеялись,

вспоминая, как к этим окопчикам бежали, генерал Петров сказал:

— Смех смехом, товарищи, а все же ездить вот так, скопом, без особой нужды больше не будем. Не та обстановка.

Но вдвоем с Чухновым Иван Ефимович выезжать в войска продолжал. Обоих тянуло вновь и вновь на те участки обороны, где следовало ожидать сильного вражеского натиска. И как всегда, любая проверка боевой готовности означала для Петрова прежде всего общение с людьми на переднем крае.

Во время работы над этой книгой генерал в отставке Иван Андреевич Ласкин, бывший комдив 172-й стрелковой, напомнил мне, как уже после дивизионного красноармейского собрания и отчетов его делегатов в подразделениях командарм передал по телефону, что хочет отдельно поговорить с младшими командирами. Они собрались в каком-то неприметном сарае. Петров и Чухнов приехали вместе и долго беседовали с сержантами об обстановке, о предстоящих боях.

Живо представляю, каким был этот разговор. Иван Ефимович любил начинать свои беседы с бойцами, например, так: "Кто воюет с начала обороны Севастополя? Кто отбивал декабрьский штурм?" Ветераны вставали или поднимали руку. Командарм спрашивал одного, другого о чем-нибудь наверняка им памятном или сам вспоминал какой-то известный этим старожилам части эпизод. И через них, самых бывалых, быстро устанавливал со всеми своими слушателями тот особый духовный контакт, который нужен, чтобы попять настроение людей и повлиять на него, поговорить откровенно и прямо о том, что ждет их завтра.

Дивизия Ласкина держала оборону на Бельбеке, прикрывая станцию Мекензиевы Горы, где противник пытался прорваться к Северной бухте в прошлый раз. Пополненная, доведенная наконец до трех стрелковых полков, дивизия насчитывала вместе с тылами около шести тысяч человек. И почти каждый четвертый был коммунистом.

Это соединение славилось своей сплоченностью, боевой спайкой, в чем как бы задавала тон известная всем дружба комдива Ласкина и комиссара Солонцова. Они по-прежнему любили ходить по полкам и батальонам вместе, решая все существенное сообща.

А в один из этих майских дней с ними случилось вот что. Обходя свою полосу обороны, Ласкин и Солонцов присели отдохнуть на краю воронки от крупной авиабомбы друг против друга. Старая воронка считается местом надежным: другая бомба попадает в ту же точку чрезвычайно редко. Но тут это произошло: бомба, сброшенная с большой высоты, упала прямо в воронку между командиром и комиссаром, зарылась в песчаный грунт и…

не взорвалась.

Пресекая действия неприятельских рекогносцировщиков и вылазки разведывательных групп, мы, естественно, сами старались поточнее выяснить, как расставляет противник стягиваемые к Севастополю силы. С теми штадивами, чьи разведчики долго не могли добыть очередного "языка", теперь приходилось разговаривать построже.

Подполковник Потапов докладывал новые разведданные несколько раз в течение дня.

Вернувшуюся из-под Керчи 132-ю пехотную дивизию, участвовавшую в декабрьском штурме, Манштейн опять поставил на наше северное направление. Там же находились его 22, 24 и 50-я дивизии. А с юга и юго-востока от Севастополя кроме 72-й пехотной, остававшейся там все время, появились 170-я в полном составе и новая для нас 28-я легкая пехотная, переброшенная в Крым из Франции. Все это- немецкие дивизии. На участках же, где следовало ожидать преимущественно сковывающих действий противника, развертывался румынский корпус — 18-я пехотная дивизия, 1-я горнострелковая и другие части.

Недостаточно полными были пока сведения о том, сколько у врага артиллерии (ее оказалось больше, чем предполагалось). За последние недели явно прибавилось в Крыму немецкой авиации, особенно бомбардировщиков. Несколько позже было установлено, что армии Манштейна придан авиационный корпус Рихтгофена. Он насчитывал 600–700 самолетов и использовался гитлеровским командованием всегда на важнейших направлениях фронта.

Конечно, мы не только подсчитывали накапливавшиеся перед нашим плацдармом силы.

Штурмовики и бомбардировщики севастопольской авиагруппы, как ни мало их было и как ни усложнились, начиная с самого взлета, условия их действий, наносили удары по ближайшим аэродромам противника, по его войскам на марше. Немцы имели более чем достаточно самолетов, чтобы перехватывать наши, но обманывать врага помогал, в частности, такой прием. Поднявшись в воздух, Пе-2 или "илы" сразу уходили в сторону моря, набирали вдали от берега высоту, а затем неожиданно появлялись над точно намеченными целями и, атаковав их, на бреющем возвращались к Севастополю… Ночами прилетали бомбардировщики с Кавказа. Им во избежание ошибок давались цели дальше от переднего края.

Била по разведанным целям и наша артиллерия. В одну из ночей, когда два дивизиона богдановцев и береговые батареи наносили удар по скоплению немецких войск у Дуванкоя, район обстрела осветили (это было применено под Севастополем

впервые) включенные внезапно для гитлеровцев прожекторы. 1 июня Николай Кирьякович Рыжи руководил сильным огневым налетом, охватившим одновременно многие участки фронта.

Однако расходовать боеприпасы приходилось сверхосмотрительно. По опыту декабря мы знали, как много снарядов потребуется при отражении самого штурма. А будет ли регулярным, достаточным подвоз?

Неизвестным оставалось еще и то, когда штурм начнется. "Языки" называли разные сроки, некоторые уже прошли. Получить вполне достоверные данные долго не удавалось.

На рассвете 2 июня вражеская артиллерия открыла массированный огонь почти по всему фронту обороны. Доклады об этом поступали из дивизий один за другим. Кто-то из докладывавших добавил:

— Такого огня еще не бывало!..

А с КП ПВО предупредили: приближаются большие группы немецких самолетов, общее число — до двухсот.

Уже накануне воздушные налеты усилились по сравнению с предшествовавшими днями: за сутки над городом появлялось до ста самолетов. Теперь шло сразу вдвое больше.

Позвонил начальник штаба СОР капитан 1 ранга А. Г. Васильев. На флагманском командном пункте считали возможной высадку парашютного десанта и требовали немедленно принимать предусмотренные на такой случай меры.

Десант не десант (предположение о нем быстро отпало), но на непосредственную подготовку общей атаки действия противника были похожи. Тем более что интенсивнее всего обстреливались четвертый и третий секторы и их стык — наиболее вероятное направление главного удара.

Но за сильнейшим огневым налетом, длившимся тридцать минут, атак не последовало. Только на отдельных участках небольшие группы немецкой пехоты предприняли разведку боем. Артподготовка, оказывается, была еще предварительной…

Из более подробных донесений, поступивших вслед за краткими первыми, явствовало: артиллерия била прежде всего по командным и наблюдательным пунктам соединений и частей, по нашим батареям. Вернее сказать-по тем пристрелянным противником местам, где они находились еще несколько дней назад. Вовремя перенесли мы почти все КП и НП и передвинули полевые батареи на запасные позиции!

А фашистские самолеты бомбили — не только утром, но и в течение всего дня — и боевые порядки войск, и город.

Наши истребители и зенитчики сражались самоотверженно, сбили четырнадцать бомбардировщиков. Но рассеять, отогнать

всю навалившуюся воздушную армаду они, конечно, не могли. И если рубежи обороны пострадали от бомбежки мало, а потери в людях на переднем крае исчислялись единицами, то в городе разрушения были значительными.

По подсчетам наблюдателей МПВО — скорее неполным, чем преувеличенным, — на жилые кварталы и порт упало 2 июня свыше трех тысяч фугасных бомб. Зажигательные никто не считал. Я несколько раз выходил из штольни на пригорок, откуда еще недавно открывалась величественная панорама Севастополя, и смотрел на него, стиснув зубы от боли и злости.

Город горел. Не отдельные здания или кварталы, а весь город… Так, во всяком случае, выглядело это со стороны. В безветрии июньского дня, заслоняя все, вздымались к небу зловещие клубы густого дыма. Бомбы перебили в разных местах водопровод, и пожары стало нечем тушить. Команды МПВО едва справлялись с расчисткой завалов на важнейших транспортных магистралях.

Но в первую очередь из городского комитета обороны сообщали о другом. О том, что спецкомбинаты в штольнях продолжают работать на полный ход и отправят, как обычно, продукцию фронту, а СевГРЭС бесперебойно дает энергию. О том, что боевые дружины севастопольцев готовы выполнять приказы армейского командования и, если потребуется, влиться в войска.

На следующий день все повторилось: и очень сильные огневые налеты артиллерии по фронту обороны, за которыми не следовало, однако, атак пехоты и танков, и яростная, теперь уже почти круглосуточная бомбежка наших рубежей и города.

Продолжалось это и 4 июня, и 5-го, и 6-го…

Мы не знали, что по плану операции "Штёрфанг" ("Лов осетра" — так закодировало гитлеровское командование июньское наступление на Севастополь) на артиллерийскую подготовку отведено пять дней, а на авиационную, которая началась, постепенно усиливаясь, еще 20 мая, больше двух недель. Ясно было одно: после провала прошлых наступлений противник стремится обеспечить себе успех небывалой еще обработкой огнем всего нашего плацдарма.

Потом Манштейн счел нужным отметить в своих мемуарах, что в июне 1942 года под Севастополем было достигнуто такое массирование артиллерии, какое не достигалось немцами больше нигде за всю вторую мировую войну. Верно ли это, судить не берусь. Но два немецких корпуса и румынский, стоявшие перед 36-километровым фронтом нашей обороны, имели (пользуясь данными из штабных документов противника, ставших доступными в свое время) 181 артиллерийскую батарею — более

1300 орудий. А сверх того еще три дивизиона самоходок и несколько сот крупнокалиберных минометов. Причем недостатка в снарядах и минах Манштейн явно не испытывал.

Половину стянутых к Севастополю батарей — 93 из 181-составляли тяжелые. Были и сверхтяжелые, осадные. До июня мы знали о гаубицах и мортирах калибра 305, 350, 420 миллиметров, уже обнаруживших себя. Но теперь враг ввел в действие и более крупный калибр.

Случайно мне довелось самому это наблюдать. Выйдя под вечер наверх и не успев еще осмотреться, я услышал, как в стороне пролетело что-то непонятное: размеренный клокочущий звук походил скорее на скрежет трамвайного вагона, чем на полет тяжелого снаряда.

Лишь когда звук повторился, я понял — это снаряд, но необычайно большой. Показалось даже, что на мгновение я его увидел. Упал он далеко. Разрыв его слился с гулом других.

Я быстро вернулся в штольню. Оперативный дежурный; доложил: как сообщили с КП генерала Моргунова, 30-я береговая батарея обстреливается громадными снарядами, до сих пор не применявшимися противником; прямым попаданием поврежден верх орудийной башни.

Вскоре мы узнали, что один из упавших, снарядов не разорвался. "Длина два метра сорок, калибр шестьсот пятнадцать миллиметров…" — передали с батареи. Цифры выглядели фантастическими. О двадцатичетырехдюймовых орудиях никто из нас еще не слышал. Майор Харлашкин вызвался съездить на Тридцатую, чтобы сфотографировать и еще раз обмерить снаряд. Через час он доложил по телефону: "Все точно, калибр шестьсот пятнадцать".

Когда мы послали донесение об этом в Москву и в штаб фронта, помню, радиограмму требовали повторить: вероятно, указанная в ней цифра вызывала сомнения.

Наши артиллеристы определили, что 615-миллиметровыми снарядами стреляет мортира (как стало известно впоследствии-экспериментальная, именовавшаяся "Карл"), По-видимому, немцы имели в Крыму всего два таких орудия и, возможно, доставили их под Севастополь для испытания в боевой обстановке, а также ради психологического эффекта, которому придавали большое значение.

Мортиры открывали огонь нечасто: очевидно, их стволы могли выдержать весьма ограниченное количество выстрелов. Начальная скорость снаряда была невелика, потому и удавалось иногда разглядеть его в полете. Довольно много снарядов не взрывалось. После войны мне рассказывали, как в Севастополе

разоружали 615-миллиметровый снаряд, пролежавший в земле до 50-х годов.

Засечь позиции сверхмощных орудий оказалось не просто (мортиры способны бить, например, из-за отвесной скалы), быстро выяснить, где они стоят, не удалось. А через день-два обстановка была уже такая, что сделать это стало еще сложнее. Да и не имело большого практического значения: пара запрятанных где-то мортир не играла существенной роли в развернувшихся событиях.

Некоторые наши товарищи предполагали, что у противника, возможно, есть орудие даже большей мощности, чем двадцатичетырехдюймовые мортиры. Основывалось это кроме противоречивых показаний отдельных пленных на обнаружении очень крупных, весом в 50–60 килограммов, осколков, которые как будто не соответствовали известным типам немецких снарядов.

Но, признаться, и после опубликования мемуаров Манштейна, утверждавшего, что в его распоряжение поступила пресловутая "Дора" — уникальная 800-миллиметровая пушка, созданная на заводах Крупна для разрушения долговременных укреплений линии Мажино, штурмовать которые немцам не пришлось, — я не уверился в том, что она действительно побывала под Севастополем.

Все же было бы трудно, даже если одновременно ведут огонь сотни других орудий, не заметить действия пушки, стреляющей гигантскими снарядами. Как трудно остаться необнаруженной и ей самой, если для перевозки этой громадины в разобранном виде требовался целый состав, а потом ее надо было где-то собирать, прокладывать для нее железнодорожную ветку, обслуживать специальным энергопоездом… Кстати, ни в одном из известных мне официальных документов немецкого командования, как и на немецких штабных картах, оказавшихся потом в наших руках, никаких указаний на нахождение "Доры" в Крыму нет.

Не упоминает об этом в своих дневниках и педантичный Гальдер, не преминувший зафиксировать (3 марта 1942 года) распоряжение об отправке в район Севастополя мортир "Карл". О "Доре" у Гальдера есть лишь запись конца сорок первого года — основные данные пушки и заключение: "Настоящее произведение искусства, однако бесполезное". Это суждение начальника германского генштаба невольно вспоминается, когда задумываешься, имело ли смысл тащить невероятно громоздкую артиллерийскую установку под Севастополь, где и укреплений вроде линии Мажино не было.

Но суть не в том, участвовала ли "Дора" в подготовке июньского штурма. Одна пушка, пусть даже такая, тут погоды не делала. Суть в том, что вся эта многодневная подготовка: и артиллерийская — сотнями тяжелых орудий, и авиационная — сотнями бомбардировщиков — не дала тех результатов, на которые враг рассчитывал.

В ночь на 6 июня командование Севастопольского оборонительного района доносило в Краснодар и Москву:

"В течение четырех суток противник продолжал непрерывно наносить удары авиацией, артиллерией по боевым порядкам войск, городу. За это время, по неполным данным, противник произвел 2377 налетов, сбросив до 16 тысяч бомб, и выпустил не менее 38 тысяч снарядов, главным образом 150-, 210-мм калибров и выше. Всего за четыре дня всеми средствами уничтожено 80 самолетов противника… Боевая техника, матчасть, войска СОР понесли незначительные потери. Незначительные потери объясняются хорошим укрытием…"

Ссылаюсь на это донесение не ради приводимых в нем цифр, которые тогда еще не успели уточнить, проверить. Неприятельских самолетов было сбито меньше, а бомб и снарядов сброшено и выпущено значительно больше. Пока донесение составлялось и передавалось, продолжались бомбежки и огневые налеты, так что любой итог быстро устаревал. Но наши потери — в людях, в оружии, в технике оставались небольшими.

Когда отгремел первый из этих предштурмовых дней, из штаба Чапаевской дивизии докладывали:

— У Матусевича убито трое, ранено двое, у Антипина — трое ранено…

В двух стрелковых полках на передовом рубеже выбыло из строя меньше десяти бойцов. Даже в оборонное затишье суточные потери иногда бывали больше.

А в другой день третий сектор в целом потерял восемь человек убитыми и семь ранеными, причем все убитые — в одном взводе: прямое попадание авиабомбы в блиндаж.

Из штарма переспрашивали: "Точно ли? Полные ли сведения?" Требовали проверить. И получали подтверждения: все точно. Затем поступала не расходящаяся с данными штадивов рапортичка начсанарма.

В течение 4 июня, когда на рубежах обороны и в войсковых тылах разорвалось 8–9 тысяч снарядов и крупнокалиберных мин, не менее 1200 авиабомб, все медсанбаты приняли 178 раненых, а 5-го — 265, причем значительная часть-из тылового района.

Помню, начальник политотдела армии Леонид Порфирьевич Бочаров, просматривая сводки, сказал, что такие цифры потерь

превращаются сейчас в агитационный материал, в убедительное свидетельство того, как надежно защищены от ударов противника наши люди, как крепок фронт обороны. Ко второму утру вражеской артподготовки в войска доставили листовку поарма, построенную на фактах вчерашнего дня. Выводом из них был заголовок — "Наша оборона несокрушима!"

Севастопольские рубежи, укрепленные самоотверженным солдатским трудом, держали суровое испытание. Держали и выдерживали.

Горел город… Инженерные подразделения и стройбаты восстанавливали разбитые бомбами дороги. С некоторыми дивизиями прерывалась проводная связь, и мы переключались на радио. Но глубокие траншеи и закрытые ходы сообщения передового рубежа имели очень немного повреждений: как правило, только от прямых попаданий. Ничего похожего на декабрь, когда сильная артподготовка, случалось, кое-где сравнивала мелкие окопы с землей… Крепкие блиндажи и "лисьи норы" — специальные убежища, защищенные несколькими метрами грунта, берегли бойцов.

Совсем немного — при такой интенсивности вражеского огня — теряли мы боевой техники. За 4 июня на всем фронте оказались разбитыми три миномета, два пулемета. Со 2 июня были повреждены отдельные орудия только на трех полевых батареях. Полсотни "юнкерсов" пикировали на флотскую батарею № 14 и вывели из строя одно тяжелое орудие. Расчет его погиб, но пушку отремонтировали за сутки.

В мае тыловики рассредоточили по всей территории плацдарма наличные запасы снарядов и продовольствия, оборудовав до трех десятков новых замаскированных складов в штольнях, убежищах, специальных траншеях. И лишь одно ив этих хранилищ пострадало от попадания крупной бомбы.

Противник особенно стремился дезорганизовать нашу систему боевого управления, однако не смог за все эти дай вывести из строя ни один дивизионный, бригадный или полковой командный пункт. Нового их расположения он явно еще не раскрыл.

А Чапаевская дивизия управлялась с прежнего КП под выступом скалы в Мартыновском овраге. Генерал Коломиец убедил нас с командармом, что переносить его КП нецелесообразно: артиллерией это место не простреливается, авиацию же должна обмануть прикрывавшая скалу маскировочная сеть. Дело в том, что невдалеке нависла над оврагом другая скала, примерно такой же величины и формы. Расчет Трофима Калиновича оправдался: на ту скалу и

обрушились бомбовые удары.

И все же одна крупная бомба упала, по-видимому случайно, у замаскированной скалы. Осколками были ранены стоявшие рядом военком дивизии Н. И. Расников и начальник штадива П. Г. Неустроев. И оба — серьезно, так что подлежали эвакуации на Большую землю.

Полковой комиссар Расников прибыл в Севастополь недавно, но успел сработаться со своеобразным по характеру Коломийцем и много вместе с ним сделал, чтобы достойно подготовить дивизию к новым боям. А Парфентий Григорьевич Неустроев возглавлял штадив с первых дней обороны, великолепно знал сложный по рельефу третий сектор, был одним из опытнейших в нашей армии штабистов.

Расникова заменил начальник политотдела дивизии батальонный комиссар А. С. Блохин, Неустроева — начопер штаба майор С. А. Ганиев.

Единственное, что врагу перед штурмом вполне удалось, — это разрушить город.

Севастополя — такого, каким мы привыкли его видеть и представлять, каким он, оставался после двух прошлых штурмов и семи месяцев осады, теперь не стало. Он превратился в руины. Особенно пострадали центральные улицы, обращенные к морю, самые красивые. Одни здания рухнули, на месте других стояли обгорелые каменные коробки. Лишь на окраинах, застроенных небольшими домиками, были еще не тронутые бомбами кварталы. Словно чудом сохранились зеленые массивы Приморского и Исторического бульваров, но они выглядели, как прежде, конечно, только издали. Деревья покорежило осколками, опалило огнем.

Из городского комитета обороны сообщали: с конца мая по 5 июня в Севастополе разрушено свыше четырех тысяч шестисот зданий и три тысячи повреждено…

"Жизнь города парализована". Такие слова есть в наших документах тех дней — в донесениях, в журнале боевых действий. Там, где нет места подробностям, как иначе сказать о положении в городе, если в нем замерло движение на улицах, не поступает вода в уцелевшие дома и колонки, остановился хлебозавод?

Однако просто повторить здесь эти слова я не могу. Да, Севастополь был разрушен и продолжал разрушаться бессмысленно и безжалостно. После воздушной тревоги, которую возвестили сирены утром 2 июня, штаб МПВО так и не дал отбоя ни в тот день, ни на следующий. Бомбардировщики Рихтгофена налетали группа за группой, не делая длительных пауз даже ночью. В городе стало тяжелее, чем на многих участках

передового рубежа, где бойцы могли пока находиться в укрытиях. И было больше, чем на переднем крае, потерь: за несколько дней — почти восемьсот убитых… Полевые госпитали, расположенные в городской черте, заполнялись ранеными из гражданского населения. В подвале 1-й Совбольницы, в центре Севастополя, Соколовский развернул крупную операционную, в подземном кинотеатре на улице Карла Маркса — перевязочный пункт.

Но, разрушая каменные стены, враг не в состоянии был подавить дух людей, сломить боевую организованность севастопольцев, их решимость бороться.

Водопровод, магистрали которого оказались перебитыми 2 июня в пятнадцати местах, был ночью восстановлен. Через несколько часов снова выведен из строя и опять восстановлен. И так еще не раз. Пытались отремонтировать и сильно поврежденные печи хлебозавода, а тем временем заработала запасная механизированная пекарня, оборудованная в Инкерманских штольнях. Рухнули стены остававшегося на поверхности заводика "Молот" (там делали минометы, детали гранат), но станки уцелели, и их за одну ночь перенесли в Троицкую балку, на спецкомбинат. Туда же перешли рабочие.

А рыбаки с Северной стороны — "стариковская бригада" Котко и Евтушенко, о которой я рассказывал, — продолжали, держась под берегом, добывать для горожан и для бойцов свежую рыбу. Закидывать сети им почти не приходилось: подбирали камбалу, оглушенную упавшими на рейде бомбами. Другая, балаклавская артель уже не рыбачила, она влилась в один из оборонявшихся на этом участке батальонов.

Городская телефонная сеть не действовала. Комитет обороны сообщался с КП трех районов, с предприятиями, службами, убежищами через связных. Потом Борис Алексеевич Борисов рассказывал: если надо передать что-то очень важное, посылали двоих-троих, и они пробирались по городу, не теряя друг друга из виду, но так, чтобы не попасть под разрыв одной бомбы или снаряда.

Несмотря ни на что, разносили по убежищам прибывавшую с Большой земли почту. Доставлялась и городская газета "Маяк Коммуны". Типография ее была разрушена, газета перешла на формат чуть больше листка школьной тетради. Но вмещала кроме сообщений Совинформбюро и местной сводки "На подступах к Севастополю" также городские новости. В том числе такие: "Женщины бомбоубежища № 2 вчера сдали Н-ской части 2500 штук выстиранного белья, приняли в ремонт и стирку 3500 комплектов…"

Фронтовые хозяйки были на посту, и их материнская забота

стала во сто крат дороже бойцам. Ведь они знали, что творится в городе.

Из разрушенного Севастополя фронт получал очередные партии гранат и мин, новенькие минометы, свежий хлеб, белье, выстиранное в подвалах, когда там удавалось запастись водой.

А с фашистских самолетов сыпались на наши позиции вместе с бомбами бесчисленные листовки. В них говорилось, что Севастополь "снесен с лица земли", что он "пуст и мертв" и "защищать там больше некого".

Не знаю, в ответ ли на эти немецкие листовки, падавшие и в городе, или просто от желания порадовать фронтовиков перед боями, было сделано то, о чем рассказал приехавший на КП из войск член Военного совета Иван Филиппович Чухнов:

— В бригаде Горпищенко всё, как вчера, потерь почти нет. Только все оглушенные, охрипшие: часто грохочет кругом так, что едва слышат друг друга. А в блиндажах стоят в орудийных гильзах роскошные розы. Потрогал, понюхалнастоящие. Говорят, прямо с Приморского бульвара! Оказывается, городские комсомолки решили срезать, пока целы, и послать бойцам. У Горпищенко связь с городом — как ни у кого, вот ему и привезли ночью с боеприпасами… О таком вообще-то стихи писать надо, товарищи!

У дивизионного комиссара Чухнова была в душе поэтическая струнка. Она давала о себе знать и в самой трудной обстановке.

…Все эти дни порт, как ни бомбили его немцы, принимал корабли с Кавказа. Но не каждый, вышедший оттуда, дошел до Севастополя: одновременно с массированными ударами по нашему плацдарму враг усилил блокаду на море. Не дойдя совсем немного, погиб от атаки торпедоносцев танкер "Громов". Он вез авиационный бензин.

С боем прорвались к нам крейсер "Красный Крым", лидер "Ташкент", три эсминца. Высадили маршевое пополнение, выгрузили снаряды, еще одну партию противотанковых ружей, продовольствие.

Разгрузка — в стремительном темпе: стоянка сокращена до полутора-двух часов, для этого выбиралось самое темное время ночи. Чтобы не было никаких задержек, эвакуаторы нашего санотдела заранее доставляли в укрытия вблизи причалов подлежащих отправке раненых, а городские эвакуаторы (их возглавлял секретарь горкома комсомола Александр Багрий, или просто Саша Багрий, как его все называют) — женщин и детей.

Только крейсер принял на борт почти две тысячи человек. Лишь бы благополучно дошел!

Считаем наиболее вероятным, что Манштейн начнет

наступление 6-го или 7-го. Так ориентирует нас и командование СОР, исходя из данных, которыми располагает разведотдел флота. "Языки" — недостатка в них теперь нет, так как немцы каждый день затевают где-нибудь разведку боем, — все чаще называют 7-е, однако это еще нуждается в подтверждении.

В принципе заранее решено упредить окончательную артиллерийскую подготовку противника — ту, что будет непосредственно предшествовать атакам, своей контрподготовкой, подобно тому как это удалось сделать полгода назад, 31 декабря. Но нельзя позволить врагу спровоцировать нас на преждевременный мощный огневой налет: наши ресурсы боеприпасов не позволили бы его повторить. Нельзя, однако, и опоздать. Словом, приходится каждую ночь, взвешивая все, что известно, ломать голову над одним и тем же: "А не завтра ли?"

Неотступно стоит и второй вопрос: где все-таки будет главный удар? Повторится ли он с севера?

В конечном счете сходимся на том, что ожидать главного удара следует опять из района Бельбек, Камышлы на станцию Мекензиевы Горы и дальше к Северной бухте. Но направление Камары, Сапун-гора с Ялтинским шоссе в центре также требует неослабного внимания, ибо может сделаться главным в зависимости от обстановки.

В соответствии с этим передовой армейский КП — в Сухарной балке. Там обосновалась оперативная группа штарма и наведывается готовый в любой момент туда перебраться командарм. Мое место на основном командном пункте.

Пока можно, выезжаю накоротке в дивизии. В резервную 345-ю, к Николаю Олимпиевичу Гузю — убедиться, что правильно усвоены все указания, связанные с выдвижением к переднему краю, вероятно уже скорым. В остальные — больше затем, чтобы лишний раз удостовериться, что сумеем с комдивами, начальниками штабов, начоперами понимать ДРУГ друга с полуслова по проводу или через эфир, когда все начнется.

В войсках — та степень готовности, когда все до мелочей проверено уже не раз. Полки, батальоны подготовлены и к тому, что враг может вклиниться, рассечь, окружить. Рассредоточены запасы патронов, гранат, а также пищи, воды. Продуманы, проработаны всякие резервные варианты действий.

Беспокоит, не слишком ли изматываются люди, еще не вступив в бой. На армейском КП я начал на вторые сутки ожидания штурма отправлять кое-кого спать в приказном порядке. Но у нас в штольне все-таки тихо, а на переднем крае можно оглохнуть от адского грохота разрывов. Командиры, однако, уверяют: уже и новички засыпают под этот тарарам.

6-го штурм не начался. Значит — завтра. С этим мы и жили весь день, убеждаясь все больше, что так оно и будет, поскольку данных о других сроках не поступало.

В городе вдруг стало потише. После полудня штаб МПВО сообщил: "Пока меньше четырехсот фугасных, считая и сотню ночных". Наползающие облака осадили, прижали к земле и бухтам дым недогоревших пожаров.

А удары по фронту усиливаются. Сверхтяжелые бьют по позициям береговых батарей. По оценке сдержанного генерала Новикова, огонь по его переднему краю ураганный. Во второй половине дня к правому флангу обороны волна за волной идут бомбардировщики. За Северной бухтой бомбят тоже, но не так.

— Нет., это уже подвох, — вслух размышляет Иван Ефимович. — Хотят, чтобы мы в последний момент стали перестраиваться. Не выйдет!..

Подвоху не верим. Дивизия Гузя остается на прежнем месте — с расчетом на выдвижение к северу. Но на всякий случай прикидываем, как повернуть ее, если понадобится, на юг.

Все, что происходит до вечера, и особенно с наступлением темноты, подтверждает: до штурма считанные часы. Перед фронтом обороны, особенно на участках Ласкина в Потапова, отмечается выдвижение вражеской пехоты в передовые траншеи.

Тем временем благополучно прибывает с Кавказа по воздуху небольшое подкрепление нашей авиагруппе — десять "яков", шесть И-16, один "ил". На подходах к севастопольским фарватерам — транспорт "Грузия" с маршевиками, боеприпасами и даже бензином. Опасный рейс!..

На исходе суток ко мне является без вызова подполковник Потапов. По лицу Василия Семеновича можно понять, что с чем-то важным.

— Взят "язык". Подтверждает, что штурм завтра утром. Подробности смогу доложить через несколько минут. Мои ребята принимают сейчас по телефону…

Пленный, захваченный разведчиками, оказался артиллерийским наблюдателем. Он сообщил, что о переходе в наступление утром 7-го объявлено официально. Но точного часа атаки и артподготовки, по его словам, не знал.

На коротком совещании у командарма было решено: контрподготовку начнем в 2.55. Она оправдается, если даже противник намерен начать в 3.00.

* * *

Сильная, крепкая рука легла мне на плечо, отрывая от тяжелого раздумья над рабочей картой.

— Пойдем, Николай Иванович, на волю, покурим. Ты спал

сегодня хоть сколько-нибудь? Пойдем, голова свежее станет.

Это Иван Филиппович Чухнов. Я и не заметил, как он вошел.

Оказывается, уже совсем стемнело. Часы у меня постоянно перед глазами, но, когда засидишься в штольне, время воспринимается как-то отвлеченно.

Заканчивалось 8 июня. Командарм и Чухнов недавно, вернулись с вечернего совещания на флагманском командном пункте СОР — докладывали о втором дне боев. Отдав распоряжения, генерал Петров уехал в войска. Оттуда — на передовой КП. А член Военного совета сейчас поедет в другие дивизии.

Мы стоим на пригорке над штольней и молчим. В городе все еще что-то горит. Над фронтом, за Северной бухтой, расплывчатое зарево от орудийных выстрелов и разрывов снарядов: с обеих сторон ведется методический огонь. Слышно, как от мыса Херсонес прошли на небольшой высоте к переднему краю наши самолеты — одна группа, другая…

Глядя на отсветы приутихшего к ночи боя, я продолжаю видеть перед собой оставленную на столе карту. Там обозначился на северном направлении пока еще неширокий, но опасный вражеский клин.

— Опять станция Мекензиевы Горы… — говорю я, забыв, что Чухнова не было с нами в декабре, когда это ничем не примечательное место — низинка с поселком у железнодорожного туннеля и невысокими холмами вокруг — уже становилось самым тревожным участком.

Но Ивану Филипповичу давно известно то, что происходило под Севастополем без него.

— Да, опять жарче всего там, — откликается он. — Как у Малахова кургана в первую оборону…

К станции Мекензиевы Горы, на рубеж, памятный ветеранам по декабрю, снова выдвигается 345-я дивизия Гузя — основной армейский резерв. Завтра она вступит там в бой.

Но этого может оказаться недостаточно, чтобы восстановить положение, ликвидировать клин. А перебросить туда 9-ю бригаду морпехоты, которая пока прикрывает береговую черту, вице-адмирал Октябрьский не разрешил: опасается десанта.

— Эх, я бы все-таки рискнул снять морскую бригаду с побережья! вырывается у Чухнова. Чувствуется, он все еще переживает совещание на флагманском КП, где поднимался, как я знаю, этот вопрос. И выходит, мы думали сейчас об одном и том же. Однако вдаваться в это не время, и Иван Филиппович решительно заканчивает наш недолгий разговор: — Ну, перекур окончен? Тогда пошли, пора!

…Первые двое суток июньского сражения за Севастополь были так насыщены событиями, вместили столько грозного и героического, что обо всем мне, конечно, не рассказать. Возвращаясь к утру 7-го (понимаю, что читатель этого ждет), постараюсь дать представление хотя бы о главном.

С артиллерийской контрподготовкой мы не просчитались. Немцы действительно назначили свою на три ноль-ноль, и наш удар, начатый на пять минут раньше, сказался сразу же: огонь противника сперва был каким-то беспорядочным, местами просто слабым.

Наша контрподготовка длилась двадцать минут. Большего расхода снарядов мы не могли себе позволить и потому не рассчитывали подавить особенно много неприятельских батарей. Однако некоторые молчали — на какое-то время, как видно, нарушилось управление огнем.

Только к четырем утра вражеская артподготовка набрала силу. К ней прибавилась яростная бомбежка с воздуха. Над рубежами обороны кружило одновременно по двести и более самолетов, на смену отбомбившимся прилетали новые. "Передний край не просматривается из-за дыма и пыли", — докладывали с дивизионных НП. Наступивший рассвет угас, черный дым заслонил взошедшее солнце.

В такой обстановке враг двинул в атаку пехоту и танки. Там, где можно было это разглядеть, увидели цепи фашистских солдат, поднявшихся во весь рост. После той обработки, какой подверглись наши позиции в этот день и за пять предшествовавших, гитлеровцы, должно быть, считали, что если там и остался кто живой, то серьезного сопротивления быть уже не может.

"Пехота противника при поддержке танков и большого количества авиации перешла в наступление по всему фронту обороны…" Так зафиксировали штабные документы начало штурма по первым донесениям из войск. Но атаки атакам рознь. Прошло еще некоторое время, пока окончательно определилось, где главная опасность, главный удар.

Он, как и ожидалось, наносился за Северной бухтой, от Бельбека и Камышлы. Наступление там началось позже, чем на других направлениях, и это надо отнести за счет нашей контрподготовки: из показаний пленных выяснилось, что в первом эшелоне противнику пришлось заменить до шести батальонов, понесших большие потери еще на исходном рубеже. Однако задержался лишь первый натиск врага. Затем на пятикилометровом участке фронта вступили в бой части трех немецких пехотных дивизий и около ста танков. Удар этого

кулака, предназначенный пробить в нашей обороне брешь, проложить армии Манштейна дорогу к Северной бухте, приняли на себя дивизия Ласкина и бригада Потапова.

Позиции 172-й стрелковой дивизии, как и 79-й бригады, и подступы к ним были укреплены всеми имевшимися в нашем распоряжении инженерными средствами. Расчетливо использовались естественные рубежи — обрыв Бельбекской долины и Камышловский овраг с его отрогами. Но система заграждений, в том числе минные поля и фугасы (хотя на них и подорвался не один танк), не могла остаться невредимой после стольких дней артиллерийской и авиационной подготовки штурма.

Словом, пройдет или не пройдет враг, решали сейчас не укрепления и заграждения, а люди.

Со 172-й дивизией нас связывало только радио. Многие детали обстановки становились известными не сразу. Подолгу оставалось невыясненным, насколько велики потери, в каком составе действуют полки, батальоны. В полках раций не было, а телефонные провода, даже проложенные по дну траншей, перебивались так часто и в стольких местах, что соединять их стало бесполезно. Боевое управление перешло на живую связь. Ласкин и сам — иначе он не мог — пробирался со своим адъютантом по разрушенным ходам сообщения то в один полк, то в другой. Уже после я узнал, как комдив, добравшись до наблюдательного пункта 747-го стрелкового, откопал заваленного там землей командира полка Шашло…

Помню, начальник поарма Бочаров зашел с только что принятым донесением комиссара 172-й Солонцова. Оно не содержало таких фактов, о которых еще не радировал штадив, но за каждой строкой (потому, наверное, и принес его мне Леонид Порфирьевич) так и чувствовалось: дивизия, несмотря ни на что, держится!

Извлеченное из архива донесение снова передо мной и по-прежнему дышит жаром боя:

"Личный состав геройски сражается с врагом… Вся долина Бельбека устлана трупами немецких солдат и офицеров… Только первый батальон 747 сп истребил около тысячи гитлеровцев…"

Это происходило уже после полудня 8-го. Потеряв со вчерашнего утра тысячи солдат и десятки танков, противник продолжал неистовые атаки. Ласкин влил в поредевшие стрелковые батальоны саперов, красноармейцев из тыловых служб и, наконец, последний свой резерв — курсантов дивизионной школы. Штабисты и политотдельцы дивизии заменили убитых и раненых командиров и политработников

подразделений.

Но под непрекращающимися бомбежками и огневыми налетами, в жестоких рукопашных схватках батальоны редели вновь. И там, где не оставалось уже никого, враг продвигался. Так была постепенно захвачена гитлеровцами первая траншея 172-й дивизии, а на некоторых участках и вторая.

Не все тогда видели за этим, что уже сорван расчет врага — натиском ударной группировки сокрушить за день-два нашу оборону на достаточно широком участке фронта перед Северной бухтой. Дорогой ценой, но сорван.

И полковник Ласкин, сделавший для этого все, что мог, не знал, как встретит его командующий армией, когда получил поздно вечером 8 июня приказание генерала Петрова явиться вместе с комиссаром Солонцовым в "домик Потапова".

Предоставлю, впрочем, тут слово самому Ивану Андреевичу Ласкину, передавшему мне страничку своих воспоминаний:

"Мы шли с беспокойством, так как надо было докладывать командарму о потерянных дивизией окопах… Войдя в маленький каменный домик, где тускло горела свеча, сперва не разглядели генерала Петрова, сидящего в группе командиров. А он узнал нас обоих сразу.

Командарм выслушал доклад об обстановке, уточнил, где и на сколько продвинулся противник, расспросил о потерях. Не кривя душой, мы смогли сказать, что ни один боец не оставил своего окопа без приказа.

Иван Ефимович глубоко вздохнул, как-то весь выпрямился и тихо произнес:

— Ведь мы думали, что из вашей дивизии уже никого в живых не осталось под таким огнем. А вы еще фронт держите. Вот это дивизия!

Он подошел ко мне, крепко обнял и расцеловал.

Выйдя из домика, мы с Солонцовым, гордые за пашу дивизию, от избытка чувств расцеловались сами…"

Ласкину было сообщено, что к переднему краю подтягивается этой ночью армейский резерв — 345-я дивизия Гузя. Но о том, что ей предстоит не поддержать 172-ю, а сменить, вопрос пока не вставал: потери последней не были еще полностью учтены.

А вражеский клин, о котором я упомянул выше, начал образовываться на левом фланге 79-й бригады, где ее потеснил — сначала только на несколько сот метров — полк немецкой пехоты с танками.

Потаповцы, ведя оба дня тяжелые бои (на ряде участков — не менее тяжелые, чем дивизия Ласкина, их левый сосед), в основном удерживали остальные свои позиции. Но восстановить

стык с 172-и дивизией сил не хватало, а Ласкин помочь им тоже не мог. Контратаки — в них участвовал и переброшенный сюда батальон Перекопского полка — результатов не дали. Тем временем осложнилось положение и на правом фланге потаповской бригады: противник начал вклиниваться между нею и чапаевцами.

Так обозначились на северном направлении первые успехи врага — не такие, какие он рассчитывал к этому времени иметь, но тем не менее представлявшие для нас серьезную опасность.

На остальном фронте обороны неприятельские атаки, предпринятые, правда, не столь большими силами, отражались успешно. Под Балаклавой и у Чоргуня роты гитлеровцев, пытавшиеся вклиниться в наши позиции, попали в окружение. Полк Рубцова, бригады Жидилова и Горпищенко имели пленных и трофеи.

* * *

Еще три дня, до 12 июня, положение на всем правом крыле передового рубежа — от балаклавских высот до центральной части обвода — оставалось стабильным. Все главное, решающее происходило за Северной бухтой. Не считаясь с потерями, немцы стремились расширить свои клинья, рассечь — фронт обороны глубоким прорывом.

Во второй половине дня 9-го командарм ввел в бой на направлении главного удара 345-ю дивизию Николая Олимпиевича Гузя. Ее стрелковыми полками командовали подполковники И. Ф. Мажуло и В. В. Бибиков, майор И. П. Оголь, артиллерийским — майор А. А. Мололкин.

Передо мною документ, подписанный начартом 345-й дивизии В. И. Мукининым. В нем уточняется лишь один эпизод боев, но это дает представление о том, с каким количеством вражеских бронированных машин встречались на своих участках даже небольшие подразделения.

9 июня, говорится в справке начарта, огневой взвод зендива под командой старшего лейтенанта Глущенко принял бой с двенадцатью танками. Зенитчики выдвигались на передний край в качестве противотанкового заслона и имели на вооружении также петеэры. По обстановке они применили в данном случае именно это оружие. Шесть танков взвод уничтожил, остальные не пропустил. Два подбил из ПТР лично командир взвода. Как свидетельствует начарт, потом тот же Николай Саввич Глущенко, комсомолец 22 лет, полтавчанин родом, вывел из строя еще три немецких танка.

А на соседнем участке уничтожили пять танков несколько бронебойщиков во главе с воентехником 1 ранга Анатолием

Рожко…

345-я стрелковая сменяла дивизию Ласкина. Стало ясно: то, что от нее осталось, необходимо отвести с передовой и переформировать. Но до середины дня 9-го героическая 172-я продолжала сдерживать натиск врага еще во всей первоначальной своей полосе обороны.

На левом фланге дивизии оборонялся 514-й стрелковый полк Ивана Филипповича Устинова. Я рассказывал, какой было радостью, когда этот командир, тяжело раненный в начале обороны, вернулся в Севастополь с Большой земли. Подполковник Устинов, скромный и твердый характером, беспредельно правдивый, о чем бы ни приходилось докладывать, прекрасный организатор ("Строевая душа!" говорил о нем комдив, и в устах Ласкина это означало едва ли не самую высокую похвалу), и военком батальонный комиссар Осман Асанович Караев, горячий, темпераментный, всегда готовый сам возглавить контратаку, отлично подготовили своих людей к жестоким июньским боям.

После того как дивизию Ласкина сменила 345-я, во всей 514-м полку оставалось в строю полтораста человек. Среди них не было ни Устинова, ни Караева: командир и комиссар пали в бою у полкового НП. Еще раньше мы потеряли, тоже в ближнем бою, командира 747-го стрелкового полка Василия Васильевича Шашло, бывшего крымского пограничника.

Шашло пришел о чем-то договориться на командно-наблюдательный пункт поддерживавшего его батальоны 134-го гаубичного артполка. Им уже командовал начальник штаба К. Я. Чернявский: раненого майора Шмелькова отправили перед тем в медсанбат. И как раз в это время высотку, где находился КНП артиллеристов, обошла большая группа фашистских автоматчиков. Наших, вместе с Шашло и Чернявским, там было семь человек, причем они оказались без связи, не могли вызвать ни подмогу, ни огонь. Однако высотку не сдали. Потом вокруг окопов и блиндажей КНП насчитали больше шестидесяти убитых гитлеровцев. Из семи приморцев остался в живых один комвзвода разведки Лугин. От него стало известно, как сражались до последнего дыхания, истребляя фашистов гранатами, подполковники Шашло и Чернявский и их боевые товарищи.

Подразделениями 747-го стрелкового, пока они находились на переднем крае, командовал военком полка батальонный комиссар В. Т. Швец. Гаубичный полк (он сохранил большую часть орудий и переходил в подчинение комдиву 345-й) временно возглавил помощник начальника штаба капитан Л. И. Ященко.

Некоторое время мы ничего не знали о судьбе Ласкина,

Солонцова и начальника штадива 172-й Лернера: когда остатки дивизии начали выводиться из боя, связь с ее командованием оборвалась. Как затем выяснилось, подполковник Михаил Юльевич Лернер был убит… А Ласкин и Солонцов нашлись в медсанбате. Оказалось, танки и автоматчики прорвались-таки и к дивизионному наблюдательному пункту, уже свертываемому (Гузь развернул свой в другом месте). И все, кто там был с комдивом во главе, взялись за гранаты вместе с прикрывавшими НП бойцами разведроты.

В этой схватке было и такое, что, пожалуй, можно представить лишь в той обстановке и на той местности. Танки встречали не только гранатами. Пошли в ход и противотанковые мины, но не врытые в землю, а "управляемые" — на длинных шнурах, позволявших выбрасывать их из окопа, из-за камня или куста, а потом подтягивать под гусеницу. Столь необычный способ использования мин подсказало дивизионным разведчикам, ребятам отважным и изобретательным, само поле боя заросший мелким дубняком скат, где танку нельзя двигаться быстро, а человеку нетрудно замаскироваться на его пути.

Именно так — подводя под гусеницы проходящего мимо танка привязанную к обыкновенной веревке мину, подорвал одну за другой две вражеские бронированные машины ефрейтор из разведроты Павел Линник. А на выползший из кустов третий танк он сумел взобраться (немецкие автоматчики отстали или были перебиты его товарищами). И когда фашистские танкисты, должно быть потеряв в кустарнике ориентировку, застопорили мотор и приоткрыли люк, сидевший на броне советский боец мгновенно просунул в щель взведенную гранату…

К исходу дня 9 июня остатки всех частей 172-й дивизии (некоторые ее подразделения выходили из окружения) свели в двухбатальонный полк. И 10-го он снова вышел на передний край, заняв оборону на нешироком, но горячем участке фронта между дивизиями Гузя и Капитохина, вблизи станции Мекензиевы Горы. Приказов об этом переформировании не отдавалось, и потому полк называли в сводках по-прежнему — 172-й стрелковой дивизией.

Командовать дивизией, фактически — отрядом в несколько сот штыков, продолжал полковник Ласкин. Раненный пулей в плечо (потом Иван Андреевич рассказывал, как, еще не успев почувствовать боли, сам уложил гитлеровца, стрелявшего в него метров с двадцати), он пробыл в медсанбате не дольше, чем потребовалось, чтобы обработать рану и сделать хорошую перевязку, и вернулся к своим бойцам. Вместе с комдивом вернулся в строй комиссар Петр Ефимович Солонцов, хотя и не

мог обходиться без костыля.

Вспоминается, как Ласкин — это было уже несколько позже — приезжал с докладом на армейский КП. С автоматом на груди и рукой на зеленой, немаркой, перевязи, осунувшийся, внутренне напряженный… Командарм, сам очень неспокойный в тот час (оснований для этого хватало), тем не менее сразу почувствовал, как тяжело Ласкину. Выслушав его краткий деловой доклад, Иван Ефимович усадил комдива пить чай, заговорил тепло и сердечно, как бы отвечая на невысказанное:

— Мучаешься, что сам жив, а дивизии больше нет? Не уберег?.. Все понимаю, Иван Андреевич. Самому погибнуть — это легче. Но винить себя не надо. Дивизия полегла, уничтожив, считай, вдесятеро больше немцев!.. Если бы каждая часть умела так драться, знаешь, где бы мы сейчас были…

Потом командарм отпустил Ласкина ко мне. Глядя на его лежащую на перевязи руку, я представлял, как Иван Андреевич, готовясь к утреннему бою, ходит ночью по траншеям (допустить, что он сидит все время на НП, было невозможно: не такая натура) и обязательно на что-нибудь натыкается, бередит рану. Но когда спросил, как все-таки его рука, он ответил коротко:

— Воевать еще могу.

Ласкина не беспокоила неопределенность собственного служебного положения: комдив, у которого двести с небольшим штыков… Но ему, конечно, хотелось узнать, есть ли какие-нибудь виды на пополнение. Я сказал прямо, что обещать не могу ничего — ни людей, ни оружия. Пополнять надо было дивизии, оставшиеся таковыми не только по названию. Посоветовал беречь по возможности уцелевшие командные кадры — не исключено, что фронт затребует их вместе с комдивом к себе, если решат возродить 172-ю стрелковую на Большой земле.

Тогда же решили у командарма вопрос о военкоме дивизии Солонцове. При всем уважении к мужеству Петра Ефимовича, ему, не способному пока передвигаться без костыля, нельзя было оставаться на передовой. Бригадному комиссару Солонцову оформили месячный отпуск для лечения с выездом на Кавказ. В отпускном билете, который я подписал, указывалось, как и положено, дата возвращения к месту службы — в Севастополь…

Город бессмертной славы

При всем своем бешеном натиске, при небывалом под Севастополем массировании артиллерийского огня, ударов с воздуха и танковых атак противник оказывался пока не в состоянии осуществить широкий прорыв к бухте. Но он понемногу — в лучшем для него случае на сотни метров за день — теснил нас на центральных участках северного направления. Линия фронта там медленно вдавливалась в глубину плацдарма, образуя изогнутую суживающуюся выемку. По краям ее слева и справа, на флангах главного неприятельского удара, нам пришлось, переразвернуть боевые порядки: одного полка дивизии Капитохина фронтом на восток, а одного полка Чапаевской дивизии — на северо-запад.

Со стороны чапаевцев это был 287-й стрелковый полк, вверенный в мае майору Михаилу Степановичу Антипину. Тому самому Антипину, который семь месяцев назад, тогда еще капитан, привел на Мекензиевы горы шедший в авангарде армии отдельный разведбатальон — самую первую часть приморцев, вступившую здесь в бои. Сейчас, в июне, его полк сделал все, чтобы помешать врагу вклиниться между ним и бригадой Потапова, не раз контратаками отбрасывал немцев. Но они имели слишком большой перевес и все-таки вклинились, потеснив и батальоны Антипина. Командир полка был тяжело ранен. Заменить его генерал Коломиец приказал майору Чередниченко из оперативного отделения штадива.

Комендант третьего сектора переживал, что ему нечем больше подкрепить свой левый фланг. Не располагал и штаб армии свободной резервной частью, которую можно было бы сюда выдвинуть. Между тем бригада полковника Потапова после потерь, понесенных за первые дни штурма, могла считаться бригадой уже только условно.

Своими тремя батальонами — к началу боев полнокровными, но всего тремя! потаповцы четвертые сутки сдерживали натиск по меньшей мере целой пехотной дивизии с танками. И это под таким артиллерийским обстрелом, под. такими ударами с воздуха (без поддержки наступающей пехоты сотнями бомбардировщиков гитлеровцы вообще не продвинулись бы ни на шаг), что местами самые глубокие траншеи в конце концов сравнивались с землей.

Бригада не дрогнула, оказавшись обойденной с флангов. Отдельные роты вели бои в окружении. И уже не один комбат вызывал огонь артиллерии на район своего командного пункта —

только это помогало отбить очередные атаки и еще сколько-то продержаться на занимаемом рубеже.

Потапов заранее позаботился о том, чтобы при всех условиях противник не смог использовать выход из Камышловской долины — дорогу, ведущую оттуда наверх и затем к кордону Мекензи. На прежней второй позиции бригады был создан заслон под началом майора-артиллериста И. И. Кохно: дивизион противотанковых сорокапяток, рота бронебойщиков и еще кое-какие подразделения. Вскоре этот заслон оказался в окружении, однако на своей позиции продолжал держаться, и дорога оставалась для немцев закрытой.

В такой сложной обстановке очень тревожили растущие потери командного и политсостава, особенно в ротах. Выходили из строя и штабники, полятотдельцы: большинство их находилось на переднем крае. Был эвакуирован тяжелораненый военком бригады И. А. Слесарев. Его заменил начальник политотдела старший батальонный комиссар С. И. Костяхин, старый приморец, в прошлом военком нашего автобронетанкового отдела.

С 10 июня командный пункт 79-й бригады размещался в недавних ее тылах — в "домике Потапова", сохранившем это название с декабрьских боев. Командарм не разрешил, а приказал перенести его туда, чтобы комбриг не потерял управление своими батальонами. Но и в этот район прорвалась группа вражеских танков. Начальнику штаба майору Сахарову, только что установившему связь с нами с нового КП, тут же пришлось возглавить его оборону.

Весь этот день дивизия Гузя и бригада Потапова, а на флангах — полки Капитохина и чапаевцы вели напряженнейшие бои за станцию Мекензиевы Горы и кордон Мекензи, за окружающие их высоты. Используя все возможности нашей артиллерии, мы дошли до предела допустимого расхода снарядов. На штурмовку немецких войск вылетали все уцелевшие "илы" и большая часть истребителей.

Низинка со станционной платформой и развалинами железнодорожного поселка трижды переходила из рук в руки. К исходу дня станция была у противника. Врага остановили в районе кордона Мекензи. Вогнутая выемка на линии фронта за день углубилась, приблизившись к краю Северной бухты.

— И все-таки они выдыхаются, — говорил еще накануне генерал Петров, приехав ненадолго с передового КП.-К вечеру это особенно заметно…

Пленные немцы, взятые 7 июня, утверждали: на овладение Севастополем дано пять дней. Что наступление идет не так, как намечено гитлеровским командованием, было очевидно. Мы уже

имели сведения об отводе с северного направления разгромленных полков 132-й пехотной дивизии, вместо которых противнику приходилось подтягивать другие войска.

За первые три дня июньского штурма наши артполки и батареи (включая противотанковые, но без зенитных, часть которых также вела огонь по наземным целям) выпустили 55 тысяч снарядов. И это еще не учитывая артиллерию береговой обороны, а она, хотя и произвела не так много выстрелов, имела самые крупные калибры.

До тех пор такая, или близкая к этой, плотность огня создавалась перед севастопольскими рубежами только в последние дни декабря, решившие исход второго штурма. Но в то время еще не возникало особых тревог за подвоз боеприпасов: сообщение с Большой землей было надежным. Знали ли гитлеровцы, что теперь долго вести такой огонь мы не в состоянии?

Так или иначе, перед противником, сосредоточившим для захвата Севастополя 200-тысячную армию с 30 артиллерийскими полками, поддерживаемую сотнями самолетов и танков, уже после трех-четырех дней наступления вставал вопрос: может ли операция "Штёрфанг" продолжаться? Потом Манштейн подтвердил это и в своих мемуарах.

Объявив севастопольцам благодарность за первые успехи в отражении нового штурма, командующий Северо-Кавказским фронтом С. М. Буденный обещал перебросить к нам свежую стрелковую бригаду. Однако прибыть она могла суток через двое, не раньше. Между тем шансы изменить положение в свою пользу представлялись, как мы считали, именно сейчас, пока на направлении главного удара немцы заменяют потрепанные части и не развернули крупных действий в других секторах.

К 10 июня у командарма созрела идея нанести по флангам основного вражеского клина контрудар наличными силами, взяв несколько батальонов с других, относительно спокойных участков. Проверяя себя, генерал Петров поделился этим замыслом с Чухновым, Рыжи, Моргуновым, мною. Все мы его поддержали: ждать более благоприятных обстоятельств не приходилось. А если бы удалось срезать мекензиевский выступ, окружить ближайшие к бухте части немцев, все, чего они добились за четыре дня ценою огромных потерь, свелось бы на нет.

Командующий СОР дал "добро" на контрудар, и я сел за разработку плана, стараясь учесть вероятные изменения обстановки к исходу дня и завтрашнему утру. В штабе артиллерии "колдовали" над схемой огня…

Все делалось в большой спешке. Но время — на рассвете 11-го — было выбрано удачно. В то утро несколько возросла активность противника в южных секторах, а за Северной бухтой, впервые с 7 июня, неприятельские атаки не возобновились. Бой здесь начали мы по своему плану.

Слева, от 30-й береговой батареи, наступала группа полковника Е. И. Жидилова (на исходе ночи он с тысячей морских пехотинцев, с легкими орудиями и минометами переправился через бухту и принял под начало еще батальон из 95-й дивизии). Группу, двинувшуюся справа, из-за кордона Мекензи (ее возглавил подполковник Н. М. Матусевич), составили стрелковые батальоны из полков третьего сектора и сводный танковый, куда собрали большую часть исправных Т-26. Остальные войска за Северной бухтой должны были сковывать противника на своих участках и включаться в контрудар по обстановке.

Не буду пересказывать всех событий этого знойного июньского дня, прошедшего в упорных, кровопролитных боях. Полностью выполнить задачу сомкнуть наши клещи — не удалось: контратакующие группы не встретились. Левая, жидиловская, действовала успешнее. Правая же смогла продвинуться всего на километр: сломить отчаянное сопротивление врага не хватило сил. Как постепенно выяснилось, он успел подтянуть сюда значительные подкрепления.

Контрудар 11 июня, тяжело нам давшийся и не доведенный до конца, не был напрасным. Хотя мы и не смогли удержать станцию Мекензиевы Горы (12-го гитлеровцы заняли ее опять), а также и кордон Мекензи, кратковременный перехват инициативы на главном направлении штурма оттянул продолжение крупных наступательных действий противника за Северной бухтой по крайней мере на двое суток.

Что значил в то трудное время каждый выигранный под Севастополем день для всего юга, а может быть, и не только для юга, осозналось по-настоящему позже. Но как следят в далекой Москве за положением на нашем маленьком, отрезанном от остального фронта плацдарме, как надеются там на севастопольцев, мы ощутили, читая в ночь на 13 июня неожиданную и необычную телеграмму из Ставки, подписанную Верховным Главнокомандующим. Вот ее текст:

"Вице-адмиралу т. Октябрьскому.

Генерал-майору т. Петрову.

Горячо приветствую доблестных защитников Севастополя — красноармейцев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужественно отстаивающих каждую пядь советской земли и наносящих удары немецким захватчикам и их румынским

прихвостням.

Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа.

Уверен, что славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполнят свой долг перед Родиной.

И. Сталин".

Телеграмму сразу же стали передавать на командные пункты дивизий и во все части, с которыми армейский КП имел прямую связь. К утру, отпечатанная типографским способом, она была доставлена во все подразделения, в окопы переднего края.

Приветствие Верховного Главнокомандующего явилось для всех нас большой моральной поддержкой. И наперекор осложнявшейся обстановке крепла вера в то, что, как ни силен враг, мы и в этот раз можем выстоять. Ведь сроки, назначенные гитлеровским командованием для взятия Севастополя, опить срывались. А с Большой земли шла нам подмога.

13 июня начала прибывать 138-я отдельная стрелковая бригада майора П. П. Зелинского. Крейсер "Молотов" и эскадренный миноносец "Бдительный" доставили из Новороссийска два стрелковых батальона, артдивизион, штаб. Корабли прорвались в Севастополь, отбивая атаки бомбардировщиков и торпедоносцев. Но во время стоянки в прифронтовой Северной бухте они подвергались еще большей опасности, чем в открытом море.

За два дня до того у севастопольских причалов были потоплены прямыми попаданиями авиабомб транспорт "Абхазия" и эсминец "Свободный". "Абхазию" бывший пассажирский теплоход, ставший тружеником черноморских военных дорог, ветераны нашей армии помнили с Одессы. Еще там я познакомился с капитаном транспорта бывалым моряком М. И. Белухой. Сколько раз приходил он к нам желанным посланцем Большой земли (только в Севастополь- 16 рейсов!), сколько тысяч раненых благополучно вывез с обороняемых приморцами плацдармов… "Абхазия" счастливая, — говорили моряки. — Ее ничего не берет". А в этот приход судно не успело даже до конца разгрузиться. Наши тыловики с Ермиловым во главе отошли от горящего и тонущего транспорта на последней барже, спасая выхваченные из трюмов ящики с драгоценными снарядами.

Облегчением было лишь то, что людей погибло немного. Врачи и медсестры с "Абхазии" (па ней плавал большой коллектив военных медиков) пошли в инкерманский госпиталь, в медсанбаты.

За новый крейсер, вынужденно посланный в транспортный рейс, флотское командование особенно тревожилось и приняло

все меры, чтобы он не задерживался в бухте ни одной лишней минуты.

Но это не означало, конечно, что крейсер придет и уйдет "молчком". Он еще не закончил швартовки, когда корабельные артиллеристы получили целеуказания. И пока с кормы высаживались войска и выгружались боеприпасы (вместе с пополнением прибыло триста тонн снарядов), а потом принимались на борт полторы тысячи раненых, несколько сот женщин и детей, носовые башни главного калибра вели огонь. Сперва — по станциям Бахчисарай и Сюрень, где разведка засекла немецкие воинские эшелоны, затем — по ближним тылам противника, по его позициям, с которых мы ожидали утром очередных атак. По другим целям бил эсминец.

Дав последние залпы уже на ходу, оба корабля ушли невредимыми. И у них было в запасе часа полтора темного времени, чтобы удалиться от крымских берегов.

В ту же ночь в порту ждали "Грузию", самый быстроходный из оставшихся в строю черноморских транспортов (до войны — такой же, как и "Абхазия", пассажирский лайнер). Однако "Грузия" подошла к Севастополю только на рассвете: атакованная фашистскими самолетами в море, она получила повреждения от близких разрывов бомб и потеряла скорость.

С нашего КП было видно, как высокий силуэт транспорта, сопровождаемого охранением, миновал Константиновский равелин. В бухте готовились прикрыть судно и его разгрузку дымовой завесой. Но на транспорт спикировали "юнкерсы", прорвавшиеся к порту. И две крупные бомбы попали в цель…

Большинство бойцов маршевого батальона, находившегося на судне, спаслось вплавь.

Через несколько часов стало известно приказание, отданное командующим Черноморским флотом: использовать для снабжения Севастополя все исправные подводные лодки; перевозить кроме боеприпасов только пищевые концентраты, консервы, сухари и медикаменты; маршевое пополнение доставлять на лидерах и эсминцах, которые в ту же ночь должны уходить обратно.

Вечером после обсуждения на флагманском командном пункте положения с боеприпасами (у зенитчиков оставалось в среднем по 15 снарядов на орудие) вице-адмирал Октябрьский частично пересмотрел свое решение. Вернувшись с ФКП, Иван Ефимович Петров сообщил:

— Моряки пришли к выводу, что придется еще раз рискнуть крейсером. Через двое суток он придет со снарядами и остатками бригады Зелинского. А из транспортов будет продолжать рейсы

"Белосток".

138-ю стрелковую бригаду мы зачислили в армейский резерв и не собирались без крайней необходимости вводить в бои по частям. Прибывшие батальоны заняли пока позиции на горе Суздальской — здесь нужен был сильный второй эшелон. Люди получили возможность немного осмотреться, командный состав начал знакомиться с местностью. Я ввел майора Зелинского в обстановку.

…С 12 июни основной натиск противника переместился на наш правый фланг. Не добившись решающего успеха пятидневными атаками за Северной бухтой, он стремился теперь взломать оборону севастопольцев о юга. Тут вводились в штурм немецкие 170-я пехотная, 72-я ефрейторская, 28-я легкая пехотная, 1-я румынская горнострелковая дивизии… И много танков, часть которых, по-видимому, переброшена с северного направления.

Главные атаки сосредоточились на двух километрах фронта у стыка первого и второго секторов. Куда нацелен удар, совершенно ясно — повторяется предпринимавшаяся еще в ноябре прошлого года попытка прорваться вдоль Ялтинского шоссе к Сапун-горе. Однако теперь в этом участвуют значительно более крупные силы. И как видно, задумано, чтобы южная ударная группировка и северная, пока нами задержанная, двигались одна другой навстречу.

Но и со стороны южных секторов, где больше простора для танков, настоящего прорыва у немцев не получается. Все, что им удается, — это медленно и методично, ценой тяжелых потерь, вгрызаться, вклиниваться в наши позиции.

Узкий участок атаки подолгу обрабатывают группы бомбардировщиков. Только после этого под прикрытием массированного огня идут танки и пехота. И все равно не раз и не два откатываются назад, прежде чем где-то продвинутся.

Щит и опора наших стрелковых частей — четко работающая, отлично управляемая артиллерия. Когда я соединился напрямую с командиром 602-го полка Павлом Дмитриевичем Ерофеевым и, выяснив у него, что требовалось, спросил, есть ли просьбы к штарму, в ответ услышал:

— Весь личный состав просит поблагодарить помогающих нам артиллеристов. Держимся благодаря им!

Гибель "Грузии" с ее грузом ощутилась на всем фронте. Для орудий средних калибров на седьмой-восьмой день штурма боеприпасов отпускалось по сравнению с первыми днями меньше примерно на треть. А для тяжелых норму пришлось сократить в четыре-пять раз. Постепенно умолкали зенитные батареи. За 14

июня все они, вместе взятые, смогли сделать немногим больше тысячи выстрелов. А в течение этого дня севастопольские рубежи пересекло около девятисот фашистских самолетов.

Итогом трех дней вражеских атак с юга явился клин у Ялтинского шоссе, прорезавший нашу первую оборонительную полосу и врубившийся во вторую. Мы оставили Камары (Оборонное), и левый фланг 109-й дивизии генерала Новикова организованно развернулся фронтом к северу (на правом пограничники Рубцова непоколебимо стоят на балаклавских кручах, не дав потеснить себя ни на пядь). Во втором секторе обстановка вынудила оттянуть передний край бригады Жидилова с горы Госфорта на склоны Федюхиных высот. На Сапун-горе, в глубине обороны, заняли позиции батальоны 9-й бригады морпехоты — теперь командующий СОР разрешил взять их из противодесантного заслона на побережье.

Ликвидировать, срезать южный клин нам было нечем. Но и у немцев не хватало пока сил продвинуться дальше. Все атаки, предпринятые ими на девятый день штурма, оказались, даже несмотря на ослабление нашего артиллерийского огня, безуспешными. Вечером мы смогли зафиксировать в журнале боевых действий:

"Линия фронта на 15 июня не изменилась. Наши части прочно удерживают прежние позиции".

Первая такая запись за девять дней!

— Будь у нас вдоволь снарядов и мин, немцам пришлось бы задуматься, есть ли вообще смысл продолжать штурм Севастополя… — сказал тогда Иван Ефимович Петров.

Как теперь известно, в это время Манштейн считал судьбу своего наступления "висящей на волоске". Командующий 11-й армией доносил Гитлеру, что нет никаких признаков ослабления воли русских к сопротивлению, а силы немецких войск заметно уменьшились.

В ночь на 16-е в Севастополь вновь пришел крейсер "Молотов" под командованием капитана 1 ранга М. Ф. Романова в сопровождении эсминца "Безупречный" (командир капитан 3 ранга П. М. Буряк). На них прибыли остававшиеся на Кавказе подразделения 138-й бригады и несколько маршевых рот всего около трех с половиной тысяч бойцов. Корабли доставили также шестьсот тонн снарядов.

Ночь выдалась ветреная, на море штормило. Причалы накануне сильно пострадали от бомб, а бухта методически обстреливалась вражеской артиллерией. Но при всех этих помехах корабли разгрузились быстро и без потерь. По спущенным на пирс лоткам скользили снарядные ящики, по

сходням сбегали на берег бойцы. Затем санитары нашего эвакоотряда и моряки стали, тоже бегом, вносить на борт раненых. Многих из них доставили к корабельным трапам прямо с передовой. Кроме двух тысяч раненых крейсер и эсминец приняли на борт больше тысячи женщин и детей.

С 17 июня ареной самых тяжелых боев опять стали подступы к Северной бухте. Читатель не должен, однако, думать, что там, на направлении, которое мы не переставали считать главным и тогда, когда отбивали попытку гитлеровцев прорваться к городу с юга, прошли спокойно минувшие четыре-пять дней.

Еще 13-го, после того как немцы вновь заняли станцию Мекензиевы Горы, они вплотную подступили к высоте 60. Я говорил, как стремился противник овладеть ею в декабре. На высоте по-прежнему стояла отличившаяся тогда 365-я зенитная батарея. Ее расчеты снова били прямой наводкой по фашистским танкам, по наступающей от станции пехоте. Раненного в начале июньских боев командира батареи Героя Советского Союза Н. А. Воробьева заменил старший лейтенант И. С. Пьянзин.

В декабре мы отстояли высоту 60. Но в середине июня уже не располагали здесь такими силами, какие вводились в бой за нее полгода назад. Немецкие танки и пехота в конце концов ворвались на этот продолговатый, вытянутый в сторону бухты холм. Когда там уже вышли из строя пушки и почти все зенитчики пали в неравной борьбе за каждый орудийный котлован, старший лейтенант Пьянзин передал по радио от имени оставшихся в живых зенитчиков: "Отбиваться больше нечем, просим открыть массированный шрапнельный огонь по нашей позиции, по КП…"

Командование береговой обороны выполнило последнюю просьбу батарейцев, и это позволило еще на несколько часов оттянуть окончательный захват высоты врагом. Двадцатитрехлетний комсомолец Иван Пьянзин был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Почти одновременно с 365-й батареей смолкли, израсходовав боезапас, орудия и бронебойки сводного отряда, оставшегося под началом майора Кохно на прежней запасной позиции 79-й бригады (туда сперва еще была надежда вернуться), чтобы закрыть для немцев выход из Камышловской долины.

Окруженный отряд продержался в тылу противника, в километре с лишним за линией фронта, несколько суток, уничтожая все, что появлялось на блокированной им узкой дороге, — танки, автоцистерны, неприятельскую пехоту. Только подбитых танков осталось на этой дороге больше двух десятков. Но потом бить фашистов стало нечем. Иссяк и запас воды. Отряд

оказался без связи — сели батареи рации. К счастью, тут обошлось без трагического конца.

— Кохно с нами, раненный, но живой, — докладывал обрадованный полковник Потапов со своего нового КП в Трензиной балке. — Мы с Сахаровым ломали голову, как его вызволить, а он сам выбрал момент и прорвался со всеми своими людьми и пушками!..

Тем временем за Северной бухтой закончилась перегруппировка неприятельских сил и перед ослабленной 95-й дивизией Капитохина оказались пополненные немецкие 22-я и 132-я пехотные и по крайней мере один полк 46-й дивизии, только что прибывший из Керчи. Свежие войска из резерва подтянул враг и на соседние участки фронта.

К вечеру 16-го положение на северном направлении резко обострилось. Собрав новый ударный кулак, противник возобновил решительное наступление, стремясь любой ценой прорваться к бухте. Разгорелись бои еще более тяжелые, чем неделю назад.

Все это время в армии выбывало из строя убитыми и ранеными по полторы-две тысячи человек в день. Прибывавшие маршевые роты восполняли не больше одной десятой потерь. На отдых не отводился с переднего края ни один батальон, как бы он в том ни нуждался. А уплотнение боевых порядков на наиболее угрожаемых участках шло лишь за счет небольших местных перегруппировок с сокращением, где можно, линии фронта. Но изыскивать кое-какие резервы таким образом удавалось только в южных секторах, где нас еще не так потеснили.

15 или 16 июня, когда по всем признакам надвигалась новая волна штурма, обсуждался вопрос об отводе ближе к городу — на Инкерманские высоты и к Мартыновскому оврагу — Чапаевской дивизии. Был даже подготовлен соответствующий приказ. Чапаевцы понесли немалые потери, сковывая крупные силы противника в центре Севастопольского обвода, и командарм опасался, что дивизия с приданными ей двумя морскими полками не удержит ставший для нее слишком широким фронт.

Однако против сокращения фронта обороны стал возражать (в подобных случаях это бывает не часто) командир дивизии Коломиец. Генерал Петров съездил к нему и, вернувшись, сказал:

— Трофим Калинович убедил меня, что еще может держаться на прежних позициях, хотя в полках у него осталось по шестьсот — семьсот бойцов. Высказал, между прочим, и такой довод, по-моему — серьезный: люди не поняли бы сейчас ухода с позиций, за которые пролили уже столько крови и где настроились стоять насмерть. Отойти, говорит, я всегда успею, если припрет… Что ж,

согласимся? Только за флангами дивизии надо глядеть в оба. Особенно за левым чтобы немцы не оказались у Инкермана раньше Коломийца.

Когда все это утрясли, Иван Ефимович — мыслями он еще был с чапаевцами печально промолвил:

— Как-то я рассказывал вам про старика Ямщикова из Пугачевского полка. Ну, помните — тезка Чапаева и его соратник в гражданскую, потом много лет был председателем колхоза, на эту войну пошел добровольцем… Так вот, отвоевался старый орел, вчера убит. Свой пулемет — зенитную "счетверенку" с рук на руки передал сыну…

Как характерно это было для командарма Петрова! Поехав в соединение решать большие оперативные вопросы, он успевал справиться о лейтенантах, сержантах, рядовых, которых однажды запомнил.

А отвод Чапаевской дивизии на Инкерманские высоты сделался совершенно необходимым через пять-шесть дней. Выстояв этот срок на прежнем рубеже, она помешала противнику ввести еще больше сил в наступление с севера и с юга.

Для другой из двух старейших дивизий Приморской армии, 95-й Молдавской, 17 июня стало последним днем, когда на ее участке удерживался сплошной фронт.

Утром дивизия Капитохина (вместе с отрядом Ласкина и влившимися в нее подразделениями из бригады Жидилова, которые остались на Северной стороне после нашего контрудара) еще смогла отразить почти все неприятельские атаки. Хорошо сработали наши минные заграждения: на них подорвалось несколько немецких танков. Потом бои многократно доходили до рукопашной в траншеях. Дивизионная артиллерия и зенитчики били по фашистским танкам и пехоте прямой наводкой. Дивизию поддерживали, находясь сами под беспрестанной бомбежкой, все расположенные за Северной бухтой береговые батареи, чья судьба зависела от того, выстоит ли она, и некоторые батареи из других секторов.

И все же на исходе дня гитлеровцы, имея большой численный перевес, прорвались к морю за Учкуевкой, отрезав 30-ю батарею. Опаснейшее положение создалось и на правом фланге 95-й дивизии, у стыка ее с 345-й. К наступлению темноты противник достиг верховий Сухарной балки и был в полутора-двух километрах от Северной бухты.

Уезжая с докладом на флагманский командный пункт, генерал Петров приказал:

— Вызывайте майора Зелинского с начальником штаба. Настает, видно, их час!

Как ни выгодно было иметь 138-ю стрелковую бригаду на горе Суздальской, где она весьма пригодилась бы в случае дальнейшего осложнения обстановки, за последние часы стало совершенно ясно: немедленный, не позже завтрашнего утра, ввод бригады Зелинского в бой, в контратаку — единственная сейчас возможность задержать врага перед Северной бухтой. На флагманском КП с этим согласились.

* * *

С прошлой ночи в войсках четвертого сектора находился наш Харлашкин. Из моего и Ковтуна распоряжения он фактически выбыл: в эти горячие дни оперативные задания штабным направленцам давал, как правило, сам командарм… Но, планируя завтрашний боевой день, я очень ждал возвращения Константина Ивановича. То, что схватывал он свежим, зорким глазом, часто существенно дополняло донесения штадивов, помогало лучше представить детали обстановки.

Но Харлашкина привезли из 95-й дивизии на машине мертвым. Его пропыленная гимнастерка потемнела и покоробилась от засохшей крови. Сопровождающий военфельдшер объяснил: в груди — крупный осколок, смерть, очевидно, была мгновенной.

Как выяснилось, Харлашкин оказался в подразделении, отражавшем танковую атаку. Он взял чье-то противотанковое ружье — вероятно, бронебойщик был убит или ранен, — пристроился за каменной оградой и стал стрелять. Подбил один танк, успел выстрелить по второму… Военфельдшер сам этого не видел, слышал от других. Но в рассказе, дошедшем до нас из вторых или третьих уст, не потерялась и такая подробность:

— Говорят, майор громко пел песню. Стрелял и пел до самой последней минуты…

Константин Иванович любил петь, песен знал очень много. Раньше, до того как стряслась беда с его женой в эвакуации, он часто радовал ими товарищей в свободную минуту. И вот снова запел в жарком бою, с песней ушел из жизни.

Представитель штаба армии не обязан, да, строго говоря, и не должен заменять выбывшего из строя красноармейца или сержанта — у него свои задачи. Но кто мог упрекнуть майора Харлашкина в том, что перед лицом атакующего врага он взялся "не за свое дело", кто мог поручиться, что не поступил бы на его месте так же! Шла вторая половина грозного севастопольского июня. Уничтожить еще один ненецкий танк, убить еще одного фашиста — выше, важнее этого не существовало ничего.

Два дня спустя из старой боевой когорты направленцев штарма выбыл и майор Исай Яковлевич Шевцов. Он также выехал

в войска с поручением, полученным лично от командарма, выполнил это поручение, но на КП не вернулся. Установить, как погиб Шевцов, мы не смогли. На том участке фронта все кипело в огне, и не один он исчез бесследно.

…В контратаке, предпринятой утром 18 июня в общем направлении на станцию Мекензиевы Горы, участвовали кроме батальонов новой бригады Перекопский полк Тарана, левофланговые части дивизии Гузя, остатки приданного ей танкового батальона. Артиллерия 95-й дивизии и чапаевцев с двух сторон поддерживала атакующую группу, имея задачу связать, насколько позволяли небогато отпущенные снаряды, противника огневым боем.

По нашим масштабам и возможностям контратака была крупной, но мы не ждали от нее слишком многого, сознавая, насколько неблагоприятно для нас соотношение сил. Однако все же надеялись, что удар во фланг немецким войскам, вплотную приблизившимся к Братскому кладбищу, Снимет непосредственную угрозу выхода врага к бухте, ликвидирует разрыв между частями Капитохина и Гузя.

К сожалению, достигли мы меньшего, чем рассчитывали. Инициатива была перехвачена на считанные часы, и потеснить гитлеровцев удалось едва на полкилометра.

Из-за больших потерь бригада майора Зелинского не дошла до намеченного рубежа. Но и не откатилась назад, не дала гитлеровцам прорваться к бухте. Словом, эта бригада внесла свой, пусть скромный, вклад в общий, тоже весьма Скромный, результат усилий нашей ударной группы. Он заключался в том, что наступление врага за Северной бухтой было приостановлено на полсуток. Во второй половине дня оно возобновилось по всему фронту четвертого сектора и на левом фланге третьего. Как мы вскоре установили, к известным уже неприятельским соединениям прибавились части 125-й пехотной дивизии, переброшенные с Украины. Должно быть, в штабе немецкой группы армий "Юг" или где-то выше рассудили, что без таких подкреплений Манштейну, севастопольцев не одолеть…

К вечеру в руках гитлеровцев находились Учкуевка и Буденновка. Полем боя сделалась северная часть Братского кладбища. Командный пункт 95-й дивизии переносился к Инженерной бухте.

Докладывая в последний раз обстановку со старого КП, начальник штадива майор Кокурин сообщил, что убит командир 90-го стрелкового полка Смышляев и его заменил капитан Требушный. Про другой полк дивизии — 241-й — Кокурин сказал: "Фактически его больше нет…"

Да и сама дивизия Капитохина теперь только называлась дивизией. Ее остатки оборонялись разобщенными группами, занимая вместе с моряками береговых служб и боевыми дружинами Северной стороны подготовленные раньше и создаваемые вновь опорные пункты — в отрогах спускающихся к бухте балов, в старых укреплениях, в прочных каменных домах.

Мучительно было сознавать, что героически сражающуюся пехоту не в состоянии поддержать в полную силу наша артиллерия, имевшая еще много орудий: со снарядами стало совсем туго. Большинство полевых батарей перешло на стрельбу прямой наводкой, некоторые вообще молчали,

Журнал боевых действий сохранил сделанную 18 июня запись: "В артиллерийские части отправлено 38 тонн боеприпасов, поднятых водолазами с транспорта "Грузия", потопленного в Южной бухте". Чтобы представить, на что шли люди, сделавшие это, наверное, достаточно сказать, что за тот день в бухтах и вокруг них разорвалось несколько сот крупных авиабомб.

Зайдя, как обычно, ко мне по приезде из войск, Иван Филиппович Чухнов с горечью сказал:

— У бойцов воды нет, а спрашивают об одном — подбросят ли снарядов? Насчет этого ничего нового?

Вода тоже сделалась проблемой — и в городе, и на передовой. Стоял южный июньский зной, прифронтовые колодцы вычерпывались по ночам до дна. Туда, где до воды было далеко, тыловики возили ее в бочках (чуть начнет светать, за водовозами уже охотились швыряющие над дорогами "мессершмитты"). Эта вода шла только для кухонь в для питья, а об умывании во многих частях забыли… Но все невзгоды отступали перед главным, единственно важным — было бы чем бить врага!

— Ночью ожидается "Белосток", — поделился я с Чухновым известием, только что дошедшим до меня от моряков. — Тонн триста снарядов должен привезти.

— Лишь бы дошел! — обрадовался член Военного совета. Из грузовых судов один этот небольшой транспорт продолжал ходить в Севастополь. И пока ему везло: многократно атакованный самолетами, подводными лодками, катерами, "Белосток" счастливо избегал попаданий бомб и торпед. Преодолел он морскую блокаду и в тот раз. Кроме боеприпасов было выгружено несколько тонн консервов, сошли на причал две маршевые роты. Затем транспорт, как всегда, принял на борт раненых.

Но до Кавказа "Белосток" не дошел. Утром стало известно, что его подкараулили и потопили итальянские торпедные катера,

базировавшиеся с недавних пор в районе Ялты.

Это был последний к нам рейс небоевого корабля. Командование флота окончательно решило — впредь посылать в Севастополь кроме подводных лодок только лидеры и эсминцы.

В ту ночь вице-адмирал Октябрьский и дивизионный комиссар Кулаков донесли о положении Севастопольского гарнизона в Ставку. В телеграмме на имя Верховного Главнокомандующего докладывалось: наши потери исчисляются в 22–23 тысячи человек, потери противника намного больше, но, имея абсолютный перевес, господство в воздухе и превосходство в танках, он продолжает огромное давление и, уничтожая наши подразделения бомбоударами, захватывает территорию. "Из всей обстановки видно, — говорилось далее, — что на кромке северной части Северной бухты остатки прижатых наших войск долго не продержатся… Наш следующий рубеж борьбы — южное побережье Северной бухты, гора Суздальская, Сапун-гора, высоты Карагач… Переход на указанную линию обороны будем вынуждены сделать, если немедленно не получим помощи".

Командование СОР просило выделить десять тысяч человек маршевого пополнения, усилить оборонительный район зенитной артиллерией, истребителями и штурмовиками, поставить на линию Кавказ — Севастополь транспортные самолеты с летчиками-ночниками — для доставки снабжения я эвакуации раненых.

Вопрос об организации воздушных перевозок уже не раз ставился перед штабом Северо-Кавказского фронта, но в его распоряжении, должно быть, просто не было пригодных для этого машин и экипажей. В ответ на обращение в Ставку поступило сообщение, что для полетов в Севастополь перебрасывается из Внукова на Кавказ авиагруппа особого назначения Гражданского воздушного флота в составе 20 транспортных самолетов.

Вслед за тем штаб фронта известил, что по указанию Ставки готовится к отправке в Севастополь 142-я стрелковая бригада. Это было неожиданным: вместо маршевых батальонов — отдельная боевая часть (и, как оказалось, сибиряки!).

— Наверное, мы все-таки не вполне, не до конца представляем, — в раздумье сказал Иван Ефимович Петров, — что значит сейчас каждый день, который Севастополь способен продержаться.

* * *

У нас в штабе, где-нибудь недалеко от оперативного дежурного, привыкли видеть командира в морской форме с голубыми просветами меж золотистых шевронов на рукавах — представителя севастопольских авиаторов полковника Праворова.

Так было заведено еще при генерале Острякове, который и сам часто заезжал на армейский КП, так продолжалось и после него.

3-я особая авиагруппа полковника Г. Г. Дзюбы, которая объединила все базирующиеся в Севастополе летные части в подразделения, находилась в подчинении у командующего черноморскими ВВС. Но в своей боевой работе она теснейшим образом взаимодействовала с наземными войсками и потому держала с нами непрерывную связь.

Кажется, мы с флотскими летчиками научились неплохо понимать друг друга. Во всяком случае, договариваться О ними, нацеливать (и перенацеливать, когда изменялась обстановка) было легко — всегда чувствовалась самоотверженная готовность помочь пехоте.

А выполнять заявки армии им было не просто. Ни в Одессе, ни где-либо потом я не видел, чтобы авиация воевала, да и просто существовала в таких условиях, как в Севастополе в июне 1942 года.

Аэродром на Куликовом поле, перепаханный разрывами бомб и шквальным артобстрелом, с начала третьего штурма использовать стало нельзя, и бомбардировщики — несколько ДБ-3, СБ и Пе-2 — улетели на Кавказ. Пришлось потом и из Северной бухты, к которой приблизился фронт, убрать маленькие гидропланы МБР-2 (металл от их разбомбленного эллинга еще раньше пошел на изготовление гранат). На двух аэродромах в южной части севастопольского плацдарма, у Херсонесского маяка и в Юхариной балке, базировались штурмовики майора А. А. Губрия -10-12 Ил-2, а потом и меньше (прибывавшее пополнение не успевало покрывать потери), и несколько десятков "ястребков" — 6-й гвардейский истребительный полк полковника К. И. Юмашева.

Сверх того имелось десятка полтора У-2 и УТ-1 — самолеты, которые прежде не принимали всерьез как боевую силу. Но, оснащенные пулеметами ШКАС и сконструированными тут же приспособлениями для подвески бомб, а затем принявшие на вооружение и реактивные снаряды, бывшие учебные самолеты сделались своего рода ночными штурмовиками и изматывали врага уже тем, что до рассвета висели над его окопами, над позициями батарей.

Эта обработка с воздуха вражеского переднего края проходила на виду у наших бойцов и всегда вызывала у них воодушевление. Да и выйдя на пригорок над армейским КП, можно было увидеть, как рвутся сброшенные У-2 бомбы и эрэсы, как палят по нашим самолетам трассирующими очередями взбудораженные гитлеровцы.

За короткую июньскую ночь эти "небесные тихоходы" успевали делать по пять — семь вылетов — фронт рядом. Получая множество пробоин, они оказались удивительно живучими и гибли реже, чем "дневные" самолеты.

Севастопольская авиагруппа несла потери не столько в воздухе, сколько на земле. Оба действующих аэродрома — под интенсивным обстрелом тяжелой артиллерии, особенно в светлое время, и каждый самолет подвергался наибольшей опасности в ту минуту, когда уже выкатился из капонира, но еще не взлетел. И снова — при посадке.

Бывало, что на поле Херсонесского аэродрома в течение ряда часов снаряд за снарядом методично падал через каждые сорок секунд. Казалось, подняться в воздух просто немыслимо. Однако летчики ухитрялись укладываться и в такую паузу: если дать газ еще в капонире, сразу после разрыва очередного снаряда, истребитель успевал подняться в воздух до падения следующего. Только надо было еще не попасть колесами в воронку…

Обстрел и бомбежки наших аэродромов усиливались изо дня в день. По Херсонесскому аэродрому немцы начали стрелять бронебойными снарядами самых крупных калибров, какие до тех пор применяли только против башенных береговых батарей. Не иначе как решили, что аэродром подземный.

А летчики продолжали боевые вылеты. Правда, уже не в любой час. Кроме ночи, когда действовали "малыши" У-2, самым благоприятным временем, особенно для "илов", считались ранние сумерки: после захода солнца аэродром плохо просматривался с немецких позиций, а стаи "мессершмиттов" уже исчезали до утра. Словом, противодействие ослаблено, а цели еще видны.

Экипажи штурмовиков приспособились использовать это "окно", и мы тщательно продумывали, куда их нацелить, где они всего нужнее. Самолетов осталось мало, половина обычно ремонтировалась, но хорошая штурмовка даже четырьмя-шестью "илами" могла ощутимо поддержать батальон, а то и полк.

На тот же аэродром у Херсонесского маяка предстояло принимать транспортные самолеты московской авиагруппы. Из Краснодара, откуда они должны были летать к нам, запрашивали: реальна ли посадка, не следует ли ориентироваться на сбрасывание грузов с парашютами? Севастополь заверял: посадку обеспечим во что бы то ни стало! Важно ведь было не только получать боеприпасы. У всех болела душа за неэвакуированных раненых.

Для усиления противовоздушной обороны аэродрома флотское командование поставило в соседней с ним Казачьей бухте плавучую зенитную батарею № 3, известную у

севастопольцев под неофициальным названием "Не тронь меня". Как пристало оно к ней, уж не знаю, но всплыло это название из далекого прошлого, из морской старины: так именовался когда-то еще парусный корабль, а позже броненосец.

Третий номер плавбатареи не означал, что существовали первая и вторая. Она была единственной и даже уникальной. Как рассказывали моряки, еще в начале войны, когда обнаружилось, что Севастополь недостаточно защищен от воздушных налетов со стороны моря, у капитана 1 ранга Г. А. Бутакова, служившего в штабе флота, возникла идея превратить в автономную батарею и морской дозорный пост линкоровский отсек, который использовался раньше для испытаний торпед.

Стальная "коробка" имела палубу площадью до шестисот квадратных метров. На ней установили орудия разных калибров, вплоть до корабельных 130-миллиметровых — на случай атак с моря, пулеметы, прожекторы, средства наблюдения. Под палубой, в трюмах, — боевые погреба, собственная электростанция, кубрики личного состава.

Когда наша армия прибыла в Севастополь, плавбатарея уже стояла на якорях на внешнем рейде с экипажем в полтораста человек, занимая немаловажное место в системе ПВО базы и города. С тех пор она сбила больше двух десятков самолетов и помешала многим другим минировать фарватеры, скрытно приближаться к бухтам.

Между (прочим, "крестный отец" необычной батареи, вложивший в ее оборудование много труда и изобрететельности, — Т. А. Бутаков приходился (моряки часто об этом вспоминали) внуком известному русскому адмиралу прошлого века Г. И. Бутакову. В первую Севастопольскую оборону его дед, тогда еще капитан 2 ранга, служил под началом Нахимова, командуя отличившимся и вошедшим в историю пароходофрегатом "Владимир".

Лично познакомиться с капитаном 1 ранга Бутаковым мне не пришлось. Задолго до описываемых дней его перевели на Кавказ. А командиром плавбатареи "Не тронь меня" был с ее создания корабельный артиллерист капитан-лейтенант С. Я. Мошенский. Он погиб на своем посту, управляя огнем, в самом конце обороны, когда гитлеровцы вновь и вновь предпринимали массированные налеты на мешавшую им батарею, но уничтожить, потопить ее так и не смогли.

В Казачьей бухте плавбатарея Мошенского оказалась чрезвычайно полезной. По словам летчиков, она отучила немцев приближаться к Херсонесскому аэродрому и на малой, и на средней высоте.

И хотя не в наших силах было пресечь артиллерийский обстрел летного поля, на нем с ночи на 22 июня начали садиться- и в основном благополучно московские Ли-2.

Вылетали они с Кубани так, чтобы быть у нас после полуночи. Прикрытия никакого, весь расчет на то, что враг не обнаружит. И потому летели поодиночке, с большими интервалами, прокладывая курс над морем подальше от берега.

Много лет спустя я прочел впечатления летчика В. А. Пушинского, который привел к нам первый транспортный самолет: "…горизонт осветился тревожным красным светом. Пролетел еще немного и увидел отблеск огня в бухтах казалось, будто горит сама вода. Это был Севастополь". Вот каким виделся с высоты наш плацдарм.

Ли-2 не привозили почти ничего, кроме боеприпасов, которыми загружались до предела. Но самолет — не корабль, даже не подводная лодка. В рапортичках, поступавших ко мне, вес доставленного по воздуху груза указывался с точностью до десяти килограммов. Однако и пятнадцать — восемнадцать тонн добавочных снарядов, перевезенных за ночь, были дороги.

Еще дороже была появившаяся дополнительная возможность вывозить раненых. Каждый самолет мог взять двадцать пять ходячих или восемь лежачих и двенадцать ходячих раненых — даже чуть-чуть больше, чем малая подводная лодка…

Транспортные самолеты разгружались в загружались за 20–30 минут. Как правило, они заводились на это время в капониры. А наши У-2, обеспечивая товарищам посадку и взлет, носились над позициями, тех вражеских батарей, огонь которых был всего опаснее. Над аэродромом барражировали истребители-ночники.

Воздушные перевозки с Большой земли и обратно наладились, к сожалению, поздно, и даже Ставка не могла тогда дать для этого больше транспортных машин — небогато еще было у нас с ними… Но экипажи Москва прислала первоклассные, способные работать в любых условиях. Как ни усложнялась обстановка, авиагруппа особого назначения (возглавлял ее майор В. М. Коротков) совершала свои ночные рейсы, пока держался Севастополь. За все время вышел из строя лишь один самолет, попав при посадке в свежую воронку. А перехватить на маршруте фашистам не удалось ни одного.

…В разгар июньских боев мы смогли поздравить нескольких севастопольских летчиков с Золотой Звездой Героя. Несколько других авиаторов, в том числе генерал Николай Алексеевич Остряков, были тогда же удостоены этой награды посмертно.

Героями Советского Союза стали командир эскадрильи гвардии капитан М. В. Авдеев, командир звена гвардии старший

лейтенант Г. В. Москаленко. Этих истребителей, сбивших по пятнадцать фашистских самолетов каждый, знали в осажденном городе, наверно, все.

Но никто, включая и самого капитана Авдеева, еще не знал, что за два дня до начала июньского штурма он со своим ведомым чуть было не отправил на тот свет фон Манштейна.

Летчики были посланы на разведку вдоль Ялтинского шоссе: мы следили за всеми дорогами, по которым противник подтягивал резервы. Как обычно, при таком задании им надлежало избегать вражеских самолетов, ничем не отвлекаться. Однако молодые ребята не удержались, усмотрев под берегом, между Форосом и Ялтой, быстро скользящий катер, по виду — штабной. Развернулись, пронеслись над ним, строча из пушек и пулеметов, и успели заметить, что катеру досталось: упали как скошенные фигурки на палубе, повалил дым… Повторить заход они не решились — и так уклонились от курса, надо было скорее возвращаться в: шоссе.

В допущенной вольности летчикам пришлось повиниться перед начальством, тем более что о факте атаки пары истребителей на какой-то немецкий катер командующему ВВС флота генералу Ермаченкову уже стало известно из радиоперехвата.

А после войны генерал-майор авиации Михаил Васильевич Авдеев неожиданно обнаружил описание той своей атаки в мемуарах бывшего командующего 11-й немецкой армией. Оказывается, это он 5 июня 1942 года обходил на катере побережье, дабы лично выяснить, насколько просматривается с моря ведущее к Севастополю шоссе. По словам Манштейна, половина находившихся с ним людей погибли и сам он уцелел чудом. Да, второй заход "ястребков" не помешал бы!..

* * *

Разведотдел доложил, что гитлеровцы запланировали взять Севастополь 22 июня, к годовщине своего нападения на Советский Союз. Это по крайней мере третий срок, ставший нам известным с начала штурма. Но и он срывался, и фашисты вымещали злобу на разрушенном городе.

Казалось, весь выгоревший, Севастополь вновь заполыхал чудовищным дымным костром. Тысячами зажигалок забрасываются окраины, слободки — видно, врагу не дают покоя еще уцелевшие там домики. На руины центральных улиц, где вся жизнь давно перенесена в убежища, падают вперемежку с зажигательными и обычными фугасными бомбы короткозамедлевного действия, взрывающиеся через полчаса, через час. Они предназначены убивать тех, кто выйдет тушить

огонь, расчищать путь для транспорта.

Эту изуверскую уловку быстро разгадали. Штаб МПВО получил строго ограниченный перечень особо важных объектов, и только там пожары, невзирая ни на какой риск, тушили немедленно.

Внезапно у нас прервалась связь с городским комитетом обороны. Телефонисты выяснили: соединиться с ним не может также флагманский командный пункт СОР и вообще никто. Оказалось, не просто поврежден кабель. При разрыве крупной бомбы завалило выход из штольни городского КП на улице Карла Маркса. Несколько часов он был отрезан, изолирован от города.

Аварийные команды героическими усилиями, неся потери, как в бою, вводили в действие отдельные участки водопровода. В продмагах, перенесенных в укрытия и работающих теперь не днем, а ночью, выдавали по карточкам (нормы с 18 июня были вновь сокращены) вместо хлеба муку, из которой в убежищах пекли на чем придется лепешки. Все это успело стать обыденным, привычным. Но вот дошла до нас и такая новость: в единственной школе, где не прекращались занятия, — в Инкерманских штольнях, завершен учебный год, проведены экзамены, вручают выпускникам аттестаты… Порадоваться бы, да не получается. Щемит от этой новости сердце, двойной тяжестью давит на плечи твоя солдатская ответственность перед людьми, которые продолжают верить, что армия отстоит город.

Их жизнь, и без того неимоверно трудную, с каждым днем усложняло приближение фронта к Северной бухте. Два городских района — Центральный и Корабельный — должны были разместить в своих убежищах население третьего Северного. Вслед за тем потребовалось эвакуировать, освободить для нового боевого рубежа часть Корабельной стороны — района, где жили коренные, потомственные севастопольцы.

20 июня городской комитет обороны постановил:

"Со всех улиц, находящихся в непосредственной близости к Северной бухте, население, предприятия и учреждения переселить…"

В том же решении говорилось: "21 июня сего года приступить к отрывке ходов сообщения по основным направлениям города".

Ходы сообщения — примета переднего края. По существу, им и становился не только берег Корабельной стороны, но и "фасад" севастопольского центра с Графской пристанью, площадью Парадов, Приморским бульваром. А в зону Минометного огня с высот Северной стороны попадал почти весь город.

В конце декабря, когда впервые возникла угроза выхода противника к бухте, мы старались дать себе отчет, долго ли

сумеем продержаться, если это действительно произойдет.

Теперь Северная бухта оказалась на линии фронта. В нее, как и в Южную, уже не мог войти ни один корабль (ночью 20 июня в Южную в последний раз прорвались сквозь огневую завесу два эсминца). Портом Севастополя, сжатого тисками осады еще теснее, должна была впредь служить небольшая Камышовая бухта близ Херсонесского аэродрома, где еще в декабре поставили временный причал в навигационное оборудование. Однако не для каждого корабля она годилась.

На берег Северной бухты немцы вышли кое-где еще 19-го. Признав, что удерживать Северную сторону мы дальше не в состоянии, командующий СОР принял решение переправить оттуда в ночь на 21-е войсковые тылы и артиллерию, для которой уже не было снарядов.

А остатки 95-й дивизии и другие боевые подразделения левого фланга — всего несколько сот бойцов — стягивались к последним опорным пунктам на берегу. На них возлагалась задача продержаться за бухтой сколько можно, сковывая там неприятельские силы, дабы выиграть время для организации обороны на новом рубеже.

На Константиновский равелин, где оставались на своем посту моряки охраны рейда во главе с капитаном 3 ранга М. Е. Евсевьевым, был послан майор И. П. Дацко с последними подразделениями его 161-го стрелкового полка. Он и руководил обороной равелина.

Другое старинное укрепление — Михайловский равелин заняли зенитчики и отряд младших авиаспециалистов (они сражались в рядах пехоты с тех пор, как перестал действовать аэродром Куликово поле). На позиции, оборудованной у Инженерной пристани, закрепились двести бойцов местного стрелкового полка подполковника Н. А. Баранова.

Так открылась еще одна героическая страница Севастопольской обороны. Если весь наш плацдарм называли пятачком, то что сказать о крохотных островках сопротивления за бухтой, где стали насмерть горстки отважных воинов, имея кроме пулеметов, винтовок да гранат лишь единичные орудия!..

Выстояли они не один день. И пока выгодно расположенные старые равелины оставались в наших руках, ворвавшиеся на Северную сторону части двух или трех фашистских дивизий не могли стать там хозяевами. А какая это была моральная поддержка всем севастопольцам — знать, что на Северной стороне есть еще ваши форпосты!

Гарнизон Константиновского равелина сумел даже сообщаться с остальными. Он посылал ночью на шлюпках помощь

в Сухарную балку, где несколько десятков моряков и складских рабочих не подпускали гитлеровцев к штольням подземного флотского арсенала. Все боеприпасы, которые могли быть использованы, оттуда давно вывезли, но взрывать штольни еще не было приказа.

Кроме опорных пунктов, созданных по плану, действовали и другие, возникшие там, где небольшие группы бойцов, отрезанные от своих, по собственной инициативе занимали оборону на какой-нибудь удобной позиции.

Так держалось до 22 июня подразделение инженерного батальона под командой старшего лейтенанта А. М. Пехтина в одном из казематов Северного укрепления. Больше суток держался простой каменный дом на берегу бухты Голландия, у которого засела группа отошедших сюда минометчиков. Об этом стало тогда известно благодаря тому, что в доме помещался телефонный коммутатор, и телефонист, ка, остававшаяся на своем посту (кабель, проложенный через бухту, действовал), несколько раз соединялась с нашим КП, а также и с командующим СОР, взволнованно рассказывая, как доблестно сражаются наши бойцы. Фамилию телефонистки я узнал много лет спустя, на посвященной Севастопольской обороне конференции, где вспомнили и этот эпизод. Мария Максименко-Михайлюк осталась жива, переплыв ночью бухту.

Нет сомнения, что дальше от берега, в глубине кварталов Северной стороны, дрались — где часы, а где и дни — еще много бойцов, оставшихся неизвестными. Местность за бухтой по-прежнему выглядела, даже издали, полем жестокого боя. Там рвались снаряды и бомбы, трещали пулеметы, все застилал густой черный дым.

Я должен еще вернуться к 30-й береговой батарее, которая была отрезана с суши, а затем полностью окружена, когда гитлеровцы 17 июня прорвались к морю на левом фланге 95-й дивизии.

Связь с батареей оборвалась. Как выяснилось потом, немцы нашли и перерубили подземный кабель, соединяющий ее с командным пунктом генерала Моргунова. На Тридцатую не успели передать только что полученное из Москвы известие: 1-й отдельный артдивизион береговой обороны, в который она входила, преобразован в гвардейский…

Но батарея давала о себе знать выстрелами своих двенадцатидюймовок, могучий голос которых прорывался сквозь общий орудийный гул. Выстрелы были редкими. Когда батарею окружили, оставались исправными два орудия, а в боевых погребах — около сорока снарядов.

После того как орудия уже смолкли, с КП 95-й дивизии, еще находившегося на Северной стороне, доложили:

— На медпункт третьего батальона 90-го полка доставлен тяжелораненый краснофлотец, связной с Тридцатой батареи. Он пробрался через фронт. Моряк потерял сознание, вряд ли выживет. Просил передать командующему: "Батарейцы умрут, но батарею не сдадут".

Что происходило в это время на окруженной Тридцатой, стало известно лишь много времени спустя.

Только подавление внешних огневых точек, которые батарея имела для самообороны, заняло у врага больше суток. Затем личный состав во главе с майором Г. А. Александером и батальонным комиссаром Е. К. Соловьевым укрылся под бетонным массивом. Вместе с артиллеристами ушли туда и бойцы из 90-го стрелкового полка, прикрывавшие подступы к батарее.

Трофейные немецкие документы свидетельствуют: для овладения "фортом Максим Горький" были назначены 132-й саперный полк и батальон 173-го саперного, батальоны двух пехотных полков. До этого умолкшую батарею еще долго бомбили с воздуха, обстреливали из сверхтяжелых мортир.

Штурмуя Тридцатую, враг, по его же данным, потерял убитыми и ранеными до тысячи человек. Не имея снарядов, израсходовав и учебные, батарея внезапно для осаждавших открыла огонь холостыми зарядами. И эти выплески огня из огромных стволов тоже несли смерть тем, кто оказался близко. Ни взрывы тола у задраенных дверей и амбразур, ни нагнетание ядовитого дыма в вентиляционные трубы не заставили батарейцев сдаться. "Большая часть гарнизона форта, констатируется в немецком отчете, — погибла от взрывов или задохнулась в дыму". Лишь 25 июня фашисты ворвались под бетонный массив. Однако и в подземных потернах им пришлось вести бой.

Группа батарейцев выбралась через сделанный за эти дни глубокий подкоп в Бельбекскую долину. Но там были уже вражеские тылы, и из этой группы в конечном счете тоже мало кто остался жив.

Более трехсот человек служили на мощной береговой батарее, имевшей автономную энергетику, большое подземное хозяйство. А когда севастопольские ветераны стали после войны разыскивать однополчан, отыскалось едва тридцать бойцов батареи.

"Отряды на Северной стороне продолжали, ведя тяжелые бои, удерживать свои опорные пункты", — записано в журнале боевых

действий армии 21 июня. За этот день произошло много тревожного. Еще накануне возобновились после короткой паузы крупные атаки в южных секторах — на Кадыковку и высоты Карагач, на массив Федюхиных высот: пытаясь продвинуть дальше прежний клин, нацеленный к Сапун-горе, враг в то же время искал возможность продвинуться к ней с другой стороны. А с севера нарастала угроза Инкерманской долине.

Но самым неотложным сделалось укрепление южного берега Северной бухты, который до недавнего времени не рассматривался даже в качестве запасного оборонительного рубежа. Теперь же здесь, почти в центре города, следовало ждать вражескою десанта. Или, говоря армейским языком, переправы немцев с северного берега бухты.

На Корабельной стороне, от Воловьей балки до Павловского мыска, рыли траншеи, строили доты и дзоты, устанавливали прожекторы. Ответственность за этот участок командующий СОР возложил на генерала П. А. Моргунова: раз фронт проходил по берегу, хотя бы и внутри города, вступала в свои права береговая оборона.

На этот рубеж выводилась прямо из боев на Мекензиевых горах 79-я бригада Потапова, которая по числу бойцов соответствовала уже не больше чем нормальному батальону. Для подкрепления ей придавались 2-й Перекопский полк Тарана, тоже весьма немногочисленный, и несколько подразделений, сформированных в тылах. Потапову был подчинен бронепоезд "Железняков", для которого основной огневой позицией назначался участок пути около электростанции, а укрытием — Троицкий тоннель, ближайший к Севастопольскому вокзалу.

В такой обстановке наступило 22 июня — годовщина войны. День обещал быть, и действительно стал, очень трудным. Но немцы, очевидно, уже понимали, что отметить его взятием Севастополя они не смогут.

Пожалуй, самым существенным, чего противнику удалось в этот день добиться, был захват высоты 74 у стыка первого и второго секторов. Это означало углубление южного клина. А на севере нельзя было больше откладывать отвод чапаевцев на тот запасный рубеж, о котором вставал вопрос еще шесть дней назад. Теперь всякое промедление с этим означало бы, что 25-я дивизия окажется отрезанной и враг прорвется в Инкерманскую долину.

Ковтун и Безгинов поехали помогать штадиву переводить полки на новые участки. Все прошло организованно, артиллеристы и минометчики редким, но хорошо спланированным огнем прикрыли этот маневр. Командный пункт генерала Коломийца находился в пещерах бывшего

Инкерманского монастыря, выдолбленных в незапамятные времена в скале над устьем Черной.

…Вечером услышали по радио, что на берегу Средиземного моря капитулировал перед фашистской армией Роммеля английский гарнизон Тобрука. Тот самый, который, тоже находясь в осаде, прислал нам еще в Одессу приветственную телеграмму со словами солидарности.

За англичан в Тобруке стало как-то обидно. Им было там, конечно, нелегко, однако сражаться до последнего не захотели. О впечатлении, которое произвело тогда известие не далекой Африки, напомнил мне дневник покойного И. Ф: Чухнова, где он запиеал: "Бойцы говорят: "Нет уж, мы будем драться не по-английски, а по-русски!"

* * *

"Наиболее отличившихся назвать затрудняюсь. Если б мог, наградил бы всех!" — так заявил один наш комбат, когда ему предложили представить к наградам пять-шесть бойцов.

Комбата нетрудно было понять. Командиры дивизий, сообщив по телефону, что отправляют в штарм новые "реляции" — наградные листы, тоже не раз добавляли: "А вообще-то достойны награды и все остальные!"

За две недели отражения штурма командующий СОР и командарм Приморской, каждый в пределах предоставленных ему прав, наградили от имени правительства орденами и медалями сотни бойцов и командиров. Вручать награды старались безотлагательно. Генерал Петров, члены Военного совета использовали для этого каждый выезд в войска. Но часть орденов оставалась все же неврученной: тех, кому они предназначались, уже не было в живых…

Как-то Чухнов поднял на Военном совете вопрос о том, что пора представить нескольких армейцев к званию Героя Советского Союзе.

— Потом отметят всех, кто достоин, — говорил он. — Но если вот сейчас дадут Золотую Звезду кому-то из рядовых пехотинцев, из тех лейтенантов и политруков, которые всегда в первой траншее и под бешеным огнем ходят в контратаки, это еще больше воодушевит всю армию. А людей, заслуживающих такой награды, назвать нетрудно. Давайте представим для начала хоть трех-четырех, тогда это пройдет быстрее.

В тот период войны звание Героя присваивалось еще довольно редко. Посмертно отмечали им тех, кто погиб, совершив выдающийся подвиг. А из живых больше летчиков, командиров подводных лодок. В стрелковых частях, в пехоте Героев Советского Союза было мало. И это казалось естественным: время

ли представлять к высшей награде Родины, если наши войска пока редко где могли наступать?

В все-таки мы представили к Золотой Звезде пехотинцев, отличившихся не в наступлении, а в обороне. Решили, что оценка, которую получили действия севастопольцев в приветствии Верховного Главнокомандующего, дает на это право. Обсудив порядочно кандидатур, не без труда ограничились семерыми.

Представления передали в Москву по радио. Но, признаться, не очень верилось, что их рассмотрят срочно- мало ли наверху иных забот!

Однако рассмотрели немедленно. Указы, датированные 20 июня, были приняты по радио ночью вместе с другой официальной информацией для завтрашних газет. И потому прежде всех узнал о них наш редактор Курочкин, а от него — начальник поарма бригадный комиссар Бочаров.

— Все семеро — Герои Советского Союза! — радостно объявил Леонид Порфирьевич, входя к командарму, у которого сидели Чухнов, Кузнецов и я. Завтра это будет в газетах. Надо позвонить в части, поздравить!

От такой новости потеплело на душе.

— Они у нас как, все живы? — осведомился командарм, начав вдруг протирать пенсне. Этого, конечно, никто точно не знал — за день в боях пали еще сотни приморцев. Иван Ефимович нетерпеливо снял телефонную трубку: — Соедините с Новиковым!

Я немного расскажу сейчас об этих семерых. И в какой-то мере это будет рассказом также о других бойцах и командирах, которые сражались так же самоотверженно. А подвиг героя ведь не меркнет от того, что он не остался чем-то исключительным, был повторен и продолжен, послужил воодушевляющим примером, сделался символом подвига массового, общего.

…Еще в дни Одесской обороны в Приморской армии стало известно имя ефрейтора Ивана Богатыря. Сын матроса с легендарного броненосца "Потемкин", а сам черноморский пограничник, это был один из самых смелых и удачливых разведчиков нашего погранполка. Он приводил в качестве "языков" неприятельских офицеров, добыл однажды целый портфель румынских штабных документов, из другой разведки вернулся на захваченной во вражеских тылах, танкетке… А в Севастополе в первый раз отличился, когда в декабре был послан с подкреплением из полка Рубцова на Мекензиевы горы и назначен старшим в пулеметный дот. Сто двадцать трупов фашистских солдат, скошенных очередями из амбразур, насчитали перед этим дотом после отражения вражеских атак.

К весне сорок второго Иван Богатырь овладел искусством снайпера, научил ему нескольких товарищей. Но особенно оправдал ефрейтор свою громкую фамилию в тот день, когда он фактически один (два других пулеметчика, находившиеся с ним, выбыли из строя) полдня удерживал атакуемую фашистами высотку. Раненный в правую руку, Богатырь обходился девой, переносил пулемет от одной амбразуры дота к другой, ведя огонь в разных направлениях. И потом оказался еще в состоянии одолеть подобравшегося к доту гитлеровца в рукопашной схватке…

В ответ на вопрос, кого из 109-й стрелковой дивизии следует представить к высшей боевой награде, генерал Петр Георгиевич Новиков первым назвал ефрейтора Богатыря.

В той же дивизии, в 381-м стрелковом полку, воевал человек с не менее славной и примечательной судьбой — политрук Георгий Константинович Главацкий.

В сорок первом ему было 34 года, но военной службы Главацкий не проходил освободили по состоянию здоровья. Жил в Одессе работал слесарем на маслозаводе. И, как многие невоеннообязанные, добился, когда к городу подступил враг, зачисления в армию. Там овладел пулеметом, затем был выдвинут в ротные политруки, а впоследствии назначен комиссаром стрелкового батальона.

При первой попытке противника прорваться к Севастополю с юга этот батальон проявил выдающуюся стойкость. А Главацкий показал себя геройским комиссаром, не рае водил бойцов в контратаки.

Несмотря на тяжелые потери, батальон удерживал прежний рубеж и все те дни, которые прошли после представления комиссара к высокой награде. Сам же он за это время успел стать комбатом. И продолжал успешно, инициативно командовать батальоном до тяжелого ранения в последние дни Севастопольской обороны.

Впрочем, если уж говорить о том, как раскрылись на войне командирские способности этого, казалось бы, сугубо гражданского человека, следует добавить, что до Берлина Г. К. Главацкий дошел во главе стрелкового полка гвардии полковником.

Сержантом, артиллерийским разведчиком участвовал в первых боях за Севастополь Абдулхак Умеркин, до войны — молодой учитель в татарском селении на Волге. Третий штурм он встретил младшим лейтенантом, командиром одной из тех героических батарей 134-го гаубичного артполка, которые помогали батальонам дивизии Ласкина а бригады Потапова

отбивать натиск главных вражеских сил. В критический момент Умеркин вызвал огонь батареи на свой наблюдательный пункт, куда прорвались танки, а сам пополз к ним с гранатами. И все-таки остался жив!

О ефрейторе Павле Линнике я уже говорил — это он, проявив столько хладнокровия и находчивости, уничтожил три немецких танка, когда шел бой у КП 172-й дивизии, причем сам остался невредим.

Героями Советского Союза стали командир роты старший лейтенант Николай Иванович Спирин и политрук другой роты Михаил Леванович Гахокидзе. Их подвиг, если кратко определить его суть, состоял в том, что они сумели так организовать бой, так воодушевить людей, что обе роты в течение многих дней отражали яростный натиск превосходящих сил врага и не отошли, ни на шаг. Рота Спирина отбила несколько "психических" атак, уложила перед своими окопами до семисот гитлеровцев. Гахокидзе отразил последнюю фашистскую атаку, когда кроме самого политрука на этом рубеже оставалось в строю три бойца.

И наконец, о седьмом Герое. Это старший сержант Мария Карповна Байда. В наградном листе о ней написано: "В схватке с врагом уничтожила из автомата пятнадцать солдат и одного офицере, четырех солдат убила прикладом, отбила у немцев командира и восемь бойцов, захватила пулемет и автоматы противника". Все это — только за один боевой день…

Наградной лист не может, конечно, рассказать, как стала таким умелым и бесстрашным бойцом двадцатилетняя девушка, только недавно взявшая в руки оружие. Да и я не берусь объяснить это в нескольких строках. Скажу одно: такими делало наших людей страстное желание одолеть врага. И этому способствовали вея обстановка Севастопольской обороны, героический дух, царивший на севастопольских рубежах.

Мария Байда жила в крымском степном поселке, из которого все мужчины в многие женщины влились осенью сорок первого в дивизию Ласкина, отходившую к Севастополю. Байда попала в 514-й стрелковый полк Устинова, была там санинструктором, затем разведчицей, овладела всеми видами стрелкового оружия в стала в конце концов настолько опытным военным человеком, что в июньскую боевую страду ей охотно подчинялись потерявшие своих командиров солдаты-запасники.

Хочется еще раз предоставить здесь слово Ивану Андреевичу Ласкину. Командир дивизии обходил позиции после отражения вражеских атак и вот какую картину застал ни одном из участков:

"…Пыль осела, дым рассеялся немного, и стало виднее. Невдалеке продолжалась стрельба из пулеметов я автоматов.

Впереди — кустарник, и около него я заметил бойца. Подошел к нему. Боец, стоя на одном колене, доложил о себе. Но я уже и сам узнал под пыльной пилоткой красивое розовое лицо разведчицы 514-го полка Марии Вайды. Метрах в пяти от нее — убитый немец, дальше — еще несколько. Спрашиваю, как она тут оказалась. Объясняет: командир полка направил сюда разведроту, потому что от той роты, чей это был участок, почти никого не осталось.

— Сколько же вас здесь теперь? — спросил я.

Мария ответила:

— Сейчас — двое, вон еще солдат сидит на дереве. Мы с ним поделили между собой местность — моя правая половина, его левая. Немецкие автоматчики всё пытаются просачиваться — то ползком, то перебежками. Вот мы их и бьем, товарищ комдив…"

Имена новых Героев Советского Союза прогремели по всему фронту обороны. К сожалению, прислать для них ордена Ленина и Золотые Звезды с Большой земли не успели. Богатырь и Главацкий, тяжело раненные и эвакуированные на Кавказ, сразу получили награду там. А остальные — значительно позже.

Третью неделю длится вражеский штурм. В штабе армии каждому ясно то, чего, может быть, еще не сознают в частях: если не придет какая-то очень большая, выходящая за рамки обычной помощь, то Севастополя не удержать. А как она может прийти — до нас не так-то просто добраться!..

Обо всем этом не говорят вслух. Даже из самых старых сослуживцев никто не спросил меня: "Что нас ждет, что с нами будет?" Все напряженно работают, отрешившись от постороннего, личного. Больше, чем когда-либо, я уверен в нашем дружном штабном коллективе, в том, что каждый выполнит свой долг до конца.

Вернувшись с флагманского КП, дивизионный комиссар Чухнов рассказывает:

— Сегодня едва проехали — на центральных улицах сплошные завалы. Иногда просто не верится, что вто тот самый город, который я увидел весной. — И, помолчав, добавляет: — К убежищу Октябрьского опять ползли с Иваном Ефимовичем на брюхе. Бьет и бьет немец по склону… Траншею там углубили, да все равно надо ловить момент, чтобы проскочить!

Флагманский КП надежно защищен, но не имеет запасного выхода в город: кто думал, что окажется под обстрелом берег Южной бухты! И в иной час к ФКП ни подъехать, ни подойти.

Мы докладываем в Краснодар о состоянии армии: полностью истощены (это означает, что их фактически нет) 172-я и 95-я дивизии, а также 79-я бригада; потеряли свыше 60 процентов

личного состава 345-я и 388-я дивизии. Только частично боеспособной приходится считать 109-ю дивизию Новикова, а также 7-ю бригаду Жидилова — потери и у них велики. Относительно лучше положение у чапаевцев, в 386-й дивизии, 8-й бригаде.

Но будь у нас пятьсот — шестьсот тонн снарядов на сутки, можно было бы держаться и с такими силами. А получаем в лучшем случае треть этого. 21 июня я телеграфировал начальнику штаба фронта, что в частях осталось по 10–20 снарядов на тяжелое орудие, по 60–70 на 76-миллиметровые. За следующие два-три дня мизерный запас еще сократился. Каждое утро в пять ноль-ноль (специально установленное для этого время) Николай Кирьякович Рыжи докладывает командарму о наличии боеприпасов, и они распределяют то, что доставили корабли и самолеты. Каждый снаряд — драгоценность!..

Судьба Севастополя решается на море: прорывать вражескую блокаду все труднее даже лучшим боевым кораблям.

С 24 июня началась переброска к нам 142-й отдельной стрелковой бригады полковника Ковалева. Для этого выделены эскадренные миноносцы "Беспощадный" и "Бдительный" и лидер "Ташкент". Им командует запомнившийся мне еще по Одессе смуглый черноусый капитан 3 ранга В. Н. Ерошенко. Командир он смелый и, должно быть, талантливый. Про него Жуковский не раз говорил: "Этот сумеет, этот дойдет!"

"Ташкент" и эсминцы принимали в Камышовой бухте, куда раньше такие корабли никогда не заходили. Бухта тесна, вход узок, а рядом подводные камни. Наскочить на них, застрять в бухте до рассвета означает верную гибель — днем неподвижному кораблю от пикирующих "юнкерсов" не отбиться.

Лидер и эсминцы ходят из Новороссийска кратчайшим маршрутом, вдоль крымского побережья. А ночи сейчас самые короткие в году, и на центральном участке маршрута, наиболее опасном, потому что аэродромы противника очень близко, их не может прикрыть ни кавказская авиация, ни наша. Словом, полагаться надо только на свои зенитки и на стремительный маневр.

В двадцатых числах июня "Ташкент", "Бдительный" и "Безупречный" прорывались к нам трижды. В четвертый раз "Безупречный" не дошел. Разыгралась еще одна морская трагедия: эсминец потопили фашистские бомбардировщики. Шедшие в Севастополь подводные лодки подобрали троих матросов. Из находящихся на борту пехотинцев не спасся никто.

Несут потери на севастопольской коммуникации и подводники. Не пришла одна вышедшая из Новороссийска лодка,

через несколько дней — другая… Их обнаруживали акустическими приборами и бомбили вражеские катера.

Подводные лодки доставили в мае — июне две тысячи тонн снарядов. Они начали перевозить и авиационный бензин, заполняя им балластные цистерны. Это сопряжено с большим риском.

Моряки утверждают, что подводные лодки не использовались так еще нигде и никогда. И мы, фиксируя в журнале боевых действий: "Ночью — 52 вылета У-2 и УТ-1, днем четыре Ил-2 и два И-16 вылетали на штурмовку", с благодарностью вспоминаем подводников — это они обеспечивают самолетам возможность подниматься в воздух.

В ночь на 23-е с Северной стороны переправились остатки отрядов, сражавшихся у Инженерной пристани и в Михайловском равелине. Полковник Николай Александрович Баранов, возглавлявший опорный пункт у Инженерной, сразу же вступил в командование сводным полком, который Моргунов и Кабалюк сформировали из личного состава взорванных за бухтой батарей и других своих резервов. В полку полторы тысячи бойцов. Он предназначен для обороны берега от Южной до Карантинной бухты, иными словами — набережных в центре города, включая Приморский бульвар.

Гарнизон Константиновского равелина получил и выполнил приказ продержаться еще сутки. Последние его защитники, пехотинцы и моряки, вплавь добрались до южного берега утром 24-го. Раненых буксировали на буйках от бонового заграждения. Никакой катер к равелину уже не дошел бы — немцы наставили вокруг пушек, а пловцов прикрывала на рейде накатная волна.

За Северной бухтой кроме окруженной 30-й батареи, о положении которой ничего не было известно, держалась еще только Сухарная балка. Фронт прошел по южному склону Мартыновского оврага. А в центральной части Севастопольского обвода противник занял Федюхины высоты.

Немцы вышли на такие позиции, с которых следовало в любой момент ждать от них самых решительных действий.

Но, как видно, наша упорная оборона заставила врага быть осторожнее. Июньский штурм наверняка стоил ему уже десятков тысяч солдат.

"Психические" атаки прекратились: противник еще в большей мере стал полагаться на свое превосходство в технике. Авиационная и артиллерийская подготовка перерастала в обработку какого-нибудь узкого участка бомбами и снарядами в течение целого дня. Только после этого, часто поздно вечером, туда шли танки и пехота. И иногда там уже действительно не

было никого в живых.

Так обеспечивал себе враг продвижение в глубь нашего плацдарма. Но еще более медленное, чем раньше.

Сокращение фронта позволило дать частям дивизии Гузя и бригаде Зелинского полдня на приведение себя в порядок. Из остатков подразделений 95-й дивизии формировался резервный полк (фактически — батальон) под командой И. Л. Кадашевича, последнего военкома 90-го стрелкового полка.

Направлением главного удара стало инкерманское. Однако при сократившемся плацдарме тяжелыми последствиями чреват всякий успех противника на любом другом участке.

После того как немцы утвердились на Федюхиных высотах, приобрело еще большее значение как опорный пункт в Черворечeнской долине селение Новые Шули (Штурмовое). Батальон ив дивизии Скутельника был полуотрезан, и тыловикам долго не удавалось доставить солдатам горячую пищу. Когда кухни наконец прибыли, им обрадовались так, что проворонили внезапную — в темноте, без артподготовки — вражескую атаку…

Командарм приказал Скутельнику вернуть Новые Шули во что бы то ни стало. Это должен был сделать тот самый батальон — резерва комдив не имел. Раненного в ночном бою комбата заменил замначштаба полка М. Лавров. Гитлеровцы успели ввести в деревню два батальона, однако наш, насчитывавший не больше сотни бой-пол, все же выбил их оттуда штыковой атакой. И Новые Шули (там, кстати, находилась последняя действующая насосная станция севастопольского водопровода) удерживались еще трое суток.

У Скутельника был очень надежный сосед справа — стойкая, сплоченная бригада Жидилова. Полковник Жидилов стал в конце июня генерал-майором. Мне довелось первому сообщить ему об этом по телефону, но Евгений Иванович как будто даже не очень обрадовался. Не такое было время!.. Несколько дней спустя, уже за Сапун-горой, генерал Жидилов стоял у пушки единственной уцелевшей из артдивизиона его бригады — и вместе с последним бойцом орудийного расчета стрелял оставшимися снарядами…

Боевой товарищ Жидилова — военком Ехлаков (теперь — бригадный комиссар) был уже в госпитале на Большой земле: Николая Евдокимовича вывезли из Севастополя с раздробленной ногой на подводной лодке.

…Наступление на Инкерман со стороны Мартыновского оврага создало тяжелое положение в третьем секторе. За 26 июня на его позиции было сброшено свыше двух с половиной тысяч крупных бомб. 3-й мореной полк С. Р. Гусарова вел бои в окружении. Не легче приходилось и батальонам 8-й бригады

полковника П. Ф. Горпищенко и полкового комиссара П. И. Силантьева.

Это на ее участке находилась высота, где группа краснофлотцев держала, как говорили потом, "каменную оборону". "Каменную" потому, что, израсходовав патроны и гранаты, бойцы собрали груду крупных камней и забрасывали ими пытавшихся подняться наверх фашистов. Мне рассказывали, как немолодой Горпищенко сам пробрался на эту высоту, чтобы ободрить бойцов, и не приказал, а попросил еще немного продержаться, а уходя, отдал им свой личный автомат.

В один из этих дней за Северной бухтой прогремел мощный взрыв, заваливший обломками окал основные штольни Сухарной балки — старинного флотского арсенала. В штольнях все было подготовлено к взрыву, там оставалась лишь небольшая группа наших людей. Гитлеровцы подобрались к одному из входов в склады внезапно, и моряк из команды подрывников, оказавшийся лицом к лицу с врагами, принял подсказанное ему сердцем решение. Жертвуя собой, он переключил взрывной механизм на немедленное действие. Потом установили, что это был краснофлотец Александр Чикаренко.

То, что Сухарная балка оставалась в наших руках восемь-девять дней после того, как немцы вышли на соседние участки побережья, не только задержало их переправу через Северную бухту. Лишь благодаря этому продолжал работать спецкомбинат № 1 — подземный военный завод, расположенный как раз напротив, в штольнях Троицкой балки, за неширокой тут бухтой.

Спецкомбинат № 1 — детище осажденного Севастополя и его оружейная кузница — служил фронту до последней возможности и вышел из строя как сраженный на посту боец. Только за последние пять месяцев, когда производство развернулось на полный ход, он дал армии 2400 минометов и 113 тысяч мин к ним, 230 тысяч противопехотных и противотанковых мин, 305 тысяч гранат. А сколько мы получили отсюда ломов и лопат, необходимых для строительства укреплений, полевых кухонь, отремонтированных орудий и танков!.. Без этого подземного завода, созданного в кратчайшие сроки, просто нельзя представить себе Севастопольскую оборону.

На два-три дня раньше, когда в связи с приближением фронта потребовалось эвакуировать огромные и густонаселенные штольни Инкермана, прекратил работу спецкомбинат № 2, обшивавший и обувавший наших бойцов.

Почти весь Севастополь находился уже под минометным огнем. До Корабельной стороны доставали 6 Северной Я пулеметные очереди. Убежища освещались теперь свечами и

коптилками. Воду брали из старых колодцев.

Семьдесят тысяч севастопольцев удалось эвакуировать на Большую землю. Очень многих успели вывезти в мае, когда стали форсировать эвакуацию. А в июне резко сократились ее возможности. Мучительно было сознавать, что тысячам мирных людей, так веривших, что врага в город не пустят, сейчас отсюда уже не выбраться — пешком через море не уйдешь…

* * *

Подходили к концу тяжелые бои за Инкерманские высоты. Здесь наступали части трех немецких и одной румынской дивизия, усиленных танками и имевших непрерывную поддержку с воздуха. Противопоставить мощной атакующей группировке врага мы могли лишь стойкость малочисленных стрелковых полков, редкий артиллерийский огонь, штурмовки небольшими группами самолетов.

28 нюня переходили из рук в рука улицы и отдельные дома поселка Инкерман. 138-я бригада майора Зелинского контратакой выбила немцев с захваченной ими станции, отбросила их за реку Черная.

Это, однако, могло лишь одержать, замедлить общее продвижение врага. Резервов не было, совсем не было танков. Новая стрелковая бригада полковника Ковалева (слишком надолго растянулась ее перевозка в Севастополь!) пошла в основном на усиление 345-й дивизии, превратившейся за это время в один сводный полк. Нам приходилось постепенно сокращать линию фронта, отводя войска к последним подготовленным рубежам. Но эти рубежи, в том числе и ключевая позиция на Сапун-горе, подверглись еще до занятия их основными силами армии такой обработке с воздуха, что местами все укрепления сровнялись с землей.

На рассвете 29 июня гитлеровцы, впервые за всю осаду Севастополя, попытались высадить на побережье нашего плацдарма морской десант. Судя по курсу отряда моторных шхун, вышедших, как потом установили, из Ялты, десант должен был зацепиться за берег где-то близ мыса Феолент — в тылах первого сектора. Эта затея кончилась для немцев плачевно. За четверть часа огнем всего одной береговой батареи девять шхун были потоплены, а остальные ушли обратно.

Но, легко отразив этот десант, мы не смогли сорвать начавшееся в то же время форсирование Северной бухты. Переправу, предпринятую на широком фронте, обеспечивали едва ли не вся артиллерия 64-го армейского корпуса немцев и десятки пикирующих бомбардировщиков, Чтобы остановить переправу, огня береговых батарей оказалось недостаточно, а артиллеристы

частей, занявших оборону на Корабельной стороне, имели по десять снарядов на пушку. Бронепоезд был заперт в Троицком туннеле — завалы от взрывов крупных бомб закупорили выходы. Сколько-то катеров и понтонов удалось потопить, но остальные под прикрытием дымовой завесы достигали южного берега. Балки Корабельной стороны, а затем и ее жилые кварталы стали полем боя.

В то же утро начался штурм Сапун-горы. Переброска туда подкреплений с других участков, в том числе остатков Чапаевской дивизии, не предотвратила прорыва фронта.

Херсонесский аэродром принял за минувшую ночь прибывшие очередными рейсами транспортные самолеты. Пришли две подводные лодки с боеприпасами и бензином. Формировались резервные батальоны из технического состава авиагруппы и тыловых подразделений. Но все это уже не могло существенно повлиять на ход событий. Судьба Севастополя была решена.

К исходу дня в руках немцев находились хутор Дергачи, почти вся Корабельная сторона, кроме Малахова кургана и казарм учебного отряда флота, а также Зеленая горка, что против вокзала. Левое крыло фронта глубоко врезалось в город. Сводный полк Николая Олимпиевича Гузя (бывшая 345-я дивизия), получив новый рубеж, окапывался на склоне Исторического бульвара.

Когда стемнело, бои стали стихать. Гитлеровцы в последнее время не раз предпринимали ночные атаки, но в городе продвигаться в темноте не решались: все еще боялись нас… Мы передали командирам приказание привести за ночь части в порядок, закрепиться на назначенных рубежах.

Выйдя наверх, я даже удивился, насколько вокруг тихо, — так не было давно. Пробиваясь сквозь легкие облачка, светит луна. Протарахтели в небе маленькие У-2 — один, другой: у них продолжается обычная боевая работа.

После полуночи стали прибывать вызванные командармом командиры дивизий, бригад, отдельных полков. Вспомнился почему-то Экибаш, экстренное совещание в степном поселке восемь месяцев назад. Правильно ли тогда решили? Ведь не удается удержать Севастополь… Нет, все правильно. Армию Манштейна сковали надолго, измотали крепко. И не потому ли, что мы еще тут, фашисты не добрались до Кавказа!

Как и тогда, в Экибаше, кто-то прибыть не смог — обстановка еще напряженнее. А кого-то уже нет в живых. Только что сообщили: убит Гусаров, командир 3-го морского полка, Горпищенко и Ласкин ранены…

Совещание короткое. Командиры в нескольких словах докладывают о состоянии соединении, частей. В дивизиях в среднем по 300–400 человек, в бригадах — по 100–200. Плохо с боеприпасами. У меня острым гвоздем сидит в голове цифра: на 30 июня армия имеет 1259 снарядов среднего калибра и еще немного противотанковых. Тяжелых — ни одного.

Всем понятно, что настает конец Севастопольской обороны. Но разговор идет обычный, будничный — о позициях, которые надо удержать завтра. Только под конец командарм дает ориентировку на дальнейшее — держать в кулаке наличные силы, драться, пока есть чем, и быть готовыми разбить людей на небольшие группы, чтобы пробиваться туда, куда будет указано, или по обстановке.

Пояснении не требуется. Пробиваться — значит в горы, к партизанам. Это трудно, очень трудно, но все-таки возможно. И важно, чтобы в это верили, чтобы не было чувства обреченности.

В заключение — пятнадцатиминутный товарищеский ужин. Молча, без тостов, выпили по чарке. Ощущение такое, что многих видишь в последний раз.

В адском грохоте авиационной бомбежки начинается еще один день Севастопольской обороны, который вместит так много и трагического, и высокого: и подвиг защитников Суздальской горы, и смертный бой на легендарном Малаховом кургане, и прощание с верными орудиями перед тем, как их взорвать… А для скольких наших товарищей — последний выстрел, последний бросок гранаты, последний вздох…

Утром получаем приказ перейти на запасный командный пункт — на 35-ю береговую батарею у Казачьей бухты, в самом западном углу севастопольского плацдарма.

Батарея такая же, какой была Тридцатая: на поверхности — могучие орудийные башни, а внизу, под землей и бетоном, — лабиринт отсеков и переходов. Командование оборонительного района уже тут. Есть связь с Кавказом, с Москвой, но с некоторыми нашими частями соединиться стало трудно.

Размещаемся и беремся за текущую штабную работу. Первым делом — всеми способами выяснить обстановку.

— И что дальше? — опрашивает майор Ковтун, когда мы вместе наносим полученные данные на карту. Спрашивает спокойно, без тревоги.

— Дальше — подороже отдать свои жизни, — в тон ему отвечаю я. — А если говорить практически, то, очевидно, пора и личный состав штаба разбить на боевые группы, додумать о командирах, о картах. Займитесь-ка этим попутно с прочим.

Я оставался у телефонов, когда на батарее в восьмой часу

вечера состоялось совместное заседание Военных советов флота и Приморской армии, на котором вице-адмирал Октябрьский огласил полученную из Москвы телеграмму с разрешением оставить Севастополь, ввиду исчерпания всех возможностей его обороны, и о порядке эвакуации.

Генерал Петров, куда-то спешившей, изложил мне все это очень кратко, и, помню, само слово "эвакуация" прозвучало весьма неожиданно. А что это относится в персонально ко мне, что я в числе других командиров должен через несколько часов отбыть на подводной лодке, Ивану Ефимовичу пришлось повторить дважды. Наверно, мое лицо все еще выражало недоумение, и командарм произнес уже строго:

— Мы же с вами военные люди, Николай Иванович. Где мы нужнее, решать не нам. Поймите — это приказ.

Не знаю, был ли в моей службе другой приказ, которому я подчинился с таким тяжелым чувством. Не понимал, почему должен уйти в числе первых. Мысль, что это, может быть, избавит меня от гибели, как-то не приносила облегчения. Да и, честно говоря, очень не хотелось лезть в подводную лодку. Не было никакой уверенности, что она дойдет. А если погибать, так лучше уж на суше, на родной земле…

Отбыть из Севастополя на той же подводной лодке приказали также Петрову, командирам ряда соединений и частей нашей армии, многим работникам штарма. Майор Безгинов стал по телефонам и радио соединяться с теми, кто вызывался для этого на 35-ю батарею. Другая находившаяся в Севастополе лодка предназначалась для моряков и городских руководителей. Октябрьский, Кулаков и некоторые наши армейцы, в том числе Кузнецов, Коломиец, Ласкин, Ермилов, улетали самолетами.

Во временное командование остатками войск Севастопольского оборонительного района вступал командир 109-й стрелковой дивизии и комендант первого сектора обороны (в пределах этого сектора находилась почти вся не занятая врагом территория СОР) генерал-майор П. Г. Новиков. Насколько мне известно, ему была поставлена задача обеспечить удержание небольшого плацдарма с причалами в течение двух суток, после чего разрешалось уйти на одном из кораблей, которые должны были прийти за севастопольцами. Генерал Новиков эту задачу выполнил, но катер, которым он отбыл на Кавказ, был атакован пятью вражескими, и Петр Георгиевич раненым попал в плен. Он погиб в фашистских застенках, не запятнав чести советского генерала.

* * *

…Подводная лодка "Щ-209" (командовал ею капитан 8 ранга

6. И. Иванов) стояла на рейде, сильно раскачиваемая волной. Перебраться на нее с катерка оказалось не так-то просто — еще давала себя знать рана. Но моряки необыкновенно ловко переправили меня с борта на борт на развернутой шинели. Командарм, Чухнов, Моргунов и многие другие наши товарищи были уже на лодке.

Трехдневный переход до Новороссийска, почти все время под водой, на большой глубине, был для нас, неморяков, нелегким. Лодку преследовали и бомбили вражеские катера, не хватало воздуха. Немалую часть этого пути я провел в тяжелом полузабытьи — сказалось перенапряжение последних недель.

Но едва прояснялось сознание, все мысли вновь обращались к Севастополю. Поднималось острое чувство тревоги за тех, кто там остался и все еще сражается на клочке крымской земли, впитавшей уже так много крови. Командир нашего корабля сказал, что принята радиограмма, адресованная всем подводным лодкам, следующим в Севастополь с разными грузами. Им приказывалось выбросить груз за борт и идти порожняком за людьми. Но дойдут ли туда эти лодки и много ли людей смогут взять?..

Теперь известно, что героическая борьба на последних "островках" раздробленного севастопольского плацдарма, на последних твердынях этого огненного бастиона длилась еще немало дней — до 9-го, а кое-где до 12 июля. И в первую официальную дату захвата Севастополя гитлеровцами (этой датой считалось сначала 3 июля) наша военная история давно внесла поправку. На самых последних днях Севастопольской обороны, на этом исполненном величайшей героики ее эпилоге я не останавливаюсь лишь потому, что автор мемуаров не вправе писать о событиях, которым он не был свидетелем.

Мне выпало счастье, доставшееся не всем севастопольцам, — участвовать в боях и сражениях, в которых Советская Армия не оборонялась, а наступала, не отбивалась от яростного натиска врага, а громила фашистских захватчиков и гнала их с нашей земли. Но именно то, что я увидел, испытал, пережил за месяцы Севастопольской обороны, помогло мне сильнее, чем когда-либо с начала войны, почувствовать: эти победные бои и сражения близятся, и не враг нас, а мы его одолеем.